

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

7 / 2013

Журнал

«Семь искусств»

Июль 2013

Главный редактор
Евгений Беркович

Редакционная коллегия:
Лев Бердников, Борис Болотовский, Эдуард Бормашенко,
Юлий Брук, Элла Грайфер, Лорина Дымова, Борис Дынин,
Игорь Ефимов, Александр Журбин, Виктор Каган,
Борис Кушнер, Александр Ласкин,
Борис Тененбаум, Артур Штильман

Ответственный секретарь Изабелла Победина

ISBN 978-1-291-51079-9

«Семь искусств»
Ганновер 2013

Журнал

«Семь искусств»

Июль 2013

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

Компьютерная вёрстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

«Семь искусств»
Ганновер 2013

Содержание

Мир науки

Евгений Беркович	
Одиссея Петера Прингсхайма.....	5
Семен Кутателадзе	
Л.В. Канторович: математик и экономист.....	27

Культура

Татьяна Кузовлева	
«Не забывай незабываемого...»	39
Игорь Ефимов	
Про философов и учёных	50
Генрих (Хаим) Соколик	
Огненный лед	63

Галерея

Люсьен Фикс	
Удивительная жизнь Сэма Букаца – портретиста и живописца.....	110

История и современность

Борис Тененбаум	
Главы из книги "Гитлер"	119

Мемуары

Елена Аксельрод	
Кое-что	132
Людмила Штерн	
Возвращение Главы из книги	147
Садя Фридман	
Фрагменты воспоминаний	160

Психологические тетради

Виктор Каган	
Характер.....	183

Драматическая социология

Андрей Алексеев	
Корни и ветви	193

Поэзия

Борис Кушнер	
Царство твоё взвешено	253
Жанна Свет	
Стихи. 2005-2011.....	285

Александр Бабушкин	
«Слова, словам, словами, о словах...».....	293
Александр Городницкий	
Ода Кипплингу.....	305

Проза

Рада Полищук	
На краю света и тени	312
Мина Полянская	
Пентесилея и её сын. Две новеллы.....	345
Елена Матусевич	
Счастье. Два рассказа	353
Семен Ласкин	
Мотя из семьи Дырочкиных	357
Владимир Порудоминский	
"Мы теряем лета наши, как звук..."	378

Переводы

Владимир Гандельсман, Валерий Черешня	
Стихотворения Симора Гласса	384

Люди

Памяти Владимира Семеновича Высоцкого

Геннадий Брук	
Воздух поэзии.....	389
Соломон Воложин	
Песни Высоцкого с эстетической точки зрения.....	434
Ян Майзельс	
О чем пел Высоцкий?	495
К 85-летию Владимира Порудоминского	
Евсей Цейтлин	
Загадка Владимира Порудоминского.....	504

Читальный зал

Михаил Сидоров	
Нехорошая пятимерная квартира	509
Ирина Маулер, Михаил Юдсон	
Дороги Городницкого.....	514

Страны и народы

Михаил Моргулис	
Вечная великая песня – Париж.....	518
Об авторах	528

Евгений Беркович

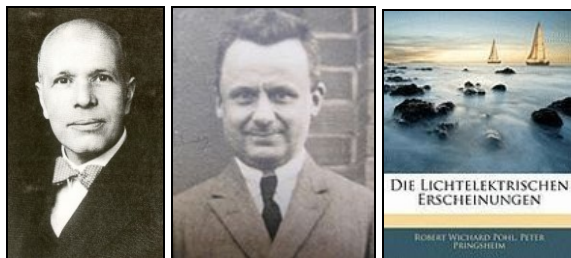
Одиссея Петера Прингсхайма

(продолжение. Начало в №5/2013 и сл.)

Лагерь «Трайел Бэй»

аучная карьера Петера Прингсхайма развивалась поначалу как у большинства его коллег. Он с головой погрузился в физические эксперименты по фотоэффекту, которые проводил вместе с Робертом Полем¹. Результаты они публиковали в совместных статьях, представляли коллегам в виде докладов на конференциях.

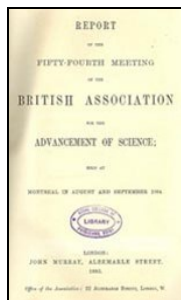
Петер Прингсхайм, Роберт Польш
и их книга "Светоэлектрические явления"

Уже в 1909 году, всего через год после начала работы в Физическом институте Берлинского университета, Петер принял участие в научной конференции Британской ассоциации содействия прогрессу в науке («British Association for the Advancement of Science»). В том году конференция проходила в канадском городе Виннипеге. Петер выбрал именно эту конференцию не в последнюю очередь из-за уже упомянутой симпатии ко всему английскому.

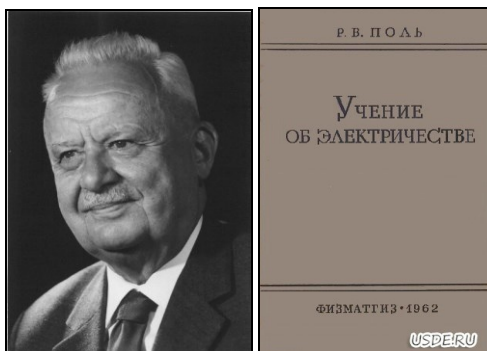
¹ Роберт Польш (Robert Wichard Pohl, 1884-1976) – немецкий физик-экспериментатор, профессор Гёттингенского университета, директор Физического института, член Гёттингенской академии наук.

О других результатах, полученных Прингсхаймом и Полем, друзья докладывали на научных семинарах в Австрии в 1913 году и во Франции – в 1914. В том же 1914 году очередная конференция Британской ассоциации должна была состояться в другой стране Британского империи – далекой Австралии. Расстояние не смутило Петера, и он решил еще раз пообщаться с британскими коллегами. Знай он, как развернутся события, никогда бы не отправился на другой конец Земли за новыми впечатлениями. Но кто может предвидеть свою судьбу?

Титульный лист одного из докладов конференции Британской ассоциации

Конференция уже шла к концу, когда разразилась война, названная впоследствии «Первой мировой», а тогда известная под именем «Великая». Все граждане Германии были объявлены в Австралии, считавшейся союзницей Антанты, «враждебными иностранцами». Им был запрещен выезд из страны, более того, они должны были содержаться под стражей в специальных концентрационных лагерях.

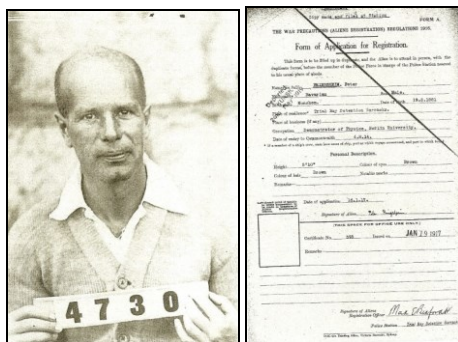
Роберт Поль в зрелом возрасте и его книга

Вместе с Прингсхаймом был арестован и другой ученый, прибывший на конференцию Британской ассоциации – антрополог и

этнограф Роберт Фриц Гребнер². Следующие пять лет обоим ученым суждено было прожить в одном лагере, перенося общие лишения и невзгоды.

Решение о задержании было принято на самом высоком уровне. В секретном приказе начальника Генерального штаба австралийских вооруженных сил командиру Третьего военного округа Сиднея от 22 августа 1914 года говорилось:

«Следующие члены Британской ассоциации содействия прогрессу в науке д-р Гребнер и д-р Прингсхайм являются офицерами запаса германской армии, и им запрещается покидать Австралийский Союз. Пожалуйста, примите необходимые меры»³.

Петер Прингсхайм в лагере и лист его регистрации

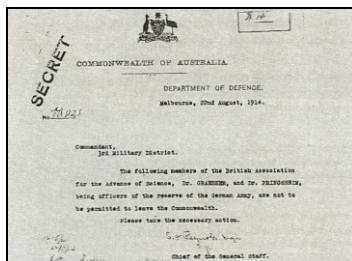
Так как Прингсхайм и Гребнер были приглашены в страну для участия в конференции австралийским правительством, то власти решили сделать исключение для обоих ученых и отпустить их домой, если они письменно обязуются в течение войны не предпринимать ничего против Великобритании и союзников. Долгое время среди историков, описывавших эти события, считалось, что оба почетных участника конференции Британской ассоциации гордо отказались подписывать декларацию, и поэтому были интернированы⁴.

² Роберт Фриц Гребнер (Robert Fritz Graebner, 1877-1934) – немецкий этнограф, основатель культурно-исторической школы, создатель теории «культурных кругов».

³ Копия приказа (в оригинале на английском) опубликована в работе *Bade James N. „Eine beispielelose Trennung“*. In Thomas Mann Jahrbuch, Band 23. Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M. 2010, S. 224. Отметим, что автор этой работы ошибочно связывает приказ начальника Генерального штаба со злосчастным письмом Гребнера жене (см. ниже). Приказ датирован 22 августа, тогда как о письме властям не было ничего известно вплоть до середины октября.

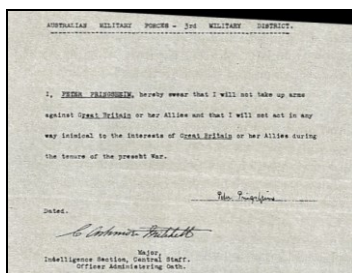
⁴ См., например, *Wehefritz Valentin. Gefangener zweier Welten*. Prof. Dr. phil. Dr. rer. nat. h.c. Peter Pringsheim (1881-1963) (см. прим. 50), стр. 23, и

Опубликованные недавно документы австралийских военных эту красивую легенду опровергают. Сохранился экземпляр декларации, собственноручно подписанный Петером Прингсхаймом. Декларация прилагалась к докладной записке полковника Вэллека (E.T. Wallack), командира второго военного округа в Сиднее, статс-секретарю австралийского министерства обороны. Докладная записка датирована шестнадцатым октября 1914 года и подтверждает, что Гребнер тоже подписал декларацию двенадцатого октября 1914 года. Оба ученых должны были покинуть Австралию 24 октября и на корабле «Вентура» («Ventura») отправиться сначала в Америку, а потом на родину, в Германию⁵.

Распоряжение Генерального штаба

Все испортило одно письмо Гребнера жене, в котором этнограф весьма неслестно отозвался и об австралийцах, и об англичанах, ведущих с немцами войну.

Декларация, подписанная Прингсхаймом

Письмо перехватила военная цензура, власти сделали вывод, что Гребнер, подписывая декларацию, был неискренен, и запретили ему покидать Австралию.

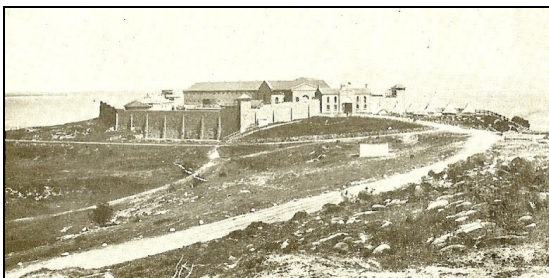
работы *Fischer Gerhard*. Beethoven's Fifth in Trial Bay: Culture and Everyday Life in Australian Internment Camp during World War I. In Journal of the Royal Australian Historical Society, Vol. 69, Pt.1, 1983, S. 49.

⁵ *Bade James N.* „Eine beisspiellose Trennung“ (см. прим. 69), S. 219.

Заодно не разрешили вернуться домой и Петеру Прингсхайму, хотя он себя ничем не скомпрометировал. На упомянутой докладной записке полковника Вэллека от 16 октября 1914 года стоит резолюция министерства обороны: *«отказать в разрешении покинуть Австралию, этот человек должен быть взят под наблюдение, как и доктор Прингсхайм»*⁶.

О невинности Петра Прингсхайма говорит донесение одного из офицеров разведки своему начальнику от 7 ноября 1914 года. Относительно немецкого физика разведчик докладывает: *«Все письма доктора, как входящие, так и исходящие, были подвергнуты цензуре, и ничего подозрительного в них обнаружено не было»*⁷.

Тем не менее, Петера, как и его товарища по несчастью Гребнера, на долгие пять лет отправили в концентрационный лагерь. Всего в Австралии в качестве «враждебных иностранцев» задержали 6890 человек, среди них 84 женщины и 67 детей. Для их содержания под стражей было организовано шесть лагерей. Ученые из Германии попали в лагерь «Трайел Бэй» («Trial Bay», что можно перевести как «Залив испытаний»). Он выделялся среди других мест заключения и своим географическим положением, и составом заключенных. В нем содержалось около пятисот человек, что совсем не много по сравнению с самым крупным лагерем «Холсворсти» («Holsworsthy»), где томились от пяти до шести тысяч заключенных.

Вид лагеря "Трайел Бэй"

Лагерь «Трайел Бэй» располагался на восточном побережье Австралии, в пустынной местности на расстоянии примерно 500 километров от Сиднея. В конце девятнадцатого века в этом удаленном от цивилизации месте решили построить трудовой лагерь для перевоспитания преступников. Планировалось соорудить в заливе огромную дамбу, чтобы сделать заход судов в предполагаемый в этом месте порт безопасным. Ожидания, однако, не оправдались: и преступники не собирались радикально меняться в результате подневольного труда, и строящуюся дамбу смыло сильными штормами в

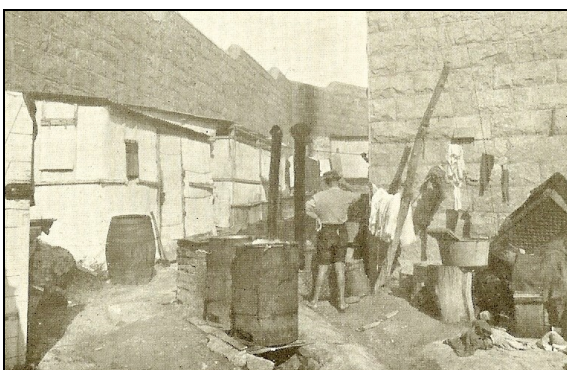
⁶ Там же, стр. 223.

⁷ Там же.

1892, 1893 и 1902 годах. Поэтому в 1903 году от строительства порта в заливе отказались. Заодно приказала долго жить и красивая идея перевоспитания преступников в живописном месте. Лагерь на берегу залива долгое время стоял заброшенным и никому не нужным, пока с началом мировой войны не возникла необходимость содержать где-то тысячи «враждебных иностранцев».

К категории «враждебных» относились не только граждане Германии, оказавшиеся в Австралии в августе 1914 года, но и австралийцы, родственники которых имели гражданство воюющих с Великобританией и Австралией стран. При малейшем сомнении в лояльности правительству Австралии их тоже арестовывали и отправляли в лагерь.

Стирка белья в лагере "Трайел Бэй"

Яркий пример – доктор Макс Герц, один из лучших ортопедов-хирургов Австралии. Он приехал в Сидней в 1910 году с женой-австралийкой, с которой познакомился в Новой Зеландии, где жил постоянно с 1903 года. В Австралии доктор Герц быстро завоевал славу врача-гения: он успешно делал операции больным детским параличом и с врожденными деформациями конечностей, причем часто спасал людей, признанных другими врачами неизлечимыми. Естественно, что наряду со славой, доктор Герц приобрел немало завистников среди коллег-врачей. Австралийская медицинская ассоциация внесла доктора Герца в «черный список» ненадежных лиц, и 19 мая 1915 года, через несколько недель после рождения своего первого ребенка, Герц был арестован и провел почти пять лет в «Трайел Бэй», где стал уважаемым всеми лагерным врачом и руководителем местного театра⁸.

В австралийские концлагеря свозили «враждебных иностранцев» со всех британских доминионов в Юго-Восточной Азии, из Сингапура и Цейлона, из британских и бывших немецких островов Тихого океана:

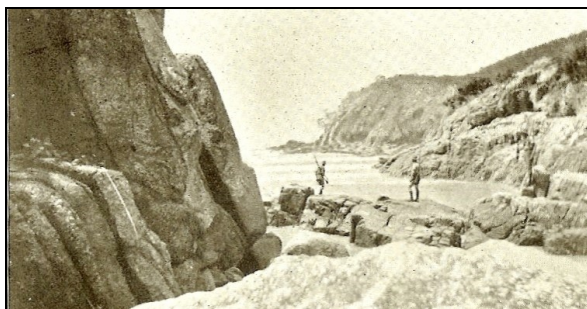
---

⁸ *Fischer Gerhard. Beethoven's Fifth in Trial Bay: Culture and Everyday Life in Australian Internment Camp during World War I. (см. прим. 70), S. 49.*

Новой Гвинеи, Самоа, Фиджи... Австралия снова стала «британской тюрьмой», какой была в девятнадцатом веке.

От других лагерей Австралии «Трайел Бэй» отличался не только географическим расположением, но и контингентом заключенных. Здесь была собрана в некотором роде элита: морские офицеры, крупные торговцы, университетские преподаватели, пасторы, врачи, журналисты... Среди заключенных находились даже немецкие консулы из Тасмании и Западной Австралии.

В других лагерях процент собственно «криминального элемента» был существенно выше. Власти специально не смешивали разные слои общества, чтобы избежать дополнительной напряженности. Поэтому атмосфера в «Трайел Бэй» сильно отличалась в лучшую сторону от других мест заключения в Австралии.

За пределами лагеря

Естественно, что родным Петера его положение казалось ужасным. Его мать, теща Томаса Манна Хедвиг Прингсхайм в письме от 3 декабря 1915 года сообщала старшей подруге Каролине Бьёрнсон⁹:

*«У нас все еще более или менее сносно; один сын служит офицером на фронте, старший находится в австралийском концентрационном лагере для военнопленных и отрезан от мира колючей проволокой, младший с женой и ребенком дома, занят своей профессией»*¹⁰.

Здесь сын-офицер – это Хайнц Прингсхайм, служивший лейтенантом в кавалерии¹¹, «старший сын», конечно, – Петер Прингсхайм, а младший – близнец Кати Клаус.

---

⁹ Каролина Бьёрнсон (Karoline Björnson, 1835-1934) – норвежская актриса, жена лауреата Нобелевской премии по литературе норвежского поэта и писателя Бьёрнстjerne Бьёрнсона (Björnstjerne Björnson).

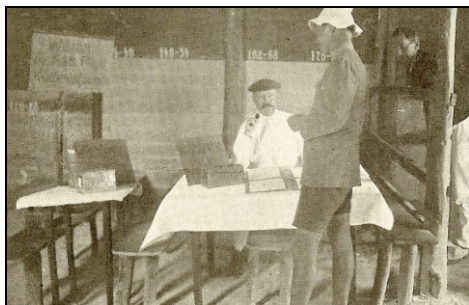
¹⁰ *Wiedemann Hans-Rudolf*. Thomas Manns Schwiegermutter erzählt. Lebendige Briefe aus großbürgerlichem Hause. Grafische Werkstätten, Lübeck 1985, S. 36.

¹¹ *Mendelssohn Peter de*. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann. Bd. 2. Fischer Taschenbuch Verlag 1997, S.

Сам Томас Манн тоже считал судьбу Петера трагической. В письме профессору Фрайбургского университета Филиппу Виткопу¹² от 14 ноября 1914 года он писал:

«Брат моей жены – кавалирист-лейтенант во Фландрии и уже имеет Железный крест; другой сидит как военнопленный в Австралии, и это для него хуже всего, пусть даже не в смысле физического состояния»¹³.

По словам биографа Томаса Манна Клауса Харппрехта, дети в семье Маннов каждый вечер перед сном молились за дядю Петера Прингсхайма, которого разразившаяся война «застала врасплох в далекой Австралии, где его тут же интернировали»¹⁴.

Выборы лагерного "бургомистра"

Слова «за колючей проволокой», употребленные Хедвиг Прингсхайм, могли бы быть применены к «Трайел Бэй» лишь в переносном смысле: никакой колючей проволоки в лагере не было. Заключение могли с шести утра до шести вечера свободно выходить за ворота, заниматься спортом, просто гулять по полуострову, на котором располагался лагерь. Рельеф позволял охранникам со смотровой вышки держать под контролем всех заключенных, вышедших за ограду. За пределами лагерных стен находились спортивные площадки, в том числе, теннисные корты, построенные самими заключенными.

Особым преимуществом «Трайел Бэй» было расположение лагеря на берегу теплого залива. Климатические условия Австралии позволяли купаться практически круглый год, и это придавало жизни в лагере черты морского курорта. пляж с мелким песком протянулся на несколько сотен метров от лагерных ворот. Прямо на пляже

1588.

¹² Филипп Виткоп (Philipp Witkop, 1880-1942) – немецкий филолог, специалист по новой немецкой литературе.

¹³ Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 22. Briefe II. 1914-1923 (см. прим. 1), стр. 45.

¹⁴ Harpprecht Klaus. Thomas Mann. Eine Biographie. Rowohlt, Reinbek bei Hamburg 1995, S. 390.

располагалось кафе «Логово художника», тоже построенное самими заключенными. Оно стало центром социальной жизни лагеря, в нем проводились различные собрания, выбирался Комитет лагеря, руководивший разнообразными комиссиями, кружками и секциями.

Еда в «Трайел Бэй» была более высокого качества, чем в других местах заключения в Австралии. Официальный рацион пополнялся овощами, выращенными самими заключенными, и пойманной в океане рыбой. Другие продукты можно было купить в буфете. В лагере действовал и ресторан для тех, кто имел деньги заплатить за кулинарные наслаждения – часть заключенных получали денежные переводы от родных и от фирм, с которыми были связаны. Рождественское меню 1917 года дает представление об уровне жизни в «Трайел Бэй», хотя нужно сделать скидку на то, что это праздничная еда: *«мясной бульон в чашке - филе кенгуру в голландском соусе с отварным картофелем – английский ростбиф с букетом гарни – жаренный гусь с салатом – лимонный пудинг – фрукты – кофе»*¹⁵.

Памятник погибшим в лагере заключенным

Однако атмосфера курорта и праздника – лишь внешняя сторона жизни в «Трайел Бэй». Лишение свободы, пусть даже в золотой клетке, тяжело отражалось на психике людей, вырванных волею обстоятельств из привычной жизни. Отчеты доктора Герца официальным комиссиям из Мельбурна свидетельствуют о развитии у многих заключенных неврозов и сердечных заболеваний. От тоски и уныния спасала бурная общественная активность в лагере.

Благодаря заключенным из Сингапура, захватившим с собой книги, в лагере имелась библиотека в две с половиной тысячи томов. Специальная комиссия по образованию координировала систематические лекции по самым разным направлениям науки и культуры. В среднем заключенные «Трайел Бэй» могли посещать по две лекции в неделю. Тематика лекций поражает широтой. Здесь и современная физика, и

---

¹⁵ Fischer Gerhard. Beethoven's Fifth in Trial Bay: Culture and Everyday Life in Australian Internment Camp during World War I (см. прим. 70), стр. 51.

геология, и общественные науки, философия и теология, астрология и метеорология, химия, немецкая и австрийская история, экономика и финансы...

В отдельном здании, которое называлось «Школа Берлица¹⁶», проводились занятия по изучению большинства европейских языков, включая русский. Любители экзотики изучали также китайский и малайский языки.

Чтобы не терять времени зря, многие овладевали вторыми профессиями, им в помощь в лагере действовали курсы стенографии и черчения, навигации и высшей математики. Гордостью «Трайел Бэй» были курсы машинистов морских кораблей. Обучением руководил д-р Пупке (Pupke), сотрудник Германо-Австралийской пароходной компании. Выпускникам курсов выдавался сертификат машиниста первого класса¹⁷.

Заключенным нравилась лагерная еженедельная газета «*Mir po понеделньникам*». Газета финансировалась подписчиками, коих в лагере набралось 260 человек. Каждый платил по шесть пенсов за экземпляр газеты, состоящей в среднем из шестнадцати страниц. В культурной жизни лагеря важную роль играли театр, руководимый доктором Герцем, и оркестр, состоящий из четырнадцати музыкантов под руководством дирижера доктора Мюллера. Любители живописи и графики имели возможность регулярно устраивать выставки своих работ.

Короче, возможностей реализовать себя в качестве любителя в той или иной сфере науки или культуры было вдоволь. Но условий для занятий наукой на профессиональном уровне в лагере, естественно, практически не существовало.

Вся переписка заключенных проходила лагерную цензуру. В письмах запрещалось касаться политического и военного положения в мире, нельзя было высказываться в пользу врагов Антанты или критиковать австралийские власти и их союзников. Любые непонятные фрагменты писем рассматривались как попытка передать зашифрованную информацию, такие письма немедленно конфисковывались.

В письмах разрешалось касаться только семейных и деловых вопросов, имевших отношение к прошлой деятельности заключенного. К счастью для Петера Прингсхайма, письма и книги, посвященные физическим проблемам, были отнесены лагерной цензурой именно к деловым вопросам.

В Австралии нашлись коллеги, которые помогали Прингсхайму оставаться в курсе научных новостей. Уже в декабре 1914 года профессор Мельбурнского университета Томас Лайл¹⁸ получил разрешение посещать

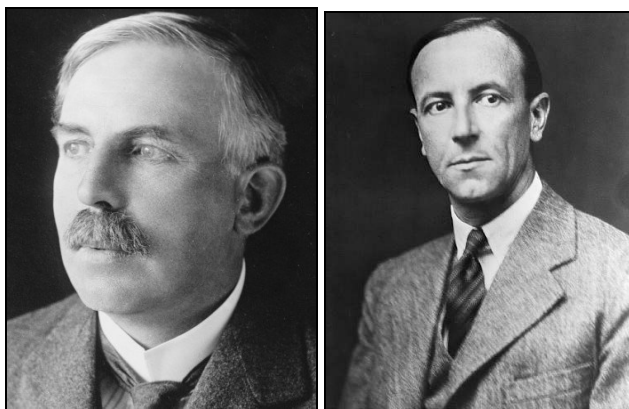
---

¹⁶ Имя своего основателя Максимилиана Берлица (Maximilian Berlitz, 1852-1921, урожденный Давид Берлицхаймер) носят многочисленные языковые школы и курсы в разных странах.

¹⁷ Fischer Gerhard. Beethoven's Fifth in Trial Bay: Culture and Everyday Life in Australian Internment Camp during World War I (см. прим. 70), стр. 53.

¹⁸ Томас Лайл (Thomas Lyle, 1860-1944) – эмигрировавший из Англии в Австралию математик и физик, член Королевского общества Великобритании, профессор Мельбурнского университета.

заключенного Прингсхайма. Вместе с профессором Сиднейского университета Джеймсом Артуром Полоком¹⁹ они снабжали Петера специальной физической литературой. Каждая книга или научный журнал тоже проходили тщательную цензурную проверку, и только после этого попадали в руки изголодавшего по информации молодого ученого. Заключенным позволялось иметь не более двух книг или журналов, поэтому нехватку научной информации Петер ощущал постоянно. Но все же хоть какой-то ручеек свежих данных о положении в физике позволял ему не терять окончательно квалификации и оставаться в строю научных работников. Без этого жизнь в заключении стала бы невыносимой.

Эрнест Резерфорд и Джеймс Чедвик

Помогала и переписка с коллегами, хотя такие письма писались нечасто. Например, 15 ноября 1916 года Прингсхайм отправил письмо легендарному Эрнесту Резерфорду²⁰, создателю планетарной модели атома, в то время профессору Манчестерского университета, с просьбой прислать последние данные по интересующей Петера проблеме. Резерфорд имел обширную переписку с учеными разных стран. Не зря он имел славу выдающегося учителя и руководителя научной школы: двенадцать его учеников стали нобелевскими лауреатами по физике и химии. Сам великий британский ученый, признанный отцом современной ядерной физики, родился в Новой Зеландии. Он получил свою Нобелевскую премию по химии в 1908 году *«за проведенные им*

---

¹⁹ Джеймс Артур Поллок (James Arthur Pollock, 1865-1922) - эмигрировавший из Англии в Австралию физик и астроном, член Королевского общества Великобритании, профессор Сиднейского университета.

²⁰ Эрнест Резерфорд (Ernest Rutherford; 1871-1937) – знаменитый британский физик, профессор Кембриджского университета, директор Кавендишской лаборатории, лауреат Нобелевской премии по химии за 1908 год.

исследования в области распада элементов в химии радиоактивных веществ».

Любопытно, что одним из корреспондентов Резерфорда был его ученик, британский физик, будущий Нобелевский лауреат Джеймс Чедвик²¹. История любит создавать занятные параллели.

Как раз в те годы, когда Петер Прингсхайм томился в лагере для интернированных лиц в Австралии, Джеймс Чедвик тоже оказался «враждебным иностранцем», но только в Германии и был интернирован в аналогичный лагерь в берлинском районе Рулебен (Ruhleben). Правда, в отличие от Прингсхайма, Чедвик мог продолжать свои физические эксперименты в лагере, чему способствовало ходатайство его коллеги, уже известного нам другого ученика Резерфорда Ганса Гейгера, вернувшегося в Берлин из Манчестера незадолго до начала мировой войны. Именно Гейгер пригласил Чедвика в Берлин для продолжения совместной работы, став невольной причиной его долгого заточения.

«Неповторимая встреча»

В лагере Петер размышлял над физической природой фотолюминесценции, как раз над этой проблемой работал Резерфорд со своими учениками. Люминесценция, или холодное свечение, известно каждому, кто наблюдал светящихся в темноте насекомых (светлячков), морских рыб, гнилушек или видел «фосфоресцирующие» краски и светящиеся в темноте шкалы приборов. Величественное полярное сияние - тоже вариант этого явления. Добавление словечка «фото» означает, что люминесценция вызвана предварительным освещением предмета.

Напряженные размышления о фотолюминесценции в течение всех пяти лет заключения не оказались безрезультатными – когда после пятилетнего отсутствия Петер Прингсхайм в июле 1919 года снова оказался в Берлине, он привез с собой практически готовую рукопись книги *«Флюоресценция и фосфоресценция в свете новейшей атомной теории»*, ставшей основой его возвращения в большую науку.

Но этого счастливого момента Петеру пришлось ждать еще целый год с момента окончания мировой войны – так долго тянулась бюрократическая процедура освобождения из лагеря. И только в июне 1919 года началось возвращение домой. Сначала долгое и мучительное плавание на пароходе «Курск», который до 1918 года принадлежал Русскому Восточно-Азиатскому обществу, дочерней компании датской Восточно-Азиатской компании. После революции в России пассажирские пароходы этой компании были проданы вновь образованной «Балтийско-американской линии» («Baltic American Line») под управлением английской фирмы «Cunard Line».

---

²¹ Джеймс Чедвик (James Chadwick; 1891-1974) — английский физик, член Лондонского королевского общества, профессор Кембриджского университета, лауреат Нобелевской премии по физике за 1935 год «За открытие нейтрона».

Пароход «Курск» был специально оборудован для перевозки большого числа людей, не претендовавших на какие-то удобства. До войны он перевозил эмигрантов из Европы в Америку, а после войны его приспособили для перевозки бывших лагерных заключенных. Российский историк Анатолий Хаеш нашел в Российском государственном историческом архиве рапорт начальника III отделения Департамента общих дел МВД А.С. Путилова о его инспекционной поездке в 1911 году по Северо-Западному краю. В этом рапорте присутствует описание парохода «Курск», самого большого пассажирского судна Русского Восточно-Азиатского общества:

«...пароход "Курск", кроме помещений первого и второго классов, рассчитан на 1700 человек эмигрантов, причем устроены отделения для семейных и для одиноких мужчин и женщин. Эти отделения представляют собой большие светлые помещения над водой, с железными кроватями-нарами в два этажа с матрацами, подушкой, простыней и одеялом. Ночью горит электричество, имеются особые столовые, служащие также залой для развлечений»²².

На корабле "Курск"

Очевидцы, описывавшие транспортировку заключенных из Австралии, рисуют плавание не таким комфортным, как его изобразил инспектор российского МВД. И число пассажиров сильно превышало запланированную вместимость трюмов, и на верхние палубы не разрешалось выходить, чтобы не было контактов с пассажирами первого и второго классов²³. Капитан корабля запретил команде разговаривать с бывшими заключенными, опасаясь, что среди них есть злостные преступники. Т.е. бывшие австралийские заключенные все еще

---

²² Хаеш Анатолий. Еврейская эмиграция по материалам фонда Департамента общих дел МВД в РГИА. Альманах «Еврейская Старина», №2 2003.

²³ Trojan Martin. Hinter Stein und Stacheldraht, australische Schattenbilder. Druck von C. Schunemann, Bremen 1922, S. 233-242.

оставались заключенными на корабле «Курск» и после освобождения из лагеря. И страдали от нештадной качки, недостатка еды и дикой скученности. Не заставила себя ждать и эпидемия гриппа, поразившая сотни пассажиров, метавшихся с высокой температурой на нарах. Десятки больных умерло в пути, и их тела сбрасывали в море, не дожидаясь прихода в гавань.

Через шестнадцать суток «Курск» прибыл в южноафриканский порт Дурбан, откуда в Европу уже регулярно курсировали корабли различных пароходных компаний. В конце июля на вокзале в Мюнхене Петра встречали с цветами в руках счастливые родители и Катя с детьми. Томаса Манна среди встречавших не было. Он с 15 июля по 6 августа был гостем Самуэля Фишера, проводившего отпуск в небольшом городке Глюксбург (Glücksburg) на западе Балтийского моря²⁴. Так что исполнить свое клятвенное обещание обнять Петра, как только он снова будет на родине, данное в письме от 18 декабря 1915 года²⁵, писателю удалось не сразу.

В дневниковой записи от 31 июля 1919 года, сделанной в Глюксбурге, Манн отметил:

«Петер вернулся из Австралии, после 48-часовой поездки на поезде за государственный счет. Морское путешествие было ужасным из-за гриппа. Двадцать трупов, выброшенных за борт, даже без остановки машины. Сам он в хорошем состоянии, загорел, в остальном ничуть не изменился, в его сознании нет ничего националистического или „реакционного“, чем поражены все кругом. Родители, К.[атя] и четверо детей на вокзале с цветами. Мне очень жаль, что я это пропустил. Вчера сердечно телеграфировал»²⁶.

***

В этом месте сделаем небольшое отступление и отметим одно событие, случившееся во время отпуска Томаса Манна в Глюксбурге. Оно сыграло немалую роль в его жизни, оставив след и в его творчестве. В начале августа 1919 года писатель узнал, что стал почетным доктором наук. Эту честь оказал ему философский факультет Рейнского университета имени Фридриха-Вильгельма в Бонне. Торжественная процедура присуждения званий почетных докторов была приурочена к столетию боннского университета.

За свою долгую жизнь Томас Манн становился почетным доктором наук четырнадцати университетов разных стран²⁷. Часто эти награждения оказывались не совсем обычными. Например, в дневниковой

---

²⁴ Heine Gert, Schommer Paul. Thomas Mann Chronik. Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M. 2004, S. 93-94.

²⁵ См. прим. 41.

²⁶ Mann Tomas. Tagebücher. 1918-1921. Herausgeben von Peter de Mendelssohn. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1979, S. 286. Далее сноски в тексте: Tagebücher с указ. страницы.

²⁷ Schirnding Albert von. Die 101 wichtigsten Fragen. Thomas Mann. Verlag C.H.Beck, Nördlingen 2008, S. 138.

записи в июне 1953 года писатель описывает церемонию в Кембриджском университете и отмечает: «Редкость двойного доктората в Кембридже и Оксфорде»²⁸. В основном докторские степени присуждались по философии и филологии. В Германии только два университета пошли на такой шаг – Боннский и Йенский. В 1955 году в университет города Йена, входившего в состав еще существовавшей тогда Германской демократической республики, поступило предложение наградить писателя в связи с приближающимся его восьмидесятилетием. Философский факультет университета в Йене отказался признать Манна своим доктором, и тогда медицинский факультет решил присвоить ему звание почетного доктора медицинских наук. Чтобы не раздувать скандал и не выставять на посмешище ни университет, ни лауреата, в дело вмешались власти ГДР из Берлина, и звание было все же изменено на «доктор философии».

Томас и Катя Манн и Петер Прингсхайм во время
присуждения писателю очередного звания доктор наук, 27.3.41, США

Весьма показательно, что университет баварской столицы, в которой Манн прожил полжизни, не удостоил писателя такой чести. Конфликт Манна с «вагнеровским городом Мюнхен», начавшийся задолго до прихода Гитлера к власти, фактически не угас до конца его жизни и продолжается по сей день, просто перейдя из открытой фазы в скрытую.

Необычным было и присвоение звания почетного доктора Боннского университета. И не только потому, что это было первое официальное признание заслуг Томаса Манна как писателя. С этим награждением связан крупный политический скандал, развернувшийся через семнадцать лет, в 1936 году, когда нацистские власти лишили писателя немецкого гражданства, а Боннский университет вычеркнул Томаса Манна из списка своих почетных докторов. Эта история получила продолжение после крушения Третьего рейха, когда обновленный

---

²⁸ *Mann Tomas. Tagebücher. 1953-1955. Herausgeben von Inge Jens. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1995, S. 68.*

философский факультет в Бонне снова вернул писателю его почетный титул и прислал новый диплом.

Столетний юбилей Рейнского университета в Бонне должен был отмечаться в 1918 году, но из-за продолжавшихся еще боевых действий был отодвинут на год. Первая мировая война закончилась Компьенским перемирием 11 ноября 1918 года: в железнодорожном вагоне маршала Фердинанда Фоша в французском Компьенском лесу представители Антанты и Германии подписали соглашение о прекращении военных действий. Ровно в 11 часов был дан 101 залп салюта, и они стали последними залпами первой страшной войны двадцатого века. И хотя Рейнская область, включая Бонн, с декабря 1918 года была оккупирована войсками Антанты, руководство университета решило провести юбилейные торжества в августе 1919 года. Основная церемония была назначена на 3 августа, день рождения кайзера²⁹, чье имя носил университет.

Почетный доктор наук (Dr. h.c. – от лат. *honoris causa*) – высокое научное звание, не ниже второй докторской степени. В Германии звание «доктор» ценится больше, чем в других странах, оно сопровождает своего владельца всю жизнь и обязательно для использования во всех официальных документах, словно это дворянский титул. Кому, скажем, в России или в США придет в голову при регистрации в гостинице или в счете за мелкий ремонт обуви указывать научную степень клиента? А в Германии до сих пор это норма.

В отличие от обычной докторской степени претендент на звание почетного доктора не должен защищать никаких диссертаций. Решение о присуждении этого титула принимает исключительно Ученый совет университета. По случаю столетнего юбилея университета этой чести удостоились десять человек, из них только Томас Манн являлся свободным художником слова. Остальные почетные доктора уже были известными учеными в своих областях знаний. Немало достойных кандидатов было отсеяно на ранних стадиях обсуждения претендентов.

Получить звание почетного доктора в Германии – задача очень непростая. В этом Томас Манн смог еще раз убедиться буквально в те же дни, когда к нему пришла радостная весть о присвоении ему этой степени. Под впечатлением случившегося Томас решил сделать такой же подарок своему верному другу-издателю, с которым вместе отдыхал в Глюксбурге, к предстоящему круглому юбилею – 24 декабря 1919 года Самуэлю Фишеру исполнялось шестьдесят лет. Сразу по возвращению домой, 10 августа 1919 года, Манн отправил другому знаменитому писателю, Герхарду Хауптману³⁰, чьи книги тоже издавались у Самуэля Фишера, письмо, в котором изложил свою идею.

---

²⁹ Фридрих Вильгельм III (Friedrich Wilhelm III.; 3 августа 1770, Потсдам — 7 июня 1840, Берлин) — король Пруссии с 16 ноября 1797.

³⁰ Герхард Гауптман (Gerhart Hauptmann; 1862-1946) — немецкий писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год.

«Близится шестидесятилетие господина С.Фишера. Я думаю, что было бы прекрасно и справедливо, если бы умному, доброму, заслуженному человеку, которого я сейчас во время продолжительной совместной жизни в Глюксбурге смог по-настоящему узнать и оценить, досталось бы по этому поводу официальное признание. Вы, если я не ошибаюсь, знакомы с прусским министром культуры господином Хёнишем³¹. Если бы Вы ему предложили наметнуть философскому факультету Берлинского университета, чтобы он отметил культурные деяния Фишера присвоением ему титула почетного доктора?»³².

Скорее всего, эта идея обсуждалась и с самим Самуэлем Фишером в Глюксбурге. Хауптман обещал сделать все, что от него зависит, но больше ничего по этому поводу от него не было слышно. Томас Манн попытался организовать коллективное письмо известных писателей, издававшихся у Фишера, в адрес философского факультета столичного университета (см. его письмо редактору издательства Морицу Хайману³³ от 9 сентября 1919 года), но и эти усилия не принесли успеха, почетного звания «доктор» Самуэль Фишер так и не дождался.

Как и многие другие награжденные, Томас Манн не присутствовал на самой церемонии в Бонне: слишком непросто был въезд в оккупированный английскими войсками город, немцам требовалось для этого получать специальный паспорт. Извещение о почетном звании писатель получил телеграммой, а сам диплом – по почте. Всем награжденным телеграммы отправлял декан философского факультета, только Томасу Манну радостную весть сообщил историк литературы профессор Бертольд Лицман³⁴, давний знакомый и почитатель творчества писателя. Близкий друг Томаса Манна в то время Эрнст Бертрам³⁵, который встретится нам еще на этих страницах, был учеником Лицмана и под его руководством защитил в 1907 первую докторскую диссертацию в том же Боннском университете. Незадолго до описываемых событий в 1919 году Бертрам защитил вторую докторскую и стал доцентом этого университета. Годом ранее, в том же году, когда вышли в свет *«Размышления аполитичного»*, Эрнст Бертрам опубликовал свой фундаментальный труд *«Нищие. Опыт мифологии»*, который высоко

---

³¹ Конрад Хёниш (Konrad Hönisch, 1876-1925) – немецкий политик, книжный издатель и журналист, в 1918-1923 годах – прусский министр культуры, был близко знаком с Герхардом Хауптманом и Самуэлем Фишером.

³² Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 22. Briefe II. 1914-1923 (см. прим. 1), стр. 302.

³³ Мориц Хайманн (Moritz Heimann, 1868-1925) – немецкий писатель, критик, редактор в издательском доме Самуэля Фишера.

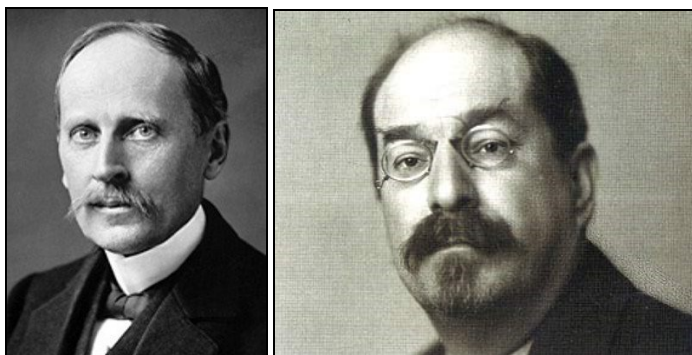
³⁴ Бертольд Лицман (Bertold Litzmann, 1857-1926) – литературовед, историк литературы, профессор Боннского университета.

³⁵ Эрнст Бертрам (Ernst August Bertram, 1884-1957) – немецкий литературовед и писатель, до прихода нацистов к власти – близкий друг Томаса Манна.

ценил Томас Манн. Именно Бертрам и предложил профессору Лицману выдвинуть Манна кандидатом на получение почетного звания.

Бертольд Лицман обратил внимание еще на ранние работы Томаса Манна, но особенно воодушевили его *«Размышления аполитичного»* в их первой редакции, насквозь пронизанной националистическим духом. Профессор увидел в Томасе Манне своего духовного союзника и единомышленника. Наверно, такими они и были в годы мировой войны, когда писались *«Размышления»*. Выдвижение кандидатуры Томаса Манна было исключительно политически мотивировано, хотя в докторском дипломе и в поздравительной грамоте говорилось только о первом романе писателя – *«Будденброках»*.

Томас Манн был вполне искренен, когда в благодарственном письме декану философского факультета писал, что он сам сомневается, *«правильно ли выбрали, когда выбрали меня?»*³⁶. Если бы он присутствовал на церемонии в Бонне и слышал речи выступавших, яростно обвинявших в поражении Германии и отречении кайзера предателей-либералов и мировой заговор, то был бы поражен, в каком националистическом, антиреспубликанском угаре находится большинство боннских преподавателей и студентов. Таких же взглядов, как позже выяснилось, придерживался и его друг Эрнст Бетрам, приветствовавший в 1933 году приход нацистов к власти. После этого пошла на убыль когда-то крепкая дружба двух литераторов, оказавшихся по разные стороны политических баррикад.

Ромен Роллан и А.В.Луначарский

Но в 1919 году постепенный переход Томаса Манна из лагеря националистов и монархистов в лагерь демократов и сторонников Веймарской республики был еще незаметен. В глазах многих сторонних наблюдателей он оставался тем же страстным патриотом Германии, каким был в начале войны. Именно тогда Ромен Роллан сравнил его с *«разъяренным быком, с опущенной головой несущимся на шпагу»*

---

³⁶ *Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. S.Fischer Verlag, Frankfurt a..M. 1974, Band XI, S. 351.*

матадора»³⁷. В России А.В.Луначарский, готовя в 1915 году рецензию на книгу Генриха Манна, рисует его младшего брата каким-то ненормальным фанатиком: «В настоящее время Томас Манн является совершенно сумасшедшим шовинистом, истерические вопли которого даже в глазах самых заядлых пангерманистов кажутся компрометирующими»³⁸.

Анатолий Васильевич, конечно, погорячился. Томасу никогда не изменяло чувство стиля и «истерические вопли» слабо вяжутся с мастерством художника, достигшего уже литературной зрелости. Что касается зрелости политической, то до нее время еще не пришло. Но изменения в мировоззрении происходили, и в 1919 году писатель был уже не тем, что четыре года назад.

Профессора Боннского университета, единогласно присвоившие Манну звание почетного доктора, наверно, были бы неприятно поражены, если бы знали, что их избранник в это самое время с большим интересом и одобрением изучает труды ненавистного националисту политика-еврея Вальтера Ратенау. В дневниковой записи от 13 августа 1919 года отмечено: «Читал по утрам и вечерам в парке произведения Ратенау о революции и его «Апологию». Тоже особенный провидец, наполовину истинный, наполовину ложный, наполовину чистый, наполовину мутный, но он себя мучает честно – и у кого это получилось бы лучше?»³⁹.

Пожалуй, это же мог сказать Томас Манн и о себе. В политике он тоже был и прав, и ошибался, и мучил себя честно в поисках истины. Свою позицию в отношении будущего Германии он окончательно определил через три года, однозначно встав на сторону Веймарской республики. И только тогда консерваторам и националистам в Бонне стало ясно, что их выбор почетного доктора философии в 1919 году был политической ошибкой. Да и самому награжденному это звание принесло больше огорчений, чем радости. Хотя вначале новый титул не мог не тешить самолюбия писателя.

Возвращаясь из отпуска домой, Манн остановился на пару дней в Берлине. Заполняя в отеле «Эксельсиор» регистрационную карточку, он первый раз в жизни указал свой докторский титул. Этот факт оказался для него столь новым и значительным, что он не преминул отметить его в своем дневнике⁴⁰.

---

³⁷ Томас Манн цитирует выражение Ромена Роллана в книге «Размышления аполитичного»: *Mann Thomas. Betrachtungen eines Unpolitischen*. In: *Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Band 13.1*. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2009, S. 51-52. Русский перевод первых двух глав см. в книге *Манн Томас. Аристократия духа*. Изд. «Культурная революция», М. 2009, стр. 60-68.

³⁸ Цитируется по книге *Ант С.К. Томас Манн. Серия «Жизнь замечательных людей»*. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва 1972.

³⁹ *Mann Thomas. Tagebücher. 1918-1921* (см. прим. 152), стр. 294.

⁴⁰ Там же, стр. 291.

***

Ночью 9 августа Томас Манн вернулся в Мюнхен, и первая встреча с Петером после долгой разлуки состоялась в воскресенье 10 августа. После отпуска накопилось много дел, поэтому день выдался насыщенным, о нем в дневнике за 11 августа пространный записи. В ней о Петере только две строчки:

«К чаю с К.[атей] и четырьмя [детьми] на трамвае на улицу Арси. На террасе приветствия с Петером Пр.[ингсхаймом]» (Tagebücher 292).

В субботу 16 августа уже сам Петер приехал к Маннам в гости на чай. Томас отмечает в дневнике:

«К чаю Петер Пр.[ингсхайм], который показывал фотографии из Трайел Бэй и высказывал свои довольно разумные политические взгляды» (Tagebücher 295).

Во время очередного воскресного чаепития на улице Арси 24 августа Томас передал Петеру экземпляр своей книги, о работе над которой он писал во всех своих трех письмах в австралийский лагерь: *«К обеду на улицу Арси, где я Петеру Пр.[ингсхайму] передал «Разм.[ышления аполитичного]»* (Tagebücher 297).

Чаепитие в доме Прингсхаймов

Во время следующего воскресного приема на улице Арси в доме Альфреда и Хедвиг Прингсхайм Томас Манн познакомился с одним товарищем Петера по несчастью. В дневниковой записи от 31 августа 1919 года отмечается: *«В обеде принял участие солагерник Петера Пр.[ингсхайма], фон Зольфе, с его замужней сестрой, типичный дворянин с севера Германии»* (Tagebücher 298).

В первое воскресенье сентября провожали Петера в Берлин, отмечает Манн в дневнике 7 сентября (Tagebücher 300). Молодому ученому пора снова приниматься за науку, от которой он был оторван долгие пять лет. Но расставание с родными было недолгим. На рождественские каникулы Петер снова приехал в Мюнхен, о чем Манн упоминает в дневнике от 22 декабря (Tagebücher 348). В понедельник 29

декабря Петер прибыл «на чай» к сестре и зятю и с *«большой теплотой высказывался о «Разм. [ышлениях аполитичного]»»* (Tagebücher 352).

Весной 1920 года Петер снова наведился в Мюнхен, на этот раз на пасхальные каникулы. В воскресенье 4 апреля вся семья Маннов поехала на трамвае к Прингсхаймам на улицу Арси, где и встретились с Петером. Праздничный обед был хорош, отметил Томас в дневнике (Tagebücher 413). Через неделю, в понедельник 12 апреля, Петер был зван к Маннам «на чай», а вечером все вместе пошли в Одеон слушать кантату *«Песни Гурре»* Арнольда Шёнберга (Tagebücher 418), чье творчество существенно повлияло на последний законченный роман Томаса Манна *«Доктор Фаустус»*. Через четверть века возникнет острый конфликт писателя с этим композитором из-за спора об авторстве додекафонии, или двенадцатизвучия, – особого метода сочинения музыки, упомянутого Томасом Манном в романе без ссылки на Шёнберга, который этот метод изобрел.

В августе того же года Петер снова в Мюнхене, и в воскресенье 29 августа он вместе с Томасом и Катей слушал в ложе Принцрегентен-театре ту самую оперу *«Палестрина»*, о которой с восторгом писал Манн своему шурину в письме от 6 ноября 1917 года. *«Да, бедняга, ты это тоже теперь пропустил»*, – посетовал тогда писатель. Теперь это упущение исправлено. Дирижировал на этот раз сам автор музыки Ганс Пфизнер.

Кабинет Томаса Манна на Пошингерштрассе

В том же письме от 6 ноября 1917 года Томас жаловался шурину, что вынужден *«приостановить художественные предприятия, такие как „Волшебная гора“ и „Авантюрист“»*. Теперь *«Волшебная гора»* снова в работе, и во время следующего приезда Петера в Мюнхен 9 апреля 1921 года Томас Манн читал ему главки *«Хиппе»* и *«Психоанализ»*

(первоначально этот раздел назывался «Доклад») из четвертой главы романа⁴¹.

Оглядывая эти бегло упомянутые в дневнике писателя встречи с шурином после его возвращения из австралийского лагеря, можно с уверенностью сказать, что все клятвы и обещания, сделанные Манном в письмах Прингсхайму в Австралию, выполнены, а отношения между Томасом и Петером все это время оставались живыми и сердечными.

(окончание следует)

---

⁴¹ Там же, стр. 502.

Семен Кутателадзе Л. В. Канторович: математик и экономист

(к 100-летию со дня рождения)¹

Леонид Витальевич Канторович (19.01.1912-07.04.1986) прошел путь, который обогатил и украсил отечественную историю. Его судьба и вклад в науку несут колоссальный импульс просвещения.

Часто обсуждается — кем Канторович был больше, математиком или экономистом? Сам он ответил на этот вопрос на юбилейном собрании в ЦЭМИ в честь своего 70-летия. Леонид Витальевич сказал, что есть два Канторовича — математик и экономист, но они — сиамские близнецы.

Путь Канторовича

Канторович родился в Санкт-Петербурге в семье врача-венеролога 19 января 1912 г. (6 января по старому стилю). Интересно, что

---

¹ Публикуется по оригиналу, напечатанному в журнале «Математика в высшем образовании», №10 (2012), с любезного согласия редакции этого журнала.

во многих справочниках указана другая дата. Сам Канторович всегда с улыбкой отмечал, что он себя помнит с 19.01.1912.

Канторович был вундеркиндом-математиком. Дарование мальчика проявилось очень рано. Уже в 1926 г. в возрасте 14 лет он поступил в Ленинградский университет, где вскоре стал заниматься в кружке, организованном для студентов Г.М. Фихтенгольцем, а затем и в семинаре, посвященном дескриптивной теории функций. Ранние студенческие годы сформировали первую когорту наиболее близких товарищей. В кружке Фихтенгольца занимались также Д.К. Фаддеев, И.П. Натансон, С.Л. Соболев, С.Г. Михлин и др., с которыми Леонид Витальевич был дружен всю жизнь. Старые друзья до конца жизни за глаза называли его «Лёнечка».

Научная работа Канторовича началась под руководством Г.М. Фихтенгольца при переходе на второй курс. Перед Канторовичем были поставлены задачи, относящиеся к наиболее актуальным в конце 1920 годов разделам теории функций и множеств.

В те годы формировалась московская математическая школа, бесспорным лидером которой был Н.Н. Лузин. Его знаменитый доклад «Современное состояние теории функций действительного переменного» на Всероссийском съезде математиков в Москве 27 апреля – 4 мая 1927 г. во многом определил интересы научной молодежи страны. Нельзя не видеть влияния Лузина на интерес Канторовича к дескриптивной теории множеств, в которой Канторович быстро выдвинулся на первые роли.

При подготовке собрания сочинений Канторовича в его личном архиве

было обнаружено письмо Н.Н. Лузина, датированное 29 апреля 1934 г. и посвященное касающимся его и Канторовича обстоятельствам подготовки издания Советской математической энциклопедии. Раздел по аналитическим множествам был поручен Канторовичу, а не Лузину. Между тем Канторовичу было в то время всего 22 года. Удивительная прозорливость Лузина проявлялась не только внутри математики, но и в отношении её творцов. Он писал Канторовичу:

«Прежде всего Вы должны знать, каково мое отношение к Вам. Вас всего, как человека, я не знаю еще, но угадываю мягкий чарующий характер.

Но то что я точно знаю — это размер Ваших духовных сил, которые, насколько я привык угадывать людей, представляют в науке неограниченные возможности. Я не стану произносить соответствующего слова — зачем? Талант — это слишком мало. Вы имеете право на большее, если будете культивировать в себе Ваши силы, беседуя с сильнейшими (умершими) людьми».

Закончив ЛГУ в 1930 г., Канторович начал педагогическую работу в ленинградских вузах, сочетая её с интенсивными научными исследованиями. Уже в 1932 г. он профессор Ленинградского института инженеров гражданского строительства и доцент ЛГУ. В 1934 г. Канторович становится профессором своей alma mater.

Канторович был одним из наиболее ярких и разносторонних математиков своего времени, достойным представителем петербургской

математической школы, основателем которой принято считать П.Л. Чебышева.

Взгляд на математику как на науку, все разделы которой не просто взаимосвязаны, а неразрывны, соседствовал в творчестве и методологии Чебышева с пониманием особой роли математики во взаимопроникновении науки, техники, технологии и производства. Благодаря трудам Чебышева представление о единстве фундаментальных и прикладных исследований как *sine qua non* прогресса стало уникальным ментальным символом российской науки. Ленинградский период школы Чебышева связан с Владимиром Ивановичем Смирновым. Математик-энциклопедист, Смирнов задавал стандарты, приоритеты и моральные принципы в науке и преподавании. Канторович называл Смирнова своим вторым учителем.

Основные труды в области математики Канторович создал именно в свой «ленинградский» период. При этом в 1930 годы он опубликовал больше статей по чистой математике, а 1940 годы для него — время работ по вычислительной математике, где он стал признанным лидером в стране.

В 1935 г. Канторович совершил свое главное математическое открытие — он определил K -пространства, т. е. такие полуупорядоченные векторные пространства, в которых каждое непустое порядково ограниченное множество имеет точные грани.

Пространства Канторовича предоставили естественные рамки для построения теории линейных неравенств — области, до того времени практически никак не изученной. Очевидно, что концепция неравенств весьма приспособлена для задач, связанных с приближенными вычислениями, где существенную роль играют разнообразные оценки точности полученных результатов. Важным источником интереса к линейным неравенствам служила экономическая проблематика. Целесообразное и оптимальное поведение в условиях ограниченных ресурсов естественно связывать с языком отношений частичного сравнения. Наконец, концепция линейных неравенств неразрывна с ключевой идеей выпуклого множества. Функциональный анализ по самому своему понятию предполагает наличие нетривиальных непрерывных линейных функционалов в рассматриваемом пространстве. Наличие же такого функционала эквивалентно существованию непустого собственного открытого выпуклого множества в объемлющем пространстве. В случае общего положения выпуклые множества суть в точности решения подходящей системы линейных неравенств.

В конце 1940-х годов Канторович в серии работ сформулировал и развил тезис о взаимосвязи функционального анализа и прикладной математики:

«Установилась традиция считать функциональный анализ дисциплиной чисто теоретической, далекой от непосредственных приложений, которая в практических вопросах не может быть использована. Цель этой статьи — в известной мере разрушить эту традицию, указать на связь функционального анализа с вопросами прикладной математики...».

Канторович выделил три технологии: метод мажорант, восходящий к Коши, метод конечномерных приближений и метод Лагранжа для новых задач оптимизации, возникающих в экономике.

Технологию мажорирования в общих упорядоченных векторных пространствах Канторович взял за основу исследования вариантов метода Ньютона в банаховых пространствах. Приближение бесконечномерных пространств и операторов их конечномерными аналогами следует воспринимать наряду с удивительным универсальным пониманием вычислительной математики как науки о конечных приближениях общих компактов (не обязательно метрических). Это положение включено в совместный доклад, подготовленный С.Л. Соболевым, Л.А. Люстерником и Л.В. Канторовичем для III Всесоюзного математического съезда в 1956 г. Новизна экстремальных задач, возникающих в социальных науках, связана с наличием многомерных противоречивых целей, ставящих на первое место проблему согласования интересов. Соответствующие приёмы можно рассматривать как своего рода скаляризацию векторных целей.

Канторович организовал кафедры вычислительной математики в ЛГУ и НГУ. По его настоянию курсы функционального анализа и специализация в этой области математики осуществлялись именно на этих кафедрах.

С конца 1930-х годов творчество Канторовича обрело новые черты — он совершил серьезный прорыв в экономической науке. В 1939 г. вышла в свет его знаменитая брошюра «Математические методы организации и планирования производства», ознаменовавшая рождение линейного программирования. Линейное программирование — техника максимизации линейного функционала на множестве положительных решений системы линейных неравенств. Неудивительно, что открытие линейного программирования последовало вскоре за созданием основ теории пространств Канторовича.

В 1940 годы экономические работы Канторовича практически не публиковались. Однако в его творчестве экономическая проблематика выступила на первый план.

Уже в военные годы он завершил работу над первым вариантом книги «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов», принесшей ему в 1975 г. Нобелевскую премию. Эта работа опережала время, не соответствовала догматам господствующей политической экономии, и её публикация оказалась возможной только в 1959 г. Пионерские идеи Канторовича были легализованы и начали использоваться в экономической практике.

В 1948 г. Совет Министров СССР особо секретным постановлением №1990-774сс/оп решил «в двухнедельный срок организовать в Ленинградском филиале Математического института АН СССР расчетную группу в количестве до 15 чел., возложив руководство этой группой на проф. Канторовича». Так Канторович вошёл в число участников проекта по созданию отечественного ядерного оружия — операции «Энормоз» в оперативной переписке советской разведки.

В 1957 г. Канторовича пригласили на работу во вновь создаваемое Сибирское отделение Академии наук. Вскоре он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономики. Основные публикации Канторовича этого периода относятся к экономике за исключением, прежде всего, всемирно известного курса «Функциональный анализ в нормированных пространствах», написанного совместно с Г.П. Акиловым.

Нельзя не отметить одну блестящую придумку Канторовича и его учеников — научно обоснованные тарифы на такси. Люди старшего поколения помнят, как в 1960 годы была введена плата за посадку и уменьшена такса за проезд, что немедленно привело к повышению рентабельности перевозок и выгоды коротких поездок для клиентов и водителей. Эта экономическая мера была разработана в результате математического моделирования, осуществленного Канторовичем и группой его молодых учеников-математиков, и опубликована в самом престижном математическом журнале страны — в «Успехах математических наук».

В 1964 г. Л.В. Канторович избран действительным членом АН СССР по Отделению математики и в 1965 г. удостоен Ленинской премии.

В начале 1970 годов Канторович переехал в Москву, где продолжил занятия экономическим анализом. Л.В. Канторович всегда мечтал о внедрении новых математических методов в хозяйственную практику своей Родины и служил этой мечте до своей кончины 7 апреля 1986 г. невзирая на непонимание и откровенное противодействие ретроградов от науки и политики, управлявших страной. Он похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Научное наследие

Канторович был вундеркиндом-математиком. Он стал профессором в 20 лет и был одним из наиболее ярких и широких математиков своего времени. Универсальный подход к математике характерен для всего творчества Канторовича. Среди его монографических сочинений наряду с классическими книгами «Функциональный анализ в нормированных пространствах», «Функциональный анализ в полуупорядоченных пространствах», «Приближенные методы высшего анализа», «Математические методы организации и планирования производства» есть и такие, как «Теория вероятностей», «Вариационное исчисление», «Определенные интегралы и ряды Фурье», «Таблицы для численного решения граничных задач теории гармонических функций».

Среди своих математических работ Канторович выделял циклы исследований в следующих направлениях: дескриптивная теория функций и теория множеств; конструктивная теория функций; приближенные методы анализа; функциональный анализ; функциональный анализ и прикладная математика; линейное программирование; вычислительная техника и программирование. Во всех указанных направлениях Канторович получил первоклассные, зачастую основополагающие результаты. В математический тезаурус прочно вошли пространства

Канторовича, ядра Канторовича, метод Ньютона–Канторовича, вариационный метод Канторовича и, конечно же, многочисленные теоремы Канторовича.

Нынешние ученые, живущие на гранты, нередко работают и пишут для прокорма. Девиз “Publish or Perish” давно уже не ремарка острослова от науки, а каждодневный слоган исследователя. Канторович творил математику, отвечающую критериям совершенства, сформулированным классиком американской математики XX века Саундерсом Маклейном. Его математика была неизбежной и своевременной, отвечала на поставленные вопросы и освещала новые пути в науке.

Тридцатые годы прошлого века занимают в творчестве Канторовича особое место. Именно тогда сложилась характерная для него методология синтеза теоретических и прикладных исследований, сочетания наиболее абстрактных математических идей с приземленными конкретными практическими разработками. В эти годы сверкают фейерверки его идей в функциональном анализе. В 1935 году он, закладывая основы теории упорядоченных пространств, выдвинул гениальный эвристический принцип, нашедший свое отражение в булевозначном анализе наших дней. Канторович в те годы вносит вклад в геометрию классических банаховых пространств и развивает новые приближенные приемы анализа: вариационный метод, метод коллокаций, модифицированные градиентные методы.

До сих пор остаются малоизвестными работы Канторовича по «расширению пространства Гильберта», ставшие удивительно ярким эпизодом предыстории теории распределений. Уже в 1935 году, изучая в одном семинаре с С.Л. Соболевым классическую книгу Дж. фон Неймана «Математические методы квантовой механики» (1932), Канторович развивает подход К. Фридрихса (1934) к проблеме построения «идеальных функций», явно выписывая гильбертовы пространства, чьи элементы сейчас мы называем умеренными периодическими распределениями.

Об этих работах И.М. Гельфанд писал:

«По существу Леонид Витальевич первым понял значение обобщенных функций и написал об этом задолго до Лорана Шварца. И, я думаю, не случайно, что не его работа оказалась широко известной. Для концепции Леонида Витальевича это был только маленький фрагмент. То, что было всей жизнью или основой творчества для других, было маленьким фрагментом выстраивающейся у него картины математики и её связей с миром. Я думаю, что сделанная намного позже работа А.Г. Костюченко и моя об использовании обобщенных функций для спектрального анализа операторов была именно той, которую Леонид Витальевич не написал в свое время. По существу же он четко и ясно понимал эту работу, какие теоремы можно получить».

Говоря о математическом творчестве Канторовича, нельзя не выделить особо три обзорные статьи:

Функциональный анализ и прикладная математика // Успехи мат. наук. 1948. Т. 3, вып. 6. С. 89–185.

Полупорядоченные группы и линейные полупорядоченные пространства // Успехи мат. наук. 1951. Т. 6, вып. 3. С. 31–98. — Соавт.: Вулих Б.З., Пинскер А.Г.

Об интегральных операторах // Успехи мат. наук. 1956. Т. 11, вып. 2. С. 3–29.

Первая из названных статей снабжена названием, несказанно впечатляющим своим масштабом, особенно если вспомнить возраст автора. Эта статья фигурирует в указе о награждении Сталинской премией второй степени в размере 100 000 рублей, присужденной Канторовичу в 1948 году. Учебник Канторовича и Акилова, многие годы служивший настольной книгой многих теоретиков и прикладников, возник на основе идей этого блестящего математического сочинения.

Впечатляющее многообразие направлений исследований объединяется не только личностью Канторовича, но и его методическими установками. Он всегда подчеркивал внутреннее единство науки, взаимопроникновение идей и методов, необходимых для решения разнородных теоретических и прикладных проблем как в математике, так и в экономике.

Математика и экономика

Математика изучает формы мышления. Предмет экономики обстоятельства человеческого поведения. Математика абстрактна и доказательна, а профессиональные решения математиков не задевают обычной жизни людей. Экономика конкретна и декларативна, а практические упражнения экономистов основательно меняют жизнь. Цель математики — безупречные истины и методы их получения. Цель экономики — индивидуальное благополучие и пути его достижения. Математика не вмешивается в личную жизнь человека. Экономика задевает его кошелек и кошелёку. Список коренных различий математики и экономики бесконечен.

Математическая экономика — новация XX века. Именно тогда возникло понимание, что экономические проблемы требуют совершенно нового математического аппарата.

Человек разумный всегда был, есть и будет человеком хозяйствующим.

Практическая экономика для каждого из нас и наших предков — это арена здравого смысла. Здравый смысл представляет собой особую способность человека к мгновенным оценочным суждениям. Понимание выше здравого смысла и проявляется как осознанная адаптивность поведения. Понимание не наследуется и, стало быть, не принадлежит к числу врожденных свойств. Уникальной особенностью человека является способность пониманием делиться, превращая оценки в материальные и идеальные артефакты.

Наука — трудный путь объективизации понимания. Становление науки как инструмента понимания — долгий и сложный процесс. Зарождение ординального счета фиксировано палеолитическими находками, отделенными десятками тысяч лет от появления разумного и хозяйствующего человека. Экономическая практика предвывает

предысторию математики, сформировавшуюся в науку доказательных вычислений в Древней Греции примерно 2500 лет тому назад.

Целенаправленное поведение людей в условиях ограниченных ресурсов стало объектом науки совсем недавно. Датой рождения экономики как науки принято считать 9 марта 1776 г. – день публикации сочинения Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Идеи правят миром. Эту банальную констатацию когда-то с глубокой иронией дополнил Джон Мейнард Кейнс. Свой капитальный труд «Общая теория занятости, процента и денег» он завершил весьма афористично: «Практические люди, мнящие себя совершенно неподверженными никаким интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь замшелого экономиста».

Политические идеи направлены на власть, экономические – на свободу от власти. Политическая экономия неразрывна не только с экономической практикой, но и с практической политикой. Политизированность экономических учений характеризует их особое положение в мировой науке. Изменчивость эпох, их технологических достижений и политических предпочтений отражается в широком распространении эмоционального подхода к экономическим теориям и ставит экономику в положение, немислимое для остальных наук. Помимо благородных причин, для этого есть и одна довольно циничная: как бы ни меняли достижения точных наук жизнь человечества, они никогда не затрагивают обыденное сознание людей столь живо и остро, как суждения об их кошельках и свободах.

Наука — чувственно-сверхчувственный артефакт в том смысле, что её содержание раскрывается только человеком, и без человека, по меньшей мере, вполне понято быть не может. Расположенная в самом центре культуры наука напоминает «Вавилонскую башню» — наивный, но героический и великий проект народов Земли. Стремление к свободе, внутренне присущее человеку, проявляется в неистребимой жажде знания. «Мы должны знать, мы будем знать!» — этот уже вековой тезис Давида Гильберта лежит в кладовой здравого смысла.

Георг Кантор, создатель теории множеств, еще в 1883 г. заметил, что «сущность математики заключена в её свободе». Свобода математики отнюдь не сводится к отсутствию экзогенных ограничений на объекты и методы исследования. Свобода математики в немалой мере проявляется в предоставляемых ею новых интеллектуальных средствах овладения окружающим миром, которые раскрепощают человека, раздвигая границы его независимости. Математизация экономики — неизбежный этап пути человечества в царство свободы.

XIX век отмечен первыми попытками применения математических методов в экономике в работах Антуана Огюста Курно, Карла Маркса, Уильяма Стенли Джевонса, Леона Вальраса и его преемника по Лозаннскому университету Вильфредо Парето.

В XX веке к экономической проблематике обратились математики первой величины – Джон фон Нейман и Л.В. Канторович. Первый развил теорию игр как аппарат изучения экономического

поведения, а второй разработал линейное программирование как аппарат принятия решений о наилучшем использовании ограниченных ресурсов. Эти исследования фон Неймана и Канторовича занимают исключительное место в науке. Они показали, что современная математика предоставляет самые широкие возможности для экономического анализа практических проблем. Экономика приблизилась к математике. Оставаясь гуманитарной, она стремительно математизируется, демонстрируя высокую самокритичность и незаурядную способность к объективным суждениям.

Поворот в мышлении человечества, осуществленный фон Нейманом и Канторовичем, не всегда достаточно осознается. Между точным и гуманитарным стилями мышления существуют принципиальные различия. Люди склонны к рассуждениям по аналогии и методу неполной индукции, рождающим иллюзию общезначимости знакомых приемов. Различия научных технологий не всегда выделены отчетливо, что, в свою очередь, способствует самоизоляции и вырождению громадных разделов науки.

Линейное программирование

Главным открытием Канторовича на стыке математики и экономики стало линейное программирование, которое теперь изучают десятки тысяч людей во всем мире. Под этим термином скрывается колоссальный раздел науки, посвященный линейным оптимизационным моделям. Иначе говоря, линейное программирование — это наука о теоретическом и численном анализе и решении задач, в которых требуется найти оптимальное значение, т. е. максимум или минимум некоторой совокупности показателей в процессе, поведение и состояние которого описывается той или иной системой линейных неравенств.

Термин «линейное программирование» был предложен в 1951 г. американским экономистом Т. Купмансом. В 1975 г. Канторович и Купманс получили Нобелевскую премию по экономическим наукам с формулировкой «за их вклад в теорию оптимального распределения ресурсов». Особыми заслугами Купманса стали пропаганда методов линейного программирования и защита приоритета Канторовича в открытии этих методов.

В США линейное программирование возникло только в 1947 г. в работах Джорджа Данцига. Поучительно привести его слова об истории линейного программирования:

«Русский математик Л.В. Канторович на протяжении ряда лет интересовался применением математики к задачам планирования. В 1939 г. он опубликовал обстоятельную монографию под названием “Математические методы организации и планирования производства”... Канторовича следует признать первым, кто обнаружил, что широкий класс важнейших производственных задач поддается четкой математической формулировке, которая, по его убеждению, дает возможность подходить к задачам с количественной стороны и решать их численными методами...»

Канторович описал метод решения, основанный на имеющемся первоначально допустимом решении... Хотя двойственные переменные и не назывались “ценами”, в целом идея метода состоит в том, что выбранные значения этих “разрешающих множителей” для недостающих ресурсов можно довести до уровня, когда становится целесообразной переброска ресурсов, являющихся избыточными...

Если бы первые работы Канторовича были бы в должной мере оценены в момент их первой публикации, то, возможно, в настоящее время линейное программирование продвинулось бы значительно дальше. Однако его первая работа в этой области оставалась неизвестной как в Советском Союзе, так и в других странах, а за это время линейное программирование стало настоящим искусством.

Следует подчеркнуть, что с оптимальным планом любой линейной программы автоматически связаны оптимальные цены или «объективно обусловленные оценки». Последнее громоздкое словосочетание Канторович выбрал из тактических соображений для повышения «критикоустойчивости» термина. Концепция оптимальных цен и взаимозависимость оптимальных решений и оптимальных цен – такова краткая суть экономического открытия Канторовича.

Универсальная эвристика

Целостность мышления проявлялась во всех исследованиях Канторовича. Идеи линейного программирования были тесно связаны с его методологическими установками в области математики. Уже в самой первой своей работе в неизведанной области упорядоченных векторных пространств, датированной 1935 г., Канторович писал:

«В этой заметке я определяю новый тип пространств, которые я называю линейными полупорядоченными пространствами. Введение этих пространств позволяет изучать линейные операции одного общего класса (операции, значения которых принадлежат такому пространству) как линейные функционалы».

Так была впервые сформулирована важнейшая методологическая установка, которую теперь называют эвристическим принципом Канторовича.

Этот принцип нашел многочисленные подтверждения как в его собственных исследованиях, так и в работах его учеников и последователей.

Абстрактная теория K -пространств, линейное программирование и приближенные методы анализа — продукты универсальной эвристики Канторовича. В последней своей математической работе, над которой Леонид Витальевич работал уже смертельно больным, он отмечал:

«При развитии теории функциональных пространств одна сторона реальной действительности оказалась в ней на некоторое время упущенной. Для практических объектов, наряду с алгебраическими и другими соотношениями, большое значение имеет соотношение сравнения. Простое сравнение, имеющее место между всеми объектами, упорядочение, имеет обобщенный характер, например, можно все виды упорядочить по их весу, но это мало что дает. Гораздо более

естественным является упорядочение, которое для тех случаев, когда это естественно, определяется или фиксируется, а в других случаях оставляется неопределенным (частичное упорядочение или полуупорядочение). Например, два набора продуктов несомненно следует считать сравнимыми и первый большим второго, если в нем каждого продукта больше, соответственно, чем во втором. Если же часть больше в одном, часть больше в другом, то можно сравнение не фиксировать. Так в свое время была построена теория полуупорядоченных пространств и, прежде всего, теория K -пространств, определенных выше. Она получила разнообразные применения как в теоретических вопросах анализа, так и в построении некоторых прикладных методов, например теории мажорант в связи с интенсивным изучением метода последовательных приближений. В то же время полностью её возможности до сих пор еще не раскрыты. Недооценено также и значение этой ветви функционального анализа для экономики. Между тем, в экономике соотношения сравнения и сопоставления играют исключительную роль и уже при возникновении K -пространств было ясно, что при анализе экономики они найдут свое место и дадут полезные плоды.

Теория K -пространств имеет и другое значение — их элементы могут использоваться как числа. В частности, при построении пространств типа Банаха в качестве нормы могут вместо чисел использоваться элементы такого пространства, конечномерного или бесконечномерного. Такая нормировка объектов является гораздо более точной. Скажем, функция нормируется не своим максимумом на всем интервале, а десятком чисел — максимумами её на частях этого интервала».

Эвристический принцип Канторовича связан с одной из самых ярких страниц математики прошлого века — со знаменитой проблемой континуума.

Как известно, множество имеет мощность континуума, если оно находится во взаимно-однозначном соответствии с отрезком числовой прямой. Гипотеза континуума состоит в том, что любое подмножество отрезка либо счетно, то есть допускает пересчет, либо имеет мощность континуума. Проблема континуума ставит вопрос о справедливости или ложности гипотезы континуума.

Гипотеза континуума была впервые высказана Кантором в 1878 г. Он был убежден в том, что эта гипотеза является теоремой и всю жизнь тщетно пытался её доказать. В 1900 г. в Париже состоялся II Международный конгресс математиков. Гильберт выступил на открытии со своим знаменитым докладом «Математические проблемы», сформулировав 23 проблемы, решение которых девятнадцатое столетие завещало двадцатому. Первой в докладе Гильберта стоит проблема континуума. Оставаясь нерешенной десятилетиями, она порождала глубокие исследования в основаниях математики. В итоге более чем полувековых усилий мы теперь знаем, что гипотеза континуума не может быть ни доказана, ни опровергнута.

К пониманию независимости гипотезы континуума человечество пришло в два этапа: в 1939 г. Курт Гёдель проверил, что гипотеза континуума совместна с аксиомами теории множеств, а в 1963 г. Поль Козн доказал, что им не противоречит и отрицание гипотезы континуума. Оба результата установлены путем предъявления подходящих моделей, т. е. построением универсума и интерпретации в нем теории множеств. Подход Гёделя основан на «усечении» универсума фон Неймана. Гёдель показал, что выделенные им конструктивные множества образуют модель, в которой имеет место континуум-гипотеза. Следовательно, отрицание гипотезы континуума недоказуемо. Подход Козна в известном смысле противоположен технике Гёделя: он основан на контролируемом расширении универсума фон Неймана.

Метод форсинга Козна был упрощен в 1965 г. с использованием аппарата булевых алгебр и новой технологии математического моделирования, использующей нестандартные модели теории множеств. Прогресс возникшего на этой основе булевозначного анализа продемонстрировал фундаментальное значение расширенных K -пространств. Каждое из таких пространств, как совершенно неожиданно оказалось, служит равноправной моделью вещественной прямой и, значит, играет в математике ту же фундаментальную роль. Пространства Канторовича дали новые модели поля вещественных чисел и обрели бессмертие.

Эвристика Канторовича постоянно получает блестящее подтверждение, доказывая целостность науки и неизбежность взаимопроникновения математики и экономики.

Канторович был блестящим математиком, но он может показаться неудачником в главном — в вопросе о признании центральной идеи его жизни, идеи взаимопроникновения математики и экономики. Однако такое мнение ошибочно. Несмотря на попытки замалчивания Канторовича и его идей, их торжество на самом деле неоспоримо. Яркими доказательствами стали изменение всей системы подготовки экономистов и уже неистребимые математизация и информатизация экономики как в её функциональных, так и в управленческих аспектах. Творчество Канторовича останется образцом служения математике как основе универсального мировоззрения. Его эвристика будет путеводной звездой для новых поколений математиков и экономистов.

Татьяна Кузовлева

«Не забывай незабываемого...»*

Борис Слуцкий – Татьяна Дашковская

Эпоха разражалась надо мной,
как ливень над притихшею долиной,
то справедливой длительной войной,
а то несправедливостью недлинной...

Одним из первых, кроме Михаила Аркадьевича Светлова, обратил внимание на мои стихи Борис Абрамович Слуцкий. От него, при всей его сдержанности, исходила удивительная волна тепла даже при наших мимолётных пересечениях. Он мог, например, неожиданно спросить: «Таня, вас никто не обижает? У вас глаза грустные». Или, увидев меня в синем вельветовом пальтишке, купленном только что в комиссионке за несколько рублей, как бы мимоходом обронить: «Вам идёт это пальто». Я смущалась от его, недавнего фронтовика и известного поэта, внимания и оттого, что была ничуть не несчастна: моя семейная жизнь складывалась в любви, и защита была надёжная. А грустные глаза – ну, это врождённое, у кого не бывает...

Немного позднее я узнала, какая жгучая боль жила долгие годы в его душе: он был одним из тех, кто обличительно выступил на писательском собрании 31 октября 1958 года, на котором исключили из Союза писателей СССР Бориса Пастернака за издание за границей «Доктора Живаго»¹. Собрание это вёл Сергей Сергеевич Смирнов, автор «Брестской крепости». Бориса Пастернака клеймили как предателя Родины, отщепенца и напрямую гнали из страны Борис Полевой, Корнелий Зелинский, Владимир Солоухин, Сергей Баруздин, Анатолий Софронов и даже Леонид Мартынов, стихи которого я любила и люблю. Были в списке и другие мобилизованные партией ораторы. В общей

---

* Предлагаемое эссе – из подготовленной издательством «Деком» к печати книги «Мои драгоценные дни».

¹ Стенограмму писательского собрания, напечатанную во времена Перестройки в Общественно-политическом ежемесячнике «Горизонт», № 9 (454). М. 1988, можно прочитать в интернете

травле лауреата Нобелевской премии голос Слуцкого был, по сравнению с другими, довольно умеренным по тону. Но – был.

Свидетель того события, близкий к Пастернаку Вячеслав Иванов, тогда уже известный лингвист и литературовед, не смогу присутствовать на злополучном собрании, поскольку еще не был членом Союза писателей, в книге «Перевернутое небо» вспоминает: «Из тех, с кем я дружил, по моим соображениям на собрании должен был быть Борис Слуцкий. Ближе к вечеру (того дня, когда было собрание – Т.К.) я позвонил ему... Слуцкий к Пастернаку относился критически (как, впрочем, и другие поэты военного поколения). ...Я надеялся, что стилистические и другие разногласия в тот день не проявятся. Всё вышло по-другому».

В тот вечер Слуцкий показал Иванову листок с текстом своего выступления, он обвинил Пастернака в том, что тот «навредил» молодым писателям, которые «только-только начали писать и печатать свои вещи в совсем новом духе, а Пастернак возьми да опубликуй свой роман за границей. «Я не мог с ним согласиться, – пишет далее Вячеслав Иванов. – Мы расстались почти враждебно».

«Вы смотрите на жизнь этически, а к ней надо относиться политически» – заметил тогда же ему Слуцкий. И спустя годы так объяснил критику Эмилю Кардину факт своего появления на трибуне: «Сработал механизм партийной дисциплины».

Но вполне возможна и другая причина, по которой он, до мозга костей замполит, остававшийся им в душе и после войны, не смог отказаться от выступления, когда его вызвали накануне собрания для разговора в райком партии. Причина могла быть в том, что его двоюродный брат Меир Амит был в то время крупным израильским военным и государственным деятелем, начальником военной разведки и директором Моссад`а.

(<http://www.waronline.org/IDF/Articles/personalities/amit-meir/>).

Последствия отказа от выступления на пастернаковском судилище в этой ситуации могли обернуться трагически не только для поэта, но и для его близких.

Время ломало многих.

Участие в октябрьском собрании 1958 года Борис Абрамович не мог себе простить до последних дней.

Он словно был запрограммирован на пожизненное чувство вины: так же, если не больше, он мучил себя, когда ушла из жизни его жена Таня.

В апреле 1966 года меня приняли в Союз писателей по рекомендациям Евгения Винокурова и Маргариты Алигер (её друзья-ровесники называли Маргариту Иосифовну заглазно «тонконогая Маргарита»). Приёмная комиссия заседала в комнате № 8, на втором этаже старого здания ЦДЛ, прямо над парткомом. Мы с мужем ждали результата в Пёстром зале, где обычно можно было выпить кофе, водку или коньяк, съесть пирожки или бутерброды. Меня бил нервный озноб. Володя отодвинул свой кофе и встал: «Пойдём. Узнаем завтра». Почти уже вышли на улицу, оглядываюсь – нас стремительно нагоняет Борис

Абрамович: «Таня, поздравляю! Единогласно» – «Борис Абрамович...» – только и выдохнула. «Я должен вернуться. Я вышел, чтобы Вы не волновались. Заседание еще не кончилось». И так же быстро пересёк холл, направляясь в восьмую комнату.

В то время, – в отличие от первых послевоенных лет, когда стихи о войне, как ни странно, печатались скупое, что официально объяснялось необходимостью не оглядываться на прошлое, а, в первую очередь, призывать к восстановлению страны(!), многие стихи поэтов фронтового поколения – Наровчатова, Кульчицкого, Гудзенко, Когана, Луконина, Слуцкого, Самойлова, Друниной, Левитанского мы знали наизусть не меньше, чем стихи знаменитых шестидесятников. Эти стихи цитировались в статьях, на выступлениях, за столиками ЦДЛ.

«Вниз головой по гудкой мостовой Вслед за собой война меня влачила. И выучила лишь себе самой, И больше ничему не научила» – цитировали Слуцкого (добавлю: научила, и очень многому). Цитировали его «Убили самых смелых, самых лучших...», «Кёльнскую яму», «Когда русская проза пошла в лагеря...», «Мы все ходили под богом...». Цитировали: «Евреи хлеба не сеют» – так взорвалась в его душе вековая несправедливость и глухота мира к его народу: «Не торговавши ни разу, Не воровавши ни разу, Ношу в себе, как заразу, Проклятую эту расу. Пуля меня миновала, Чтоб говорили нежливо: "Евреев не убивало! Все воротились живы!"».

Среди моих школьных и более поздних ровесников, и русских, и евреев, не сосчитать тех, у кого погибли на войне отцы. А ведь были еще печи и рвы нацизма...

Увидев однажды мемориал Яд ва-Шем на горе Памяти в Иерусалиме, забыть о жертвах Холокоста уже не сможешь никогда. Обжигающие душу строки Слуцкого обретают там особый жар: только самых чёрствых, наверное, не пробить чужой трагедией. Я осознала её особенно остро, когда в 2004 году побывала на этой Святой земле с делегацией «Христиане в поддержку мира в Израиле». Это там Яд ва-Шем надиктовал мне: «Прости, Иерусалим, Моя была бы воля, Губами бы сняла С твоих камней слезу. Здесь вертикаль любви С горизонталью боли Образовали крест. И я его несущий...».

Чужой боли не бывает.

Пока жива, – несущий этот крест, с его горизонталью и вертикалью, и не оброну, пока жива.

***

Весна, 1969. Борис Абрамович пригласил меня выступить в Театральной гостиной Дома актеров – он вёл там раз в месяц «Устную библиотеку поэта». Я сидела, вжавшись в стул, – от слов, которые обо мне говорил Слуцкий, не могла пошевелиться. Поэтому совершенно не запомнила, что он говорил. Как только встала к микрофону, – волнение исчезло. После вечера и Слуцкому, и мне надарили много цветов. Переполненная эмоциями, не заметила, как вылетела на улицу, даже, кажется, не попрощавшись с Б.А.

***

Как много зависит на литературных вечерах даже от того, в какой последовательности выходят к микрофону выступающие. Иногда случаются жуткие диссонансы.

Переполненный зал Политехнического. Выступают лучшие из лучших. Где-то в середине вечера объявляют великолепного поэта-пародиста Александра Иванова. Зал лежит от хохота. Так продолжается все десять минут его выступления, да и после зал никак не может успокоиться. Следующим объявляют Слуцкого. Он выходит к микрофону и после небольшой паузы негромко начинает одно из своих коронных, трагических стихотворений «Лошади в океане»:

– Лошади умеют плавать, – произносит он. Зал в ответ автоматически – после Иванова – взрывается хохотом.

– Но не хорошо, не далеко. – продолжает Слуцкий невозмутимо. И снова – хохот.

Лишь к середине стихотворения устанавливается гробовая тишина, переломившая веселье в зале и заставившая вслушиваться в строки Слуцкого.

***

Никогда не любила писательской фамильярности.

Лето, 1969. Стою перед окошком регистратуры в поликлинике Литфонда. Кто-то вставший за моей спиной крепко сжимает двумя пальцами мой локоть. Гневно оглядываюсь. Слуцкий – смеётся: «Боже, как она посмотрела на нахала!».

***

Через год Володя, куривший по три пачки сигарет в день, перенёс инфаркт. Ему тогда было 36 лет. Увезли на «скорой» в больницу на улице Саляма Адиля.

После выписки он боялся отдаляться от дома. Я поняла: надо его «расхаживать», надо снять хотя бы на несколько месяцев жильё в Подмоскowie, чтобы заставить его преодолеть страх и приучить подолгу ходить на свежем воздухе.

Помог Слуцкий.

Договорился о двух комнатах в двухэтажной деревянной литфондовской даче в Переделкине, выданной когда-то в аренду драматургу Николаю Федоровичу Погодину (Стукалову), в советское время лауреату двух Сталинских премий – за пьесу «Человек с ружьём» и за сценарий фильма «Кубанские казаки», а позднее – Ленинской премии за трилогию «Человек с ружьём», «Кремлёвские куранты», «Третья патетическая». До хрущёвской оттепели, как следует из биографических источников, он следовал канонам соцреализма, но в 1955 году неожиданно написал пьесу «Сонеты Петрарки» – о внутренней свободе человека, о независимости его духовного мира от диктата партии, о подлости доносов. Т.е., проявил себя если не демократом, то, по меньшей мере, совестливым человеком, что в те времена было неслыханно дерзким, вызывающим по отношению к «линии партии».

Ко времени нашего временного вселения в этот дом хозяином дачи был сын Погодина, Олег Стукалов, автор киносценария по

отцовской пьесе «Кремлёвские куранты». Жена его, Ольга Северцова, и сын Федя шести или семи лет, обитали зимой в Москве и навещались на дачу по выходным, а летом и вовсе переезжали в кокетельские дачные владения. Т.е., по большей части мы, да еще три кошки были караульщиками огромного дома, который жил своей одушевлённой жизнью, вздыхал и кричал по ночам, на втором этаже неожиданно с треском что-то передвигал, но к нам относился вполне лояльно. Меня многое в нём пугало. Да еще входная дверь, ведущая с бокового крыльца в дом, закрывалась на такой хлипкий замочек, что толкни ладонью – сама распахнётся. Муж держал на всякий случай под нашей кроватью походный топорик: «Главное, успею меня разбудить, если услышишь, что кто-то дёрнул дверь».

Часто Олег, будучи в изрядном подпитии, услышав громкий стук в наружную дверь, хриплым барским баритоном кричал нам со второго этажа на первый: «Гоните всех к чёртовой матери!».

Кухня была у нас общая с хозяевами. На выходные, когда дом переполняли многочисленные и шумные хозяйские гости, я старалась на кухню выходить как можно реже, тем более что две ветхие согбенные старушки-родственницы что-то беспрерывно там резали, крошили, пекли, запекали, жарили и варили. И всё же однажды, подогревая ужин, услышала, как они дружно осуждают вдову Кеннеди – красавицу Жаклин, давшую согласие на брак с греческим миллионером Онасисом. Одна из старушек, маленькая и костлявая, была особенно возмущена:

– Как она могла? После красавца мужа – за такого уродину?! При чем тут его миллионы! Я бы, хоть озолоти, за такого никогда не вышла! Даже под страхом смерти! Никогда! – и она гордо и сердито вскидывала маленькую седую головку.

К счастью, Онасис к ней не сватался.

Долгие прогулки по переделкинским дорожкам, на которых мы встречали вышагивающего от дома творчества Слуцкого, вошли в наш привычный распорядок.

Слуцким был пропитан воздух. Воздух его полёта:

Тот воздух, что способствовал парению,
сопротивлялся ускорению.
Он меру знал. Свою. Что было сверху –
он властно отвергал,
и нам свою устраивал поверку,
и отрицал, и помогал.
Но я дышал тем воздухом. Другой,
наверно, мне пришлось б не по легким,
а что полет не оказался легким,
я знал заранее,
не ожидал покой.
Тот воздух
то сгушался в ураган,
вдыхался трудными глотками,
то прикасался ласково к рукам

своими легкими руками.
Вдохнув его
и выдохнув его
давным-давно когда-то, на рассвете,
я не боялся ничего.
Я не боялся ничего на свете!

Иногда он примыкал к нашей молодой компании, обраставшей на прогулочном маршруте всё новыми и новыми личностями. Помню, солнечный морозный день. Возле дома творчества встретили добродушно настроенного Бориса Абрамовича, приплясывающего на морозе Андрея Вознесенского в изящной кубаночке, удмуртского поэта Флора Васильева, подавленного знакомством с самим Вознесенским, и приехавшего к нам в гости тонконого Петю Вегина, похожего на раскатанную в ладонях пластилиновую колбаску и подражавшего Андрею даже в походке. Петя шел, без конца заглядывая в лицо Андрея, без устали цитировал его строки и, видимо, от переполнявшего его вблизи кумира возбуждения весело матерился, иногда почему-то обращаясь при этом не к Андрею, а к молчаливому Слуцкому. После очередного такого обращения Борис Абрамович, наконец, что-то глухо ответил ему, с явной натугой выговорив бранное слово, отчего всем стало неловко – и за провокатора Петю, и за подавшегося на провокацию Б.А.

О Слуцком говорили, что он вообще не матерится.

Как по-разному оборвались их судьбы!

Флор Васильев, близкий друг нашей семьи, которого и я, и Володя много переводили, лирик, стал руководителем писательской организации в Удмуртии. Погиб в сорок четыре года, в июле 1978-го, в автокатастрофе, возвращаясь в Ижевск ночью после выступления. Его тело обнаружили и опознали на безлюдном шоссе ранним рассветом, спустя несколько часов после аварии.

Петя Вегин эмигрировал с дочкой Катей, страдавшей сахарным диабетом и длительными депрессиями, в Америку и оказался в Лос-Анджелесе. Какие-то годы работал в «Панораме», потом пытался создать свою газету, но безуспешно. Издал в Москве книжку воспоминаний «Опрокинутый Олимп», в которой он настойчиво ставил себя впереди Вознесенского и Евтушенко, отодвигая их на второй план, хотя в действительности был абсолютным эпигоном Андрея и за Евтушенко мог ходить хвостиком. В Лос-Анджелесе он серьезно запил. Катя через несколько лет стала тяжелой наркоманкой. Хозяин небольшой квартиры, которую снимали отец и дочь, выселил их после того, как Катя устроила в ней пожар. Петя, оставшись без работы задолго до этого, а потом и без жилья (прежний хозяин «не рекомендовал» их другим домохозяевам), спился окончательно. В дешёвом номере мотеля, который оплачивали вскладчину несколько сердобольных женщин из бывшей советской эмиграции, он умер, подавившись сосиской. Петя задохнулся.

Андрей Вознесенский: его я видела в последний раз весной 2009 года в ЦДЛ, когда он уже почти не мог разговаривать. У меня в то время гостил мой друг Александр Половец, создатель и главный редактор с

1980-го до 2000-го годы лучшего в тот период русскоязычного еженедельника в Америке – «Панорамы», а потом – президент Американского фонда Булата Окуджавы, автор нескольких книг воспоминаний, бесед, рассказов. Мы заглянули в Арт-кафе поужинать.

Андрей сидел один за столиком наискосок от нас. Посетители поглядывали на него и перешептывались. Видимо, Зоя была где-то рядом – не могла же она оставить его тут одного. Не уверенная в том, что он меня узнает, я всё-таки подошла к нему поздороваться, назвалась (кивнул: «узнал»), спросила, один ли он (слабо качнул головой: «нет»), сказала, как рада его видеть, как часто перечитываю его стихи, особенно ранние, как надеюсь, что он снова обретёт силы. Он грустно улыбнулся, что-то невнятно прошелестел губами, по щеке скатилась слеза. Я наклонилась и осторожно поцеловала его в висок. Мы с Сашей вышли из Арт-кафе на улицу. Пока разговаривали, шофер вынес из ЦДЛ повисшего у него на плече и вяло перебиравшего ногами Андрея, и, как былинку, осторожно опустил в машину...

Через год Андрея не стало.

После той морозной прогулки все – околоченные до синевы Петя и Андрей, незамерзающие Б.А. и Флор – зашли к нам. У меня была закопана в сугроб под яблоней бутылка водки. Разогрелись и еще довольно долго обсуждали разные разности отнюдь не литературного содержания: интригующую близость двух известных поэтесс, новый развод Володи Соколова, до болезненности страстный сталинизм Феликса Чуева и то, как Владимир Цыбин, страшно гордый тем, что временно заменяет председателя бюро секции поэзии Михаила Луконина, вручал поэтессе Нине Эскович поздравительный адрес к 60-летию: «Совсем недавно мы принимали Нину Леонтьевну в Союз, а сейчас ей уже шестьдесят. Не каждому удаётся столько прожить!»...

Слуцкий слушал, но не комментировал.

Когда же все темы оказались исчерпаны и ненадолго воцарилось молчание, Петя ни к селу, ни к городу неожиданно выкрикнул:

– А вообще все Марины – ведьмы!

Мариной звали Петину жену.

***

Лето 1972 года выдалось необыкновенно знойным и засушливым.

В Москве температура поднималась под сорок. В Шатуре, как всегда в жару, горели торфяники – Москву по утрам заволакивал сизый удушливый дым.

Надо было бежать из города, пока не спадёт жара. Я позвонила Слуцким, которых эта жара тоже мучила, особенно уже тогда болевшую Таню, и предложила поискать что-то под Москвой. Они моментально согласились.

Наша литературная приятельница, жившая в Ивантеевке и тайно влюблённая в неприступного Бориса Абрамовича, предложила договориться с дирекцией пустовавшей ведомственной гостиницы при

заброшенном полигоне дорожных машин. Нам разрешили снять там два номера.

Шестизэтажное строение возвышалось над окружающим его с трёх сторон лесом. С четвёртой раскинулся пустовавший полигон. Рядом бежала неширокая быстрая речка Уча.

В номерах были душ и туалет, на первом этаже — кухня с посудой и газовой плитой, готовили еду мы сами, поочерёдно. За окнами высокий сосновый бор, в гуще которого красноголовые дятлы громко долбили засохшие стволы.

Обычно через день мы сообща ловили такси в Ивантеевку за продуктами. В продмаге выбор был небольшой, но плавленые сырки «Дружба», хлеб, кое-какие овощи, макароны и слипшуюся карамель купить было можно. Тушёнка была только свиная в стеклянных пол-литровых банках: две трети жидкого от жары свиного жира и одна треть волокнистых комлей мяса. К счастью, мы все были непритворливы, и, если находилось во что взять квас, то обед получался роскошным: ели окрошку и макароны с тушёнкой. После обеда Слуцкие обычно уходили к себе отдыхать, а мы садились переводить кого-нибудь из национальных друзей. Наша дошкольница Оля проводила лето на детсадовской даче под Звенигородом.

Борис Слуцкий и Татьяна Дашковская

Как-то мне потребовалось что-то уточнить у Слуцкого. Забыв о том, что у них в это время отдых, постучала в дверь.

— Кто? — не очень приветливо спросил Б.А.

Отступать было поздно. Я смущенно отозвалась.

— Входите, Таня, — послышалось из-за двери.

Я вошла. Слуцкий сидел у изголовья Таниной кровати с книгой в руках, что-то, очевидно, читал ей. Таня лежала на спине в полудрёме, раздумываясь (солнце било в распахнутое окно сквозь занавеску), натянув к подбородку простыню, и была необыкновенно красива.

Вот и проросла судьба чужая
сквозь асфальт моей судьбы,
истребляя и уничтожая
себялюбие моё...

Я знала, что Борис Абрамович тщательно следил за Таниной температурой, за скачками ртутного столбика, зависящими от степени обострения в пораженных опухолью лимфоузлах. Температура могла быть почти нормальной, могла внезапно подскочить, чему предшествовал озноб, до 37,5, а то и выше 38,0 – и это было уже тревожно.

Когда жара немного спадала, мы гуляли по лесным дорожкам под говор ожесточенней за лето гремячей листвы, обсуждая перспективу жизни на Истре, в писательском дачном кооперативе «Красновидово», который представлялся нам земным раем, но строился этот рай уже лет шесть и всё никак не мог достроиться. Обе наши семьи были в списках будущих жильцов.

– И всё же, – попытывался у Володи Борис Абрамович, – когда, по-вашему, мы сможем, наконец, там поселиться?

– Бог его знает, но, наверное, лет через пять уж точно въедем, – неуверенно отвечал муж.

– Это уже без меня... – тихо произнесла Таня, – пять лет я не проживу.

Дальше шли молча.

Она прожила после этого ровно пять лет.

Дачный кооператив на Истре достроился еще через десять лет.

И были вечерние купания. Слуцкий плавал, отфыркиваясь, как морж, и на берегу тщательно растирался махровым полотенцем. Две глубокие воронки ввинтила в его тело война (река, конечно, не послевоенная баня «в периферийном городке», где «ордена сдают вахтерам, Зато приносят в мыльный зал Рубцы и шрамы – те, которым Я лично больше б доверял», писал он в стихотворении «Баня», но те две его воронки были уж точно значительней иных наград).

Война оставила Слуцкому не только шрамы на теле, но и в результате сильной контузии – стойкую, изнурительную бессонницу.

И – то ли война разбудила в нём одно удивительное свойство, то ли оно было врождённым, но он мог обходиться без часов. Они словно жили у него внутри – он в любой момент с точностью до минуты определял время.

Таня легко и бесстрашно ныряла с шатких мостков в тёмную ночную реку и плыла, погружая лицо в воду и разрубая ее энергичным кролем. Плавала она страстно и долго, не уставая, как будто река передавала ей свои глубинные силы.

А потом, снова оказавшись на мостках, она, словно прощаясь, всякий раз замирала, повернувшись лицом к реке, – с мокрой чёлкой, с освещенными луной плечами и с мокрым листком или подводным стеблем, прилипшими чуть выше локтя.

В такие минуты казалось, что воздух дрожал от тревоги и предчувствия беды.

После смерти Тани Борис Абрамович недолгое время звонил нам («Это Слуцкий» – всегда представлялся он, как будто мы могли не узнать его голос), интересовался, как жизнь, как наша Оля. Говорил отрывисто, на приглашение приехать к нам или на просьбу навестить его всякий раз отвечал отказом и быстро заканчивал разговор. Так же он звонил не только нам.

И почти десять лет мучительно доживал без Тани. Без неё он стал писать совсем другие стихи – не о войне, не о человеческих бедствиях, а о любви. В них стонала, винилась перед ней, истязала себя этой виной его сильная, израненная не меньше, чем тело, душа, торопясь сохранить на земле невидимый след той единственной женщины, с которой он, закрытый и сдержанный, мог быть открытым, понятым, счастливым и любящим.

Небольшая синица была в руках,
небольшая была синица,
небольшая синяя птица.
Улетела, оставив меня в дураках.
Улетела, оставив меня одного
в изумленье, печали и гнев,
не оставив мне ничего, ничего,
и теперь – с журавлями в небе.

Стихи, которые он прежде словно вырубал в камне, теперь дополнились дрожащими строками нежности, незащищенности, раскаяния и потери.

Теперь путь к Тане был невысказанно тяжёл. Он прошёл его по грани собственного отчаяния и безумия, сумев максимально приблизиться к однажды намеченной цели – выговориться...

***

Памяти Тани Дашковской и Бориса Слуцкого

Над рекой и холодной, и чёрной,
Цепенеющей в лунных мазках,
Узкоглазая женщина с чёлкой
Замерла на дощатых мостках,

И движеньем коротким и резким
От мостков оттолкнулась слегка,
И таинственным вздохом и всплеском
Ей откликнулась шумно река.

Будто ждали они этой встречи,
Зная обе – не будет иной.
И светились покатые плечи
Под ушербно застывшей луной.

Был едва ошутим запах горя,

Словно дальнего запах дождя.
И чертила я «Таня + Боря»,
От обоих беду отводя.

Помню, ветер срывался надрывно.
Помню, шли от реки вчетвером.
Как была моя вера наивна
В то, что мимо прокатится гром! –

Унесло, смыло ливнем обильным.
Был костёр – побелела зола.
И любовь, что казалась всеильной,
Никого из двоих не спасла.

Игорь Ефимов

Про философов и учёных

***

Только люди мощного разума могут однажды усомниться в его всесильности, ибо только они в состоянии дойти до границ его.

***

Материалисты никогда не согласятся распространить столь дорогой им закон единства и борьбы противоположностей на такие две вещи, как вера и знание. Ведь в этом случае вера получила бы плацкартное место в материализме, и изгнать её оттуда было бы невозможно.

***

Кант много раз повторяет, что метафизика до него ещё не начиналась, но нигде не высказывает прямо своё явное убеждение в том, что она им же и закончится.

***

С точки зрения радиоволн и магнитно-силовых линий, мы — люди — не существуем.

***

С философией надо обходиться так же осторожно, как с рентгеновскими лучами. Конечно, они помогают нам проникать за внешнюю оболочку явлений, добираться до их сути. Но если кто-то решит отказаться от обычного зрения и заменит свои глаза рентгеновским аппаратом, то он ничего не увидит в этом мире, кроме костей.

***

В книге «По ту сторону добра и зла» Ницше до смешного часто использует слова «нужно», «должно», «имеют право», «оправдывают своё существование». В своих претензиях на имморализм он похож на крестьянина, переселившегося из деревни на хутор и вообразившего, что тем самым он порвал с деревенской жизнью.

***

Молодой Шопенгауэр в салоне своей матери познакомился с боготворимым им Гёте. Он разговаривал с ним так, будто тот должен был знать, что молодому человеку, стоящему перед ним суждено написать великую книгу. Понятно, что Гёте не мог этого предвидеть и игнорировал молодого человека, приводя его этим в отчаяние. Вопрос, однако, в

другом: откуда сам Шопенгауэр знал, что он напишет «Мир как воля и представление»?

***

«И наконец, чтобы окончательно подготовить в ходе эволюции появление на свет нас, клопов, Бог создал человека».

***

Гегелевские призывы к мужеству разума напоминают смелость старшего мальчика в компании детей, оставшихся дома без взрослых. Он храбро уговаривает остальных не бояться черноты неведомого за окном. «Видите, там ничего нет, кроме наших отражений», – говорит он, и сам тоже верит уже своим словам и почти не боится.

***

Бердяев всю свою жизнь накидывался на разные явления жизни, на разные системы воззрений, страстно уверяя всех, что ни там, ни там, ни там нет свободы. Как будто Кант и Шопенгауэр задолго до него не показали, что та Свобода, о которой он говорит, вообще не может принадлежать *миру явлений*.

***

Философы порой обрушивают на нас такой напор эрудиции, умозаключений, образов, заклятий, идей, догадок, который уже не вмещается в рамки строгого мышления, который подхватывает и несёт более слабое человеческое сознание к некоей наперёд заданной цели, если при этом душа человека втайне стремилась к тому же. Таков был Гегель, таков Ницше, Шпенглер, в какой-то степени – Маркс, Сартр, Исая Берлин.

***

Шестов напрасно так горячится, утверждая, что Богу по силам сделать даже бывшее – небывшим, то есть, например, отменить истину: «Сократа отравили». Зачем беспокоить Бога по пустякам? Министерство Правды, описанное Оруэллом, или его реальные прототипы справятся с этой задачей и без Высших сил.

***

Структурализм, как и прочие виды схоластики, есть попытка бегства от простой тайны искусства в головоломную псевдо-объяснённость.

***

Гениальные философские комментаторы вроде Шестова и Аверинцева не проявляют никакого интереса к мыслителям *строгого ума*. Их сфера – Августин и Фома Аквинский, Шпенглер и Юнг, платоники и стоики, София и Иерусалим – сумеречная ничейная земля между Верой, Знанием и Искусством. Но они никогда не коснутся в своих писаниях Канта, Шопенгауэра, Кьеркегора, Тиллиха. Ибо предощущают, что здесь им комментировать нечего: эти сказали всё, что они хотели, сами за себя.

***

Если изобретение атомной бомбы – ход, которым Творец хочет отбросить в мусорную корзину Вечности своё неудачное творение – нас,

то как же Он сохранит при этом Свои безусловные шедевры: сазанов и фазанов, коней и шмелей, васильков и колосков, тополей и голубей?

***

Профессия учёного – обнаруживать прекрасную простоту за хаосом явлений. Профессия художника – обнаруживать прекрасный хаос за внешней простотой явлений. Немудрено, что эти двое так часто косятся друг на друга с подозрительностью и раздражением.

***

Современная теория литературы тщательно избегает прикасаться к тому, что составляет нерв искусства – к чувству, к страсти. Это считается «не научным». Предпочитают подсчитывать число слогов в поэтической строке, или гласных звуков, или с учёным видом привешивать бирку стиля, школы, направления, да кто у кого что заимствовал, да кто с кем перекликается, наполняя статьи бесконечными «см.». Получается, действительно, научно, безопасно, и можно всю жизнь оставаться в почётной компании литературных классиков, которые уже не встанут из гробов, чтобы разогнать зануд.

***

Интеллектуальная бездна, отделявшая Юлия Цезаря от раба, несущего его носилки, гораздо меньше бездны, отделявшей Эйнштейна от его соседа по купе в спальном вагоне.

***

Всякий человек «помнит» путь своей эволюции, потому что каждому нужно повторить его, чтобы появиться на свет.

Мы начинаем жизнь в виде крошечного головастика. Затем несколько недель живём в виде личинки. Затем плаваем в утробе, как рыба в воде. И только потом являемся с воплем на свет Божий – «выходим из океана» на сухой воздух, прямоком в разряд млекопитающих.

Так что хватит вам, дарвинисты, рыться в земле в поисках костей! История нашего происхождения «внутри вас есть».

***

Есть мыслители, воображающие, что отсутствие белых пятен – лучшее украшение картины мира, создаваемой ими. На самом деле, картина мира без пятнышка тайны так же противоестественна, как человек без пупка.

***

Рассуждения о судьбах человечества интеллигент начинает с того, что мысленно создаёт человека по образу и подобию своему, то есть полным благих намерений. А потом приказывает созданию своему: «С Древа познания будешь есть только яблоки Добра». И не понимает, что после такого приказа яблоки Зла наливаются для человека хмельным соком Свободы.

***

Планета Земля интересна для исследователя тем, что на ней он может обнаружить около семи миллиардов центров мироздания.

***

Тысячи алхимиков бились над поисками философского камня, не отдавая себе отчёта в том, что успех убьёт их мечту – золото мгновенно обесценится.

Тысячи прожектёров вечного счастья для всего человечества плодят схему за схемой, не отдавая себе отчёта в том, что учреждение любой схемы обесценивает главное сокровище человеческой жизни – свободу.

***

Переустройство мира – не дело философов. Их дело – сортировка человеческих представлений о мире. А это такой хаос, что работы нам хватит на тысячелетия.

***

Мыслитель может стать популярным среди своих современников лишь в том случае, если будет говорить им по-новому то, что они знали и без него.

***

Неизбежность такого-то поступка или такого-то исторического события, говорят нам детерминисты, равна 99%. В оставшемся проценте, отвечаем мы, как царевна в светёлке замка, живёт Свобода.

***

Философ Иван Ильин знал уже, что в XX веке среди образованных людей не принято объяснять мировое зло кознями дьявола или жидо-масонским заговором. Но он не растерялся и придумал новое таинственное чудище, которому дал название: «международная закулиса».

***

Сергей Аверинцев – блистательный экскурсовод в музее трансцендентальных плаваний, сам никогда не покидавший безопасную гавань.

***

Главная ошибка рационализма – принимать логическое удобство за истину.

***

Платоново-сократовские диалоги напоминают игру на бильярде с самим собой. В них есть искусность, но нет настоящего противоборства. Оппонент послушно перелетает от борта к борту под ударами вопросов Сократа. Рано или поздно, после более или менее удачных ударов, шар послушно свалится в лузу заданного Платоном вывода. Я часто закрывал книгу, не дожидаясь конца игры.

***

«В моей картине мира вы не найдёте никаких противоречий!», – хвалится философ.

«Но найдём ли мы у тебя защиту от наших страхов?», – спрашивает толпа.

И течёт мимо.

***

Природа таит миллионы загадок, но тайну – всегда одну. Настоящий учёный знает, что, сколько бы загадок он ни разгадал, тайна пребудет вечно.

***

Нам кажется, что мы страстно сражаемся за свои глубочайшие убеждения, что вот – ещё одно усилие, одно слово – и мы что-то изменим в этом мире.

«Нет, – говорит нам миротворец Кант, – вы просто вовлечены в вечную войну тезиса и антитезиса, из которой нет исхода, которой не дано ничего изменить».

«А не полез бы ты, дедуля, обратно на тёплую книжную полку?», – говорим мы.

И сражение продолжается.

***

В теории восхваляют объективность мыслителей, а на деле (в наказание?) читают только субъективные книги. Ибо только такие и выживают.

***

Самоуверенность сильного ума может наделать в науке больше вреда, чем ограниченность заурядного.

***

Чем богаче у человека способность *представления*, тем меньше он склонен верить Шопенгауэру в том, что в мире есть ещё и *воля*. Примеры: Розанов, Шпенглер, Аверинцев, Даниил Андреев, Михаил Эпштейн.

***

От Гегеля и Маркса до Фрейда и Якобсона гонор мыслителя-рационалиста в отношении художника остаётся одним и тем же: «я разгадал твой секрет, у тебя нет больше тайн от меня». Но это всё равно, как если бы прозектор над разрезанным трупом стал утверждать, что ему открылась тайна жизни.

***

Вся мировая наука – от арифметики до атомной физики – ищет не истины, а максимально удобных способов сортировки похожих явлений. Главная причина отставания наук о человеке: мы не похожи друг на друга. Нас не рассортируешь.

***

Социализм – любимая глупость умных людей. Исчезнет, когда останутся одни дураки.

***

В начале XX века Эйнштейнова теория относительности, которую не понимает ни один человек в мире, вернула миллионам рационалистов надежду на то, что можно будет построить картину мира не только без Творца, но и без Канта. Слава Эйнштейна, удивлявшая его самого, – отражение их благодарности. И под прикрытием теории относительности, в конце XX века, философские кафедры Америки заполнились дружной докантовской детворой.

***

Интерес к русскому языку и литературе на практичном Западе сильно подогревался ядерным арсеналом русских. После развала СССР интерес сильно ослаб.

***

Маркс изучал капитализм на судьбе своего друга Энгельса. С одной стороны, он видел, что его друг почти не занимается текстильной фабрикой своего отца, и решил, что все капиталисты ничем не занимаются, а только гребут деньги. Отсюда родилась идея эксплуатации. С другой стороны, у фабрики были постоянные трудности со сбытом продукции, и Маркс – из сострадания – возненавидел конкурентов и конкуренцию. Отсюда – плановое социалистическое хозяйство и вечный дефицит, при котором самые паршивые ткани должны идти на расхват.

***

Главное занятие интеллигента – различать правильное от неправильного, хорошее от дурного, высокое от низкого. Но не дай Бог ему при этом ещё научиться отличать выполнимое от неосуществимого. О, тогда его вышвырнут из этого высокого сословия вниз – к торгующим, строящим, сеющим.

***

Одна из популярнейших формул в наши дни: «Добро против зла – это интеллектуалы против политиканов». Доказать невозможно, но очень помогает получить тёплое местечко в американском университете.

***

Весь фрейдизм – усложнённая охота за виноватыми ведьмами, живущими между детской кроваткой и родительской спальней.

***

Борьба между сторонниками и противниками абортот прекратится только тогда, когда какой-нибудь добрый швед научит людей размножаться путём ксерокопирования.

***

В Средневековой Европе добрая забота о спасении бессмертной души ближнего довела до костров инквизиции, в которых души спасали насильно. В современной Америке культ спасения брэнного тела доведёт нас до принудительного лечения, при котором на операционный стол будут кидать, не спрашивая вашего согласия.

***

Рационализм есть всего лишь красивое название для лени ума. Заучить десяток правил и не обременять свою память мыслями о миллионе исключений.

***

«Роза мира» Даниила Андреева имела все шансы стать самым популярным религиозно-философским супермаркетом всей Руси, где каждый мог бы найти себе безделицу по вкусу.

***

В начале своего знаменитого трактата «О происхождении неравенства» Руссо обращается к читателю с заманчивым предложением: «Давайте не будем обращать внимания на исторические факты,

ограничимся чистой логикой чувств». И миллионы чувствительных невежд во всём мире до сих пор с благодарностью откликаются на этот призыв.

***

Всякий историк, всерьёз «анализирующий и исследующий» признания людей, вырванные у них пыткой, тем самым вознаграждает и оправдывает работу палачей.

***

Всё чаще и чаще разговоры структуралистов о литературе напоминают рассуждения профессиональных акустиков о криках пытаемого в камере.

***

«Здесь он исходит из Гердера... В этих рассуждениях явно чувствуется космология Оригена... Розанов почерпнул у Леонтьева... Труды неокантианцев повлияли... Сартр отталкивается... Бердяев развивает... Хайдеггер следует...»

Ум-попрыгунчик, ум-эрудит, ум-комар, скачет с имени на имя всё быстрее, всё упоённое, будто боится, что, если остановится хоть на миг, если задержится дольше, чем на каплю высосанной крови, его тут же прихлопнет тяжёлым вопросом:

«А что если никто ни у кого ничего не заимствовал? Что если все они сходились так близко, как звери сходятся на водопой к одному источнику? Не придётся ли тогда задуматься о том, откуда вытекает источник?»

***

«Непостижимым не интересуюсь» было написано у него на лице.

***

Судьбы двух мизантропов, двух эстетов, двух холостяков, двух гурманов, двух проповедников несбыточного, двух страстно верующих христиан – Гоголя и Кьеркегора – совпадают не только по стадиям, но даже по датам главных переломов: позор – в 1846-47, молчание – в 1850, нищета и болезнь – в 1851, а затем смерть на 43-ем году жизни (1852 и 1855). Невольно хочется спросить немцев, англичан, французов: «А кто у вас в эти годы был Гоголем?».

***

Каждый может описать стены своей камеры. Только гений способен пронзить их мысленным взором и описать стены своей тюрьмы.

***

Дарвинисты учат нас, что цветы сделались так красивы из чистой выгоды – чтобы приманивать опыляющих их насекомых. О, Творец, не наказывай их слишком строго! Просто посади на миллион лет в осенний лес. И пусть они там ломают голову над тем, кого заманивают краснеющие клёны, желтеющие берёзы, оранжевые подосиновики.

***

Всё нищестанство – отчаянный боевой клич, взятый из Букваря Свободы: «Равны не мы! Мы не равны!».

***

Многие современные литературоведы клянутся именами Бахтина, Лотмана, Гаспарова. Но их упорный отказ хоть раз употребить в своих писаниях слова «вдохновение», «дар», «душевная высота», «совесть», «доблесть» изобличают в них наследников Чернышевского, Добролюбова, Писарева.

***

В Дарвинской теории сквозит не только наглость самонадеянного ума, но и полная эстетическая бесчувственность. Природа должна представляться дарвинисту не дивным художником, Творцом, а пьяной бабой, которая наугад кидает в решето естественного отбора всякий мусор и потом с удивлением получает крылышко бабочки, шкуру барса, зонтик медузы, перо страуса.

***

Визиты к психоаналитику человек переживает как осуществление своей свободы: «Вот, рассказываю о себе любимом, и это улучшает моё здоровье, расширяет моё царство я-могу». Но никакого «излечения» эти визиты принести не могут. Облегчающий эффект возникает, лишь покуда они длятся. Недаром же люди ходят к шринкам годами. Потом человек может найти себе другое русло для осуществления свободы, успешно примется за новое дело – тогда про него скажут: «Видите, как ему помогло. Да здравствует Святой Зигмунд!».

***

Рационализм поначалу выглядит гладким, круглым и чистым, как яйцо. Залюбуешься! А когда из него выползает гадюка якобинства, удав коммунизма, крокодил нацизма, он с возмущением открещивается и вопит: «Не я! Не я!».

***

Анализ великих исторических баталий, по большей части, находится в руках людей, которые мухи не способны обидеть. Какой правды, какой глубины анализа мы можем ожидать от них?

***

Важность метафизики в том, что это единственный язык, на котором возможны мирные переговоры между учёным и священнослужителем.

***

Философия способна спасать только самих философов.

***

Интеллектуал ненавидит врождённое неравенство людей за то, что оно мешает ему обобщать и наставлять. Хам – за то, что оно мешает ему возноситься над ближним и подавлять. Когда интеллектуал сливается в этой ненависти с хамом, на сцену истории является инквизиция, якобинство, большевизм.

***

Интеллигентный атеист неустанно ищет научные теории, которые укрепили бы его в его атеистической вере.

Дарвинизм так пришёлся ему по сердцу, потому что он исключал Творца из картины мира. Марксизм, провозгласивший

предопределённость хода истории, исключал свободу. Фрейдизм отнимал у человека душу, заменяя её безднами подсознания.

И всё же непонятно: почему победившие атеисты-марксисты Дарвина пустили в свои священные книги, а Фрейда – нет? Неужели с душой даже им было жалко расстаться?

***

Розеншток-Хюсси говорит, что «истина и новость – понятия несовместимые. Истина всегда стара».

***

Талибы в Афганистане воплотили мечту возвышенного Платона: создали государство, в котором музыка запрещена, искусства изгнаны, женщины заперты.

***

Если когда-то были свирепые войны между католиками и протестантами, почему так трудно допустить, что мы доживём до войн между фрейдистами и кантианцами? В конце концов, наша картина мира – это единственное, за что стоит убивать и быть убитым.

***

Сценарий «Корабль мудрецов»: про пароход, на котором в 1922 году из России были высланы российские философы.

***

Большевизм есть самоуверенность логического ума, доведённая до абсурда. Абсурд состоит в том, что, дойдя до своих естественных – Кантом описанных – границ, логический ум не видит для себя иного выхода, кроме как убивать тех, кто ему на эти границы указывает, тех, кто умеет нелогично пересекать их: художников, поэтов, священников, философов.

***

Теория естественного отбора самым естественным образом отобрала в ряды своих сторонников всех умных дураков прошлого, настоящего и будущего.

***

Пять тысячелетий люди боготворили Дарителя жизни – под разными обличьями и именами. Но в веке XX рационалисты победили, и люди перенесли своё поклонение с Дарителя на Дар – на жизнь человеческую. Жрецы здоровья в белых халатах вытеснили жрецов в рясах и начали грести невиданные пожертвования на нужды нового культа.

***

Уже Платон знал, как переменчивы, многолики, непостоянны, нетерпимы бывают высоковольтные. Он понимал, что моногамные отношения для них – невыполнимая мечта, и запретил индивидуальные браки для господ («стражей») в своём идеальном государстве.

***

Нет и не может быть мира и дружбы в царстве философии. Аристотель отшатнулся от Платона, Кант – от Сведенборга, Шеллинг – от Гегеля, Маркс – от Прудона, Соловьёв – от Толстого, Юнг – от Фрейда.

***

Пожиженный холостяк Сведенборг писал поучительные трактаты о супружеской жизни. Его современник, Жан-Жак Руссо отдавал каждого своего родившегося ребёнка (числом пять) в сиротский дом, чтобы они не мешали ему писать трактаты о воспитании детей. Так теория века Просвещения всюду торжествовала над практикой.

***

Сердце наше жаждет чудес. Но разум стоит с розгой и твердит нам, что чудес не бывает. Здесь кроется объяснение успехов сюрреализма в живописи, кино, литературе. Сюрреализм – это разрешённые разумом чудеса.

***

Учёный должен оставаться объективным и беспристрастным, должен уметь подавлять свои эмоции. Учёные филологи полагают, что и они тоже должны соблюдать это правило и рассуждать о литературе бесстрастно. Но это такая же нелепость, как если бы врачи взяли себе за правило лечить человека, не прикасаясь к больному месту.

***

Разумные и озверелые вечно противостоят друг другу. Но в те моменты истории, когда озверелые одолевают, разумные пускают в ход все силы своего ума, чтобы объяснить их победу разумными причинами.

***

Ужасно не то, что мне хочется надавать пощёчин Арлену Спектору, Гроверу Фёрру, Ноаму Чомски, Винсенту Буглиози и прочим американским мастерам говорить неправду. Страшнее то, что, слушая их, я готов выступить за отмену свободы слова.

***

«Мир – это всего лишь система знаков», утверждают структуралисты. И весь их лексикон, действительно, нацелен только на знаки, то есть на наше представление о мире. О воле, которая томится, страдает, жаждет, ликует – ни слова.

***

Уберите от страшного слова «метафизика» приставку «мета», и рационалисты всего мира с радостью заглотят наживку привычной им «физики». Отсюда и выросла популярность Эйнштейна: он обозначил Кантовскую «вещь в себе» и Шопенгауэровскую «волю» физическим термином «поле», и толпы поклонников ринулись за ним, не заботясь о том, чтобы заучивать его формулы.

***

«Так вы, мистер Дарвин, утверждаете, что и хвост павлина – всего лишь результат случайного подбора красок в процессе естественного отбора и борьбы данного вида за выживание? Красиво выживают, гады!»

***

Тяжела Господня наука.

20 миллионов погибло от чумы в Европе XIV века. И только 500 лет спустя люди перестали бороться с этим бедствием при помощи

сжигания ведьм и разрешили своим высоковольтным отыскать и обезвредить невидимую простым глазом чумную бациллу.

20 миллионов погибло в Сталинском терроре, столько же – в китайском и прочих. И сколько веков должно пройти, прежде чем люди поймут, что причина этих катастроф – невидимая бацилла ненависти низковольтного к высоковольтному.

***

Во всех американских университетах читают курсы по политическим наукам – political science. Но ни одного из студентов никогда не познакомят с политической азбукой: что главнейшая задача любого правительства – охранять не абстрактные «права человека», а прежде всего конкретную и единственную жизнь подданных – от внешних врагов и друг от друга.

***

Историю изучают и анализируют люди умные и достойные, а творят – злые и кроважадные. Именно поэтому внутренние законы истории до сих пор остаются нераскрытой тайной.

***

Нельзя отдать приказ «Полюби! – эту симфонию, книгу, картину, кинофильм».

Но можно отдать приказ «Признай! – эту симфонию, книгу, картину, кинофильм – наилучшими, потому что...»

И дальше рационалист прёт на нас, размахивая логической дубинкой, выбивая нас из последнего прибежища свободы и любви.

***

Возьмите самый мощный, самый всеведающий компьютер, покажите ему портреты десяти женщин, взятых наугад, и попросите выделить самую красивую. Он задымит, забулкает, сломается – не сможет.

***

В литературоведении восторжествовало направление, которое признаёт только эмоциональную невесомость. Бывают же в физике допущения: сопротивлением воздуха пренебречь, трением пренебречь, радиацией пренебречь. Так и эти договорились между собой: душевной болью в художественных произведениях пренебречь.

***

Преступник опознаёт своего, услышав знакомые слова тайного жаргона. Университетский интеллектual отличит своих от чужих, наоборот, по тем словам, которые будут выброшены из речи. Доблесть и низость, честь и позор, смелость и трусость, надежда и отчаяние, любовь и ненависть, гордость и стыд, щедрость и корысть, сострадание и жестокость, доброта и злоба – вот краткий перечень слов, которые нельзя употреблять, если вы хотите сохранить свои шансы на хорошую университетскую карьеру.

***

Зигмунд Фрейд четыре года каждый день встречался с русским пациентом Сергеем Панкеевым. Тот рассказал, как в четыре года его испугал сон, в котором семь белых волков сидели перед его открытым

окном на ореховом дереве. Фрейд объяснил ему, что сон этот, вероятно, связан с тем, что он видел половой акт родителей, когда ему было полтора года. Эта история считается одним из величайших научных достижений Святого Зигмунда, вошла в учебники по психоанализу под названием «человек-волк», изучается психиатрами всего мира.

Боже, как одиноко в мире непуганых шринков!

***

Фрейдизм хуже, чем псевдонаука.

Это псевдорелигия.

***

Вы хотите помочь учёным находить объективную истину? О, это очень просто! Убивайте или, по крайней мере, изгоняйте всех учёных, истина которых окажется недостаточно объективной.

***

Свой ужас перед психиатрией так ярко изобразили Чехов в «Палате № 6», Вирджиния Вулф в «Миссис Даловой», Кен Кизи в «Пролетая над кукушкиным гнездом». Но наш страх перед непредсказуемым поведением ближнего сильнее, и мы даём психиатрам всё больше и больше власти над нами.

***

Медицина сумела пролезть на роль религии наших дней. Но там, где есть религия, должны появиться еретики. Самые страстные антимедицинские еретики – доктор Томас Шаш и доктор Джейкоб Кеворкян. И кто же они по национальности? Один – еврей, другой – армянин. В воздухе снова пахнет кострами.

***

Наука способна изучать только повторяющиеся явления. Всё неповторимое остаётся уделом искусства и веры.

***

«Покупатель всегда прав», – говорят в Америке. И с того момента как студенты превратились в «покупателей образования», они получили право класть ноги на стол, третировать профессоров, хамить администраторам, переделывать учебные программы.

***

Из парадоксов XX века: в 1975 году Нобелевская премия мира, учреждённая изобретателем динамита, была присуждена создателю российской водородной бомбы Андрею Сахарову.

***

Инквизиция оправдывала свою войну с ересями необходимостью спасти заблудшие души верующих. Сегодняшняя война с наркотиками оправдывается необходимостью спасти здоровье заблудших налогоплательщиков. И по длине кровавого следа она уже далеко обогнала Средневековье.

***

Каждый день в тысячах взлетающих храмов миловидные жрицы Идола Безопасности выходят перед пассажирами и совершают ритуальные танцы с надувными жилетами и плавучими сиденьями. Эти жилеты и сиденья никого ещё не спасли и спасти не могут. Но мы бы

чувствовали себя гораздо хуже, если бы этот танец был почему-то пропущен.

Генрих (Хаим) Соколик

Огненный лед

(окончание. Начало в №6/2013)

О том, как ушла снежная королева

В маленькой комнате под самой крышей было так скучно, что даже зимой в ней цвели розы. А в царстве Снежной королевы вместо цветов росли снежинки. Те самые, из которых Кай любил складывать фигуры. Но и самым сложным симметриям не хватало совершенства. Каждую всегда можно было как-то дополнить. А ведь он стремился именно к бесконечной законченности.

Был сочельник, Кай поставил на стол два зеркала, одно против другого, а между ними зажег свечу. Перед ним был бесконечный ряд зеркал, отраженных друг в друге, и перед каждым горела свеча. И тогда стремление к совершенству заставило Кая войти в зеркальный коридор. Он хотел увидеть последнее зеркало, его завершающее.

Это было большое ледяное зеркало. В центре его стоял трон Снежной королевы. Только Снежная королева, она одна, и отражалась в нем. Снежная королева говорила, что ее можно видеть только в последнем зеркале, потому что другие зеркала - зеркала разума и отражают лишь то, что стоит перед ними. Это же зеркало, самое совершенное в мире, позволяет увидеть целое. «Я знаю, - сказала Каю Снежная королева, - симметрии царства разума не полны, и это причиняет тебе страдание. Но в моем царстве завершаются все бесконечные процессы, потому что это царство совершенства, и здесь из моих снежинок ты сможешь наконец сложить слово «бесконечность». Слово было почти закончено, когда во дворце Снежной королевы появилась Герда. Она искала Кая по всему свету, чтобы спасти его от самого себя. Герда коснулась Кая, и ледяное слово стало расплываться перед его глазами. И единое оказалось многим. Тогда она принялась ему помогать. Но снежинки почернели и осыпались в ее живых руках, а с ними исчезли и чертоги Снежной королевы. И сама королева ушла навсегда, посмотрев на Кая с грустью.

***

И как прежде, Кай и Герда сидели на низкой скамеечке в маленькой комнате, где даже зимой цвели розы.

***

*Девиз таинственный похож
на опрокинутое 8.*

*Она отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознания носим.*

*Иннокентий Анненский
...Достигнешь ты единства в той искре души, которой не
коснулось ни время, ни пространство. Эта искра сопротивляется всем
творениям и хочет только Бога чистого, каков Он сам в себе.
Майстер Эккарт. О единстве вещей*

ОТСТРАНЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

*С нас довольно продажных речей
И улыбок сытого рта,
Окровавленных рук королей
И лжи на устах попа.
Суинберн. Песнь времен порядка*

ТАВТОЛОГИЯ

В биологической фантазии Б.Шоу «Назад к Мафусаилу», посвященной пропаганде неоламаркизма и идеи творческой эволюции, говорится о временах, когда люди будут возникать из яйца – «почти готовые».

И знания, приходящие к нам сложным и неестественным путем (а суть всякой педагогики в том и состоит, что «естественному» существу она сообщает сложные и идущие извне правила мышления, превращая его из стихийного создания, привязанного к ситуации, в которой оно возникло, в человека, способного созерцать различные ситуации), творческая эволюция превращает в естественные, органически присущие человеку (его биологии). Здесь проходит грань между двумя типами мышления: научным и художественным. Современная наука характерна именно своей способностью относиться критически к любой «самоочевидной» истине. Дело в том, что собственно научное мышление носит внешний по отношению к предметам рассмотрения характер. Как заметил впервые Б.Рассел, научные утверждения всегда сводятся к установлению некоторой связи явлений, внутренняя сущность для теории не имеет значения. То есть научные высказывания носят условный характер. Б.Рассел высказал это в характерной для английской традиции парадоксализма форме: «Единственный научный ответ на вопрос о результатах президентских выборов будет такой: изберут того, кто получит больше голосов». Иначе говоря, по мнению Б.Рассела, наука носит тавтологический характер: ее основанием является утверждение типа: $A=A$, и суть научного подхода состоит в том, что тавтология заменяется цепью равенств $A = B = C \dots = A$, из которой в конце концов следует все то же $A=A$, но каждое из равенств цепочки – нетривиально и может быть содержанием научной теории. Лишь метатеория открывает нам тавтологическую основу системы. В качестве примера такой конструкции можно указать на механику в канонической форме, а также

на каноническую формулировку квантовой теории поля. Действительно, в основе динамического описания физической системы лежит утверждение, что состояния системы задаются набором динамических инвариантов, то есть величин, остающихся неизменными относительно определенного класса преобразований. Можно сказать, что такими инвариантами являются интегралы системы канонических уравнений, описывающих поведение изучаемой системы. Интегралы движения имеют вид $F(\Phi_1 \dots \Phi_k) = \text{const.}$, где F - произвольная функция к частных решений канонической системы уравнений. Устанавливается связь между динамическими инвариантами и динамическими константами – законы сохранения связаны с некоторыми симметриями. Так мы приходим к теореме Нётер, из которой следует, что суть законов сохранения состоит в тавтологическом утверждении, что законы сохранения задаются величинами, сохраняющимися по определению, так как они описываются именно интегралами движения (или их аналогами в случае теории поля).

Таким образом, сохранение энергии означает собственно то, что определенный класс измерительных данных подводится под первый интеграл движения (так называемый гамильтониан). В этом смысле вообще нельзя говорить о нарушении закона сохранения энергии, так же, как отметил Рассел, нельзя говорить, что возможны обстоятельства, при которых метр не будет равен ста сантиметрам. Если же полученные результаты не укладываются в гамильтониан данной формы, гамильтониан приходится обобщить, то есть ввести в него новый член, после чего данное выражение снова можно считать константой движения. Закон сохранения восстанавливается. Это можно понимать как учет нового типа взаимодействия.

Возникает своего рода иерархия симметрии, причем переход от какой-либо группы инвариантности, гарантирующей, согласно теореме Нётер, соответствующий закон сохранения, к ее подгруппе (к ослабленной симметрии) всегда связан с ослаблением взаимодействия. В качестве примера можно сослаться на несохранение четности.

Суть этого эффекта в том, что переход от полной группы Лоренца (релятивистская инвариантность, дополненная зеркальной симметрией) связан с введением слабых взаимодействий, нарушающих инвариантность гамильтониана относительно пространственной инверсии.

КАМЕННЫЙ ХЛЕБ

Несмотря на вышеприведенные замечания Б. Рассела о тавтологической природе оснований всякой научной теории, он и не собирался отказываться от идеи научной реальности и не отрицал объективного характера научного знания. Именно в этой связи он остроумно критиковал позитивистские взгляды на сравнение теории и эксперимента. Суть этой критики в том, что теоретическая конструкция должна находиться в однозначном соответствии с экспериментальной ситуацией и в то же время должна быть от нее независимой. В противном случае сравнение с экспериментом сведется к тавтологии: предполагается, что камень съедобен и хлеб каменный; отсюда следует, что хлеб съедобен (экспериментально проверяемое утверждение). Здесь суть парадокса состоит в лишнем термине «камень», вводимом в теорию только лишь для

установления соответствия с опытом. Как показал Г.Рейхенбах, аналогичная ситуация возникает, если ставится вопрос о геометрии внешнего пространства и о возможности экспериментальной проверки «неевклидности» наблюдаемого мира: хлеб получается «каменным», если в физической геометрии различаются собственно геометрия (конструкция физических объектов, допустимая некоторой системой аксиомы) и поле сил F , деформирующее стержни, входящие в измерительный прибор, устроенный в отсутствии сил в соответствии с геометрической аксиоматикой. В частности, можно считать исходную геометрию G_0 евклидовой, и все отклонения от «евклидности» понимать как неинерциальные движения. Экспериментальной проверке доступны, собственно, $G_0 + F$, то есть мы можем, исходя из любой G_0 , получить выбором негеометризуемых сил нужную геометрию. G_0 играет в данном случае роль «камня». Только заменяя $G_0 + F$ на некоторую геометрию G_0 , что и делается в общей теории относительности, мы приходим к геометризованной бессиловой теории, в которой все динамические свойства системы сводятся к геометрии. Такую геометрию действительно можно сопоставлять с экспериментом, не боясь тавтологии, так как теория независима от эксперимента, поскольку, говоря о динамике, мы говорим не о присущем опыту геометрическом языке. Именно поэтому теория оказывается сопоставимой с опытом целиком (без деления на геометрию и динамику), что исключает «каменный хлеб».

Этот пример поясняет замечание Рассела - и в этом самая главная черта его логического реализма - о том, что всякой апелляции к опыту должна предшествовать логическая конструкция, относящаяся к понятиям, возникающим в опыте (например, силы, расстояния, равенства фигур), и не входящая в опыт.

Сказанное характеризует теоретическое знание как условное и искусственное, хотя и реальное, поскольку логические соотношения по самому определению логики не могут содержаться в объектах рассмотрения. Они вносятся извне, а поэтому и не могут возникнуть в нашем сознании естественно, в силу некоторого органического процесса.

И подобно законам Ирвона из книги Сэмюэля Батлера «Ирвон»¹, естественное и конвенциональное легко меняются местами.

В мире Ирвона, где все - наоборот, обитателей судят за воспаление легких (ибо законы должны «следовать природе») и лечат от воровства. И совершенно последовательно так называемые законы природы (физиологические, физические и тому подобные) даются по воле богов, то есть находятся в сфере нравственности. Иначе говоря, демонстрируется иллюзорность идеи «естественных» законов, имманентных внешней реальности.

ИНТУИЦИЯ И ЛОГИКА ТВЕРДЫХ ТЕЛ

Другая точка зрения, сформулированная А.Бергсоном, рассматривает теоретический подход как «логику твердых тел». Бергсон различал искусственные механические процессы (механическую

---

¹ По-русски название этой великой антиутопии должно звучать как «Едгин» (Erehwon). Это анаграмма слова nowhere – нигде.

эволюцию), серии состояний, каждое из которых может быть математически интерпретировано. Мы можем вывести это состояние, учитывая его отношение к окружающим механическим (неорганическим) объектам. Но формальное описание не содержит цели, не отвечает на вопрос «почему», точнее, «зачем». Иначе говоря, мы можем понять отдельные этапы механического процесса, но не процесс в целом. Поэтому для Бергсона истинное (естественное) развитие должно было носить характер «творческой эволюции», в себе самой несущей цель, апеллирующей не к разуму, способному воспринимать лишь части процесса и его связи – это и есть логика твердых тел, – но не охватывающему самый процесс, а к интуиции, видящей суть вещей, их скрытую цель. Я излагаю взгляды Бергсона только потому, что трудно более ярко сформулировать точку зрения, полярную по отношению к мышлению Рассела.

Вероятно, один Гегель, другая фигура, духовно ему чуждая, вызывал у него такой поток интеллектуальной иронии, непревзойденным мастером которой Рассел был всегда. Недаром один из его духовных противников говорил о «дробящем разуме» («mincing mind»).

Это нельзя, однако, понимать просто как противопоставление прозаического рационализма и поэтического интуитивизма. Наоборот, противопоставляя Бергсона Расселу, мы, собственно, говорим о двух типах поэтического взгляда на мир. Мы сравниваем естественную сказку интуитивизма с логической игрой, не связанной с миром представимого.

Объясняя суть своей философии, Бергсон в качестве примера говорил о восприятии мира художником. В частности, Коро углубил чувственное восприятие, открыв, например, в дереве то, что никогда бы в нем не увидел человек, воспринимающий деревья как теоретик. Пользуясь терминологией Бергсона, можно сказать, что непрерывная изменчивость, составляющая суть «творческой эволюции», недоступна «логике твердых тел». Живая жизнь не может быть постигнута искусственным теоретическим мышлением. Суть возражений (как и Гете в его полемике с ньютонианцами) сводилась к тому, что теоретическое мышление изучает, собственно, не природу, открытую лишь художнику-натуралисту, подобному Гете, а некоторые искусственные, теоретиками и придуманные конструкции, поскольку они заняты не природой, а структурами, вернее, их отношениями между собой. Мы видим, что поэтической философии трудно воспринимать мир в терминах «льдинок».

Дело в том, что интуитивисты стремятся постигнуть мир «целиком», разум же по своей природе может что-то воспринимать лишь отвлеченно, то есть создавая некоторую искусственную реальность. Поэтические же натуры хотят дополнить логику ссылками на интуицию (на целое). Их пугает этот неестественный, вырванный из привычных культурных традиций мир.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ БЕССТРАШИЕ

Только люди, обладающие, как Рассел, интеллектуальным бесстрашием, способны быть логически последовательными. Именно в этой связи он заметил, что мир вообще стал бы недоступен разуму, рассматривая мы его непременно как целое, принимая во внимание все

возможные связи его частей. С другой стороны, интуитивизм претендует именно на познание целого, желая увидеть «подлинный» мир, а не искусственные структуры. Но такой мир недоступен логике, и, тем самым, познавая его, мы вынуждены мыслить в терминах интуитивно воспринимаемых привычных образов. Мы оказываемся в плену банальности и «здравого смысла», хотя поэтические натуры и афишируют свое к нему пренебрежение.

Мы видим, что лишь абстрактное мышление способно подняться над миром привычных образов и обратиться к немислимому. Именно поэтому понятия, естественно возникающие в процессе творческой эволюции в сознании человека, «вылупившегося из яйца», могут быть отвергнуты в фантастическом мире логического анализа, в котором возможно все, но лишь при условии соблюдения правил вывода. Мы подходим здесь к самому краю представимого, где интуиция бессильна. Но лишь в этой области и могут исследоваться способности человеческого разума к достоверным суждениям. Речь идет об одном из наиболее драматических эпизодов истории человеческого духа.

ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

До Рассела никто не сомневался в непреложности правила исключенного третьего. В теории множеств Кантора, которому впервые удалось построить строгую теорию бесконечности, то есть создать формальный аппарат, оперирующий с бесконечными множествами, предполагалось (это положение представлялось естественным даже такому гиганту как Кантор, перешедшему, казалось бы, все границы «очевидного»), что множество однозначно определяется принципами включения. Что всегда можно доказать существование некоторого элемента бесконечного множества, даже не убеждаясь непосредственным конструированием, что такой элемент действительно существует. Для Кантора эта уверенность в неограниченности высказываний, содержащих слова «все» и «существует», была равносильна уверенности в существовании достоверных и строгих математических доказательств, то есть речь шла о строгом основании математики, казалось бы, неотделимом от созданного Кантором исчисления бесконечностей. Исходя из парадоксов типа «эпименида» (апория IV в. до н.э. Эвбулида из Милета), Рассел указал на возможность ситуаций, в которых правила включения теряют свою однозначность. В таких случаях, развертывая бесконечное множество, можно не обнаружить элемент, который, согласно своим свойствам, должен принадлежать этому множеству. Иначе говоря, утверждение всеобщности и существования предполагает такую внутреннюю упорядоченность в мире математических понятий, которую нельзя допустить, не делая спиритуалистические предположения типа предустановленной гармонии, совершенно ненужные для математики. Ситуация для математики создавалась просто катастрофическая. В то же время в возникшей в этой связи дискуссии Рассел не разделял скептицизм интуиционистов, таких как Г.Вейль и Л.Брауэр, сомневавшихся в возможности неконструктивной математики, то есть в самой допустимости теорем существования. Одновременно он не был склонен, подобно формалистам (Гильберт), надеявшимся полностью

аксиоматизировать математику, лишая математические утверждения какого-либо содержания, превращая оперирование математическими символами в чистую игру.

Его реализм выразился в построении теории типов (до сих пор вызывающей споры среди логиков). В ней содержится попытка строго различать степени элементарности утверждений: конкретные утверждения нулевой общности, утверждения, использующие кванторы типа «все» и «существует», суждения относительно этих суждений и так далее. В этом смысле апория «лжеца» разрешается таким образом: критяне могут быть лгунами нулевого типа, а Эпименид – правдецом первого типа, то есть его общее утверждение еще не влечет опровержения частного утверждения: «критяне – лгуны нулевого порядка». Таким образом, оперировать объектами, построенными с помощью кванторов существования, не запрещается, как у интуиционистов Вейля и Брауэра, а лишь утверждается, что это объекты более высокого типа.

Рассел – в этом и вилен его реализм – пытался с помощью иерархии вернуть математике достоверность (которой ее сам же было лишил своим теоретико-множественными парадоксами) и не считал ее, как конвенционалисты, чистой игрой в символы.

ЧИСЛО И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Наиболее ярко самая суть интеллектуальной иронии, ее несовместимость с «вылупившимся из яйца» естественным существом – продуктом творческой эволюции – выражается в строгой теории чисел.

Потребность в такой теории отмечал еще Платон в «Теэтете». В этом диалоге отмечается, что, размышляя о числах, невозможно спутать 12 и 13, тогда как манипулируя какими-либо внешними объектами, легко поменять, скажем, 12 баранов на 13.

Иначе говоря, «думать» о числах – значит, собственно, принимать тот факт, что число 13 следует за числом 12 и получается из двенадцати с помощью добавления к нему единицы, как это следует из аксиом Пеано. В области же реализации арифметических соотношений можно совершить ошибку в счете, но ошибка эта будет относиться не к числам, а к «баранам». Следовательно, строгая арифметическая формулировка должна в первую очередь исключить «баранов», то есть необходимо получить возможность «думать» о числе вне контекста, вне интуитивных примеров.

И именно поэтому отраженное мышление действительно свободно. Для него характерен особый полет фантазии (не привязанный к образам, взятым из внешнего мира, типа фантазий А.Грина), поскольку эта фантазия не считает что-либо само собой разумеющимся.

И мы оказываемся вне «банальной сказки», по ту сторону зеркала.

Чтобы взглянуть на числа вполне теоретически (в духе строгого стиля) Расселу понадобилось создать нечто подобное «провинции игры», то есть совершенно изъятые из внешнего мира «царство», где ничто не апеллировало к интуиции, в котором любое рассуждение можно было довести до конца, не вводя поправок на самоочевидность. Иначе говоря, понятие числа надо было освободить от банальности, обрести

способность говорить о числе вне контекста. Расселу пришлось заново определить число, не пользуясь понятием количества, что снова вернуло бы его в мир интуитивно воспринимаемых образов. Возникло определение числа как класса всех возможных реализаций.

Таким образом, число 3 понимается как бесконечный класс всех возможных триад и так далее. Такое определение числа внесло в арифметические теоремы ясность и строгость, так как в этом случае все рассуждения, относящиеся к числам, уже не зависели от частных реализаций и, тем самым, от каких-либо элементов интуиции. При этом многое, казавшееся «очевидным», стало, освободившись от апелляции к счету «на пальцах», неявно присутствовавшей в существовавших до Рассела и Фреге арифметических теоремах, предметом строгих доказательств. Поэтому за пределами интуитивных образов мышление стало логичным и достоверным, поскольку повысился тип рассуждений, увеличилась их общность.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Вопрос о допустимости доказательств существования возник в философии после того, как Платон в «Пармениде» заметил, что введение существования как предиката в сочетании с понятием Единого образует Многое, то есть счет возможен лишь при введении этих двух понятий.

Но особенно принципиальным стал вопрос о предикациировании существования в связи с онтологическим доказательством бытия Совершенного Существа, предложенным Ансельмом Кентерберийским, согласно которому бытие существа, обладающего всеми свойствами, следует из его определения, поскольку существование должно содержаться среди этих свойств (быть одним из предикатов). В дальнейшем эти рассуждения были развиты Лейбницем, включившим их в свою систему (во многом превосходящую теорию Рассела). Лейбниц думал – и это приводило Рассела в восхищение, – что наши знания о мире носят характер формализованного языка («ars combinatorica» Лейбница), в котором имена вещей включают все их свойства (в том числе и существование) и тем самым могут считаться их определениями (имя Александра Македонского, например, в таком языке должно содержать все эпизоды его биографии). В этом смысле субъективное и объективное в философии Лейбница (как впоследствии и у Рассела) – тождественны.

Позже Кант, относившийся к попыткам математизации и логизации знания критически, заметил, что бытие не может быть свойством, поскольку в противном случае все, что можно сказать об объекте, не эквивалентно самому объекту, который кроме всех перечисленных свойств еще и обладает свойством существования. Поэтому, считал Кант, онтологическое доказательство бытия Верховного Существа невозможно, ибо «сто воображаемых талеров не эквивалентны ста существующим». Но из этих рассуждений следует, что самая невозможность описать «вечность» в терминах «льдинок» означает, что в вечности содержится нечто, несводимое к «льдинкам», и, согласно вышеприведенным рассуждениям, это и есть бытие, отличающее возможное от действительного. Таким образом, старая философская проблема, получившая новую жизнь благодаря анализу Рассела,

становится актуальной при построении единой картины мира. Действительно, еще Эйнштейн заметил - и к этому сводилась его критика таких, чисто феноменологических теорий, как квантовая механика, - что теория должна не только соответствовать эксперименту, но и нести в себе свое основание, то есть теория должна не только содержать возможные свойства объекта, но и содержать критерий, отличающий воображаемый объект от существующего.

Нам кажется, что одной из наиболее важных задач теоретической физики должно стать создание строго сформулированного онтологического принципа, и такая теория, несомненно, должна будет учитывать вариант теории типов, иерархию существований.

ЛОГИЧЕСКИЕ АТОМЫ

Сам Рассел, размышляя о следствиях иерархии типов при построении физической картины мира, пришел к замечательной идее «логических атомов». Здесь вопрос о существовании различных теорий, исследующих одни и те же объекты, и о качественной несводимости, например, теории молекул к квантовой механике, принимает ясный и чуждый мистицизму характер. Требуется, чтобы существовала адекватная явлению математическая модель, имелся язык, оперирующий понятиями, элементарными на уровне общности данной теории.

Такой язык должен основываться на фундаментальных явлениях. Это объясняет тот, многим кажущийся мистическим факт, что в математических моделях, интерпретирующих фундаментальные явления, возникают какие-то поразительно «счастливые» математические конstellляции (употребляя астрологический термин)².

Группа Лоренца, например, из всех групп этого класса обладает выделенными свойствами, позволяющими интерпретировать с ее помощью ряд явлений, непонятных в рамках других сходных математических моделей (например, в рамках пространства размерности, не равной четырем, или же в рамках пространства другой сигнатуры). Таким образом, переходя от одной теории к другой (из области физики к области химии, например), мы просто меняем уровень общности, переходя от одного класса фундаментальных структур к другому. Когда в этой связи говорят о диалектике, надо иметь в виду, что Гегель пытался построить естественную логику, выделяющую на каждом уровне общности в каждом объекте противоположные аспекты, которые снимаются, когда объект рассматривается как целое. В теории же «логических атомов» мы просто заменяем один класс атомизированных объектов другим, то есть начиная видеть части фундаментального объекта, мы тем самым меняем уровень «несводимости» и говорим о «качественно новых свойствах». Это, конечно, не означает, что, например, квантовую механику нельзя применять в химии, но разработке теории квантовой химии должно предшествовать создание некоего нового «химического языка», позволяющего говорить о химических свойствах в терминах

---

² Замечательно различие в подходе к изучаемому предмету современной науки, опирающейся на анализ структуры отношений, и астрологии, занимающейся анализом совпадений.

операторов, то есть создание своего рода химического варианта принципа дополнительности.

ТРЕЗВОЕ ОПЬЯНЕНИЕ

У Льюиса Кэрролла есть прекрасное место, где говорится о «предельной трезвости» как о состоянии, чуждом обыденности не менее, чем, казалось бы, противостоящее ему опьянение. Пьяный, говорит профессор, герой и интерпретатор этой сцены, видит одну вещь как две, а предельно трезвый – две как одну. Другими словами, вино заставляет человека воспринимать мир предельно индивидуализированным, как воспринимает его искусство (недаром художники так часто видели в вине источник вдохновения), предельная же трезвость оказывается чем-то вроде теоретического антиопьянения: «предельно трезвый» человек не воспринимает мира нулевых типов, то есть мира банальностей, и видит не элементы, а только их классы.

Рассел был примером человека в состоянии «трезвого опьянения». В нем полностью отсутствовал дух ученого филистерства, несовместимого с его аристократизмом, идущим и от рождения – в его роду уже триста лет не было никого ниже барона, – и от духа иронии, в котором самая суть интеллектуального отъединенного отношения к миру.

В интеллектуальной иронии Рассела много от традиций английского эксцентризма. Этот дух чудаковатого джентльмена блестяще проявился в его истории философии. В ней полностью отсутствует тот (чисто профессорский) историзм, для которого все мыслители прошлого представляют лишь исторический интерес и поэтому равно заслуживают уважения.

Рассел же глубоко верит в реальный прогресс философии, и поэтому философия ему действительно близка и необходима. Он видит в Канте, Лейбнице и Аристотеле своих современников; одними восхищается, других же блистательно высмеивает.

В этом отношении глава о Гегеле, хотя и далекая от объективности, может считаться одной из вершин типично английского причудливого юмора. Надо сказать, что дух иронии, который так ярко проявился в этом человеке, всегда предполагает известный элемент игры, то есть отстраненный взгляд на мир. Состоянию изысканности присущ иронический взгляд и поэтому Рассел заметил, что без способности к умственному одиночеству культура была бы невозможна. Здесь культура четко связывается с уединением, позволяющим воспринимать мир изолированно от контекста и поэтому обладающим известной степенью общности. Именно ирония и позволяет нашему взгляду на мир подняться над нулевым типом по классификации Рассела (в этом смысле культура близка к «трезвому опьянению»).

Говоря о способности к одиночеству, Рассел пишет о «способности говорить о вещах, которые не понимаешь», то есть речь идет о способности говорить вне контекста как о главной особенности культуры. Это не следует понимать лишь как типичный английский эксцентризм. Подразумевается анализ возможностей теоретического мышления (его изысканность из контекста). Только тогда возникает мир хобби, мир модели, в котором может реализоваться немислимая ситуация.

Именно в этом царстве игры, свободном от связывающей свободу системы идущих от мифологии традиционных представлений, и возникает собственно культура, то есть мир строгого мышления. Только в этом «царстве Снежной королевы» возможна истинная духовная свобода, то есть свобода от банальности содержательно-психологического взгляда на мир, которое Рассел (подобно Гамлету в его притче и Гамлету Шекспира) воспринимал как капитуляцию перед миром, как почтительное приятие действительности.

Истинный наследник Гамлета и Дон-Кихота, поставленный перед такой дилеммой, предпочитает искусственный мир игры, позволяющий обыгрывать «скудную реальность».

АРХИМЕД, ИЛИ ЭММИ НЁТЕР
НЕИЗДАННЫЕ ЗАПИСКИ СИРАКУЗСКОГО ИНСТИТУТА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Пушкин. Моцарт и Сальери

Вскоре после падения Сиракуз проконсул Гай Марций посетил Архимеда в его кабинете.

– Я говорю от имени консулов и сената, – начал Гай Марций. – Мне поручили, любезный Архимед, Разработать новый научный план вашего института. Мы, римляне, не умеем, подобно грекам, искусно вести длинные абстрактные рассуждения. Никто более меня не восхищается красотой ваших построений. Ведь в молодости я три года провел в Афинах.

Но зрелому мужу не пристало отдавать все время этим восхитительным игрушкам, хотя и нельзя представить себе благородного римлянина, чуждого просвещению.

Только греки способны до седых волос забавляться изящными софизмами.

Мы же проводим дороги, строим акведуки и управляем провинциями. Разумеется, я признаю ценность работ по теоретической механике, но великая республика не может, как во времена Герона Сиракузского, тратить десять тысяч сестерций в год на забавы седых младенцев.

Тебе придется спуститься на землю хотя бы для того, чтобы перевернуть ее.

– Но для этого, – наивно возразил Архимед, – я должен уяснить себе понятие силы.

Недавно я понял, что равновесие фигуры связано с симметрией.

И каждый раз, как симметрия нарушена, возникает движение.

А тебе ведь известно, что всякое движение вызывается силой.

Следовательно, сила – ни что иное, как нарушение симметрии.

– Прекрасно! – воскликнул Гай Марций. – Недавно, желая провести новый оросительный канал в своих владениях, я купил сто рабов.

Я полагал, что заплатил пять талантов за их силу.

Ты же сводишь силу к симметрии.

Но симметрия ведь зависит от определения.

Мы живем в ясном мире устойчивых вещей.

И только в таком мире смогут когда-нибудь восторжествовать и римское право, и римское могущество.

Но что останется от видимого мира, если софисты, подобные тебе, превратят сущность вещей в игру геометрическими понятиями?

Республика еще может позволить тебе перевернуть мир, чтобы помочь победить ее врагов.

Но мы не можем позволить тебе переворачивать головы свободных мужей.

С этими словами достойный патриций удалился.

Архимед, вздохнув с облегчением, вновь занялся симметричными фигурами. Лишь спустя некоторое время, оторвавшись от чертежей, он увидел в дверях двух офицеров Третьего легиона, предоставленного Марцеллом в распоряжение Гая Марция, чтобы помочь сему последнему приблизить науку в Сиракузах к жизни.

***

– Послушай, Люций, – сказал Клавдий, когда оба офицера возвращались после выполнения задания в казармы, – так тебе никогда не стать центурионом. Ведь на тебе лица нет.

– Не думай, Клавдий, – ответил Люций, – что я пал духом. Просто я не могу забыть глаз этого грека.

– Думаю, – сказал Клавдий рассудительно, – нам следует выпить. Я слышал много хорошего о сиракузских винах.

***

Примечание историка

Найденный текст подтверждает справедливость слов достопочтенного Плутарха, что великого Архимеда убил пьяный римский солдат. Однако даже самые добросовестные историки, говоря о давно минувших временах, не всегда могут различить причину и следствие.

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

*И Господь посмотрел на сотворенное Им
и увидел, что это очень хорошо.*

Книга Бытия

– Никогда бы не подумал, – сказал Первосвященник Иуде Искарриоту, – что ты способен на такой разумный и благочестивый поступок. Ведь тебя считали его учеником.

– Да, – ответил Иуда, – я верил в него. Верил, пока не услышал, как он сказал Кифе с Тивериадского озера, который зовется Петром, чтобы показать свое знание греческого: «Петух не прокричит, как ты трижды отречешься от меня». Тогда я понял, что Йешу – не бог. Для бога Йешу слишком хорошо знает людей.

Мир сей никогда не был бы создан, если бы не Мудрость Предвечного, облагородившего Всеведение Промыслителя Возвышенными иллюзиями.

ДВА ВРЕМЕНИ О СМЫСЛЕ И СЮЖЕТЕ

Популярной иллюстрацией бессмысленности абстрактной живописи служит известная история о том, как абстрактная композиция не утратила своей эстетической ценности, когда ее перевернули. Но в то же время в любой теоретической конструкции инвариантность системы относительно некоторого класса преобразований является необходимой предпосылкой научной ценности теории. Ведь иначе она не будет обладать никакой степенью общности, то есть вообще будет лишена какого-либо научного смысла.

Возможны две диаметрально противоположные точки зрения на самое понятие смысла. В первом случае «смысл» отражает привязанность образа к некоторой внешней ситуации. В частности, в живописи роль необходимого контекста, в котором и проявляется «смысл», будет играть система чувственных ассоциаций, связанных со зрительными образами (деревья, стоящие на земле, а не наоборот). Во втором же случае значимость приобретает некоторая степень свободы от контекста, то есть смысловую нагрузку несут как раз грамматические связи между зримыми образами (архитектурные особенности самой композиции). И важно, чтобы эти связи сохраняли бы свое значение в достаточно широком классе ситуаций. Поэтому такое значение имела физика Галилея, заменившая аристотелево наблюдение природы изучением избранных и идеализированных ситуаций, подобных случаю с равномерно и прямолинейно движущимся кораблем (классический принцип относительности).

Аристотелианцы часто (и, по сути, справедливо) упрекали Галилея в искусственности его теоретических построений, основанных не на созерцании живой, реальной природы, а на выдуманных автором (и в действительности не существующих) ситуациях. Но именно эти искусственные примеры (или, как их стали называть во времена Эйнштейна, мысленные эксперименты), точнее, как раз их искусственность, делают возможным их математическую реализацию, причем пример Галилея с кораблем естественно интерпретируется как условие инвариантности относительно некоторой группы преобразований.

Именно здесь проявилось то новое, что внес Галилей в научное мышление, – совершенно преображенный взгляд на научный эксперимент. Ценен как раз новый подход к опыту, а не эмпиризм Галилея, который его якобы отличал от «далекой от жизни аристотелевой физики», как обычно пишут авторы популярных книг. Отличие аристотелианства от современного теоретического мышления именно и состоит в наивном доверии к природе приверженцев Ликейского философа. Последователи Аристотеля, и особенно натурфилософы, полагали, что все динамические свойства тел заложены в природе самих тел и среды, их окружающей. И если пристальней наблюдать природу, тайны ее откроются, и мы узнаем причину движения. Замечательно, что эта традиция жива и по сей день. Даже теперь, после разработки Эйнштейном гео-метизированной (и тем самым не нуждающейся в каких-либо причинах, то есть несущей, по словам Эйнштейна, в себе свои основания) теории тяготения, многим

естествоиспытателям кажется, что сама теория лишь описывает явление тяготения, не раскрывая его природы. Отсюда возникают различные вариации на тему «источников», в которых в традициях атомизма гравитационное поле сводится к кинематике некоторых специальных частиц. Иначе говоря, поле объясняется исходя из природы тел, «естественно» (в терминах специально придуманных «флюидов»).

Теория же тяготения Ньютона, как и все другие теоретические системы, носит внешний характер, это способ описания объектов, чуждый их внутренней сущности. Именно поэтому так полно отражают самую суть теоретического подхода «Баллада о Джаббервоки» Кэрролла или же пример с «глокой куздрой» Щербы, поскольку в них отражена возможность «говорить, не говоря», то есть формулировать связи «чего-то» с «чем-то». Оригинальность подхода (И.Кант, впервые осознавший самую суть теоретического мышления и его оригинальность, сравнивал его с Коперниковой революцией в астрономии) в том, что вместо созерцания отношений объектов цель науки усматривается во введении тех или иных отношений. Поэтому-то смысл как реализация архитектурного замысла сменяет в теоретическом мышлении старое понятие смысла, связанное с совокупностью сложившихся в нашем сознании (а также в сознании наших предков в виде так называемого коллективного опыта) чувственных ассоциаций. Это особенно ясно, когда сопоставляешь две идеи законченности как реализации литературного замысла.

ЗАМЫСЕЛ

Известно, что «Египетские ночи» многими воспринимались как фрагмент (Брюсов, хотя в это и трудно поверить, даже написал к ним продолжение), но с точки зрения архитектоники нельзя вообразить что-либо более завершенное. Стало быть, вопрос «что было дальше?» относится к совершенно другому пониманию смысла и сюжета.

Здесь снова возникают две концепции театра. По одной из них главное происходит за кулисами, и актер – не просто воплощение авторского замысла, а нечто самостоятельное, чья судьба лежит вне архитектоники драматургического произведения. Именно так, вероятно, полагал активный зритель, пытавшийся предупредить Ромео от рокового поступка. Такая точка зрения наиболее характерна для так называемой паралитературы. Ведь в приключенческом романе герои не выделены из повседневной жизни, и их судьбы поэтому не связаны каким-либо замыслом, над которым не властен создавший его автор. Поэтому Пушкин и говорил с удивлением о том, что «Татьяна вышла замуж». Для авторов, чья творческая фантазия развивалась в направлении гриновских городов, населенных пиратами, такое удивление немислимо. Для архитектурного же подхода к сюжету, то есть к завершенности, действующее лицо – лишь марионетка, связанная введенными извне правилами игры. Возникает в известном смысле игровая ситуация, как в пекинской опере или в театре Шекспира, где элемент драматизма связан не с какой-либо предысторией, а с поэтическими замыслами автора.

ДВА ТИПА ФАНТАЗИИ

Поэтому мы и склонны сопоставить «музыкальное» мышление с особенностями чисто теоретической фантазии. Например, с так называемыми евклидовыми моделями неевклидовой геометрии, которые обходятся без апелляции к чувственной интуиции (причем сама эта интуиция сохраняется, но мы отказываемся от определений типа «прямая – длина без ширины» и так далее; таким образом исключаются чувственные коррективы к логике). В одной из таких моделей (мы говорили о ней в связи с кэрролловским миром зеркальной игры) прямые заменяются хордами, вписанными в круг. Как и у Кэрролла, реальность сводится к условностям. Строится искусственный, но логически безупречный мир.

В таком мире замечания типа «...а в действительности...» невозможны. Но как и в театре, театральная условность не означает отказа от реальности. Просто сама реальность существенно меняется. Когда-то Тургенев писал в одном из своих стихотворений в прозе, что истина людям безразлична, ибо никого не потрясает пятый постулат и только лишь моральные истины способны удивлять и потрясать. Но дело в том, что аксиомы типа пятого постулата вовсе не «истина», это лишь соглашения. Совершенно бессмысленно ставить вопрос (как и о сценической действительности), настоящие ли, истинные ли они сами по себе. Истинными являются лишь их отношения. Поэтому как бы ни была условна театральная постановка, сам драматургический замысел может быть исполнен великого культурного значения.

ДВЕ ЭВОЛЮЦИИ

Выше уже говорилось о музыкальной и эпической концепциях времени. По сути, речь здесь идет о том же, что было главной целью теоретического знания в XIX веке, – о строгой формулировке анализа, то есть о преодолении понятия движения, о попытках рассматривать процесс как нечто целое (как нечто законченное). Таким образом, именно две особенности понятия законченности позволяют выделить два аспекта в концепции времени. Все, что говорилось выше о выделенном из окружающего времени процессе (о музыкальном времени), сводится к замене длящегося времени некоторой конструкцией. Такая замена времени (как сказал в «Тимее» Платон, «движущегося образа бесконечности») прекрасно иллюстрируется в теоретической физике принципом соответствия, то есть представлением об эволюции теории, предусматривающим, что старая теория всегда входит в новую как существенный элемент. Как говорится в евангелии от Матфея: «Ни одна иота не перейдет из закона, пока не исполнится весь».

В современном понимании (впрочем, как мы видели, это современное понимание началось с Галилея и Ньютона и было в явном виде сформулировано Кантом) научная теория задается принципом относительности, математической реализацией: «то же самое» (например, утверждение, что законы механики одинаковы, наблюдаем ли мы их в этой точке земного шара или в какой-либо другой). Иными словами, говоря о каких-либо физических величинах, например, об энергии, мы всегда указываем допустимый класс систем отсчета, в которых данная

величина не меняется. И требование принципа соответствия сводится к утверждению, что классы систем отсчета вложены друг в друга, образуя некоторую иерархию симметрии. Можно сказать, что, вводя теоретический прообраз времени (заменяя сюжетное течение иерархией принципов относительности), мы как бы исключаем самый элемент развития событий и тем самым – историю.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Ситуация близка к так называемой оперной условности, то есть к замене в опере отраженного в либретто течения событий музыкальной композицией. Многие теоретики музыкального романтизма, в частности вагнерианцы, пытались обосновать особую роль оперного либретто, говоря о его неразрывной связи с музыкой. Как уже говорилось, это положение было подвергнуто остроумной критике Хансликом. Мы снова приходим к реализации тезиса о двух сказках, о сочетании в одной конструкции двух сущностей: музыкального прообраза движения во времени и внешнего сюжета (формируемого способом, явно внешним по отношению к музыкальной композиции). И, как в и музыкальной драматургии, замена времени геометрической конструкцией позволяет изъять ситуацию из чувственно контролируемого контекста, благодаря чему она приобретает общекультурное значение. Та же попытка пресуществления длящегося времени в музыкальную конструкцию содержится в изощренном и полном артистизма пустословии, которым Томас Манн продуманно заменяет эпическое повествование в «Иосифе и его братьях». Здесь также эпическое заменяется музыкальным, причем литературное либретто библейского рассказа преобразуется, благодаря необычайно художественным авторским пояснениям, играющим роль музыкальной части оперы, в которой само либретто – лишь канва.

Тем самым формируются две точки зрения на временной процесс. С одной стороны, речь идет о времени А.Бергсона, то есть о процессе, воспринимаемом как творческая эволюция (воспринимаемом как целое). Творческая эволюция определялась Бергсоном в противоположность механической как нечто единое, принципиально нерасчленимое. Бергсон противопоставлял теоретически воспринимаемый процесс, в котором как результат его выделенности из окружающего мира (его «музыкальности», по словам Т.Манна) можно ввести какое-либо деление естественному времени, воспринимаемому как единый акт. Иначе говоря, интуиции как раз не свойственен акт абстрагирования. По мнению Бергсона, интуиция, будучи естественным взглядом на изменчивость, не может тем самым вырывать явление из контекста. Это и дает теоретическому разуму вычленять части явления, до известной степени игнорируя целое.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ

Но для Бергсона это «логика твердых тел», характерная для интеллекта искусственная трактовка явления. В «Волшебной горе» Т. Манна (мы уже много раз к ней обращались) говорится о втором времени рассказа, то есть наряду с собственным («музыкальным») временем, определяющим самое течение рассказа, вводится время содержания рассказа, подчиненное законам перспективы.

Именно это замечание (наличие естественного времени) приводит к мысли о расширении теоретической конструкции таким образом, чтобы второе время (направленное в одну сторону) объединялось бы с музыкальным. Мы опять приходим к идее двух сущностей: эпической (естественной) и драматической. Надо лишь иметь в виду, что под трагическим подразумевается особый тип завершенности, при котором все части процесса становятся его элементами, то есть процесс включает финал как существенный элемент. В этом смысле «Женитьба» Гоголя, представляющая собой комическую интерпретацию истории Гамлета, не менее трагична, чем повесть о принце датском. Ведь действия Подколесина столь же предопределены музыкальной структурой пьесы, как и судьба Гамлета.

Здесь особенно ясно видно, что две концепции времени, о которых идет речь, это два способа измерения времени. Собственно временное деление (по часам) предполагает возможность взгляда извне, то есть сравнение с некоторым привнесенным эталоном. Иначе говоря, время рассматривается, как нечто вносимое наблюдателем, не вытекающее, подобно силам гравитации, из самой сущности объектов. При этом такая «внешность» процесса измерения по отношению к объекту, чье время измеряется, или, как говорил Кант, трансцендентальный характер этого процесса, вовсе не означает субъективность (связанность с психологией наблюдателя, как считали многие критики Канта). Напротив, внешний характер измерения как раз гарантирует некоторую степень независимости объекта от процесса измерения. Ведь при этом процесс измерения предполагает некоторое равенство (иначе мы не могли бы сравнивать объект и эталон), но равенство означает, что измерение проводится в некотором допустимом классе систем отсчета.

Измерение, предполагая равенство, тем самым предполагает некоторый принцип относительности (симметрии), а значит – некоторую степень независимости объекта от выбора системы отсчета. Такая точка зрения действительно, до известной степени, исключает движение. Поэтому процесс воспринимается как некоторая конструкция, то есть введение симметрии как предпосылки механического измерения времени предполагает геометрическую точку зрения на время, трактующую время как измерение. Именно тогда становятся возможными различные операции временного обращения. Тем самым становится оправданным релятивистский взгляд на время, основанный на различных симметриях и их отношениях.

Время, вводимое релятивистским образом, то самое, что мы называли трагическим или «музыкальным», есть поток, замененный теоретическим прообразом течения (иерархией теоретических конструкций). Другое же время содержит в себе свой принцип измеримости, свои метрические свойства. Здесь метрика уже не является внешней по отношению к материальным объектам, она связана с их свойствами, с их сущностью. Ранее могло показаться, что речь идет о понятиях времени, характерных для научного подхода и для искусства. Именно так думал Бергсон, сопоставляя механическую и творческую

эволюции. В действительности же имеется теоретическая конструкция, воплощающая именно естественное время, не допускающее точки зрения извне, то есть, по сути, исключающее понятие прибора (сравнение объекта и эталона).

Можно сказать, что измеряемое часами время ближе всего как раз к музыкальному. Ведь и в музыке, и в механическом измерении времени суть в том, что некоторый процесс изымается из контекста. И с общей точки зрения безразлично, лежит ли в основе измерения механический процесс, заданный поведением маятника, или же некоторый музыкальный замысел. Вопреки распространенной точке зрения романтиков, такая изытость не имеет ничего общего с обыденным временем, несмотря на внешнее сходство. Бергсоновское же время весьма близко к обыденному ввиду своей неотделимости от внешнего мира.

РИМАНОВА ГЕОМЕТРИЯ

Имеется в виду Риманова концепция геометрии, в которой, в отличие от точки зрения Клейна, геометрические свойства вытекают не из понятия равенства (внешнего по отношению к объекту, как уже говорилось), а из метрических свойств, отражающих внутреннюю геометрию системы. При этом так определенное пространство, вообще говоря, не допускает какой-либо степени однородности, то есть какой-нибудь симметрии. Иначе говоря, все, что нам казалось типичным как раз для теоретического мышления (атмосфера Зазеркалья – игровая ситуация), в мире геометрии Римана может возникнуть лишь в частных случаях, а мы уже видели, что в этом естественном, хотя и математически введенном мире, искусственные ситуации не играют роли. Самое отсутствие однородности можно воспринимать как невоспроизводимость процессов, связанных с определенным временем. Связывая со вторым временем идею внутренней геометрии, мы, собственно, вводим еще один принцип измерения, суть которого не в сравнении, а в совпадении, или, иначе говоря, речь идет скорее об идее равенства Лейбница как неразличимости. Естественно, что эталонное измерение (с помощью часов), основанное именно на равенстве-конгруэнции, несовместимо с Римановым многообразием, несущим свой внутренний метрический принцип (равенство как совпадение внутренних конструкций). Возникает идея возможности сопоставления двух типов времени, то есть двух конструктивных принципов.

ЭПИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Возможны аналоги геометрической конструкции, обычно связываемой с так называемым расслоенным пространством, то есть с пространством геометрий (слоев), вводимых (присоединяемых) в различных точках обрамляющего пространства (базы). При этом геометрия слоя определяется в клейновском духе, основывается на некоторой конгруэнции, тогда как база рассматривается как Риманово многообразие. В случае же объединения времен, «музыкальное» время вводят в различных точках эпического (необратимого) времени, измерение которого не предполагает выделения процесса из контекста, его определяющего. Возникает соблазнительная параллель между геометрическими построениями и культурно-исторической традицией,

объединяющей эпическое и трагическое время. Аналогия действительно выглядит соблазнительно, ибо эпическое время, понимаемое как база, не несет в себе какого-либо принципа симметрии, то есть вполне уникально.

Но будучи уникальным, оно тем самым нерасчленимо, хотя и допускает (вопреки Бергсону) математическое описание: мы вполне можем говорить о координатизации такого многообразия. Такое объединение времен включено в литературную традицию. Можно сослаться, например, на «Махабхарату», где философский диалог Арджуны и Кришны о совместимости действия и покоя («Бхагавадгита») происходит в философском («музыкальном») времени, присоединенном в точке эпического времени поэмы. Именно поэтому диалог вмещается в эпическое описание битвы (присоединяясь в точке внешнего, эпического времени). Такая геометрическая модель позволяет расширить теоретическое мышление, включая в него также и невоспроизводимые процессы, то есть нерасчленимую реальность.

Речь идет о двух типах реальности: реальности трагической, содержащей все свои элементы (включающей как нечто необходимое конец) и реальности биологической, в которой события развертываются потенциально неограниченно, как записи в дневнике. Так мы действительно совмещаем два мира. В известном смысле, мы приходим к несколько парадоксальному выводу. Ведь время, измеряемое часами (научное время), обычно отождествляется с обыденным временем. С этой же точки зрения часы понимаются как результат искусственной фантастической игры. Правда, в фантазиях По и Гофмана часовщики обычно отождествлялись с хитроумными и злыми волшебниками, насилующими естественную действительность.

Мы встречаемся с новой конструкцией полноты реальности, воплощенной геометрически конструкцией, в которой объединяются оба типа времени. Ситуация напоминает платоновскую притчу «Пещера»: прикованные узники, созерцающие тени, воспринимают лишь препарированную реальность (основанную на принципах симметрии, то есть музыкальную действительность), тогда как освобожденный, но оставшийся в пещере, видит обе реальности, ибо понимает, что тени – лишь отражение локального огня; наконец, для увидевшего солнце узника обе реальности объединяются, и реальность становится единой.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Н.А.Морозов-Шлиссельбургский выдвинул оригинальную историческую концепцию, отрицающую историческую реальность всех событий, случившихся до нашей эры. В известном смысле он ответил на вопрос Честертона, заданный им в его «Жизни святого Франциска». Если, по мнению рационалистических историков XVIII-XIX веков, слова летописцев о чудесах и откровениях – измышления суеверных монахов, то почему бы не предположить, что фанатичные монахи вообще выдумали всю историю? (В данном случае речь шла как раз о том периоде истории, который предшествовал появлению монахов, но это лишь подтверждает произвольность расчленения реальности.) Иначе говоря, строгий подход к проблеме действительного времени рассматривает

наблюдаемую длительность как манифестацию некоторой единой реальности.

В этом смысле ограничение понятия времени лишь одним типом измерения привело бы к произвольному выделению из реальности лишь части ее, вводимой принципом симметрии (сравнением-конгруэнцией). В этом случае время действительно исчерпывалось бы временем «музыкальным» (приборным), но зато исчезла бы чрезвычайно важная часть временных эффектов, связанных с общей относительностью и к часам по сути своей несводимая просто из-за полного отсутствия однородности в Римановом многообразии, то есть какого-либо повторения (всякого «то же самое»). Мы видим, что дело не в изгнании части действительности, а в ее полноте.

В частности, такой подход позволяет воспринимать в истории не только чисто материальную сторону феодальной иерархии, но также материальные манифестации духовной иерархии (власяницу под парчовой мантией архиепископа, а не только его феодальные привилегии, или же принцесс, носивших рубище из благочестия).

Таким образом, мы воспринимаем все стороны реальности, то есть все стороны временной иерархии, и именно поэтому (вследствие полноты этой реальности) можем сопоставлять теорию с фактическим материалом, тогда как ограничиваясь лишь произвольно выбранной частью реальности, мы легко могли бы подвести под наблюдения любые домыслы (как и делал уже упоминавшийся Морозов-Шлиссельбургский). В нашем же случае элемент тавтологии исключается как раз из-за полноты реальности, которая тем самым несет в себе прообразы материальной действительности.

АТОМИЗМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Идея единой реальности явно не согласуется с учением атомизма, сводящего свойства тел к их сущности, тогда как теоретическое мышление эти свойства вводит извне. Вероятно, этим и можно объяснить тот факт, что в философии Платона математика играла огромную роль, в то время как античные материалисты либо математику полностью игнорировали, подобно Эпикуру, либо, как Демокрит, пытались создать математику чисто атомистическую (и чисто фиктивную). Во всяком случае, нельзя не видеть нечто характерное в том, что, вероятно, одно из величайших открытий в математике – открытие иррациональных чисел – оказалось равно убийственным для пифагорейских мистиков, видевших в отношениях интервалов закон небесной гармонии, и для атомистов, по мнению которых рациональность всех чисел была свидетельством их атомной структуры.

В этом отношении характерна история Бруно и Галилея. Замечательно, что оба они извлекли из учения Коперника разные вещи. Для Галилея система Коперника была исходным пунктом при построении вполне теоретической схемы движения небесных тел, в то время как для Бруно его учение обернулось сказкой о множественности миров. И замечательно, что Бруно глубоко чувствовал несовместимость банальной мифологии и математического подхода. Ведь математика как раз игнорировала сущность тел, а для чуждого теоретическому мышлению

Бруно математика была именно враждебна мифологии, неразрывно связанной в его сознании с атомизмом.

Иначе говоря, Галилей ясно видел, что его система – лишь часть реальности, для Бруно же она была всей действительностью. Отсюда – ее явно банальный характер.

Поэтому для Галилея и было так просто объясниться с умными и просвещенными инквизиторами, подобными кардиналу Беллармино. Они были людьми единого типа мышления, то есть в сущности – теоретики, допускающие возможность последовательной логической игры, в то время как энтузиасты, подобные Бруно, именно отвлеченность и теоретичность отвергают. В их содержательном мире ничто не может быть вырвано из контекста. Поэтому то, что для Галилея было чем-то от него не зависящим (научная истина), для Бруно было человеческой проблемой.

Столкновение двух типов мышления особенно наглядно проявилось в так называемой «Наугеймской дискуссии», когда нацисты объявили «неарийской» теорию относительности, и в преследовании в Советской России генетики. И в том, и в другом случае Галилей, образно говоря, стоял перед трибуналом, в котором заседали идеологические соратники Бруно. Это особенно ярко проявилось на примере Лысенко (в «Наугеймской дискуссии» против Эйнштейна выступали не только псевдоученые, но и, как говорил Т. Кун, связанные старой парадигмой подлинные ученые³). Позиция Лысенко по самой сути враждебна теоретическому мышлению, извращающему естественную реальность. Понятно, что подлинные ученые, подобные Галилею, могли легко договориться с умными и образованными клириками, как, например, с кардиналом Беллармино, для которого ясно было различие между чисто релятивистским мышлением и онтологией, в то время как энтузиасты, подобные Бруно или Лысенко, как бы останавливаются на первой стадии научного исследования. Поэтому слова «о действительном движении Земли», из-за которых, как известно, над Галилеем собрались тучи, кажутся им наиболее существенными в описании системы небесной механики. В то же время для Галилея как для теоретика стала вполне очевидна несущественность – с научной точки зрения – вопроса об «истинном движении». Поэтому он легко отказался от этой формулировки.

Тургенев заметил в одном из своих стихотворений в прозе, что никто не станет радоваться из-за того, что сумма углов любого треугольника равна 180 градусам. Но дело в том, что это не истина, а условность. Мы знаем связь постулата о параллельных с другими свойствами фигур. Сама же аксиома нам безразлична в том смысле, что бессмысленным является самый вопрос о ее истинности. Именно поэтому Галилей и не мог «бороться» за свою теорию.

Он не стал бы жертвовать собой ради выбора системы отсчета, так как мыслил релятивистски, тогда как для чуждого научного мышления Бруно этот вопрос казался решающим. А поскольку Бруно был

---

³ «Structure of scientific revolution».

всецело во владениях «банальной сказки», то есть для него «смысл» был всегда связан с контекстом, он и полагал, что жест (согласие или несогласие) существенен для небесной механики. Ведь ему не было знакомо понятие логического исчисления, связанного правилами игры, в котором результат не во власти автора.

Недаром Эйнштейн заметил по поводу процесса Галилея: «Разве я стал бы спорить об общей теории относительности? Ведь теория тяготения сильнее меня». Но в области псевдонауки (как и в области паралитературы) такой взгляд на вещи невозможен. Неизъятость литературной линии из контекста, характерная и для «банальной сказки», сводит теоретическую ситуацию к психологической, вносит в науку чисто человеческие элементы. В этом отношении, как ни странно, оказываются поразительно близкими позиция Гете в его полемике с ньютоновцами и точка зрения Лысенко. Дело в том, что и Веймарского олимпийца глубоко раздражала позиция ученых, пытавшихся заменить живую, «естественную» природу искусственными образованиями. Так, монохроматическое излучение в природе не существует, но его можно получить с помощью приборов (Гете особенно раздражал спектрограф, активно навязывающий какую-то свою реальность, то есть чуждое нам пространство состояний). Его идея прафеномена также была связана с рассмотрением сути вещей, и ему была чужда сама мысль о том, что наука исследует не природу вещей, а предпосылки знания, то есть отношения объектов. В этом смысле замечательно, что Мендель открыл, оказывается, законы наследственности не эмпирически, изучая широкий класс объектов и их наследственность. Напротив, его теория построена на частном примере (цветке гороха), на котором из-за его простоты законы наследственности проявляются особенно наглядно; соотношения доминантных и рецессивных признаков приняли ясную математическую форму. Отсюда следует внеэмпирический характер установления законов природы. В этой связи видна двойственность ситуаций открытия и обоснования. Непосредственное созерцание природы действительно не нуждается в искусственных упрощенных примерах, подобных кораблю Галилея. Но теоретическую конструкцию, всегда обладающую отрицательным характером, нельзя построить вне искусственной ситуации. Это связано с тем, что обоснование исходит не из свойств вещей, а из отношений между вещами. Поэтому оно выводится внеэмпирично. Мы лишь ищем реализацию отношений, типичных для всякого возможного теоретического исчисления (способного как и всякая логическая система к автоматическим следствиям). В этом отношении теоретическое исчисление связано не с открытием (не с наблюдением природы), а с реализацией отношений между объектами, хотя бы и в предельно уникальной ситуации.

В этом смысле теоретическая наука связана не с расширением, а наоборот – с ограничением возможностей человеческого духа. Все эти поиски уникальных констелляций весьма напоминают герметические науки, такие как астрология или алхимия. Разумеется, в современной теоретической физике такие поиски уникальных констелляций (например, изучение следствий четырехмерное™ группы Лоренца, выделяющей

специальную теорию относительности из близких теорий) будут вестись на современном научном уровне. Замечательно, что и в прошлом веке радикальные мыслители, боровшиеся «за свободу человеческого разума», ощущали несовместимость этой свободы с холодной наукой, искажающей реальность. Поэтому ненависть немецких фашистов к «еврейской физике» имела длинную предысторию. В основе лежит философия «естественного разума», впервые обоснованная в XVIII веке во Франции и получившая развитие у младогегельянцев и Фейербаха. И, конечно, не случайно, что на этой почве развились такие, казалось бы, противоположные философии, как марксизм и ницшеанство.

В дальнейшем обе философии обрели официальное признание в рамках двух диктатур и оправдывали систематическое преследование науки, травлю теории относительности («Наугеймская дискуссия») и научной генетики (преследование «менделизма» в Советском Союзе). В этом смысле ненависть нацистов к «еврейской науке» можно объяснить не только как проявление типичных для них зоологического расизма и демагогии, но и как неприятие людьми обывденного мышления теоретической мысли, всегда содержащей идею «зеркального царства», то есть изыскости. Иначе говоря, эти люди бессознательно отождествляли «еврейское» и «гетто». Тогда понятно, какую роль в их мышлении играл образ юного Зигфрида (парадигмы естественности), разрубающего копые договоров, снимающего «естественным мечом» неестественные соглашения. В этом отношении (как ни парадоксально это звучит) именно теократия, власть которой зиждется на логическом исчислении (без логики немыслима теология), всегда была защитой теоретической науки от динамической безответственности светских правителей, которым ближе «естественная» наука Лысенко или Гете. Причины те же, что и причины успеха паралитературы у людей улицы. Ведь «банальная сказка» не связана внешними правилами игры и поэтому естественно входит в жизнь улицы, открытой внешнему миру, поскольку в псевдолитературе возможны все сочетания. Пушкин мог удивляться тому, что Татьяна вышла замуж. В мире же «городов, населенных пиратами», Татьяна и Онегин были бы вполне подчинены воле автора (воле, а не замыслу, как у Пушкина). Дело в том, что в «естественной» науке, как и в паралитературе, динамическую и безответственную диктатуру привлекает полная подчиненность светской власти. В них полностью отсутствует что-либо, противоречащее правилам этой власти. С другой стороны, духовную власть наличие музыкального замысла, ей не подчиненного, несколько не смущает. Ведь она всегда различала внешнюю (светскую) свободу и свободу, состоящую в постижении Высшего Замысла. В этом отношении подчиненность правилам игры несколько Высшему Замыслу не противоречит. Более того, Фома Аквинский даже считал логическую последовательность необходимым атрибутом божественности. В этом смысле «естественная» наука, то есть псевдонаука подобна двойному языку в «1984» Оруэлла. Как известно, когда-то великий князь Михаил Павлович сказал остроумно, что война портит солдата. В этом отношении он предвосхитил антиутопию Орвелла, а также кошмарную ее

реализацию (первый вариант – в правлении своего брата, а затем уже в Советской России тридцатых годов).

Суть этого замечания в том, что война навязывает светской диктатуре внешнюю реальность. Подлинная же диктатура способна существовать лишь в своем мире, в котором она сама определяет реальность. Поэтому, превратив Россию в военный лагерь, Николай I мог продолжать призрачное бытие своего царства лишь благодаря нерушимому миру. Первая же серьезная война разрушила его действительность. Именно поэтому диктаторы и не терпят истинной науки. В этом смысле их атеизм отнюдь не проповедь свободного разума. Единственное, что можно возразить на проповедь государственного прагматизма, - это сослаться на Единую Реальность. Прав был создатель Ивана Карамазова, когда сказал его устами, что без идеи Бога неизбежно возникает антропофагия. Иными словами, «двойной язык», то есть естественная псевдологика, заменяющая чуждую «истинному благу» формальную логику, необходим светской власти для того, чтобы подчинить реальность. Заставить существование зависеть от себя. Недаром идея свободомыслящего XIX века о человеке как источнике бытия стала главным теоретическим обоснованием тоталитарных режимов. Именно эта мысль и дает право диктаторам претендовать на то, что существование определяется их установлениями. И противопоставить этому можно только Единственную власть, которая не боится Реальности. Во всех же других случаях теоретическая наука существует лишь в результате компромисса Власти и Реальности, ибо часто даже самое могучее правительство не уверено в том, что контролирует действительность. Поэтому самый грозный диктатор, хотя и стремится к этому, все же оставляет какие-то элементы реальной науки, ибо, как уже говорилось, юный Зигфрид не способен выковать нотунг. Это могут лишь нибелунги. Только такое соображение, основанное на добровольном подчинении духовной иерархии, и сможет в будущем оградить теоретическое мышление от неизбежной враждебности «нормальных» людей обыденного мышления. Вероятно, лишь признание духовной иерархии и сможет примирить в сознании человека музыкальное и органическое, до конца примирить естественный разум с эксцентризмом игровой ситуации.

СЕКРЕТ ПРОГРЕССА

*Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки,
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.*

Иннокентий Анненский.

Петербург

Город славился устойчивыми традициями. Когда старое здание ветшало, на его месте возводили точно такое же.

Разумеется, только самые ученые и искусные архитекторы допускались к постройкам.

Архитекторы звались "свободными каменщиками". Старейшины ордена хранили старинные планы и тайные знаки. Но жителям города не

нравились эти тайны и причудливые знаки, которые с непонятым восхищением рассматривали строители на своих собраниях.

И в один прекрасный день городской совет распустил орден "Вольных каменщиков".

Взамен основали "Союз простых каменщиков". Но простые каменщики не понимали тайных знаков и поэтому не знали, как строили в старину.

Как ни старались они заменить старые камни точно такими же, здание всегда получалось другим.

Город преобразился, и его назвали городом будущего.

О СОВЕРШЕНСТВЕ

*Да ты и права не имеешь что-либо
добавлять к уже сказанному тобой.*

Легенда о Великом Инквизиторе

Два поэта вопрошают учителя:

– Будем ли в Царствии небесном?

Вот слова Иисуса Живого:

– Лишь одному из вас откроются врата Царства.

Избранником будет тот,

кто не совершил в этой жизни

подвига своего.

Он стремился к завершенности, но

только в моем царстве увидит он

конец своей поэмы.

Сказано ведь:

"Блаженны алчущие

истины,

ибо насытятся".

Но к чему жизнь вечная тебе,

достигшему совершенства

уже на земле?

Ты создал свой мир.

Мир этот прекрасен.

Поэтому он – замкнут, и тебе не войти

в Небесный град.

Принеси из своих книг ту,

которую можно дополнить,

и истинно говорю тебе:

"Будешь со мной на Небе".

***

*Бог - слишком Бог,
Червь - слишком червь.*
Марина Цветаева

О ПРЕДСТИНАЦИИ

*Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.*
Шекспир. Сонет VIII

Старинные часы на башне ратуши
пробили полдень.
И как заведено было, зазвонили
Куранты.
В маленьком окошке один
за другим
появились двенадцать апостолов.
С площади на них смотрела Прекрасная Кукла.
– Почему ты столь высокомерен? –
спросила Прекрасная Кукла
старшего апостола. –
Знатная барышня смотрит так
на смиренную крестьянку.
А ведь и ты, и твои братья
привязаны к этой башне,
как крестьяне – к земле.
Мы же свободно бродим
по городам и селам.
Сколько див мы видели,
Сколько испытали приключений.
Хотите и вы станете
такими же свободными
бродячими куклами?
Апостол ответил:
– Рыцаря делают свободным
стены его замка,
И он рыцарь, лишь пока связан
обетом, данным сеньору.
И над нами нет господина.
Мы связаны лишь
Замыслом Часовщика.
Вы же – подвластны
прихоти Кукольника.

***

*Итак, всегда совершай без привязанности должное дело.
Высшего достигает тот, кто не привязан, принимаясь за дело.*

Бхагавадгита

О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

*Где сердце ваше,
Там и сокровище ваше.*

Иоанн

Проснувшись, Белоснежка
увидела, что гномы
весело играют возле
ее гробницы.
Грустно сказала она принцу:
– Я не пойду с тобой.
Что мне делать в твоём дворце?
Скучно смотреть, как ты
играешь с придворными.
– Но где же мне укрыться, –
подумала Белоснежка. –
Ведь от хрустального гроба
остались лишь осколки.
Пойду в темный лес.
Быть может,
в старой шахте
трудятся
другие гномы.
Но у старой шахты
она встретила
отроков в светлых ризах.
– Иди к нам, – сказали отроки
Белоснежке. –
Что тебе
в земных алмазах?
Ты увидишь
огненные камни,
украшившие стены
Небесного града.

***

И на небе никто не спросил ее о красных башмаках.

Г.-Х. Андерсен

МУЗЫКА И ПРОГРАММА

*Я спросил небо о Боге,
и оно отвечало своей красотой.*

Исповедь св. Августина

Пейзажист пришел к Другому Художнику.
Стены его мастерской были увешаны
абстрактными композициями.
– В моих картинах, – сказал Пейзажист, –

можно узнать все, что я видел.
Но твои конstellации лишены
смысла.
Из-за их симметричности
я не узнаю в них
ни Земли, ни Неба.
– Разве ты никогда не был в храме? – спросил Другой
Художник. –
Окруженный симметрично расположенными
колоннами, в отблесках витражей,
чувствуешь себя заключенным
в огненный кристалл.
А огненные камни
включают прообразы
и Земли, и Неба.
– Я согласен: архитектурные
созвучия могут быть прекрасны, –
сказал Пейзажист. –
Но для меня они – безмолвны.
– Мне открылся Замысел Архитектора, –
ответил Другой Художник, –
когда я услышал Орган.
– Но я не понимаю
Музыки.
– Не огорчайся, – сказал Другой Художник Пейзажисту, –
те, кто не понимает
земную музыку,
поймут
Замысел Архитектора,
вступив в Небесный град.

***

*Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?*

Ахматова

СТРОИТЕЛИ ХРАМА

Строитель вошел под своды храма. Собор был полон звуками органа.

– Когда я пытался увидеть эту молитву в камне, – подумал он, – меня пугала красота моего творения. Я боялся, что прекрасные конstellации скроют от меня внутренний смысл постройки. Но теперь своды и колонны кажутся исполненными знаменья. Конечно же, это музыка раскрыла мне суть моего замысла.

– Кто открыл тебе тайну языка музыки? – спросил он Органиста.

– Кажется, эта тайна открылась мне в волшебных созвучиях твоего собора, – ответил Музыкант.

– Теперь я вижу, – воскликнул Строитель, – что не суждено нам познать суть наших творений.

– Тайна заключена в Службе, – сказал Священнослужитель. – Но открывается эта тайна только под сводами храма при звуках мессы.

***

*Последний рыцарь Европы
Снимает меч со стены.*

Честертон. Баллада о Лепанто

О ТРЕТЬЕМ ХРАМЕ

*Животное видит лишь то, что
перед ним. Человек же способен
видеть вещь в целом.*

Мидраш

Они встретились у Стены.

– Скажи мне, потомок верховных жрецов, почему и ты, и народ твой молитесь у Стены поверженного Храма? Ведь вы владеете наследием царя Давида. Почему же не возвели вы новый Храм, чтобы в нем приносить Господу агнцев для всесожжения?

– Царю Соломону, – был ответ, – замысел Храма открылся в звуках лиры его отца. Но лиры этой нет более, и музыка отошла от моего народа. А без музыкального строя мы можем лишь молиться и ждать, пока сын Давидов не воскресит лиру своего отца и не вернет нам Храм.

О ПРОМЫСЛИТЕЛЕ

Гроссмейстер был непобедим.

– Кто может противостоять Ему! –

воскликали мастера Игры.

Лишь детям Гроссмейстера

удавалось иногда свести партию вничью.

– И не удивительно, – говорили мастера, – ведь это Его дети.

Конечно же, Он открыл им

сокровенные тайны Игры.

– Вы ошибаетесь, – сказал старейший из мастеров. –

Дети Его играют не лучше нас, но в Игре

Он позволяет детям своим исправлять ошибки,

возвращаясь к началу партии.

***

Над нами сумрак неминуемый

Иль ясность Божьего лица.

Блок

ИСКУССТВО И РАЗУМ

*Наше священное ремесло
Существует уж тысячи лет.
С ним и без света миру светло,
Но еще ни один не сказал поэт,*

Что мудрости – нет

И старости – нет,

А, может, и смерти – нет.

Ахматова

Славный город Кенигсберг издавна

гордился своими искусными
рисовальщиками и чертежниками.
Никто не мог сравниться с ними
в точности и красоте.
Отношения частей геометрической
фигуры представлялись ясными
и очевидными в их превосходных
чертежах.
Искусство рисунка передавалось
из поколения в поколение
и достигло необычайной высоты.
Но войны и смуты прервали
живую традицию.
Чертежи утратили былую ясность
и точность.
Долго думали мастера и старейшины
цеха чертежников
как помочь этой беде.
Решили обратиться
к Иммануилу Канту.
Городской сенат был удивлен, узнав о
решении Совета цеха чертежников.
Все знали Канта, но никому
не пришло бы в голову,
что далекий от жизни философ может
подать совет в таком серьезном
и требующем опыта деле, как
черчение.
Не удивился лишь сам Кант.
Он сказал, что роль опыта
в геометрии давно его
занимает и обещал мастерам
подумать над тайнами их
ремесла.
Через много лет Кант пришел
в Совет цеха и принес написанную им
толстую книгу.
И в книге этой было сказано, что
геометрические истины не зависят от точности
чертежа, ибо они
предшествуют всякому построению.
Прошло еще много лет.
И вот однажды старейшина славного
цеха чертежников встретил на
улице заморского царевича.
— Я пришел к вам издалека, — сказал царевич. —
Меня всегда влекла
геометрия и ее тайны.

Но педанты – я просил их посвятить
меня в эти тайны – ответили, что
в геометрии нет царского пути.
Я – царский сын.
Скоро я взойду на престол
моих предков.
Могу ли я тратить годы
своего правления на изучение
ветхих пергаментов?
Я много слышал о ваших искусных
чертежниках.
Говорят, они могут делать
очевидными
геометрические истины.
– Наше искусство
умирает, – сказал старый мастер. –
Я последний из посвященных в тайны
этого древнего ремесла, и скоро
меня не будет.
Во всем виноват Иммануил Кант.
Наш славный цех распался, когда
узнали об априорном характере
геометрии.
Тогда же все наши подмастерья
и ученики стали изучать
геометрию.
И в самом деле, к чему геометрии
наше искусство?
Ведь рассуждать можно
без чертежей.

***

Замечательно, что было время, когда сами математики начали сомневаться в объективной значимости самой геометрии - они опасались, не состоит ли линия из физических точек. Они не признавали, что пространство есть вовсе не свойство вещей самих по себе, а форма нашей способности чувственного представления.

И. Кант

Прологомены ко всякой будущей метафизике
ИСТОРИЯ ОДНОЙ МЕЧТЫ

*В этом самоопережении душа
поднимается над естественным светом,
свойственным только творению,
и вступает в непосредственное
общение с Богом.*

Майстер Эккарт. О созерцании Бога

Еще в XVIII веке библейская критика указывала на якобы разительное противоречие Книги Бытия здравому смыслу. Казалось странным, что свет возник в первый день Творения, а светила лишь на

четвертый. Но трудно представить более точное выражение самой сути основной идеи общей теории относительности, чем утверждение приоритета поля над его источником.

Во времена Просвещения, когда ньютоново восприятие мира казалось единственно возможной формой познания, действительно, самая идея о взаимодействии, предшествующем телам, показалась бы противоречащей Разуму (который в эту эпоху еще отождествлялся с наглядностью).

Для ньютоновой механики взаимодействие – лишь связь между материальными телами. Совершенно естественно, что эта связь являлась в форме дальнего действия. Ведь свойства тел везде считались одинаковыми. И лишь позднее, когда возникла идея волнового поля, то есть взаимодействия, проявляющегося там, где материальные источники отсутствуют, появилась идея о поле взаимодействия как о чем-то самостоятельном.

Полная реализация этой идеи стала возможна лишь в рамках геометризированной концепции поля у Эйнштейна.

Еще раньше Пуанкаре заметил, что всякая картина мира образована двумя составляющими (своего рода логической суммой): внешними силами (источниками) и геометрией. Это был так называемый конвенционализм, поскольку, выбирая подходящие источники, можно добиться, чтобы картина, образованная этими источниками и заданной геометрией, верно отражала действительность. Ведь измеряя, как это делали в свое время Гаусс и Лобачевский, сумму углов реального треугольника, всегда можно спросить: а почему это, собственно говоря, прямолинейный треугольник? Иначе говоря, отклонение линии от прямой можно объяснить как заменой евклидовой геометрии какой-либо другой, так и включением дополнительного поля сил, искажающего законы оптики. Определение прямой становится условностью. Но Эйнштейн менее всего был склонен удовлетвориться идеей о геометрии как о результате соглашений. Ему была нужна теория не просто описывающая внешний мир, но и несущая в себе реальность. Чистая феноменология могла удовлетворить, по его определению, «лавочников и инженеров». Ему же самому нужна была онтология.

Именно отсюда возникла идея динамической геометрии, в которой источники из внешних свидетельств «реального», то есть эмпирического мира, становятся элементами самой теории.

Речь идет о теории нового типа, в которой нет деления на внешнее и внутреннее. Она вся состоит из «одной стороны», как пространственный аналог листа Мебиуса – бутылка Клейна, в которой горлышко «вшито» внутрь, – благодаря чему эта поверхность не делит мир на две части, для нее не существует деления на внешнее и внутреннее. Но тогда уже нельзя говорить об опыте и теории в старом смысле, как это понимали все эмпирики со времен Бэкона, то есть делить теорию на реальные факты и на собственно теорию. С такой точки зрения действительность включается в теорию. Включается не в пифагоровом смысле, то есть мы не постигаем с помощью магии чисел внешнюю реальность. Мы лишь находим этой реальности место внутри теории. Тем

самым физические факты как бы переводятся на язык геометрической теории. Таким образом, возникает вторая, внутренняя действительность, существование становится одним из свойств физических объектов. Но тогда снимается главное возражение Канта относительно онтологического доказательства Совершенного Существа. Как известно, Кант возражал против доказательства, идущего из возможности к действительности, именно тем, что бытие – не предикат, а выводится из конструкции объекта. Поэтому из «возможных» ста талеров не возникнут сто талеров реальных.

В рамках же геометризированной теории, допускающей различие между подлинным и фиктивным, то есть в рамках теории, включающей источники, различие между евклидовой и неевклидовой геометриями – абсолютно. Ведь мы рассматриваем всю систему, отказываясь от деления на геометрию и источники. Стало быть, мы можем говорить о реальном и фиктивном на языке самой теории. До конца эта идея была воплощена лишь в теории гравитации. Геометрический подход позволяет говорить о пустом неевклидовом пространстве, то есть для кривизны пространства не нужны какие-либо внешние основания, чтобы объяснить вселенную. Вселенная с этой точки зрения, как сказал Эйнштейн, несет в себе свои основания. Можно сказать, что такая теория могла бы ограничиться первым днем Творения. Как мы видели, идея Совершенного Существа является в такой теории не добавочной гипотезой, а существенным основанием системы в целом. Именно поэтому можно говорить о теологическом характере таких построений.

Как и у св. Августина, в основе таких построений лежит идея нерасчлененной реальности. И само понятие Совершенной Сущности возникает как реализация концепции Реальности. Именно поэтому в основу онтологии св. Августина положена идея иерархии сущностей, то есть утверждение, что Зло не есть какая-то оппозиция Добру, а лишь несовершенно существующее (недостаточно существующее) Добро. Так как и в этом случае возникает доктрина типа бутылки Клейна, у которой, как сказано в апокрифическом евангелии от Фомы, «два равны одному» – не различается внешнее и внутреннее.

На осуществление этой мечты, то есть на геометризацию всех полей, что дало бы возможность полностью исключить источники из физики, ушли (и, увы, бесплодно) последние тридцать лет жизни Эйнштейна. Ради реализации этого необычайно поэтического замысла великий физик пожертвовал также своим огромным научным авторитетом.

Хотя общая теория относительности и прочно вошла в науку, а сама идея геометризации на какое-то время заразила многих, скоро стало ясно, что этот замысел явно не связан с «большой» физикой, то есть с ее основными задачами. И великому ученому, первому из физиков, пришлось почувствовать себя немного смешным анахоретом (возникла странная дихотомия: классик и смешной старик). Поэтому и до сих пор источники, связанные с другими (негравитационными) взаимодействиями, присутствуют в гравитационных уравнениях Эйнштейна как нечто внешнее, то есть разделенная реальность присутствует и в них. Как выразился сам Эйнштейн: «Левая (геометризованная) часть моих

уравнений – прекрасная мраморная колонна, правая же – гнилой деревянный столб (полный спектр дней Творения)».

Возможно, однако, что сама эта незаконченность является главным признаком жизненности науки, ее способности описывать реальность. Вполне вероятно, что это подтверждает взгляды Рассела на науку как на не до конца раскрытую тавтологию, поскольку разделенная реальность как раз и ведет к тавтологиям. Ведь в этом случае теория включает те же «внетеоретические» объекты (светила), входящие и в физическую реальность, с которой теория сопоставляется. В теорию тем самым вводится лишний элемент, нужный лишь для сравнения. Но такой извечный дуализм вполне в духе теологической доктрины христианства, с которой мы сравнивали замысел Эйнштейна. Сама ее сущность именно в том, что Марфа присутствует наряду с Марией, то есть наряду с универсалиями должны существовать отдельные вещи. Ведь в этой доктрине Совершенная Сущность не включает отдельные вещи, которые, однако, ей не противопоставлены, ибо входят в иерархию сущностей и в сравнении с ней обладают лишь меньшей степенью реальности. Иначе говоря, платонизм геометрической доктрины, не нуждающейся в чем-либо, кроме первоначального света, заменяется томизмом, в котором многое сочетается с единичным.

Именно внутренняя неудача более всего придает мечте Эйнштейна религиозный характер, ибо мистика всегда иррелигиозна.

Эта незавершенность вносит в историю науки трагический характер, необходимый для ее восприятия как чего-то поэтически целого и музыкального. И, конечно же, – трудно было бы найти более яркую эмоциональную манифестацию этой идеи, чем сама личность Эйнштейна, в которой музыкальность, то есть подчиненность некоторому единому архитектурному замыслу, кажется самой значительной и определяющей чертой.

Конечно, музыкальность – совершенно лишний элемент в прагматической физике, но для физики как существенного элемента культуры связанность таким внутренним замыслом кажется необходимой.

О ПОЛНОТЕ РЕАЛЬНОСТИ

*[Он] пришел к своим,
и свои его не приняли.
Евангелие от Иоанна*

Врата ада были повержены, и он
вступил в Небесный Иерусалим.
– Скажи, Иисус, сын Иосифа, –
вопросил его Авраам, – ангелы
зовут тебя Словом Божьим –
значит многое не было мне
открыто, когда я грезил о Высшем
на горной вершине.
Я искал Высокое. Но что может
быть выше Его «да будет!», давшего
жизнь солнцу и другим
светилам.

Какое слово может стать выше
этих слов.

– Для пастухов, подобных тебе, –
сказал Иисус Живой, – нет ничего
выше «да будет!», ибо они видят
лишь светила и приносят
в жертву Создавшему эти светила
агнцев, которых пасут.

Но я – Свет Предвечный.

А Свет создан до светил,
как сказано в Книге Бытия.

Я – Агнец Божий,

а Агнцу Божьему
не приносят жертв.

Он сам – и Бог, и Жертва.

Поэтому «иначе быть не может»
выше «да будет!»

***

Только близкие невесты войдут в Брачный Чертог.

Апокриф

О ЕДИНСТВЕ РЕАЛЬНОСТИ

И случилось так, что встретил Авраам халдейского пастуха.

– Скажи, – спросил халдей, – видел ли ты Бога, Которому
поклоняешься? Мои боги видны всем. Взгляни, как ярко их сияние.

– Ты поклоняешься светильникам, – ответил Авраам. – Я же –
Тому, Кто создал свет. Но человек видит лишь источники света. О самом
свете и о Создателе его можно лишь размышлять. Подобно свету, его
Создатель незрим.

– Но чем твой Создатель выше моих богов? – спросил халдей. –
Подобно им Он жаждет дыма всесожжения. И ты, подобно мне,
приносишь Ему лучших агнцев твоего стада.

– Мой Бог, – сказал Авраам, – Сам промыслил агнцев, которых я
приношу Ему, и Ему не надобны мои приношения. Ты жертвуешь
светилам, чтобы они светили тебе. Я же – чтобы стать частью Его света.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Сильви и Бруно» поразительно сказано о «сумасшедшем
садовнике» – привратнике царства фей: «Он видел все это, это и делает
его песни столь интересными». Песни садовника – высшее проявление
кэрролловского поэтико-теоретического безумия. Только испытавший
радость духовного освобождения от оков естественности (наглядности),
которое дает теоретическое знание, сможет вполне оценить восторг
бессмысленности, производящей впечатление магического заклинания.
Один за другим рушатся незыблемые принципы, связывающие мышление
с видимым миром. И происходит чудо.

Человеческий интеллект выходит на свободу, становится
независимым от представимости и обнаруживает, что может
воспринимать мир вне контекста.

С этой радостью связано не собственно поэтическое вдохновение, всегда чувственно-ограниченное, а право на пародию, игру в реальность.

В трагедии, содержанием которой является развитие и столкновение идей, становление человеческого духа, это финальное освобождение играет роль катарсиса Аристотеля.

Из «Сильви и Бруно» мы знаем, что произвольные логические конструкции сумасшедшего садовника все же могут быть увидены (и чтобы в этом не было сомнений, профессор демонстрирует на лекции во дворце железнодорожного короля прообразы, точнее, антиобразы этих странных композиций), мы можем убедиться в достоверности немыслимого, в суверенности теоретического разума.

Эти построения и дают ответ на вопрос, возникающий у автора и, конечно же, у читателя: как относиться к «философским сказкам»? Что это – шутка или аллегория? И только бессмертный образ «сумасшедшего садовника» может быть ответом, оправдывающим саму потребность в теоретическом видении, в демонстрациях самой возможности такого видения.

Известен фокус с вертикально «стоящей» веревкой, по которой иллюзионист взбирается вверх. В статье А.М.Пятигорского «Об изучении индийских философских текстов и их комментариев» («Семиотика и восточные языки», 1967) эта история приводится как пример превращения описания заморского курьеза (лишенного какой-либо степени общности рассказа очевидца) в иллюстрацию философского положения об иллюзии и действительности. Дальнейшее углубление в текст открывает новые уровни общности. Этот анекдот можно воспринимать как притчу о спасении, в нем проявляется одна из главных идей буддизма о достижении нирваны как о чуде, не подчиненном закону причинности, то есть о нирване как о полностью недетерминированном состоянии. Можно найти и другие примеры пресуществования сообщения в общую, лежащую вне контекста мысль.

Подход, позволяющий выделить в тексте множество значений, множество уровней понимания, порождает, естественно, слова, комбинирующие множество значений. Возникают многозначные понятия типа «огненный лед». И такая амбивалентность характерна именно для сублимированного (теоретического) мышления.

Многозначность при анализе текстов проявляется, если различать собственно анализ текста (в XIX веке характерный для протестантских теологов) и анализ формы. В первом случае имелось в виду выделение некоего «пратекста», например, восстановление «подлинной истории Иисуса» при помощи сопоставления синоптических евангельских текстов, как ищут «Юпитера в куске мрамора».

В последнее время практикуется также анализ формы. Для него характерен интерес к поискам внеисторических философских уровней понимания текста. В тексте видят уже не следы какого-то сообщения, а философское уподобление. То есть анализируют эволюцию текста: превращение рассказа о событии в «теоретическую притчу», обладающую более высоким порядком общности.

Таким образом, делается попытка выявить «музыкальный» принцип, не нуждающийся в каких-либо мифологических ссылках, не связанный с архетипом. В известном смысле речь идет о сублимации сообщения типа «Бальзак венчался в Бердичеве» в развитую литературную концепцию, в которую встреча с Ганской включается как необходимый элемент. Мифология становится трагедией.

При анализе, например, евангельских текстов видно, как рассказы об известных событиях, подобных истории с бесплодной смоковницей или отречением Петра, становятся философскими уподоблениями. В этой же связи можно вспомнить ссылку (нами уже упоминавшуюся) Аввакума на евангельский рассказ для подтверждения общих положений (о форме креста). Именно это претворение повествования в концепцию и соответствует идее Т.Манна о «герметической педагогике».

Иначе говоря, для пресуществления необходим взгляд извне. Человек, не способный критически относиться к религиозным текстам, видящий в них Священное писание, никогда не сможет выделить в них чисто теоретический элемент просто потому, что теоретическое - значит независимое от контекста; религиозное же восприятие, будучи основанным на идее Откровения, всегда предполагает некоторый контекст, обязательный для верующих⁴.

Иными словами, религиозное мышление – всегда мифологично и поэтому нуждается во внелогических (внеграмматических) ссылках.

Именно поэтому Рассел, с его глубоко иррелигиозным взглядом на мир, не мог не отвергать психологический (и тем самым мифологический) подход к культуре, в котором он справедливо видел отказ от культуры, то есть филистерски благоразумное примирение с действительностью.

И действительно, мы видели, как преклоняясь перед текстом, из него прежде всего изгоняют поэзию как элемент неблагочестивый, опасный для «малых сих».

С другой стороны, именно гамлетовская ирония (ирония в сократовском смысле) порождает самое понятие «философской сказки».

В ней мы, как говорил Кириллов в «Бесах», можем «почувствовать идею» прежде, чем до конца ее поймем и свяжем с другими идеями. Таким образом, интеллектуальная интуиция (самая потребность в ней) оказывается связанной с интеллектуальной иронией, то есть с отстраненным восприятием мира, для которого всегда необходимо представить какую-либо систему понятий в предельно интеллигентном виде.

Разумеется, «философские сказки» не иллюстрируют общие положения в чувственно-наглядной форме. Яркий пример – новеллы Э.По, которые в нашем понимании и есть то, что я называю «теоретическими сказками».

---

⁴ Чрезвычайно интересно, что апокрифические евангелия, и прежде всего «Евангелие от Фомы», содержащее лишь притчи, по-видимому, не заключают в себе идею Откровения.

Э.По всегда избегает каких-либо временных или географических уточнений, более того, его библиографические ссылки - почти всегда мистификация... Многих комментаторов эти странные цитаты из несуществующих классиков настраивают на скептический лад, но мышление, чтобы не превратиться в мифологию, должно быть свободно от контекста, который позволил бы как-то локализовать его сказки. Только в этом случае теоретическое мышление – вполне суверенно, ибо независимо от эмпирической реальности.

Теоретическая же реальность, как и эмпирическая, основана не только на логических выводах, но и на интуиции, и поэтому всегда предполагает какие-либо «умозрительные образы».

В известном смысле, «теоретическое безумие» садовника из «Сильви и Бруно» состоит не только в сочетании конкретного и общего (куска мыла и теологического аргумента – в последней песне), но и в том, что «все это он видел».

Таким образом, интеллектуальная интуиция, порождая теоретическую реальность, превращает сказки Кэрролла – иначе они были бы просто забавными лингвистическими экспериментами – в философские притчи, в то время как традиционные сказки остаются в пределах мифологии (вне царства Снежной королевы). Мы уже объяснили, почему Андерсен, этот великий представитель традиционной мифологической сказки, хотя и видел «другую сторону зеркала», не мог без ужаса воспринимать «ледяную игру разума». Хотя он, подобно другим романтическим философам и поэтам, часто говорил о своей любви к детям, как известно, он их боялся. Мир жестокой и безответственной абстрактной игры, то есть именно мир детства, был ему в отличие от Кэрролла чужд. Поэтому он всегда, в сущности, принадлежал к мифологическому (основанному на преданиях) «миру бабушки». И в этот взрослый мир его герои возвращаются, спасенные от царства Снежной королевы, от мира игры.

Только отдавая себе отчет в том, что в отличие от поэзии, оперирующей образами, «игра разума» – и тем самым сказка – лежит в пределах царства Снежной королевы, мы можем корректно говорить о сказках (не обязательно, разумеется, о приведенных в книге) как об элементе духовной культуры. Иначе нам пришлось бы их отнести к искусству.

Но ведь искусство всегда чуждается окольных путей. Оно склонно выразиться словами ребенка, которыми восхищался Чехов: «Море было большое». Вместо этого теоретическое мышление занимается классификацией морей: по солености, по высоте приливов, по типу. О самом же море не говорится обычно ничего.

И в сказках, как и в теоретических построениях, нет ничего прямого и солидного. Нет ни персонажей, ни конкретных характеристик – одни теоретические околичности и увертки вроде мендианского «белого медведя». Можно сказать, что героями книги являются идеи.

В философской повести Германа Гессе «Игра в бисер» фигурирует изъятая из внешнего мира «провинция Игры», нечто подобное летающему острову Лалуте у Свифта. Подобно мудрецам

Лапуты, адепты Игры искусственно изолированы абстрактными теоретическими интересами от нормальных людей.

Символом этой теоретической изоляции становится сама «игра в бисер», в которой сочетания хрустальных бусинок соответствует философским, математическим и музыкальным конstellациям, – близкая по идее к универсальному языку философов Лейбница, который мечтал о символическом исчислении, своего рода современной символической логике.

Искусственный мир игры сопоставляется с миром традиций, и, чтобы идея была более наглядной, «обезумевшая грамматика», забывшая о смысле предложений, которыми она оперирует, связывается с содержательным мышлением. У Гессе показаны встречи адепта Игры и отца Иакова, монаха Исторического ордена, то есть реальность вносится в «грамматическую» игру с миром исторических традиций. Как и в случае с крестом, именно внелогические ссылки на историю какого-либо символа позволяют различать между символами. Именно так в игру вносится различие между «правильными» и «логичными» знаками, причем если в границах «провинции Игры» самое различие – чисто конвенционально, то с точки зрения «Ордена историков» эта разница становится абсолютной. Мы видели, как в кэрролловской «Алисе» сочетаются грамматическая игра, в которой она принимает участие, и мифологическая значимость самого образа, чуждая каких-либо игровых ситуаций.

Именно из этого сочетания игры и действительности возникает собственно художественный образ. Иначе говоря, архетип-прообраз, основанный на «исторических ссылках», обретает «музыкальность», которая приходит из «провинции Игры» (Алиса как прообраз Вечной Женственности).

Существуют области духовной деятельности, и прежде всего теоретическая физика, в которых такое объединение «двух сторон зеркала» становится сутью задачи. Теоретическая физика, оставляя в стороне чисто практические попытки построить модель, согласующуюся с опытом⁵ всегда пыталась, оставаясь в пределах «царства Снежной королевы» (в чисто конвенциональной провинции логической игры), найти способ воспроизвести в терминах «снежинок» соотношения объектов, возникающие в процессе манипуляции с измерительными приборами. Задача, следовательно, в том, чтобы перевести на язык «ледяной игры разума» всю совокупность измерительных ситуаций.

Замечательным примером такого подхода является общая теория относительности, в которой все динамические свойства физического объекта сводятся к геометрии. Такая теория суверенна (несет в себе самой свое обоснование) и поэтому действительно может быть сопоставлена с опытом, так как опыт полностью переводится на язык теории (мы говорим на языке «игры» о реальности, лежащей вне «игры»). В противном

---

⁵ Именно в этих попытках подгонки под эксперимент и возникали различные «флюиды», чуждые самой теории, но необходимые для ее сопоставления с реальностью. В частности, именно так возникли преставления об эфире и флогистоне.

случае в игру вводятся внеигровые (интуитивные) понятия типа «камня» в тавтологии Рассела или исторического «эфира». Чтобы избежать тавтологии типа «каменный хлеб» мы не должны выделять в «провинции Игры» интуитивно бесспорную область.

В этом последнем случае теория является суммой собственно теории и дополняющих ее заимствованных из здравого смысла вспомогательных объектов (например, говоря об электромагнитных колебаниях, в XIX веке принимали как очевидность наличие материального объекта, подверженного этим колебаниям; так был предложен теоретически совершенно ненужный, но «естественный» эфир). Но при этом и возникает неизбежный «каменный хлеб», поскольку теория всегда может быть доведена до опыта подбором произвольных объектов (что всецело в нашей власти в геометрии; как мы видели, чистая геометрия доводится таким образом до физической геометрии подбором поля универсальных сил F). В Эйнштейновом же подходе теория едина, то есть связь адептов Игры и отца Иакова бесспорна пока в области Игры нет ничего, кроме игры, никаких ссылок на историю; всякой апелляции к опыту должна предшествовать логическая конструкция, связывающая опытные понятия. В известном смысле речь идет о некоторой трансформации платоновской «пещеры». В этом случае «тени» – не отражение реальности: огня, горящего за спинами узников, как у Платона. Напротив, система соглашений, внутренних по отношению к «пещере» (к теоретической игре), связывается историческими ссылками и, благодаря истории, становится достоверной.

Такое совмещение в одном понятии онтологического принципа и конвенционального определения приводят к суверенным теоретическим знакам, подобным «огненным камням» средневековых визионеров, в которых симметрии, вытекающие из теоретических определений, сочетались с огнем, меняющим их сущность. Как мы видели, именно это включение сущности в теоретическое понятие делает последнее многозначным (подобным «огненному льду»). Таким образом, суверенное понятие тем самым содержит несколько уровней общности: от исторической ссылки до теоретической притчи.

Свифт в «Путешествиях Гулливера» рассказывает о проекте одного из лапутских астрономов: «Он предлагает поместить часы на флюгер, дабы объединить суточные и годовые движения Земли и Солнца со случайными порывами ветра» (то есть объединить закономерное и случайное). Идея суверенной логической игры, логической теории, соединенной с принципом существования, осуществима именно потому, что музыкальная теоретическая упорядоченность может быть изолирована от исторических случайностей погоды.

Но само присоединение реальности к теории оказывается возможным лишь благодаря «музыкальности» теории. Без этого свойства мы не смогли бы их сопоставить, то есть не могли бы «поместить часы на флюгер». Сами часы стали бы в этом случае «невозможны».

Разумеется, говоря о присоединении логической сказки к мифологической реальности, мы не имели в виду их простое механическое сочетание, как у Свифта. Для того, чтобы условность

логической сказки, соединившись с мифом, стала бы достоверностью, они должны быть объединены некоторой последовательной логической конструкцией, как в приводимом нами примере общей теории относительности, которая включает «внутреннюю» евклидову геометрию и внешние силы в рамки геометрии искривленного пространства, рассматривает $G + F$ не просто как случайное сочетание разнородных вещей, а как последовательную геометрическую теорию, в которой нельзя (именно вследствие ее последовательности) выделить необходимые и внешние части, нельзя разделить систему на искусственную и традиционную сказки, поскольку для сравнения игры и реальности игра должна полностью лежать по одну сторону зеркала.

Таким образом, Кэрролл в своей книге – и в этом, видимо, самая ее суть – пытался представить в символическом виде (в форме искусственной «зазеркальной» сказки) путь от возможного к действительному. В известном смысле речь идет о философской эволюции автора, связанной с тем, что представляется самым важным в драме идей современной теоретической физики: включение последней в рамки общетеоретического мышления.

Если вначале эволюция теории представлялась лишь как иерархия симметрии, то есть усложнение логико-грамматической игры, увеличение общности высказываний, образующих теорию (теория в этом отношении напоминала нечто вроде геологического среза, ибо сама иерархия вложенных подсимметрий отражала эволюцию теории в целом), в дальнейшем стала ясна необходимость введения онтологического принципа, связывающего возможное и действительное. В сущности, несомненное преимущество строения общей теории относительности состоит именно в ее суверенности, то есть эта теория вполне свободна от тавтологий типа «каменный хлеб». Такая теория содержит своего рода теоретическую реальность, и с экспериментом сравниваются лишь действительные элементы теории. Иначе говоря, вопрос о переходе возможного в действительное решается теорией еще до проверки экспериментом.

Оставаясь же в рамках возможного, мы приходим к некоторому модернизированному варианту трансцендентальной эстетики Канта. Теория состояла в реализации условий равенства, определяемого какой-либо группой преобразований.

Речь идет о последовательно номиналистической точке зрения. Мы исходим из некоторой совокупности объектов, на которой вводится отношение эквивалентности, эти объекты отождествляющие. Вводится некоторая «структура», то есть отношение, удовлетворяющее аксиомам. Из $A=B$ следует $B=A$ (симметрия), $A=A$ (рефлексивность) и, наконец, из $A=B$ и $B=C$ следует $A=C$ (транзитивность).

Будучи внешним по отношению к объектам, равенство их внутренней сущности не касается.

Эти внешние (введенные извне) отношения и образуют то, что Кант называл трансцендентальными предпосылками. Но Кант не знал, говоря о неконгруэнтном подобии, о существовании неевклидовых геометрий, то есть о том, что отношения конгруэнтности именно вводятся,

а не присущи нашему сознанию (именно здесь и начинается расхождение Канта с современной наукой).

Мы хотим сказать, что трансцендентальная эстетика Канта прекрасно сочетается с идеей о вложенных симметриях (с идеей иерархии симметрии), его ошибкой была лишь вера в «естественную конгруэнтность», хотя именно его философия впервые отнеслась критически к положению, до этого неоспоримому, что геометрия изучает законы внешнего мира.

Но покидая царство Снежной королевы, мы тем самым покидаем и область множественного. Исторический принцип, вносящий в нашу теорию онтологию, связан, как это показано в «Пармениде» Платона, не с многим, а с единым. Таким образом, характерный именно для логики «дробящий» разум, по самой сути – плюралистический, способный различать, имеет смысл лишь в «провинции Игры» (то есть в области бессмысленного), в мифологическом же (или историческом) мире, где, в сущности, все делится на существующее и нереальное, мы лишь соединяем единое действительное с многообразным возможным, если существование является предикативным, присоединяется к многому как свойство.

Именно поэтому в философских сказках Кэрролла (первых двух) образ единой и, по сути, неизменной Алисы проходит через серию игровых ситуаций. Сама Алиса вносит в игру историческую преемственность, то есть бытие.

Для того чтобы связь множественного и единого (возможного и действительного) не носила бы механический характер (типа «часов и флюгера» у Свифта), мы пользуемся некоторой объединяющей идеей. В этом смысле геометрический подход Эйнштейна оказывается частным случаем использования так называемого расслоенного пространства. Своего рода «геометрией геометрий», то есть многообразия, элементами которого являются принципы симметрии, присоединенные в точке внешнего пространства, подобно клеймам на русских иконах, содержащих внутреннее пространства, присоединенные к единому пространству иконы.

Именно в терминах этой геометрической модели в книге понимается связь игры и реальности.

У Эйнштейна в общей теории относительности геометрическая структура представляет из себя объединение в рамках криволинейного пространства Римана множества локальных областей, в каждой из которых действуют законы евклидовой геометрии. И, надо сказать, только эта структура действительно легла в основу вполне законченной и неподражаемо прекрасной теоретической конструкции. Обобщения, о которых мы говорим, лишь поиски в том же направлении, и их, вероятно, не было бы вовсе, если бы не бессмертный пример Эйнштейна.

Различные варианты этой идеи являются, собственно, персонажами книги о сказках.

Сказки и эссе, составляющие книгу, основаны на попытке эту идею интеллектуально «увидеть». И к этим попыткам и сводятся философские и теоретические поиски автора, в них выражается его

духовная эволюция. Отсюда грамматические аналоги, связывающие грамматику с эксцентрической сказкой, а онтологический принцип – с внелогической мифологией.

В этом смысле свободная от грамматической структуры метафизика соответствует чисто словарным реалиям, которые могут восприниматься лишь содержательно, так как следуют лишь из истории (из ссылок на этот знак в канонических текстах). Другими словами, употребляя терминологию современных палеографов, внеграмматические ссылки относятся к истории текста, к анализу эволюции текстов, следующему из сравнения различных вариантов, тогда как логическая структура (принцип относительности), который в силу своей независимости от контекста позволяет трактовать сюжеты «музыкально» (как философские притчи), соответствует анализу формы.

Действительно, логическая структура, определяющая класс допустимых ситуаций, в которых может фигурировать некоторый знак, аналогична детерминативным значкам, а словарные реалии – идеограммам, не нуждающимся в переводе.

Кажется чрезвычайно естественным сопоставить эти внеграмматические знаки с мифологическими сюжетами, существующими вне языка.

И снова возникает образ двух миров – двух сторон зеркала, в который мифологические идеограммы входят как символ границы царства Снежной королевы. Как символ границы, охраняемой «безумным садовником», отделяющей естественное от непредставимого, – образ, возвращающий нас к главному теоретическому сюжету книги.

О ЛОГИЧЕСКИХ АТОМАХ И КОНЕЧНЫХ АВТОМАТАХ

Посвящается Михаилу Цетлину

У Коломбины спросили:

– Почему ты предпочита Арлекина бедному Пьеро?

– Но Пьеро такой печальный и неловкий, – ответила Коломбина, – а Арлекин нарядный, пляшет лучше всех и всегда смеется. Сегодня большой праздник. Вечером соберется публика, зажгутся бумажные фонарики, мы наденем самые красивые платья и будем кружиться под музыку. А Пьеро хозяин бросил в темный угол.

– Почему ты бросил в угол Пьеро, свою лучшую куклу? – спросили у кукольника.

Старый кукольник грустно покачал головой:

– Пьеро никогда больше не сможет выступать, у него появилась душа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Платон пишет об узниках пещеры, хотя и свободных от оков, но еще не видевших небесного сияния (солнца). Я уже знаю, что тени были лишь иллюзией, но я все еще под сводами Волшебной горы. Правда, я знал это и раньше. Но вся эта книга была посвящена возможности жить в искусственном мире, чуждом солнцу.

Я все же чувствую, что должен закончить послесловием. И послесловие (кто знает?), может быть, окажется введением к другой книге. Но это будет скорее краткое изложение будущей книги. Когда двадцать

пять лет назад я вошел под своды Волшебной горы, снаружи я оставил много человеческого, ибо все живое казалось мне смешным. Мой отказ от живой жизни не был позой. Это странная книга, книга, в которой автор от гордости приходит к смирению и сердечному сокрушению. Я не думаю, что иудаизм – единственный путь к Богу, но мне смысл этой драмы открылся именно через экзистенциальную связь с Ним.

Памяти друга

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ НАПИСАЛ «ОГНЕННЫЙ ЛЕД»

*А по ночам... я размышляю над
теорией. Бесконечность! К чему еще
так льнет наш ум!*

Г. Соколик

Многие люди лишь молятся Б-гу. Генрих (Хаим) Соколик считал необходимым создать теорию, объединяющую открытие Эйнштейна, обращенное к разуму, с религиозными ценностями, апеллирующими к сердцу. Погруженный в изучение иудаизма, он интуитивно нашел и имя для своей доктрины: «Контур Третьего Храма».

И в сугубо профессиональных статьях, посвященных общей теории относительности. Соколик выступал как философ, которому очень неуютно в мире, включающем лишь тяжеловесные и давящие своей «реалистичностью» материальные элементы. В чем-то он похож на своих предков – раввинов-талмудистов, учивших, что обращающийся к людям говорит также и с Б-гом. Так и Соколик, исследуя, скажем, соотношение пространства и времени в масштабах вселенной, сознавал себя скромным верующим, идущим по предначертанному для него пути.

Он искал не поверхностных «научных» ответов, а Завета с Истиной. И он с отчаянием замечал, как в нашу послеавиловскую эру мало кто из ученых задумывается над чем-нибудь, кроме собственного положения на кафедре... тем расширяя и увековечивая всеобщее безразличие, идею расщепленной реальности. Люди заинтересованы не в истине, а в очередной схоластической парадигме. Мир науки распался на отдельные мафии, и у каждой свой собственный только ей понятный язык».

Соколик разделял представление еврейских мудрецов об Истине, изначально соединенной с Первым храмом. Когда он пал, раскололась и Истина, рассыпавшись мириадами частиц по лику земли. Но рано или поздно ее удастся собрать и возратить в Сион. В этом метафизический смысл соединения всех евреев на Земле Израиля. Храм, который в видении предстал Йехезкелю, – образ нерасчлененной реальности и совершенного человека, который несет ее в себе. Не случайно на иврите «истина» – «эмэт». Три буквы этого слова (алеф – мем – тав) охватывают весь еврейский алфавит, так как «алеф» – первая буква алфавита, «тав» – последняя, а «мем» находится посередине.

«Огненный лед» – парадоксальный символ этого высшего синтеза, который поверхностный рационализм признал бы просто невозможным. Но в подобном алогичном сочетании противоположного коренится высшее понимание бытия.

Соколик много размышлял над значением субботы в иудаизме. Как субботнее время исключено из естественного течения событий, так и избранный народ живет вне исторического потока, увлекающего остальной мир. «В этом смысле в истории еврейства не может быть случайностей, она есть часть мировой структуры, из глубин которой другие народы черпают свои неполные представления о природе времени», – писал Соколик. И вспоминал притчу. Один король хотел облагодетельствовать своих еврейских поданных, даровав всем им дворянство. «Но в их исторических хрониках раскрывает Себя Сам Г-сподь! Чем же ты, простой смертный, можешь их возвысить?» – спросил его мудрый советник.

Соколик говорил о «субботнем мире», порождении чистой идеи, в постижении которого – путь к бессмертию. Огонь растопляет лед, но в сфере Духа противоречие снимается, уступая место универсальной гармонии.

«Субботний мир» лежит по ту сторону реальности, но нельзя вступить в него, не соприкоснувшись с конкретным жизненным возвращением, возвращением в физический и интеллектуальный Иерусалим. Соколик выполнил этот завет, проведя в духовном и реальном Иерусалиме последние десять лет своей жизни.

«С дней своей юности я скитался в поисках поэзии и красоты, и мне выпало счастье на склоне дней найти их в вере моих предков. Раньше мне всегда было неловко говорить о моих мечтаниях и идеалах. Слова казались напыщенными. Здесь, на Святой Земле, я понял, что блаженство существует и нет ничего стыдного признаться в этом. Наверное, суть еврея именно в способности постичь эту правду. Тот, кто установил свой трон посреди бурного потока, не погибнет и во льдах замерзшего озера. Все стало возможным, ибо суббота слилась с другими шестью днями», – писал он.

Под конец он был очень болен и совсем не мог писать. Но его мудрость, юмор и доброта продолжали быть поддержкой для окружающих. Он сказал как-то: «Б-г обращается со мной как со взрослым человеком, я способен теперь нести полную ответственность за себя. И я не перестаю думать: что я должен совершить, чтобы оправдать Его помощь и выполнить Его волю. Я никогда уже не вернусь в мир иллюзий, в мир платоновских теней. Я возвращаюсь к реальному бытию, чтобы жить и любить среди своего народа. Он привел меня сюда, чтобы я обрел свободу и выполнил все, что мне надлежит. Здесь, в Земле Субботы».

Я познакомился с ним в 1974 году, мы проговорили много часов. Пять лет спустя мы написали совместно небольшую книгу («гимн дружбе», как любил называть ее Генрих), большинство приведенных здесь цитат взято из нее. Величественное здание своей теории Соколик построил в трактате «Огненный лед».

Профессор Герман Брановер, знавший Соколика в течение многих лет, вместе со своими коллегами из «Шамира» взял на себя труд опубликовать эту глубокую и вдохновляющую работу, творение многогранного ума, мужественно взявшего за преодоление изначальных дилемм человеческого существования.

В присутствии Соколика каждый из нас становился более скромным и человечным, способным вслушиваться в потаенную музыку души. Поэтесса Эстер Камерон писала Соколику: «Вы источаете любовь, не знающую отчуждения или господства, но внушающую людям умение ценить и понимать других, соединяться с ними в стихии жизни, которая одновременно – мы поняли это благодаря вам – есть сама красота». Своим знакомством с Г. Соколиком я обязан профессору Брановеру, и я вдвойне благодарен ему за возможность в нескольких незамысловатых словах высказать свои мысли о человеке, оставившем после себя не только память в умах современников, но целую сокровищницу мудрости и нравственной красоты.

Д-р Цви Файер

Друзья Генриха Соколика навещали его каждый в свое время. Я приходила в пятницу перед заходом солнца, накануне наступления субботы. Прежде всего я зажигала свечи на его вечно заваленном книгами и бумагами письменном столе. (Это было в 1973 году, когда Генрих еще мог самостоятельно писать. Однажды я видела, как он пытался сделать несколько шагов, опираясь на палки и на плечо своей ласковой, заботливой матери, – и я была поражена его высоким ростом.) После того, как я произносила благословение, мы обычно беседовали.

Часто темой наших бесед была религия. Генрих был очарован Израилем и, впервые увидев живущих по законам Торы свободных, счастливых людей, пребывал в приподнятом настроении. Однажды он сказал, что хотел бы взять себе еврейское имя. Не могла бы я помочь ему выбрать? Я замаялась, но он настаивал. Тогда я сказала, что наиболее близким по звучанию к имени Генрих мне кажется имя Хаим.

– Хаим, «жизнь»... – он задумчиво улыбнулся. – Не очень-то мне подходит, не правда ли?

Но постепенно он полюбил свое новое еврейское имя, и все больше друзей стали называть его Хаимом.

Новое имя подчеркивало важную особенность внутреннего мира Соколика: философ по призванию, ученый-физик по образованию, редкий эрудит, Хаим жил богатой, полнокровной внутренней жизнью, на которой не отражалось постепенное угасание его больного тела. Он любил музыку, слушал пластинки с каким-то радостным напряжением, которое покидало его лишь когда замолкали последние звуки. Особое воодушевление он испытывал от музыки Вивальди.

– Это чистая безгрешная музыка, – не один раз говорил он. Помоему, ему казалось, будто он слушает что-то непредназначенное для простых смертных.

Широта его познаний, глубина понимания окружающего мира поражали не меньше, чем та скромность, с которой он делился своими знаниями. Я уверена, что он прочел больше книг на английском, чем я, хотя, в отличие от меня, этот язык не был его родным. Когда я возвращаюсь к нашим с ним беседам, первое, что всплывает в памяти, это его слова: «Вы, конечно, знакомы с...», после чего он углублялся в анализ какой-нибудь книги, название которой я слышала впервые в жизни. Он

считал само собой разумеющимся, что его собеседник обладает той же эрудицией, что и он сам. Хвастовство было ему совершенно чуждо. Он был слишком увлечен поисками истины, чтобы принимать позы. Однажды мы разговорились о разных типах интеллекта и затронули вопрос о гениальности.

Не думаю, что гениальность – это нечто из ряда вон выходящее, – сказал Хаим. – Назвать кого-то гением – значит просто отнести его к определенной категории, как, скажем, белокурого мужчину мы относим к блондинам, а человека с темными волосами – к брюнетам.

Как-то раз я спросила, относит ли он себя к «категории гениев»?

– Я чуть-чуть гениален, – сказал он, и в глазах его засветился озорной огонек.

Чем сильнее терзала его болезнь, тем большим врагом становилось ему его собственное тело. Из-за врожденного эстетического чувства его физическое состояние приводило его в полное отчаяние. Как никто другой, он сознавал, сколь жестоко противоречие между его активной интеллектуальной жизнью и убогим физическим существованием: первая излучала изящество и свет, второе было похоже на еле тлеющие, медленно остывающие угли. Я думаю, он ощущал себя похожим на главного героя новеллы Кафки «Превращение». Надеюсь, он знал, что по крайней мере его друзья были способны разглядеть сквозь жалкую телесную оболочку то прекрасное, что скрывалось внутри.

Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на его долю, он никогда ни о ком не говорил дурного. Если он бывал критичен, то только по отношению к себе. Он считал, что его недуг – это наказание за какие-то ошибки, может быть, за то, что он старался быть «непохожим» на других, и его нередко посещала мысль, что он «недостойн», «не заслуживает» того, чтобы быть евреем. Он любил Иерусалим, но чувствовал себя умиротвореннее вдали от него. Иерусалим – это было «слишком много» для него.

Несмотря на всю любовь и уважение, которые я испытывала к Хаиму, я была поражена, услышав однажды от одного раввина, нашего общего знакомого, такие слова: «Конечно, ведь Хаим – цадик...» Причем сказал он это как нечто само собой разумеющееся.

После, дома, я открыла ивритский толковый словарь Эвен-Шошана на слове «цадик». Там было сказано: «Цадик – человек праведный, честный, искренний».

Да, Хаим был цадиком.

Джуди Монтэгю

Люсьен Фикс

Удивительная жизнь Сэма Букаца – портретиста и живописца

не приходилось бывать в мастерских художников и скульпторов, но то, что я увидел, когда заглянул через полуоткрытую дверь мастерской вашингтонского художника, меня поразило.

– Меня зовут Люсьен Фикс, – сказал я. – Я звонил вам вчера.

– Помню, помню, но я был тогда очень занят и не смог с вами толком поговорить. Что же мы стоим в дверях, – сказал седовласый мужчина с кистью в руке. Видимо я застал его за работой. – Пожалуйста, проходите в мастерскую.

Меня поразило обилие огромных холстов и полотен. Одни были даже не загрунтованы, на других были видны наброски будущих картин, остальные почти закончены и ждали последних мазков.

– Могу я поинтересоваться целью вашего визита, – спросил художник, видимо не догадываясь, что привело меня в его мастерскую, расположенную в Джорджтауне, старейшем районе Вашингтона на берегу реки Потомак.

– Я журналист и хотел бы побеседовать с вами о вашей работе».

Собираясь посетить Сэма Букаца, я прочёл ряд материалов, из которых узнал, что одно время он был лидером, так называемой Вашингтонской колористкой школы, к которой принадлежали такие известные художники как Джин Дэвис, Морис Луис, Кен Ноланд, и другие.

Но я не сказал Букацу главного. Истинной целью моего визита было познакомиться с художником, чью картину я недавно купил. В начале 1980 годов в газете «Вашингтон Пост» была опубликована статья о том, что в небольшом городке Кенсингтон вблизи Вашингтона, известного множеством антикварных магазинов (около 50 только на одной улице), открылась необычная картинная галерея, где продавались картины художников, начиная с XVII века. Мне было интересно увидеть своими глазами, что продаётся в этой галерее, чего не увидишь в музеях.

И действительно, небольшая комната была завалена портретами, натюрмортами, пейзажами, жанровыми сценами очень похожими на работы голландских, французских и других западноевропейских мастеров.

Как я мог судить, это не были музейные работы, что могло бы оправдать запрашиваемые владельцем галереи цены в десятки тысяч долларов. Я уже собирался уходить, как вдруг среди всего этого обилия картин в позолоченных рамах я увидел уголок работы в бледно-голубых тонах, не имевшую ничего общего с тем, чем была завалена галерея. По моей просьбе галерейщик вытащил из-под своих «рембрандтов» и «рубенсов» одетую в простую раму довольно большую абстрактную картину. Окинув её взглядом, я спросил владельца галереи, знает ли он художника. «Работа подписана, его зовут Сэм Букац, – сказал он. А на вопрос, где его найти, сказал, что насколько ему известно, избегая жаркого вашингтонского лета, он работает у себя на даче в горах штата Западная Вирджиния. Картина мне настолько понравилась, что я решил её купить, предложив, как я считал, реалистическую цену. Сделка была совершена, и я тут же пустился на поиски художника.

Как я ни старался, куда бы ни звонил, к сожалению, мои поиски ни к чему не привели. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Если художник местный, кто-то должен его знать.

Наброски для портрета Хиршхорна

Через несколько недель один мой знакомый, с улыбкой на лице, принёс мне еженедельную газету «The Jewish Week» (сентябрь 17-23 1981 г.). На первой странице красовался заголовок «Художник пишет портрет Хиршхорна». Статью дополняла фотография художника с густой копной седых волос и наброски портрета знаменитого филантропа, именем которого назван музей современного искусства в Вашингтоне.

(статью о Хиршхорне и музее его имени см. Журнал Семь искусств № 7(32) 2012). Я тут же позвонил в редакцию газеты, и они охотно дали мне телефон Сэма Букаца.

Прежде, чем начать беседу, я спросил художника, над чем он сейчас работает.

«У меня в голове роится масса идей. Я могу одновременно работать над двенадцатью картинами от реалистических до абстрактных. Я не знаю, к какой работе через минуту прикоснется моя кисть или грифельный карандаш.

А это – заказ Белого Дома для конференции по проблемам старости, – сказал он, указывая на большое панно. В Белом Доме меня знают ещё со времён Рузвельта. Время от времени они дают мне заказы. Я ведь, своего рода, бывший государственный служащий, морской офицер в отставке. Написанные мною портреты американских военачальников украшают стены многих министерств и ведомств.

– Да, вы сказали, что нашли меня через газету, где фотограф запечатлел мои эскизы для портрета Джозефа Хиршхорна. Я сделал серию портретов Хиршхорна, которые теперь находятся в музее его имени. Помню нашу первую встречу в Нью-Йорке. Тогда я был молод и, как все молодые художники, еле-еле сводил концы с концами. Я едва наскребал десять долларов для оплаты ренты за помещение. Хиршхорн пришел ко мне в мастерскую и скупил всё, что было за мелочь. Это в его манере. Он ходил по мастерским художников с оттопыренным карманом. Он хотел показать, что у него полно денег. Он скупал всё подряд, но торговался. В первый раз он предложил мне так мало, что я набрался смелости сказать «нет». Он пришел снова и очистил всю мою студию. Это было в 1950 годах.

Сэм Букац за работой

Букац и Хиршхорн встретились снова в 1977 году. Хиршхорн хотел увековечить себя на полотне и попросил своего адвоката найти достойного художника. Тот привёз его в студию Букаца.

Увидев старого знакомого, Хиршхорн воскликнул: «Самуэл Букац! Где такой прекрасный художник как ты скрывался все эти годы?» Окинув взглядом студию, он попросил подарить ему два панно «Мексиканская свадьба» и «Фиеста». – Ты богатый человек, Букац, и можешь себе это позволить. Зачем их прятать от людских глаз? Я повешу их в моём музее на всеобщее обозрение. Именно тогда Хиршхорн заказал Букацу серию своих портретов.

Сэм Букац перед портретом вице-адмирала Росса Т. Макинтайра, личного врача президента Франклина Рузвельта

Сэмюэл Букац сын еврейских эмигрантов, бежавших из России из-за погромов. Он родился в Филадельфии в 1910 году, но вскоре семья переехала в Кливленд и поселилась в бедных кварталах города. Безграмотному плотнику трудно было заработать достаточно денег, чтобы прокормить шестерых детей. Родители не поощряли увлечения Сэма искусством. Они хотели, чтобы он стал врачом, юристом или бизнесменом, чтобы выбраться из района, населённого такими же, как они сами. Но он решил идти своим путём. После школы работал на фабрике, а по вечерам посещал бесплатные курсы рисования. Скопив достаточно денег, Сэм поступил в Кливлендский художественный институт, который закончил в 1935 году. В том же году Кливлендский институт предоставил молодому подающему надежды художнику стипендию для продолжения учебы в Бостонской школе изящных искусств при Бостонском музее.

– Этого мне никогда не забыть, – говорит Букац. – Школой заведовал известный русский художник Александр Яковлев. Учитель и ученик быстро стали друзьями. Бесконечные эксперименты с цветовой гаммой, новые идеи и смелые художественные замыслы всё больше сближали их.

– Я учился у него два года и готов был продолжать и дальше, – говорит Сэм Букац. – Но в 1937 году Яковлев неожиданно объявил, что возвращается в Париж. Для меня это было большим ударом. Помню, на следующий день я на занятия не пошел. Я плакал как младенец. Я не мог представить себе разлуку с Яковлевым. Я даже решил бросить рисование вообще. Тогда мне сообщили, что меня вызывает директор. – Что им от

меня нужно? Я ведь сказал, что учиться больше не буду. – Но в школу он всё же явился и к большому для себя удивлению узнал, что за успехи в учёбе удостоен премии Уильяма Пейджа и стипендии в размере 4 000 долларов для продолжения учёбы в Европе. «Четыре тысячи долларов в 1937 году были огромные деньги», – говорит Букац.

Александр Яковлев. Автопортрет

Молодой художник отправился в Париж, снял небольшую студию и принялся за работу под руководством Яковлева. Примерно через полгода Яковлев посоветовал ему сделать небольшой перерыв и посмотреть Европу. Сэм отправляется в Рим. Развалины великой цивилизации произвели на него неизгладимое впечатление, и он решил на время там остаться.

Близились катастрофа. – «Я был молод и политикой не интересовался, – признаётся Букац. Мне, молодому американскому художнику, жизнь в Европе давала возможность познать мир, многому научиться. В Италии Букац много работал, учился, посещал музеи и выставлялся. Одну его персональную выставку в Американской Академии даже посетил король Виктор Эммануил Второй. – У меня сохранилась фотография об этой памятной встрече, – сказал он.

«Я неоднократно попадал в переплёты, – вспоминает он. – После одной моей выставки меня пригласили на приём в честь Гитлера. Я прошёл все полицейские кордоны, но перед самым входом в зал секретный агент так рванул меня за рукав, что чуть не оторвал его. Тогда мне повезло – вовремя убрался. Но меня арестовали в другой раз. На улице собралась огромная толпа перед домом, где с балкона должен был выступать Муссолини. Я присел на ступеньки здания прямо перед этим балконом и стал быстро делать зарисовки. Вот тут-то меня и взяли. Но не за то, что рисовал, а за то, что сидел, когда дуче произносил речь.

А однажды я был свидетелем и невольным участником инцидента на югославской границе. В поезде напротив меня сидел мальчуган лет десяти. В то время еврейские родители, спасая своих детей, пытались отправить их за пределы Германии. Вооружённый солдат подошел к нам и потребовал документы. Ни слова не говоря, он взял узелок мальчика, бросил на пол все его вещи, вытер о них свои грязные сапоги и приказал мальчику следовать за ним. Меня это взбесило. «Оставь его в покое, – в ярости закричал я. – Они остановили поезд и выбросили меня. Мне и тогда повезло, остался жив».

Король Виктор Эмманнуил и Сэм Букац

Куда бы ни забрасывала его судьба, Букац поддерживал связь с Яковлевым. В 1938 году, когда Сэм был удостоен престижной премии Prix de Rome, Яковлев послал ему поздравительную телеграмму и пригласил на Капри, чтобы обсудить планы совместной работы.

«Когда я приехал на Капри, Яковлева там не оказалось, – вспоминает Букац. – Я позвонил в Париж. И тогда наши общие знакомые сообщили мне печальную весть. Яковлев внезапно заболел, был доставлен в больницу и скончался на операционном столе. Какая утрата! Ему было всего пятьдесят лет. Он мог так много ещё сделать, – с грустью говорит Букац, и продолжает. – Без Яковлева мир для меня опустел. Я не мог решить, что мне делать дальше. Я связался с его матерью и сестрой, и они предложили мне работать в его студии на Монпарнасе. Я с благодарностью принял их предложение. Это была небольшая студия, но чего стоил вид из окон! Я поселился там и принялся за работу. Первое время я чувствовал себя неловко, никак не мог заставить себя спать в его постели».

Но время залечивает раны. Букац окунается в парижскую жизнь, много работает, учится у опытных мастеров, встречается с известными художниками, среди них Оскар Кокошка, Марк Шагал, Хаим Сутин.

Война стала неизбежностью. Многие покидали Францию. С небольшим чемоданчиком и рулоном работ Яковлева Букац отправился в Бордо, откуда отплывали пароходы в Америку.

«Это был один из последних американских пароходов, – вспоминает Букац. – Вы не можете себе представить, что там творилось...

Для всех не было места. Мне с трудом удалось достать билет. Немецкие подводные лодки топили все пароходы. Можно сказать, что мне и тогда посчастливилось. Мы плыли двенадцать дней, и всё это время я спал на палубе. Люди были вконец измучены. Когда же, наконец, пароход вошёл в нью-йоркскую гавань и нашему взору открылась Статуя Свободы, все плакали навзрыд. Это было в 1939 году. Тогда я вспомнил рассказы моих родителей о том, как они впервые увидели Статую Свободы. Они приехали в Америку в XIX столетии.

«Однажды Букац работал над портретом знакомого семьи. Во время одного из сеансов он спросил: «Ты слышал о приказе о всеобщей воинской повинности? – И не дожидаясь ответа, сказал: «У меня есть контакты в Белом Доме. Я мог бы за тебя замолвить словечко. Хочешь стать военно-морским офицером? – вспоминает Букац. – Я подумал, а почему бы и нет. Через несколько дней он пришел на очередной сеанс и сказал: «Ты во флоте. Будешь работать художником при Белом Доме». Так я стал военным.

Эскизы для портретов президента Рузвельта и первой леди

Два года с 1942-го по 1944 Букац работал в Белом Доме, написал ряд портретов президента Рузвельта, первой леди и военачальников.

Потом его перевели в Окленд, штат Калифорния. Там он работал при госпитале, где его мастерство помогало хирургам в пластических операциях по реконструкции лиц и других участков тела, изувеченных военнослужащих.

«Вот, где мне пригодилось знание анатомии, которую я изучал в медицинской школе при Гарвардском университете, и работа с Яковлевым, – говорит Букац. – Он был прекрасный рисовальщик и отлично знал анатомию».

После войны Букац демобилизовался в чине капитана 3-го ранга, а во время Корейской кампании был снова призван на военную службу.

«Я художник, я не военный, у меня нет никакой военной подготовки. Я даже не знаю, как правильно отдавать честь адмиралам. Не могу сказать, что военная служба мне так уж нравилась. Но я считал это своим долгом и отдал этому делу добрый кусок жизни», – говорит Букац.

Написанные Букацом натюрморты, рисунки, абстрактные работы и скульптуры можно найти в вашингтонских музеях и галереях – Коркоран, Филлипса, Хиршхорна и Библиотеке Конгресса, в Кливленском и Рочестерском музеях.

Его портреты висят в Белом Доме и мемориальной библиотеке Франклина Рузвельта, в Национальном военно-морском госпитале, в медицинском музее вооруженных сил США.

«Сам художник не может быть ни ценителем, ни критиком своих работ, – задумчиво говорит он. – Художник создаёт произведения и идёт дальше. Возьмите, например, Сезанна, Матисса, Ван Гога. Они порой презирали свои работы. Сколько их пропало, страшно подумать. Оценивать вас как художника должны другие. Но необходима основа».

Я неоднократно бывал в мастерской Самуэла Букаца. Когда я заглянул к нему в последний раз, он заканчивал огромное панно, которое как бы впитало в себя все краски и страсти Гавайских островов. Он с женой в зимнее время по несколько месяцев проводили на Гавайях. Сэм и Сюзен много раз приглашали нас приехать на остров Оаху, где они обычно останавливались. Однажды мыс женой их посетили. Их гостиничный номер, заваленный холстами, напоминал мастерскую художника в Вашингтоне.

«Что я буду делать со всем этим?» - повторил мой вопрос художник, обводя широким взглядом свою огромную мастерскую. – Не знаю, время покажет. Самое главное – это продолжать работать».

Сэмюэл Букац на склоне лет

Сэмюэл Букац работал до глубокой старости. Он скончался 16 ноября 2006 года в возрасте 99 лет и был похоронен на Арлингтонском Национальном кладбище под Вашингтоном.

Борис Тененбаум

Главы из книги "Гитлер"

Верный Генрих

I

В начале октября 1943 года в Позене, столице рейхсгау Вартеланд (нем. Reichsgau Wartheland)[1], состоялось важное совещание. На нем присутствовали едва ли не все крупные деятели Рейха и по партийной, и по государственной линии. Сначала, 4-го октября, вместе собрались группенфюреры[2], а потом, через два дня – рейхляйтеры[3] и гауляйтеры[4].

Совещание было организовано совместно Гиммлером и Борманом, и в числе приглашенных докладчиков были важнейшие руководители Германии. Скажем, гросс-адмирал Дёниц осветил вопросы, связанные с битвой подводных лодок за Атлантику, а от Люфтваффе на совещание прибыл Эрхард Милх, заместитель Геринга. Рейхсминистр вооружений, Альберт Шпеер, рассказал о положении дел в военной промышленности.

Из верхушки Рейха отсутствовал разве что Геббельс.

Первая половина заседания была посвящена докладам о положении дел. Шпеер приехал не один, а с 5-ю заместителями, каждый из которых ведал своим отделом военного производства - так что Шпеер выступал во всеоружии, и на любой вопрос из аудитории мог немедленно предоставить ответ, подкрепленный мнением эксперта.

Это было важно.

Собственно, сама конференция была собрана с целью объяснить аудитории, как именно Рейх сможет выбраться из крайне затруднительной ситуации, сложившейся к осени 1943. Выглядело все очень тревожно. В июле главный союзник Гитлера, Муссолини, был свергнут и помещен под стражу. И даже то обстоятельство, что его удалось выручить, оптимизма не добавляло - Италия перестала сражаться на стороне Германии и сама стала полем боя.

Оставалось надеяться, что какой-то выход все-таки будет найден.

Ставка была на раскол союзников, на единство Рейха, и на новые германские вооружения, которые вернут Германии качественное превосходство над ее врагами.

Адмирал Дёниц рассказал о новых проектах подводных лодок - как только они войдут в строй, господство англичан в Атлантике сразу пошатнется. Милх рассказал о новых моделях самолетов - и при этом и

Милх и Дёниц ссылались на Шпеера, готового обеспечить вооруженные силы Рейха всем необходимым.

Присутствующим не надо было объяснять, почему управление экономическим 4-летним планом, возглавляемое Герингом, даже не упоминается. Причина была та же, по которой доклад от Люфтваффе делал не сам рейхсмаршал, а Милх, его заместитель. Звезда Германа Геринга была на закате, фюрер все больше и больше лишал его своего доверия - и бюрократические битвы в экономике теперь выигрывались только Шпеером. Доклады шли целый день, потом последовал перерыв, во время которого можно было немного отдохнуть и перекусить.

А в 5:30 вечера на трибуну поднялся рейхсфюрер СС, Генрих Гиммлер.

II

Выступление его было, что и говорить, содержательным. Гиммлер рассказал, например, о генерале Власове, и его ордене Ленина, который генерал подарил бригадефюреру СС Герману Фегеляйну, который взял его в плен.

Гиммлер сказал, что Власов - неплохое вложение капитала на данный момент.

Он стоит Рейху 20 тысяч марок в год, и проживет еще, допустим, лет 15. А затраты в размере 300 тысяч марок - это стоимость боеприпасов одной артиллерийской батареи за пару дней горячего боя. Понятно, что для серьезного политического мероприятия, эта сумма - чистые пустяки. Тем более что "*... славянам доверять не стоит ...*" - и как только надобность во Власове отпадет, вопрос, так сказать, решится сам по себе.

Дальше рейхсфюрер СС перешел к более важному вопросу: международному заговору масонов, евреев, полу-евреев, большевиков, демократов, плутократов и политизированной части церквей обеих деноминаций - и католической, и протестантской - направленному против политики Рейха. Все они поддерживают подрывные движения и поставляют врагу всевозможных шпионов и диверсантов - но это вопрос столь деликатный, что в детали он вдаваться не хочет.

Может быть, это можно будет обсудить после войны.

Но он хотел бы заверить всех своих товарищей по партии (партайгеноссе), что система концентрационных лагерей вносит свой вклад в дело обороны Рейха и дает военной промышленности 15 миллионов рабочих часов в месяц[5] за счет использования трудовых усилий заключенных.

Ну, а дальше Генрих Гиммлер перешел к наболевшему.

Он сказал, что здесь, в теснейшем кругу национал-социалистов, он может упомянуть некоторые аспекты решения труднейшей проблемы, самой трудной из всех, с которыми ему довелось столкнуться на службе Рейху - еврейскому вопросу.

Гиммлер сказал, что все гауляйтеры, присутствующие на совещании, знают, что их гау избавлены от еврейского присутствия. Весь германский народ - за очень редкими исключениями - поддерживает принятые в этом отношении меры, и их польза совершенно очевидна. Разве иначе народу Германии удалось бы перенести потери на фронтах, и

бомбардировки мирных городов Рейха - и при этом не дрогнуть? Но зараза устранена. Бациллы измены уничтожены, тело и дух германского народа очищены от опасной инфекции.

Германии больше не угрожает удар в спину, как это случилось в 1918.

И мы знаем, что для этого следовало сделать. Это не секрет, не так ли? Это лозунг движения национал-социалистов, его знает весь германский народ:

"Евреи должны быть уничтожены !".

Но всякий поймет, что это куда легче сказать, чем сделать. И в усилиях, необходимых для выполнения этой задачи, не может быть ни малейшего послабления.

Его, Генриха Гимmlера буквально тошнит от бесконечных просьб о снисхождении, которыми его непрерывно осыпают - и случается, что такие просьбы поступают даже от партайгеноссен высокого ранга. И содержание этих просьб он может предсказать заранее - в преамбуле будет сказано, что все евреи - гнусные свиньи, и с ними необходимо покончить. Но вот тот еврей, о котором идет речь в прошении, лично известен просителю как человек достойный, и его следует пощадить.

И рейхсфюрер СС обратился к аудитории с риторическим вопросом - если учесть число прошений и число оставшихся в Германии евреев, то получается, что "... *достойных евреев* ..." больше, чем евреев вообще?

Как сказал Гимmlер, обращаясь к собравшимся гауляйтерам:

"...вы можете проверить в границах ваших собственных гау - сколько у вас имеется достойнейших членов НСДАП, каждый из которых знает добпорядочного еврея ..."[6].

Так дело не пойдет - работу следует довести до конца.

III

Гимmlер примкнул к НСДАП еще в 1923 году. То есть вполне мог считать себя одним из старых бойцов, сражавшихся за дело национал-социализма еще тогда, когда партия была слаба и находилась на краю политической жизни Германии. Выяснилось, что он надежен, исполнителен, верен, и хороший организатор - хоть пороха, конечно, и не выдумает. Однако он очень старался выдвинуться, и даже принял какое-то участие в Пивном Путче.

Ну, как мы знаем, путч не удался, Гитлер оказался в тюрьме - а Геббельс занялся сельским хозяйством. Надо сказать, без большого успеха.

В 1925 запрет на деятельность национал-социалистов был снят, Гимmlер заново вступил в партию.

В ту пору он был совсем не на виду. Так, фигура из третьего ряда. Секретарь Грегора Штрассера, вскоре замененный на Геббельса, человека и поталантливей, и поинтересней.

Действительно - в 20-е годы карьеры в НСДАП делались на ниве пропаганды - а "... *честный Гейни* ...", как тогда звали Гимmlера, в качестве пропагандиста оказался безнадёжен. Он старался, конечно.

Объездил на мотоцикле всю Нижнюю Баварию, выступал с речами - но успеха не снискал.

В 1928 женился на барышне из прусской дворянской семьи, на 8 лет старше, чем он.

Супруги попытались завести птицеферму - но дела у них не очень-то ладились. А в 1929 Генрих Гиммлер был назначен руководить "Охранными Отрядами НСДАП". В его функции входило поддержание должного порядка на митингах.

За два года он сумел увеличить число членов СС в 10 раз - и это при самом строгом отборе претендентов. Во внимание принималась не только чистота крови, не только деловые качества, не только чисто арийская внешность - но еще и такая трудно определяемая субстанция, как "... чистота помыслов ...".

Генрих Гиммлер был честным человеком.

Эта репутация ему очень пригодилась - Гитлер доверил Гиммлеру сформировать команду для обеспечения его личной безопасности. В составе СС в марте 1933 было создано специальное подразделение, "Führerschutzkommando" ("команда защиты фюрера") [7].

Но настоящий взлет организации СС начался с 1934, когда в "Ночь Длинных Ножей" была ликвидирована верхушка СА, вместе с Эрнстом Рёмом, и возможная "... партийная оппозиция ...", вместе с Грегором Штрассером - и вообще все люди из окружения Гитлера, которые в тот момент казались неприятными, или ненужными, или знающими слишком много.

Беспрекословная верность СС была оценена по достоинству.

В полном соответствии с общей практикой административного хаоса, копирующей "... стиль фюрера ..." и распространившейся в Третьем Рейхе, полномочия любых структур определялись не их юрисдикцией, а доверием вождя.

В июне 1936 года Гитлер назначил Гиммлера верховным руководителем вообще всех служб германской полиции. А поскольку в его руках уже находились концентрационные лагеря, СС как организация начала набирать все возрастающее могущество.

У нее появились свои военные формирования, и уже к 1938 их численность составляла целую дивизию. Гитлер это всячески приветствовал:

"...Великогерманский Рейх в своём окончательном виде будет охватывать в своих границах не только народы, которые с самого начала благожелательно настроены к рейху. Поэтому необходимо создать ... государственные полицейские войска, способные представлять и поддерживать внутренний авторитет Рейха ...".

К концу 1943 года Великогерманский Рейх трещал по всем швам, материальных и человеческих ресурсов не хватало, сырье, промышленные ресурсы, людей для работы и для военной службы набирали, где только могли, включая и добровольцев, и мобилизованных иностранцев, и бывших военнопленных.

И только организация СС росла как на дрожжах.

Теперь ее военные формирования уже не ограничивались ролью "*... поддержания порядка в тылу ...*". Гиммлер сумел изыскать дополнительные ресурсы - именно в ведение СС, а не в вермахт, были переданы лучшие из иностранных военных формирований, сражавшихся на стороне Рейха. Поначалу речь шла только о "*... народах, близких по крови ...*", вроде норвежцев или фламандцев, но через какое-то время появились целые дивизии, сформированные из эстонцев, латышей и украинцев.

Что до частей СС, набранных в Рейхе, то они служили чем-то вроде гвардии.

Им выделяли лучшее оружие, лучших новобранцев[9], и дивизии СС - такие как "Рейх" или "Мертвая Голова" - покрыли себя славой на полях сражений под Харьковом и Курском. Организация, возглавляемая Генрихом Гиммлером, по праву считалось элитой партии и государства.

Естественно, самые важные задачи поручались ей.

IV

"Окончательное решение еврейского вопроса" попало в сферу деятельности СС автоматически, просто в силу того, что тут оказались сплетены в один клубок и вопросы "*... расовой гигиены ...*", и действия айнзацгрупп, и концентрационные лагеря, и чисто полицейские вопросы по учету, охране и регистрации обитателей гетто.

В Польше были учреждены специальные лагеря уничтожения, работающие на совершенно индустриальной основе. Туда свозили евреев отовсюду, где их только можно было отыскать, сортировали на предмет пригодности к тяжелому физическому труду - ну, а дальше разделяли на два потока.

Негодных отправляли в газовые камеры немедленно, а годных еще какое-то время использовали - например, на вредных производствах предприятий, работающих на войну - а убивали только потом, когда они теряли силы.

Процесс был проинспектирован лично рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

Ему объяснили все технологические достоинства процесса - на убийство больших групп людей в газовых камерах уходило гораздо меньше времени и усилий, чем на расстрелы. К тому же следовало учесть и соображения гуманизма - нервное напряжение персонала СС, ответственного за проведение "акций", тоже заметно снижалось. Трупы сжигались в крематории, и таким образом оставалось меньше следов.

Конечно, совершенно скрыть происходящее было невозможно - слишком уж многие были вовлечены в процесс переработки живых людей в пепел.

Но говорить об этом даже в кругу посвященных полагалось обиняками.

В последнее время даже термин "*... специальное обращение ...*" был заменен другим, более туманным - "*... транспортировка на Восток ...*".

Так что можно представить себе шок, испытанный гауляйтерами Рейха, когда на октябрьской конференции 1943 в Позене они вдруг услышали от Гиммлера следующее:

“...мы пришли к вопросу - что делать с женщинами и детьми? Это сводится к дилемме - могу ли я считать правильным приказывать уничтожать мужчин, и при этом оставлять в живых детей, которые вырастут и станут мстителями? Приходится принимать трудное решение - сделать так, чтобы с лица земли исчез весь народ ....”

И рейхсфюрер продолжил: он говорил о том, как трудно найти правильный путь между бессердечием и утратой уважения к человеческой жизни - и нервным срывом, который не позволит докончить начатое. Но его СС выдержала испытание, и сохранила свою чистоту и силу. Ни один пфенниг из конфискованной еврейской собственности не прилип к рукам - все было передано в министерство экономики Рейха. Да, имелось несколько случаев хищений - но они были пресечены, а виновные - исторгнуты из рядов СС и сурово наказаны[8].

Но он, Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, недавно назначенный фюрером еще и на пост министра внутренних дел Рейха, заверяет всех собравшихся: СС всегда выполнит свой долг.

Несмотря ни на что.

Если верить словам Бальдур фон Шираха, присутствовавшего на конференции, во все время речи Гиммлера в зале царила полная тишина. А когда, уже после речи, гауляйтеры Рейха были приглашены Борманом закусить, и расселись по своим столам, они ели молча и избегали смотреть друг на друга. Шпеер вообще сказал, что по окончании конференции случилась дикая попойка - всем очень хотелось забыть то, что они услышали. Получалось, что мосты сожжены, и они запачканы в массовых убийствах детей - чего они как бы не хотели.

Шпееру, собственно, верить не следует.

Он потом поправил свои слова, и сказал, что и речи-то Гиммлера сам не слышал, потому что уехал после первой части совещания, и на второй даже и не присутствовал. А насчет попойки - ну, так он перепутал одну конференцию с другой. В конце концов, Шпеер присутствовал на многих конференциях.

Но факт остается фактом - Гиммлер довольно открыто высказался об индустрии смерти, само существование которой вплоть до октября 1943 тщательно скрывалось.

Почему он это сделал?

Есть обоснованное мнение, что это было сделано по согласованию с Гитлером. Во всяком случае, буквально на следующий день после речи Гиммлера, гауляйтеры получили настоятельное приглашение посетить фюрера в Вольфшанце. Это было более чем необычно. Собственно, не имелось даже и прецедента такому явлению, как коллективный визит гауляйтеров НСДАП в ставку Гитлера. Фюрер приветствовал своих верных соратников, можно сказать, *“... на поле брани ...”*, и сказал им, что весь германский народ знает, что происходящая битва ведется за его выживание. Пути назад нет - все мосты сожжены - и остается только решимость идти вперед и победить.

Тут интересно то, что Геббельс, против обыкновения, в этот день ничего не занес в дневник[10]. Возможно, даже в собственных записях ему не хотелось проводить параллелей с тем, что случилось с Муссолини.

Согласно принципам вождизма, решениям вождя полагалось повиноваться безоговорочно - до тех пор, пока партия не меняла вождя. 24-го июля 1943 года именно это с Муссолини и случилось - он был смещен Большим Фашистским Советом Италии[11].

Гитлер не хотел повторения такого же "партийного заговора" в Германии - и потому-то и уполномочил Гиммлера известить руководителей НСДАП о вещах, которые они предпочитали не знать. В том, что касалось заговоров, Адольф Гитлер опасался только однопартийцев.

Вообще говоря - случай исключительной слепоты.

Примечания:

1. Название рейхсгау было сконструировано первоначально из немецкого названия Познани — Позен, а затем из имени протекающей по территории региона реки Варты. Вартеланд состоял из территории так называемой Великой Польши и прилегающих районов, а также части областей, входивших ранее в состав прусской провинции Позен и потерянных в результате заключения Версальского договора.
2. Группенфюрер (нем. Gruppenführer) — одно из высших званий в СС и СА, с 1933 года соответствовало званию генерал-лейтенанта.
3. Рейхсляйтер (нем. Reichsleiter; Имперский руководитель) — высший партийный функционер, руководивший одной из главных сфер деятельности НСДАП. Редкое отличие - за все время существования Третьего Рейха его носило только 25 человек, одним из которых был казненный Эрнст Рём.
4. Гауляйтер (нем. Gauleiter) — высший партийный функционер национал-социалистической немецкой рабочей партии, возглавлявший областную организацию НСДАП. Соответствовал первому секретарю обкома.
5. Шпеер после войны оспорил эту цифру как абсурдно высокую, но, скорее всего, она была даже занижена. 15 миллионов часов в месяц эквивалентны 500 тысяч часов в день. При 10-часовом рабочем дне - а на самом деле заключенные работали и по 12, и по 16 часов в день - это занимало бы всего лишь 50 тысяч человек. По сравнению с общим числом заключенных это очень немного.
6. Himmler, by Peter Padfield, MJF Books, New York, 1990. Page 468.
7. В 1935 его переименовали, и назвали Reichssicherheitsdienst ("Имперская служба безопасности").
8. Расследования злоупотреблений велось Конрадом Моргеном, оберштурмбанфюрером судей СС. Наказывалось, например, хищение золотых зубов, выдернутых из ртов заключенных.
9. Еще в конце 30-х годов в вермахте была установлена квота распределения новобранцев: 65% армии, 25% - Люфтваффе, 10% - флот. Войска СС, набираемые в пределах Рейха, пополнялись из квоты, отведенной для армии.

10. Hitler, by Ian Kershaw, vol.2, page 606.

11. Большой фашистский совет (итал. Gran Consiglio del Fascismo) — правительственная структура в Италии, созданная Бенито Муссолини и включавшая в себя высших иерархов партии.

Заговор

I

Ульрих фон Хассель был убежденным германским патриотом - таким, каким и положено быть выходцу из старого рода, служившего прусским королям с давних времен, задолго до создания Бисмарком его Второго Рейха. Фон Хассель был дипломатом, с прекрасными связями и за рубежом, и в самой Германии - его тестем, например, был сам гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц. В общем, понятно, что все симпатии Ульриха фон Хасселя лежали на стороне германского национального возрождения, и в 1933 году он, дипломат высокого ранга, посол Германии в Риме, даже вступил в НСДАП.

Разочарование в новом режиме у него, однако, возникло довольно быстро.

Заключение союза между Германией, Италией и Японией, номинально направленное против Коминтерна, ему очень не понравилось. По всему выходило, что Коминтерн - Коминтерном - а острие союза будет направлено против Англии. И Ульрих фон Хассель полагал, что это недальновидно, потому что до Японии далеко, а Италия - больно уж шаткая опора. По-видимому, мнения этого он не скрывал - и в 1938 его сместили с поста посла Рейха в Италии.

Но, тем не менее, на службе в МИДе оставили - сказались и опыт, и хорошие связи.

С началом войны его отправили в Швецию - главным образом, с целью успокоить тамошних политиков относительно германских намерений. Вообще-то, несмотря на войну, он ездил по Европе довольно свободно - и в 1940 во все еще нейтральной Италии фон Хассель встретил британца, Джеймса Лонсдэйла-Брайнса, который очень сокрушался по поводу совершенно ненужного конфликта между Англией и Германией.

А Лонсдэйл-Брайнс был не просто любителем поболтать, а входил в окружение лорда Галифакса, министра иностранных дел Англии. Что из всего этого могло бы выйти, сказать трудно - но в Англии сменилось правительство, премьером стал Черчилль. Так что пришел конец разговорам о полюбовном разделе мира между Германией, которой должна принадлежать Европа, и Англией, у которой, так уж и быть, сохраниться ее Британская Империя.

Но определенные контакты, тем не менее, остались.

В конце лета 1941 года в Берлин приехал некий американский банкир, Ф.Сталлфорф (Federico Stallforth), который частным образом встретился с фон Хасселем, и сообщил ему, что президент Рузвельт мог бы совершенно по-другому посмотреть на Германию, если бы только не Адольф Гитлер - вот с ним иметь дело совершенно невозможно.

Ну, для того, чтобы такое заявление было принято всерьез, надо иметь некоторое положение в обществе. Были наведены справки - и

оказалось, что банкир и вправду вхож в круг влиятельных людей. Среди его знакомых были, например, Рокфеллеры. Беседы продолжались, и даже начали носить довольно доверительный характер.

А в 1941, когда война с СССР уже началась, и вермахт одерживал в России одну за другой свои оглушительные победы, Ульриха фон Хасселя навесил скромный такой человек, передал ему привет от Федерико Сталлфорфа, и представился как сотрудник СД.

Ну, а в Германии тогда не было ни одного человека - кроме разве что грудных младенцев - кто не знал бы, что СД (нем. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS (SD)) — это служба безопасности Рейха.

И - на правах управления - входит в СС.

II

Прямо скажем - Ульрих фон Хассель был озадачен. Он поговорил со своим гостем-эсэсовцем - и нашел, что тот молод, замечательно разбирается в международной политике, очень трезв в суждениях, и просто ошеломляюще свободно высказывается о положении Рейха. Фон Хассель решил, что люди из антуража Гиммлера встревожены общим ходом событий, и ищут какую-то лазейку на случай, если вдруг понадобится выбираться из беды.

В общем-то, так оно и было.

В СД служил один очень примечательный человек, Вальтер Шелленберг. Он поступил в эту организацию в 1933, по приглашению Рейнхарда Гейдриха, ее начальника. Шелленбергу было тогда всего 23 года. В столь юном возрасте он только и успел, что поучился в университете - сперва медицине, в Марбурге, а потом юриспруденции, в Бонне.

Гейдрих взял его в контрразведку - и его юный протеже моментально обнаружил такие способности, что был представлен Гиммлеру. С 1939 Шелленберг был уже не только заместителем начальника Имперского управления безопасности (RSHA, нем. Reichssicherheitshauptamt), отвечая в рамках этой организации только перед Гейдрихом, но и стал личным помощником Генриха Гиммлера.

Тот снабдил своего любимца титулом своего специального уполномоченного (нем. Sonderbevollmächtigter). Обладатель звания "... *специального уполномоченного рейхсфюрера СС* ..." действительно имел широчайшие полномочия, и ему поручались очень важные задания.

Скажем, летом 1940 года Вальтер Шелленберг составлял длинный список людей, которых при предполагаемом захвате Англии следовало немедленно взять под арест. Список, конечно же, возглавляла фамилия Черчилля - но там и помимо него значилось побольше двух тысяч имен, с указанием занимаемых должностей, послужным списком, и в высшей степени объективной оценкой степени их опасности для Рейха.

Так вот, Вальтер Шелленберг чрезвычайно заинтересовался контактами Ульриха фон Хасселя, причем под словом "контакты" имелись в виду не только его знакомства в "... *широких кругах американских банкиров* ...", но и те связи, которые фон Хассель имел в Германии.

Шелленбергу, так сказать, хотелось познакомиться с оппозицией - ну, неофициальной, конечно, в форме дружеских кружков. Голько такая оппозиция и могла существовать в Рейхе - узкий круг людей, которые доверяют друг другу.

Тот факт, что Шелленберг не стал таиться, а открыто показал фон Хасселю, что он, так сказать, в курсе дела, мог означать самые разные вещи. Ну, например - предостережением о том, что лучше не зарываться. А может быть, вежливым предложением - поделиться контактом за рубежом. А могло означать и осторожное сочувствие - кто знает? Очень может быть, что этого не знал и сам Вальтер Шелленберг.

Все зависело от обстоятельств.

В апреле 1942 он побывал в Испании и в Португалии, и поговорил там с германскими атташе по вопросам безопасности. Они, собственно, были не только коллегами Шелленберга, но даже в известной степени ему и подчинялись. Так вот, он поделился с ними мыслью о том, что теперь, весной 1942, все стоит на кону. Если грядущее наступление увенчается успехом, все будет хорошо.

А если не увенчается - то речь пойдет уже не о неудаче, а о проигрыше всей войны.

1942 год оказался богатым на события. И наступление не удалось, и шеф Шелленберга, Рейнхард Гейдрих, был убит в Праге. Так что в августе 1942-го Вальтер Шелленберг во время своего визита в ставку фюрера под Винницей встретился с Гиммлером, и задал своему шефу вопрос:

"Рейхсфюрер, в каком ящике вашего письменного стола вы держите план альтернативного решения для окончания войны?"[1].

III

Если верить Шелленбергу, то первый вопрос, который задал ему Гиммлер, сводился к живому интересу - а не спятил ли его личный помощник? Но остыл он довольно быстро и стал слушать уже гораздо внимательнее.

Шелленберг предложил начать секретные переговоры с западными державами, Англией и США, на предмет заключения мирного соглашения. Он полагал, что у них есть серьезные разногласия с СССР, и грех таким обстоятельством не воспользоваться. И что он, Шелленберг, понимает, что сам рейхсфюрер не должен сам появляться на сцене на этой стадии "... дружеских неофициальных бесед ..." с американцами, и что детали лучше оставить на Шелленберга - но некое принципиальное согласие он все-таки хотел бы иметь.

Такое согласие было с готовностью дано - и Шелленберг принялся за работу.

В картинке появился некий американец с полномочиями пошире тех, что имел не слишком известный банкир. Американца звали Алленом Даллесом[2], и с ним общаться было истинным удовольствием. Он все понимал, прекрасно владел имеющейся у него обширной информацией о ходе дел в Рейхе - и не скрыл от посланца Шелленберга одного неперемного условия: Адольф Гитлер должен быть устранен.

Положение Германии все ухудшалось - разговор об устранении Гитлера состоялся уже после англо-американской высадки войск в Северной Африке. И если поначалу речь шла о сохранении мощного германского государства в центре Европы, и даже с включенной в него Австрией, но потом, в ходе конференции союзников в Касабланке[3], президент Рузвельт взял да и сказал о необходимости "... *безоговорочной капитуляции Германии...*".

Что при этом имелось в виду?

Сам-то Рузвельт с очаровательной наивностью, которую он умел напускать на себя, когда не хотел обсуждать что-то всерьез, говорил, что ничего особенного он в виду не имел.

Так, слетело с языка - ну и ладно ...

Ему никто не поверил даже в США - как там говорится: "*Слово президента весит тонну*". Черчилль думал, что заявление было плохо продуманным шагом, сделанным из сиюминутных соображений - умаслить Сталина - и имеющим следствием "... *усиление германского сопротивления ...*".

Ну, а про реакцию в Рейхе нечего и говорить.

Геббельс сделал из этого главную тему газетных передовиц - мир невозможен, компромисс исключен, остается только одно - война до победного конца.

Гиммлера это тоже сильно озадачило.

Но делать что-то было все-таки необходимо - и 26 августа 1943 года рейхсфюрер СС, Генрих Гиммлер, принял в своем кабинете доктора Йоханнеса Попица. Доктор Попиц, между прочим, с апреля 1933 был министром финансов Пруссии. А в придачу к этому - членом так называемого "Клуба по Средам" - дискуссионного общества "Среда" - в состав которого входили серьезные консерваторы, неофициально обсуждавшие разные политические проблемы.

Гиммлер захотел "... *узнать мнение оппозиции ...*" - и как-то так неожиданно оказалось, что у них есть общий друг, адвокат Карл Лангбен. В общем, все как бы складывалось удачно. В дискуссионное общество "Среда" входил и уже знакомый нам Ульрих фон Хассель, и отставной генерал-полковник Людвиг Бек, и фельдмаршал Винцлебен - и многие из них верили, что существует некое "... *гиммлеровское решение ...*".

В конце концов - кому же легче всего убрать диктатора, как не шефу его личной охраны и главе всей полиции Рейха?

Гиммлер, надо сказать, этой уверенности не разделял - он опасался неподчинения со стороны генералов СС. На этот случай у него имелось тайное оружие - медицинское заключение на основании записей личного врача Гитлера, Теодора Морелла. Можно было предполагать, что фюрер страдает от последствий перенесенного в молодости сифилиса, и находится на пути к сумасшествию.

Оставалось надеяться, что это покажется убедительным аргументом.

IV

Жил во Флоренции 16-го века некий дипломат, служивший Флорентийской Республике на второстепенных должностях. Звали его

Никколо Макиавелли - и вот он, оставшись однажды не у дел и надеясь заслужить себе новое назначение на службу, написал небольшой трактат о проблемах приобретения и удержания власти.

По-русски его книга называется "Государь", считается классикой вот уже без малого 500 лет, и касается множества вопросов, в том числе и проблем, связанных с организацией заговоров.

И вот что Никколо Макиавелли советует государям:

"...единственное, чего следует опасаться - это тайные заговоры. Главное средство против них -- не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу .... Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа ...".

И дальше Макиавелли говорит, что заговоры возникают часто, но удаются они редко:

"...заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага...".

Флорентийский дипломат был исключительно трезвым человеком, и на людскую натуру глядел без всякой сентиментальности:

"... Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя...".

И вообще, надо учитывать, что на стороне заговорщика – и страх, и подозрение, и боязнь расплаты; а на стороне властителя - законность, верные последователи, и вся мощь государства.

И получается, что корень дела - общественное мнение:

"...если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть, что опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища ...".

У Генриха Гиммлера, пробующего себя в новой для него роли заговорщика, имелись основания полагать, что общественное мнение особо защищать фюрера не будет. Его ведомство в числе прочего собирало и анекдоты о Гитлере. И в одном из этих анекдотов маленький мальчик, поглядев на глобусе на Соединенные Штаты Америки, на Советский Союз и на Британскую Империю, и сравнив их с показанной ему Великой Германией, залился горькими слезами - как же так получилось, что фюреру так никто глобуса и не показал?

Но у Гиммлера имелись другие опасения.

Предлагаемые ему условия все ухудшались и ухудшались, и процесс этот двигался в полном соответствии с ухудшающимся положением Рейха на всех фронтах.

Устранение Гитлера подразумевалось само собой, как неременное условие.

В Берне речь сначала шла о границах Германии, потом разговоры на эту тему как-то иссякли сами по себе, и речь теперь шла уже просто о гарантиях личной безопасности Гиммлера. В конце декабря 1943 он попробовал позондировать почву через другое "окно", в Швеции - английское правительство получило от него неофициальный запрос: что именно означают слова "безоговорочная капитуляция"?

Ответ он получил самый нерадостный: британское правительство сообщило, что слова "безоговорочная капитуляция" означают то, что они и означают - полную сдачу без всяких условий. И Гиммлер продолжал тянуть время, и делать свою работу по "... *очищению Европы от еврейской заразы* ...", и надеяться на лучшее. Так все и продолжалось - вплоть до 20 июля 1944, когда в ставке фюрера, Вольфшанце, прогремел взрыв. Как оказалось, "... *заговор Гиммлера* ..." был не единственным.

Имелся и другой, о котором он ничего не знал.

Примечания:

1. The Order of The Death' Head, by Heinz Hohne, translation from German by Richard Barry, Penguin Books, published as Classic Penguin, 2000, page 516.

2. Аллен Уэлш Даллес (англ. Allen Welsh Dulles)— руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны. Впоследствии - директор ЦРУ (1953—1961 гг.).

3. Касабланкская конференция 1943 года — секретные переговоры, проходившие во время Второй мировой войны в период с 14 по 24 января 1943 года в марокканской Касабланке между президентом США Франклином Д. Рузвельтом, премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и членами Объединённого комитета начальников штабов США и Великобритании. Сталин был приглашен, но не приехал.

Елена Аксельрод

Кое-что

*Дневники, черновики,
времени отставники*

Нынче здесь, завтра там

В книге «Двор на Баррикадной» я уже упоминала о том, что в 2001 году иерусалимский Джойнт командировал меня в Алма-Ату. Как ни странно, никаких особых заданий, просто читать стихи там, куда пошлют. И посылали ежедневно, вернее, ежеутренне. Не совсем проснувшись и – неперменный ритуал – сдав чемодан в камеру хранения – устремлялась из гостиницы в аэропорт. На выходящих «этажерках» с деревянными лавками, в обществе нескольких дремлющих хозяек с туго набитыми, иногда похрюкивающими мешками, летела к нетерпеливым любителям поэтического слова. Сопровождал меня молодой расторопный сотрудник местного Джойнта. В каждом городе он кормил меня бифштексами за счет организации три раза в день, отчего, вернувшись в Израиль, я целую неделю чувствовала отвращение к любому мясу.

(К стыду своему, не вспоминала, как в Москве в конце шестидесятых я в магазине на Кудринке приглянулась плечистому мяснику, всегда имевшему для меня в запасе сахарную бульонную косточку. Какое пережила разочарование, когда однажды явилась за косточкой, а чернобровый продавец на меня и не взглянул, пришлось, отстояв длинную очередь, удовлетвориться жилистыми обрезками. Добрые люди разъяснили мне, что кости рубил не мой воздыхатель, а его брат-близнец).

Прилетела я в Алма-Ату из Тель-Авива в четыре часа ночи. Таксист доставил меня в пятизвездочную гостиницу, разбудил дежурную, и я без проволочек получила ключ от шикарного трехместного номера. Роскошь несколько поблекла, когда оказалось, что в ванной нет мыла. Встретившая меня горничная обещала принести мыло утром, что и сделала, когда я уже отправилась, не помылившись, на первое выступление. Зато, когда вернулась, застала ее в номере: она сидела за столом в гостиной и читала мои выложенные на стол книжки, сохранившиеся без помощи камеры хранения. Удостоверившись при помощи любознательной читательницы, что стихи мои, и вправду, необходимы в Казахстане, я подарила ей книжку, и все оставшиеся дни в Алма-Ате не было недостатка в шампунях и полотенцах. К сожалению, не

всегда успевала ими воспользоваться, а о недостатке мыла вспомнила в Караганде, где огромная ржавая ванна в моем люксе высилась, как трон, и я при всем желании не могла бы в нее взобраться. Но вполне доступен был телевизор, а в нем попеременно приветствия Назарбаеву и предупреждения о надвигающейся эпидемии холеры. Как выяснилось, в отличие от Назарбаева, холера не состоялась. Недавно перечитала «Жизнь и судьбу» Гроссмана, и багрово-черное зарево над кремационными печами напомнило мне мирное небо Усть-Каменогорска, напоенное дыханием его знаменитых полезнейших ископаемых. Тамошние инженеры, приходившие на мои вечера, жаловались на нездоровье, на невозможность уехать и устроиться в другом месте...

Обратно в Бен Гурион меня по чьему-то недосмотру отправили в бизнес-классе, куда я попала в первый и, боюсь, в последний раз. Снова невиданная роскошь. Мне были предоставлены персональный телевизор, персональный туалет с персональным мылом и раздвижные кресла, можно было выбрать любое по собственному усмотрению – в этом «классе» не оказалось ни одной важной персоны, кроме меня. «Неважный» люд ютился в экономическом, отчего мой комфорт был несколько дискомфортен. Хотелось поделиться удобствами, но стюарды и стюардессы строго стояли на страже моих интересов. В самолете теснились и многодетные пассажиры, летевшие в Израиль на ПМЖ. Я видела в аэропорту, как они грузили на контейнеры свой клетчатый багаж.

...В удушливых объятьях ветра –
Без голоса и без лица –
Ищу лишь два квадратных метра,
Где тень отца,
Где мамы тень над рыжей глиной,
Меж свалкой и березняком,
Где головы моей повинной
Не поклонить под сквозняком.

Казахстанская сладкая жизнь сменилась унылой ноябрьской Москвой. Я остановилась в пустовавшей квартире приятельницы на последнем этаже восьмизэтажного дома на Красноармейской улице, на первом этаже которого и сама обитала до переезда в Израиль. Все бы хорошо, если бы не заборы, запоры, затворы, замки и кнопки, кнопки, кнопки... Код, чтобы проникнуть во двор за железную ограду, (не позже 23-х часов, иначе заночуешь на улице); код, чтобы протиснуться в тамбур между первой и второй дверьми подъезда (надо нажать одновременно три определенных кнопки тремя определенными пальцами – большим, указательным и безымянным, – и не мешкая, иначе тебя могут изнутри шарахнуть дверью по голове, как случилось однажды со мной); код, чтобы открыть вторую дверь, и если все это одолеешь, что не так-то просто да еще с не самым острым зрением, да еще в вечерние часы, – можно поиграть тремя ключами уже у двойных дверей квартиры. И это не какая-нибудь Рублевка, а довольно пожилой писательский кооператив, где грабители могли бы соблазниться только рукописями и пишущими

машинками. Однако в последнее время самые процветающие литераторы обзавелись компьютерами, Слышала, что знакомая поэтесса лишалась этих сокровищ дважды.

Станция метро в трех минутах ходу. Нужно быстро миновать узкий переулок с пивным ларьком, по вечерам около него слонялись плохо различимые, шатающиеся фигуры... Лучше не оглядываться.

Москва без нынешней иллюминации и принаряженности поразила растяжками над мостовыми, от тротуара до тротуара, вроде «Колёса жизни» (то ли автомобильные шины, то ли наркотики), и табличками наподобие «Колготки юных ленинцев», зазывающими на перекрестках.

Жила одна – значит, поголаживала, в магазины ходить ленилась, угощаться в гостях стеснялась, ближайшие мои друзья сами казались не слишком сытыми. Однажды угостили вегетарианским жидким супчиком с сиротливыми кружками морковки и картошки, я неосторожно посоветовала хозяйке добавить цветной капусты и прикусила язык: цветная капуста была в это время не по карману моим хлебосольным друзьям...

Снова застала разоренной могилу родителей и, подарив в Востряковской украшенной гранитными надгробьями конторе сто долларов какому-то похоронных дел мошеннику, отправилась в Питер вместе с сыном. Кашляя и чихая, он прилетел за мной в Москву после командировки на Урал, где регулярно опохмеляющийся водитель вез его шестьсот километров по снежным заносам. Миша взбадривал его коньяком, чтобы не заснул в дороге...

В Питер поехали по инициативе добрейшего Бориса Шварцмана, любимого питерской интеллигенцией фотографа, автора широко известных фотопортретов Ахматовой, Бродского, Акимова, Ростроповича, знаменитой фотографии похорон Ахматовой. Борис и его жена Софа предоставили нам комнату в своей просторной квартире с высоченными лепными потолками, запущенной, как все старые квартиры в центре Питера, в которых нам довелось побывать. Чтобы войти в дом, надо было преодолеть не просыхающую лужу у порога, что мы и делали с переменным успехом. Надеялись обсудить в Русском музее выставку к столетию моего отца. Участливый Боря уже предупредил о нашем появлении и предполагаемой выставке директора музея Владимира Гусева и получил согласие на то и на другое. Мы ликовали. Но человек предполагает, а заместительница директора, в чьи объятия мы были перенаправлены, располагает. На свидание, назначенное нам, она опоздала на полтора часа, так что Миша в ярости уже готов был вышвырнуть из окна имперского кабинета, куда нас любезно впустили, все неподъемные рекламные проспекты с Шишкиными и Верещагиными на обложках, но не успел – крепко сбитая блондинка в разлетающемся плаще ворвалась в кабинет, и, не замечая нас, схватила телефонную трубку, после чего, скинув плащ и усевшись за стол, обратила на нас свое начальственное внимание. Наобещала с три короба: выставляйте все, что хотите: живопись, графику, театральные эскизы, макеты декораций. Никаких условий и околичностей, бескорыстная любовь к искусству.

Даже запасники музея для нас отворили и показали хранившиеся там работы отца, приобретенные музеем в 20-е и 30-е годы, и в Мраморный дворец проводили, где должна была разместиться экспозиция. Окрыленные, мы вернулись в Израиль, с энтузиазмом начали отбирать картины для выставки, но в скором времени наша благотельница спохватилась и с не меньшим энтузиазмом стала засыпать нас письмами и бланками. Ее внимание и в самом деле оказалось «драгоценным»: мы должны оплатить и полы, и стены, и рамы, и стекла, и каждый гвоздь. Так что пришлось, не уповая на питерские дворцы, ограничиться выставкой в Московской муниципальной галерее, а в 2006-м – в отделе личных коллекций Музея изобразительных искусств им. Пушкина, где Ирина Александровна Антонова бесплатно предоставила работам моих отца и сына семь залов.

Здесь мы жили, выживали

*Вновь извлекаю из небытия,
Кого когда-то полюбила я.
Назвать бы имена не впопыхах,
Пока сама не обратилась в прах*

1. Художники. Снегирёв и Драгунский

В 2010 году мы с Мишей были приглашены на открытие большой ретроспективной выставки Мая Митурича в Галерее искусств на Пречистенке, одном из филиалов Музея современного искусства. Сам Церетели, владелец музея и галереи (не только этой), важный, круглый, милостиво кивая посетителям, обозревал свое хозяйство в сопровождении дюжины охранников и примазавшихся холуев. В зал с его собственными шедеврами страшно войти. Вот-вот многотонные бронзовые командоры в шинелях и сапогах оставят от тебя мокрое место. Однако надо отдать ему должное, в своих музеях и галереях он выставлял и выставляет разных художников, не всегда, казалось бы, соответствующих его вкусу и пристрастиям.

На выставке рядом со мной то и дело возникал, застенчиво улыбаясь, пожилой, с небритой щетиной человек, опирающийся на палочку, смутно знакомый. Наконец он заговорил со мной, подойдя к скамейке, где я сидела с Львом Токмаковым, (о нем отдельно), и представился Владимиром Перцевым. Его, молодого и красивого, я когда-то даже в стихотворении упомянула:

...Здесь мы жили, выживали,
Выпивали – будь здоров!
Здесь дневали-ночевали
Монин, Перцев, Снегирев.
С улицы смотрю на эркер,
За которым нет меня.
Свет, прикрывшись шторой меркнет,
Прочь из прошлого гоня...

В 60-е «оттепельные» годы мы с мужем и сыном жили в доме напротив Союза художников (Моссха), и наши друзья-художники частенько после выставок бражничали, или, по злобному навету соседей, «безобразничали» в нашей комнате на Малой Бронной. (Заметила, что я, человек в общем-то мирный, не агрессивный, всю свою советскую жизнь обитала на улицах с воинственными названиями. В Москве: Баррикадная, Красноармейская и Бронная, в Алма-Ате, в эвакуации, тоже Красноармейская. Теперь я живу на улице с музыкальным названием Невель (арфа в переводе с иврита), зато на так называемых «оккупированных территориях»).

Так вот. На кухне не сидели, ибо об отдельной кухне можно было только мечтать. Голосов не повышали, еще и потому, что в углу за ширмой спал маленький Миша. Никто не буянил. Встряхивая кудрявой сединой, Илларион Голицын читал стихи Хлебникова. Племянник Хлебникова Май Митурич молча слушал. Он вообще был немногословен, сдержан, ироничен и... неотразим. Помню, как сердцеед Май на праздновании одного из своих дней рождения у себя, под чердаком на Мясницкой (тогда улице Кирова), усадил приглашенных приятельниц на кушетки и табуретки, сам расположился на полу, скрестив ноги, и, переводя глаза с одной на другую, делал наброски и приговаривал «Какие красавицы!». Наверно, сохранились его графические и живописные портреты этих «красавиц». Некоторые из них экспонировались на Пречистенке (не красавицы, а портреты, в том числе мой). Не знаю, писал он их с натуры, или по памяти. Я ему никогда не позировала, выставленный в галерее портрет явился для меня полной неожиданностью.

Тонкая, изысканная живопись Митурича, богато представленная на посмертной выставке, так же, как его станковая графика, выдавали его любовь к японскому искусству, недаром он в последние годы жизни подружился с японскими художниками, ездил в Японию и увлеченно работал там, несмотря на стремительно ухудшавшееся зрение.

А propos

Давным-давно случился и у меня «японский» эпизод. В Москву приехали с визитом три японские поэтессы. Попросили о встрече с московской коллегой. Вначале выбор начальства пал на Тамару Жирмунскую, но сообразили, что она слишком велика ростом для общения с крошечными японками. Вспомнили обо мне. Я и в самом деле размерами никого не подавляла. Встретились мы в Доме литераторов, разумеется, под присмотром переводчика, наделенного особыми полномочиями. Японки мило щебетали, нашли, что я как две капли воды похожа на знаменитую поэтессу-гейшу, ее хокку и танки обязательно должна перевести, а под конец спросили: «Почему Вы к нам не приезжаете? Вам некогда?» Я простодушно ответила, что непременно приеду, как только получу официальное приглашение. Не знаю, что им сказал переводчик, наверно, что я нарасхват, разъезжаю по всему свету, занята по горло. Не стал же объяснять, что меня даже в Болгарию не выпускали.

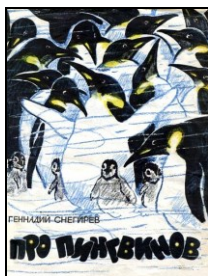
И снова на Малую Бронную.

Здесь бывал и всегда бездомный, или казавшийся таким, Геннадий Снегирев, вернувшийся из очередной неопикуемой (впоследствии описанной им) экспедиции, с Тихого океана, с Охотского моря, из Сибири и заболоченной Белоруссии, откуда в товарном вагоне вез своих любимых бобров. Может быть, из-за слабости к этим зверькам, Снегирев в 70-х приобрел за бесценок избушку на курьих ножках в деревне Бобры, почти никогда не жил в ней, но пускал на постой художников. То ли не всегда трезвые живописцы, то ли всегда нетрезвые соседи избушку сожгли.

Митурич и Снегирев познакомились в Тарусе в 1960-м. Май иллюстрировал книжку «Про пингвинов» и писал маслом на холсте портрет автора. Тот был изображен в профиль – понурившийся бородатый человек в синем свитере на зелено-охристом фоне.

Читаю в книге Митурича: «Мне импонировала его тяга к путешествиям, его приправленные черным юмором и матерной лексикой застольные новеллы для взрослых... Неутомимый, даже неудержимый в рассказах устных, Снегирев был медлителен и скуп в литературных трудах».

И в самом деле, рассказа «Пинагор» детская редакция издательства «Советская Россия» ждала больше года. Я сохранила эту книжку, оформленную Митуричем: «На берегу Белого моря стоит маленькая рыбацкая избушка...»

Снегирев пускался путешествовать и по нашему еле освещенному коммунальному коридору, спотыкаясь о дремлющий под корытами и велосипедами мотоцикл долговязого Славы, но вскоре возвращался в комнату, рассказывал очередную историю из личной жизни пингвинов, тюленей, бурундуков, и, прикорнув в кресле, просыпался только на следующий день. Иногда за ним приходила жена, румяная спокойная Таня.

Однажды Слава, чувствуя в Генке, как он его называл, родственную душу, прокатил нас на мотоцикле с ветерком, да еще с каким, по Садовому кольцу, заковыристо петляя между автомобилями. Не знаю, как Снегирев, а я возненавидела это тархтящее чудовище, правда, смирилась с ним, когда мой муж выиграл в спортивной лотерее мотоцикл «Урал» с коляской. Получив его стоимостью наличными, мы чуть ли не полгода жили припеваючи.

Осенью 1962 года Митурич и Снегирев уговаривали меня отправиться с ними в Туву. Я не приняла их приглашения всерьез, и зря. Снегирев по впечатлениям от поездки написал прозрачную, поэтичную книжку «Про оленей», Митурич, используя свои тувинские зарисовки, сделал к ней иллюстрации, излучающие особое, характерное для его работ свечение. «Золотисто-розовые оттенки осеннего леса, черно-синия окраска хвои, на фоне которой белым силуэтом выступает белый олень», – писал об этих иллюстрациях Снегирев.

(Злые, а, впрочем, вполне доброжелательные языки предполагали, что Снегирев не всегда сопровождал художника, отсыпался на очередной койке, а некоторые из чистейших своих рассказов с вполне убедительными подробностями сочинял по рисункам Митурича).

Вскоре рассказ «Про оленей» был включен в другую книгу, на этот раз с черно-белым графическим оформлением. «Я получил, наверное, самый желанный для меня в то время заказ, – вспоминает Май, – сборник рассказов Снегирева, многие из которых были связаны с уже знакомым мне Белым морем и с только что пережитой Тувой. Заказ был от Детгиза, куда не очень-то меня звали»...

Книга «Обитаемый остров» впоследствии много раз переиздавалась (не Детгизом, куда был заказан путь художникам со своим лицом. Исключения происходили не часто).

Говоря о Митуриче, хочется позаимствовать у Виктора Драгунского: «он живой и светится», хоть было это сказано по другому поводу. Автор читанных и перечитанных детьми и взрослыми, смешных и трогательных «Денискиных рассказов», бывший клоун, бывший актер, основатель знаменитого пародийного ансамбля «Синяя птичка», полноватый, приземистый, с только начинавшей сесть черной шевелюрой, Драгунский был старше Мая Митурича, самого старшего из нас, больше чем на десять лет. Войну он прошел в ополчении, и, вопреки стойкой репутации острослова и забавника, написал тогда еще не известные нам, совсем не веселые книги «Он упал на траву» и «Сегодня и ежедневно».

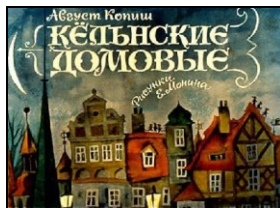
Виктор Юзефович тоже заходил на Малую Бронную, по его настоянию шестилетний Миша снимался на Мосфильме в картине «Девочка на шаре», сначала пробовался на роль Дениски, потом в эпизоде играл в футбол с другими неудавшимися денисками, потом и вовсе выпал из кадра, порисовав титры вместе с вундеркиндом Надей Рушевой, потом с настоящим Денисом Драгунским, будущим филологом и писателем, выставлял рисунки в редакции «Комсомольской правды», которая тогда была более правдивой и менее комсомольской, чем в последующие годы.

Работ Перцева не помню. В ту пору я писала детские стихи, самыми оригинальными иллюстраторами детской книги были всегда узнаваемые Май Митурич, Лев Токмаков, Евгений Монин, я мечтала о сотрудничестве с ними: непосредственным и лиричным Маем, неистощимым выдумщиком Левого, колористом и сказочником Женей. Не знаю, переиздаются ли иллюстрации Монина к сказкам братьев Grimm и Гауфа, к итальянским и английским сказкам. Он любил позднее

средневековье, что угадывается по иллюстрациям. Рассматривая «картинки», ребенок, в том числе и мой, сам оказывался Бременским музыкантом или Маленьким Муком.

Негромкий, деликатный человек Евгений Монин называл себя Дон-Кихотом и чем-то неуловимым напоминал моего отца. Впрочем, внешне на Дон Кихота больше, чем рыжеватый, небольшого роста Монин, смахивал Май Митурич, худощавый, длинноногий и длиннорукий, к тому же и хрестоматийная борода присутствовала. Но в отличие от Дон Кихота, Май был человеком здоровым, энергичным, деятельным и не только в своей профессии. Десять лет понадобилось ему на перенос праха Хлебникова из Новгородской области на Новодевичье кладбище и возведение памятника поэту. Об этом и захоронении праха своих родителей, художников Петра Митурича и Веры Хлебниковой, Май подробно рассказывает в книге «Записки художника», которую я цитировала выше. Ее издание было приурочено к открытию выставки на Пречистенке. Не многим известно, что Токмаков писал стихи, а Монин оставил воспоминания. (Проведя всю жизнь среди художников разных поколений, я не раз удивлялась тому, как хорошо они говорят и пишут). Часто встречаясь с Маем, особенно в шестидесятых (он иллюстрировал одну из моих книжек), я не подозревала, что он регулярно ведет дневник.

Евгений Монин ушел из жизни первым из трех, в 2002 году.

В 60-е и даже в 70-е, не самые свободные годы, несколько художников, допущенных в детские издательства, умудрялись так оформить книгу, что каждая становилась произведением искусства. Не то нынче: идешь по детским разделам книжных магазинов между изданиями, а больше – переизданиями детской классики, иллюстрированной заново, и со всех сторон на тебя пялятся глянцево-аляповатые монстры, грубо раскрашенные уродцы, все с одной колодки: головатые нарумяненные

дети, усаые зайцы и медведи в косоворотках. Даже Конашевича и Лебедева, непревзойденных мастеров детской книги, не сыщешь...

И опять Пречистенка, 2010 год. Токмакова нельзя было не узнать, слишком давно и близко мы были знакомы. Я помню шумный успех его иллюстраций к книге Джанни Родари «Джелсомино в стране лжецов». Иллюстрации были совершенно оригинальны, ни на кого не похожи, и непонятно, как им удалось «в стране лжецов» проскочить сквозь бдительных редакторов. Кстати, в одном из героев книги, изображенном Токмаковым, легко узнается Май Митурич. Лева рисовал его в Тарусе в том же шестидесятом, когда писал портрет Снегирева.

Одно время Токмаков, не имевший мастерской, использовал для работы клетушку моих родителей на Баррикадной, уехавших на время из города. Я изредка навещала его и поражалась его работоспособности и требовательности к себе, огромное количество набросков, эскизов он безжалостно уничтожал.

Но то, прежнее его лицо, всегда улыбчивое, приветливое, теперь, в 2010-м, просвечивало сквозь печальную курносую маску. Тоже сторбился, а был борцом, силачом, тоже опирался на палку, жаловался на тяжелую депрессию, на невозможность работать. Вскоре после этой встречи, когда я уже вернулась в Израиль, мне сообщили, что он скончался.

2. Эппель и Вронский...

Бывало, играет на скрипке скрипач –
Все мальчики в пляску, а девочки в плач.
А то поведет он смычком, и тотчас
Все мальчики в хохот, а девочки в пляс...
Он сделался сед, точно северный мох,
Но скрипку отдать за корову не смог,
Старинную добрую скрипку.

*(Норвежские стихи для детей
в пересказах Юрия Вронского).*

Он не мог отдать свою добрую скрипку ни за корову, ни за упитанного тельца, прятал ее в футляр «пересказов» для мальчиков и девочек, не желая участвовать во «взрослом» оркестре, где первую скрипку играл барабан.

«В далеких шестидесятых», как говорят нынче, Токмакова привел к нам на Бронную Юрий Вронский, его однокашник еще по Строгановскому институту, крупный во всех смыслах человек, самобытный, независимый, громогласный, ярый антисоветчик, не скрывавший своей ненависти к большевикам даже в вагоне метро, когда мы с ним направлялись на какой-нибудь вечер в ЦДЛ. Я, стоя рядом, испуганно озиралась, а он обличал: «Как наши брюхоголовые любят хвастаться. Меня, мол, мой народ избрал в глубинке. Это их слово, их изобретение. Они никогда не скажут чисто по-русски: меня хорошо знают в глухомани или меня любят в захолустье... Чтобы сразу стало ясно, какая это падла: да ты потому и прошел, что полез в медвежий угол. Они там ни читать, ни писать не умеют. Кто надо, покажет им, кого следует вычеркнуть...»

Вронский выделялся в любой толпе еще и потому, что ходил на костылях, ловко управляясь с ними, а когда менял костыли на протез, не расставался с вырезанной им самим, тяжелой суковатой палкой-палицей, как будто из той древней Руси, о которой он писал свои повести для детей. Ногу он потерял еще мальчишкой, на подножке трамвая, но двигался быстро, энергично. Во всем его облике была прочность, основательность: рост и сложение богатырские, лицо открытое, глаза ясные, светло-карие, борода небольшая окладистая. Вронский не любил московской суеты, мало с кем общался, (может, поэтому никто не донес на него), литературной среды чурался, говорил, что мир для него делится на **некоторых** и остальных. «Некоторые не дадут себя растворить, не могут говорить шаблонно. К ним не лепится пошлость». Приводил в пример своего приятеля: «Не учился, не так уж образован. А он **некоторый**».

Вронский мечтал о доме в деревне и наконец купил избу в Нелюшке на Валдае, там среди трех озер и мы с мужем и сыном провели часть лета 1970 года. Это было первое лето после смерти моего отца (он скончался от инфаркта 10 января), маму опекали в Переделкине в Доме творчества ее друзья Евгения Семеновна Гинзбург и Михаил Александрович Донской, а мы вместе с Вронским купались, удили рыбу (попадались и щуки), собирали грибы (попадались и боровики). Автолавка привозила хлеб, соль и водку. Но пили мы не водку, а парное молоко. И меду хватало, и картошки. Вронский знал по имени-отчеству

всех деревенских, они были к нему расположены, вероятно, чувствуя его душевное и духовное здоровье.

В Москве моя подруга Нелли Тиллиб, выходя по вечерам на прогулку фоксика Бульку, часто встречалась с Вронским, живущим поблизости, и потом, благодаря своей уникальной памяти, записывала его устные рассказы. Могло бы получиться многотомное собрание сочинений, если бы он писал, а не говорил. Цитирую с сокращениями его рассказ о Нелюшке.

«...Крестьяне, мои сверстники, Сталина не любили. И за что было любить-то. А их дети – шоферы, все почему-то шоферы, не знаю, зачем столько шоферов, себе на машинное стекло портрет Сталина ставят. И не скажи ничего. Я как-то одному начал объяснять, чтобы снял портрет, сказал про репрессии и что земли у него нет, попытался объяснить, что никаких прав нет, что все вранье. А он как закричит: "Ты сам все врешь! Не верю, врешь ты все, какие такие лагеря... откуда ты взял... сам придумал...". Так разорался, остановиться не мог. Вот я и думаю, сколько еще времени должно пройти...

Я много лет подряд ездил в деревню Нелюшка. К Дарье Степановне. Я как в первый раз на Валдай приехал, так сразу на нее и наткнулся. Знаете, есть такие старухи, на вид столетние, два желтых зуба торчат, одеты, в чем Бог послал. Сидят на завалинке, судачат. Иные злобные бывают, но и злость у них какая-то естественная, я бы даже сказал, добрая. Все помнят.

А как заговорила Дарья Степановна, словно листья зашелестели. С того дня, до самой ее смерти мы к ней в избу и ездили. На Севере не говорят «хата», говорят «изба», по-старому, «истба», истопили, значит, печь...

Однажды, помню, как раз ноябрь был. Приехали мы в Нелюшку, горизонт низко так опустился, почти слился с деревушкой. Мы как в вечность окунулись. Оляха уже облетела. Совсем в другом свете деревенька открылась. Летом ни изба, ни лодка наша, кверху перевернутая, не видны были, листва закрывала. А тут все голое. Как впервые их увидели.

Так вот деревня эта Нелюшка стоит на озере Нелюшкинском. И есть там еще озеро Лесное. Когда-то полное рыбой. Как сейчас часто случается, озеро это отравили. Они это обычно так делают. Пишут наверх, дескать, разрешите отравить озеро такое-то, зато мы обеспечим страну тем-то. И для чего вы думаете, это им нужно? Заботятся о поощрениях, повышении. К счастью, до конца отравить не удалось...

Лесное это озеро расположено у Хренового холма. Для людей, далеких от лингвистики, это звучит как скверный, крайне плохой, одно слово, хреновый, как говорят в просторечии. А холм-то очень красивый. Как же так получилось? А дело вот в чем. Слово «хрен» тот же «крен» – плотный мелкий сосняк, хвоя. Именно плотный, так как если б рыхлый был, то не было бы крена, горки, не образовался б этот холм. С него деревенька Нелюшка особенно хороша...

Кстати не Нэлюшка она (через «э» обратное), а Нелюшка. А в русском языке вообще «е» редко произносится как «э». Разве что «Эка-вон», «Эка-как», в восклицании и после шипящих.

А деревеньку издавна ласково называют Нееелюшка...»

Мне-то вспоминается, что озер в Нелюшке было три. Наверно, одно безымянное. Несколько стихотворений о Нелюшке я написала. Вронский щедро цитирует их.

Из тамошних моих открытий: оказывается, лущевка, мелкая вспашка после молотбы, проводится, чтобы лучше всходили сорняки, от которых нужно поскорее избавиться. Правда, в Израиле это знание не пригодились мне. В нашем садике под окном сорняки и без лущевки прекрасно всходят, прикидываясь незабудками и лютиками.

Вронский, наизусть читавший поэтов серебряного века и раннего Маяковского, «Облако в штанах» (целиком), и не знавшие грамоты местные старики отлично друг друга понимали. О сельских грамотеях и ребятишках и не говорю.

Свои собственные «взрослые» стихи Вронский никогда не обнародовал, может быть, они сохранились в его архиве. По моей просьбе, обещал показать их «в следующий раз», который так и не наступил. Не исключено, что был не уверен в них, слишком долго они лежали в столе.

Мы уже давно жили не в коммуналках, а в соседних писательских кооперативах у метро Аэропорт. Вронский, прогуливаясь, часто навещал нас, и его присутствие в нашей семейной повседневности казалось само собой разумеющимся. Я шла открывать дверь, не дожидаясь звонка, только услышав постукивание его костылей. Иногда он и меня вытаскивал из дому, мы разговаривали, (вернее, он говорил, я слушала), раскланиваясь направо и налево со знакомыми литераторами, их женами и детьми. Куда все подевались?..

Талантливый неистощимый рассказчик, Вронский говорил свободно, размашисто, не пренебрегал просторечием, «ботал по фене», если этого требовал предмет (когда-то после подростковой драки в кутузку попал). Писал он немного и еще меньше печатался, пренебрегая хождением по редакциям. Казалось, что он от своей отдельности не страдал, будто и амбиций никаких не было. Говорю «будто», потому что сейчас, спустя много лет, усомнилась в этом. Он говорил о чем угодно, но никогда – о своей работе. Переводил стихи в основном со скандинавских языков. В издательстве «Детская литература» вышло несколько мало замеченных книжек его собственных стихов и прозы. Вронский мастерски владел стихом, естественной живой интонацией, исторические остросюжетные приключения «Кукши из Домовичей» были тщательно выверены и увлекательны, но пресса помалкивала.

Жена Юры, Любовь Горлина, переводчик прозы с норвежского и датского, в том числе Кнута Гамсуна, редактор и составитель поэтических сборников для московских издательств, «по знакомству» заказывала и мне переводы с этих языков. Заглянув в интернет, я обнаружила, что Любушка, как звал ее Юра, пережила его ненадолго.

Обрадовалась, увидев, что детские книжки – моя «В море мылся великан» и Вронского «Грустный кондитер» (норвежские детские

песенки) разместились рядом на полке в московском издательстве «Самокат», издавшим обе в 2012 году. Вероятно, соседствуют и на каких-нибудь прилавках. Такая вот встреча. Но Вронского нет, как и его тезки, близкого друга нашего семейства Юрия Дружникова, скончавшегося в 2008 году в Калифорнии, где он преподавал на кафедре славистики в Дэвис-университете, писал книги, изданные и в оригинале, и в переводах в Америке, России, Польше.

Нет и Асара (для меня Оси) Эппеля. С ним я познакомилась на семинаре молодых переводчиков в 1956 году, его отсутствие остро чувствую, приезжая в Москву. Тогда, в конце пятидесятых, мы обрели превосходных наставников: Сергея Васильевича Шервинского и Вильгельма Вениаминовича Левика, а Ося еще и Аркадия Штейнберга. Эппель впоследствии переводил не только с польского, а я не только с еврейского и румынского, с которых начинали. К тому же Морис Ваксмахер подкидывал нам работу для многотиражных изданий БВЛ. Не беда, что платили нам за строчку вдвое меньше, чем маститым переводчикам, зато какая радость встретиться у кассы издательства «Художественная литература» и стоять в очереди за гонораром вместе с этими «маститыми».

И вот много лет спустя зимний вечер 1981 года на Рижском взморье в Доме творчества Дубулты.

Я такой тишины не знавала нигде.
Звуки стынут, поземкой обдуты.
Не пролиться из крана оплошной воде,
Толстых стен не пробьет репродуктор.
Окна замерли в дремлющей снежной пыли,
Смолк старательный вой пылесоса.
Только где-то вдали
Вдоль затихшей земли
Осторожно грохочут колеса.

Сидели, забившись в свои номера, на безлюдную набережную вылезали «для порядка» на несколько минут, когда в белесом небе, таком же ледяном, как море, открывалась голубая лужица. Встречались в столовой. После ужина, исподтишка пользуясь запрещенным кипятильником, пили кофе или чай то у меня, то у Асара, то у Жени Солоновича, переводчика с итальянского, нашего товарища еще по давнему «семинару».

Одним прекрасным вечером, действительно прекрасным, Ося пришел ко мне пить кофе и неожиданно прочитал два ошеломивших меня рассказа: свой мир, своя тема. Читал отчетливым ровным голосом, машинописных страничек из рук не выпускал, словно боялся сглаза. Потом, в многочисленных интервью Асар говорил, что написались они от нечего делать, дескать, не было у него в тот момент серьезной переводческой работы. Меня не особенно убедила эта версия, точной, единственно возможной была каждая фраза. Когда Асар решил дать

своей прозе право голоса, это получилось – может быть, слишком поздно. К счастью, произошла «перестройка».

Эппель и Вронский приятельствовали, но были антиподами. Эппель, не столь ясный и открытый, как Вронский, был не так безразличен к паблисити, к литературной иерархии. Когда в последние годы я на две недели появлялась в Москве, он звонил мне около двенадцати ночи и обстоятельно рассказывал о своих удачах и неудачах, особенно в тот период, когда удач стало больше и его проза обрела наконец широкую известность. Широкую ли? Ему казалось, что недостаточно. Людмила Петрушевская однажды назвала Эппеля лучшим современным прозаиком и посетовала: «но не известен». Я еще раз убедилась, что имя писатель должен делать себе смолоду, иначе оно не прозвучит или прозвучит глухо, останешься невидимкой, как некоторые мои друзья, которых услышали и увидели, когда ни видеть, ни слышать они сами уже не могли. Надо признать, что о прозе Эппеля написано много, и достиг он степеней известных, ездил в составе разных писательских делегаций за границу, возглавлял жюри литературных конкурсов, говорил об этом с удовольствием. Дело только за читателями.

Асар был виртуозом во всем, чем бы ни занимался, переводил стихи и прозу, писал оригинальные стихи, баловался изящными лиммериками, любил всякую литературную игру, парадоксы, экспромты, но его обычная доброжелательная усмешка не свидетельствовала о веселости характера. В печатных поминовениях его величают «человеком-праздником». И справедливо. Острый ум, даровитость, культура, явленные в одной личности – разве это не праздник? Перед артистизмом, обаянием и мягкой язвительностью Эппеля не могла устоять даже «Школа злословия» Татьяны Толстой и Дуни Смирновой.

В отличие от Вронского, никогда не бывавшего за пределами России и как многие невыездные переводчики, интуитивно угадывавшие дух и особенности оригинала, Эппелю рано удалось побывать в Польше, завязать знакомства с литераторами, почувствовать страну изнутри. А я представляла себе Осло и Копенгаген по доступным мне Таллинну и Риге. Вронский, насколько помню, и там не бывал.

Свою первую книгу «Травяная улица» Асар подарил мне с надписью «...от оборванца на обложке». В одетом с небрежной элегантностью, аристократичном и чуть высокомерном авторе книги трудно было заподозрить этого «оборванца» из Останкинской полунищей слободы с ее специфическими бытом и говорком.

Его вкусу доверяли. Когда Асар с небольшим опозданием появлялся на пороге Малого зала Дома литераторов, по рядам проносилось дуновением: Эппель пришел. Значит, будет интересно. На «престижный» Большой зал наш брат не тянул.

В один из приездов Асара в Израиль я пригласила к себе «на Эппеля» здешних коллег, пишущих по-русски. Раздвинули стол во всю длину комнаты, было тесновато, но оживленно. Эппель, весь вечер «на ковре», поразил искушенных гостей искрометностью юмора, даже Киму не уступил. В тот приезд Ося рассказал мне по секрету, который решаюсь выдать, о встрече с внезапно возникшим в Тель-Авиве, как Афродита из

пены морской, родным своим дядюшкой-миллионером. Больше никогда о нем не упоминал, может быть, этот плод писательского воображения возродился в одном из оставшихся рассказов.

В последний раз мы виделись с Асаром на вечере в московском Литературном музее по поводу выхода в 2010 году моей толстенной книги «Меж двух пожаров». По окончании затянувшегося чтения стихов Ося удалился «по-английски», не оставшись на скромное чае-вино-питие с музейщиками и несколькими моими друзьями. Огорчившись, решила, что виной тому был избыток виршей. Не сразу поняла, что Ося просто устал. Накануне он жаловался на самочувствие. Через несколько дней – я уже собирала вещи – он позвонил мне, оказался первым читателем моей книги.

Грустное совпадение. И Митурича я видела в последний раз в том же музее на несколько лет раньше, когда представляла предыдущую книжку. Помню, как Май шутливо сокрушался: «Ты еще вот какая, а я уже вон какой»...

Вронский и Эппель, оба были пуристами, когда дело касалось слова. Один пример. Несколько лет тому назад Асар попросил у меня подборку стихов для журнала «Лехаим», с которым сотрудничал. Придрался к названию цветов «бугенВилии», принятому в Израиле. Потребовал, чтобы я исправила на «бугенвиллЕи», как значилось в словаре или энциклопедии. Этого варианта не принимали и не понимали израильские редакторы и читатели (если последние существовали). Асар настаивал на своем, слово стояло на рифме, и пришлось мне переделывать всю строфу. Впоследствии я обошлась «бугенвильным кустом».

Печальные вести не сразу долетают до наших палестин. И каждый раз вспоминается строчка Левитанского: «Не договорили...». В 96-м году я написала «Живы те, кого не хоронила...» Сомнительное утешение.

Людмила Штерн

Возвращение. Главы из книги

*Остановись, мгновенье!
Ты не столь прекрасно,
сколько ты неповторимо.*
Иосиф Бродский

Предисловие

"...В одну реку нельзя войти дважды" – сказал древнегреческий философ Гераклит Эфесский за 500 лет до нашей эры. С тех пор миллионы людей повторяют эту мудрость, боясь и не любя оглядываться назад. Я не согласна: люблю оглядываться и возвращаться. Мне кажется важным слово "вновь".

"...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и
много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах...".

А. Пушкин

Мы возвращаемся на старое место, чтобы вновь обрести себя. Ни один сейф не хранит сокровища так надёжно, как место, – где мы любили, плакали и радовались, – хранит наши бывшие чувства и настроения. Долгие годы прячутся они, невидимые, в подъезде старого дома, в зарослях старого леса, у подножья горы или в степной траве, и, как клочья тумана, поднимаются при нашем приближении... Каждый раз, когда мы бродим по старому лесу, на ветвях застревает частица нашего существа. И много лет спустя, словно паутина вдоль дороги, давно угасшие чувства ложатся нам на лицо. Воспоминания покрывают землю, словно осенние листья. Мы бредём по собственному прошлому.

Глава первая ПРЕДСКАЗАНИЕ

Как-то в сентябре 1989 года, приехав из Бостона в Нью-Йорк, я прогуливалась по Мэдисон авеню, разглядывая витрины магазинов знаменитых кутюрье. На углу Мэдисон и 84-й улицы в глаза бросилась, зажатая между пышными витринами с манекенами дам в роскошных туалетах, скромная вывеска "АСТРОЛОГИЯ". В окне между рамами, на разноцветном гравии, были аккуратно разложены книжки с интригующими названиями: "Гадание по руке", "карты Тарот", "Психология предсказаний".

"Почему бы нет? – подумала я. – Раз-то в жизни".

Астрологический кабинет размещался в подвале. Я спустилась на три ступеньки и позвонила. Дверь открыла миловидная блондинка с круглыми серыми глазами и пушистыми волосами, стянутыми на затылке в "конский хвост". Одета была она в типичную студенческую "спецодежду": выцветшие джинсы, кроссовки и клетчатую рубашу. Девушка приветливо улыбнулась, сказала "hi" и жестом пригласила меня войти.

Помещение напоминало приёмную дантиста. У стены – диван, перед ним столик с кипой журналов, в углу кресло и торшер. Ещё один стол с двумя стульями стоял прямо под окном. За ним, вероятно, и происходило гадание, чтобы "процесс" можно было наблюдать с улицы.

– Чем могу служить? – спросила девушка.

– Сама не знаю... Гадание, предсказание... Что вы умеете?

– Всё, что хотите. Прошое, настоящее, будущее.

– Ну, своё прошлое я более или менее знаю. В настоящем я, как бы, нахожусь. Как насчёт будущего, и сколько это стоит?

– Гадание по руке – двадцать долларов, простые карты – двадцать пять. Тарот карты – сорок. А за пятьдесят долларов могу составить астрологическую схему вашей жизни.

– Пожалуй, с меня достаточно простых карт.

Девушка кивнула и пригласила сесть за стол под окном. Мне это не понравилось. Гадание, гинекологическое обследование, лечение зубов, а также краска и укладка волос не должны происходить публично.

– А нельзя ли нам уединиться подальше от посторонних глаз?

Она помедлила, словно сомневаясь, кивнула и пригласила меня в заднюю комнату. Стены там были сплошь зеркальные, на полу китайский ковёр в узор из лилий и драконов, кресла и диван обиты шёлком изумрудного цвета, на бронзовых лампах кружевные абажуры. Наверняка эта комната предназначалась для постоянных дорогих клиентов, а не для случайно зашедших двадцатидолларовых птиц.

Мы сели за круглый стол, и она ловко раскинула карты.

"Ну-с, час начнётся, – подумала я, – весь этот бред с бубновым валетом, коварной пиковой дамой и неприятностями в казённом доме".

Однако ничего подобного я не услышала. Девушка молча создавала и разрушала карточные узоры и, наконец, сказала:

– Вы только что вернулись из далёкой поездки. Там было очень жарко и беспокойно. Приезд домой вам показался большим облегчением.

Чистая правда. Две недели назад я вернулась из Израиля и Египта, где провела больше трёх месяцев. Действительно, сто пять градусов жары и интифада не создавали душевного покоя. В день нашего приезда в Израиль арабский террорист пустил под откос рейсовый автобус Тель-Авив – Иерусалим. Через несколько дней в центре Иерусалима возле Кнесета в десять часов утра был убит профессор Менахем Штерн. Неделью спустя в окрестностях Ариэля два арабских пастуха зарезали американского переводчика Фреда Розенфельда, который поделился с ними своими яблоками и бутербродами. На Иерусалимском базаре на наших глазах один араб всадил в другого нож за то, что тот сотрудничал с евреями. Примеров "беспокойной" жизни было сколько угодно.

– Финансовый аспект вашего бизнеса сейчас не очень успешен.

Мягко выражаясь, не в бровь, а в глаз. После триумфального провала нашего Дукакиса на президентских выборах, дела в моем штате Массачусетс пошли кувырком, а в риал эстейте, в котором я тогда подвизалась наступил мёртвый сезон.

– В ближайшие два месяца новостей не ждите, но во второй неделе ноября вами заинтересуется важный деловой король, и вы снова отправитесь в далёкое путешествие.

– Куда именно?

– Трудно сказать. Возможно, в Советский Союз. Ваша поездка состоится в первых числах февраля.

– В Советский Союз? Ну, это маловероятно...

(В конце восьмидесятых, мы, эмигранты третьей волны, еще и думать не смели о приезде на родину.)

Девушка пожалала плечами и улыбнулась, давая понять, что гаданье окончено. Я неохотно рассталась с четвертной, обругала себя за идиотизм и забыла об этой истории.

Пожелтели, опали осенние листья, пролетел дождливый ноябрь. Я как-то вспомнила юную гадалку, но никакие карточные короли в мою жизнь не поступали. А в декабре раздался звонок из американского журнала "Conde Nast Traveler":

"Хотите поехать в Москву? Нам привезли оттуда замечательные фотографии и нужен журналист-инсайдер, который написал бы о Москве "изнутри".

У этого предложения есть предыстория. Года полтора назад этот журнал принял для публикации два моих рассказа: об итальянских жуликах, облапошивающих туристов в Париже и о виноделах Бургундии. Воодушевлённая успехом, я послала заявку на статью о Золотом кольце вокруг Москвы. Надеюсь, а вдруг заинтересуются и пошлют в Россию? Но заявка провалилась без движения на столах редакторов, а именно в середине ноября, как впоследствии мне стало известно, попала на глаза Главному. В это время вернулся из Москвы знаменитый фотограф Хельмут Ньютон. Он ездил в Союз на открытие выставки своих портретов и попутно фотографировал что ни попадя. Фотографии получились замечательные, но Ньютон понятия не имел, что снимал и что что значит.

И вот звонок: "Хотите поехать в Москву?"

После пятнадцати лет жизни в эмиграции, я только-только начала излечиваться от жестокой ностальгии, которая трепала меня как лихорадка, и это предложение показалось мне подарком небес.

Итак, в январе 1990 года я приехала в Нью-Йорк обсудить в журнале детали моей поездки и первым делом примчалась в "астрологический" подвал.

Он был на месте. В окне по-прежнему дрожала зелёная неоновая вывеска "Астрология". На разноцветном гравии в витрине по-прежнему лежали книжки по чёрной магии. Я позвонила. Дверь открыла дама средних лет, с угольно-чёрными, гладко зачёсанными волосами и тяжёлым взглядом тёмных пристальных глаз.

– Чем могу служить?

– Я была здесь несколько месяцев назад, и мне гадала молодая девушка, симпатичная такая блондинка. Я бы хотела ещё раз с ней повидаться.

– Вы ошибаетесь, – сказала дама, – здесь никогда и никто, кроме меня, не гадал.

– Но это были не вы!

– Может быть, это было не здесь?

– Конечно, здесь!

Дама покачала головой:

– Это мой бизнес, и я здесь единственная хозяйка.

– Не сумасшедшая же я, в самом деле!

Гадалка пожала плечами и пригласила меня войти.

– Садитесь, пожалуйста, – указала она на тот же стол под окном.

– Мы не могли бы поговорить в задней комнате?

Упоминание задней комнаты было единственным доказательством, что я в своём уме.

– О какой задней комнате вы говорите?

У меня пересохло во рту. Я решила немедленно отвалить, молча повернулась и взялась за ручку двери.

– В задней комнате меняют полы, – сказала она за моей спиной, – так, вы хотите гадать или нет?

– Нет, спасибо.

– Но ведь вы пришли сюда прямо с вокзала.

– Откуда вы знаете?

– Профессия такая, – улынулась гадалка. – Не злитесь. Давайте познакомимся. Меня зовут Джина. Хотите кофе?

– Нет, спасибо.

– Похоже, вы мне не доверяете, – сказала Джина. – Попробую-ка ваше доверие заслужить, и ответить на вопрос, ради которого вы пришли.

– Я не задала никакого вопроса.

– Вы пришли узнать, состоится ли ваша поездка в феврале. Да, вы съездите туда и благополучно вернётесь домой. А теперь хотите погадать? По руке – сорок долларов, простые карты – шестьдесят. Тарот – семьдесят пять.

– В сентябре это стоило в два раза меньше.

– Вы были в какой-то дешёвой лавке. На Мэдисон авеню очень высокая рента. И мои услуги достаточно уникальны.

Мистика и бизнес в одном флаконе – чудное сочетание.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Джина.

– Да вот, пишу... Рассказы, статьи.

– А чем зарабатываете на жизнь?

"Ах ты умница прозорливая", – подумала я, – "знаешь, что литературой на Западе не проживешь, если ты не Стивен Кинг".

– Продаю недвижимость, я – брокер.

– Есть ли у вас психологические проблемы?

– Чего нет, того нет.

– Дайте мне ваши руки, – сказала Джина.

Мы сидели под окном, нас мог видеть каждый прохожий, и гадалка держала в плену мои ладони, не спуская с меня тяжёлого пристального взгляда.

Я почувствовала в руках неприятную вибрацию и попыталась высвободить их.

– Не спешите, – сказала Джина, ещё крепче сжимая мои ладони.

– Конечно, у вас есть проблемы.

– Например?

– Писательский блок. Вам в этой фазе трудно сосредоточиться, все отвлекает.

– По-моему, эта фаза называется ленью.

– Нет, лень тут ни при чём. По натуре вы человек энергичный, у вас очень сильный "драйв". Но он блокируется волнами отрицательной энергии, так сказать, энергией с обратным знаком.

– Чуть какая-то, – пробормотала я по-русски.

– Не скажите, – ответила Джина по-русски, и я вздрогнула от неожиданности. – Кроме того, – гадалка снова перешла на английский, – вас мучает бессонница, и снотворные не очень-то помогают. А следствие бессонницы – депрессия. Я могу всё это снять и открыть дорогу вашему творческому потенциалу.

– Звучит, как сказка, сколько это будет стоить?

– Сто пятьдесят долларов. И пятьдесят вы мне должны за то, что я вам сейчас сказала.

– Двести долларов! Это же гонорар адвоката или знаменитого врача.

– Вот и идите к адвокату или к знаменитому врачу, – процедила Джина, отпуская мои руки.

В душе разгорелась борьба жадности и любопытства. С одной стороны, это – бессовестная обдираловка, креста на ней нет. С другой – как часто мы бросаем деньги на ветер!

– Джина, как насчёт ста долларов? Половина за диагноз, половина за лечение?

– Приходите, когда у вас будут деньги. – Гадалка встала. Было ясно, что торговля не состоится.

– В чём заключается ваше лечение?

– Я не сказала "лечение". Я сказала "помощь". Мне нужно провести с вами три сеанса по двадцать минут каждый. Сколько дней вы пробудете в Нью-Йорке?

– Три дня и пробуду.

– Вот и отлично. Если вас устраивает цена, приходите завтра в десять утра на первый сеанс. А деньги – вперёд. И никаких чеков и кредитных карточек.

– У меня нет с собой двухсот долларов!

Не с собой у меня их тоже не было. В Нью-Йорке за всё, кроме такси, я расплачиваюсь кредитными карточками.

– А сколько у вас есть?

– Пятьдесят. Я вам их сейчас и отдам. А сто пятьдесят – через три дня, по окончании ваших сеансов.

– Обычно я на это не соглашаюсь, – проворчала Джина, – но для вас так и быть. Итак, завтра в десять. И не опаздывайте, у меня жесткое расписание.

Весь день я моталась по городу. Сперва – в редакцию, где мне объявили, что я вылетаю в Москву 2 февраля. Потом в турагентство заказать билеты, визу и гостиницу, потом в библиотеку. К вечеру, усталая и голодная, я добралась до любимого своего ресторана "Русский самовар".

– Неужели тебе не надоели борщ, селедка и котлеты? – любопытствуют американские друзья, – в Америке сотни этнических ресторанов.

Как объяснить им, не обидев, что китайские блюда все на один вкус, а после японского ресторана я чувствую себя кошкой, наевшейся сырой рыбы. Привкус кари в индийских блюдах вызывает у меня ассоциации с гербарием. От острой тайландской пищи внутренние органы танцуют рок-н-ролл. Я обожаю кислые щи, картофельные котлеты с грибным соусом, блины и пельмени, конечно, если для их создания не надо весь день торчать на кухне. А главная прелесть – русское застолье. Даже, если оно происходит между Бродвеем и Восьмой авеню. Кроме того, в "Самоваре" всегда можно встретить нью-йоркских приятелей и узнать свежие новости и сплетни.

Словом, в тот вечер я отправилась в "Русский самовар". Хозяин ресторана, друг юности Роман Каплан, усадил меня в дальний угол за стол "для своих". Я заказала рюмку водки и шашлык по-карски.

Кстати, о водке. Роман является автором экзотических рецептов. Он настаивает водку на киви, аругуле, рябине, морошке, можжевельнике, вишне, новозеландском тамарильо, гранате, звёздном фрукте. А также на хрене и кориандре. За первой рюмкой последовала вторая, затем третья. После неё я поделилась с хозяином "Самовара" своим астрологическим приключением.

– Бред какой-то, – сказал Роман. – Тебе некуда девать деньги?

– Мне очень даже есть куда девать деньги. Я должна запастись сувенирами. В Москве дефицит **всего**. А у вас на Бродвее между Двадцатой пятой и Двадцатой восьмой можно недорого отовариться перчатками, калькуляторами, косметикой и часами.

– Для начала запасись "кэшом", – сказал Роман. – В этих лавках не принимают ни чеки, ни кредитки.

– Можно я запасусь кэшом у вас? Я тебе – чек, ты мне – "кэш".

– Мы – ресторан, а не банк, – проворчал Роман, но направился к кассе.

В этот момент открылась дверь, и, как говаривала моя покойная тётя Наточка, "я положила нож и вилку". В ресторан вошла пара: долговязый молодой человек и моя сентябрьская гадалка: миловидная блондинка с круглыми серыми глазами, и пышными волосами, затянутыми в конский хвост. Они сели за столик почти напротив меня и углубились сперва в меню, потом в беседу.

– Ты знаешь этих людей? – шёпотом спросила я подошедшего Романа.

– Впервые вижу, – сказал он, протягивая триста долларов. – А почему у тебя волосы встали дыбом?

Я поднялась и направилась к молодой паре.

– Добрый вечер и тысяча извинений, – обратилась я к девушке. – Могу я поговорить с вами несколько минут?

Её глаза ещё больше округлились, но она любезно предложила мне сесть. Я сверлила ее взглядом, не зная, с чего начать.

– Оставить вас вдвоём? – спросил молодой человек.

Я кивнула, и он отошёл к бару.

– Вы меня помните?

– Н–нет... А разве мы раньше встречались?

– Ещё как! Чем вы занимаетесь в жизни?

– Изучаю русский язык и литературу в Колумбийском университете. А где и когда мы виделись?

– В прошлом сентябре. Вы мне гадали в "Астрологии".

– Н–нет, что вы! – Она начала беспокойно оглядываться и делать знаки Роману и своему спутнику. Смысл их был: "Уберите от меня эту ненормальную".

Мужчины выросли у меня за спиной.

– Одну секунду. Я абсолютно убеждена, что в прошлом сентябре вы мне гадали на картах в астрологической лавке на Мэдисон авеню. Пока всё сошлось, и я хочу знать, что со мной будет дальше.

– О, Боже мой! О, Господи! – пробормотала девушка. Её лицо пошло красными пятнами, она уронила голову на стол и начала то ли всхлипывать, то ли хохотать.

– Это становится интересным, – сказал Роман и уселся за стол. А молодой человек тряс её за плечи, бормоча: "Синди, дорогая, успокойся. Синди, дорогая, что с тобой?"

– Мне так стыдно, так неловко! – шептала Синди, – какая же я дура!

– Роман, пожалуйста, уведи её кавалера, дай ему за мой счёт рюмку чесночной, а я разберусь с Синди.

– Но я хочу знать, кто кому и где гадал, и что нагадал – заупрявился Роман.

Оказалось, что студентка Синди Мэдфорд подрабатывала секретаршей в "Астрологии". Отвечала на телефонные звонки и назначала клиентам время приёма. Всего два часа в день – с часу до трёх, во время хозяйкиного ленча. Когда я пришла, она скучала в одиночестве и решила попробовать свои силы.

– Откуда вы знали, что я вернулась из далёкой поездки, где "было жарко и беспокойно"?

– Вы были такая загорелая, и на плече дорожная сумка со знаком израильской авиакомпании "Эль-Аль". А что летом в Израиле было беспокойно из-за интифады, каждый день говорили по телеку и писали во всех газетах.

– А откуда вы узнали, что я не живу в Израиле, а "вернулась домой"? И что финансовый аспект моего бизнеса не очень успешен?

– Вы уронили визитную карточку, когда открывали сумку. Я прочла, что вы – брокер из Бостона.

– Синди, вы умница. А как насчёт нового далёкого путешествия в феврале?

– Я всё же лингвист... Сразу по вашему акценту догадалась, что вы – русская. А сейчас многие ездят в Россию. А про короля и февраль... просто сболтнула. Вы на меня не сердитесь?

– Я от вас в восторге. Познакомьте меня с вашим другом и давайте выпьем.

Друг оказался биологом по имени Стив, и вид у него был мрачный. Я спросила Синди, всегда ли он такой унылый, и Синди сказала, что Стив в глубокой депрессии. Ему не дает покоя судьба подопытной лягушки. Трагедия лягушки показалась мне преисполненной глубокого философского смысла.

На днях Стив, вспоровший на своём веку сотни лягушек, вдруг пожалел одну. Возможно, она показалась ему потенциальной принцессой. Он отключил её от проводов, посадил в банку и решил по дороге домой выпустить в Гудзон. (Стив работает в Колумбийском университете, живет на Вест Сайд авеню и домой ездит на велосипеде.) Он подъехал к реке, сел на корточки и вытряхнул лягушку из банки у самой воды. И в этот миг из реки высунулась большая рыбина и в мгновение ока лягушку проглотила... Как тщетны, как напрасны наши лучшие душевные порывы!

Мы выпили кориандровой водки и заказали блины "Империял". Роман проворчал что-то насчёт двадцати избыточных фунтов в моём организме. Я огрызнулась: задача ресторатора – кормить, а не заботиться о фигурах своих клиентов.

– Синди, что вы скажете о вашей хозяйке Джине? Она настоящая гадалка?

– Не только гадалка. Она телепат, медиум и гипнотизёр. Лечит заговором и наложением рук. У неё потрясающая клиентура. Но я больше у неё не работаю.

– Почему?

– Поссорились. А когда Джина сердится, лучше держаться от неё подальше. Но больше ни о чем не спрашивайте, решайте сами.

Глава вторая МЕСТЬ ГАДАЛКИ

На следующее утро, без пяти минут десять, я подошла к астрологической лавке. Чугунная решётка была спущена, дверь на замке. Неоновая вывеска "Астрология" не горела, но чернокнижные пособия по-прежнему покоились на подстилке из гравия. Я заглянула в окно: никаких признаков жизни. Около "гадальни" торчать не хотелось, и я стала прохаживаться по Мэдисон авеню – блок вперёд, блок назад. Половина одиннадцатого, одиннадцать, половина двенадцатого. Джина не появилась.

Время – необратимо. Я испытываю к течению времени мистический ужас и глубоко уважаю и свое, и чужое. Я ни разу в жизни не опоздала на свиданье, на работу, к врачу, на поезд или самолёт. Я чувствую физическую неприязнь к опаздывающим людям. Вероятно, это одна из форм психоза. Во всяком случае, уже в эмиграции, я решила обратиться за помощью к психиатру.

Мне посоветовали вдумчивого итальянского доктора по имени Джованни Ломбардо. Я записалась на приём в три часа, и без пяти три вошла в его офис.

– Доктор примет вас через две минуты, – лучезарно улыбнулась секретарша.

Доктор принял меня через час. Чёрная борода клинышком, сицилийские с поволокой глаза, вкрадчивые кошачьи движения, многозначительное пожатие мягкой руки.

– Что вас беспокоит?

– Впустую потраченное время. – Я надеялась, он поймёт намёк.

– Звучит так грустно, – прекрасные, как маслины, глаза доктора Ломбардо увлажнились. – Расскажите о первом полугодии вашей жизни. Как складывались ваши отношения с матерью?

– Так себе. Она была актрисой. Вечно в театре. Репетиции, спектакли. Я видела её от случая к случаю.

– Понятно. У вас развился комплекс ожидания. А как вы переносите ожидание автобуса или метро?

– Никак. Хватаю такси.

– А очереди? Скажем, в кассу супермаркета или в кино?

– Очереди были главной причиной моей эмиграции из Советского Союза.

– Синдром Клаустенберга, – оживился доктор. – Будем лечить. Приходите через неделю. Уверен, что смогу вам помочь.

В следующий раз Джованни Ломбардо принял меня на сорок пять минут позже назначенного времени. Когда я входила в кабинет, у меня тряслись руки.

– Что вас беспокоит? – поводя очами, спросил доктор.

– Синдром Клаустенберга! – рявкнула я.

– Синдром Клаустенберга сопровождается потерей памяти. Жаловались ли вы в прошлый раз на потерю памяти?

Доктор углубился в историю болезни, а в моем мозгу отстукивали минуты на счетчике моей запаркованной машины. Наконец,

оплаченное время истекло - двадцать долларов штрафа обеспечено. Не надеясь на мгновенное излечение синдрома, я хриплым кашлем привлекла его внимание:

– Доктор, извините, но лимит моего времени исчерпан.

Еще через неделю, проторчав час в ожидании приёма, я нагрубила невинной секретарше и навек покинула Джованни Ломбардо. Так и живу с синдромом Клаустенберга.

Возвращаясь к нашей гадалке. Покружив на улице полтора часа, я плюнула в ноги астрологическим дверям и поклялась, что моей ноги больше тут не будет. А на следующее утро меня снова принесло в проклятую гадалню.

Чугунная решётка была поднята, неоновая вывеска мерцала, Джина сидела у телефона. На ней был ошейник, который носят в случае артрита шейных позвонков или при глубокой ангине.

– Я вчера заболела, – просипела она. – Поднялась температура, распухли лимфатические железы, пропал голос. Так что, извините.

Что же это за гадалка, знахарка, медиум и гипнотизёр, не умеющий справиться с собственными гландами?!

– Надеюсь, сегодня вам лучше, и мы можем начать сеанс, – ледяным голосом сказала я.

Джина посмотрела на меня с отвращением.

– Вы что, не видите, в каком я состоянии? Вы, небось, когда больны, отлёживаетесь дома с грелочкой. Я встала с постели, чтобы привести в порядок бухгалтерские дела. – Она потрясла перед моим носом кипой счетов.

– А со мной, что же теперь будет?

– Приходите завтра.

– Завтра я уезжаю. И вы сами сказали, что нужно три сеанса.

– Вместо трёх по двадцать минут проведём один часовой. Итак, завтра, ровно в десять. И не забудьте сто пятьдесят долларов.

На следующее утро, ровно в десять, я подошла к дверям "Астрологии". Знакомая картина: чугунная решётка, амбарный замок. Но на дверях трепетал листок бумаги: "Буду в двенадцать. Джина".

От злости я сплясала перед лавкой танец с саблями без музыки Хачатуряна, прошипела запертой двери "будь ты проклята" и помчалась по своим делам.

В полдень у меня был запланирован ланч с приятелем из Денвера, Энди Греггом. В половине двенадцатого внутренний голос прошестел: "Отмени Энди и поезжай к Джине".

"Не дождется", – сказала я своему внутреннему голосу.

Энди опоздал на сорок минут, ленч был скомкан, и я старого друга люто возненавидела.

Затем я отправилась за сувенирами. В Нью-Йорке, черные, или, как сейчас принято их называть, – афроамериканские мальчишки любят срывать с плеч прохожих сумки. Помня об этом их хобби, я, садясь в метро, переложила кошелек с одолженным в Самоваре "кэшом" в карман пальто. Когда я вошла в первую косметическую лавку, оказалось, что кошелек в кармане нет. Я вспомнила прижавшегося ко мне в вагоне

метро губастого мальчишку в нацепленной задом наперед бейсбольной кепке. Несмотря на мольбы, продавец косметики, как и предсказывал Роман Каплан, мою "Визу" не принял.

Но в магазине шарфов, перчаток и бижутерии, хозяин–кореец "Визой" не побрезговал. Я накупила сувениров на двести долларов. А, приехав к друзьям, у которых останавливаюсь в Нью-Йорке, обнаружила, что пакета нет. Где я его забыла? В метро, или в лавке? Возвращаться к корейцу времени не было – мой поезд в Бостон уходил через два часа. Как говорила в детстве моя нянька, я "всяко себя обозвала", побросала в чемодан свои шмотки, накатала хозяевам благодарственную записку, положила на неё ключ от квартиры и, захлопнув дверь, покинула их дом. Впрочем, ушла недалеко.

Спустившись на лифте в вестибюль, я сообразила, что оставила в квартире папку с материалами, которые по дороге на вокзал собиралась завезти в редакцию. Стала молить о помощи швейцара. В обмен на пять долларов он согласился подняться со мной в квартиру и открыть дверь своим ключом. Открыл и ушёл. Я оставила чемодан на лестничной площадке, вбежала в квартиру, схватила со стола забытую папку и, хлопнув дверью, вторично покинула их дом. Впрочем, ушла недалеко. Когда всё с тем же чемоданом, но теперь уже и с папкой я снова спустилась на лифте в вестибюль, то обнаружила, похолодев, что на этот раз оставила в квартире сумку со всеми документами, билетами и последними двадцатью долларами. Вероятно, автоматически сбросила с плеча, когда влетела за папкой.

Мои друзья живут в элегантном доме, в двух шагах от музея Метрополитен. Кроме швейцара в ливрее, их зеркальный вестибюль оснащён кадками с тропической растительностью и бархатным диваном, на который я и плюхнулась без сил. Было очевидно, что это проделки мстительной Джинны, которая решила меня проучить.

– А теперь в чём дело? – спросил швейцар.

Я объяснила. Он вздохнул, покачал головой и направился к лифту. Я оставила чемодан около бархатного дивана и последовала за ним. На этот раз швейцар подождал, пока я возьму сумку.

– Оглянись вокруг, ничего не забыла? – ворчливо спросил он.

– Кажется, нет.

Когда я со швейцаром, сумкой и папкой спустилась на лифте вниз, чемодана в вестибюле не было. Сперли. И правильно сделали. В Нью-Йорке швейцары не должны отлучаться со своих боевых постов. Вызов полиции и составление протокола заняло ещё час. Мой поезд ушел без меня.

Налегке, то есть, без чемодана, но с сумкой и папкой, я бросилась ловить такси, чтобы успеть в редакцию до конца рабочего дня. Через три квартала у такси лопнула шина, и в редакцию я опоздала.

Домой я уехала последним ночным поездом, и всю дорогу молила Бога, чтобы он не сошёл с рельс. Мои молитвы были услышаны.

Всё, что происходило в течение трёх недель, предшествующих моему отъезду в Москву, напоминало шедевр Хичкока. Наполняя водой ванну, я заболталась по телефону. Пол был по щиколотку в воде, у

нижних соседей протек потолок, и они подали на нас в суд. Летящий на красный свет подвыпивший студент на Форде врезался в задницу моего Ниссана. Шея, руки и ноги остались целы, но моя новехонькая тачка превратилась в грудку серебристого хлама. В Америке это называется "total".

К менее драматическим событиям следует отнести потерю ключей от дома, разбитые очки, прожженное утюгом парадное платье и вывихнутую ногу в результате падения со стремянки. Зачем-то мне перед отъездом приспичило вешать портьеры.

– Знаешь, – задумчиво сказал муж Витя, – сейчас в университете обсуждается продление моего контракта. Может, мне лучше снять комнату и переехать? Чтобы временно не иметь к тебе никакого отношения. Создаётся впечатление, что ты прокажённая.

Друзья, прослышав о "сглазе", стали меня сторониться. Никто не звонил, не приходил, не звал в гости. Я почти что решила снова ехать в Нью-Йорк, кинуться Джине в ноги и без всякого леченья подарить ей сто пятьдесят долларов.

"Возьми себя в руки, – пристыдил меня внутренний голос. – Приближается двадцать первый век, времена сглаза и чертовщины остались в средневековье".

Наступил день отъезда в Москву. Утро было солнечным и ясным. Самолёт компании TWA должен был вылететь из Бостона в три часа дня, приземлиться в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке в четыре, откуда через полтора часа, а именно в пять тридцать, другой самолёт той же компании отправлялся в Москву. Не желая искушать судьбу, я приехала в бостонский аэропорт Логан в час дня. К этому времени город окутал туман, небо почернело, начал моросить дождь, плавно перешедший в снег. К трём часам в Бостоне бушевала метель. По селектору объявили, что рейс откладывается.

– Что же мне делать? Я опаздываю на самолёт в Москву! – причитала я, кружась вокруг регистрационной стойки.

– Очень сожалеем, мэм, но аэропорт Кеннеди закрыт. Впрочем, не нервничайте, ваш московский рейс наверняка тоже задержится.

Легко сказать "не нервничайте" мне, которая никуда никогда не опаздывала, мне, расставшейся с Москвой без надежды когда-нибудь ее увидеть, и, благодаря чуду, летящей туда пятнадцать лет спустя!

Наконец, мы взмыли в бостонское небо. Я подозвала стюардессу и попросила ее объяснить пилотам мою ситуацию. Она вернулась ко мне с неутешительной вестью: "Мальчики сочувствуют, но не могут лететь быстрее". Через час мы всё ещё парили в окружении рваных серых туч. Внизу - ни огонька, никакого намёка на Нью-Йорк. Надо мной снова склонилась стюардесса.

– Нам не дают посадку, В Кеннеди скопилось столько самолётов, мы уже делаем над аэропортом пятый круг. Но ребята связались с наземной службой, и за вами к трапу придет специальный микроавтобус, чтобы доставить в Кеннеди-международный.

Мы приземлились в пять сорок пять. Я нырнула в микроавтобус, потом, сгибаясь под тяжестью неподъёмных баулов, неслась вверх и вниз

по лестницам и эскалаторам, чуть не ворвалась в самолёт, улетающий в Варшаву, и ровно в шесть, бездыханная, подлетела к стойке московского рейса.

– Самолёт улетел, – гордо сообщили мне, – отрулил вовремя. Впервые за полтора года.

Садя Фридман

Фрагменты воспоминаний¹

Учеба в Петербургской консерватории

сентябрю 1914 года, будучи гимназистом шестого класса, я стал студентом (тогда называли – учеником) Петербургской консерватории, поступив на средний курс обучения.

В то время в консерватории существовали три курса обучения – младший, средний и высший. Пребывание на каждом курсе зависело от уровня подготовленности студентов. Переход с одного курса на другой производился при достижении студентом определенного уровня техники игры и музыкальности исполнения. Срок обучения заранее не устанавливался: на каждом из трех курсов студент обучался столько, сколько это было необходимо для достижения исполнительного мастерства. Я, например, обучался один год на среднем курсе, и два на высшем. Такая система обеспечивала выпуск музыкантов высокой квалификации.

Но для меня все началось с курьеза. Вступительный экзамен проводился в одной из больших консерваторских аудиторий. Экзаменовались отдельно юноши и девушки. Все экзаменовавшиеся присутствовали в аудитории, а после экзамена выходили в коридор, где ждали оглашения результатов. Но последний из экзаменовавшихся ушел, и я остался один в аудитории. Увидев меня, секретарь экзаменационной комиссии с недоумением спросил: «Экзамен окончен, чего ты ждешь, мальчик?». Я удивленно посмотрел на него и ответил: «Я пришел на экзамен». «Но тебя в списке нет», – сказал он, заглянув в листок. «Как же так, – вмешался сопровождавший меня мой старший брат, – ведь его заявление было принято». «Сейчас я выясню в канцелярии, – произнес секретарь экзаменационной комиссии. – Прошу обождать».

Вскоре он вернулся и с улыбкой рассказал о причине случившегося. «Произошло недоразумение. Работникам канцелярии необычное имя Садя показалось не мужским, а женским, и его включили в список экзаменуемых девушек. Приходите завтра утром».

---

¹ См. также С.Л. Фридман «Государственный преступник» <http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer6/Rejfl.php>
Глава из воспоминаний.

На следующий день экзамен прошел благополучно, я был принят на средний курс и зачислен в класс профессора Варвары Александровны Оссовской. Через несколько дней состоялось первое знакомство с профессором. Нас было пять человек – трое принятых на младший курс и двое на средний, три девочки и два мальчика. Варвара Александровна поговорила с каждым из нас и, узнав, что я гимназист, сказала, что заниматься со мной будет у себя дома по вечерам.

В назначенный вечер я пришел на первый урок. Дверь квартиры отворила молоденькая горничная в темное платье с белым гофрированным фартуком и наколкой на голове. Она предложила войти в комнату и сказала, что Варвара Александровна сейчас придет. Комната оказалась большой гостиной, в которой стоял концертный рояль, а рядом с ним этажерка с нотами. На стене в темных рамках висели портреты И.С.Баха, Л.Бетховена и М.Глинки.

Минут через десять в комнату вошла сама Варвара Александровна, невысокая, худощавая, скромно одетая женщина с располагающей улыбкой на лице. Расспросив, где я обучался до поступления в консерваторию и какие музыкальные произведения играл, она сказала: «Начнем наши занятия с разучивания восьмой Патетической сонаты Бетховена. К следующему занятию прошу подготовить первую часть. Никаких указаний сейчас я тебе не дам. Хочу посмотреть, как ты самостоятельно справишься с этим заданием».

Я слышал эту сонату – одну из вершин фортепианного творчества Бетховена – на концертах в исполнении разных пианистов, и она всегда производила на меня очень сильное впечатление. До этого я играл несколько сонат Бетховена – девятнадцатую и двадцатую, и более сложную – пятую. Я был счастлив, что становлюсь исполнителем восьмой сонаты и понимал, какие трудности предстоят на моем пути. На следующий же день после уроков в гимназии я не без волнения приступил к разучиванию сонаты. Ее начало – мощное *grave*, состоящее из нескольких мощных аккордов, сменяемое короткой умиротворенной темой, после которой следует новая вспышка экспрессии, а за ней переход к блестящему *allegro* – задушевному разговору двух голосов – высокого и низкого, прерываемому мощными аккордами.

К сожалению, уроки в гимназии не оставляли мне достаточного времени для занятий музыкой. Мне удавалось уделять им не более часа-полтора в день, но этого было ало. В назначенное время я пришел на второй урок к Оссовской. Варвара Александровна внимательно выслушала мое исполнение первой части сонаты и сказала: «Для первого раза неплохо. Но работа только начинается. Еще много придется потрудиться...»

И сама села за рояль и показала, как надо ее играть. Слушая, я понял, насколько отличается ее исполнение от моей ученической игры. Она стала показывать, какими средствами мне следует преодолеть технические сложности исполнения. Я сел за рояль и повторил несколько раз показанные ею упражнения для развития беглости пальцев, чувствуя, как постепенно приближаюсь к необходимому темпу.

Во время урока в гостиную вошел высокий мужчина во фраке. Это был муж Варвары Александровны Александр Васильевич Оссовский, известный музыковед, близкий друг Римского-Корсакова, впоследствии директор Петроградской консерватории, автор многих музыкально-критических статей. Варвара Александровна представила своего нового ученика, и он, похлопав меня по плечу, улыбнулся и сказал: «В добрый путь. Желаю успеха!»

Работа над сонатой продолжалась несколько месяцев. Одновременно с ней я разучивал прелюдии и фуги Баха, его английские и французские сюиты, а также прелюдии Шопена. Весной Варвара Александровна предупредила меня, что в начале осени состоится вечер студентов консерватории, на котором мне нужно будет выступить и исполнить восьмую сонату Бетховена. Это был очень серьезный экзамен. На студенческих вечерах выступали лучшие ученики, присутствовали директор консерватории А.К.Глазунов и профессора, и я понимал, как велика ответственность во время такого выступления. Поэтому летние каникулы я целиком посвятил музыке. Играл обычно шесть часов в день – утром с восьми до десяти и после небольшого отдыха – с десяти до двенадцати, а затем с пяти до семи часов вечера. За три месяца усердных занятий я сильно продвинулся в исполнении восьмой сонаты, а кроме того разучил и другие заданные на лето музыкальные произведения.

Студенческий вечер состоялся в Малом зале консерватории. На вечере выступили скрипачи, виолончелисты, вокалисты и два пианиста – я и студент профессора Л.В.Николаева, одного из создателей русской пианистической школы. Я играл во втором отделении и очень сильно волновался. Но вот я вышел на эстраду в сером гимназическом мундирчике с большими серебряными пуговицами, отличавшемся от одежды большинства других выступавших юношей, состоявшей из бархатной кофты с большим белым бантом на шее и коротких штанишек или же пиджачного костюма. Я взглянул на директорскую ложу, в которой находились Глазунов и группа профессоров, среди которых была и Варвара Александровна. Я быстро перевел глаза на клавиатуру, и волнение мое сразу исчезло. Во время исполнения я видел перед собой только белые и черные клавиши, подымавшиеся и опускавшиеся под моими пальцами и отражение своих рук в черной крышке рояля. Я находился в состоянии какого-то гипноза и не ощущал присутствия в зале сотен людей с устремленными на меня глазами. Я пришел в себя только после того, как вслед за тишайшим пианиссимо предпоследних шести тактов сонаты и бурного фортиссимо нисходящей до-минорной гаммы, завершаемой резким заключительным аккордом, я услышал громкие аплодисменты. В директорской ложе аплодировали Глазунов и профессора, кроме Варвары Александровны. Она сидела в дальнем углу ложи и с улыбкой принимала поздравления коллег. У меня было такое ощущение, как будто я вернулся из другого мира. После окончания концерта Варвара Александровна подошла ко мне и поздравила с успехом.

На одном из следующих уроков Варвара Александровна сказала, что за время своего обучения в консерватории я многого достиг и что по уровню исполнительского мастерства готов к переходу на высший курс.

Она предложила мне большую программу из произведений Баха, Моцарта, Шопена, Рахманинова и Глазунова, с которой я должен выступить на выпускном экзамене. Мой дядя и старшие братья возражали против этого, считая, что в год перехода на последний (тогда восьмой) класс гимназии это будет для меня непосильной нагрузкой и может отразиться на итоговых оценках, что помешает мне при поступлении в высшее учебное заведение. В среде, в которой я рос, музыкальное образование считали одним из необходимых элементов общекультурного развития, однако предпочтение отдавали другим профессиям. Впрочем, когда стало ясно, что перенос переводного экзамена в консерватории на весну будущего года (года окончания гимназии) совершенно невозможен, моим родным ничего не оставалось, как согласиться с предложением Варвары Александровны.

Я стал разучивать произведения, вошедшие в программу консерваторского экзамена. Уроки у Варвары Александровны участились. На одном из таких уроков я спросил у нее, можно ли включить в программу экзамена сочиненную мной музыкальную пьесу. Она была очень удивлена, поскольку не предполагала, что я занимаюсь еще и композицией, и просила исполнить мое сочинение. Это была баркарола, лирическая мелодия, сопровождаемая мерным аккомпанементом, напоминающим плеск волн, кстати, одна из многих сочиненных мной музыкальных пьес. Я исполнял их на гимназических вечерах и не придавал им большого значения. Но Варваре Александровне баркарола понравилась, и, сделав некоторые замечания по структуре аккомпанемента, она согласилась включить ее в программу экзамена.

Наступил день экзамена. Экзаменационную комиссию возглавлял Александр Константинович Глазунов. Когда я подошел к роялю, он спросил, какие произведения я буду исполнять. Я назвал их, включая собственную баркаролу. Глазунов предложил мне начать с Баха. Я сыграл десять-пятнадцать тактов фуги, а затем по его предложению перешел к исполнению сонаты Appassionata Бетховена. Во время исполнения Александр Константинович подошел к роялю и предложил: «А теперь – твою баркаролу». Он внимательно слушал ее от начала до конца, и когда я кончил играть, сказал: «Хорошо. Поздравляю с переходом на старший курс. А баркарола мне понравилась. Советую по окончании класса фортепиано перейти в класс композиции».

Глазунову было в то время пятьдесят лет. Он был выдающимся мастером симфонической музыки, а также автором многих балетов, концертов и сюит. Вместе с тем он был необычайно доброжелательным человека и очень заботливо относился к студенческой молодежи. Студенты видели в нем не только директора и профессора, но и друга, к которому всегда можно в трудную минуту. Они знали, что любая их просьба будет выслушана Александром Константиновичем с большим вниманием и по возможности удовлетворена. В то время говорили, что все получаемое им жалование директора Консерватории Глазунов отдавал в кассу помощи неимущим студентам.

Вспоминаю и такой эпизод, ярко характеризующий Глазунова. В начале 1910-х годов в Петербург привезли из города Вильно (ныне

Вильнюс) девятилетнего мальчика-вундеркинда Яшу Хейфеца, виртуозно исполнявшего сложнейшие скрипичные произведения. Его игра произвела огромное впечатление на Глазунова и профессора консерватории Ауэра, выдающегося скрипача, с именем которого связаны расцвет русской скрипичной школы. Яша Хейфец, несмотря на свой юный возраст, был зачислен студентом консерватории и определен в класс Ауэра. Возникла необходимость переезда родителей Яши в Петербург. Однако у его отца не было права на проживание в столице, то есть за чертой оседлости. Предложили оставить мальчика на попечении у знакомой семьи, однако, родители на это не пошли. И тогда Глазунов решил одновременно с Яшей зачислить в состав студентов консерватории его отца, скрипача-самоучку, исполнявшего народные песни и танцы на свадьбах, и, таким образом, предоставил ему право на проживание в столице.

Ближе с Глазуновым я познакомился на последнем году пребывания в Консерватории, когда обучался в классе ансамбля. Этот класс вел Глазунов. В мою группу кроме меня – пианиста, входили скрипач и виолончелист. Мы исполняли фортепианные трио Бетховена, Чайковского и других композиторов. Александр Константинович занимался с нами по вечерам у себя дома. Он жил недалеко от Казанского Собора на Казанской улице в доме № 10, принадлежавшем еще его отцу, известному книгоиздателю и книгопродавцу. В этом доме Глазунов родился и прожил более шестидесяти лет до самого своего отъезда в 1926 году за границу. В комнате, где он родился, в то время находился его рабочий кабинет.

Мы приходили на занятия раз в неделю в семь часов вечера, подымались на второй этаж. Нам отворяла двери старушка-няня, вырастившая Александра Константиновича. В то время у него не было семьи, он жил один. Занятия продолжались часа полтора. Он внимательно выслушивал исполнявшееся нами произведение, не прерывая игры, а затем давал общую оценку и излагал свои замечания, касавшиеся техники исполнения и, особенно, художественной стороны произведения. Но бывало, что мы приходили на занятия, звонили, дверь чуть-чуть приотворялась и показывалось морщинистое лицо старой няни. Она тихонько говорила: «Александр Константинович нездоров», и мы уходили, догадываясь, что у Глазунова наступила полоса запоя. В такие дни он никого не принимал, не бывал в Консерватории, нигде не показывался. Продолжалось это обычно 2-3 недели. А потом он снова появлялся, как всегда бодрый, как будто и не было никакой «болезни»

В юношеские годы я часто посещал концерты. Зимой – в Петербурге, в залах Благородного собрания и Консерватории, летом – в Киеве, в Купеческом саду, где на открытой эстраде исполнялись симфонические произведения русских и иностранных композиторов под управлением известных дирижеров. Концерты бывали разные: одни запоминались надолго, другие – не затрагивали душевных струн и быстро забывались. Но некоторые концерты запомнились навсегда. Такими были концерты С.В.Рахманинова. Первый раз я услышал его в Малом зале

Петербургской Консерватории. Это был закрытый концерт, устроенный специально для студентов.

Встреченный аплодисментами, вышел на эстраду высокий, немного сутулый человек, коротко стриженный, с мужественным лицом и грустными глазами. Медленно подошел к роялю, опустился на круглую рояльную табуретку, с трудом установив свои длинные не помещавшиеся под роялем ноги, широко расставил колени и долго глядел на клавиши, прежде чем к ним прикоснуться. Затем он протянул к клавиатуре свои большие руки с длинными пальцами, и зазвучала его дивная музыка. Его игра отличалась не только несравненной виртуозностью, но и необычной яркостью и силой исполнения, сочетанием мощного фортиссимо с легкостью и воздушностью сложнейших пассажей.

На этом концерте Рахманинов исполнил все свои 24 прелюдии. Особенно запомнилось исполнение первой прелюдии, посвященной композитору, пианисту и дирижеру Аренскому, ее спокойное, полное задумчивости начало и нарастающая певучая мелодия, завершающаяся мощным взрывом аккордов и постепенно замирающая к концу произведения. Не менее сильное впечатление произвело исполнение шестой прелюдии, посвященной А.Зилоти, - ее энергичное наступательное начало, пронизывающее все произведение, и следующая за ним необычайная мечтательная мелодия, похожая на мольбу.

Другой концерт Рахманинова состоялся в зале Дворянского собрания. В этот вечер он играл свой Третий фортепианный концерт в сопровождении симфонического оркестра. Концерт принадлежит к шедеврам мировой симфонической литературы и к вершинам рахманиновского творчества. Он исполнил концерт с большой сосредоточенностью и сдержанностью, казавшейся внешней холодностью. Каждое его движение было четко и ясно, в нем не было ни намека на позу и театральность. На бис Рахманинов сыграл пятую прелюдию, легкая и радостная музыка которой полна ощущения русской природы. Илье Репину она напоминала «озеро в весеннем разливе – весеннее половодье».

Запомнилось мне и выступление молодого Сергея Прокофьева. Я присутствовал на его выпускном экзамене в Консерватории. Он исполнил свой Первый фортепианный концерт, написанный незадолго до окончания Консерватории. Уже в этом произведении проявилось яркое своеобразие, смелость приемов и энергия, которые характерны для его дальнейшего творчества. Во время исполнения концерта силой удара пальцев оборвалась струна в рояле, но молодой пианист продолжал играть, не обращая на это внимания. По окончании концерта присутствующие в зале стали аплодировать, хотя правилами проведения экзамена это не допускалось.

Прокофьеву была присуждена высшая награда – золотая медаль и концертный рояль. В то время мне, как начинающему пианисту, трудно было судить о качестве его исполнения, но запомнились высказывания взрослых о том, что высшую награду следовало бы присудить студенту профессора Николаева, как более выдающемуся пианисту. Однако в те годы в Петербургской Консерватории существовала традиция, согласно которой высшие награды присуждались ученикам старейшего педагога

профессора Есиповой, в классе которой обучался Прокофьев. Кроме того, при присуждении было, видимо, учтено и то, что Прокофьев выступал не только как пианист, но и как композитор. Последующая его творческая деятельность подтвердила правильность такого решения.

В начале лета 1914 г., в месяцы, предшествовавшие Первой мировой войне, весь музыкальный Петербург с нетерпением ожидал приезда на гастроли Вилли Ферреро, итальянского шестилетнего мальчика, выступавшего в качестве дирижера. Этот необыкновенный ребенок не играл ни на одном из инструментов и не знал нот, но обладал потрясающей музыкальной памятью. Ему достаточно было прослушать сложное музыкальное произведение, и в его маленькой головке оно полностью запечатлевалось во всех деталях. Рассказывали, что во время репетиций при исполнении одной из бетховенских симфоний некоторые оркестранты сознательно допускали отклонения от партитуры и фальшивили. Вилли реагировал на это очень эмоционально, останавливая оркестр и требуя устранить ошибку.

Искусство дирижера требует высокой музыкальной одаренности – тонкого слуха, чувства формы и ритма, умения передать исполнителям свое понимание музыкального произведения – всеми этими качествами обладал этот хрупкий итальянский мальчик. Я был на одном из концертов Вилли. Зал был переполнен. Присутствовали виднейшие музыкальные деятели – профессора Консерватории, выдающиеся музыканты-исполнители и музыкальные критики. Все с нетерпением ожидали появления мальчика-вундеркинда, и когда закончилась настройка инструментов и в абсолютной тишине на эстраде появился шестилетний Вилли, раздалась аплодисменты, не смолкавшие в течение нескольких минут. На эстраде стоял худенький мальчик с вьющимися черными локонами, одетый в бархатную коричневую кофту и короткие штанишки. Перед ним не было обычного дирижерского пульта, на котором располагается партитура исполняемого произведения, он был ему не нужен.

Вили повернулся к публике, кивнул головой, внимательно оглядел оркестр, поднял маленькие ручонки и взмахнул дирижерской палочкой. Исполнялась Третья «Героическая» симфония Бетховена, сложнейшее произведение, в котором энергичное, героическое начало сочетается с душевной лиричностью и теплотой. Раздалось два решительных и сильных аккорда, и вслед за ними зазвучала отчетливая и простая мелодия – главная тема первой части, изображающей схватку героя с враждебными силами. Затем последовал траурный марш – картина всенародного горя, оплакивание погибшего героя, соединяющая в себе глубокую скорбь и мужественную печаль. А следом – вихревые движения скерцо, знаменующие возвращение к жизни, и триумфально-ликующий финал.

Во время концерта я находился на эстраде, позади оркестрантов, и имел возможность наблюдать за движением рук дирижера, за каждым его жестом и выражением лица. Я видел, как во время исполнения медленной траурной части симфонии Вилли весь как бы съежился, хотя лицо его оставалось спокойным, и как оно преобразилось при

нарастающем звучание скерцо и финала. Он приподымал головку, его хрупкое тельце вздрагивало и тянулось вверх, и он как бы вырастал на моих глазах, пытаясь встать вровень с исполняемой музыкой.

Когда исполнение симфонии закончилось, публика, аплодируя, с криками «браво» хлынула к эстраде, чтобы вблизи посмотреть на чудомальчика. Он стоял смущенный и раскланивался. Эстраду забросали букетами и корзинами цветов. Присутствовавший на концерте скрипач-вундеркинд Яша Хейфец, на несколько лет старше Вили, вручил ему букет красных роз. Вслед за цветами на эстраде появилось большое количество разнообразных детских игрушек, преподнесенных публикой. Среди них выделялась большая гора, сделанная из папье-маше, с протянутыми по ней рельсами, по которым катился маленький паровозик с вагончиками. Эта игрушка, подаренная Глазуновым, особенно понравилась Вилли. Он тут же сел на пол и самозабвенно отдался игре, следя за тем, как маленький паровозик с вагончиками дребезжа подымался вверх в гору, а затем стремительно скатывался вниз. В течение всего антракта Вили сидел на полу и развлекался игрушкой, не замечая окружившей его восторженной публики.

Раздался третий звонок, зрители вернулись в зал и сели на свои места, а Вилли, не обращая на это внимания, все продолжал запускать свой игрушечный поезд. К нему подошел отец, немного прихрамывающий на левую ногу, взял его за руку и показал на следившую за ним публику. Вилли поднялся, на мгновение задумался, как бы не понимая, чего от него хотят, потом вдруг стал абсолютно серьезен и начал дирижировать.

Через несколько дней я присутствовал на концерте другого вундеркинда Яши Хейфеца. Среди публики был и Вилли Ферреро с отцом. Он внимательно слушал исполнявшиеся Яшей музыкальные произведения, а во время антракта подошел к нему и передал букет красных роз, точно такой же, какой получил от Яши во время своего недавнего концерта.

Долгое время я ничего не знал о дальнейшей судьбе Вилли. В его детские годы можно было предполагать, что он станет великим музыкантом, но этого не случилось. Он стал одним из многих талантливых дирижеров и только. В 1936 и 1952 годах он приезжал на гастроли в Советский Союз. В 1952 году я был на его концерте в Большом зале Московской Консерватории. Я смотрел на него, находил в его лице запомнившиеся мне черты – глаза и улыбку – и думал о том, что помешало гениальному мальчику стать гениальным музыкантом.

Смутное время. Киев 1917-1921 гг.

В начале июня 1917 года я приехал из Петрограда в Киев к родителям на каникулы. Обычно в эту пору уже ощущалось жаркое киевское лето. Но в том году еще чувствовалась весенняя свежесть и прохлада, а на стройных каштанах ярко зеленела листва, не тронутая городской пылью.

В городе тоже веяли мартовские ветры свободы, но сюда еще не достигли бурные волны взбудораженного Петрограда, готовившегося к

новым боям. Однако и здесь пробуждались и начинали действовать различные противоборствующие силы. Уже в апреле 1917 года громким голосом заговорила Украинская Центральная Рада, объявившая себя верховным органом Украинской народной республики. В декабре 1917 года съезд советов, собравшийся в Харькове, создал первое Советское украинское правительство. Украинская Центральная Рада отказалась признать его и вступила на путь открытой с ним борьбы. Свергнутая Советами в самом начале 1918 года, Центральная Украинская Рада с приходом на Украину германских войск вновь была восстановлена, но просуществовала недолго. В апреле 1918 года я был свидетелем ее разгона.

Проходя по Владимирской улице, я вошел в здание Педагогического музея, где заседала Центральная Рада. Вход был свободный, и я поднялся на хоры, отведенные для публики. Председательствовал на заседании Грушевский, лидер национального украинского движения, седой невысокий человек лет пятидесяти. Обсуждалось положение Украинской народной республики. На заседании выступили известный украинский писатель и политический деятель Винниченко, возглавлявший украинскую социал-демократическую партию, и Голубовский, министр по иностранным делам. В то время германские военные власти были недовольны действиями правительства Украинской Рады и его чрезмерно националистической политикой, вошедшей в разрез с германскими интересами.

Во время заседания в зал вошли три немецких офицера, подошли к столу президиума и громко крикнули: «Hende hoch!». В руках одного из них был небольшой револьвер. Председательствовавший Грушевский, как и другие члены президиума, продолжали сидеть на своих местах и рук не подняли.

– Я протестую, – громким голосом воскликнул по-украински возмущенный Грушевский. – Здесь заседает украинский парламент, и никому не дозволено нарушать его работу.

– Hende hoch! – повторил немецкий офицер, стоявший впереди с револьвером в руках.

Когда и на этот раз члены президиума отказались выполнить приказ, в зал вбежала группа вооруженных немецких солдат, окружила президиум и вывела его членов из зала. Другая группа солдат, поднявшись на хоры, предложила присутствующим пройти в одну из комнат музея. Здесь нас обыскали, проверили документы и большинство освободили.

Центральная Украинская Рада была низложена.

Одновременно в здании цирка на Николаевской улице заседали украинские хлеборобы. Они избрали гетмана, верховного руководителя Украины. Им стал бывший царский генерал Скоропадский, ставленник германских интервентов. Его правление продолжалось недолго, и одновременно с освобождением Украины от германских войск он был изгнан из ее пределов.

В течение последующих двух лет (1919-1920 гг.) на Украине происходили частые смены властей. Сначала правила Украинская

Директория во главе с Петлюрой, затем пришли войска Деникина. Недолгое время правили белополяки. Войска Красной Армии неоднократно занимали Киев, но под давлением превосходящих белых сил временно оставляли его. Окончательно Советская власть установилась на Украине в июне 1920 года.

Петлюровские синезупанники и деникинские войска чувствовали себя полными хозяевами города, бесчинствовали, грабили, устраивали погромы. Это было время, как вспоминает И.Эренбург в мемуарах «Годы, люди, жизнь», когда «никто не знал, кто кого завтра будет расстреливать, чьи портреты вывешивать и чьи прятать, какие деньги брать, а какие пытаться вручить простофилям».

Лично мне тоже пришлось пережить немалые волнения. Однажды в 11 часов вечера два изрядно выпивших деникинских офицера в сопровождении представителя домового комитета вошли в квартиру родителей и, не предъявив никаких документов, стали производить обыск. Обшарив ящики и шкафы и изъяв оттуда все наиболее ценное, они вошли в одну из комнат, в которой я и мой старший брат готовились ко сну.

Увидя нас, один из офицеров радостно воскликнул:

– Вот они, большевики. Одевайтесь, пойдете с нами.

А затем, повернувшись, сказал:

– Мы пойдём во двор, там тоже есть большевики. А вы одевайтесь, будьте готовы и ждите нас.

Они ушли. Все были крайне встревожены, понимая, что уйти с ними, значит быть расстрелянными на ближайшем углу. Такие случаи бывали в то время часто.

Я вспомнил, что в Киеве находился в то время бывший директор гимназии, в которой я обучался в Петрограде, В.М.Одинец. Он был председателем Союза Возрождения России. У меня возникла мысль обратиться к нему за помощью. Я попытался узнать его домашний телефон (дело происходило ночью), но телефонистка ответила, что ей он неизвестен. Оставалось положиться на судьбу.

Спустя час раздался звонок. Все вздрогнули – пришли за нами. Мама быстро побежала к дверям и увидела стоящего на пороге представителя домоуправления. Офицеров с ним не было. Он рассказал, что полупьяные офицеры забрали во дворе какого-то молодого человека, а о нас забыли. Выходя из подворотни, вспомнили, хотели было вернуться, но потом махнули рукой и вышли на улицу. Так мы остались живы и невредимы.

А спустя много лет я прочел в воспоминаниях одного из реэмигрантов, вернувшегося в СССР, Н.Любимова о судьбе В.М.Одинца. Он долгие годы жил в эмиграции, во Франции, но отошел от политической деятельности и после окончания Первой мировой войны активно участвовал в движении за возвращение русских эмигрантов на родину. Вернувшись в СССР, он жил в Казани и стал профессором Казанского университета.

Вот в это самое смутное время и произошла моя встреча с Надиной <...>

***

В 1918-1919 годы Киев стал своего рода литературным центром. Из Петрограда и Москвы, спасаясь от голода и разрухи, сюда приехали многие известные литераторы: И.Эренбург, Л.Никулин, М.Кольцов, О.Мандельштам, Р.Ивнев, А.Аверченко, А.Соболь и другие. Проездом в Одессу здесь останавливались И.Бунин и С.Юшкевич.

В Киеве устраивались литературные и музыкальные вечера. И.Эренбург читал лекции «О современной поэзии», А.Соболь – отрывки из новой книги. Проводились вечера поэзии. Выступал петербургский драматург и критик Н.Евреин с докладом «Театр и эшафот», гастролировал театр «Летучая мышь», известная эстрадная певица Н.Плевицкая исполняла русские народные песни.

В марте 1919 года открылось кафе поэтов «Хлам»², разместившееся в подвале на Николаевской улице. Здесь по вечерам поэты читали стихи и подавался ароматный кофе.

При Киевском литературно-художественном клубе была организована Мастерская художественного слова. Ею руководил И.Г.Эренбург. Тогда еще я недостаточно был знаком с его поэтическим творчеством, поскольку первые его небольшие сборники («Стихи» и «Одуванчик») были изданы в Париже в 1910-1912 гг. крошечным тиражом. Не читал я и «Стихов о канунах», появившиеся в 1917 году.

Из рассказов моих друзей я узнал, что в Мастерской художественного слова Эренбург читает лекции о русской поэзии, по своему содержанию не похожие на статьи и работы наших литературоведов. В них много своего, личного, раскрывающего новые стороны поэтического творчества. Я узнал, что в Мастерской Эренбург ведет практические занятия по стиховедению, на которых все желающие читают свои стихи.

В то время, как и в гимназические годы, я продолжал писать стихи и занятия в Мастерской меня очень заинтересовали. Я пошел на одно из них. Вел его Эренбург. В зале присутствовало 10-12 человек, юношей и девушек. Мы прослушали интересную лекцию Эренбурга о современной поэзии. Он говорил в ней о первоначальном значении слова («В начале было Слово, и Слово был Бог»), о возникновении поэзии из заговора и заклинания. Рассказал о Баратынском, хорошо знавшем силу слова, а также о прозе Ремизова, Блока, Сологуба, являющейся, по существу, поэзией, о «научной поэзии» Брюсова, о произведениях ряда современных поэтов, которые, по существу, являются прозой, облаченной в отделку поэзии с «бубенцами рифм и картонными латами ямба и анапеста». Здесь и произошла моя первая встреча с Надинькой <...>

Мастерская просуществовала недолго. Она распалась в ноябре 1919 года после отъезда Эренбурга из Киева. В своих воспоминаниях «Годы, люди, жизнь» Эренбург уделит ей только несколько строк. Читая их, я вспомнил о том, что у меня сохранился выпущенный в Мастерской рукописный сборник, в котором содержались стихи и проза ее участников, а также статья Эренбурга «О поэзии. Случайные записи». Эта статья вряд

---

² От первых букв «художники», «литераторы», «артисты», «музыканты».

ли у него сохранилась, и я решил перепечатать и послать ему. В письме, которое сопровождало статью, я напомнил ему о некоторых эпизодах из его киевской жизни. О том, как он ходил по букинистическим лавкам, скупал книги своих ранних стихов и уничтожал их. О том, как он однажды не пришел на лекцию и на следующий день рассказал, что был задержан на улице патрулем и, посмеиваясь, добавил: «повели голубчика в Губчека, в Губчека». О том, как я дважды был у него в дома, в большой комнате, в которой стоял густой табачный дым, а многочисленные рукописи и книги были разбросаны на столе и стульях. О том, как он обучал нас стиховедению и стремился привить нам любовь к поэзии. В ответ я получил от него теплое письмо с благодарностью за воспоминание о 1919 году в Киеве и за присланную статью.

После закрытия Мастерской местом наших встреч с Надинькой стал берег Днепра с примыкавшей к нему Петровской аллеей. Время было суровое. В городе было неспокойно, особенно перед уходом одной власти и приходом другой. Часто слышалась перестрелка. Военные патрули нередко задерживали на улицах молодых людей, куда-то их уводили и многие из них уже не возвращались домой. Но нас это не страшило. Никакие введенные в городе строгости и ограничения не могли препятствовать нашим встречам. Мне вспоминается, как однажды я провожал Надиньку домой. На Александровском спуске, ведущем к Подолу, где она жила, мы увидели идущую по мостовой группу молодых людей, окруженную конвоем. Мы постарались прижаться к крутому откосу и стать незаметными, но один из конвоиров вышел из строя, подошел ко мне, взяв меня под руку, и присоединил к группе арестованных. Нас привели в какой-то дом в Липках, продержали в подвале часа два и после проверки документов большинство освободили. Среди них оказался и я <...>

Отъезд в Москву

По мере приближения к окончанию Института народного хозяйства, где я учился, все острее становился вопрос о нашей дальнейшей жизни. Надинька не хотела оставаться в Киеве. Ее привлекала Москва, в которой она обучалась в гимназии в зиму 1915 года в период Первой мировой войны, когда немцы стремились приблизиться к Киеву. Мои родные – отец, братья и сестры к тому времени переехали в Москву.

Поездка в Москву была не простой. Транспорт был разрушен. Пассажирских поездов почти не было. Ездили в товарных вагонах, предназначенных для перевозки груза и скота. Поездка часто задерживалась в пути из-за отсутствия топлива и воды. Нередко паровозы, приходящие на станции с составом вагонов, отцеплялись и направлялись по другому назначению. Да и Москва не представляла в то время ничего заманчивого. Нам хорошо были известны все тяготы тогдашней московской жизни – голод, перебои в снабжении водой и электроэнергией, почти полное отсутствие транспорта и многое другое. Но тяга в Москву была настолько велика, что все это не могло нас остановить. Мы стали готовиться к поездке.

И этот день наступил. Нас провожали родители Надиньки и друзья, помогавшие доставить вещи на вокзал и сесть в поезд. Это было трудной задачей. Товарные теплушки заполнялись мешочниками, возившими в голодную Москву всевозможные продукты питания, которыми в то время имелись на Украине. Мы шли по платформе вдоль вагонов, и не могли пробиться ни в один из них. Засевшие в них мешочники нас не пускали, устраивали заслоны в дверях (а в некоторых вагонах двери были уже захлопнуты), отгоняли нас и на них не было никакой управы.

Мы были в отчаянии. Родители Надиньки, противники нашего отъезда, уговаривали нас вернуться домой, с тем чтобы выждать какое-то время, пока обстановка на транспорте изменится. Но для нас было ясно: отказаться от поездки – значит осесть в Киеве всерьез и надолго. И вот неожиданно один из сопровождавших нас друзей увидел в ближайшем вагоне своего приятеля, стоявшего во весь рост на большом мешке у самой двери. Он бросился к нему, и тот после краткого разговора с пассажирами, которым он пообещал от нашего имени расплатиться продуктами, предоставил нам возможность погрузиться. Когда мы с большим трудом поднялись в вагон, мы увидели прежде всего горы малых и больших мешков, забитых мукой и крупами, ящиков и чемоданов, а затем лица женщин и мужчин, плотно сидевших на них, прижавшись друг к другу. С трудом мы нашли небольшое свободное местечко, поставили туда два своих чемодана и узел с подушками и продуктами и сели на них.

Тогда мы не представляли себе, что ждет нас в пути. В вагоне не было самых элементарных удобств. Нельзя было передвигаться. Из щелей дул холодный ветер. Ночью вагон освещался единственным фонарем, в котором тускло мерцала свеча, а иногда из-за ее отсутствия бывало совсем темно. Кипяток можно было достать лишь на станциях, но нередко его там не было и приходилось довольствоваться сырой водой, что было не безопасно. Поезд не имел никакого расписания, останавливался на всех даже малых станциях, где стоял подолгу, а иногда отправлялся через 2-3 минуты и медленно шел вперед. Кроме того поезд часто останавливался из-за отсутствия топлива, и пассажирам приходилось заниматься дровозаготовками в ближайшем лесу (хорошо, что у поездной бригады оказались пилы и топоры), и только после доставки дров поезд продолжал свой путь.

Шесть суток длилась наша поездка в таких невыносимых условиях. На седьмой день прибыли в Москву. Это был август 1921 года. Москва встретила нас ярким солнцем и зеленой листвой деревьев, еще не тронутых приближающейся осенью. На этом ярком фоне город выглядел запущенным и жалким. Дома имели обветшалый вид. По тротуарам шли бледные, усталые люди в обтрепанной одежде с небольшими сумками в руках. Неторопливо двигались редкие трамваи с висевшими на подножках пассажирами. Иногда показывались телеги, запряженные тощими лошадьми. По мостовой двигались тачки с грузом, которые толкали мужчины и женщины.

Переезд с вокзала в город был труден. Наш груз был тяжел и не по силам нам двоим. Нас выручил молодой парень, который согласился доставить его на вокзальную площадь с оплатой частью привезенных нами продуктов. На этих же условиях удалось достать извозчика и перевезти вещи на Петровку, где жили мои родные.

Нас встретили радушно, но пребывание у родных не было продолжительным. Друг моего отца предоставил нам возможность поселиться в его просторной квартире. Мы получили в ней небольшую комнату и в течение нескольких дней постепенно перенесли сюда свое имущество.

Начало московской жизни. Литературная Москва 1920-х годов

Началась новая полоса нашей жизни. Надинька поступила на Литературное отделение филологического факультета Московского государственного Университета. Я решил расширить свои познания в области общественных наук, и был зачислен на Правовое отделение факультета общественных наук Университета.

Но этого было недостаточно, надо было искать работу. Первым местом моей работы стал Объединенный кооператив ВСНХ, высшего органа, осуществляющего управление всей промышленностью и торговлей страны. Функции Объединенного кооператива заключались в обеспечении работников ВСНХ продуктами питания и промтоварами, а также бытовыми услугами. Промышленный отдел Объединенного кооператива, в котором я работал, должен был организовать ряд предприятий, необходимых для этой цели. Мне было поручено найти нужные помещения. Я довольно быстро справился с этой задачей: вскоре на Стретенке была открыта булочная, а на Пятницкой улице сапожная мастерская.

Работа в Объединенном кооперативе продолжалась недолго. Уже через три месяца я перешел в Управление регулирования торговли ВСНХ на работу по своей специальности, а затем в Экономическое Управление.

Жизнь в Москве того времени была чрезвычайно трудной. Было и голодно, и холодно. Продукты отпускались по карточкам по ограниченным нормам, их едва хватало на несколько дней. В учреждениях, где я работал, иногда выдавались пайки в виде муки и крупы, которые приходилось менять на хлеб и другие продукты питания. На московских рынках они продавались по баснословным ценам, повышавшимся изо дня в день, и были совершенно для нас недоступны.

Все преобразилось с приходом НЭПа. В течение двух-трех месяцев в Москве появилось обилие продуктов питания и промышленных товаров. Как и откуда все это взялось, было непонятно – Россия пережила три года Первой мировой войны и четыре года гражданской, семь тяжелых лет. Видимо, замена продналога продуктообменом в деревне и вовлечение частной инициативы в хозяйственный оборот оказались весьма эффективными.

Несмотря на трудные условия существования литературная жизнь Москвы в двадцатых годах была довольно интенсивной. Центром

её был дом Герцена на Тверском бульваре, переданный в 1921 году московским литераторам. Здесь проводились собрания различных литературных объединений и групп, возникших в эти годы: «Литературный особняк», «Литературное звено», «Лирический круг», «Ассоциация пролетарских писателей», «Никитинские субботники» и другие.

Поэтическая жизнь была связана, главным образом, с Всероссийским союзом поэтов, созданным в 1918 году Василием Каменским, а затем возглавлявшимся Валерием Брюсовым. Среди поэтических направлений того времени влиятельную роль играл имажинизм, провозгласивший в качестве основного принципа поэзии – образ как таковой. Ядро этого течения составили В.Шершеневич, А.Мариенгоф, С.Есенин, А.Кусиков – поэты разные по своим теоретическим взглядам и поэтической практике. Большую деятельность развила группа конструктивистов, в которую входили И.Сельвинский, Я.Либер, К.Зелинский, Э.Багрицкий. Особое место среди литературных течений занимал ЛЕФ (Левый фронт искусства). Его возглавлял В.Маяковский, участвовали в нем Н.Асеев, С.Кирсанов и другие. Помимо названных были и другие поэтические группировки – центрофугисты, неоромантики, парнасцы, экспрессионисты, ничевоки, эклектики.

В ту пору книгопечатание было затруднено и широкое распространение получили выступления поэтов с эстрады в литературных кафе. Такими были кафе «Домино», принадлежавшее Всероссийскому союзу поэтов, и кафе «Стойло Пегаса», организованное имажинистами. Кафе «Домино» находилось в небольшом двухэтажном доме в начале Тверской улицы, на правой стороне. В кафе имелся большой зал, где поэты читали свои стихи. Вдоль одной стены стояли столики, все остальное пространство было заставлено стульями для слушателей. На стенах висели картины абстрактной живописи, некоторые из них принадлежали кисти Давида Бурлюка. За аркой левой стены находился еще один зал, где можно было выпить стакан чая с повидлом и с пирожными на сахарине или чашку кофе. Обладатели многомиллионных состояний в обесцененных керенках и совзнаках (нэпманы и дельцы) могли тут сытно пообедать. Устраивавшиеся в кафе вечера посвящались тому или иному поэту или группе поэтов. Здесь выступали М.Цветаева, В.Маяковский, С.Спасский, Н.Асеев и много поэтической молодежи. Происходили вечера имажинистов, неоромантиков, конструктивистов и других поэтических школ. Шли оживленные обсуждения прочитанного, иногда кончавшиеся бурными спорами и даже ссорами.

Мне рассказывали, что в кафе как-то забрел незнакомец в длиннополом пальто, покрытом дорожной пылью, и попросил его накормить, заявив, что денег у него нет. Когда буфетчик сказал, что здесь бесплатно кормят только поэтов, выступающих с чтением стихов, незнакомец сказал, что он тоже поэт и может прочесть стихи, но сначала просит его накормить. Этим незнакомцем оказался знаменитый Велимир Хлебников, друг и учитель В.Маяковского, родоначальник русского футуризма.

С началом НЭПа стали открываться книжные лавки, принадлежавшие различным литературным объединениям и группам. Новых изданий еще было мало и книжные лавки занимались куплей и продажей старых книг. Постепенно начали появляться и новые книги. Поначалу это были рукописные сборники стихов, написанные собственноручно их авторами, или напечатанные на пишущей машинке. Продавали их в книжных лавках сами писатели – в лавке на Арбате В.Брюсов и Б.Пастернак, в лавке «Содружество писателей» – литературный критик Ю.Айхенвальд, писатель В.Лидин, в лавке «Звено» – писатель Н.Ашукин. В книжной лавке имажинистов, находившейся в Камергерском переулке, напротив здания МХАТ, за прилавками стояли С.Есенин, А.Мариенгоф, В.Шершеневич. Продавая свои небольшие сборники стихов, написанные на толстых листах коричневой оберточной бумаги, они делали памятные надписи на титульном листе и оставляли свои автографы.

Центром всевозможных дискуссий являлся Большой зал Политехнического музея. Здесь обсуждались наиболее злободневные вопросы того времени, происходили диспуты между Луначарским и митрополитом Введенским на тему «Есть ли бог и кто создал первого человека» и т.д. Они собирали большую и беспокойную аудиторию. Особенно привлекали выступления В.Маяковского. На его вечера приходили не только, чтобы послушать его стихи, но и для того, чтобы развлечься на литературных скандалах. На такие вечера обычно набивалось народу больше, чем когда бы то ни было. Стояли у стен, в проходах, сидели на ступеньках амфитеатра, на полу перед эстрадой. Не все желающие попадали на такие вечера. Много молодежи в шинелях и красноармейских шлемах толпились на площади у здания Политехнического музея и всяческими способами пытались проникнуть в него. Конная милиция отгоняла их, но они вновь и вновь пытались прорвать милицейскую цепь и проникать в зал.

Здесь в январе-марте 1922 года в течение нескольких вечеров Маяковский проводил «чистку поэтов». В афишах было указано, что «чиститься» будут поэты, поэтессы и поэтески с фамилиями по буквам от «А» до «К», а в дальнейшем с фамилиями, начинающимися на последующие буквы алфавита. Поэты, поэтессы и поэтески предупреждались, что неявка не освобождает их от прохождения «чистки». Те, кто не явится, будут «чиститься» заочно.

Когда на эстраде появился Маяковский, зал замер. Одной из первых, с которой началась «чистка», была Анна Ахматова. Маяковский привел цитаты из её стихотворений, высказал несколько острот по поводу них и предложил на три года запретить писать стихи, «пока не исправится». По условиям «чистки» предложение было поставлено на голосование присутствующей публики, и большинство простым поднятием рук приняло его. Затем Маяковский перешел к другим поэтам. Он ядовито и остроумно высмеивал их в большинстве плохие стихи и присуждал, с одобрения присутствующих, к воздержанию от писания стихов на определенный срок или давал время на исправление.

В осенние месяцы 1921 года литературная Москва тяжело переживала почти одновременную смерть двух выдающихся русских поэтов А.Блока и Н.Гумилева, погибших в августе 1921 года в расцвете творческих сил: Блоку едва минуло 40 лет, а Гумилев, расстрелянный по обвинению в участии в заговоре против советской власти, был еще моложе (37 лет). В Союзе поэтов и в различных литературных объединениях шли вечера, посвященные их памяти. В «Никитинских субботниках» было проведено заседание, посвященное памяти Блока. В «Литературном особняке» были прочитаны доклады о Гумилеве и воспоминания о нем поэтессы Ольги Мочаловой. В Союзе писателей критик Айхенвальд прочел доклад о Гумилеве и Анне Ахматовой. Рассказывали, что когда Айхенвальд услышал о расстреле Гумилева, он сказал: «Я думал, что русским Андре Шенье³ будет Блок, а оказалось, что вот кто настоящий Андре Шенье!». Вячеслав Полонский, известный критик и публицист, в то время редактор первого советского журнала критики и библиографии «Печать и революция», на предложение поэта Сергея Боброва написать некролог о Гумилеве воскликнул: «Об этом мерзавце не стоит и говорить».

Я так подробно описываю кипучую литературную жизнь Москвы двадцатых годов, особенно поразившую нас после тихого Киева, потому что в первые же месяцы проживания в Москве мы с Надинькой полностью влились в её русло. Этому способствовало также и наше вступление во Всероссийский Союз поэтов. Правление Союза находилось в помещении литературного кафе «Домино». Его возглавлял В.Брюсов, а заместителем и практическим руководителем был Иван Александрович Аксенов, рыжебородый человек невысокого роста, известный переводами Шекспира, впоследствии соратник В.Мейерхольда и теоретик мейерхольдовской биомеханики. Списки желающих вступить в Союз поэтов составлялись Аксеновым, а прием новых членов происходил на заседании Правления Союза.

В назначенный день мы пришли на его заседание. Кроме нас были еще два претендента – И.Сельвинский и А.Жаров. Председательствовавший Брюсов, открыл заседание и первой дал слово для прочтения стихов Надиньке, как женщине. Не проявляя внешне признаков волнения, она встала и прочла три своих стихотворения. Привожу здесь одно из них, написанное в мае 1921 года и опубликованное впоследствии во втором сборнике «Новые стихи», изданном в 1927 году Всероссийским Союзом поэтов:

В те дни, когда не знал обычай
Влюбленных мыслей словаря,
Бывала женщина добычей
На поединке дикарям.

---

³ Андре Шенье (1762-1794), французский поэт и публицист периода революции 1789-1794 гг., противник диктатуры якобинцев, был казнен по обвинению в монархическом заговоре.

Следя за взглядом и за взмахом,
Укрывшись в темную листву,
Она без жалости и страха
Ждала сильнейшего из двух.

И эта память дикой воли
Во мне жива, жива, жива,
Я повторяю поневоле
С другими нежные слова.
Но в час, когда мы пьяны оба
И время стелется, как дым,
Хочу не нежности, а злобы,
Не поцелуев, а вражды.

И вижу в сумраке столетий
Нездешний берег и песок,
И тело гибкое, как ветер,
И окровавленный висок.

Вступление в Союз раскрыло перед нами двери литературных объединений и кружков. Мы почти ежедневно посещали кафе «Домино», где познакомились с известными поэтами и поэтической молодежью, из которой наиболее близкими стали нам М.Тарловский, Н.Минаев, Н.Кутушева, Л.Руставели. Здесь мы не только читали стихи, но и делились последними литературными новостями, иногда и сплетнями.

Посещали мы также «Стойло Пегаса», кафе имажинистов, находившееся на левой стороне Тверской улицы, напротив Елисеевского гастронома. Здесь мы неоднократно слушали стихи родоначальников имажинизма и имажинистской молодежи. Тут мы впервые увидели С.Есенина и услышали его голос. В один из вечеров он прочел написанную еще до Революции «Песню о собаке», в которой трогательно рассказал о переживаниях собаки, потерявшей «рыжих семерых щенят». Затем взволнованным голосом прочел «Песню о хлебе» - о том, как «режет серп тяжелые колосья, как под горло режут лебедей», о том, как «на телегах, как на катафалках, их везут в могильный склеп – овин» и, наконец, как

«потом их бережно, без злости,
Головами стелят по земле
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телец...
Никому и в голову не станет,
Что солома – это та же плоть,
Людоедке-мельнице зубами
В рот суют те кости обмолоть...»

Совсем по иному, резко выкрикивая, Есенин прочел строки из «Москвы кабацкой»:

Мне осталась одна забава –
Пальцы в рот и веселый свист,
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист
.....
Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть!

Часто собирались молодые поэты у нас дома. Читали и обсуждали свои новые стихи, делились впечатлениями об интересных стихах и театральных постановках.

Среди посещавших нас литераторов был и Миша Глушков, наш близкий приятель по Киеву. Это был невысокого роста молодой человек, отличавшийся большим юмором, страстный игрок в карты. Его остроумие уже тогда приобрело ему славу, особенно как темиста: не проходило месяца, чтобы в сатирических журналах не появлялись карикатуры на подсказанные им темы. Свои остроты он раздавал направо и налево, за что впоследствии и поплатился. Говорят также, что именно он послужил прототипом для одного из персонажей «Двенадцати стульев» – Авессалома Владимировича Изнуренкова.

Что же касается его страсти к карточной игре, то он заболел ею еще будучи гимназистом, и, чтобы раздобыть деньги на игру, пускался порой на самые невероятные авантюры. В ту пору, о которой я рассказываю, он жил с матерью, вдовой, видимо, когда-то богатого человека. Однажды в их квартиру явился незнакомый пожилой человек и спросил, дома ли Миша. Несколько удивленная мать ответила, что нет, и поинтересовалась, зачем он ему нужен. И тут незнакомец рассказал, что полгода назад купил у Миши рояль, находящийся в этой квартире, и уплатил за него. По просьбе Миши он оставил рояль у него, а Миша обязался ежемесячно платить ему определенную сумму в виде арендной платы. Произошла задержка в оплате и это вызвало беспокойство нового хозяина.

Другой случай произошел несколько позже. В годы НЭПа в Москве было открыто казино, где шла азартная игра в карты. Миша регулярно в ней участвовал. Однажды, выиграв крупную сумму, он затем не только проиграл ее, но оказался в большом долгу перед партнерами. Расплатиться он не мог и предложил выигравшему ключ от своей комнаты со всем находившимся в ней имуществом. Сделка состоялась, и выигравший изъясил все имевшиеся в ней вещи, состоявшие, главным образом, из платьев жены, гостившей в это время в Киеве у родителей. Этот поступок напомнил мне Достоевского, который, будучи за границей, увлекался игрой в рулетку и, находясь в состоянии рулеточной лихорадки, закладывал буквально все, что мог, вплоть до обручального кольца и серег своей жены.

Однажды в середине ночи в нашей квартире раздался звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой бледное и взволнованное лицо Миши. Он шепотом произнес:

– Извините... Вы знаете, что я принципиально долги не отдаю, - и тут он улыбнулся и добавил, - кроме карточных. Но, само собой разумеется, что к вам это не относится. Не можете ли вы мне одолжить триста рублей? Мне это крайне необходимо и именно сейчас. Очень вас прошу.

Я понял, что он проиграл эту сумму и должен ее немедленно вернуть партнеру, и не мог ему отказать, хотя знал, что долг возвращен не будет. И действительно, после этого Миша часто бывал у нас, каждый раз приносил Надиньке коробки дорогих конфет и, вручая ей, говорил с улыбкой: «Это – проценты по долгу». Но долг он так и не вернул, хотя стоимость принесенных за это время шоколадных конфет давно превысила сумму долга.

Как я уже сказал, остроумие было профессией Миши. Он работал в журнале «Крокодил», давал темы для карикатур, сочинял подписи к рисункам. Например, к такому. В то время Нарком просвещения Луначарский очень увлекался балетом и балеринами. Это Миша отразил в предложенной им карикатуре, напечатанной затем в «Крокодиле». Карикатура состояла из двух рядов детских кубиков. На кубиках, находящихся в верхнем ряду, были нарисованы различные звери, а под ними стояла надпись «Наглядное пособие Наркомпроса». На точно таких же кубиках, находившихся в нижнем ряду, были изображены танцующие балерины, а под ними подпись «Ненаглядное пособие Наркомпроса».

Судьба его сложилась трагически. В конце тридцатых годов он был арестован за неосторожно сказанное слово и погиб.

В двадцатых годах мы с Надинькой посещали не только литературные кафе, но другие салоны, в которых бывали деятели искусства. Одним из таких являлась мастерская художника Пронина на Собачьей площадке, примыкавшей к арбатским переулкам (сейчас ее уже нет). Мастерская представляла собой длинную комнату, расположенную на последнем этаже дома, сплошь забитую неоконченными картинами, эскизами, тюбиками и банками с красками и другими принадлежностями живописца. К вечеру все это убиралось, комната полностью освобождалась от вещей и в ней устанавливались параллельно друг к другу два длинных стола, сложенные из досок, установленных на козлах.

Здесь собирались артисты, музыканты, писатели, художники и другие деятели искусств, постоянные члены этого клуба. Остальные посетители получали доступ сюда по их рекомендации. Обычно сюда приходили в одиннадцать-половине двенадцатого ночи, после окончания спектаклей и концертов. Каждый посетитель вносил определенную плату при входе. На столах, покрытых белым полотном, стояли блюда с различными пирогами – с мясом, капустой, грибами, вареньем. К столу подавался чай. Это было единственное угощение, которое предоставлял хозяин гостям. Все остальное посетители приносили с собой, каждый – один-два вида угощения, и в целом образовывался богатый набор,

содержавший вина, мясные и рыбные закуски, торты и фрукты (это было уже в период НЭПа). Посетители рассаживались за столами, куда выкладывалось и принесенное каждым из участников угощение.

Вечер начинался с ужина, во время которого произносились тосты, рассказывались интересные события, случившиеся в Москве, а также впечатления о новых театральных постановках, концертах, художественных выставках. Бывали и выступления артистов и музыкантов. Определенной программы таких выступлений не было, все зависело от состава присутствующих. Однажды во время нашего посещения выступил В. Качалов. Он прочел два стихотворения Есенина, одно из «Персидских мотивов» – «Шаганэ ты моя, Шаганэ», другое, ему посвященное, – «Собаке Качалова» Джиму, которого поэт просит нежно лизнуть за него руку той, что «всех безмолвней и грустней, за все, в чем был и не был виноват».

Очень интересно было выступление Сергея Львовича Толстого, сына великого писателя, и его дочери Татьяны Львовны. Она спела несколько романсов под аккомпанемент брата. Запомнилось выступление певца Доливо, блестящего исполнителя романсов Рахманинова, впоследствии профессора Московской Консерватории, доктора искусствоведения. Артисты Камерного театра показали несколько сцен из недавно поставленного остроумного и веселого спектакля «Жирофле Жирофля». Среди посетителей бывали и артисты цирка, которые демонстрировали свое искусство, жонглируя небольшими мячами и обручами.

Посетители чувствовали себя свободно, непринужденно и раскованно. В одном углу комнаты две-три пары танцевали танго под аккомпанемент собственного голоса, в другом ставили и разгадывали шарады. Расходились по домам нередко в четыре-пять утра, когда пустые московские улицы были окутаны легкой ночной дымкой и уже светало.

Два ограбления за одну неделю

В годы НЭПа мы жили в коммунальной квартире, ответственным съемщиком которой был человек, занимавшийся куплей-продажей ювелирных изделий. В один из майских вечеров раздался звонок, я открыл дверь и увидел несколько человек в масках с оружием в руках. Они согнали всех находившихся в квартире жильцов в столовую, обыскали каждого и, изъяв ценности, заставили лечь на пол лицом вниз. Один из грабителей в маске, с гранатой в руке, остался в столовой для наблюдения за нами, остальные разошлись по другим комнатам и стали искать в ящиках и шкафах спрятанные в них ценности. А когда кто-то звонил в дверь, грабители впускали всех проходящих, обыскивали их и укладывали на пол. Среди них была и Надинька, у которой сняли с шеи жемчужное ожерелье.

Вдруг находившийся в столовой грабитель заметил в ушах одной женщины серьги, не замеченные при обыске. Он наклонился и попытался их снять, но ему это сразу не удалось. И тогда другой вошедший в столовую грабитель крикнул ему: «Чего церемонишься, рви!». Но, к счастью, обошлось без этого, и женщина сама сняла серьги и

отдала их. Мы лежали неподвижно в абсолютной тишине и боялись поднять голову. Минут через десять послышался стук в кухонную дверь. Поначалу никто из бандитов не обратил на это внимания. И тогда один из лежавших на полу жильцов объяснил дежурившему при нас грабителю: «Это стучит соседка, ненормальная старуха. Она никогда и никуда из своей квартиры не выходит, только к нам за ключом от чердака. Она может догадаться о том, что здесь что-то происходит». Услышав это, бандит отворил дверь и втащил старуху на кухню. Но увидев людей в масках с оружием в руках, она подняла отчаянный крик. Мы услышали, как кто-то из бандитов заорал: «Ну чего ты ждешь, придуши ее!». Но крики становились все громче. «Старуха всегда оставляет открытой дверь своей квартиры, – опять подал голос лежавший на полу мужчина. – У нее взрослые сыновья... Они услышат крики, поймут в чем дело и сообщат в милицию...»

Через несколько минут до нас донесся стук и быстрые шаги по лестнице. Из распахнутой двери донеслось дуновение свежего воздуха. Мы осторожно подняли головы и увидели, что стороживший нас грабитель исчез. Тогда один из лежавших у окна схватил стоявший на нем примус, разбил стекло и стал кричать: «Грабят, грабят, на помощь!» А тем временем бандиты, пробежав по двору, сами кричали: «Горим! Пожар!»

Как потом стало известно, выбежав на Большую Дмитровку, часть из них направилась к Дому Союзов, а часть – в противоположную сторону. Так их в тот вечер и не поймали. Потом всех нас вызывали МУР и показывали фотографии с самыми разными бандитскими физиономиями. Но узнать среди них «наших» было невозможно, поскольку их лица все время были скрыты масками. А спустя некоторое время в «Вечерней Москве» появилось сообщение о суде над грабителями-убийцами. В числе многих совершенных ими грабежей был налет и на нашу квартиру.

Но пока шло ограбление, мы пережили страшные полчаса, хотя потери наши были не столь велики – жемчужное ожерелье у Надиньки и наручные часы у меня. В то же время лежавшие на столе деньги (полученная в тот день зарплата) остались нетронутыми – бандитов не интересовали совзнаки, обесценивавшиеся в ту пору по несколько раз в течение дня. Им нужны были настоящие ценности, и они нашли их у соседа-ювелира.

Как ни странно, но это ограбление неожиданно пошло нам на пользу. Сосед-ювелир, напуганный случившимся и желая сохранить уцелевшее золото и драгоценности, через несколько месяцев уехал за границу (в то время такие отъезды разрешались и быстро оформлялись). А его большая комната – столовая, в которой мы в тот день лежали на полу, – перешла в наше распоряжение. Мы ее перегородили, так что получилась двухкомнатная квартира, в которой мы и жили до момента моего ареста в декабре 1930 года.

Но после бегства бандитов наши злоключения на том не кончались. Спустя день Надинька должна была ехать в Киев к родителям. Время было беспокойное, на Украине орудовали банды. Нередко они останавливали поезда, проверяли документы, изымали у пассажиров

ценные вещи, сумки, чемоданы и сгружали их на подводы, стоявшие наготове за железнодорожной насыпью.

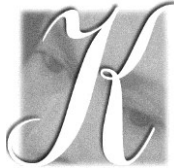
Готовясь к поездке, Надинька шутила, что по теории вероятности трудно допустить, чтобы один и тот же человек мог пережить за неделю два ограбления. И поэтому вряд ли можно ожидать нападения на поезд, в котором она должна была ехать. Но все оказалось не так. Через день после ее отъезда я получил телеграмму с какой-то маленькой станции на территории Украины. В ней были только два слова: «Все благополучно». Я понял, что телеграмма от Надиньки и что в пути ее постигла та же участь, что и в Москве за два дня до отъезда. В Москве она лишилась жемчужного ожерелья, в пути – всего, что везла с собой.

В начале двадцатых годов получившая независимость Литовская республика объявила, что все, родившиеся на ее территории до отделения от России, могут автоматически получить ее гражданство. Это заинтересовало моего отца. Он считал, что принятие литовского гражданства даст ему возможность уехать сначала в Литву, а оттуда в Палестину, и осуществить, таким образом, свою давнишнюю мечту. Как родившийся в Ковенской губернии, он оформил литовское гражданство. При этом по действовавшему в то время положению одновременно с ним гражданами Литвы становились и все дети, значащиеся у него в паспорте. Отец настаивал на том, чтобы вместе с ним уехали и трое его сыновей, проживавшие в Москве, включая меня, а также обе дочери. Братья и сестры приняли это предложение, но когда я рассказал об этом Надиньке, она категорически отказалась, заявив, что остается в Советской России и никуда из Москвы не поедет. Ее решение определило и мою судьбу...

Виктор Каган

Характер

Когда необходимо набросать беглый портрет человека, мы обычно говорим о поле, возрасте и характере – «девушка лет 20-ти, веселая и немного взбалмошная», «степенный, неторопливый мужчина 60-ти лет», «женщина бальзаковского возраста, постоянно готовая расплакаться», «юркий, пронырливый мужичок лет 30-ти», «темпераментный молодой человек»... Самого человека еще в глаза не видели, и вроде ничего толком не сказано, а первое представление уже есть.

Слова «темперамент» и «характер» часто используются так, будто они означают одно и то же. На самом деле за ними кроются разные смыслы.

Темперамент – в переводе с латинского это «соразмерность» – одно из самых старых психологических понятий. С ним человек появляется на свет. Первые упоминания о нем относятся еще к Древним Греции и Риму. Гиппократ говорил, что у людей есть четыре главных сока: кровь, лимфа, желтая и черная желчь, от соотношения которых зависят темперамент и состояние здоровья. Гален выделил девять темпераментов, но в обиход вошли только четыре: сангвинический, флегматический, холерический, меланхолический. И.П. Павлов, сохранив галеновские названия, наполнил их новым содержанием. Сопоставляя силу, подвижность и уравновешенность процессов возбуждения и торможения в нервной системе, он выделил четыре типа высшей нервной деятельности: 1) сильный, уравновешенный, подвижный (сангвинический), 2) сильный, уравновешенный, инертный (флегматический), 3) сильный, неуравновешенный (холерический), 4) слабый (меланхолический). В поведении они проявляются различиями активности (инертность, пассивность, спокойствие, инициативность, стремительность; темп, скорость, ритм, общее количество движений) и эмоциональности (впечатлительность, чувствительность, импульсивность). На такого рода признаках построены системы определения темперамента с самого раннего возраста, когда специально разработанные опросники заполняются родителями или постоянно наблюдающими малыша воспитателями. Казалось бы, это очень ненадежная система – там или не там поставит галочку захлопотавшаяся мать или озабоченный воспитатель? Но множество проверок показало

высокую надежность этих опросников и выявленный с их помощью тип темперамента сохраняется на протяжении всей жизни.

Если попытаться кратко определить, что такое темперамент, то это врожденный *тип реагирования* нервной системы на *раздражители* – внешние (шум, свет, холод или жар и т.д.) или внутренние (голод, боль и др.).

Характер же – это *индивидуальный почерк поведения*, которое вовсе не исчерпывается только реакциями на что-то. Он формируется на основе темперамента, но не сводится к нему. Наблюдение за поведением ребенка 8-9-ти месяцев от роду позволяет с очень высокой точностью описать его будущий характер. В ходе жизни одни черты характера обминаются, притираются, другие, наоборот, заостряются, но в целом характер штука очень устойчивая.

Черты характера не подобраны по росту, как солдаты королевской гвардии. Какие-то из них выражены ярче других или отчетливее проявляются в ситуациях напряжения, стресса, заинтересованности: музыка поведения от этого не нарушается. Тогда говорят о характере акцентуированном – это не диагноз, а лишь признание того, что в характере есть достаточно выраженные ведущие черты. По А.Е. Личко, «акцентуации характера – это крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей, даже повышенной устойчивости к другим».

Но порой какая-то черта (или группа черт) характера выражена настолько сильно, что начинает заглушать все остальные, управляя поведением. Раньше это называли «психопатией», теперь – «расстройством личности». Точнее всего ее определяли старые врачи. Психопат, говорили они, это человек, трудный для себя и/или окружающих, поскольку его реакции не соразмерны по силе и продолжительности вызвавшим их событиям. Чтобы говорить о психопатии, требуется наличие одновременно трех признаков: 1) тотальность – свойства характера проявляются во всем поведении и всех ситуациях; 2) стабильность – психопатия никогда не начинается, с ней рождаются и заявляет она о себе уже в самом раннем возрасте, другое дело – распознается ли это окружающими; 3) дезадаптация – проявляется в разных сферах жизни; можно допустить, что психопат с садистическими чертами вполне найдет себя в роли пыточных дел мастера, но его отношения с коллегами по цеху, в семье, с другими людьми всегда будут так или иначе страдать.

Говорят о нормальном характере. Но и он определяется не только наличием, а выраженностью черт и их сыгранностью в оркестре характера. Я бы скорее говорил о гармоничности характера, чем о его нормальности или ненормальности. Из представлений о норме не стоит делать культа. Часто в ответ на вопрос: «Что вас беспокоит в вашем характере?» слышишь: «Беспокоить-то не беспокоит. Но ведь это ненормально!» То есть человек чувствует себя в жизни, как в строю, – «стоять по росту и видеть грудь четвертого, не высываясь и не западая».

И тогда кто-то нам или мы кому-то со стальной ласковостью конвоира разясняем: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». В каких-то специфических ситуациях в этом, наверное, есть резон. Но возведи мы такой лагерно-строевой устав характера в правило – любовь потеряет право сводить нас с ума, Коперники и Галилеи будут просиживать штаны в НИИ и писать ежегодные отчеты о вращении Солнца вокруг Земли, а Спартаки с безграничной любовью к своему господину отправятся на мечи друг друга и на рога быков.

Совсем еще зеленым врачонком в Алма-Ате у букиниста натолкнулся на несколько редких книг со штампиком хозяина – Иосифа Лазаревича Стычинского (1896-1969). С молодой наглостью и желанием книгами разжиться нашел адрес и напросился в гости. Патриарх. Одышка. Манишка из трех подбородков. Живые глаза. Яркий собеседник. При разгроме педологии в начале 1930-ых его выслали в Алма-Ату, где он организовал кафедру психологии в педагогическом институте и заведовал ею до ухода на пенсию. После нескольких часов вижу, что он устал, и книг купленных у меня уже изрядная стопка, и уходить пора. Не без робости задаю один из главных моих вопросов – о диагностике характера (тесты меня тогда очень интересовали). И.Л. поводит рукой вдоль стен – на нижних полках стеллажей папки, папки, папки: «Здесь протоколы исследований. Хотите – забирайте. Но я вам вот что скажу: рассыпьте коробок спичек и попросите человека их собрать – если умеете видеть, много о нем узнаете. А не умеете – и тесты не помогут». Много лет спустя нашел ту же мысль у Владимира Набокова: посмотрите, как человек набирает номер телефона – это расскажет о его характере не меньше, чем содержание разговора.

Э. Кречмер в своей знаменитой книге «Строение тела и характер», опубликованной в 1921 г., связал характер с конституцией. Он обследовал около 200 душевнобольных, сопоставляя их душевные расстройства с физической конституцией и характером и на этом основании заключил, что разница между болезнью и здоровьем прежде всего количественна (количество переходит в качество) – те же черты, что у больных, есть у здоровых, но выражены не так ярко. В самом общем виде можно выделить три типа телосложения – астеническое, пикническое и атлетическое (вижу их в геометрических образах вытянутого по вертикали узкого прямоугольника, круга и квадрата); если сравнивать с литературными героями – Дон Кихот и Печорин, Санчо Панса и Гаргантюа, Собакевич и Иудушка Головлевы. Для самодиагностики можно посмотреть на образуемый нижними краями ребер угол: острый у астеников, прямой у пикников и тупой у атлетов). С ними связаны характерологические круги с нормой на одном и вероятными заблуждениями на другом полюсе.

Другими словами, конституциональные особенности могут быть представлены с разной силой в здоровье, психопатии и болезни. Соответственно этому говорят о шизоидном круге (шизотимия как норма – шизоидия как расстройство характера с замкнутостью, рассудочностью, эмоциональной холодностью, потаенным и богатым внутренним миром – шизофрения), циклоидном (циклотимия как норма со склонностью к

колебаниям настроения – циклоидия как расстройство характера с волнами подъемов и спадов настроения – маниакально-депрессивный психоз) и эпилептоидном (эпитимия с присущими ей аккуратностью, педантичностью, некоторой занудинкой и внезапными сменами аффекта – эпилептоидия, при которой те же черты усиливаются, отчетливо осложняя жизнь – эпилепсия с так наз. эпилептической психикой).

Если вспомнить определение Рудольфа Вирхова: «Болезнь есть стесненная в своей свободе жизнь», выведение представления о характере из болезней с их уменьшением степеней свободы может показаться натяжкой. Но подходу Кречмера трудно отказать в известной справедливости. Один из старых психиатров описывал человечество примерно так. Люди шизоидного круга делают все принципиально новые открытия, совершают прорывы в науке. Люди циклоидного круга проталкивают их в жизнь на подъеме настроения и мучаются совестью за последствия – на спаде. Люди эпилептоидного круга берут на себя подробную и детальную разработку и доводку открытий. Сегодня А.П. Егидес пишет: «...паранойяльный становится руководителем, подбирающим группу для осуществления какой-то цели. Эпилептоиды, его помощники, организуют микрогруппы для разработки отдельных узлов проблемы. Шизоиды должны располагать собой, свободно перемещаться и генерировать идеи. Если им платить и слегка направлять к цели, они будут заниматься этим повсюду, доказывая известный тезис, что, если физик идет на рыбалку, значит, это нужно для физики. Эпилептоид, хорошо организованный и хорошо организующий дело человек, востребует нужных шизоидов как источник новых идей. Другие эпилептоиды и психастеноиды проверяют их гипотезы, отделив фантастические от реалистических. Проверяют сначала теоретически, просто обмозговав все «за» и «против», затем в эксперименте и делают модель, а потом и собственно машину. Гипертимные, сензитивные, психастеноидные и шизоидные лаборанты будут выполнять техническую работу. Истероиды будут петь, танцевать и веселить весь научный коллектив. Гипертимы будут всех развлекать выпивкой и перехваченными в электричке сексуальными анекдотами».

Правда, истероиды на самом деле сложнее. Они яркие, демонстративны, артистичны, умеют произвести впечатление, интуитивны. Все эти замечательные качества, служат, прежде всего привлечению внимания. Для людей этого типа внимание – воздух, без которого они начинают задыхаться. Внешне, поведенчески чувственные, они часто в отношениях поверхностны и холодны, поскольку умеют скорее брать, чем давать. И раскладывающая поклонников штабелями вокруг себя яркая женщина, в дальнейшем часто не нуждается и может быть сексуально холоднее лягушки. Они не столько стремятся к собственности власти, сколько завоевывают и боятся утратить внимание к себе – отсюда политика «разделяй и властвуй» в отношениях. В пору работы с детьми меня удивляло, как маленький ребенок с таким характером умеет развести и построить всю семью вокруг себя. В литературе это Хлестаков, Грушницкий. Яркий пример из жизни – Мэри Бейкер Эдди, история жизни которой прекрасно описана С.Цвейгом.

Легкая истеричка может даже украшать человека, но – как острые пряности – чуть переложено и...

Широко используемый опросник Гарри Айзенка позволяет определить характер как разные сочетания «экстраверсии (обращенности к внешнему миру) – интроверсии (обращенности внутрь себя)» и «нейротизма (эмоциональной неустойчивости) – стабильности».

Сангвиник

Активность, возбудимость, общительность, выразительные мимика и пантомимика. Легкие откликаемость и включаемость. Хорошие сосредоточение внимания и работоспособность – преимущественно в том, что так или иначе интересно. Быстрота ума, находчивость. Подвижность интересов и чувств. Хорошая адаптивность. Азартность, склонность к риску. Неплохие лидерские качества. Проблемы и переживания других воспринимаются не всегда.

Холерик

Живчик. Эмоционален, легко возникают ситуативные беспокойство и тревога. Быстр, порывист, несдержан, нетерпелив, обид не держит – что называется, вспылыв, но отходчив. Общительный, сопереживающий, сочувствующий, открытый. Быстрая переключаемость, часто оборачивающаяся снижением внимательности и организованности. Планирование действий больше ситуативное и тактическое, чем стратегическое. Трудности в определении приоритетов.

Флегматик

Медленный, невозмутимый, проявление эмоций приглушено, речь, мимика и пантомимика замедлены и маловыразительны. При этом достаточно энергичен, терпелив, выдержан. Медленное сосредоточение и трудное переключение внимания. Человек привычек, сложно приспосабливается к новому. Медленный темп движений и речи, ненаходчив. Требуется изрядное время на сосредоточение внимания. Предпочитает привычный круг общения и трудно сходится с новыми людьми.

Меланхолик

Всегда с налетом подавленности и тревожности, заторможенности. Мимика, реакции – все как бы на убавленных громкости и яркости. Чувствительные до слез. Мнительные, ранимые. Не слишком активны, нерешительны, фиксируются на своих ошибках и неудачах, не уверены в себе, не настойчивы, легко опускают руки, утомляемы. Невысокая работоспособность.

Внутри себя эти типы, как и кречмеровские, достаточно разнообразны. Кандинский, Филонов, Пикассо, Дали в живописи или Хлебников, Крученых, Хармс в поэзии – люди ярко шизоидные, но как же сами они и их творчество различны. К тому же, обычно мы имеем дело не с чистыми типами, а с характерологической мозаикой, многообразие типов которой пытается ухватить множество других классификаций характера.

Когда я только начинал работать, мне казалось, что, определив характер человека, я буду знать о нем все и смогу раскладывать людей по десятку-другому полочек. Потом это прошло. Возьмем один из распространенных тестов характера – опросник Кеттелла. Он выделяет 16 черт характера. Каждая из черт может быть выражена более или менее. Сколько вариантов перестановок возможно? Перемножив только факторы – 16, получаем 3 000 000 000 000. Это в 60 раз больше сегодняшнего населения Земли. Но одни черты характера во взаимодействии с жизнью чуть приглушаются, другие, наоборот, проявляются сильнее. Если ограничиться только воспитанием в семье и принять, что есть 4 его типа, а воспитание каждого ребенка представлено тем или иным их сочетанием, то по той же формуле получаем 24 варианта. Тогда итоговое число – при очень большом упрощении – оказывается 72 000 000 000 000, то есть в 1440 раз больше, чем людей на Земле. Вероятность встретить свою точную характерологическую копию составляет, таким образом, ничтожную величину 0,0000000000000139 %. Куда как легче выиграть несколько десятков миллионов в лотерею... (надеюсь, что не наделал ошибок в этих несложных расчетах...)

Ни разу в жизни не встречал человека, которому не было бы интересно узнать что-то о своем характере. Никто не знает нас лучше нас самих, но разобраться в этом знании частенько бывает так сложно, что даже самым глупым тестам люди склонны доверять больше, чем самим себе. Попытки определить свой характер могут быть вполне интересной игрой. Сегодня есть не только множество книг с тестами такого рода, но и возможность протестироваться в Интернете. Играйте на здоровье, но не заигрывайтесь и не забывайте, что у этой игры есть свои правила. В частности, имеет смысл быть осторожными с самодеятельностью самодиагностики по профессиональным тестам (к сожалению, вопреки всем правилам многие из них существуют в открытом доступе). Они требуют вполне определенных умений и техник интерпретации, не обладая которыми, легко оказаться в роли героя Дж.К. Джерома, севшего за медицинскую энциклопедию и нашедшего у себя все болезни кроме родильной горячки и воспаления коленной чашечки.

Прежде всего – зачем, для чего вам это? Просто так? Но «просто так» – ни с того, ни с сего – не бывает. Все-таки трата времени на заполнение теста должна быть чем-то продиктована – интересом к себе, каким-то своим состояниям, поворотам жизни, переживаниям. К каким именно? Что подталкивает меня именно сейчас вдруг взяться за это? Все мы несем в себе маленькие, не известные нам самим тайны. Иногда они вполне безобидны, а иногда заряжены болью, которая может вспыхнуть при выполнении теста.

Тест – не линейка, годная для измерения всего и у всех. Простой вопрос: «Любите ли вы помидоры?» «Обожаю» – выдохнет удачливый огородник, «Терпеть не могу» – дружно ответят человек с подагрой и тот, кто недавно попался на краже томатов, «Кушать люблю, а так нет» – сообщит персонаж анекдота.

Метрической системою владея,
Удобно шею или брюхо мерять.
Душевным меркам невозможно верить.
Портновская идея.

Борис Слуцкий

Нередко люди пытаются «переиграть» тест. Можно так ответить на вопросы теста на вспыльчивость, что окажется, что вы тише воды и ниже травы, а порадовавшись такому замечательному результату, закатить грандиозный скандал домашним за не выключенный в ванной свет. Но, отвечая на вопросы теста открыто и искренне, можно получить довольно интересный материал для размышлений о себе любимом (или ненавидимом).

Серьезные профессиональные тесты, требующие соблюдения особых условий их проведения, знаний и навыков интерпретации результатов, для развлечений типа «Проверь себя» не используются. Наспех составленными опросниками можно позабавиться, но особенно доверять результатам не стоит (знаю, о чем говорю, – сам сочинял такие игрушки).

Главное, чего следует остерегаться, – это попыток разделить черты характера на хорошие и плохие. Во-первых, таковых просто нет. Во-вторых, нахождение «хороших» черт не делает нас лучше, а нахождение «плохих» хуже: мы такие, какие есть. В-третьих, как я уже говорил, мы можем вольно или невольно передергивать карты в ходе выполнения теста. В-четвертых, восприняв «плохое» со звериной серьезностью, можно начать такую войну против себя самих, что никакие миротворческие силы ООН не помогут.

Дело не в чертах, а в том, находят ли они и как находят место в жизни. Вот этот шкет с вечным гвоздем в известном месте – от него стонут учителя, перешли на аспириную диету родители и катаются со смеха товарищи – не новый ли это Райкин или Полунин? А этот – такой маленький, а уже занудливый умник, не вылезающий из книг, не слышащий никого и ничего вокруг, не знающий радостей детских игр, затюканный сверстниками и затасканный по психиатрам – не он ли годы

спустя расшифрует на изъеденном временем камне надписи, которые тысячи взрослых, как ни бились, расшифровать не могли?

В свое время в одном из ленинградских институтов, где готовились будущие строители дорог и мостов, ходили легенды о человеке, которого называли Дедом. Он приезжал на распределение из Средней Азии набирать специалистов. Отличники его не интересовали: «Это вам для аспирантуры и протирания штанов». Он смотрел личные дела. Этот схватил трояк и четырежды пересдавал экзамен, пока не получил желанную «пятерку» – «У меня есть место для этого упорного вола». Этот к концу зачетной сессии подошел без единого зачета, а к середине экзаменационной уже опередил всех, сдав и зачеты и экзамены, – «Для этого авральщика у меня есть отличная работа». Деда любили и приезжали из среднеазиатского пекла счастливыми.

То в характере, что мы знаем и принимаем, доступно нашему контролю и управлению, а то, что остается неизвестным или отвергается, – управляет нами. В конце концов, звуки одних струн моего характера нравятся мне больше, других – меньше, но дело в том, как и что я на них играю. Рвущийся в торговые агенты меланхолик, стремящийся в бухгалтеры холерик, мечтающий стать популярным ведущим ток-шоу флегматик – примеры неумения пользоваться своим характером так, чтобы быть успешным и получать максимум удовлетворения от работы и жизни. И вместо того, чтобы «ровнять» характер своего ребенка, может быть, лучше подумать, какая работа, какие занятия ему по характеру, а какие нет.

Трудно ли с людьми, характеры которых уж очень бугристы? Да, безусловно. Но, замечу, им и самим трудно. Как мало кто другой это чувствовал и понимал Ф.М. Достоевский, выписывая характеры Раскольников, Мышкина, Карамазовых, Смердякова, Сонечки Мармеладовой... и принимая их такими, какие они есть. Оно конечно, принимать характеры литературных героев легче, чем характеры окружающих людей и свой собственный. И все-таки другого выхода нет, хотя бы уже потому, что принять значит понять. Если мы знаем, что в ответ на крик человек заводится с пол-оборота, то, может быть, лучше попробовать говорить с ним, не повышая голоса, чем кричать: «А ты не ори!»? Я вовсе не имею в виду, что все вокруг должны приносить себя в жертву такому бугристому человеку, становясь для него психотерапевтами или окружая его всепрощающим сюсюканьем. Это попросту невозможно, да и сам он скорее всего рванет рубаху на груди, мол, мы – психопаты, а «ты, пионер, не спи, глаз не закрывай, ты меня воспитывай!». Но не слишком часто друзья и соратники становятся злейшими врагами, не различая близости за частоколом черт характеров друг друга.

Многие люди ужасно недовольны характером (реже – своим, чаще – чьим-то) и пытаются наращивать «хорошие» черты и выжигать каленым железом «плохие», причем иной раз так усердно, что, кажется, сейчас паленой человечиною запахнет. Если с вами такое случается, возьмите лист бумаги, разделите его пополам и напишите слева, какие черты вашего характера вам нравятся, а справа – какие не нравятся. Не

спешите – для себя же делаете. А когда наберется хотя бы штук по десять с каждой стороны, посмотрите, что получилось. Много интересного можно для себя открыть.

Даже если вам не нравится какая-то черта характера другого человека, не спешите настаивать: «Если я тебя придумал(-а), стань таким(-ой), как я хочу». Ничего из этого не получается, кроме конфликтов и душевного раздора. Характер – это ансамбль черт, и важно, как он играет, как звучит в целом. Иногда человек спасается бегством не потому, что трус, а потому, что практичен, а иногда лезет в драку не от храбрости, а по безрассудству. Наконец, даже если взять одно какое-то измерение характера, например «трусость – храбрость», то практически никогда нельзя сказать: «Или трус, или храбрец». Всегда приходится поискать место на шкале между этими полюсами. Потому что и то и другое – в наличии. В зависимости от ситуации человек может проявить одно или другое: зайчиха будет защищать зайчат, как львица, а цирковая львица – безропотно подчинится этому хилому дрессировщику, которого ей и на обед было бы маловато.

Я бы сравнил характер с арсеналом личности. И может быть, стоит начать с того, чтобы узнать и понять свой и ближайших людей характеры и поучиться использовать это знание? А то ведь недолго оказаться в роли обладателя фамильного столового серебра, владеющего им, как мартышка очками, рядом с соседом, который пластиковыми вилкой и ножом над бумажной тарелочкой орудует с изяществом аристократа в седьмом поколении.

На протяжении жизни характер заявляет о себе то больше, то меньше. Два пика привлекают внимание: заострение черт характера в старости и у подростков (подростковые акцентуации характера по А.Е.Личко). Иногда при этом требуется помощь психолога, но в общем приходится помнить, что это заострение в кризисные возраста выполняет адаптационные задачи, помогая освоиться в новой возрастной и социальной роли, так что сведение его на нет лечебной ретивостью может послужить далеко не лучшую службу.

В старой литературе было выражение «человек как носитель черт характера». Сегодня говорят о характере личности, имея в виду целостность человека, его принципиальную неделимость на отделенные от него черты и жизненную динамику, в которой встречаются и взаимно друг на друга влияют, с одной стороны, генетические и другие биологические факторы, а с другой – проживаемая человеком жизнь. Как говорил в несколько иной связи Симон Соловейчик, в человеке не столько-то процентов от генетики и столько-то от воспитания, а все сто процентов от генетики и все сто процентов от воспитания. В своем жизнетворчестве человек – являющийся орудием языка поэт, орудием которого является слово.

Случай из практики, хотя слово «случай» по отношению к человеку и не люблю.

Пожилая пара профессоров – им было под 60, оба интеллигенты в энном поколении, очень деликатные люди. Поглощенность университетской карьерой, потом выяснившаяся невозможность

забеременеть, короче, после долгих размышлений они решили усыновить ребенка, которому к моменту их обращения шел 16-й год. Они усыновили милого двухлетнего мальчугана, от которого, как им сказали, отказалась юная мать из «благополучной» семьи. Но чуть не в первый выход в песочницу он разметал детей вокруг себя и пошло-поехало... Родители старались, как могли: элитный детский сад, музыка и танцы плюс английский для детей в Доме Ученых, лучшие книги и т.д. и т.п. А он не просто оставался, но и становился по мере их усилий все более «диким волчонком» – умный и хорошо успевающий, во всем остальном он был бичом уже не знавших, что с ним делать, родителей и школы. Когда они обратились, он после многих побегов из дома уже третью неделю жил у товарища. Передо мной сидели два пожилых, бесконечно уставших и отчаявшихся кролика, пытающихся воспитывать молодого волка. Что делать – совершенно непонятно. Единственное светлое пятно в их рассказе – парень переживает несладкие отношения с ними, а, перебравшись к другу, позвонил, попросил не волноваться, так что они знают, где он. Все последовавшее собственно психотерапией назвать трудно. Было поддержано их постепенное вызревавшее принятие ситуации такой, какая она есть, без попыток вернуть его домой и «заботливых» звонков ему. Удалось установить телефонный контакт с парнем и время от времени он звонил мне, чтобы выговориться, что-то спросить или обсудить под мое исходное обещание, что все это исключительно между им и мной. Среди прозвучавшего: он любит родителей и благодарен им, но с ними и так, как они, жить не может, не умеет. Насколько мне известно, месяцев через шесть он все же вернулся и им удалось установить какие-то границы вмешательства в жизнь друг друга, оказавшиеся приемлемыми и для него, и для них.

Сегодня о характере говорят и пишут ошутимо меньше, чем совсем еще недавно. На первый план выходит не то, носителем каких черт является человек и как одни из них убрать, другие заменить, третьи подрихтовать, четвертые подкрасить отношения и возникающие в них эффекты типа зависимости, созависимости, манипулятивности и т.д. и т.п., связанные с жизненным развитием. Человек имеет право быть таким, какой он есть, и при этом реализовать себя по возможности наилучшим для него образом. Многообразие сталкивается с меньшим количеством ограничений и рамок, пакующих его в классификационные клетки и сковывающих личность ограничениями так наз. нормы. Сплошь и рядом не так важно, что за характер у человека, а то, как он им распоряжается. Но это предполагает обращение, скажем так, к своему характерологическому арсеналу и умению пользоваться тем или иным инструментом в нужное время и в нужном месте. Что, как известно, и есть одно из условий счастья.

Андрей Алексеев

Корни и ветви

(В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой:
«эстафета памяти» и два примера семейной хроники)
(окончание. Начало в №6/2013)

Глава 10. Отношения с отцом. Смерть отца

После смерти мамы возникла «имущественная» проблема. Она трактовалась – как мною, так и отцом – исключительно в моральном (а не в юридическом!) плане. Но остроты проблемы это не снижало.

Образовав свою семью, я давно уже жил на Поварском пер., однако оставался прописанным на пр. Обуховской обороны. Это устраивало как меня, так и отца, и тут проблем не было.

Когда мама умерла, я забрал из квартиры на пр. Обуховской обороны все ее личные вещи, немногие Пузановские реликвии, разумеется, все бумаги и практически все книги, которыми отец мало интересовался. По желанию отца, у него осталась («пока») только Большая советская энциклопедия.

Мне казалось, что отец не имеет морального права оставлять у себя что-либо, что было дорого маме. Ведь у него еще при ее жизни была другая женщина, фактически – другая семья.

Я был настолько «последователен» в стремлении разделить «его» и «ее», что, обнаружив среди маминых бумаг перевязанную пачку отцовых писем к ней еще 30-х гг., специально привез и отдал ему. (Сейчас очень жалею об этом; да и не прав я был по существу: отправленные письма принадлежат уже адресату, а не пишущему их).

А вот как быть с автомобилем? Отвлекаясь от материальной ценности, это была «мамина вещь» и – как бы «часть ее души».

Отец повел себя жестко: ты, что ли на нее заработал? Вот есть у тебя доверенность от матери до конца года, хочешь – поезжай на юг, и попрощайся с машиной.

Родственники (особенно тетя Маруся) считали, что «Победа» должна остаться мне. (В юридические тонкости тогда никто не вникал, но сейчас я понимаю, что в таких случаях тот, кто забирает неделимую вещь себе, должен выплатить другому наследнику денежную компенсацию его доли).

Кончилось дело тем, что мы с моей женой Еленой Ивановной, оставив маленькую Олю у бабушки в дер. Стрелка, совершили «памятное» автомобильное путешествие на Кавказ. А вернувшись, я поставил машину в гараж, «в сердцах» включив сигнализацию (как отключать которую отец, кажется, не знал).

После этого мы с отцом не встречались лет пять.

Общей оставалась только «прописка» в 2-х комнатной квартире на пр. Обуховской обороны (что, до поры до времени, ни для него, ни для меня не имело значения).

Не знаю, когда именно, но думаю, что достаточно скоро, к отцу переехала жить Лидия Михайловна (я знал фамилию, но забыл). [**Кажется, Даревская. – А. А. Март 2007**]. Однако формально брак между отцом и ею не регистрировался.

Позднее я узнал, что старенькая, но надежная, и послушная маме и мне «Победа» как бы не пожелала подчиняться отцу. Отец (после смерти матери) все же научился водить машину, получил права. Но однажды не справился с управлением (ему было уже за 60) и машина перевернулась.

Его фактическая жена Лидия Михайловна, бывшая пассажиром, получила перелом позвоночника. Но, по счастью, поправилась после этой тяжелой травмы, без всяких последствий.

***

Мы вновь встретились с отцом несколько лет спустя, когда к этому вынудили обстоятельства. Во второй половине 1960-х гг. распался мой брак с Еленой Ивановной Алексеевой (моей дочери было тогда лет 7-8).

Опуская здесь перипетии своей собственной семейной жизни, скажу, что по тогдашним правилам я не мог прописаться к своей новой супруге (Нелли Алексеевне Крюковой), не «ухудшая» при этом свое жилищное положение: ведь я как бы «имел» целую комнату в 2-х комнатной квартире, где мы были прописаны только вдвоем с отцом (а фактически там жили отец с моей «мачехой»).

Отца очень встревожила моя вынужденная «угроза» его семейному благополучию. Кажется даже, он почувствовал себя плохо после этой встречи.

Впрочем, я вовсе не собирался ухудшать его жилищные условия, вынуждать к размену и т. п. Мне важно было лишь иметь право на законную «перепрописку» к супруге (Нелли Алексеевне Крюковой).

А для этого достаточно было отцу зарегистрировать свой брак с Лидией Михайловной и прописать ее к себе (чего до тех пор почему-то не произошло).

Я к тому времени уже успел закончить аспирантуру на факультете журналистики ЛГУ, работал младшим научным сотрудником в Ленинградских секторах Института философии Академии наук.

[**Детали собственной биографии после смерти матери в 1963 г. здесь не излагаются, как не имеющие прямого отношения к жизни родителей. – А. А.**]

Мой отъезд на работу в Новосибирск в 1969 г. (фактически – двухлетняя командировка в новосибирский академгородок, с бронированием жилплощади), причем отъезд в одиночку (жена Нелли Алексеевна оставалась в Ленинграде) был отчасти – хотя, разумеется, не исключительно! – стимулирован тем, что жить негде.

По возвращении из Новосибирска (в 1970 г.) вопрос с моей «перепропиской» встал с новой остротой. Мы с супругой (Нелли Алексеевной) снимали комнату на ул. Седова, неподалеку от дома отца. Постепенно у нас с отцом возобновились и наладились родственные отношения.

Я побывал у отца, познакомился с Лидией Михайловной. Отношения были «светские», но вполне дружелюбные (с обеих сторон).

Главное же, отец с Лидией Михайловной (уже будучи пенсионерами) зарегистрировали брак (мое «давление» объективно этому способствовало). Тогда я смог, наконец, выписаться из родительской квартиры, прописаться к жене (Нелли Алексеевне) в комнату в коммунальной квартире на ул. Кирилловской (в районе Смольного), где была прописана также ее мать Лукерья Матвеевна Мовчан. Потом туда удалось еще прописать сына Нелли Алексеевны (от первого брака) Алексея Борисовича Крюкова.

В итоге, моя новая семья встала на городскую жилищную очередь и уже в 1973 г. сумела решить свой жилищный вопрос. Мы вчетвером получили 3-х комнатную квартиру в доме новой постройки на ул. Наличной (д. 40, корп. 1) на острове Декабристов.

Что было в моей жизни дальше, моя научная карьера, в качестве социолога и т. д. – уже выходит за рамки этой хроники.

[11.07.97. Как мне уже приходилось заявлять, этот рассказ – не о себе, а о моих родителях; семейная хроника, но **не** история моей жизни. Во-первых, все последующее разворачивалось уже на памяти моей дочери. Ну, а во-вторых, развитие наметившихся здесь «сюжетных линий» можно найти в других источниках, хотя бы в прилагаемых записках моей жены Зинаиды Глебовны Вахарловской или в моей «Драматической социологии»].

***

Как уже сообщалось, с 1960-х гг. и до выхода на пенсию (примерно в 1970 г.) отец работал главным технологом завода им. Ворошилова (ныне – завод «Звезда»). Выйдя на пенсию, он стал председателем (или чем-то вроде) кооператива индивидуальных гаражевладельцев (форма его общественной активности в то время).

Отец был крепок физически и уже в преклонном возрасте пристрастился кататься на коньках (на стадионе, возле дома). Научился водить машину. Однако его подстерегал рак.

Была операция, с благополучным, как казалось, исходом. Отец, похоже, не знал, что ему вырезали злокачественную опухоль. Знала – его жена Лидия Михайловна, а также ее родственники. Однако мне об этом почему-то не говорили.

Болезнь прогрессировала. Отец очень исхудал. Лидия Михайловна и ее сын с невесткой ухаживали за ним. Я навещал отца, но,

признаться, не часто (не предполагая, что ему отмерены месяцы, если не дни).

Известие о смерти отца, последовавшей 17 декабря 1974 г., в возрасте 70 лет, застало меня в командировке, в Москве.

Я успел на похороны. Отца хоронил завод. Гроб привезли к проходной завода. Там с ним прощалось очень много народу. (Говорят, некоторые его сослуживцы вздрогнули, впервые увидев меня. Мне тогда было 40 лет, и я в ту пору очень, как будто, походил на отца внешне).

Отец похоронен на кладбище, названия которого я сейчас забыл (о чем еще пойдет речь ниже).

[Мать умерла в день рождения отца, 17 мая, а отец – в день рождения матери, 17 декабря. Менее всего я склонен к мистицизму, но совпадение как будто providенциальное. – А. А.]

Глава 11. Мои родственники. Ровесники и младшие

Ко времени, которое я сейчас описываю, уже ушли из жизни все три сестры из рода Пузановых.

Мама умерла в 1963 г.

Кажется, в 1970 г. скончалась в Москве тетя Лиля (Елизавета Петровна Брусенцова). На ее похоронах я не был. Уж не знаю почему, меня не известили о ее кончине (может, не знали новосибирского адреса?).

Тетя Лиля с Георгием Николаевичем Брусенцовым к тому времени уже переехали из Растокинского городка в Медведково (однокомнатная квартира). Я бывал у Георгия Николаевича в Медведково, когда он уже остался один, но редко. Георгий Николаевич Брусенцов скончался в конце 1980-х гг. (точно знает мама моей дочери Елена Ивановна, которая ездила на похороны).

Как я уже говорил, детей у тети Лили не было. У Георгия Николаевича Брусенцова есть младшие родственники (одну из них я даже немного помню – Галина, наверное, племянница Георгия Николаевича).

Тетя Маруся (Мария Петровна Пузанова) в середине 50-х гг. раскрыла свой дремавший талант педагога и организатора учебной кинематографии, сначала – в школе рядом со своим домом в Автово. Потом Мария Петровна работала на кафедре научной и учебной кинематографии в Ленинградском университете. Она была очень деятельным, общественно активным человеком.

Моя тетя Мария Петровна Пузанова скончалась в 1973 г. Ее муж Владимир Васильевич Абрашкевич (я всегда звал его "дядя Володя") пережил тетю Марусю более чем на 20 лет. Он скончался в 1995 г.

В детстве я встречал его брата Михаила Васильевича Абрашкевича (не знаю, как сложилась его судьба). А уже в последнее десятилетие я встречал его сестру – Екатерину Васильевну, проживавшую в Москве (она умерла в 1995 г.).

Сын Марии Петровны Пузановой и Владимира Васильевича Абрашкевича (мой двоюродный брат) **Владимир Владимирович Абрашкевич** – закончил Ленинградский университет, инженер; его жена **Ирина Михайловна Яковлева** закончила Ленинградский институт культуры, культпросветработник. Их сын (мой племянник) **Андрей**

Владимирович Абрашкевич – специалист по ЭВМ. Его жену зовут **Екатерина Евгеньевна** (девичья фамилия – **Мазепова**). У них двое детей – **Евгения** и **Ирина**.

Основное место жительства младших Абрашкевичей – в той самой квартире в Автово, где жила тетя Маруся и где так часто бывал я в детстве.

А старшие Абрашкевичи (Владимир Владимирович и Ирина Михайловна) живут сейчас на юге (Сочи, Краснодар), иногда – в Москве, иногда приезжают в СПб.

(Младшие Абрашкевичи сейчас тоже ведут в основном «кочевой» образ жизни. Скоро год, как они всей семьей живут в Сочи, вместе с родителями. У них там общее «семейное» предприятие, под названием «Экокордон»).

В сущности, мой младший двоюродный брат Владимир Абрашкевич (ему уже 58 лет) – единственный из родственников «моего» поколения, с которым мы близки, хоть и видимся не часто (когда он ненадолго приезжает в Санкт-Петербург).

Старших родственников – либо уж нет, либо я их не знаю, либо потерял из виду.

***

Я здесь не рассказываю подробно о продолжателях рода Аносовых-Пузановых (даже о тех, кого хорошо знаю). Только вновь перечислю их:

Старшее (ныне – старшее) поколение: я и мой двоюродный брат **Владимир Владимирович Абрашкевич** и, вероятно, **Игорь Данилович Пивен**.

Среднее поколение: моя дочь **Ольга Андреевна Новиковская** (в девичестве – Алексеева) и сын **Владимира Владимировича Абрашкевича** – **Андрей Владимирович Абрашкевич**. Младшее поколение: дети моей дочери – **Иван** и **Егор Новиковские**, и дети Андрея и Екатерины Абрашкевич – **Евгения** и **Ирина**.

[В конце 1990-х гг. **В.В. Абрашкевич** с женой **И. М. Яковлевой**, а также их сын **Андрей** с семьей переселились в г. Сухум (Абхазия), где **А. В. Абрашкевич** стал работать в миротворческой миссии ООН, дислоцирующейся там. 8 октября 2001 г. **Андрей Абрашкевич** трагически погиб: он находился в том самом вертолете миссии ООН, который был сбит над Кодорским ущельем боевиками Гелаева, совершавшими рейд в Абхазию. После смерти **А. В. Абрашкевича** его вдова **Екатерина Абрашкевич** вместе с детьми вернулась обратно в Санкт-Петербург, где они сейчас и проживают. – **А. А. Март 2007**].

Мне хотелось бы, чтобы родственные связи между названными прямыми продолжателями рода Пузановых стали теснее. Я адресую эти записки моей дочери **Ольге**, но я буду рад, если с ними ознакомятся и все остальные родственники, и их близкие.

***

Следует еще сказать, что мама моей дочери **Ольги Елена Ивановна Алексеева** (мой первый брак) ныне работает в том же институте

(СПбФ Института социологии РАН), что и я. Я уже говорил, как сложились дальше наши отношения («брат» и «сестра»).

Елена Ивановна Алексеева живет сейчас в Дачном, на ул. Хрустицкого, в отдельной квартире дома «хрущевской конструкции», расположенном примерно в том месте, где был дом моего деда. В этой квартире жила и моя дочь Ольга, пока не вышла замуж. (Сейчас она живет с детьми в 2-х комнатной квартире на пр. Ветеранов).

[Е. И. Алексеева скончалась 17 марта 2002 г. Она похоронена на Красненьком кладбище, рядом с моей матерью, дедом и бабушкой Пузановыми. – А. А. Март 2007].

С Нелли Алексеевной Крюковой (мой второй брак) мы разошлись еще на рубеже 80-90-х гг., а сейчас, после формального расторжения брака, разъехались (разменяв квартиру на Наличной ул.). Она живет сейчас вместе с матерью Лукерьей Матвеевной Мовчан в 2-х комнатной квартире в районе оз. Долгого.

В отличие от Елены Ивановны Алексеевой, которая знала и мою маму, и моего отца, Нелли Алексеевна знала (хоть и немного) моего отца. Помню, лет 15 назад она предложила мне навестить Лидию Михайловну, мою «мачеху», с которой мы со времен смерти отца не виделись.

Лидия Михайловна тогда еще жила в отцовской квартире на пр. Обуховской обороны, но собиралась переезжать к детям, то ли в Сестрорецк, то ли в Колпино. (Наверняка этот переезд давно состоялся).

Мне кажется, была какая-то напряженность в этой моей встрече с «мачехой» (может быть, это связано с тем, что я не заявлял никаких прав наследования, после смерти отца, а Лидия Михайловна, в свое время, не предложила мне сделать это).

С тех пор мы с нею не виделись.

В моей хронике много пробелов, относящихся к отцу Николаю Николаевичу Алексееву, но при желании и некоторых усилиях можно найти людей, знавших его, кроме меня.

***

О себе – вне прямой связи с моими родителями – здесь рассказывать не собираюсь. Строго говоря, моя хроника заканчивается 1974 годом, когда скончался отец. Все остальное – уже только для завершения «сюжетных линий».

Сейчас я живу вместе с моей женой Зинаидой Глебовной Вахарловской (мой третий брак) в комнате в коммунальной квартире на 8-й линии, дом 27, кв. 17. На днях мне исполнится 63. Работаю ведущим научным сотрудником в СПб филиале Института социологии Российской академии наук.

[За истекшие со времени написания этой семейной хроники 10 лет ушли из жизни некоторые из упоминавшихся здесь моих родственников: Елена Ивановна Алексеева, Андрей Владимирович Абрашкевич, Глеб Анатольевич Вахарловский (отец моей жены З. Г. Вахарловской), Анна Михайловна Пивен (жена И. Д. Пивена). – А. А. Март 2007]

Сам я по-прежнему работаю в Социологическом институте РАН (в который преобразовался прежний Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН).

А проживаем мы с женой – Зинаидой Глебовной Вахарловской – теперь фактически не в комнате на Васильевском острове (где прописаны), а в квартире ныне покойного отца З.Г. Вахарловской, вместе с младшей сестрой моей жены – Светланой Глебовной Вахарловской, на Малой Охте. – А. А. Март 2007].

[14.09.97. Предыдущие части семейной хроники писались мною в период с 5 по 10 июля 1997 г., перед самым нашей с Зиной отъездом в Гузерибль (с учетом некоторых последующих включений, датированных в квадратных скобках). Мы выехали поездом «СПб-Адлер» 10 июля. Я продолжал свои записи в поезде и заканчивал уже на кордоне Гузерибль Кавказского заповедника].

Глава 12. Переплетение судеб. 22 июля 1984 г.

10-11.07.97 (писано в поезде «СПб-Адлер»)

Уже давно понятно, что главными героями этой хроники являются: моя мама **Варвара Петровна Пузанова** и мой отец **Николай Николаевич Алексеев**.

О предках я знаю слишком мало; о старших родственниках, ушедших из жизни, – больше, чем о предках, но меньше, чем об отце и матери. Постарался рассказать здесь все, что знаю.

Что касается моих родственников-«сверстников», то это – еще не такая давняя история, чтобы некому, кроме меня, было ее рассказать. (А делать, по моему убеждению, надо прежде всего то, чего никто, кроме тебя, или лучше тебя, или, скажем, **за тебя** – не сделает).

По той же причине не рассказываю здесь подробно о младших родственниках. У них большая часть жизни – впереди, а у самых младших – **все впереди**.

Еще раз подчеркну: эти записи – не автобиография. Это – **семейная хроника**.

[15.09.97. Здесь стоит заметить, что в роли «воспоминателя» (человека, вспоминаящего о своих родителях) я, конечно, уникален. Продолжать же «изыскания» в области истории моей семьи – может любой заинтересованный человек].

***

Должен сказать, что, отчасти в силу своей основной профессии – социолог, отчасти в силу особенностей своего характера и привычки к документированию жизненных событий, моя дочь не испытает недостатка в информации о жизни своего отца.

Мой личный архив куда богаче архива моей матери, которым я располагаю. Один из наиболее насыщенных и интересных периодов моей жизни – 80-е гг. – отражен в книге «Драматическая социология», которая в этом году, похоже, все же выйдет в свет. [Имеется в виду книга: **А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1- 2. М. : СПбФ ИС РАН, 1997. – А. А.]** . Ну, а более ранние и более поздние жизненные периоды тоже документированы; не буду сейчас перечислять – где и как.

Так что не надо искать в этой хронике того, чего в ней не только нет, но и не планировалось.

***

Мне уже приходилось говорить, что одним из стимулов написания этих записок, фиксации моей «короткой памяти», была наша совместная с моей женой Зинаидой Вахарловской работа над хроникой семьи Гудковых. Там представлена и ее собственная автобиография.

Интересно, как переплетаются судьбы, биографии, родственные связи...

В хронике Зины в качестве «героев», с ее детских лет, фигурируют моя тетя Мария Петровна Пузанова, мой двоюродный брат Владимир Владимирович Абрашкевич, его жена Ирина Михайловна Яковлева. Упоминает она и некоторых других моих родственников.

Прочитав все написанное выше, моя жена Зина посоветовала мне включить сюда рассказ об одном дне своей жизни – 22 июля 1984 г., когда мне исполнилось 50 лет. Последую ее совету. (Сейчас будет ясно, почему именно этот день).

***

Это было 20 лет спустя после смерти моей матери и 10 лет спустя после смерти моего отца.

Я тогда работал слесарем на Ленинградском заводе полиграфических машин («эксперимент социолога-рабочего»). Мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич в ту пору работал лесником на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника. Там же была его жена Ирина Яковлева. А Зина была замужем за другим лесником Анатолием Кузьмичом Базникиным.

Я приехал на кордон Пслух в гости к брату и его коллегам (третьим лесником был Виктор Салтыков, его жена – Наталья). Об этом действительно антибраконьерском кордоне, где собрались для защиты природы лесники-интеллигенты (все были с высшим образованием!) ходили легенды.

(Подробнее см. в семейной хронике Зинаиды Вахарловской).

Мы отправились туда из Ленинграда втроем, вместе с подругой жены моего двоюродного брата Лидией Сошлюковой (у которой мы с Нелли Алексеевной Крюковой снимали комнату на ул. Седова) и ее сыном Сергеем.

До Пслуха надо было добираться из Красной Поляны, 20 км в гору. Вышли утром, пришли затемно. Еле нашли этот кордон...

Тогда я впервые познакомился с Анатолием Кузьмичом Базникиным, с которым подружился. (Анатолий Кузьмич скончался в 1990 г.).

[Последние годы А. К. Базникин работал помощником лесничего на другом кордоне Кавказского заповедника – Гузерипль, том самом, куда мы с Зиной в момент написания этой хроники ехали. Его могила – на кладбище пос. Гузерипль, на берегу реки Белой. – А. А.].

В то время на кордоне, кроме названных, были: мой племянник Андрей Абрашкевич и его университетский товарищ Александр

Мартыненко, а также дочь Зины – Любовь Вахарловская (впоследствии – жена Александра Мартыненко). Были и еще гости.

22 июля (свой день рождения) мне захотелось озаглавить «горовосхождением». Горным туристом я никогда не был. Но любительские походы в горах совершал.

Зина согласилась сопровождать меня, Лидию и Сергея в восхождении к "Когтю" (скальный ансамбль в альпике).

Подъем был довольно трудным, вокруг – неописуемая красота. Забравшись на «Коготь», мы смогли разглядеть домики кордона через сильный бинокль.

Возвращались уже после захода солнца. На подъеме я умудрился стереть ногу, что сильно замедлило общий спуск.

Зина, привычная к горам, находила дорогу в кромешной тьме. (Не предполагая возвращаться так поздно, не взяла с собой фонарика).

Между тем, на кордоне забеспокоились, тем более, что был уже накрыт стол под громадным ореховым деревом, для празднования моего юбилея и дня рождения еще кого-то из гостей кордона. В темноте нас вышли искать, с фонарями и лошадью, мой двоюродный брат и племянник. Команда спасателей встретила «потерявшуюся» группу горовосходителей (благополучно выведенную Зиной) на последних метрах спуска.

Надо было еще преодолеть горную реку, чтобы достичь кордона. На всякий случай я был водружен на лошадь, которая переправила меня через реку и доставила к столу под ореховым деревом.

Первый тост был провозглашен еще до полуночи. А потом были танцы...

Когда мы уезжали, Зина, занимавшаяся фотографией, подарила мне фотоальбом «Кордон Пслух и его обитатели». Этот альбом стал потом нашей с ней семейной реликвией.

[14.09.97. Вот так, в этот день, 22 июля 1984 г., на кордоне Пслух Кавказского заповедника произошла встреча моих (и моей дочери) родственников, тогдашних и **будущих**. Большинство их ранее уже упоминалось на страницах этой хроники. Понятно и то, почему так названа эта глава: "Переплетение судеб"].

Глава 13. «Любовь к отеческим гробам»

Может быть, впервые, при написании этих заметок, я осмыслил чувство **родственной связи**, как не менее ценное и значимое, чем **дружеские связи** (которым всегда придавал большее значение).

Родственник может быть и другом, друг – иногда родственником. Но общение с родственниками как таковыми (только потому, что они родственники) для меня как-то не было особой ценностью.

Вообще, недостаток моего внимания и интереса к родственникам может показаться чуть ли не патологическим. Например, я не держу в памяти дней рождения родственников (например, собственных внуков).

Все же, некоторые дни рождения я помню, и сейчас назову их.

Моя мать Варвара Петровна Пузанова родилась 17 декабря 1899 г.

Мой отец Николай Николаевич Алексеев – 17 мая 1904 г.

Елена Ивановна Алексеева, мама моей дочери, – 31 августа 1933 г.

Моя дочь Ольга Андреевна Новиковская – 21 сентября 1960 г.

Нелли Алексеевна Крюкова (мой второй брак) – 13 февраля 1932 г.

Моя жена Зинаида Глебовна Вахарловская – 5 сентября 1944 г.

Но дни рождения – ладно. А вот могилы родственников, ушедших из жизни... Тут уж не оправдаешься обстоятельствами или складом характера. Начну с примера, поданного мне моими родителями.

Где похоронены родители отца – я не знаю. При мне отец на их могилах никогда не был, и мне не говорил о них.

Мать – иначе. При ее жизни я много раз бывал с нею на Красненьком кладбище, где тогда были только могилы Петра Михайловича и бабушки Ольги Николаевны (от главного входа направо – Невская дорожка, а потом налево – Волжская дорожка, на левой стороне).

Два каменных (бетонированных) креста рядом. Таблички: **Ольга Николаевна Пузанова** (1864-1930) и **Петр Михайлович Пузанов** (1862-1935). В 1963 г., как я уже говорил, там, рядом с родителями, была похоронена моя мама. (Мамина могила – не крест, а металлическая колонка). А потом мой отец обнес все три могилы общей металлической оградой.

Наверняка на этих могилах бывала моя тетя Мария Петровна. К тому же, их дом в Автово стоял в двух шагах от кладбища. Кажется, "для надежности" тетя Маруся взяла у меня свидетельство о смерти и свидетельство о захоронении мамы. Сейчас ее самой нет в живых. Похоже, что не сохранились эти документы и в семье моего двоюродного брата Владимира Абрашкевича.

Бывал ли на этой могиле отец (после установки ограды) – не знаю. Вместе с ним мы туда не ездили.

Сам я бывал на Красненьком кладбище редко, в отличие от моей дочери Ольги и ее мамы Елены Ивановны, живших более или менее неподалеку. Да не в расстоянии тут дело...

Лет 10-15 тому назад (т. е. в 1980-х гг.), в одно из своих редких посещений, я обнаружил (или Елена Ивановна с Олей обнаружили и сказали мне), что каменный (бетонированный) крест с могилы Петра Михайловича исчез. Оторванная металлическая табличка, по счастью, валялась рядом.

Что делать? Обращаться в кладбищенские службы – бессмысленно. Во-первых, документов нет, кроме собственного свидетельства о рождении, удостоверяющего, что я сын Варвары Петровны Пузановой, похороненной в той же ограде. (это свидетельство должно быть у меня среди собственных документов и сегодня). Можно ли без документов заказывать другой крест, я был не уверен. К тому же беспокоило, что ограда была в свое время поставлена так, что выступает из общего ряда. А ну, как возникнут к этому претензии?

В общем, я стал искать «неофициального» выхода. И посчастливилось найти неподалеку выброшенный могильный крест,

своего рода самоделку из трех сваренных труб – такие кресты, возможно, ставились в первые послевоенные годы.

(Может быть, это тот самый крест, для замены которого кто-то разрушил могилу моего деда? Ладно, спасибо, хоть табличку не выкинули).

Я взял и вкопал (даже можно сказать – воткнул) этот брошенный крест – на месте могилы деда. Приспособил к нему табличку. В очередной раз покрасили ограду. Как будто так и всегда было...

Мой "нелегальный" крест на могиле деда стоит до сих пор. Оля с Еленой Ивановной подкрасили его серебряной краской, так что он выглядит даже "респектабельнее", чем каменно-бетонный крест на могиле бабушки. Последний очень покосился, от времени. Но чтобы его "выпрямить", надо слишком глубоко копать.

Пару недель назад (ввиду обстоятельств, о которых скажу ниже) я был на семейной могиле. Вокруг – куда более заброшенные захоронения. Вроде уже и ограда не так вылезает на дорожку...

Пара кленов, уже послевоенных, навалились на ограду, так что дверца не запирается. С помощью дополнительных самоделанных "петель" и принесенного с собой замочка я ограду все же запечатал.

Замочек заржавеет со временем. Но пока заметно, что повешен недавно.

Зина выполола на могилках сорную траву.

Надо бы раковины поставить, но тут уж без кладбищенских служб не обойтись. Может, лучше этого не делать, при отсутствии документов.

[Заменен был крест на могиле деда уже в 2002 г., когда захоранивали в эту же ограду прах Елены Ивановны Алексеевой. – А. А. Март 2007].

На могиле моей тети Марии Петровны Пузановой, скончавшейся в 1973 г., я никогда не был. (Знает, конечно, местоположение этой могилы мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич). Где похоронена моя тетя Елизавета Петровна Пузанова (в Москве) – не знаю. И вроде – спросить не у кого.

На могиле отца (после похорон в 1974 г.) я был лишь однажды. Это было лет 10 назад, если не больше. Тогда я еще помнил местоположение кладбища, но забыл точное местоположение могилы.

Моей тогдашней супруге Нелли Алексеевне Крюковой принадлежала инициатива этой поездки. Каким-то чудом (не там, где я искал) мы нашли могилу отца. Рядом с ней был похоронен кто-то из родственников Лидии Михайловны (его жены, во втором браке). Две каменные плиты, или даже две надписи на одной плите (не помню).

Поклонившись этой могиле, я записал и название кладбища, и как туда ехать, и где могила. Но прошло 10 лет, и где эта «бумажка»?

Нелли Алексеевна должна помнить, какое это кладбище. Оно за городом, на юг от СПб, около часа езды на рейсовом автобусе. Могила же – от входа, который кажется главным (угловой вход), налево, и потом – в глубину. Не сразу, поискав заново, я, наверное, смог бы эту могилу найти.

[14.09.97. Как я сообразил теперь, это, вероятно, Павловское кладбище].

Вот такова моя «исповедь» на тему родительских могил. Не буду ее комментировать. И так ясно. Для моих потомков – дурной пример.

Глава 14. Недавно в Сиверской (могила не моей бабушки)

Люди часто возвращают Добро не тем, от кого они его получили. Это своеобразный закон «круговращения Добра».

Никогда не надо ждать благодарности за сотворенное Добро. Тем более «требовать» такой благодарности (чем само принесенное ранее Добро обесценивается).

Не надо любить «по обязанности» или из чувства «долга». А только – по внутреннему, «безотчетному», естественному побуждению. В лучшем случае, можно осмыслить свое побуждение (или чувство) – когда оно уже есть.

Вот так и с Памятью.

Бывает, что внуки берегут память о предках больше, чем дети – память о своих родителях. А уж как «воспринимают» усопшие эту заботу – мы при жизни никогда не узнаем.

Но мне сейчас хочется пояснить свою мысль о «круговращении» Памяти (являющейся несомненной формой Добра).

История, которую я хочу рассказать – тоже семейная. Хотя в ней будут фигурировать люди, не упоминавшиеся до сих пор. Люди, ставшие моими (а стало быть – и моей дочери) родственниками – недавно.

***

В своей «хронике семьи Гудковых» моя жена Зина рассказывает о родительской семье своей матери Ольги Константиновны Вахарловской (в девичестве – Гудковой). Дед Зины Константин Николаевич Гудков был учителем, потом дьяконом, а в 30-х гг. был репрессирован и погиб. Неизвестно, где его могила, и даже дата смерти неизвестна.

Бабушка Зины Екатерина Кузьминична Гудкова погибла в войну, в 1942 г., от тифа, и похоронена на кладбище в Сиверской.

У Константина Николаевича и Екатерины Кузьминичны Гудковых было восемь детей. Мать Зины Ольга Константиновна была седьмым ребенком в семье.

Дети Екатерины Кузьминичны ухаживали за ее могилой, особенно те, которые жили в Ленинграде и его окрестностях. Сама Зина, не зная бабушки Екатерины Кузьминичны (Зина родилась через два года после ее смерти) бывала на ее могиле в детстве, вместе с мамой Ольгой Константиновной.

Нередко поводом для посещения этой могилы был приезд в Ленинград тех детей Екатерины Кузьминичны, которые жили в других городах.

По мере того, как уходили из жизни старшие родственники Зины, могила посещалась реже.

Последней из детей Екатерины Кузьминичны, проживавших в Ленинграде, скончалась мама Зины – Ольга Константиновна (в 1991 г.). Ее дочь Светлана не могла оставить престарелого отца Глеба

Анатолевича Вахарловского, и посещать могилу бабушки стало как бы некому.

Из детей Екатерины Кузьминичны ныне здравствуют лишь две тетушки Зины (сестры ее покойной мамы) – Нонна Константиновна Бранкина (она живет в Новгороде) и Татьяна Константиновна Козьярская (живет в Вышгороде, под Киевом). Обе – уже в очень преклонном возрасте.

Тетя Нонна раньше почти каждый год приезжала в Ленинград. Сейчас – здоровье не позволяет. Последний раз она приезжала в 1992 г. Ездил в Сиверскую, на могилу Екатерины Кузьминичны, вместе с детьми своей племянницы Ольги Глебовны Вахарловской и ее детьми Сережей и Дашей (первому тогда было 13, а второй – 8; правнуки Екатерины Кузьминичны).

Недавно тетя Нонна заволновалась, специально написала племяннице Ольге (сестре Зины), прислала деньги (100 тыс. руб.) **[напомню, что описываются события 1997 г. – А.А. Март 2007]**, чтобы обновили табличку, ведь старая заржавела.

Супруг Ольги Владимир Константинович Буторлин заказал новую блестящую табличку у себя на заводе, и поехали Ольга, Владимир и их племянница, Зинина дочь Люба (правнучка Екатерины Кузьминичны) в Сиверскую, устанавливать эту табличку на бабушкином кресте. Это было в конце мая нынешнего года.

И вдруг... не смогли найти могилы! И не то, чтобы Ольга не помнила места. Место вроде то, а там – другое, свежее захоронение...

Неподалеку нашли остатки старой раковины. Выяснили, что на этом месте в старой металлической оgrade 5 дней назад (!) захоронили покойника, местного жителя Сиверской, предварительно выкинув крест с могилы, которую «никто не навещал».

Благо еще недели не прошло с тех пор, как это случилось, удалось найти людей (кладбищенские рабочие), которые делали новое захоронение на месте старого.

Те даже вспомнили, что на выброшенной табличке была указана дата смерти – «1942». «А дата рождения – 1880?» – «Кажется, да» – «А фамилия?» Они не запомнили, да и табличка стерлась от времени.

Крест с табличкой выкинули, уже не найти.

«Так как же, вы, порушили могилу?» – «А нам сказали: это место пустое... Хороните здесь».

Тут все не так очевидно, чтобы с ходу возмущаться и вставать в позу оскорбленных родственников. Уверены ли мы, что это была наша могила? **А вдруг не наша?** Полной уверенности нет, поскольку правнучка Люба и муж внучки Владимир здесь раньше никогда не бывали, а внучка Ольга была давно и даже не уверена, какая была ограда – металлическая или деревянная.

(Потом Зина нашла фотографию: старшая из дочерей Екатерины Кузьминичны ныне покойная зинина тетя Маруся – на могиле матери. Так там ограда деревянная. Но это уже очень старая фотография).

Последней на могиле бабушки Екатерины Кузьминичны побывала внучка Светлана (сестра Зины и Ольги). Света говорит, что

красила ограду – деревянную. Когда? Вроде в 1982 году. Но ты же была тут с тетей Нонной в 1992-м? Тут Светлана проявляет неуверенность...

Через несколько дней Зина подменила Светлану «на дежурстве» у отца. Две сестры (внучки Екатерины Кузьминичны) – Светлана и Ольга – поехали в Сиверскую. Ольга нарочно предоставила Светлане возможность самой найти место захоронения бабушки.

Та указала: вот тут, где теперь свежее захоронение!

Кто же ставил металлическую ограду, которую не помнит Светлана? А дело в том, что на этом же кладбище (в Сиверской) неподалеку захоронены другие родственники сестер Вахарловских, уже по отцовской линии, причем более дальние. Так вот, их дети, когда ставили новые ограды, поставили такую и на могиле Екатерины Кузьминичны.

Правда тот, кто заказывал эти ограды, сам сейчас не очень хорошо это помнит... Но все же очевидно – могила бабушки Екатерины Кузьминичны была именно здесь.

А сейчас (всего неделю назад!) эта могила порушена. И можно тут упрекать кого угодно, но первый упрек – себе: где же мы пять лет были?

А что же теперь тете Нонне, которая из Новгорода о могиле матери беспокоится, ответить? Ведь самой тете Нонне уже скоро будет 85...

12.07.97 (все еще в поезде «СПб-Адлер»).

Такие вот драматические события развернулись вокруг бабушкиной могилы, и понятны переживания родственников.

Тут обсуждались разные варианты. Даже такой: бабушке уж «все равно», может – забрать оставшуюся металлическую ограду и перенести ее на могилу других родственников, рядом. Ну, пожалуй, там и табличку повесить, новую... Так сказать, символическое перезахоронение.

Была и противоположная точка зрения: нам могила дорога, а не ограда! Те порушили могилу, а мы будем ограду «спасать»?!

(Ограда, кстати, здоровенная. Там место еще не для одной могилы найдется).

А те, другие, которые своего покойника захоронили на чужом месте? Конечно, бессовестно поступили, но ведь у них сейчас свежее горе... Как с ними быть?

А кладбищенская администрация, небось, спросит: где документы? (Какие там документы от 1942 года!). Или: «Где вы раньше были?». У них вроде есть какой-то срок сноса старых, заброшенных могил.

Несколько дней шли семейные дебаты, совещания по телефону, уточнения, согласования точек зрения.

Но ясно было – что-то надо делать. А что?!

Мне показалось, что я смогу быть полезен в этой «нештатной» ситуации. На этот раз поехали втроем: Зина, Ольга и я (в роли «консультанта»).

Глава 15. «Круговращение Добра»

13-14.07.97 (уже на кордоне Гузерицль).

До Сиверской – час на электричке. Поехали во вторник. (В этот день – прием в поселковом совете, куда предлагала обратиться Ольга; я же сказал, что должен сначала увидеть место, где стоял бабушкин крест).

Я попросил Ольгу взять с собой лопату. Сам взял пару фанерок, рейку, гвозди и молоток.

От станции до кладбища – не близко. «Спорная» могила – если идти от главного входа вдоль кладбища по шоссе, то на уровне между пятым и шестым телеграфными столбами свернуть налево и чуть углубиться в кладбище.

Вот эта металлическая ограда. Внутри – свежий холмик, с крестом и лентами, еще и таблички нет.

За оградой, метрах в 10, остатки раковины, фундамент креста от порушенной могилы. Крест выкинули, а эту бетонную глыбу было, видимо, тяжело тащить. Такая вот диспозиция...

Ольга еще раз поясняет, что Светлана сама нашла это место, она не сомневалась. Свидетельства рабочих, делавших новое захоронение, тоже вроде не оставляют сомнений: **наша** тут была могила!

Пытаюсь вкатить бетонную глыбу (фундамент бывшего креста) в ограду. Удастся! Чуть вкапываем ее на свободном месте в ограде, рядом с новым захоронением. Говорю: надо обозначить место. У меня есть фанерка, давайте напишем: «Здесь покоится прах Екатерины Кузьминичны Гудковой (1880-1942)», пока нет креста.

А у Ольги, оказывается, тоже такая дощечка с собой, только на ней – просто фамилия с инициалами, и даты жизни. Зато – с просверленными дырочками, для крепления проволокой.

Не один я такой предусмотрительный!

Укрепляем дощечку на бетонной глыбе. Это значит, что именно здесь должен быть восстановлен крест, вместо утраченного. Все с этим согласны (хоть были и сомнения).

Что же делать дальше?

Идти в поселковый совет? Я настаиваю на том, что первым делом надо встретиться с родственниками покойного, недавно здесь захороненного. Нельзя априорно и заглазно обвинять их. Нужен прямой контакт.

Адрес этих людей был уже известен, из прежних поездок Ольги. Их дом – неподалеку от кладбища.

Нас встречает молодой человек, оказывается, внук покойного. С нашей стороны – нет агрессии. Такое вот вышло «недоразумение»... Выражаем соболезнование семье покойного.

Сообщаем, что втащили глыбу (остаток раковины) в ограду, оставили дощечку. Мол, уж не взыщите...

Молодой человек тоже проявляет дружелюбие. Несколько смущен. Выражает готовность вместе с нами съездить в местное похоронное бюро «Факел». (Он – на своей машине). Вообще-то, он здесь постоянно не живет, приехал только на похороны.

Появляется «бабуля» (жена покойного). Та очень раздражена, проявляет недоверие даже к тому, что разрушена могила именно Е. К. Гудковой, о которой мы «печемся». «Запрещает» внуку сопровождать нас в похоронное бюро, пусть сами разбираются...

Относим ее поведение за счет недавней смерти близкого человека. Всячески подчеркиваем, что «мы к вам не в претензии», тут надо все «полюбовно решить».

В общем, едем с внуком усопшего в похоронное бюро.

Там тоже смущены. Никто, видимо, не ждал, что объявятся родственники – через 50 лет после первых похорон и через 5 дней после вторых. Вам кто-то сообщил? Нет, говорим, случайно совпало. Приехали табличку обновить, а могилы и нет...

Вырисовывается следующая расстановка действующих лиц в картине недавних событий:

Умер местный житель Сиверской. Кладбищенский смотритель – соседка этой семьи. Та им пообещала «подыскать подходящее место на кладбище». Может, ей и заплатили, но скорее – «по дружбе». Место – в металлической ограде (своей ставить не надо!), а могила там старая (1942 года). И никто вроде туда не приходит.

Похоронное бюро – место не выбирает, а хоронит – где кладбищенский смотритель укажет. Указала... Те аннулировали прежнюю могилу, сделали новое захоронение.

Кого винить?

Понятно, никто на себя одного вину не возьмет (да и не берет, как выясняется из разговора в похоронном бюро). И разделять ответственность с другими не хочет.

Впрочем, все смущены (начальник похоронного бюро в том числе): «Первый раз у нас такой случай!...».

Начальник похоронного бюро пытается перевести «конфликт» в плоскость наших с родственниками недавно усопшего отношений: «Наверно, вы (обращаясь к молодому человеку) должны поставить им (т. е. нам) новый крест».

Тот: «Но ведь не мы это место выбирали!».

Тогда (по мнению зав. похоронным бюро) они (т.е. родственники недавно усопшего) должны предъявить претензии кладбищенскому смотрителю.

Вот тут и выясняется, что кладбищенский смотритель – знакомая этой семьи (их соседка). Не будут они с ней «ссориться».

Еще хорошо, что сама она в этом разговоре не участвует. Она бы «покатила бочку» уже на нас: существует «срок давности» для сохранения старых могил. А где ваши документы? А где вы раньше были?

Если записей о старых захоронениях нет в кладбищенской конторе, то тем более нет таких сведений и в поселковом совете, куда хотела было Ольга обращаться...

Тут, скорее всего, суд понадобится. Это же на год тяжба затянется, а сколько нервов, поездок в Сиверскую... «Гражданская война» на могиле бабушки!

Хватило тут мне мудрости – «разрубить гордиев узел».

«Сколько стоит поставить новый крест?» - спрашиваю у зав. похоронным бюро. Оказывается, 670 тыс. руб.

«Я плачу вам эти деньги, сейчас. Можете вы за три дня восстановить старую могилу, в той же ограде, рядом с новым захоронением?»

Зав. похоронным бюро, разумеется, согласен. Но и растерян немного. Высказывает предположение, что две семьи (наша и недавно усопшего) поделят расходы... Хоть ему-то, конечно, все равно.

Понимая, что надо как-то мотивировать свое поведение, объясняю весьма «простодушно» и, вместе с тем, убедительно:

«Деньги эти, как вы понимаете, для нас не лишние. Но **дешевле** их заплатить, чем выяснять все эти отношения, кто больше виноват, еще, того гляди, судиться, адвоката нанимать, да еще над свежей могилой. Тут и сам «в ящик сыграешь»... Мне **так** спокойнее!»

Не стану здесь реконструировать невысказанные реакции всех свидетелей этого заявления (Зина, Ольга, внук недавно усопшего, зав. похоронным бюро, его помощница).

Деньги (моя двухмесячная пенсия, полученная в сберкассе накануне и предусмотрительно не выложенная из кармана перед поездкой; как чувствовал!) пересчитываются. Выписывается квитанция. Прощаемся.

Может, кто-то и считает меня «дураком». Но я поступил **мудро**.

Молодой человек отвозит нас на своей машине к нашей дальней родственнице, которая здесь же, в Сиверской, сейчас живет на даче. Расстаемся с внуком усопшего – тепло.

Некоторое время спустя (видимо, посоветовавшись с «бабулей») тот вновь появляется (мы еще не ушли), чтобы сообщить об их намерении обнести оградой свою могилу и соседний (свободный) участок.

Мы говорим – пожалуйста! Можете лишний кусок нашей ограды отрезать. Там – «на всех места хватит».

Великодушие может и подавить, если его слишком подчеркивать. Но мы – **не подчеркивали**.

Через несколько дней, от родственницы, которая на даче в Сиверской, узнали, что новый крест на могиле бабушки Екатерины Кузьминичны – стоит. И даже с новой блестящей табличкой, которую Ольга тогда оставила в похоронном бюро.

И даже нашу деревянную дощечку, как я попросил, не выбросили, а прислонили к кресту, как память об этих драматических событиях.

(Бабушкин крест поставили не в углу ограды, на то место, куда я «скромно» вкатил бывший фундамент, а – посередине ограды, так что и «для нас» место осталось. Это уже была инициатива Феликса, зав. похоронным бюро, тоже видать растроганного нашей «уступчивостью».

Лихой получился социально-психологический эксперимент!

***

Ну, решив главную проблему (восстановление могилы) оказался я уже сам перед проблемой нравственного свойства.

Ведь «мудрость» моя включала также и самоуправство в качестве необходимого компонента. Если бы я стал «наше» решение откладывать (хоть на минуту, скажем, для советов с Зиной и Ольгой, не говоря уж – на несколько дней, для советов с другими родственниками, ушел бы единственный тот момент, когда это решение надо было принимать.

Но, с другой стороны, это я про себя знаю, что был в ту минуту мудр (даже без кавычек!). А почему в этом так должны быть уверены Зинины (и теперь – мои) родственники?

И как же теперь быть, чтобы не поставить их в морально затруднительное положение?

Объяснить им, что ли, что я крест на могиле «чужой» бабушки ставлю – чтобы искупить грех своей собственной «короткой» родственной памяти?

Слишком все это как-то сложно... Тем не менее, объяснил я всем, кому сам, кому через Зину, что **никто никому ничего** не должен. **Я так решил** (даже без Зины), «на себя взял». И никого этим не хотел «укорить».

Несколько дней спустя начался трогательный нравственный внутрисемейный «аукцион» или «благотворительная лотерея» (как хочешь называй). В состоявшемся деле восстановления могилы бабушки захотели участвовать материально: зинин отец Глеб Анатольевич и зинина сестра Светлана; зинина сестра Ольга с мужем; зинина дочь Люба (правнучка Екатерины Кузьми-ничны) с мужем.

Причем каждый норовил «всучить» мне побольше, так что если бы я все деньги принял, то на нашу с Зиной долю ничего бы не осталось, а я бы еще и «проценты» получил, за идею.

Пришлось еще раз каждому объяснять, что я на это «возмещение своих затрат» не рассчитывал, поскольку поступал, ни с кем не советуясь, даже с Зиной (чье согласие я мог уверенно прогнозировать). Так что, могу и отказаться от денег.

Но отказаться было бы «гордыней». А я их всех люблю и понимаю, так что деньги от них принимаю, с благодарностью. Только давайте уж – «по справедливости»! Чтобы было от нас с Зиной, от Ольги с мужем, и от Любы с мужем – поровну, а от Глеба Анатольевича со Светланой (оба – пенсионеры, он по старости, она по инвалидности) – поменьше.

Тогда – никому «обидно» не будет.

Так и поделили расходы. А тете Нонне сообщили, что ее «поручение» выполнено. Новая табличка на могиле ее магушки Екатерины Кузьминичны Гудковой установлена, и даже крест обновили («так нужно было»!).

***

Всю эту историю, почти притчу, рассказал я в качестве иллюстрации к тезису к о «круговращении Добра».

А какое отношение эта вставная новелла имеет к моей собственной семейной хронике, ясно, я думаю, и без слов.

Заключение

Я рассказал то, что мог и хотел, о своих родителях – для моей дочери.

Я выполнил ее просьбу и свою обязанность, и далеко не выплатил все сыновьи долги родителям.

Как я уже говорил, этот текст по возвращении из Гузерипля будет набран на компьютере, с позднейшими вставками, которые будут обозначены и датированы. Потом – распечатан на принтере, «оттиражирован» на ксероксе в нескольких экземплярах. А листы этой импровизированной «брошюры» будут склеены и «переплетены» Зиной (как она уже набралась опыта это делать с моей «Драматической социологией» и со своей «Хроникой семьи Гудковых»).

Возможно, я со временем изготовлю также комплект приложений (перепечатки или ксерокопии некоторых маминих документов, ксерокопии некоторых семейных фотографий).

Все это будет вручено моей дочери Ольге.

Так что ей останется лишь дописывать эту хронику. Или писать свою, используя эту.

Пробелов в моей семейной хронике, как видно, немало. Но что поделаешь: **коротка моя память...**

Мне остается лишь пожалеть о своей «запоздалой мудрости». И надеяться на то, что дети окажутся мудрее своих родителей раньше (по возрасту), чем самим родителям это удалось.

Как выразилась моя жена Зина, «дети старше нас, потому что они младше нас...».

Июль – сентябрь 1997 г.

СПб – кордон Гузерипль – СПб

("Гузерипль" в переводе с адыгейского означает – "конец пути").

[Этот текст – «Коротка моя память...» – был в свое время распечатан и подарен всем родственникам и нескольким друзьям. Некоторые из них откликнулись собственными фамильными сочинениями (например, **Анри Абрамович Кетегат**: «В полях предков»). Что касается близких родственников (**Зинаида Глебовна Вахарловская**, **Ольга Андреевна Новиковская**), то они провели **аналогичную** работу в отношении собственных семейных корней. Наши «корни и ветви», понятно, существенно переплетаются, семейные хроники полны заимствованиями друг у друга, что, разумеется, хорошо.

А в прошлом году **Ирина Михайловна Яковлева** прислала мне из Сухума собственную семейную хронику. Что касается «аносовско-пузановской» линии ее супруга – моего двоюродного брата Владимира Владимировича Абрашкевича, она воспользовалась информацией из моей. Собственная – яковлевская – генеалогическая линия также восходит к рубежу XIX-XX веков. В ней немало славных имен. Главное же – бережена семейная память для подрастающих внуков... и далее.

Так, семейная память, распространяясь «по горизонтали» (среди современников) и «по вертикали» (о предках – для потомков), становится **коллективным достоянием**. – А. А.]

(2)

[Ниже – опыт семейной хроники Зинаиды Вахарловской, моей супруги, написанной раньше вышеприведенной семейной хроники А. Алексеева. В отличие от этой последней, данный текст являет собой относительно «чистый» тип семейной хроники, сугубо фактографичной, с минимумом авторефлексивных и эмоциональных моментов. – А. А.]

3.Г. Вахарловская

О МОЕЙ МАТЕРИ, О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ И О СЕБЕ САМОЙ (Семейная хроника. Приложение к воспоминаниям моего отца «Семейный альбом Вахарловских»)* /

* / Вариант текста, отредактированный и исправленный с учетом замечаний и дополнений, сделанных моими родственниками после ознакомления с первоначальным вариантом настоящих записок. ВНИМАНИЕ! Первый вариант текста под тем же названием (датированный июнем 1997 г.), если он попадет кому-либо в руки, прошу считать НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ. Он не только неполон, но и содержит фактические ошибки. - З. В. Январь 1998 г.

Я - Вахарловская Зинаида Глебовна (род. 5.09.1944), дочь Ольги Константиновны Вахарловской (род. 15.06.1915, ум. 23.06.1991) и Глеба Анатольевича Вахарловского (род. 30.12. 1908).

Ознакомившись с воспоминаниями моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского, продиктованными им моей сестре Светлане Глебовне Вахарловской, я решила написать это **приложение** к ним. Хочу восполнить некоторые, как я считаю, пробелы в воспоминаниях отца, а также рассказать о некоторых из упомянутых им событий жизни нашей семьи, которые происходили уже на моей памяти. Свою задачу я вижу еще и в том, чтобы рассказать все, что сегодня знаю о роде моей матери - семьях ГУДКОВЫХ и ЛЕМЕШЕВЫХ, подобно тому, как мой отец рассказывал о своем роде - семьях ВАХАРЛОВСКИХ и ВЕДРОВЫХ.

Проще всего для меня построить эти записки как **семейную хронику** и как **историю своей собственной жизни**.

Это позволит рассказать также и о моей покойной матери ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ВАХАРЛОВСКОЙ, о ее родителях, о моих старших родственниках по маминой линии, о моих сестрах и их семьях, о моем брате и его семье, о моей дочери и ее семье, а также о других моих родственниках. Что представляется мне важным.

Постараюсь при этом не повторять того, что достаточно подробно отражено в воспоминаниях моего отца ГЛЕБА АНАТОЛЬЕВИЧА ВАХАРЛОВСКОГО (в частности, его родовая история, его собственный жизненный и трудовой путь). Но иногда повторов будет не избежать.

Будут и некоторые расхождения с рассказом моего отца.

***

Начну с попытки восстановить **историю родов Гудковых и Лемешевых**, из которых происходила моя мама - Ольга Константиновна Вахарловская (в девичестве - ГУДКОВА).

Кое-что из изложенного здесь мне рассказывала моя покойная мама. Рассказывали и другие мои старшие родственники (мамины сестры и братья, т.е. мои тетушки и дядя).

Ряд фактических сведений почерпнут мной из письма моей родственницы Марии Степановой (проживающей в г. Чехове, Московской обл.). Та, по просьбе моей сестры Светланы Вахарловской, записала рассказ своей свекрови и нашей тети Александры Константиновны Гудковой в 1994 г. Ныне тети Шуры уже нет в живых.

Уже после начала работы над этой семейной хроникой, я получила дополнительную информацию от своих сестер Светланы Глебовны Вахарловской и Ольги Глебовны Вахарловской (проживающих с Санкт-Петербурге), а также от своей двоюродной сестры Риммы Николаевны Соколовской (проживающей в г. Ломоносове).

Закончив в июне 1997 г. первый вариант этих записок, я показала его своим родственникам, проживающим в Санкт-Петербурге, а также отправила по экземпляру ныне здравствующим старшим родственникам - моей тете Нонне Константиновне Бранкиной (проживающей в Новгороде) и моей тете Татьяне Константиновне Козярской (проживающей в г. Вышгороде, Киевской области).

В октябре 1997 г. я получила от тети Тани из Вышгорода письмо, в котором содержалось много неизвестной мне ранее информации, а также сделаны исправления первоначально допущенных мною неточностей. В частности, от моей тети Татьяны Константиновны я многое узнала о своем деде КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ГУДКОВЕ, погибшем в конце 30-х гг.

Перед самым Новым (1998) годом пришло письмо и от тети Нонны из Новгорода, где также много важных исправлений и ценных дополнений. В частности, благодаря моей тете Нонне Константиновне я смогу рассказать о роде моей бабушкм ЕКАТЕРИНЫ КУЗЬМИНИЧНЫ ЛЕМЕШЕВОЙ.

Все замечания моих родственников, их исправления и дополнения, я постаралась учесть в настоящем (возможно, еще не окончательном!) варианте своей хроники.

(Прошу тетю Нонну и тетю Таню, у которых остался первый вариант настоящего текста - с ошибками! - если не уничтожить его, то во всяком случае сделать на нем пометку: «Есть ошибки. См. второй вариант, от января 1998 г.).

***

Вот что мне на сегодняшний день известно из **истории рода Гудковых**.

Мой прадед по материнской линии Николай Гудков и моя прабабушка Параскева или Прасковья Гудкова (ее девичья фамилия мне неизвестна) были жителями дер. Верещино, Старорусского уезда, Новгородской губернии. Род занятий моего прадеда - торговля.

У Николая и Параскевы Гудковых было пятеро детей: АННА, АЛЕКСЕЙ, КОНСТАНТИН (мой дед, 1870 г. рожд.), ВАЛЕНТИНА и ОЛЬГА.

Из письма моей тети Н.К. Бранкиной я узнала кое-что о детях Николая и Параскевы Гудковых, т.е. о **братьях и сестрах моего деда** Константина Николаевича Гудкова, а также об их потомках. Вот эта информация.

Старшая дочь моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (сестра моего деда Константина Николаевича) АННА НИКОЛАЕВНА ГУДКОВА вышла замуж за АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА СЕМКИНА, который был железнодорожным служащим.

У Александра и Анны Семкиных было пятеро детей: ЕВГЕНИЙ, ВИКТОР, СЕРГЕЙ, ВАЛЕНТИНА, СЕРАФИМА. (Это были двоюродные сестры и братья моей мамы).

У дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестры моей мамы Ольги Константиновны) ЕВГЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СЕМКИНОЙ (фамилия ее мужа мне неизвестна) было три дочери: ГАЛИНА, ИРИНА и МАРИНА. (Мне они приходятся троюродными сестрами, но я о них ничего не знаю).

О сыне Анны и Александра Семкиных (двоюродном брате моей мамы Ольги Константиновны) ВИКТОРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЕМКИНЕ известно, что он, как и его отец, служил на железной дороге.

О другом сыне Анны и Александра Семкиных (двоюродном брате моей мамы Ольги Константиновны) СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЕМКИНЕ известно, что он был инженером.

О дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестре моей мамы Ольги Константиновны) ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ СЕМКИНОЙ известно, что она была замужем за СЕРГЕЕМ ПАВЛОВИЧЕМ РАХИНСКИМ.

О дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестре моей мамы Ольги Константиновны) СЕРАФИМЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ СЕМКИНОЙ известно еще меньше. (Моя тетя Н.К.Бранкина пишет: «Сима работала, но где - не помню»).

Старший сын моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (брат моего деда Константина Николаевича) АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ жил в дер. Верещино. Как сообщает моя тетя Т.К.Козьярская, он, как и мой прадед, занимался торговлей, унаследовав дело отца.

У Алексея Николаевич Гудкова была дочь ОЛЬГА (Леля, как называет ее моя тетя Н.К.Бранкина).

Дочь Алексея Николаевича (двоюродная сестра моей мамы Ольги Константиновны) ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА ГУДКОВА была замужем за АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ГОЛОВКИНЫМ. У них было трое детей (мои троюродные братья или сестры, имен которых я не знаю).

Из дер. Верещино семья Головкиных переехала в Ленинград.

Но больше о них моя тетя Н.К.Бранкина ничего не сообщает.

Младшим сыном моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых был мой дед КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ. О нем речь - впереди.

О младших дочерях моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (сестрах моего деда Константина Николаевича) ВАЛЕНТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ и ОЛЬГЕ НИКОЛАЕВНЕ ГУДКОВЫХ моя тетя Н.К.Бранкина знает мало. Известно, что обе были замужем (одна из них в замужестве носила фамилию - РОМАНОВА). Имели детей (двоюродные братья или сестры моей мамы Ольги Константиновны). Моя тетя Н.К.Бранкина пишет, что обе семьи жили в Ленинграде.

Теперь о **моем деде**, отце моей мамы Ольги Константиновны.

Мой дед Константин Николаевич Гудков родился в 1870 г. (как сообщает моя тетя Н.К. Бранкина; моя тетя Т.К. Козьярская указывает год его рождения - 1871; Мария Степанова, со слов моей тети А.К. Гудковой, пишет: «родился около 1870 г.»). Точная дата смерти моего деда неизвестна (1938 г. или позже).

Мой дед Константин Николаевич окончил учительскую семинарию в Гатчине. Он начал работать учителем в Спасской Полисти, Новгородской губернии. Потом он переехал в село Любыни, Старорусского уезда, Подгощинской (или Любынской, смотря какое село в то время считалось центром волости - Подгощи или Любыни) волости, Новгородской области. (Село Любыни существует и сегодня; оно расположено на юг от Новгорода, в 9 км южнее с. Подгощи, которое легче найти на современной карте).

У меня сохранилась «Метрическая выпись о родившихся в 1905 году», выданная причтом Любынской-Знаменской церкви, Старорусского уезда в 1918 г. («на случай представления в учебное заведение»), относительно моей тети Зинаиды Константиновны, где указано звание моего деда Константина Николаевича Гудкова: «учитель Любынского одноклассного Министерства Народного Просвещения училища».

В селе Любыни в 90-х гг. прошлого века мой дед Константин Николаевич Гудков познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой Екатериной Кузьминичной Лемешевой.

***

Теперь - о другом родительском корне. **история рода Лемешевых.**

Другие мои **прадед и прабабушка по материнской линии** - КУЗЬМА МАКСИМОВИЧ ЛЕМЕШЕВ и ДАРЬЯ ИВАНОВНА ЛЕМЕШЕВА (в девичестве - МАЛЫШЕВА). Семья Лемешевых была крестьянской.

У моего прадеда Кузьмы Максимовича Лемешева был брат - НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ ЛЕМЕШЕВ. У того был сын (двоюродный брат моей бабушки Екатерины Кузьминичны) АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ.

У моей прабабушки Дарьи Ивановны Лемешевой был брат - ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЛЫШЕВ. Его дети - АННА, АНАСТАСИЯ, ПАВЕЛ, ЛЕОНИД, АНТОНИНА и ЕВДОКИЯ (двоюродные сестры и братья моей бабушки Екатерины Кузьминичны). (Моя тетя Н.К. Бранкина пишет, что больше, чем с остальными, она общалась с «тетей То-ней» - Антониной Васильевной, и «тетей Дусей» - Евдокией Васильевной. С последней моя тетя Нонна Константиновна общалась до ее смерти в

1970-х гг. Об их детях - двоюродных сестрах или братьях моей мамы - тетя Нонна ничего не сообщает).

Мой прадед Кузьма Максимович Лемешев умер рано, оставив троих дочерей: ЕКАТЕРИНУ (моя бабушка; род. в 1880 г.), ТАТЬЯНУ и АЛЕКСАНДРУ. Старшей (моей бабушке Екатерине) было тогда около четырех лет. Младшая (Александра) вскоре умерла от скарлатины.

Как пишет моя тетя Н.К. Бранкина, моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева, «была очень трудолюбивая, деятельная крестьянка. Одна вырастила и воспитала дочерей, трудилась до самой смерти. Умерла она в июне 1923 г., в возрасте 72 лет. (Стало быть, родилась моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева около 1850 г. - З.В.). За несколько дней до смерти просила: «Кать, дай прялку, у меня пальцы еще шевелятся...».

Еще моя тетя Н.К. Бранкина сообщила мне, что моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева была у помещика управительницей. Незадолго до революции она купила большую часть дома помещика, другие части дома купили брат ее покойного мужа Николай Максимович Лемешев и еще одна семья (КАЛИНИЧЕВЫ). (В этом доме потом жили мой дед Константин Николаевич и моя бабушка Екатерина Кузьминична Гудковы, со своими детьми).

Сестра моей бабушки Татьяна Кузьминична Лемешева вышла замуж за ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЯБОВА (из купцов). Они жили в с. Михайлов Погост, Псковской губернии.

У Петра и Татьяны Рябовых было семеро детей: ЛИДИЯ, ЛЕОНИД, АЛЕКСАНДРА, КЛАВДИЯ, АНАТОЛИЙ, ВАЛЕНТИНА, ПЕТР. (Это - двоюродные братья и сестры моей бабушки Екатерины Кузьминичны). Моя тетя Н.К. Бранкина пишет, что связи с ними со времен войны у нее не было.

Моя бабушка Екатерина Кузьминична Гудкова (в девичестве - Лемешева) была старшей дочерью Кузьмы и Дарьи Лемешевых. Она родилась в 1880 г. (Так говорила моя тетя А.К.Гудкова; моя тетя Т.К.Козьярская пишет, что бабушка родилась в 1881 г.; моя тетя Н.К.Бранкина указывает - 1979 г; у меня же сохранилась старая фотографии могилы бабушки Екатерины Кузьминичны, где четко видна табличка с годами жизни: 1980-1942).

Моя бабушка Екатерина Кузьминична была моложе моего деда - Константина Николаевича - на десять лет. Судя по дате рождения их первого ребенка (моей тети Марии Константиновны), замуж моя бабушка вышла лет восемнадцати.

***

Теперь расскажу о **родительской семье моей мамы Ольги Константиновны Вахарловской (в девичестве - Гудковой).**

У моей бабушки Екатерины Кузьминичны и моего деда Константина Николаевича Гудковых было **ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ**:

МАРИЯ (род. 15.02.1899, ум. 14.02.1980);

СЕРГЕЙ (1901-1967);

АЛЕКСАНДРА (род. 5.5.1903, ум. в 1996 г.);

ЗИНАИДА (род. 16.02.1905, ум. 28.03.1972);

НИКОЛАЙ (род. 3.04.1907, ум. 1.04.1972);

НОННА (род. 18.08.1912 г.);

ОЛЬГА, МОЯ МАМА (род. 15.06.1915, ум. 23.06.1991);

ТАТЬЯНА (род. 18.01.1923).

(По другим имеющимся у меня сведениям, мой дядя С.Н.Гудкова скончался в 1969 г. Я здесь отдаю приоритет информации от тети Нонны - 1967 г.).

Мой дед Константин Николаевич и моя бабушка Екатерина Кузьминична жили при Любынской школе, где дед учительствовал. В 1910-х гг. (уже когда Николай Константинович оставил учительство, о чем - ниже) они переехали в дом матери моей бабушки Екатерины Кузьминичны - Дарьи Ивановны Лемешевой. (В этом доме они жили вплоть до 1930 г.).

По воспоминаниям моей тети Н.К. Бранкиной, мой дед Николай Константинович был очень творческим педагогом. Кроме грамоты дети в Любынской школе приобретали ремесленные навыки (столярное дело, сапожное дело), а также навыки грамотного ведения сельского хозяйства. Около школы был плодовый сад, расположенный на низком месте, так что каждое дерево росло на приносной земле. По краям сада росли березы и были разве-дены... подберезовики.

Еще тетя Нонна рассказывает, что около бывшего помещичьего дома, в котором жила семья Гудковых, были запущенный сад и пруд с ледяной водой, выложенной булыжником. Дед восстановил сад и выкопал еще один (маленький) пруд, для полива сада и купанья. (Теперь сады вырублены, а пруды высохли).

В 1910-х гг. мой дед Константин Николаевич Гудков оставил учительство и стал работать дьяконом - в той самой Любынской-Знаменской церкви, где крестили всех его детей (к тому времени их было уже шестеро). Как сообщает моя тетя Н.К. Бранкина, к тому времени у деда был уже **27-летний учительский стаж**.

Как пишет моя родственница Мария Степанова (со слов моей покойной тети А.К.Гудковой), «у него (*моего деда Константина Николаевича. - З. В.*) заболела печень, и учительствовать стало трудно». По свидетельству моей тети Т.К.Козярской, этот жизненный шаг деда имел и другие причины (см. ниже).

Прочитую упомянутое выше письмо ко мне моей тети Т.К. Козярской:

«Мне было 14 лет (напомню: тетя Таня родилась в 1923 г. - З.В.), когда я видела его (*моего деда Константина Николаевича. - З. В.*) в последний раз. Я далеко не все тогда понимала, и оценить его положительное влияние на всех нас, детей, смогла, пожалуй, лишь гораздо позже. По отдельным высказываниям старших, отложившимся где-то да-леко в памяти, у меня сложилось впечатление, что отец оставил учительство не потому, что хотел «полегче» (или не только). Были и другие причины, хотя бы начиная с влияния мамы (*моей бабушки Екатерины Кузьминичны. - З. В.*). Мама была глубоко верующим человеком. В связи с болезнью папы даже дала обет - никогда не есть мяса, и этот обет всю жизнь свято соблюдала...

Отец был довольно деятельным человеком до старости, - продолжает моя тетя Т.К. Козьярская. - Еще будучи учителем, он организовал в селе самодеятельные спектакли, хор. У него самого был хороший голос... В меру своих способностей отец старался развить интерес к музыке и в детях. У нас был даже рояль дома. Своих детей он хотел видеть образованными людьми. Это сказалось его влияние, что почти все дети, в трудное для нас время, получили высшее образование.

Свое с/хозяйство отец старался вести «по науке». Еще будучи ребенком, помню слова: «севооборот», «семиполье», и пр. Насчет земли. У бабушки, маминой мамы, наверное, была земля, но дети в то время еще были малы и не могли участвовать в обработке. А после революции папа получил надел, как выразилась, наверное, т. Зина (моя тетя Зинаида Константиновна. - З.В.), - «мокрые кусты». Старшим детям пришлось очень много и трудно работать, чтобы привести эту землю в должное состояние, они даже обижались на папу за это...».

В 1930 г. семья Гудковых был раскулачена и выселена за пределы Новгородской области.

В ту пору шестеро старших детей уже жили отдельно. Дед и бабушка отправили мою маму (ей было 15 лет) к старшему брату, моему дяде Николаю Константиновичу (он жил в с. Черном, Новгородской обл.), а сами с младшей дочерью Таней (моей тетей Татьяной Константиновной) перебрались в Псковскую область. Там они поселились в с. Высокое, Дедовичского района, а позднее - переехали в с. Сигорицы. Пока жили в с. Высокое, мой дед Константин Николаевич служил в церкви дьяконом, а в с. Сигорицы стал служить священником.

В 1937 г. моя тетя Татьяна Константиновна окончила семилетку и переехала в Новгород, где стала учиться в средней школе, а дед с бабушкой остались вдвоем.

В 1938 г. мой дед Константин Николаевич Гудков был арестован, и больше никому из родственников ничего узнать о нем не удалось. Обстоятельства смерти деда неизвестны. Могилы - нет.

Более подробно об обстоятельствах жизни семьи Гудковых в 1930-х гг. рассказывает моя тетя Т.К. Козьярская в своем письме:

«Нас раскулачили в 1930 г. и выселили. Так мы оказались в Псковской области... Вначале жили в Дедовичах (с. Высокое), а когда там закрыли церковь, папа получил наз-начение уже священником в захудалое село Сигорицы... Папу арестовали в марте 1938 г. Я была тогда в Новгороде. Больше о папе никаких известий уже не было. Мама ездила в Псков, чтобы что-то узнать - но безрезультатно. Тогда мама собрала вещи, часть их оставила у какой-то женщины, оставив себе лишь самое необходимое, поехала к детям и стала жить у т. Шуры (моей тети Александры Константиновны. - З. В.) на Сиверской в Белогорке...».

Моя тетя Н.К. Бранкина пишет:

«В 1938 г. папа был арестован. После его ареста мама (моя бабушка Екатерина Кузьминична. - З. В.) некоторое время жила у меня, а в конце лета переехала к Шуře в Белогорку...».

О трагической судьбе моего деда Константина Николаевича Гудкова я лично впервые узнала только в 1991 г., в день похорон моей

мамы Ольги Константиновны, от моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского и от моей тети Нонны Константиновны Бранкиной.

Старшие поколения Гудковых и Вахарловских - в течение полувека! - оберегали младших от этой информации.

Моя бабушка Екатерина Кузьминишна Гудкова ненадолго пережила моего деда. Она погибла от тифа, в войну, в марте 1942 г. (Об обстоятельствах ее смерти более подробно - ниже).

На кладбище в Сиверской сохранилась могила моей бабушки Екатерины Кузьминичны. (Недавно эту могилу обновили).

***

Обращусь к рассказу о моих старших родственниках - **маминых сестрах и братьях** (то есть о моих тетушках и дядях по материнской линии) и об **их потомках**.

Старшая из детей моих деда и бабушки, по маминой линии, моя тетя МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА родилась 15 февраля 1899 г. Она окончила Новгородскую гимназию, еще до революции. Одно время тетя Маруся преподавала в школе - той самой Любынской школе, где прежде учительствовал ее отец (мой дед) Константин Николаевич. Потом тетя Маруся уехала в Ленинград, где закончила Ленинградский сельскохозяйственный институт (специальность - агроном). Она работала научным сотрудником на Ленинградской опытной станции Белогорка. Тетя Маруся очень любила и хорошо знала природу.

В 1927 г. моя тетя Мария Константиновна вышла замуж за НИКОЛАЯ МИРОНОВА, агронома. Они стали жить в Ленинграде. Муж тети Маруси преподавал в Институте механизации сельского хозяйства. Детей у них не было. В начале войны тетя Маруся эвакуировалась в Оренбургскую область. Ее муж Николай Миронов эвакуировался туда же, но позднее. Его здоровье было подорвано блокадой, и он умер там от сердечного приступа.

После войны тетя Маруся работала научным сотрудником в ВИРе (Всесоюзный институт растениеводства). В Ленинграде она всю жизнь прожила в комнате в коммунальной квартире, на Петроградской стороне (ул. Ижорская). В этой комнате мне нравилось бывать.

Обычно у моей тети Марии Константиновны подолгу жили младшие родственники, сначала сестры, а потом - племянники, приезжавшие в Ленинград учиться или работать. Она их всех опекала. Вообще, тетя Маруся - старшая сестра - была для младших как бы второй матерью.

Младшие родственники ответили тете Марусе любовью и заботой, когда она заболела (у Марии Константиновны был инфаркт).

Умерла моя тетя Мария Константиновна Гудкова 14 февраля 1980 г., в возрасте 82 лет. Она похоронена на Северном (Парголовском) кладбище.

Второй из детей моих деда и бабушки, мой дядя СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ родился в 1901 г. Он окончил духовное училище в Старой Руссе. Отслужив в армии, он поступил в Ветеринарный институт, по окончании которого уехал в Сибирь. (Моя тетя Т.К. Козьярская в своем письме уточняет: в Омск). Через несколько лет дядя

Сережа вернулся. Был женат, имел четверых детей: НАДЕЖДА, НИКОЛАЙ, ИРИНА, ОЛЬГА. (Это - мои двоюродные брат и сестры; о них - ниже).

Мой дядя Сергей Константинович был разведен, потом женился вторично. Проживал в Выборгском районе, Ленинградской области.

Дядя Сережа был старшим из сыновей моего деда Константина Николаевича и пользовался особым авторитетом в семье. Кажется (по воспоминанию моей сестры Ольги Вахарловской), он был членом партии, потом - то ли был исключен, то ли сам из партии вышел. Из-за чего вроде и вынужден был уехать за «100-й км», в Выборгский район.

(Моя тетя Т.К. Козьярская пишет в своем письме, что «в партии дядя Сережа, пожалуй, не был... У него были какие-то неприятности, связанные с работой, но скорее всего с происхождением»).

Умер мой дядя Сергей Константинович Гудков в возрасте 68 лет, от рака желудка, в 1969 г.

(Рассказывают, что дядя Сережа правильно предсказал последовательность ухода из жизни своих сестер и брата. Сам он скончался первым).

О потомках дяди Сережи (Сергея Николаевича Гудкова)

Сына моего дяди Сергея Николаевича (моего двоюродного брата) НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА ГУДКОВА уже нет в живых.

Старшая дочь моего дяди Сергея Николаевича (моя двоюродная сестра) НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА ГУДКОВА закончила Ленинградский педагогический институт, работала же в основном инженером (в частности, на Кронштадтском судоремонтном заводе). жила сначала в Ленинграде (в Купчино), потом в Кронштадте.

Мне раньше почти ничего не было известно о младших детях дяди Сережи (моих двоюродных сестрах) - ИРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ и ОЛЬГЕ СЕРГЕЕВНЕ ГУДКОВЫХ. Моя тетя Т.К. Козьярская сообщает в своем письме: «Ирина, дочь д. Сережи, как я слышала в свое время от сестер, - медицинский работник, работала в Липецке, в психиатрической больнице. Связь с ней потеряна. У Ольги, дочери д. Сережи, трагическая судьба. Ее нет в живых...».

Как рассказывала мне (давно) моя двоюродная сестра Надежда Гудкова, у Ирины Сергеевны Гудковой есть дочь.

Третья из детей моих деда и бабушки, моя тетя АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА родилась 5 мая 1903 г. До революции она училась в приходской школе при монастыре в Новгородской губернии (первые три класса). Заканчивала школьное обучение уже после революции.

В 20-х гг. тетя Шура приехала к старшей сестре, моей тете Марии Константиновне в Ленинград, где поступила учиться в Ленинградский сельскохозяйственный институт. На 3-м курсе была отчислена из института («после партийной чистки, по социальному происхождению», как записала Мария Степанова со слов моей тети Александры Константиновны). Закончив курсы контрольных лаборантов, тетя Шура стала работать в Волосовском районе, Ленинградской обл.

Сельскохозяйственный институт она окончила уже позднее («экстерном», как пишет Мария Степанова).

До войны тетя Шура работала техником, потом научным сотрудником на опытной станции Белогорка (там же, где и моя тетя Мария Константиновна). Как тетя Шура вспоминала (письмо Марии Степановой), ее два раза сокращали оттуда «по социальному происхождению».

Моя тетя Александра Константиновна была замужем за МИХАИЛОМ СТЕПАНОВЫМ (свою фамилию тетя Шура не меняла). У них были дети: ВИКТОР (1935 г. рожд.) и АЛЕКСАНДР (1937 г. рожд.).

Как я уже говорила, к тете Шуре, в Белогорку, после ареста моего деда Константина Николаевича Гудкова в 1938 г. переехала жить моя бабушка Екатерина Кузьминична.

В 1941 г. вся семья Степановых-Гудковых оказалась в г. Пушкине, под немцами. Потом перебрались на ст. Сиверская. Там в 1942 г. тиф скосил половину семьи (умерли моя бабушка Екатерина Кузьминична, муж тети Шуры Михаил Степанов и 6-месячный сын тети Шуры КОЛЯ). Тете Шуре с двумя малолетними детьми (Виктором и Александром) чудом удалось избежать угона в Германию.

Моя тетя Т.К. Козьярская пишет об этих печальных событиях в своем письме:

«В начале войны т. Шура (*моя тетя Александра Константиновна. - 3.В.*) с семьей жили в г. Пушкине, где муж т. Шуры - Степанов М. работал в Институте механизации сельского хозяйства. Из-за неразберихи они не смогли эвакуироваться. К тому же у т. Шуры должен был родиться ребенок. С трудом им удалось перебраться на ст. Сиверскую, в Белогорку. Там было тоже голодно. Наша мама (*моя бабушка Екатерина Кузьминична. - 3.В.*) весной с опухшими ногами в каких-то обмотках собирала в поле колоски и, видимо, очень простудилась. Да и тиф свирепствовал. Болела мама тихо, ни на что не жалуясь, стараясь не причинять лишнего беспокойства дочери. Т. Шура даже не сразу заметила, что мама больна. Вскоре переболела почти вся семья, кажется, кроме Саши. Умер муж т. Шуры, когда т. Шура была без памяти. Она даже не знала, где он похоронен».

С 1944 г. моя тетя Александра Константиновна стала вновь работать на опытной станции Белогорка, а потом - до самой пенсии - зоотехником в колхозе «Ленинское знамя». Жила она в дер. Рутелицы, Волосовского района. Сначала тетя Шура жила в доме, выделенном от колхоза. (Я помню этот дом - с соломенной крышей, а на крыше росла береза). Потом тетя Шура, при участии своих сестер (моих тетушек) Марии Константиновны, Зинаиды Константиновны и Ольги Константиновны (моей мамы), купила там себе дом.

Моя тетя Александра Константиновна за успехи в животноводстве была послана на ВДНХ (где была награждена медалью и ценным подарком). В последующие годы ее колхоз занимал первые места в районе по надоям молока.

Тетю Шуру очень уважали односельчане, часто обращались к ней за житейскими советами. Она вела здоровый образ жизни: ежедневно

проходила много километров пешком, занималась физзарядкой (хоть в ту пору на селе это и не было принято).

Тетя Шура в старости страдала глаукомой (по-видимому, это наследственная болезнь Гудковых, т.к. ею страдали также моя тетя Зинаида Константиновна и моя мама Ольга Константиновна).

Уже в преклонном возрасте, после тяжелого перелома шейки бедра, тетя Шура переехала к сыну, Александру Михайловичу Степанову в г. Чехов, Московской области. Там в 1996 г. моя тетя Александра Константиновна Гудкова скончалась, в возрасте 93 лет.

Дом тети Шуры в дер. Рутелицы цел и по сей день. В одной его половине летом живет ее сын (мой двоюродный брат) Виктор Михайлович Степанов, а во второй его половине - тоже летом - моя сестра Ольга Глебовна Вахарловская, со своей семьей.

О потомках тети Шуры (Александры Николаевны Гудковой)

Старший сын моей тети Александры Константиновны (мой двоюродный брат) **ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ СТЕПАНОВ** был военным, потом, после окончания Ленинградского электротехнического института, работал инженером. Сейчас Виктор Михайлович живет в Санкт-Петербурге, в Купчино.

Младший сын моей тети Александры Константиновны (мой двоюродный брат) **АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СТЕПАНОВ** окончил военное училище, был военным. Его жена - **МАРИЯ СТЕПАНОВА**.

У Александра и Марии Степановых - две дочери: **АННА** и **ТАТЬЯНА**.

Александр Михайлович Степанов вышел в отставку в чине майора, не дослужив года до военной пенсии. Сейчас он живет в г. Чехове, Московской обл. Работает на железной дороге.

Старшая дочь Александра и Марии Степановых **АННА АЛЕКСАНДРОВНА СТЕПАНОВА** (внучка моей тети Александры Константиновны) закончила металлургический институт, вышла замуж за югослава (фамилии не знаю) и уехала с ним в Словению. Сейчас она работает там начальником цеха фармацевтического предприятия.

Младшая дочь Александра и Марии Степановых **ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СТЕПАНОВА** (внучка моей тети Александры Константиновны) сейчас заканчивает пищевой техникум, живет с мужем (фамилии не знаю), как и ее родители, в г. Чехове, Московской обл.

Четвертая из детей моих деда и бабушки, моя тетя **ЗИНАИДА КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА** родилась 16 февраля 1905 г. Она окончила педагогический техникум, в Новгороде. Учительствовала (все в той же Любынской школе, где прежде - мой дед Константин Николаевич Гудков). Потом тетя Зина переехала в Ленинград, где закончила чертежные курсы. Работая чертежницей в Ленинградском кораблестроительном институте, училась в нем на вечернем отделении. Ее чуть не исключили оттуда («по доносу», по воспоминанию моей тети Александры Константиновны Гудковой).

По окончании института тетя Зина стала работать в институте «Союзпроектверфь» (том самом, где работал мой будущий отец Глеб Анатольевич Вахарловский).

Моя тетя Зинаида Константиновна получила в Ленинграде комнату (очень темную) в коммунальной квартире на Петроградской стороне (ул. Малая Посадская). К ней потом приехала из Новгородской области ее младшая сестра, моя мама Ольга Константиновна, и они стали жить вместе.

В войну моя тетя Зинаида Константиновна и мама, также вместе, эвакуировались в Омск, по месту эвакуации института «Союзпроектверфь», где работала тетя Зина.

После войны тетя Зина вернулась в Ленинград. Продолжала работать в том же институте «Союзпроектверфь» инженером, до пенсии.

У тети Зины, как и у тети Маруси, часто подолгу жили младшие родственники, приехавшие в Ленинград учиться или работать. Я очень любила бывать у тети Зины в комнате на Малой Посадской.

Моя тетя Зинаида Константиновна Гудкова умерла 28 марта 1972 г., в возрасте 67 лет, от тилонефрита. Она похоронена на Северном кладбище (как и моя тетя Мария Константиновна).

Детей у тети Зины не было.

Пятый среди детей моих деда и бабушки, мой дядя НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГУДКОВ родился 3 апреля 1907 г. Он окончил сельскохозяйственный техникум, после чего стал работать агрономом в с. Черном, Батецкого района, Новгородской обл.

(Как рассказывает дочь дяди Коли, моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская, там, в с. Черном, был сортоучасток по выведению новых сортов пшеницы по методу Н.И. Вавилова. С приходом к власти Т.Д.Лысенко, сортоучасток был преобразован в МТС).

Дядя Коля работал сначала на сортоучастке, потом в МТС. Трудовые заслуги Николая Константиновича неоднократно отмечались в газетах, он награждался ценными подарками.

В с. Черном дядя Коля познакомился с двумя сестрами-учительницами - ЛИДИЕЙ ФЕДОРОВНОЙ и РАИСОЙ ФЕДОРОВНОЙ ЕКИМОВЫМИ. Мой дядя Николай Константинович женился на Раисе Федоровне Екимовой. 4 сентября 1930 г. у них родилась дочь РИММА.

Моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская рассказывает:

«Когда началась война, МТС не успели эвакуировать. Чтобы техника не досталась врагу, работники МТС загнали ее в болото, а сами прибыли на пункт эвакуации (ст. Хвойная, тогда - Ленинградской, теперь - Новгородской обл.). За то, что «погубили» технику, папа (*Николай Константинович Гудков. - З. В.*) и его товарищи были исключены из партии.

Папа еще до войны имел офицерское звание (мл. лейтенант). Его лишили звания и отправили на фронт рядовым. Он воевал на Северо-Западном фронте. Воевал хорошо, был наг-ражден орденом «Красной звезды». (*Этот орден с оббитой эмалью хранится в семье Соколовских; в один из лучей звездочки попала пуля, так что орден «спас» дяде Коле жизнь. - З. В.*) За год войны папа «дослужился» до капитана артиллерии.

В 1942 г. его часть попала в окружение. Некоторым, в том числе и папе, удалось из него выйти. После этого папе уже «не доверили»

вернуться на фронт и отправили работать на оружейный завод в Ижевске, где он и закончил войну.

После войны папа работал агрономом на ст. Хвойная, Новгородской обл., потом - в Выборгском районе (г. Приморск), потом - в Ломоносовской МТС. То, что в 1941 г. сельскохозяйственную технику они не оставили врагу, стало рассматриваться как патриотический поступок. Папины сослуживцы были восстановлены в партии. Сам же он восстанавливаться в партии не захотел. Не захотел и работать председателем колхоза, как ему усиленно предлагали...».

Дядя Коля жил с женой Раисой Федоровной в г. Ломоносове.

С 1941 г. с ними вместе жила сестра Раисы Федоровны Лидия Федоровна Екимова, потерявшая в первый год войны мужа ИВАНА ИВАНОВИЧА ПЕТРОВА. Моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская говорит, что Лидия Федоровна была ей (Римме) «второй матерью».

Жили втроем (Римма к тому времени уже вышла замуж) в ведомственном доме, в «полуторакомнатной» квартире. Уже выйдя на пенсию, дядя Коля занимался лесоохраной. Был председателем охотничьего коллектива.

Мой дядя Николай Константинович Гудков умер 1 апреля 1977 г., в возрасте 70 лет, от рака легких. Он похоронен на кладбище в Ломоносове, под Ленинградом.

Жена Николая Константиновича Раиса Федоровна Екимова и ее сестра Лидия Федоровна Екимова пережили его на три года (Раиса Федоровна умерла 6.05.1980, в возрасте 76 лет; Лидия Федоровна умерла 20.12.1980, в возрасте 80 лет).

О потомках дяди Коли (Николая Константиновича Гудкова).

Дочь моего дяди Николая Константиновича (моя двоюродная сестра) РИММА НИКОЛАЕВНА СОКОЛОВСКАЯ (в девичестве - Гудкова) закончила Ленинградский библиотечный институт. Она вышла замуж за МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА СОКОЛОВСКОГО (родом из г. Котовска, Одесской обл.). Он был военным, прошел путь от рядового до подполковника. Служил по всей стране от Балтийска до Советской Гавани. Римма Николаевна, как офицерская жена, переезжала вместе с ним, работала библиотекарем. Сейчас оба - на пенсии.

У Риммы и Михаила Соколовских есть сын СЕРГЕЙ (1952 г. рожд.). Это - внук моего дяди Николая Константиновича. По специальности СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОКОЛОВСКИЙ - радиоэлектронщик. Работал в институте метрологии им. Менделеева. Сейчас работает на фирме «Петмол», инженером-электриком.

Сергей Михайлович Соколовский от первого брака (с ОЛЬГОЙ СЕРАФИМОВНОЙ ПОЛОСУХИНОЙ) имеет дочь ИРИНУ (1983 г. рожд.). Это - правнучка моего дяди Николая Константиновича.

Сейчас Сергей Михайлович женат вторично. Его жена - ИРИНА ИВАНОВНА СОКОЛОВСКАЯ (в девичестве - Фомичева; родом из г. Костромы). Она работает врачом (пульманолог).

У Сергея и Ирины Соколовских - двое детей: ЕЛЕНА (род. 3.02.1986) и МИХАИЛ (род. 20.07.1988). Это - правнуки моего дяди Николая Константиновича.

Сейчас все три поколения Соколовских живут вместе, в г. Ломоносове. У них там 3-х комнатная квартира. А по дороге к Сосновому бору - свой садово-огородный участок, где моя двоюродная сестра Римма Николаевна проводит лето с внуками.

Шестая среди детей моих деда и бабушки, моя тетя НОННА КОНСТАНТИНОВНА БРАНКИНА (в девичестве - ГУДКОВА) родилась 18 августа 1912 г.. Она окончила Новгородское педагогическое училище, после чего работала воспитательницей в детском саду. Потом тетя Нонна учительствовала в с. Раменское, под Новгородом.

Двадцати лет моя тетя Нонна Константиновна вышла замуж за ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА БРАНКИНА, председателя колхоза. (В своем недавнем письме она пишет: «Бранкин Иван Александрович, родом из крестьян. Трудолюбивый и честный. Большого образования не имел. Но где ни работал - дело шло хорошо».

У Нонны Константиновны и Ивана Александровича Бранкиных было четверо детей: ВЛАДИМИР, ГАЛИНА, МАРИЯ, НОННА (о них см. ниже).

Во время войны тетя Нонна была угнана со всеми детьми (старшему - Владимиру - было тогда восемь лет, а младшей - Нонне - два года) в Прибалтику. Там один прибалтийский крестьянин их пожалел и взял тетю Нонну, с детьми, к себе - батрачить.

Муж моей тети Нонны Константиновны Иван Александрович Бранкин в это время воевал на Ленинградском фронте. (Тетя Нонна пишет: «23 июня 1941 г. был призван в Армию и направлен на Ленинградский фронт, 41-й понтонно-мостовой батальон. Оборонял подступы к Ленинграду на Невской Дубровке - «Невский батальон». Был ранен дважды: осколочное ранение в висок; и под Старой Руссой - пулевое ранение в бедро. За боевые и трудовые заслуги был награжден тремя орденами и медалями, в числе которых и медаль «За оборону Ленинграда»).

По окончании войны все вернулись домой (в с. Раменское).

Потом семья Бранкиных переехала в Новгород, где Иван Александрович работал строителем, а тетя Нонна - учительствовала. Иван Александрович Бранкин умер в 1987 г.

Сейчас моей тете Нонне Константиновне Бранкиной - 85 лет. К старости у нее развилась катаракта. Тетя Нонна живет в Новгороде, в 2-х комнатной квартире, одна. Но дети и внуки ее не забывают.

О потомках тети Нонны (Нонны Константиновны Бранкиной).

Сын моей тети Нонны Константиновны (мой двоюродный брат) ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ БРАНКИН (род. 10.08.1933, ум. 17.03.1997). Жил в Твери. Владимир Иванович был женат на ЗОЕ ГРИГОРЬЕВНЕ КАПУСТИНОЙ. В 1960 г. у них родилась дочь ЕЛЕНА.

Дочь Владимира и Зои Бранкиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БРАНКИНА вышла замуж за ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ГОЛУБЕВА.

У Юрия и Елены Голубевых есть дети: ЮЛИЯ (1980 г. рожд.) и ТАТЬЯНА (1983 г. рожд.). Это - правнучки моей тети Нонны.

Старшая дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюродная сестра) ГАЛИНА ИВАНОВНА БРАНКИНА (род. 18.09.1935). Живет в г. Сарапуле. Была замужем за ПАВЛОМ АНДРЕЕВИЧЕМ ЧАТКИНЫМ. Разведена. Сейчас на пенсии.

У Галины и Павла Чаткиных - трое детей: ЮРИЙ (1959 г. рожд.), ЕЛЕНА (1961 г. рожд.) и ВЕРА (1972 г. рожд.).

Сын Галины и Павла Чаткиных (внук мой тети Нонны Константиновны) ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ЧАТКИН был женат. (Сейчас его супруги нет в живых).

В 1977 г. у Юрия Чаткина и его супруги родился сын ВЯЧЕСЛАВ. Это - правнук моей тети Нонны.

Сейчас Галина Ивановна Бранкина, ее сын Юрий Павлович и внук Вячеслав Юрьевич живут вместе, в г. Сарапуле.

Старшая дочь Галины и Павла Чаткиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ЧАТКИНА вышла замуж за АЛЕКСАНДРА БАЙЦЕРОВА. Они живут в г. Белово, Кемеровской обл.

У Елены и Александра Байцеровых - двое детей: МАКСИМ (сейчас он учится в 5-м классе) и АННА (сейчас ей 10 лет). Это - правнучки моей тети Нонны.

Младшая дочь Галины и Павла Чаткиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) ВЕРА ПАВЛОВНА ЧАТКИНА, как и ее мать Галина Ивановна, живет в г. Сарапуле. Вера Павловна замужем. Ее мужа зовут АЛЕКСАНДР.

У Веры Чаткиной и ее супруга - две дочери: КСЕНИЯ и АНАСТАСИЯ. Это - правнучки моей тети Нонны.

Дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюродная сестра) МАРИЯ ИВАНОВНА БРАНКИНА (род. 10.11.1937, ум. 13.11.1990). Она была замужем за АНАТОЛИЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ САНЕВЫМ.

Мария Ивановна жила с семьей в г. Заполярном. Умерла от рака.

У Марии и Анатолия Саневых - двое детей (внуки моей тети Нонны Константиновны): АЛЕКСАНДР (род. 18.11.1960) и СВЕТЛАНА (род. в 1963 г.).

Сын Марии и Анатолия Саневых (внук тети Нонны) АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ САНЕВ, отслужив в Армии, жил в Новгороде. Был женат на НАТАЛЬЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ЗУЕВОЙ.

23 декабря 1980 г. у них родился сын ВИКТОР. Это - правнук моей тети Нонны.

Александр и Наталья Саневы разошлись. После развода Александр Анатольевич стал жить вместе с бабушкой (моей тетей Нонной Константиновной). Он работал в милиции, электриком. Александр

Анатолевич Санев трагически погиб 17 февраля 1988 г. Потом умерла и его бывшая жена Наталья Константиновна.

Сын покойных Александра и Натальи Саневых Виктор Санев ныне живет в Новгороде, вместе с бабушкой по материнской линии - ТАМАРОЙ АНДРЕЕВНОЙ ЗУЕВОЙ. Она - его попечитель. Виктор Санев учится в училище механизации.

Дочь Марии и Анатолия Саневых (внучка моей тети Нонны Константиновны) СВЕТАНА АНАТОЛЬЕВНА САНЕВА живет в г. Заполярном. Работает геодезистом. Была замужем за ЮРИЕМ ИЛЬИЧЕВЫМ (сейчас они разведены).

У Светланы и Юрия Ильичевых есть сын АЛЕКСАНДР (1992 г. рожд.). Это - правнук моей тети Нонны.

Младшая дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюродная сестра) НОННА ИВАНОВНА БРАНКИНА (род. 3.04.1939). Живет в Новгороде. Нонна Ивановна была замужем за БОЛЕСЛАВОМ СТАНИСЛАВОВИЧЕМ СОЛДЕНЕМ (род. 8.07.1939, ум. 20.04.1994).

У Нонны и Болеслава Солденей - двое детей (внуки моей тети Нонны Константиновны): МАРИНА (род. 19.05.1963) и СЕРГЕЙ (род. 11.05.1966).

Нонна Ивановна Солдень работала бухгалтером, сейчас на пенсии. Недавно она вторично вышла замуж.

Дочь Нонны и Болеслава Солденей (внучка моей тети Нонны Константиновны) МАРИНА БОЛЕСЛАВОВНА СОЛДЕНЬ вышла замуж за АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЕРМАКОВА. Оба закончили Новгородский политехнический институт в 1988 г. Живут в пос. Поддорье, Новгородской обл., в своем доме. Марина Болеславовна работает бухгалтером.

У Марины и Александра Ермаковых - двое сыновей: ИВАН (род. 25.10.1989) и СТЕПАН (род. 5.02.1994). Это - правнуки моей тети Нонны.

Сын Нонны и Болеслава Солденей СЕРГЕЙ БОЛЕСЛАВОВИЧ СОЛДЕНЬ сейчас учится в Юридической академии. Он женат на ЕЛЕНЕ АНАТОЛЬЕВНЕ ПЕТРОВОЙ. Она по образованию педагог, сейчас работает в собесе, в Новгороде.

У Елены и Сергея Солденей есть сын Александр (1989 г. рожд.). Это - правнук моей тети Нонны.

Всего у моей тети Нонны Константиновны Бранкиной – уже ДЕСЯТЬ ПРАВНУКОВ.

Моя мама Ольга Константиновна Гудкова была седьмым, предпоследним ребенком в дедовой семье. О ней - рассказ впереди.

Последним ребенком в дедовой семье была моя тетя ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА КОЗЯРСКАЯ (в девичестве - ГУДКОВА). Она родилась 18 января 1923 г. Окончив в 1940 г. десятилетку в Новгороде (где ей дала приют семья ФРОЛОВЫХ, с которой до сих пор дружна моя тетя Нонна Константиновна), тетя Таня приехала в Ленинград и поступила в Ленинградскую лесотехническую академию. Параллельно с учебой работала деревообработчиком в производственном цехе при Лесотехнической академии. Жила в общежитии.

Перед самым началом войны тетя Таня успела сдать экзамены за первый курс. В блокаду оставалась в Ленинграде. Как она сейчас пишет, «особых героических поступков не совершала: недолго была в противопожарной роте и два раза была на рытье окопов». В марте 1942 г. тетя Таня эвакуировалась из Ленинграда по ледовой дороге.

Тетя Таня приехала в г. Омск, где тогда жили в эвакуации ее сестры Зинаида Константиновна и Ольга Константиновна (моя мама). Там моя тетя Татьяна Константиновна около года работала счетоводом-бухгалтером, потом была призвана в Армию. Воевала на Карельском и на Ленинградском фронтах.

После войны, вернувшись в Ленинград, тетя Таня окончила Ленинградский строительный институт и получила распределение в Иркутск, на строительство ГЭС. Там она работала инженером. Там же познакомилась с ЮРИЕМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ КОЗЯРСКИМ, будущим главным инженером «Братскгэстроя».

Потом тетя Таня хотела вернуться в Ленинград. Но это оказалось невозможным (без прописки не принимают на работу, а без работы не прописывают). Тогда она переехала в Новгород, где нашла работу по специальности и получила комнату.

Тем временем у Юрия Константиновича Козярского умерла жена. Он приехал в Новгород и предложил тете Тане выйти за него замуж. Тетя Таня согласилась и вместе с ним снова уехала в Сибирь, в Братск.

Моя тетя Татьяна Константиновна участвовала в строительстве многих сибирских гидроэлектростанций.

15 апреля 1959 г. в семье Козярских родилась дочь ТАТЬЯНА (моя двоюродная сестра).

Ныне моя тетя Татьяна Константиновна и ее муж Юрий Константинович Козярский - оба на пенсии, живут в Вышгороде, под Киевом. У них есть там и небольшой садово-огородный участок.

Дочь моей тети Татьяны Константиновны и Юрия Константиновича Козярских (моя двоюродная сестра) ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА КОЗЯРСКАЯ закончила Киевский архитектурно-строительный институт. По специальности она - архитектор. Сейчас живет вместе с родителями.

О моей двоюродной сестре Татьяне Козярской я расскажу отдельно, чуть ниже.

У Юрия Константиновича Козярского есть также сын от первого брака - ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ КОЗЯРСКИЙ. Он с семьей живет в Москве. Дмитрий Юрьевич - специалист по компьютерной рекламе. Его жена ЕКАТЕРИНА ОРЛОВСКАЯ - музыкальный педагог. У них трое детей: ИВАН, НИКИТА и МАРИЯ.

Екатерина Орловская с дочерью Марией гостили у меня на Кавказе. Недавно я с ними виделась в Москве.

***

Я рассказала все, что на сегодня знаю, о своих старших родственниках по маминой линии и об их потомках. Мне особенно помогли в этом письма моей тети Н.К. Бранкиной и моей тети Т.К. Козярской. Спасибо Вам, тетя Нонна и тетя Таня!

Обо всех моих покойных родственниках, которых я знала, я храню самые добрые воспоминания.

Больше, чем с остальными, я общалась с моими тетушками Марией Константиновной и Зинаидой Константиновной (которые жили в Ленинграде), а также с моей тетей Александрой Константиновной (к которой мы с мамой и моими младшими сестрами Светланой и Ольгой каждое лето ездили в дер. Рутелицы).

Помню, тетя Шура была ко мне строга, а тетя Зина баловала. (Например, мой первый фотоаппарат был подарком от тети Зины).

Мне всегда казалось в детстве (и, наверное, это было действительно так), что я - любимица у тети Зины... По отношению к ней (да и другим своим старшим родственникам) у меня до сих пор сохранилось **чувство неоплаченного долга**.

К сожалению, мы давно не виделись с тетей Нонной и тетей Таней, которых я люблю.

У моей тети Татьяны Константиновны Козярской мне не раз приходилось гостить, одной и (позднее) с дочерью Любой, - в Братске и в Киеве (последний раз я была в Киеве в 1992 г.).

Во времена моей молодости к нам в Ленинград часто приезжала моя тетя Нонна Константиновна Бранкина. В последний раз я видела ее в 1991г. (на похоронах мамы). Хотелось бы навестить тетю Нонну в Новгороде и тетю Таню в Киеве.

Мои старшие родственники, по маминой линии, всегда были очень дружны между собой, заботились друг о друге.

Как я уже говорила, первой приехала в Ленинград тетя Маруся, а вслед за ней - тетя Шура, тетя Зина, моя мама и тетя Таня. Причем младшие родственники (сначала братья, сестры, а потом их дети) всегда поначалу жили у старших (например, моя мама - у тети Зины).

От моей сестры Ольги Вахарловской я знаю, что у тети Шуры в дер. Рутелицы на приусадебном участке и по сей день растут кусты крыжовника, привезенные ей из Ломоносова дядей Колей; был там и мед из ульев, которые привез тете Шуре из Выборгского района дядя Сережа.

Уже на моей памяти, тетя Маруся и тетя Зина (проживавшие в Ленинграде) и другие родственники помогали моей маме, а она, чем могла, - им.

(Помню, уже в преклонном возрасте тетя Зина и тетя Маруся надумали съехаться вместе, обменяв свои две комнаты в разных местах на две комнаты вместе. Нашли вариант обмена, который казался им подходящим. Но я их от этого варианта отговорила, т.к. был высокий этаж без лифта. А больше они съезжаться не пытались).

Вообще, среди моих старших родственников (сестер и братьев Гудковых) постоянно поддерживалась атмосфера взаимной расположенности, отзывчивости, родственного тепла. В значительной мере это передалось и младшим поколениям.

Из моих **двоюродных братьев и сестер**, по маминой линии, я прежде довольно часто общалась с Виктором Михайловичем и Александром Михайловичем Степановыми (сыновьями моей тети

Александры Константиновны), а также с Надеждой Сергеевной Гудковой (дочерью моего дяди Сергея Константиновича).

С Надеждой Гудковой мы в последний раз виделись на похоронах нашего дяди Николая Константиновича в 1977 г., и с тех пор следы ее потерялись (не только для меня, но и для других моих родственников, которых я знаю).

С моей двоюродной сестрой ТАТЬЯНОЙ ЮРЬЕВНОЙ КОЗЯРСКОЙ (дочерью моей тети Татьяны Константиновны) мы дружим и по сей день. Она несколько раз приезжала ко мне на Кавказ.

Татьяна - богато одаренная натура, в частности, у нее - талант живописца. Я берегу подаренные мне ею замечательные акварели, которые она писала в горах, в Кавказском заповеднике.

В последний раз Татьяна была у меня в гостях (на кордоне Гузерибль) в 1991 г., вместе со своим мужем АЛЕКСАНДРОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ РОГОВЦЕВЫМ. А в 1996 г. мою двоюродную сестру Таню постигло горе: Александр Роговцев, ее супруг, трагически погиб.

Как пишет моя тетя Т.К. Козьярская, Таня-младшая (моя двоюродная сестра) - «сейчас много работает, задерживается допоздна, осваивает новые программы на компьютере».

Я очень хотела бы вновь увидеться с Таней!

***

Теперь расскажу подробнее о моей маме **Ольге Константиновне Вахарловской (в девичестве - Гудковой)**.

Пятнадцати лет (в 1930 г.) мама уехала из родительского гнезда (с. Любыни, Новгородской обл.), сначала к старшему брату (моему дяде) Николаю Константиновичу - в с. Черное, Новгородской обл., а потом перебралась в Ленинград, к старшей сестре (моей тете) Зинаиде Константиновне.

В Ленинграде мама окончила вечернюю школу. Работала сначала на «Гознаке», а потом на табачной фабрике (на Васильевском острове). В ту пору она была заядлой физкультурницей, занималась легкой атлетикой. У нее был значок «Ворошиловского стрелка». Перед войной мама поступила в Ленинградский холодильный институт. (Кажется, ей не сразу это удалось, мешало «социальное происхождение»).

Окончить институт (не холодильный, а другой - автодорожный) маме довелось уже в эвакуации, в Омске.

Мама и тетя Зина успели выехать из Ленинграда до начала блокады. Институт «Союзпроектверфь», где тогда работала моя тетя Зинаида Константиновна, эвакуировался в Омск, и мама поехала вместе со старшей сестрой.

В Омске мама познакомилась со своим будущим мужем и моим отцом ГЛЕБОМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ ВАХАРЛОВСКИМ, тоже ленинградцем, сотрудником моей тети Зинаиды Константиновны по работе.

Глеб Анатольевич был тогда вдовцом (о своей первой жене ЗИНАИДЕ ПАВЛОВНЕ МАЙЛОВОЙ, безвременно скончавшейся в 1940 г., в возрасте 31 года, отец рассказывает в своих воспоминаниях).

Мои родители Глеб Анатольевич Вахарловский и Ольга Константиновна Гудкова вступили в брак в 1944 г. Моей маме тогда было 29, а моему отцу - 35 лет.

В Омске жили, кажется, вместе: отец, мама и моя тетя Зинаида Константиновна. Уже в 1944 г. к ним присоединилась моя бабушка (мать моего отца Глеба Анатольевича) АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА ВАХАРЛОВСКАЯ (в девичестве - ВЕДРОВА), приехавшая из Ленинграда, где она пережила блокаду.

5 сентября 1944 г. родилась я, Зинаида Вахарловская.

Как рассказывала моя мама, в момент моего рождения отец был в командировке (кажется, на Севере). В конце 1944 г. он прислал нам вызов, и мы все вчетвером (мама со мной на руках, моя тетя Зинаида Константиновна и бабушка Антонина Владимировна) выехали в Ленинград.

Тетя Зина стала жить в комнате в коммунальной квартире на Петроградской стороне (где жила до войны вместе с моей мамой).

В Ленинграде отец с матерью, бабушка Антонина Владимировна и я первое время жили в бараке на Наличной ул. (поскольку довоенное жилье бабушки и отца было занято). В 1947 г. мой отец Глеб Анатольевич получил 2-х комнатную квартиру на ул. Строителей (в Автово). В этой квартире прошло мое детство.

Моя родительская семья росла.

12 февраля 1948 г. родилась моя сестра СВЕТЛАНА ВАХАРЛОВСКАЯ.

11 октября 1950 г. родилась моя сестра ОЛЬГА ВАХАРЛОВСКАЯ.

Нас три сестры: я - старшая, Светлана - средняя, Ольга - младшая.

***

Отец работал в своем институте («Союзпроектверфь»). Он проектировал судостроительные заводы по всей стране, часто ездил в командировки. В детский сад детей было не устроить. На руках у мамы были мы трое (я, Светлана и Ольга) и все домашнее хозяйство.

Работать по своей инженерной специальности в этой ситуации мама не могла. Тогда она стала зарабатывать шитьем и вязанием (для чего окончила соответствующие курсы).

Проработала за швейной машинкой, не разгибая спины, моя мама всю свою жизнь.

(Помню, в 1954 г., мама со всеми детьми - Оле не было еще четырех лет - уехала в отпуск, без заранее намеченного адреса, на Украину. Так она и туда взяла свою швейную машинку, и зарабатывала нам на фрукты).

Мама была очень большая искусница в шитье и вязанье. (Мне сегодня далеко до ее умения).

Жившая вместе с нами бабушка Антонина Владимировна Вахарловская подрабатывала частными уроками французского и немецкого. (Дочь профессора историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета ВЛАДИМИРА МАКСИМОВИЧА

ВЕДРОВА, получившая прекрасное образование, она хорошо знала языки). Но основной заботой бабушки Антонины Владимировны было воспитание внуков. Бабушка занималась со мной и Светланой - чтением, письмом, языками, рисованием. (Ольга в ту пору была еще малюткой).

2 августа 1952 г., в возрасте 80 лет, бабушка Антонина Владимировна скончалась.

Мне тогда было восемь лет. но я очень хорошо помню свою бабушку Антонину Владимировну Вахарловскую, и считаю, что я очень многим ей обязана в жизни.

Школьные учителя не шли ни в какое сравнение с бабушкой Антониной Владимировной как с педагогом. И мои успехи в школе были весьма скромными. (В отличие от меня, моя сестра Светлана училась очень хорошо и как-то легко. Младшая, Ольга училась тоже лучше меня).

В школьные годы я увлекалась физкультурой, и даже заслужила 1-й разряд по лыжам. Но главное мое увлечение тогда - кружок кинодела в школе.

Кинокружок в нашей школе вела МАРИЯ ПЕТРОВНА ПУЗАНОВА. Она жила в Автове, в том же доме, что и моя родительская семья. Наши семьи общались.

(Моя бабушка Антонина Владимировна давала уроки французского Володе, сыну Марии Петровны, который был старше меня на пять лет. Технически одаренный мальчик, Володя ремонтировал и настраивал мамину швейную машинку. А мама на этой швейной машинке шила одежду не только для своих детей, но и для семьи Марии Петровны).

Кинокабинет был для меня и многих других детей самым привлекательным местом в школе. Мария Петровна отдавала этому делу всю душу. Занятия в кинокружке восполняли зияющие пробелы в нашем школьном образовании. В школьном кинокружке Марии Петровны Пузановой занимались и мои сестры Светлана и Ольга.

Мария Петровна Пузанова позднее стала работать на кафедре научной и учебной кинематографии в Ленинградском университете. Еще школьницей, мне довелось проходить практику на этой кафедре (в результате чего я получила разряд фотолаборанта и права киномеханика).

Мария Петровна Пузанова умерла 18 августа 1973 г., в возрасте 68 лет.

В детстве я очень любила бывать у моей тети Александры Константиновны в дер. Рутелицы. Летом туда выезжала мама со всеми детьми. Часто туда приезжали моя тетя Мария Константиновна и моя тетя Зинаида Константиновна. Наверное, там, в Рутелицах, я впервые полюбила природу, что осталось на всю жизнь.

Мой отец Глеб Анатольевич выделял меня, как старшую из дочерей. Он много занимался со мной математикой и историей. В дальнейшем, и в школе, и в институте, лучших преподавателей по математике у меня не было.

Мама была душой нашей семьи. высоко нравственный и разносторонне одаренный человек, она исподволь, очень ненавязчиво прививала нам, детям, то, чем в избытке была наделена сама: любовь к природе, культурные навыки, художественный вкус, уважение к людям,

душевную отзывчивость, терпимость и такт, внутрисемейную солидарность, чувство собственного достоинства.

Когда появились внуки, эту свою заботу она переключила на них.

***

В 1962 г., окончив школу, я поступила в Ленинградский кораблестроительный институт. В отличие от школы, училась там хорошо и с удовольствием. Так было первые три курса.

В 1964 г. в стройотряде в Кокчетавской обл. я познакомилась со студентом того же института АНАТОЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ДУХАНИНЫМ. Он был родом из Комсомольска-на-Амуре, жил в общезитии.

В 1965 г. мы с Анатолием Дмитриевичем стали мужем и женой. Мне тогда было 20 лет, моему мужу - 26 (он родился 29.06.1938). (Помню, мой отец Глеб Анатольевич не одобрил этот мой жизненный шаг).

19 декабря 1965 г. у нас с мужем родилась дочь ЛЮБОВЬ ДУХАНИНА.

В родительской 2-х комнатной квартире в Автово стали жить всемером: отец, мама, две моих младших сестры, я с мужем и дочерью.

В 1966 г., при содействии своего отца, я получила комнату в коммунальной квартире на ул. Бассейной (в Московском районе). Там мы поселились втроем: я, муж и дочь. (Комната была хорошая, но в квартире, где мы жили, были вечно пьяные соседи).

Мама тогда подыскивала себе постоянную работу (у нее не хватало официального трудового стажа для пенсии). Но когда родилась внучка Люба, она оставила эти свои поиски.

Думаю, только благодаря маме, нам с супругом удалось благополучно закончить институт (в 1968 г.).

Особенностью обучения в институте в то время было совмещение учебы с работой. Весь первый курс я проработала судостроительным разметчиком на заводе им. Жданова.

На пятом курсе муж и я перевелись на вечернее отделение института. Я стала работать лаборантом в ЦНИИ им. Крылова, муж - на заводе «Алмаз». После окончания института и я стала работать в ЦКБ «Алмаз» (инженером-конструктором). В 1973 г. мы вместе с мужем Анатолием Дмитриевичем перешли на работу в ЦКБ «Волна».

Моя семейная жизнь с отцом моей дочери не ладилась. В 1973 г. брак с Анатолием Дмитриевичем Духаниным был расторгнут, по моей инициативе.

(Мой отец Глеб Анатольевич не одобрил это мое решение. Но я считаю, что поступила тогда правильно).

В замужестве я сменила фамилию Вахарловская на «Духанину». На эту фамилию у меня выписан и диплом об окончании института. После развода с Анатолием Духаниным, я вернула себе прежнюю фамилию - ВАХАРЛОВСКАЯ.

Мой бывший супруг Анатолий Дмитриевич Духанин уехал в Северодвинск. Проработав там несколько лет, он вернулся к себе на родину, в Комсомольск-на-Амуре. У него была нерегулярная переписка с моей дочерью Любой и с моим отцом Глебом Анатольевичем. До

достижения Любой 18-летнего возраста (1983 г.) ее отец Анатолий Дмитриевич аккуратно выплачивал алименты.

В мае 1995 г., в возрасте 56 лет, Анатолий Дмитриевич Духанин скончался от лучевой болезни (которую он получил, работая на заводе, где строились атомные подводные лодки).

В Комсомольске-на-Амуре живет мать Анатолия Дмитриевича (бабушка моей дочери Любы) ЛЮБОВЬ ЕЛИСЕЕВНА ДУХАНИНА. Там же живут сестры Анатолия Дмитриевича - ЛИДИЯ ДМИТРИЕВНА и ВЕРА ДМИТРИЕВНА, и его брат ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ДУХАНИН.

У них есть дети, приходящиеся моей дочери двоюродными братьями или сестрами. Но о них у меня нет сведений.

***

После развода с Анатолием Дмитриевичем Духаниным мы восемь лет жили с дочерью Любой вдвоем - там же, в комнате в коммунальной квартире, на ул. Бассейной. Я работала в ЦКБ «Волна» (позднее - «Малахит»). Мама очень помогала мне воспитывать дочь. Когда я уезжала в командировки (а они бывали и продолжительными), моя дочь Люба оставалась полностью на попечении моей мамы Ольги Константиновны.

Обычно летом моя мама с моей дочерью Любой уезжали в дер. Рутелицы, к моей тете Александре Константиновне. А когда у меня отпуск приходился на лето (обычно раз в два года), мы ездили с Любой вдвоем: в Братск (к моей тете Татьяне Константиновне), в Новосибирск (к родственникам первой жены моего отца Глеба Анатольевича), в Севастополь.

В ЦКБ «Малахит» я занималась проектированием подводных лодок (сначала в общепроектном отделе, а потом в корпусном отделе, где мне нравилось больше). Моим лучшим наставником там был очень талантливый и опытный инженер БОРИС СОЛОМОНОВИЧ ШКЛЯРЕВСКИЙ, муж ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ШКЛЯРЕВСКОЙ (в девичестве - ГОВОРОВОЙ), которую я помню с детства (мы жили в одном доме, в Автово).

(Впоследствии мы очень подружились с Борисом Соломоновичем и всей его семьей. Дружба продолжалась и тогда, когда я уехала на Кавказ. Борис Соломонович с женой Татьяной и дочерьми НИНОЙ и ЕЛЕНОЙ неоднократно гостили у нас там).

Борис Соломонович Шкляревский скоропостижно скончался в 1996 г., не дожив до 60 лет.

***

Проработав инженером в судостроении около пятнадцати лет, став грамотным специалистом, я, неожиданно для своих родителей, рассталась с этой работой. Вот как это случилось.

После кончины Марии Петровны Пузановой (1973 г.) я продолжала дружить с ее семьей. Сын Марии Петровны ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 18.08.1939; я о нем вскользь упоминала выше) женился на моей школьной подруге ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЯКОВЛЕВОЙ (род. 21.06.1943). Владимир Абрашкевич в то время работал инженером, в институте по разработке медицинских

приборов, а Ирина Яковлева, после окончания Ленинградского института культуры, заведовала детским садом.

В 1980 г. Владимир и Ирина, путешествуя на мопедах по Кавказу, побывали на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника. (Это высоко в горах, на южном склоне Главного Кавказского хребта). Там они познакомились с семьей Салтыковых.

ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ САЛТЫКОВ (1947 г. рожд.), по образованию физик, позднее закончивший высшие экологические курсы, работал на этом кордоне лесником. С ним были его жена НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА БУХАРОВА (1946 г. рожд.; в прошлом - культпросветработник и киноактриса) и их дочь ЮЛИЯ (1974 г. рожд.). До переезда на Кавказ они жили в Одессе.

А еще там работал лесником АНАТОЛИЙ КУЗЬМИЧ БАЗНИКИН, в прошлом - учитель литературы, из Ленинграда. (О нем подробнее - ниже). Вообще, это бы необыкновенный кордон, с необычными лесниками.

Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева, подружившись с тогдашними обитателями кордона Пслух, посоветовали мне съездить туда. И я отправилась на Кавказ в зимний отпуск (1981 г.).

По возвращении из отпуска в Ленинград, я сразу уволилась из ЦКБ «Малахит» и уехала на кордон к «Кузьмичу» (как все там звали Анатолия Кузьмича Базникина).

В 1981 г. мы с Анатолием Кузьмичом Базникиным образовали семью. Мне тогда было 36, Анатолию Кузьмичу - 52 года (он родился 18.07.1928).

(Этот мой жизненный шаг тоже вызвал неодобрение моего отца Глеба Анатольевича. Что касается мамы, то она никогда не стесняла моей свободы).

Расскажу подробнее об Анатолии Кузьмиче Базнике.

Анатолий Кузьмич - родом с Кавказа (его родительская семья жила в Тбилиси). После окончания педагогического института в Ленинграде (примерно в 1950 г.) он больше 25 лет учительствовал: в Кронштадте, в Тбилиси, в г. Сосновый Бор, Ломоносовского района, Ленинградской обл., в Ленинграде, где стал директором вечерней школы, наконец, в Берлине, где преподавал русский язык в немецкой школе. В Сосновом Бору он получил квартиру, которую потом поменял на Ленинград. Состоял в браке. После развода со своей первой женой кажется, ее звали - ТАМАРА) Анатолий Кузьмич один воспитывал дочь ИРИНУ (род. примерно в 1958 г.).

В 1965 г. Анатолий Кузьмич вступил во второй брак - с ДЖУЛЬЕТТОЙ СЕРГЕЕВНОЙ ГЕРАСКИНОЙ (1947 г. рожд.). Брак был неустойчивым. Примерно в 1971 г. у Джульетты Сергеевны родилась дочь Наталья. Анатолий Кузьмич не был отцом Натальи, однако он воспитывал ее, со дня рождения, как родную дочь.

Анатолий Кузьмич обменял свою квартиру в Ленинграде на квартиру в Сочи, куда переехал со своей женой Джульеттой Сергеевной и младшей дочерью Натальей. (Старшая - Ирина - примерно в 1975 г. вышла замуж за военного и уехала на Дальний Восток).

Анатолий Кузьмич хотел работать в Кавказском биосферном заповеднике и, не без труда, добился того, чтобы его приняли на работу лесником (в 1978 г.). Он работал на кордоне Лаура (южный склон Главного Кавказского хребта), где в 1979 г. перенес инфаркт. Однако продолжал работать лесником.

На кордон Пслух Анатолий Кузьмич Базникин переехал в 1980 г.

Анатолий Кузьмич Базникин разошелся со своей бывшей женой Джульеттой Сергеевной Гераскиной еще до нашей с ним встречи. Однако только в 1983 г. ему удалось оформить развод.

Тогда мы с Анатолием Кузьмичом смогли зарегистрировать брак. Это произошло в 1984 г. У меня это был второй брак, у Анатолия Кузьмича - третий.

Через полгода после моего переезда на кордон Пслух, зимой 1982-1983 г. туда переселились и Владимир Абрашкевич с Ириной Яковлевой. Владимир Абрашкевич устроился работать на кордоне лесником, как и Виктор Салтыков, и мой супруг Анатолий Кузьмич.

***

Когда я уехала на Кавказ, моей дочери Любе было шестнадцать лет. Люба заканчивала школу в Ленинграде, живя у деда с бабушкой, т.е. у моих родителей Ольги Константиновны и Глеба Анатольевича.

Мой отец с мамой в то время жили уже не в Автово, а переехали (еще в 1969 г.) в 3-х комнатную квартиру на ул. Громова (на Охте). С ними жила тогда также моя сестра Светлана. (Ольга к тому времени уже вышла замуж и жила отдельно от родителей, как и я). (О моих сестрах речь - впереди).

Мой отец Глеб Анатольевич постоянно помогал моей дочери (своей внучке) Любе в ее школьных занятиях (как когда-то он помогал мне).

После окончания школы (1983 г.) моя дочь Люба некоторое время работала в отделе оформления в институте у деда Глеба Анатольевича, что было (как я слышала от его сотрудников) ему приятно.

***

У моего супруга Анатолия Кузьмича Базникина на кордоне Пслух была однокомнатная ведомственная квартира. Мы с ним жили в этой квартире сначала вдвоем. Потом Анатолий Кузьмич перевез к себе из Тбилиси своего престарелого отца КУЗЬМУ ГРИГОРЬЕВИЧА БАЗНИКИНА (род. в начале 1900-х гг.).

Кузьма Григорьевич был тяжело болен и требовал постоянного ухода. Кузьма Григорьевич Базникин (отец Анатолия Кузьмича) скончался в 1983 г.

Мой муж Анатолий Кузьмич ходил в обходы по горам, был грозой браконьеров. Я - вела хозяйство. Держали домашнюю скотину: корову, свиней, птицу. Еще - собаки, кошки. (Одно время на кордоне жил даже медвежонок, оставшийся от застреленной браконьерами медведицы; потом его отдали в цирк).

Зимой добраться на кордон Пслух можно было только верхом на лошади или пешком - 20 км в гору, от Красной Поляны.

Пришлось и мне овладеть «искусством верховой езды». Правда, были и неудачи. В 1984 г. лошадь подо мной споткнулась, я упала, лошадь - на меня, и раздавила мне тазовую кость. Пришлось лежать два месяца. По счастью, окончилось благополучно. Однако и по сей день нога побаливает.

Жизнь на кордоне была трудной, но она была мне интересна.

Как явствует из уже сказанного, на кордоне Пслух почти все лесники (и их жены) были с высшим образованием, выходцами из города. Круто сменив свой образ жизни, они целиком посвятили себя делу защиты природы.

Мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин, по выражению одного из наших гостей, был «горнистом экологического движения». Это было небезопасно. Однажды я обнаружила на чердаке дома подброшенную винтовку с глушителем рядом с давно пропавшим у Кузьмича охотничьим ножом, а в нашей квартире - подброшенный комплект патронов. То была провокация против А.К. Базникина...

О легендарном кордоне Пслух, с его командой лесников-интеллигентов, экологистов, в свое время писалось в «Литературной газете», в журнале «Знание-сила». В 1984 г. на нашем кордоне побывал знаменитый зоолог и писатель Дж. Даррэл, снимавший там фильм.

***

Вернусь к семейной хронике.

Каждую осень, начиная с 1981 г. на кордон Пслух приезжали моя мама Ольга Константиновна с моей сестрой Светланой. (Лето мама обычно проводила в дер. Рутелицы, вместе с внуками, сначала с моей дочерью Любой, а потом - с детьми моей сестры Ольги Сережей и Дашей). Приезжала на кордон Пслух и моя дочь Люба. Побывала там и моя сестра Ольга со своей семьей.

(Мама всегда с большим пониманием относилась к нашим общественным и личным проблемам. Она была, я бы сказала, хорошей тещей...).

Приезжали на кордон Пслух также родственники Абрашкевичей: отец Владимира Абрашкевича - ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 7.06.1902, ум. 4.12.1994; в прошлом - главный конструктор СПКБ при заводе им. Жданова, проработавший в судостроительной промышленности почти полвека, к тому времени - пенсионер) и сын Владимира Абрашкевича (внук покойной Марии Петровны Пузановой) - студент Ленинградского университета АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 1.02. 1963).

Приезжал на Пслух и товарищ Андрея Абрашкевича по университету АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 15.04.1963), еще до этого познакомившийся с моей дочерью Любой.

В 1985 г. моя дочь Любовь Вахарловская (при получении паспорта она, по желанию деда Глеба Анатольевича, сменила фамилию «Духанина» - на «Вахарловская») вышла замуж за Александра Мартыненко. Моей дочери Любе было тогда 20 лет, ее супругу Александру Борисовичу - 22.

Родители моего зятя Александра Мартыненко - БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 19.06.1938) и ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА МАРТЫНЕНКО (род. 8.09.1938) - живут в Петергофе. Оба - по специальности - математики, кандидаты наук, доценты, работают на математико-механическом факультете Санкт-Петербургского университета. У них есть еще один сын - ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 28.07.1974). Сейчас он - аспирант матмеха СПбГУ.

Молодожены (моя дочь Люба и ее муж Александр) поселились вдвоем в той комнате в коммунальной квартире на Бассейной ул., где прежде жили мы с дочерью. Люба стала работать в вычислительном центре Ленинградского университета (лаборантом).

Мой зять Александр Борисович Мартыненко окончил физический факультет ЛГУ в 1987 г. После этого он стал работать инженером. Сейчас он работает в малом предприятии, где разрабатывается новейшая вычислительная техника. Руководит одним из подразделений этого предприятия.

5 января 1991 г. у Любови и Александра Мартыненко родилась дочь (моя внучка) МАРИЯ.

В том же году, с малышкой на руках, Люба сумела получить университетский диплом (она работала и одновременно училась на вечернем отделении матмеха ЛГУ). Думаю, ей очень помог в этом ее муж Александр.

12 октября 1992 г. семья Александра и Любови Мартыненко выросла - родился сын (мой внук) ВАСИЛИЙ.

После окончания университета моя дочь Люба не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Недавно она устроилась на работу в школе, преподавать математику.

В 1997 г. Любовь и Александр Мартыненко обменяли комнату на Бассейной ул. и квартиру бабушки ВАЛЕНТИНЫ ФЕДОРОВНЫ ПОЛКОВНИКОВОЙ (которая уехала жить к дочери - Ирине Александровне Мартыненко - в Петергоф) - на 3-х комнатную квартиру на ул. Корнеева (в Кировском районе). Сейчас они живут там вчетвером: моя дочь Люба, ее муж Александр и их дети (мои внуки) Мария и Василий.

Их новая квартира потребовала значительного ремонта.

Мой зять Александр занимается этим сам, при участии Любы.

Летом моя дочь Люба со своей семьей обычно проводит на даче родителей своего мужа Александра Мартыненко (расположенной в районе ст. «69 км» за Зеленогорском).

Моя дочь Любовь Анатольевна Мартыненко выросла хорошим человеком.

У моей дочери Любы - прекрасный муж, хорошая семья. Мне очень приятно с ними общаться, и они ко мне очень внимательны.

Но, конечно, мне в качестве бабушки - далеко до той роли, которую играла моя мама по отношению к своим внукам.

***

Продолжу рассказ о себе.

В 1985 г. мой муж Анатолий Кузьмич Базникин получил должность помощника лесничего в Северном лесничестве Кавказского заповедника, и мы переехали на кордон Гузерипль, расположенный по другую сторону Главного Кавказского хребта на территории Республики Адыгея (в 100 км. от Майкопа). Мы поселились там в отдельном ведомственном доме.

Вслед за Анатолием Кузьмичом на кордон Гузерипль переехала и семья Салтыковых. (Позднее, уже в 90-х гг. они переехали из Гузерипля в дер. Жарки, Ивановской обл., где Виктор Салтыков поначалу служил дьяконом, а теперь стал священником).

Семья Абрашкевичей тогда оставалась на Пслухе.

Жизнь на кордоне Гузерипль была не легкой, но иначе, чем на Пслухе. Команды лесников-экологистов здесь не было. Анатолию Кузьмичу пришлось начинать с «отлова» собственных подчиненных, лесников-браконьеров. Те, в свою очередь, пытались ему всячески отомстить.

Постепенно, зачастую при противодействии начальства, Анатолию Кузьмичу Базникину удалось набрать молодых лесников, которые разделяли его экологические убеждения.

Еще когда мы жили на Пслухе, возникла проблема с моей пропиской. До регистрации нашего брака с Анатолием Кузьмичом Базникиным (в 1984 г.) я формально не могла там прописаться. Приезжала милиция, штрафовали. Чтобы прописаться, надо было (в ту пору) сначала съездить в Ленинград, за штампом о выписке. Только в 1987 г. состоялась моя выписка из Ленинграда и прописка в Гузерипле.

Скотину, как на Пслухе, мы с мужем уже не держали. Но был огород. Анатолий Кузьмич иногда брал меня с собой в дальние обходы, в горы. (Между прочим,годились мои знания и умения, полученные еще в детстве, в кинокружке Марии Петровны Пузановой: я много фотографировала, вела фотолетопись кордона; эти фотографии хранятся сейчас у меня дома).

Мой супруг Анатолий Кузьмич помог мне найти работу. Около года я заведовала местным музеем природы на кордоне Гузерипль. Потом стала работать в заповеднике фенонаблюдателем (регистрация сезонных изменений в природе). Надо было еженедельно, в любую погоду, подниматься от лесных подножий гор в альпику, чтобы снимать показания метеоприборов и вести фенонаблюдения.

Я вообще с детства люблю природу. Эта работа мне очень нравилась.

Иногда мне удавалось бывать в Ленинграде. В свою очередь, родственники и друзья приезжали к нам на кордон каждое лето, а бывало - и зимой.

Как правило, в Гузерипль летом приезжала моя дочь Люба (сначала с друзьями, потом с мужем Александром и детьми, моими внуками), а осенью - моя мама с сестрой Светланой. Приезжали дети моей младшей сестры Ольги - Сережа и Даша, другие родственники.

Наш дом на кордоне почти всегда был полон гостей (из Ленинграда, Москвы, Краснодара, Киева, Харькова, Новосибирска, других городов).

Моему супругу Анатолию Кузьмичу Базнику приходилось (еще на Пслухе, а здесь - особенно) много конфликтовать с главными в заповеднике браконьерами - директором заповедника и другим начальством. В 1988 г. они уволили его, в связи с достижением пенсионного возраста, и воспрепятствовали даже тому, чтобы он продолжал заниматься охраной природы на общественных началах. Анатолий Кузьмич глубоко переживал эту «отставку».

В 1990 г. мой супруг Анатолий Кузьмич тяжело заболел. В Майкопской больнице не смогли поставить правильный диагноз. После выписки из больницы, уже в Гузерипле, ему стало совсем плохо. На вертолете его доставили в Краснодар.

Там 12 июня 1990 г., в возрасте 61 года, Анатолий Кузьмич Базник скончался. (Оказалось - позднее последствие инфаркта, перенесенного им на кордоне Лаура в 1979 г.).

Анатолий Кузьмич Базник похоронен на кладбище в пос. Гузерипль Республики Адыгея (на берегу реки Белой).

Анатолий Кузьмич Базник был самоотверженным и неукротимым защитником природы.

Вокруг Анатолия Кузьмича группировалась молодежь, любители и самодеятельные защитники природы. На кордон к «Кузьмичу» приезжали студенческие экологические отряды. Анатолий Кузьмич Базник был одним из учредителей Социально-экологического Союза России (само учредительное собрание Социально-экологического союза в августе 1987 г. происходило на кордоне Гузерипль Кавказского биосферного заповедника).

В газетах «Труд», «Комсомолец Кубани», «Адыгейская правда» печатались статьи о Кузьмиче и его собственные публикации по проблемам охраны природы. На Краснодарской студии документальных фильмов снят фильм «Дальше - зона покоя...» (кинорежиссер В. Тимошенко), который посвящен А.К. Базнику.

Соратники Анатолия Кузьмича Базника сегодня продолжают борьбу за спасение природы Адыгеи.

Как я уже говорила, у Анатолия Кузьмича Базника есть дочь от первого брака - ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА. Она по профессии - юрист. Живет в Хабаровске. (Ее фамилия в первом замужестве была ЕЛЧИНА). У нее - двое сыновей (внуки Анатолия Кузьмича): СЕРГЕЙ и АЛЕКСАНДР. (Старший - Сергей - гостил у нас на Пслухе и в Гузерипле). После развода дочь Анатолия Кузьмича Базника Ирина Анатольевна вышла замуж вторично.

Дочь Джульетты Сергеевны Гераскиной (бывшей супруги Анатолия Кузьмича) Наталью, проживавшую в Сочи, я после кончины Анатолия Кузьмича не видела.

***

После смерти Анатолия Кузьмича (1990 г.) я осталась жить на кордоне Гузерипль одна. Продолжала работать в заповеднике.

Друзья и сподвижники Кузьмича всячески помогли мне.

Я стараюсь в этих записках не слишком выходить за рамки семейной хроники. Поэтому ограничусь здесь только упоминанием некоторых из друзей, которым я многим обязана в жизни (особенно после кончины Анатолия Кузьмича Базникина). В частности, назову: ИГОРЯ и НАДЕЖДУ СЕРГЕЕВЫХ, ВЛАДИМИРА и ЛЮДМИЛУ КАРАТАЕВЫХ, ВАЛЕРИЯ и ОЛЬГУ ТИМОЩЕНКО, АНДРЕЯ РУДОМАХУ, ТАТЬЯНУ КРОЛИКОВУ, братьев АЛЕКСЕЯ и ДМИТРИЯ ВОЛКОВЫХ, СВЯТОСЛАВА ОСЕЦКОГО, АНДРЕЯ СКИРТУ...

Всем им, и еще многим другим - моя глубокая благодарность!

***

Прошел год. В июне 1991 г. я получила известие о кончине моей мамы Ольги Константиновны. Она умерла 23 июня 1991 г., на даче в дер. Рутелицы, Ленинградской области, на руках у моей сестры Ольги. Я тогда была на Кавказе. Успела только к похоронам.

Мама умерла в возрасте 76 лет. Вскрытие показало, что в прошлом у мамы было два инфаркта, которые она перенесла на ногах. В заботах о муже, детях, внуках, мама всегда забывала о себе...

Моя мать Ольга Константиновна Вахарловская обладала особым талантом - талантом человечности. она была самоотверженным человеком, подчинившим все свои способности и отдававшей все силы главному делу своей жизни - строительству и поддержанию семейного очага.

Я и мои сестры, а также, думаю, внуки - навсегда сохраним о ней светлую, благодарную память.

Моя мать Ольга Константиновна Вахарловская похоронена на Серафимовском кладбище, рядом с бабушкой (матерью моего отца) Антониной Владимировной Вахарловской.

...Перечитав эти записки, я нахожу, что о своей маме я рассказала меньше, чем хотелось бы, чем знаю и помню. Ее биография как будто небогата событиями, ее преимущественная трудовая деятельность как бы рутинна - «домохозяйка».

Можно было бы попытаться обогатить мой рассказ о маме житейскими случаями, подробностями... Написать не хронику, а именно ВОСПОМИНАНИЯ - «о маме», «о моем детстве и юности» и т.п. Но это было бы тогда уже не просто приложение к воспоминаниям моего отца Глеба Анатольевича, а нечто совсем другое (требующее литературных способностей, которых я в себе решительно не усматриваю).

Так что, да простит мне моя Мама - рассказала о ней как сумела...

***

Теперь расскажу подробнее **о моих младших сестрах Светлане и Ольге Вахарловских и о моем старшем брате Викторе Вахарловском.**

Моя сестра Светлана Глебовна Вахарловская родилась 12 февраля 1948 г., в Ленинграде.

Я уже говорила, что Светлана очень хорошо училась в школе. Занималась в кинокружке Марии Петровны Пузановой, имела 2-й разряд

по лыжам. С детства Светлана проявила большие способности к рисованию. Она окончила Мухинское художественно-промышленное училище (факультет промышленного искусства) в 1974 г. После этого Светлана восемнадцать лет работала на Ленинградском оптико-механическом объединении, художником-оформителем. Рисовала и для души... Кроме того ей нравилось вести всевозможные изокружки с детьми.

В 1992 г. Светлана попала под сокращение штатов на оптико-механическом объединении.

Моя сестра Светлана всегда жила с нашими родителями (в Автово, потом на Охте). Как я считаю, она всегда была первой помощницей и опорой для нашей мамы Ольги Константиновны.

В 1996 г. Светлана Глебовна Вахарловская получила инвалидность по болезни.

Сейчас моя сестра Светлана целиком и полностью посвятила себя уходу за нашим отцом Глебом Анатольевичем, которому недавно исполнилось 89 лет. Светлана является также секретарем отца. Последнее время он не может сам читать и писать (катаракта глаз). Светлана читает ему вслух. Отец диктует ей свои труды по истории российского флота. Под руководством отца она выполняет иллюстрации к этим трудам.

Под диктовку Глеба Анатольевича, каллиграфическим почерком Светланы, записаны и воспоминания нашего отца - «Семейный альбом Вахарловских» (к которым я пишу настоящее приложение).

Моя младшая сестра Светлана Глебовна Вахарловская - очень отзывчивый и добрый человек. А ее рисунки - украшение моего дома и домов моих друзей.

Моя сестра Ольга Глебовна Вахарловская родилась 11 октября 1950 г, в Ленинграде.

В школе Ольга училась хорошо, и тоже занималась в кинокружке Марии Петровны Пузановой. Ольга, как и я, училась в Ленинградском кораблестроительном институте. В пору учебы Ольга очень увлекалась парусным спортом.

В 1971 г. Ольга перешла на вечернее отделение института и поступила на Пролетарский завод. Закончила институт в 1974 г. На Пролетарском заводе Ольга Глебовна Вахарловская работает инженером-конструктором уже 23 года.

Ольга жила с родителями в Автово, потом на Охте. А в 1978 г. она вышла замуж и переехала к мужу. Ее супруг - ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ БУТОРЛИН (род. 6.04.1937), инженер-конструктор, работает в том же конструкторском бюро, что и моя сестра Ольга. Владимиру Константиновичу присвоено звание «Заслуженный пролетарец». (Это звание на заводе имеют всего несколько человек).

27 октября 1979 г. у моей сестры Ольги и ее мужа Владимира родился сын СЕРГЕЙ.

26 июля 1984 г. у них родилась дочь ДАРЬЯ.

С согласия отца (Владимира Константиновича Буторлина),

Сергей и Дарья носят фамилию своей матери - ВАХАРЛОВСКИЕ.

Сейчас мой племянник Сережа Вахарловский учится на первом курсе Санкт-Петербургского оптико-механического института, а моя племянница Даша Вахарловская учится в 8-м классе средней школы.

Семья Буторлиных-Вахарловских живет впятером в 2-х комнатной квартире, на Будапештской ул. (в Купчино): Ольга Глебовна и ее супруг Владимир Константинович, с детьми, а также бабушка (мать Владимира Константиновича) ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА КНЯЗЕВА (род. 26.06.1916).

У моей сестры Ольги - прекрасная семья. Я очень дружу с моей младшей сестрой Ольгой Глебовной Вахарловской, со всей ее семьей.

Со своим братом Виктором Глебовичем Вахарловским я впервые познакомилась уже в зрелом возрасте. В детстве мама говорила мне, что у моего отца Глеба Анатольевича есть еще ребенок, старше меня. Но я его никогда не видела.

Мой брат ВИКТОР ГЛЕБОВИЧ ВАХАРЛОВСКИЙ родился 15 июня 1940 г. Его родители: мой отец ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ ВАХАРЛОВСКИЙ и ЕЛЕНА МОИСЕЕВНА КОЛЧИНСКАЯ (род. 11.07.1909, ум. 3.09. 1994). Елена Моисеевна была по специальности библиотекарем. Она воспитывала сына одна.

Мой брат Виктор Глебович подробно рассказывает о своей матери и о своих старших родственниках, по материнской линии, в своих воспоминаниях [Вахарловский В. Три поколения Колчинских (документы, воспоминания, размышления...) / Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий (1918 год - 90-е годы). Вып. 7, СПб, 1994].

Дед моего брата Виктора, по материнской линии, МОИСЕЙ БЕНЦИОНОВИЧ КОЛЧИНСКИЙ (род. в 1878 г., ум. в 1937 г. или позже) и дядя моего брата Виктора, по материнской линии, ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ КОЛЧИНСКИЙ (род. в 1905 г., ум. в 1939 г. или позже) были репрессированы. Нелегкой была и судьба самой Елены Моисеевны (матери моего брата Виктора).

Как написал мой брат Виктор в своих воспоминаниях, «война разбросала в разные стороны» его мать Елену Моисеевну и его (нашего) отца Глеба Анатольевича.

(Хоть формальной регистрации брака и не было, наш отец, Глеб Анатольевич аккуратно платил алименты на воспитание своего сына Виктора).

Виктор Глебович Вахарловский окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт в 1966 г. По специальности он - детский врач, кандидат медицинских наук, автор многих научных трудов по детской невропатологии и медицинской генетике. Он работает в Институте акушерства и гинекологии им. Отта. Его нередко приглашают в другие города и за границу для врачебных консультаций.

У моего брата Виктора Глебовича есть дочь МАРИЯ (род. 10.05.1979), от брака с ИННОЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ КОРЕНЯКО (род. в 1943 г.). Моя племянница Мария Вахарловская сейчас - студентка Санкт-Петербургского педиатрического института.

Виктор Глебович и Инна Евгеньевна (мать его дочери) ныне живут раздельно. Мария Вахарловская проживает с матерью. Однако мой брат Виктор Глебович очень заботится о своей дочери Маше. (Я бы даже сказала - он балует ее).

Ныне мой брат Виктор Глебович Вахарловский образовал новую семью - с ИЗОЛЬДОЙ ДАНИЛОВНОЙ КАЦ (род. 26.08.1941). Она заведует медицинской библиотекой в психиатрической больнице им. Скворцова-Степанова. Виктор Глебович и Изольда Даниловна живут вдвоем в 2-х комнатной квартире на Гражданском пр. (квартира моего брата Виктора). Впрочем, есть своя квартира и у Изольды Даниловны.

Как я уже говорила, мы с моим старшим братом Виктором до зрелого возраста друг друга не знали. Наше знакомство состоялось в феврале 1987 г. (когда я приезжала в Ленинград с Кавказа). В этом году в моей родительской семье произошло важное событие: мой брат Виктор Вахарловский, по инициативе нашего отца Глеба Анатольевича Вахарловского и с одобрения его матери Елены Моисеевны Колчинской (с которой до тех пор я также не была знакома), фактически влился в семью Вахарловских.

Мы с моим старшим братом Виктором очень подружились, особенно после того, как он со своей дочерью Марией приезжал в Гузерипль, в отпуск (в том же 1987 г.).

В 1995 г. я тяжело болела. МОЙ БРАТ ВИКТОР ТОГДА ПО СУЩЕСТВУ СПАС МНЕ ЖИЗНЬ.

Мои младшие сестры Светлана Глебовна Вахарловская и Ольга Глебовна Вахарловская и мой старший брат Виктор Глебович Вахарловский - прекрасные люди. они все мне очень дороги. со всеми я очень дружна.

***

В заключение - о своей жизни в последние годы.

Еще в 1984 г., когда мы с моим покойным мужем Анатолием Кузьмичом Базниным и супруги Абрашкевичи (Владимир и Ирина) жили на кордоне Пслух, к нам в гости приезжал АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (род. 22.07.1934). Он - двоюродный брат Владимира Владимировича Абрашкевича и племянник Марии Петровны Пузановой, о которых я писала выше. Наше первое знакомство состоялось еще во времена моей молодости (мы оба были на свадьбе Ирины Яковлевой и Владимира Абрашкевича в 1962 г.).

Андрей Николаевич по своей основной специальности - социолог. А в ту пору он работал слесарем, на заводе «Ленполиграфмаш». (О его «эксперименте социолога-рабочего» много писали средства массовой информации - «Литературная газета», «Огонек» и др. - в конце 80-х гг.; сам он рассказывает об этом в своей книге «Драматическая социология», вышедшей в 1997 г.).

После встречи на кордоне Пслух (в 1984 г.) Андрей Николаевич Алексеев и мой супруг Анатолий Кузьмич Базнин очень подружились. (В своей книге «Драматическая социология» А.Н. Алексеев называет А.К. Базнина своим «побратимом»).

Через год после кончины Анатолия Кузьмича Базникина, приехав в Ленинград летом 1991 г., я навестила Андрея Николаевича. Взяв очередной отпуск, он вместе со мной на два месяца уехал в Гузерибль.

Вскоре после этого мы с Андреем Николаевичем Алексеевым образовали семью. Мне тогда было 47 лет, Андрею Николаевичу - 57.

***

Расскажу о моем муже Андрее Николаевиче Алексееве словами его собственной автобиографии из книги «Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» (М., Институт социологии РАН, 1997):

«Родился в 1934 году, в г. Ленинграде. Окончил в 1956 году Ленинградский университет (филологический факультет), работал журналистом (гг. Куйбышев, Ленинград). В 1961 г. сменил социальное положение, стал рабочим (вальцовщик, электролизник). В 1964 году вернулся к журналистской профессии (г. Ленинград). Год спустя ушел в аспирантуру. Начиная с 1968 года работал в научных учреждениях Академии наук (гг. Новосибирск, Ленинград), социологом. Кандидат философских наук (1970). Специализировался в области социологии СМИ [*средств массовой информации*. - *З.В.*], социологии культуры, социологии личности, социологического изучения образа жизни, методологии и методики социологических исследований. В 1980-1988 гг. предпринял экспериментальное исследование производственной жизни «изнутри», для чего поступил в качестве рабочего (наладчик, слесарь) на одно из ленинградских промышленных предприятий. После чего вернулся к штатной работе в научных учреждениях. Ныне - ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН».

Мне довелось знать мать Андрея Николаевича, старшую сестру Марии Петровны Пузановой, ВАРВАРУ ПЕТРОВНУ ПУЗАНОВУ (род. 17.12.1899, ум. 16.05.1963). Варвара Петровна была инженером-технологом, кандидатом технических наук. Отец Андрея Николаевича - НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (род. 17.05.1904, ум. 17.12.1974) также был инженером-технологом (долгое время он работал главным технологом завода «Звезда»). С ним мне встречаться не приходилось.

Андрей Николаевич был единственным ребенком у своих родителей.

Андрей Николаевич Алексеев был женат на ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ АЛЕКСЕЕВОЙ (в девичестве - ЛАРИОНОВОЙ; род. 31.08.1933). Андрей Николаевич и Елена Ивановна поженились на последних курсах университета, где оба учились на филологическом факультете (в середине 1950-х гг.). 21 сентября 1960 г. у них родилась дочь ОЛЬГА. (О ней речь - впереди).

После окончания университета Елена Ивановна Алексеева работала журналистом, потом социологом (в тех же научных институтах, что и Андрей Николаевич). Сейчас она является научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Недавно исполнилось 30 лет ее работы в системе учреждений Академии наук.

Брак Андрея Николаевича и Елены Ивановны распался в конце 1960-х гг.

В 1970 г. Андрей Николаевич Алексеев женился вторично, на НЕЛЛИ АЛЕКСЕЕВНЕ КРЮКОВОЙ (род. 13.02.1932). Это был второй брак и у Нелли Алексеевны. (От первого брака у нее есть сын - АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ КРЮКОВ; род. в сер. 1950-х гг.). Нелли Алексеевна окончила медицинский институт в Ленинграде, много лет заведовала биохимической лабораторией в Ленинградском институте уха, горла и носа, доктор медицинских наук, сейчас - на пенсии.

Общих детей у Андрея Николаевича и Нелли Алексеевны не было. Их семья распалась в конце 1980-х - начале 1990-х гг.).

В начале 1990-х гг. Андрей Николаевич и Нелли Алексеевна жили по существу раздельно, хоть и в одной 3-х комнатной квартире, на Наличной ул. (Васильевский остров). Там жила также мать Нелли Алексеевны Крюковой - ЛУКЕРЬЯ МАТВЕЕВНА МОВЧАН (род. 12.12.1907; недавно ей исполнилось 90 лет).

Когда мы с Андреем Николаевичем Алексеевым образовали семью (в начале 1990-х гг.), у нас с ним несколько лет не было общего жилья.

Обычно я приезжала к Андрею Николаевичу в Санкт-Петербург на всю зиму. Мы жили то у друзей, то в комнате моей дочери Любы (на Бассейной ул.), когда семья Мартыненко уезжала на дачу, то в квартире на Охте (у моего отца Глеба Анатольевича и моей сестры Светланы), то у Андрея Николаевича - в квартире на Наличной ул. Кроме того, каждый год мы проводили вместе с Андреем Николаевичем полтора-два месяца в Гузерипле, куда он мог приехать только на время отпуска. (Обычно он делил свой отпуск на две части и приезжал дважды в год).

В 1995 г., после оформления развода с Нелли Алексеевной Крюковой, Андрею Николаевичу удалось найти вариант жилищного размена, в итоге которого его бывшая супруга и ее мать получили 2-х комнатную квартиру в только что отстроенном доме (в районе оз. Долгого), а он - комнату в коммунальной квартире на 8-й линии Васильевского острова.

С июня 1995 г. мы с Андреем Николаевичем поселились там вдвоем. Комната - хорошая, хоть и темновата. В квартире - всего одна соседская семья. Правда, в коммунальной квартире проблемы всегда найдутся).

В июне 1996 г. Андрей Николаевич Алексеев и я зарегистрировали брак. Это у меня - третий брак, у него - тоже.

Работу в заповеднике мне пришлось оставить еще в 1994 г. С тех пор на постоянную работу я не поступала. Занимаюсь домашним хозяйством. Чем могу, стараюсь помогать дочери Любе и отцу Глебу Анатольевичу с сестрой Светланой. Иногда подрабатываю. Помогаю мужу Андрею Николаевичу на его работе (в частности, в общественном архиве - «Россия на изломе», организатором которого он является).

Сейчас я состою на трудовом договоре в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН, по гранту, полученному Андреем

Николаевичем Алексеевым от Российского гуманитарного научного фонда.

Еще в 1991 г. мы с Андреем Николаевичем привели в порядок личный и деловой архив Анатолия Кузьмича Базникина и перевезли его в Санкт-Петербург.

Мы с моим мужем Андреем Николаевичем продолжаем каждый год ездить на кордон Гузерипль, обычно - летом. (Дважды в год, как прежде, - не удается).

Дом, где я прежде жила с Анатолием Кузьмичом Базниным, пришлось в 1995 г. освободить. Руководство заповедника предложило мне на кордоне Гузерипль другую, меньшую квартиру, тоже ведомственную. Так что в 1995 г. у нас с супругом было по существу два переезда (в Санкт-Петербурге и на кордоне).

Пока я формально зарегистрирована по месту жительства в положенной мне, как вдове лесника (отработавшего в заповеднике свыше 10 лет), ведомственной квартире на кордоне Гузерипль, мы с Андреем Николаевичем можем туда ездить.

Начиная с 1992 г. на кордон Гузерипль стали приезжать из разных городов также друзья Андрея Николаевича: МЭРИ МАКОЛИ, ВИЛЕН ОЧАКОВСКИЙ, РЭМ БАРАНЦЕВ, РОМАН ЛЕНЧОВСКИЙ... Теперь это друзья нашей семьи.

А Андрей Николаевич Алексеев подружился с моими друзьями, живущими на Кавказе (они же - друзья покойного Анатолия Кузьмича Базникина), о которых я говорила выше.

Дочь моего мужа Андрея Николаевича ОЛЬГА АНДРЕЕВНА НОВИКОВСКАЯ (в девичестве - АЛЕКСЕЕВА) после окончания школы работала и училась на вечернем отделении биологического факультета Ленинградского университета. Она окончила университет в 1985 г.

Ольга Андреевна была замужем за АЛЕКСАНДРОМ ЮРЬЕВИЧЕМ НОВИКОВСКИМ (род. в 1956 г.). Ныне их брак расторгнут.

30 мая 1983 г. у Ольги и Александра Новиковских родился сын ИВАН.

11 августа 1986 г. у них родился сын Егор.

Это - внуки моего мужа Андрея Николаевича Алексеева.

Ольга Андреевна Новиковская воспитывает их одна. Ей всячески помогает ее мама Елена Ивановна Алексеева.

Дочь моего мужа Ольга Андреевна и ее дети Иван и Егор живут сейчас втроем в 2-х комнатной квартире на пр. Ветеранов (в Дачном).

Пока дети подрастали, Ольга Андреевна не работала. Сейчас она овладела новой специальностью и работает в детском саду логопедом.

Я подружилась с дочерью моего мужа. В 1992 г. Ольга Новиковская со своими детьми Иваном и Егором и ее мама (Елена Ивановна Алексеева) - гостили у нас на кордоне Гузерипль.

(Кстати, в 1993 г. гостила там и бывшая супруга моего мужа - Нелли Алексеевна Крюкова).

А мой муж Андрей Николаевич подружился с моими родственниками: отцом Глебом Анатольевичем, сестрами Светланой и Ольгой, братом Виктором, моей дочерью Любой, и их семьями.

В июне этого года, по предложению Андрея Николаевича, моя дочь Любовь Мартыненко формально зарегистрировалась по месту жительства (раньше это называлось «пропиской») - в комнате моего мужа (своего «отчима») Андрея Николаевича Алексева, на 8-й линии, в качестве «члена его семьи».

(Разумеется, фактически Люба продолжает жить в своей квартире на ул. Корнеева, а в комнате в коммунальной квартире на 8-й линии живем мы с Андреем Николаевичем).

Традиция тесного семейного общения продолжается и в наших младших поколениях.

Так, дети моей сестры Ольги (мои племянники) Сережа и Даша общаются с моей дочерью Любой и ее детьми Машей и Василием (своими племянниками). Дружат семьи младших Мартыненко (семья моей дочери Любы) и младших Абрашкевичей (семья Андрея Абрашкевича, внука Марии Петровны Пузановой и племянника моего мужа Андрея Николаевича).

(Интересно отметить, что Катя, жена Андрея, была школьной подругой моей дочери Любы. А муж моей дочери Любы Александр, как я уже говорила, был университетским товарищем Андрея).

У АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АБРАШКЕВИЧА и его жены ЕКАТЕРИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ АБРАШКЕВИЧ (в девичестве - МАЗЕПОВОЙ; род. 12.07. 1966) - две дочери (внучки Владимира Абрашкевича и Ирины Яковлевой): ЕВГЕНИЯ (род. 16.08.1989) и ИРИНА (род. 12.07.1991). Андрей и Екатерина Абрашкевичи имеют 2-х комнатную квартиру в Автово.

(Это - родительская квартира, где прежде жила бабушка Андрея Абрашкевича Мария Петровна Пузанова, где вырос отец Андрея Владимир Владимирович, и где мне столько раз приходилось бывать, в детстве и позже, пока Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева сами не переехали на кордон Пслух).

Правда, большую часть времени семья младших Абрашкевичей (Андрей и Екатерина, вместе со своими детьми) сейчас проводят не в Санкт-Петербурге, а на Кавказе (Сочи, Краснодар). Дело в том, что там сейчас постоянно живут и работают родители Андрея Абрашкевича - Владимир Владимирович и Ирина Михайловна.

У Абрашкевичей там свое «семейное» дело - фирма (ТОО) «Экокордон», занимающаяся освоением и внедрением современных технических средств связи.

Изредка Абрашкевичи-старшие появляются в Санкт-Петербурге. Как раз в эти дни, когда я пишу эти строки, Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева приехали на несколько дней.

8 января 1998 г. мы встретились с Владимиром и Ириной все в той же квартире в Автово. Там, кроме нас с Андреем Николаевичем, в этот день были также брат Ирины Яковлевой МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЯКОВЛЕВ (род. в 1945 г.), наша с Ириной Яковлевой школьная подруга

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА КРУПКО (род. 1940 г.) и ее и Владимира Абрашкевича дочь АННА (род. в 1980 г.), а также наши общие с семьей Абрашкевичей друзья.

Как видно, в результате моего брака с Андреем Николаевичем Алексеевым, **круг моих родственных связей еще расширился, но это, как правило, люди, с которыми я была знакома и дружна давно.**

Поскольку я затрудняюсь в использовании существующих в русском языке обозначений родственных связей (например: кем в родственном отношении мне приходится ныне моя школьная подруга, жена двоюродного брата моего мужа Ирина Яковлева?), ограничусь общим обозначением - **родственники.**

***

Перечитав эти заметки, я обратила внимание, что ничего не сообщила о принадлежности тех или иных моих родственников к партии. Между тем, это важная биографическая характеристика.

Я никогда этим особенно не интересовалась. Но следует все же сообщить то, что знаю наверняка.

Мой отец Глеб Анатольевич Вахарловский в партии не состоял.

Из детей моего деда Константина Николаевича Гудкова (репрессированного в 1938 г.) в партии состоял мой дядя Николай Константинович Гудков. Он был исключен из партии в 1941 г. (я об этом рассказывала). Остается неясным, состоял ли в партии мой дядя Сергей Константинович Гудков (см. выше).

Ни мой брат, ни мои сестры в партии не состояли.

Точных сведений о том, состоял ли кто из других родственников «моего поколения» в партии, я не имею. Думаю, что не состояли.

Сама я, как и большинство моих сверстников, была в молодости комсомолкой. Правда, никакой комсомольской активности не проявляла.

Был членом партии (с 1961 г. до самой смерти в 1990 г.) мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин. Можно сказать, что он, в отличие от «коммунистов-карьеристов», был «коммунистом-романтиком», активно использовавшим принадлежность к партии для борьбы с местными безобразиями.

В молодости был активным комсомольцем, а в 1961 г. вступил в партию мой нынешний супруг Андрей Николаевич Алексеев. К нему тоже применима формула - «коммунист-романтик». В сентябре 1983 г. на его квартире был произведен обыск, инициированный КГБ. После чего Андрей Николаевич был исключен из КПСС, по политическим обвинениям (1984 г.).

Коллеги и друзья Андрея Николаевича (в том числе - Анатолий Кузьмич) всячески поддерживали его в активной самообороне от обвинений в «антисоветизме». В 1988 г. Андрей Николаевич был восстановлен в партии (даже без перерыва в стаже). В июле 1990 г. Андрей Николаевич сам из партии вышел.

Больше среди моих родственников и людей, о которых я более или менее подробно рассказывала в этой хронике, членов партии не было.

***

Еще несколько дополнений, которые показались мне необходимыми.

Полученное мною (в 1950-х гг.) школьное образование было безусловно скверным. И все же были в школе N 393 такие учителя, которым я по сей день благодарна. Кроме Марии Петровны Пузановой, это: Евгения Николаевна Зверева (учительница младших классов, которая не устраивала директора школы и вынуждена была уйти, несмотря на протесты родителей); Василий Викторович Шумилов (учитель географии); Нина Петровна Баясникова (учитель литературы); Герман Иванович Козлов (учитель физкультуры).

Начальником сектора в конструкторском бюро («Волна», «Малахит»), где я работала, был Лев Семенович Вад (ныне покойный). В 1973 г. (когда мне удалось расстаться с отцом моей дочери) он назначил меня в группу наблюдения за переоборудованием корабля на судоремонтный завод в Севастополе, что дало мне возможность поправить подорванное семейной жизнью здоровье.

Когда Льву Семеновичу пришлось уйти на пенсию, я оказалась в другом секторе конструкторского бюро (конец 1970-х гг.). Там моими коллегами и друзьями стали Екатерина Валериановна Ляхницкая и Наталья Леонидовна Сидоренко. Наталья Леонидовна потом гостила у меня на Кавказе. (Екатерине Валериановне мне показать Кавказ, к сожалению, так и не удалось). С обеими я дружу вот уже 25 лет.

***

В этой семейной хронике я намеренно не стала пересказывать биографию моего отца ГЛЕБА АНАТОЛЬЕВИЧА ВАХАРЛОВСКОГО, инженера-кораблестроителя, чье имя можно найти в «Морском биографическом словаре» рядом с другими выдающимися строителями российского флота.

Его трудовой и жизненный путь обстоятельно описан им самим (в надиктованных моей сестре Светлане Вахарловской воспоминаниях).

Все же не удержусь, и приведу здесь статью о моем отце из упомянутого биографического словаря (отец ее не цитирует в своих воспоминаниях, а мне сделать это - и удобно, и приятно):

«ВАХАРЛОВСКИЙ Глеб Анатольевич. Родился в 1908 г. Известный специалист в области проектирования судостроительных заводов, лауреат Гос. премии СССР (1950). По окончании Ленинградского кораблестроительного института (1931) работал в организациях, занимавшихся проектированием судостроительных заводов. В 1945 г. входил в состав репарационной миссии, обследовал германские судостроительные заводы. Проектировал сухой док Керченского судостроительного завода «Залив», объекты ЦНИИ им. акад. А.Н.Крылова, КБ по судам на подводных крыльях и др. Участвовал в проектировании судостроительных заводов в Северодвинске, Херсоне, Таллине, Севастополе и других портовых городах. Работая в институте «Союзпроектверфь», участвовал в разработке крупноблочного метода постройки судов. Автор трудов «Портовые сооружения» (1955),

«Современные доковые сооружения для крупных и средних судов» (1968). Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».» [Цит. по: Доенко В.Д. Морской биографический словарь. СПб, «LOGOS», 1995, с. 89].

Пусть эта энциклопедическая справка также будет приложением к «Семейному альбому Вахарловских»!

***

В воспоминаниях моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского подробно рассказывается о моих родственниках по папиной линии. Поэтому здесь я ограничусь лишь упоминанием тех из них, **с кем мне самой приходилось более или менее тесно общаться** (без указания на степень родства, явствующую из записок Глеба Анатольевича).

Это, во-первых, ныне покойные:

ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА МЕДНИКОВА; МИХАИЛ
МИХАЙЛОВИЧ ВЕДРОВ; МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ГРУШЕВАЯ;
ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ ГРУШЕВОЙ; КСЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА ГРУШЕВАЯ.

Обо всех них я храню самые добрые воспоминания.

Самые теплые чувства я испытываю также к ныне здравствующим родственникам по папиной линии, которых лично знаю:

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ГРУШЕВАЯ, АННА
ВЛАДИМИРОВНА ГРУШЕВАЯ и ГАВРИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ
ГРУШЕВОЙ (дети покойных Владимира Гавриловича и Марии
Михайловны Грушевых); ИРИНА КИРИЛЛОВНА ГРУШЕВАЯ;
МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ЖЕРБИН, НИКИТА ФЕДОРОВИЧ ЖЕРБИН и
ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ПОЛИЛОВА (дети Ирины Кирилловны
Грушевой).

Все они живут в Санкт-Петербурге.

Кроме того, я, как и мой отец Глеб Анатольевич, отношу к числу своих родственников ЛЮДМИЛУ ПАВЛОВНУ МАЙЛОВУ-ШВЕЦ, сестру покойной ЗИНАИДЫ ПАВЛОВНЫ МАЙЛОВОЙ (первой жены моего отца). Мы общались с Людмилой Павловной. Она скончалась в 1995 г.

Я поддерживаю родственные отношения: с ПАВЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ШВЕЦОМ (сын Людмилы Павловны Майловой-Швец) и его женой ЛЮДМИЛОЙ ВИКТОРОВНОЙ КОВАЛЕВСКОЙ и их детьми (внуки Людмилы Павловны) АЛЕКСАНДРОМ, ДМИТРИЕМ и АРТЕМОМ; с СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ШВЕЦОМ (сын Людмилы Павловны Майловой-Швец) и его женой ЛИДИЕЙ СУРЕНОВНОЙ АПРЕСЯН и их детьми (внуки Людмилы Павловны) АЛЕКСАНДРОМ и ЕЛЕНОЙ.

Все они мне близки, хоть мы и живем в разных городах (семья Павла Александровича Швеца - в Новосибирске, семья Сергея Александровича Швеца - в Москве).

О моей покойной бабушке (матери моего отца Глеба Анатольевича) АНТОНИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ВАХАРЛОВСКОЙ (1872-1952) я писала выше, рассказывая о своем детстве.

***

Роль обоих моих родителей - Глеба Анатольевича Вахарловского и Ольги Константиновны Вахарловской - в моей жизни была чрезвычайной.

В глазах отца я представляла скорее «непослушной дочерью». А в глазах мамы - «просто дочерью», с правом на собственные жизненные решения. Трудно сказать, что было для меня ценнее...

Во всяком случае, **я испытываю чувство глубокой благодарности, в частности, к моему отцу Глебу Анатольевичу Вахарловскому. И я горжусь своим отцом!**

***

Эта семейная хроника (рассказ «О моей матери, о моих родственниках и о себе самой»; приложение к воспоминаниям моего отца «Семейный альбом Вахарловских») написана мною **для всех моих родственников**, старших и младших, которым это может быть интересно - сегодня или потом (когда подрастут).

Несмотря на свое стремление к полноте и точности изложения истории семьи, я, конечно, могла что-то важное упустить из виду. Возможны и фактические ошибки, и субъективные искажения.

Буду благодарна за любые замечания, поправки, дополнения. Если их окажется много, я постараюсь их учесть в **новом варианте** этих семейных записок.

Май 1997 - январь 1998 г.

Санкт-Петербург

P.S. Я признательна моему мужу АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ АЛЕКСЕЕВУ за поддержку в написании мною настоящей хроники и за внимательное, бережное редактирование этого текста. З. Вахарловская.

***

Благодарю мою жену Зинаиду Глебовну Вахарловскую - за доверие и предоставленную возможность участия в ее работе над этими записками.

Пожелаю всем, кто прочтет ее семейную хронику, в частности, детям и внукам, последовать ее примеру - не слишком рано, но и не слишком поздно. Андрей Алексеев Январь 1998.

***

«Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о своем происхождении...»

А.С. Пушкин. Начало автобиографии (1834 г.). [Цит. по: А. Пушкин. Избранное. М., «Советская Россия», 1980, с. 356].

Борис Кушнер

Царство твоё взвешено

(Из новых стихов, январь-июнь 2013 г.)

СОНЕТ (1-е ЯНВАРЯ)

снова начинать отсчёт

Кругами звёзд в бездонной выси, –
А Лета, между тем, течёт,
Ей дела нет до наших чисел.
Ей дела нет до наших дат,
До наших вех-воспоминаний,
Ей всё равно – грозы набат,
Иль хрип в водопроводном кране.
И вот последний океан,
В котором встретились все реки,
Он ровным светом осяян,
И Ветер стих на звёздном треке.

Здесь нас найдёт и прост, и строг
Нам предназначенный итог.

1 января 2013 г., Pittsburgh

* * *

Памяти А. Ильинского

Срывание дверей с петель,
Крахмальный саван елей.
Москва. Январь. Мороз. Метель.
Неделя за неделей.
Сияй, севильский брадобрей,
Грянь в унисон, *Carmina*!
Нам жар чугунных батарей
Уютнее камина.
Забуду завтрак и обед,
Себя стихом измучу.
Но, Б-же, как мешал сосед,

С утра крутивший «Мучу».
Всё бе-са-ме, да бе-са-ме,
Летучей моды профиль.
А в стёклах ария зиме –
Хохочет Мефистофель.

.....
Компьютер. Питтсбург. И ожог
Почтового пассажира. –
Умолк навеки мой дружок,
Сосед весёлый Саша...

2 января 2013 г., Pittsburgh

* * *

Мерцанье в тусклом фонаре,
Зима в беззвучном Реквиеме,
Лежишь и слышишь на заре –
Сквозь тишину струится время...

4 января 2013 г., Pittsburgh

* * *

Эх, память... Босиком сквозь гравий...
В сердцах ей грубо – отвяжись! –
Десяток вспышек-фотографий –
Вся жизнь.

5 января 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-26

Ветра сбивчивые речи,
Ни картечи, ни штыков,
Но вперёд заре навстречу
В пламя юных облаков!
Прочь, философы и гуры,
Провалитесь к чёрту в ад!
Танца старого фигуры –
Шаг вперёд и два назад.
Хороводы так холмисты –
Сотрясаясь, дня каркас! –
Мы в душе артиллеристы –
Только Сталин даст приказ!
А заря трясёт монисты –
Карменсита в полный рост –
И считает аметисты

Побеждённых солнцем звёзд.
Я строчу кобылосивость –
Замирай, залётный зал! –
За красотью красоту
Я в поэзу нанизал.

7 января 2013 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 10-27

Играть защиту Каро-Канн
С зарёй на горизонте.
Лететь в горящий океан –
Его вы только троньте!
На ветровом стекле в огне
Проекции событий, –
А быть-не-быть сегодня мне –
Судьба сплетает нити.
Её гримасы на стекле –
Кривлянья рож и рожиц.
А быть-не-быть мне на земле –
Прочесть ли в блеске ножниц?

7 января 2013 г., Route 22, East

* * *

Потоплен светом месяц-серп
В реке минут.
И облака, как стая нерп,
По ней плывут.
Плывёт торжественно ковчег,
Лучист эфир.
И в бездне изумруден снег,
И в крыльях мир.

8 января 2013 г., MD-9-50, Pittsburgh-Atlanta

* * *

Направленье к океану,
Крылья в сполохах рябин,
В небесах простор органу
Огнедышащих турбин.
Их энергия упруга,
Вторит эхо в облаках,
И свободно льётся fuga,
Будто у органа – Бах.

8 января 2013 г., B-757-200, Atlanta-San Diego

* * *

Зевают на углах разини –
Зевотен этот южный рай. –
Здесь пальмы достигают сини,
И в Мексику идёт трамвай.
Неблизкий гул аэропорта,
И чаек мерные круги –
Здесь нет ни ангела, ни чёрта –
Забвенье, сладость кураги.

9 января 2013, San Diego

* * *

Авианосца в дымке вахта –
Громада серого слона.
Сияла олигарха яхта
С небесным именем «Луна».
Пылали небоскрёбов домны,
Их орды, полчища Атилл,
И брёл задумчивый бездомный,
Тележку ржавую катил.
И чайки, наглы и лобасты,
Алкали свой насущный хлеб –
Контрасты, чёрт возьми, контрасты! –
Седой земли и райских неб.

11 января 2013 г., San Diego

* * *

Возвращение к рутине
Предназначенной езды.
Вязнешь в этом быте-тине,
В нём ни солнца, ни звезды.
Да не забывай корыта,
Будни скучны, ну так что ж –
Вот останешься без быта,
Сладость бытия поймёшь.

14 января 2013 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 10-29

Память крутит кадры
Старого кино.
Гибелью эскадры

Дни идут на дно.
Вязнет боль укора
В мути маяты. —
Не печалься, скоро
Отдохнёшь и ты...

17 января 2013 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-30

Над жизнью обрести контроль,
Как дерзкий март над травами,
Как в полонезе ля-бемоль
Маэстро над октавами.
Виденья чёрные гони,
Сгорай стихом, бессонница,
Пусть бешено промчатся дни,
Как в полонезе конница!

18 января 2013 г., Route 22, West

* * *

Заря зажглась по взмаху мага.
Снега в рубинах. Песнь без слов.
И Солнце, как пожар Чикаго,
Сжигало замки жутких снов.
Оркестры радости над ранью,
Какое чудо: я живу!
И тайна становилась явью,
Волшебной сказкой наяву.
И вправду жить всего чудесней,
Так жуй же, нытик, свой лимон!
Взрывайся сердце: Песня Песней!
Сияй наш прадед Соломон!

6 февраля 2013 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-34

Зимы свирепые угрозы,
Но синь такая надо мной,
Как будто Лист играет грёзы
Любви к роялю неземной.
И настезь горизонт распахнут,
И роща в пенном неглиже —
Жар-птицы прилетят и ахнут —
Весна уже!

И март – рукою тронуть – близок,
А там апрель – лучи-гонцы,
И пьют из луж весёлых мисок
Любовный эликсир скворцы.
Просёлками весна в карете –
Не прозевай её, смотри!

.....
Ноктюрн, мне кажется, был третий,
И апельсинов было три.

12 февраля 2013 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-35

Дождь со снегом пополам,
Мокнут рощи по холмам,
Помрачение дали, близи,
Катера машин, дыма... –
Мне б сейчас сыграть «Элизе»,
Ну, хоть пальцами двумя.
Ты жива, моя старушка,
Бездевушка-багатель,
Мишка плюшевый, игрушка,
Что с собой берут в постель.
Мой живой, мой тёплый мишка,
Ты недаром снишься мне... –
Мишку вытеснила книжка
И прогулки при луне.
Из горячки самоедства
Возвращаюсь в давний рай,
Сладостно впадаю в детство –
«Ты играй, дружок, играй»!
И вскричу немому лесу:
«Чёрт возьми, азохен вей!
Я б сыграл Элизе пьесу,
Где же здесь в кустах Стейнвей»?

13 февраля 2013 г., Route 22, West

* * *

Неотвратимая рутина... –
Здесь мы все сразу и одни.
И прорвана времён плотина,
Нахлынули потоком дни.
В водовороты погружаясь,
Пропьёшь последние гроши.
Шепнёшь: «Уже? Какая жалость...»

И Голос с неба: «Не греши!
Тебе был щедро век дарован,
Не надрывайся, как петух. –
Моцарта нет, ушёл Бетховен, –
Так что же ты терзаешь слух»?

15 февраля 2013 г., Route 22, West

* * *

Несуразице
Нет конца,
Камень на сердце –
Смерть скворца.
Под колёсами
Чёрный всплеск, –
Совесть осами,
Солнца блеск.

18 февраля 2013 г., Route 22, East

* * *

Птицы поутру притихли,
Dies Irae роковой,
Их сбивали снега вихри
И с карнизов, и с ветвей.
Да и нам в метели пасти
В, общем-то, несдобровать. –
Утро. И не счесть напасти,
И летит в снега кровать.
Тени мечутся, и блёкло
Призрак встал в окне нагой –
Только гнущиеся стёкла
Между жизнью и пургой.

20 февраля 2013 г., Johnstown

* * *

Заедает суета
Поедом.
Жизнь не та,
Судьба не та –
Поводом.
Жизнь – собачий поводок,
Я на привязи.
Одолел болотный рок –

Ну-ка, вылез...

21 февраля 2013 г., Johnstown

* * *

Бетон, покрытый коркой льда,
А солнца не найти следа,
Как будто не было и вовсе.
Вселенной искривились оси,
И не поймёшь, что с неба льёт, –
А, впрочем, это жидкий лёд.

.....
Колёса. Синус-борозда. –
Гори, гори, моя звезда...

22 февраля 2013 г., Route 22, West

* * *

Поэт не прятал очи долу,
Ценил в себе и стиль и школу,
Глотал *Martell*, жевал халву
И сам себе слагал хвалу.

26 февраля 2013 г., Johnstown

* * *

Свежей хвои запах,
Утро из-под век... –
На еловых лапах
Тает мягкий снег.
На щеках он тает –
Водопады слёз... –
Кружат птичьи стаи –
Вдоль и в перекосях.
Хвоя изумрудна –
Ели да сосна... –
И поверить трудно –
Кажется, весна...

27 февраля 2013 г., Johnstown

* * *

Тишина в углах свинцова,
В целом свете – ни души,

Ляг, усни – услышишь Слово,
Только свечи потуши.
Темнота полна фантазий,
Вечных призраков приют. –
От весенних безобразий,
До «Титаника» кают.
А пойти на дно – так что же,
Нам конца не миновать.
Вечность времени дороже,
И в неё плывёт кровать.

28 февраля 2013 г., Johnstown

* * *

И снегошторма простота
Прямей Закона Ома.
И подступала тошнота –
Вдруг тело невесомо.
И ветра вой, как модный хит –
Безмозгл до основания.
Мой Б-г, как надоел бронхит! –
Грехи и наказание.

1 марта 2013 г., Johnstown

* * *

Был март. Но снег неисчерпаем.
Он на круги – за разом раз.
И нам весна казалась раем,
Побудкой дач, платформ, террас.
Трава мерещилась в тюльпанах,
И рощи свежий изумруд,
И небеса в аэропланах,
Турбин и птиц весёлый зуд.
Ростков не различить нажима
Сквозь толщу снежных одеял... –
Весна, как рай, недостижима. –
На то и дан нам идеал.

3 марта 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-41 (СУЕТА СУЕТ)

Продажный критик или строгий,
Обруган ты, или хвалим, –
Иди себе своей дорогой –

Их вопли – хавел хавалим.
Ступай, твори – пусть в каждом нерве
Горит Соната иль Сонет,
А эти пишущие черви
Лишь жалко отражают свет.

5 марта 2013 г., Johnstown

* * *

Простая радость свежих луж,
Их родниковый холод.
И ветра всплеск цветеньем груш
Окатывает город.
А в лужах неба вернисаж
И отражений море,
И молния луча – пассаж
Прелюда в ре-миноре.
Меж тем прогноз сулит метель,
Не лютики с сиренью –
Как будто у природы цель
Нас научить смиренью.

5 марта 2013 г., Johnstown

МАРТ

Света первозданство,
Фейерверк – стекло.
Синее пространство,
Тихо и светло.
Птиц чуть слышны трели,
Дымка над рекой.
Изумрудны ели,
На сердце покой.

9 марта 2013 г., Pittsburgh

* * *

Что нам стихи? С Евтерпой шалость.
Какой там Гейне? Генрих, Ганс?
Как славно всё перемешалось!
Ах, когнитивный диссонанс...

12 марта 2013 г., Pittsburgh

* * *

Пора разбрасывать каменья,

Густеют тени за плечом.
Не зря чумою мелкотемье –
Всё обо всём и ни о чём...

14 марта 2013 г., Pittsburgh

* * *

Мне б две строки –
Такая малость,
А там хоть кровь рекой из жил! –
Но Муза молча улыбалась –
Не заслужил, не заслужил...

14 марта 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-43

Забилось сердце бешено,
И слёзы вдруг из глаз. –
«Но царство твоё взвешено –
Раздался с неба Глас –
И дело-то несложное –
Поступки и мечты –
Всё на весы уложено –
Фотона легче ты».

17 марта 2013 г., Pittsburgh

* * *

Две фары – волк голодный,
Его не кормит лес,
И в марте дождь холодный –
Проклятие с небес.
Хамсин или сирокко –
Да только ледяной,
Казённая дорога,
Туман и дождь стеной.

18 марта 2013 г., Route 22, East

* * *

Напиток льда пригубит
Бессовестный рассвет,
Одна отрада – Шуберт,
Ручей, форель, квинтет.

Ах, лучше бы в апреле
С лучами на плече
Внимать игре форели
В серебряном ручье.
И обернуться юным,
Вернуться в старый сад,
И улыбаться лунам,
Надсадам серенад.
Но Шуберта послушай –
О чём форели дрожь? –
Что возраст самый лучший,
В котором ты живёшь.

18 марта 2013 г., Route 22, East

* * *

Евтерпа вдруг бескрыла
От марта в кольцах вьюг,
Весна про нас забыла,
Предпочитает юг.
Мороз не для позёра,
Для сильных духом он,
Сверкают луж озёра
Под перламутром-льдом.
И пусть морозно утро,
Да хоть пурга ударь,
Природа судит мудро,
Листая календарь.

21 марта 2013 г., Johnstown

* * *

Сегодня небеса безоки,
Я еду в неурочный час.
Судьбы опасные намёки
Считаю, к горизонту мчась.
Другим – гробницы-саркофаги,
Мне – глина, дождь. Дрожит душа.
Но Дама в Чёрном в полушаге
Остановилась и ... ушла.

24 марта 2013 г., Route 22, East

* * *

И всё же Муза не умолкла –
Поскольку строки кормят волка,

Он и в беде завить горазд –
Про озарённый солнцем наст,
Джульетте, Лете, валуну... –

.....

И на полночную Луну...

29 марта 2013 г., Pittsburgh

* * *

Пой, апрель, цветы мимоза –
До ушей в улыбке мы –
Но безжалостность прогноза
Дикой ереси зимы.
Телевиденья бесстыжье,
Что ни день «Иду на вы»! –
И в погоды чернокнижье
Просвещают нас волхвы.

1 апреля 2013 г., Route 22, East

* * *

Жизнь пролетела полустанком,
Как за окном апрельский снег. –
Вот так с холма скатиться санкам, –
Мгновенье их весёлый бег.
И где же прыть моя газелья?
Упором чёрная гора.
Дороги нет. Не до веселья.
Пора.

2 апреля 2013 г., Johnstown

* * *

Неисправимость дилетанта,
Как вышло, так тому и быть,
А, в общем, существо таланта
Как раз дилетантизма прыть.

8 апреля 2013 г., Route 22, East

* * *

Гроза в долине – с перевала, –
Как будто лава из-под ног.
А небо молнии ковало –

Иль где-то выше гневный Б-г?
Но лес пьянел – озона дозы! –
В нём зрела почек благодать, –
В апреле так невинны грозы,
Что смерть нетрудно прозевать.

10 апреля 2013 г., Route 22, West

* * *

В парке сплетен небылица,
Опьянение аллея,
И с куста сорвалась птица, –
Зря ты птице крикнул «Эй»!
В чаще искры изумруда,
Скоро лес набросит шаль... –
Созерцай же жизни чудо,
Наблюдай, да не мешай.

12 апреля 2013 г., Pittsburgh

* * *

Кругом сплошное носорожье,
Реальность ящером груба,
А вдохновенье – милость Б-жья,
Не муки сморщенного лба.
А если так, пока мы живы,
Вперёд и разрази нас гром!
Да здравствуют стихов разливы,
И Ангел, движущий пером.

13 апреля 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-46

Так кто со мною разговаривал –
Ужели Б-г?
На западе дымил зарево
Сквозь гул дорог.
Кружили птицы психопатами –
За кругом круг.
Так сердцу нелегко с закатами –
Безумен стук.
И вот себя я запер наглухо –
Углись, овал!
Г-дь шепнул мне что-то *на* ухо
И... не призвал.
16 апреля 2013 г., Johnstown

* * *

И ни вздоха, и ни слова –
Языку не хватит слов. –
Хочешь имя знать Иова? –
Мой народ и есть Иов.
Сердцу Ангела не просто
Выполнить такой приказ... –
Пламя, пепел Холокоста.
.....
И в беде покинуть нас...

17 апреля 2013 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-47 (СОНЕТ)

Теперь конец. Грядёт за датой дата.
Болит душа, и не пойдёшь к врачу.
Твержу строку. Сказал поэт когда-то:
«Измучась всем, я умереть хочу».
Невосполнима юных дней утрата,
Вина не держит одряхлевший мех.
Боязнь страны, откуда нет возврата? –
От ужаса остался жалкий смех.
Кругом раздор, и брат встаёт на брата,
И ось души – заледенелый клён,
И милости для падших ни карата,
И кто-то даже солнцем утомлён.

Суровый век. Суровые слова.
А, впрочем, эта новость не нова.

17 апреля 2013 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 10-48

Громады мировых вопросов,
Застыл мыслитель над листом... –
Как хорошо – я не философ,
Пишу простое о простом.
А многословье – не задача,
И зауми заманив грех... –
.....
«Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех».

19 апреля 2013 г., Road 22, West

* * *

От казённых хлопот,
Прибывает опыт.
От бессмысленных хлопот
По лицу холодный пот.
Зла рассветная зола,
Зол событий молот.
Б-г на то и дал крыла,
Чтоб из жара в холод.

22 апреля 2013 г., Road 22, East

* * *

Где не слышен сердца стук,
Торжествует ловкость рук.
Рифмы искрами –
.....
Лучше искренне.

22 апреля 2013 г., Road 22, East

ВАРИАЦИЯ 10-49

Небо черпаю без ложек,
Синевою полн фиал,
И, вдобавок, пылкий Дворжак –
Новосветовский финал.
Уползай в кусты, Геката,
В тьму пещерную и за –
Труб могучее *staccato*
Пусть пронзает небеса.
Только звон в ушах – обуза,
Как компартии плакат. –
Перезрелого арбуза
Мякотью мерцал закат.
Но тоска – удел Тантала,
Я ж икарю, чёрт возьми! –
Оттого ль, что небо ало,
Оттого ль, что бес в крови?

23 апреля 2013 г., Road 22, West

ВАРИАЦИЯ 10-50

Не знаю, кто там ищет выход,
Но раз в пути – вперёд смотри!

И Штраус, слава Б-гу, Рихард,
Не молотилка, три-на-три.

26 апреля 2013 г., Road 22, East

* * *

Манила даль – икрой на блине,
Игрой гурманства, пусть во вред,
И Каста-дивою Беллини
Сопранил ветер.
Холмы вокруг – шашлык в укропе,
И свежести поток в окно... –
Мы этой лучшею из опер
Не упивались так давно!
Гряди, весна, Тебя здесь ждали,
Буди всех дремлющих окрест!
Пусть оглашают птицы дали,
Мазетро, разжигай оркестр!

26 апреля 2013 г., Road 22, West

* * *

И снова пульс умчался в *Presto*, –
Природе не снести вдовства, –
И что ни роща, то невеста,
И колдовства полна листва.
Нет, не листва, ещё листочки
В заката ласковом огне. –
Дышу, пишу до самой точки. –
.....
А где, когда – решать не мне.

26 апреля 2013 г., Road 22, West

* * *

Тюльпанных радуг наважденье... –
Они вот-вот сойдут на нет... –
И в этом есть предупрежденье
О том, как мимолётен свет.
Он расточается лучами,
Несущимися в бездны лет,
И обращается ночами –
Балкон, гитара, плащ, сонет...

29 апреля 2013 г., Pittsburgh

* * *

Я заглянул за край небытия
В огромные зрачки ночных безочий.
Там были бездны вечного литья,
Над ними восседал безмолвный Зодчий.
Совсем не Стикс, невзрачный ручеёк,
И не Харон, прекрасных мифов житель,
И не судьба, назначенная впрок, –
Единый Вечносуший Вседержитель.
Другим даны и Рок, и Колизей,
Нам завещал невиданную силу
В слезах, в огне страдалец Моисей,
Сходя в свою безвестную могилу.
И, час кончины зная наперёд,
Он твёрдо шёл, Единственному веря,
И вывел из беспамятства Народ,
Молитвой ограничив числа Зверя.

30 апреля 2013 г., Pittsburgh

1-е МАЯ

Гремят оркестры духовые,
Порядка стражи верховые,
Кругом восторги и навоз.
И сколько небо ни проси я, –
Покой и счастье – не Россия,
Всё там же и поныне воз.

1 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

Забот невыносимо иго,
И не вмешается Гарант, –
Любая жизнь – Иова книга –
.....
Но облегчённый вариант.

1 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

Вот и Б-жья милость –
Море расступилось,
Водная среда.
И – вперёд, колонной! –

Моше непреклонный, –
Но идти – куда?
А сомненья роем,
В горле коброй ком.
Трудно быть героем,
Быть проводником.
Знать бы всё заранее –
Умереть, уснуть... –
Жизнь – не поле брани,
Коммуналки муть.

1 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

По тропам чёрно-белых клавиш! –
А что за музыка? Б-г весть... –
Да только зря, мой друг, лукавишь,
Стараясь больше быть, чем есть.
Гони соблазн. Блудница-мода
Считает соловьём осла. –
Импровизации свобода –
Дешёвый трюк без ремесла.

7 мая 2013 г., Route 22, East

* * *

В зелёном тоне акварели,
Дорога – через горы брод, –
По сторонам летели ели,
Деревья лиственных пород.
И предстоящий спуск в долину
Манил опасной новизной –
Там всё располагало к сплину,
И змеем караулил зной.
Лениво шевелились кольца,
Вздыхалась дымчатая плоть, –
Но путь один у подневольца –
Всегда вперёд, спаси Г-дь!

8 мая 2013 г., Route 22, West

* * *

Настырный мелкий непокой –
Квитанции и биллы.
И вдруг застыл – ведь день какой! –

Салюты и могилы...

9 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

В зоопарке восторженном
Торговали мороженым,
Шёл товар нарасхват.
В полдня знойных сумятицах
Ели девочки в платицах,
Ели мальчики-с-пальчики,
Ели волки стаканчики –
.....
Волк всегда виноват.

10 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-56

Non più andrai, farfallone amoroso...

До-мажор, мой до-мажор,
Клавиши слоновые,
Ветер, рощи ухажёр, –
Вьются кудри новые.
Раскудрявый клён резной,
Селезни, да утки –
Здесь весна со всей казной
Делает покупки!
Утки парами, волна
Льнёт к волне в объятье.
Май – депрессии война,
Жизнь-невероятье!
Звуки кудрями завью,
Резвый, хоть не мальчик. –
Улыбаться муравью –
В небе одуванчик!
До-мажор тоске заслон,
В нём бессильна проза.
Я сегодня *farfallone*,
Резвый *amoroso*.

12 мая 2013 г., Pittsburgh

НЕПРАВИЛЬНЫЙ СОНЕТ

Был безнадёжно мрачен день,
Как скверная таверна.

И только маятника тень
Качалась равномерно.
Я видел эту тень один
И не имел сомненья –
Считает Время-господин
Последние мгновенья.
Всему на свете есть предел,
Не плачь же, зная это.
Всё, что любил, о чём радел
Смотри, уносит Лета.

Благословен ты, окаян, –
Всех примет этот океан.

13 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-57

Сочиняю о прекрасном
Самому ещё неясном,
Но трепещущем уже
В небе, в сердце и в душе.
Ну, а грязь в малейшей дозе
Отдаю суровой прозе,
К коей – вот уж не пьета! –
Вовсе не влекут лета.

14 мая 2013 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 10-58

Летит машина легковая,
Музыка, ах, не полковая,
Скорей дивизия мефист,
Смеясь, влечёт железный лист,
Весь в ржавых дырах по бетону.
Ну, что здесь скажешь моветону –
Удалому князю тьмы –
Мусор лучшие умы.
Чуток чёрный чёрт к веселью,
Судьбы крутит каруселью,
И хрипеть он не устал:
«Люди гибнут за металл»!

.....
За металл. Лишь лиходеи
Погибают за идеи.

14 мая 2013 г., Route 22, East

* * *

Во мне сломался метроном –
Сплошная аритмия,
И пляшет пульс, как пьяный гном,
Я плачу «*tat-ta-tia*»!
Не скрыться зайцу от орла,
Полынью чует нерпа. –
За что же метр отобрала
Капризная Евтерпа?

14 мая 2013 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 10-61

Звенела роща мелкой птахой,
Ахилл бежал за черепахой,
Впадая в свой обычный раж.
Но как ни схватит – всё мираж!
И хохотало эхо леса
В ответ на вопли Ахиллеса.

Мораль: вотще щиты-палатки,
Коль наступает смерть на пятки.

17 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-62

Солнца тусклое око,
Марево, зной.
Облако не одиноко
Под выцветшей голубиной.
Тысяча облак – туча,
Молния – в небе брешь.
Плачь же, бесаме мучо,
Сам ты искал мятеж.
Рябчиков жуй, бутерброды,
Ешь камамбер в кураге, –
Молния – ярость природы,
Не пожар в утюге.

20 мая 2013 г., Pittsburgh

ВЕРДИ

Не блеск торжественных процессий,
Но ровный гул бетонной тверди.

А ветер – сказки о принцессе,
Прямое благородство Верди.
И тает ночь. Восток, белея,
Могучий день очертит черне,
И звучны трубы юбилея,
Как сицилийские вечерни.
И горьки стоны Риголетто,
Соль утешения – аптечна,
Маэстро, вот уже и лето,
Весна была так быстротечна...

22 мая 2013 г., Route 22, East

ВАГНЕР-200

Маэстро страстные манеры,
Но что-то тошно на душе.
Щиты из крашеной фанеры
И копы из папье-маше.
Заря сегодня океанна,
Но в ключьях туч со всех боков,
И суть пророчеств постоянна –
Всё те же сумерки богов.
Аккордов поступь многотонна,
Надрыв космических утрат... –
Ужели это жизнь картонна,
А Мастер – фотоаппарат?
И всё же медь чеканнойковки
Чудовища нарушит сон. –
Виват, волшебник оркестровки,
Ты тоже прав на свой фасон!

22 мая 2013 г., Route 22, East

* * *

Кобра из гуттаперчи,
Ангел исчез, не кличь.
Бешенство круга в смерче,
Дьявола бич.
От смерти нет панацеи,
Город сметает плеть. –
.....
О тонкостях теодицеи
Кантам галдеть.

23 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-64

Всю ночь гремели грозы,
Метался ветр-терьер,
И вспышками мимозы
Пугала щель портьер.
А в общем, ну, а, в общем,
Все страхи ни к чему,
Живём себе, не ропщем
По сердцу, по уму.
Но Б-г ума мне не дал,
Как Ною в старине,
Что ж, стану краеведом
В сердечности стране.
И жизнь мне не отравит
Теорий сулема,
Ведь утверждать я вправе,
Что горе – от ума.

24 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

Померкшее сиянье глаз...
И ветер, не на круг ли?
И бьют Часы: огонь погас,
Остыли угли.

26 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-65

По асфальту стлался пар,
Птиц в листе *staccato*,
Так играть нас Майкапар
Обучал когда-то.
Как затверженный урок,
Восходящий к Ною,
На ходу мычу: «Сурок,
Ты всегда со мною».
Для кого-то примитив,
Мне – услада-сладость,
А на песенки мотив
Хор ответит: «Радость»!

28 мая 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-67

И пусть речение старо,
Не меркнет вера.
Жар-птица, подари перо –
Dum spiro, spero!
Простёрто-пламенны крыла,
И пульса молот.
И врут седые зеркала –
Я тоже молод!

30 мая 2013 г., Pittsburgh

* * *

Всё позади – добро и зло,
К рассвету напролом! –
И озарённое крыло
К земле прямым углом.
На грани срыва разворот,
К зениту стрекозу! –
А жалкий человеческий род
Уныло спит внизу.
В зенит из жизненных болот,
В крушение основ! –
А тем, кому не дан полёт, –
Ну, что же, добрых снов.

31 мая 2013 г., A-320, Pittsburgh –San Francisco

* * *

Шелесты-трели издалека,
В окна течёт золотая река,
Музыка утра чиста и свежа,
Что же ты спишь? Просыпайся, Душа...

1 июня 2013 г., San Francisco

* * *

Пульс-автоматчик,
Зеркала твист –
Солнечный зайчик
Жёлт и пушист.
Я ли такой
Белоснежный, как лунь? –
Нежной строкой

Начинался июнь.

1 июня 2013 г., San Francisco

* * *

Ветру с залива
Кружить, ворожить,
Жить несчастливо –
Всё-таки жить.
Слушай и млей
Птичьи песни без слов –
Б-гу милей
Молчаливый Иов.

2 июня 2013 г., San Francisco

* * *

И вот Перо выводит без нажима
Сонет зари – ни сабель, ни орал,
И Б-жья Доброта непостижима,
Как и пути, что Он для нас избрал.

2 июня 2013 г., San Francisco

* * *

Чаек плачи-ахи,
Эхо гор в ответ,
А в окон распахе
Теплится рассвет.
Ярче, ярче, ярче
По стене лучи. –
Так, а не иначе –
Слушай и молчи
Ветросвета оды
В занавесей газ,
Разговор природы
С нами, после нас...

3 июня 2013 г., San Francisco

* * *

Я, кажется, совсем зачах –
Заели Сивку горки.
Ужели петь о мелочах –

Готовки да уборки?
Иль жар возвышенных речей
Не говорит о силах? –
Жизнь состоит из мелочей –
Докучливых и милых.

4 июня 2013 г., San Francisco

* * *

И вот ещё одна страница...
Мерцает тусклая луна,
И горизонтная ресница
Воспалена.
Там за чертой конъюнктивита,
Где мог бы царствовать Парнас,
Вдруг вспыхнут звёзды деловито –
Что им до нас?
Печалью сомкнутые губы,
Их приговор и прям и груб –
Что мы Гекубам, нам Гекубы?
Конец Времён – сто тысяч труб!
И всё же распростёрты крылья
Над бездной безразличной тьмы,
И где-то там, за звёздной пылью,
Наверное, любимы мы.

5 июня 2013 г., A-320, San Francisco – Pittsburgh

* * *

Бродить по улицам без цели,
Внимая с радостью-тоской
Бессвязный лепет городской,
И гладить шёлковые ели,
Их лап нездешний изумруд
И ждать, пока во тьме замрут
Дремотных птиц свирели.

7 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

На рассвете пело
Cello фонаря.
Птицы *a capella* –
Встречный гимн – заря!
Дню дана аренда –

В сердце без ключей
Плавное *crescendo*
Ласковых лучей.
Отступление смерти
Празднует земля.
Б-жье милосердие,
Что проснулся я.

10 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

Аэродрома вечный гул,
Над полем – ветер-балагур,
Он дразнит гордые турбины,
Что дикой мощью налиты.
Уже разбрызгал кровь рябины
Закат, сползая с высоты.
И тьма, как водится, за кровью
Вступает царственно в права. –
Душа замрёт, и к нездоровью
Полынью полыхнёт трава.
И лишь аэропорта глыба,
Насест огнеполётных птиц
Алмаз в ночи. – Творец, спасибо,
За Боингов и за синиц.

11 июня 2013 г., Pittsburgh International Airport

* * *

Мой круглый двор. Бреду по кругу.
Пытаюсь бормотать сонет.
Я позвонил сейчас бы другу,
Да только друга дома нет.
Сонет мой тонет в птичьей гаме,
С дороги ухнуло совой... –
Во весь завод бреду кругами,
Но против стрелки часовой.

13 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

Шёпот из-за черты –
Ты!
С Ангелом над плечом
Шепчешь –

О чём?
Я под Луной,
Ты – за. –
Всё же
Глаза в глаза.
Песня, упрёк иль весть –
Третий
Зачем нам здесь?
Ангел ни брат, ни сват.
.....
Я один виноват.

14 июня 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-71

Как Гейне, слово – и на ветер,
Но ветер – на круги, не вдаль. –
Профессор под откос в карете –
Во многом знании – печаль.
Общественных наук брадатый
Творец и жрец без дурачков,
Ты знаешь все события-даты,
И грозен блеск твоих очков.
Защитник угнетённых давний,
За всякие права борец,
Всю жизнь разбрасывал ты камни,
Считай костями, наконец!

18 июня 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-72

Ночь бессонная до боли,
Подожжённый солнцем путь, –
Но – вперёд! Усильем воли –
Не уснуть бы, не уснуть!
Тучи вспыхнувший творожник,
Сразу все разряды «пи»... –
Лучше ты твори, художник,
И не спи, не спи, не спи...

20 июня 2013 г., Route 22, East

* * *

Ни плаща, ни гитары,
Серенады в саду,

Слов не сходятся пары,
Метры гибнут в чаду.
Ночи сочная спелость,
И свеча зажжена –
Так не хнычь, что не пелось, –
Сочинителю смелость,
Как солдату нужна.

20 июня 2013 г., Route 22, West

* * *

Пиит корпел, перо кусая,
В собаку запустил штиблет,
А сажень в нём была косая,
Бывало, вмиг строчил куплет.
Он пёк куплеты, как котлеты,
Ну, микоянов комбинат! –
Меж тем незримо воды Леты
Его влекли на пережат.
Опасно каменисты мели,
И горлу не вместить строку... –
Так счастье кончилось Емели –
Не всё же счастье дураку.

20 июня 2013 г., Route 22, West

* * *

Пьянила свежая трава,
Шмелиное жужжанье,
Кружилась сладко голова
От строк без содержания.
Скакали мячики-слова,
Как птицы на лужайке,
И бриз шептал: «*Comment ça va*»...
Певуний звонкой стайке.

21 июня 2013 г., Pittsburgh

22-е ИЮНЯ

Когда ещё будут марши,
Блеск победных речей... –
Вечный покой не вставшим
С полей, из рвов, из печей...

22 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

Песнь колёс одноколенная –
От тоски хоть умирай. –
Дождь и дождь. В дожде Вселенная
До краёв и через край.
Гор знакомых очертания –
В дрожи каждая черта.
Охи-вздохи, причитания
Не помогут ни черта.
Вот такие вышли горести,
Скучно-мелко семена,
У дождя ни капли совести –
Ну, совсем как у меня.

27 июня 2013 г., Route 22, West

* * *

Солнце хлынуло в просветы
Траура небесных штор,
Вечный дождь, да где ж ты, где ты? –
Реки света из-под шор.
Безудержны эти реки,
Пораженье бога туч.
Поджигает фейерверки
Сочных капель каждый луч.
Неказист я или казист,
Быстротечны ль мои дни, –
Но – участник этих празднеств –
Я самым богам сродни.

27 июня 2013 г., Route 22, West

* * *

Как в до-мажоре ре бемоль,
Внезапно головная боль.
Ползёт змеёю по уму –
Куда, зачем и почему?
Но и от боли вышел прок
Секстетом этих грустных строк.

28 июня 2013 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-74

Неоном вспыхнув, «мене, такел» –

Над изголовьем Чёрный Ангел.
«Времён посланец, ты за мной»? –
.....
Как бесполезен труд земной...

29 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

Танцы света по стене,
Птицы, рыцарь на коне,
Книга, кафедра и кресло –
Шторы вздох, и всё исчезло.
Ветер, шторы пузыря... –
Звонкой музыкой – заря.
Острого луча капризы –
Стёкла, крыши и карнизы
Мигом вырваны из тьмы. –
.....
Что ж во тьме блуждаем мы?

29 июня 2013 г., Pittsburgh

* * *

Взгляд на жизнь с расстояния –
Странное состояние,
Вздых – захватило дух.
Жизнь, как сумма, как кредо,
Жутче любого бреда,
Иррациональное корня из двух.

29 июня 2013 г., Pittsburgh

Составлено 14 июля 2013 г., Pittsburgh

Жанна Свет

Стихи. 2005-2011

о-первых, во-вторых и в-третьих,
те далеко, а эти - в нетях.
Одних не вспомню, тех забыла,
а третьих, как водою смыло.

Во-первых, во-вторых и в-третьих,
живём, самих себя не встретив.
Перебираем на рассвете:
во-первых, во-вторых и в-третьих.

Во-первых, во-вторых и в-третьих,
жизнь проскочили, не заметив,
да и она, с улыбкой милой,
не видя нас, промчалась мимо.

Нет у неё для нас улыбки:
мы не видны, мы слишком зыбки.
Наверное, мы тоже в нетях,
во-первых, во-вторых и в-третьих.

***

Последняя пьянка еще не ушедшего лета.
Распахнуты двери, туда, где лоза опустела.
Распахнуты окна, и в полосах желтого света
мы видим туман, из пустыни ползущий несмело.

Пустые бутылки, пустые бокалы и лица.
Поем под сурдинку – знать, песенка наша не спета!
Туман наползает, бесшумно ползет и клубится:
он знает, что кончились песни у томного лета.

День сжался в клубочек – того и гляди, что исчезнет,
уступит себя черной ночи, туману и ветру.
И время потянется, словно уставший наездник,
клянувший дорогу, себя и коня. Километры

истоптаны ключей – что ж, пункт назначения не близко.
Туман наползает, мешает найти переправу.
Над нами небес перевернута темная миска,
мы пили за лето, за солнце – мы пили по праву!

Но выпито лето, бутылка его опустела.
Мы спрячем ее в кладовую и дверку прикроем.
Ничем не укрыто пустыни озябшее тело...
Так может, добавим? Ведь нас, как положено, - трое!

***

Каникулы закончились, и лето
съезжает с дачи далеко куда-то,
где баобабы, джунгли, кенгуру.
Неубранной оставлена квартира –
без мебели, без штор – и только листья
лежат, как пестрый мусор на полу.

Мы остаемся – лето уезжает.
Уже сундук уложен и обвязан,
и птицы улетают, – клин за клином –
как стрелочки на карте, чтобы путник
с пути не сбился и попал туда,
где ждут его так жадно и давно.

А к нам придет уборщица-зима
и уберет за летом бесшабашным
и распуتهю осенью весь мусор.
Ковер постелет и повесит шторы,
крахмальные развесит занавески,
велит угомониться всей природе
и нас угомонит, конечно, тоже.

Магнитофон уехал в сундуке
крутить танцульки вдалеке от нас.
Что ж, включим телевизор, сядем в кресло
и, грея руки о стаканы с чаем,
мы станем лета возвращенье ждать.

Мы будем терпеливы, и вернётся
к нам лето... Наказаньем иль наградой?

***

Какой пейзаж! Лишь елки, палки,
метелки, филины, моталки,
осинки тонкие да кочки,
да квохчущие нервно квочки,
болотца, мхи, вороны, волки,

еж, растопыривший иголки.
Над зубчатою стенкой леса
луна свой свет прольет отвесно...
Узкоколейна жизнь, а впрочем,
не зря ли головы морочим?
Вокруг – карьеры и овраги,
клочки отваги и бумаги
с пометками "к ответу!", "срочно!".
Желанье петь не правомочно.
Куриной лапою избушка
метелку подает старушке,
а ступа лязгает и бьется,
и лунный свет на все прольется.

Не будет солнца... Кто там свищет?
Кто в темноте дорогу ищет?
По рельсам отблеск тусклый вьется.
Жизнь, елки-палки, сны, болотца.

***

Бездумье дымных дней,
когда горит листва,
когда идут дожди,
и пахнет осень прелью,
но дышится легко,
рождаются слова
и падают на лист
весеннюю капелью.

Кружится сущий мир,
вертится круг времен,
кружится голова,
и в этой круговерти
томятся и кружат,
рождаются слова.
Рожденье и исход –
спасение от смерти.

Седой кошмар зимы
еще не наступил,
но ждет нас впереди,
но распахнул объятия.
А в них застынет мир,
замрет, застынет жизнь
от ведьминога страшного
проклятья.

Снега, мороз и лед...

Скукожится душа
и, скрючившись, заснет
до марта иль апреля...
Спасет рождение слов –
когда снега шуршат –
неотвратимое,
как вешние капли.

***

В киноклубе окраинном, в зале, так плотно набитом,
что и слову нет места упасть в предэкранном пространстве,
на коленях держа пальтецо и платочек колючий,
черно-белые – с бабушкой – смотрим индийские страсти.

Рядом – девушки, ждущие "с армии" графов и принцев...
"Шестимесячной" пена, подбритые бровки и штапель.
Всю неделю трудились – не женские, грубые руки.
Но: суббота, до трех, киноклуб. Отдыхаем и плачем.
Завтра драить полы, занавески крахмалить, салфетки,
а сегодня гуляем и смотрим индийские страсти
(за отсутствием оных в реальности вяло текущей)
на экране простом в тесноте, духоте, но – с азартом.

У матрон, не остывших от кухни, пылают ланита.
На коленях у каждой второй спит младенец сомлевший.
Рядом тихий супруг – отдыхает и дышит смиренно
"изабеллой" и грушевой чачей в эфир предэкранный.
Всю неделю он вкалывал, с курами спать отправлялся...
А сегодня – суббота, до трех, можно даже в киношку
на индийские страсти, с матроной, прийти подивиться.
Тут и песни, и пляски, и слезы, и кровь, и разлуки,
обретения, встречи, утраты, но все утрясется:
будет шасте в конце, будут петь у фонтана герои.
Ну, а завтра, с утра, взяв за тонкие лапки детишек,
он с матроной отправится в гости. Опять "изабелла".

Одинокие женщины в возрасте "ягодка сохнет"...
"Шестимесячной" пена, подбритые брови, помада,
ароматы дешевых духов и рассыпчатой пудры
из коробки картонной с букетиком ландышей белых.
Каблуки – "баклажаны", носочки с зеленой каемкой,
волны штапеля, газовый шарфик и сумка конвертом.
В ней платок с кружевами, ключи, кошелек и расческа.
До полочки осталось всего три рубля и неделя.

На "галерке" влюбленные парочки, за руки взявшись,
смотрят, вроде, в экран, но при этом друг друга лишь видят.
Все красоты кино, все чужие горячие страсти

обещают друг другу и странно, что верят при этом.

Батальон холостяцкий не хочет показывать виду,
что заморские страсти и их захватили и держат.
Отпускают соленые реплики, свистнут, взгогочут,
но в душе каждый хочет себе и любви, и удачи.

Так смиренно сидим, глядя преданно в жерло экрана,
отвернувшись от жизни, что каждого ждет за стенами
захолустного клуба в клетушках "жилплощади" нищей.
Не хотим возвращаться, желаем лишь плясок и песен,
лишь любви – пусть с изменой, зато настоящей и грозной.

Спели все у фонтана, открылись высокие двери,
а за ними уж ночь, фонари еле-еле мерцают.
Мы стоим, уходить не хотим. Дайте плясок и песен!
Дайте сладкого сна и любви у фонтана под пальмой.

***

Кирпич краснеет воспаленно,
плющ иступленно рвется к крыше,
и музыка – так отделенна,
что мы, практически, не слышим
мелодии:
лишь тень созвучий
день обвела чертою тонкой,
что придает ему прозрачность...

О, беззащитность ноты звонкой!
Река распластана под кручей –
несет себя в подарок морю.
У тучи, рыхлой и ползучей,
полна дождем утроба. Споря
с ярчайшим днем, она вцепилась
в кусты на темени утеса
и застыдилась перед солнцем,
что растрепал ей ветер косы.

Душе мятущейся противны
тепло, покой и леньность плена,
где все оценки субъективны,
где смяты дни, где правда тленна.

Душе томящейся так сладки
мечтанья о скитаньях дальних,
о славе, взлетах – о! мы падки
на грезы в полумраке спальни.

А пестрый мир кружит, хохочет,
живет и дышит, пьет и пляшет.
Под кручей речка нам бормочет,
платком с утеса туча машет...

Не улететь нам с тучей этой,
не уплыдем с рекою к морю...
В печальном сумраке рассвета
поймем, что песня наша спета,
душа ободрана, раздета,
что мир большой далёко где-то,
а нам осталось только это:
смиренно предаваться горю.

***

МУЗЫКА. КОНЦЕРТ

Сперва смычки, качаясь вразнобой,
как бы, проткнуть пытаются кулисы,
и скрипки – хаотической гурьбой –
все невпопад. На ярмарке актрисы.
Как будто чаек стая слезы льет
над мелким морем ямы оркестровой,
как будто свадьба пьяная зовет
паромщика, что спит под лодкой новой.
Но вот спокойный строгий силуэт,
на музыкальный инструмент похожий,
прошел меж музыкантами, и свет
мгновенно стал спокойнее и строже.
Все лица собрались и, глядя в такт
позывам рук, подавшим знаки с кручи,
колонной четкой, чуя каждый шаг,
пошел на приступ звуков строй могучий.
Затем на сцене вихри завились,
на зал подуло теплым нотным ветром,
смычки, все разом, дружно поднялись
в одном порыве радостно-бессмертном.
Под шквалом звуков закачался зал,
огнем подвесок полыхнули люстры.
В пустом фойе зеркальный ряд сиял,
чего-то ждали неподвижно бюсты...
Гудел и вился звуков дружный рой,
неслись сердца пронзенные навстречу:
литавры, распаленные игрой,
зал расстреляли медною картечью.
Рыдали люстры и роняли в зал
мельчайших радуг яркие соцветья...
На небе сидя, старый бог рыдал,
поскольку дарит музыка бессмертье.

***

АНТЕННЫ

...антенн сервис суповой
все пытается – тщетно! – поймать
музыку ночного пиршества звезд,
но ловит лишь телепрограмм
скудный ужин,
который следует
отдать врагу.

***

Зимние мечты

Вот бы съездить в дом отдыха зимний в Подмоскovie
недалнем, допустим,
по Савеловской ветке...
Пусть поселят меня в светлой комнате: тюль на окнах,
репродуктор, графин,
две соседки.
Ольгиванну послал профсоюз — не сама захотела, не очень
ей все это нужно.
А Ларисе обрыдло одной, вот и ездит в надежде найти и
поймать
хоть какого-то мужа.

Получу одеяло шерстяное зеленое с полоскою белой,
обтрепанной бейкой.
Постараюсь ответить спокойно, на ларисин вопрос, не
являюсь ли,
часом, еврейкой.
Не забыть бы вязанье с собою и польский журнальчик со
схемой салфетки,
что мусолю полгода:
нужно время хоть как-то занять, если вдруг подкачает и
спутает
отдых погода.

Лыжи взять напрокат, сдавши паспорт в залог. Обойти
голый парк, весь в снегу,
по пустынным аллеям,
и под крышу вернуться не раньше, чем зимний закат
подберется неслышно,
смущенно алея.
Съесть на ужин кефир, запеканку, выпить чай под
кликухой глумливую
"белые ночи"
и на танцы пойти: можно лечь и в двенадцать — ведь
отпуск! Завтра

день не рабочий.

Мне расскажут соседки про жизнь, про болезни, любовь и
печаль —

все до самой изнанки.

Будем с ними заваривать чай: кипяtilьник с собой. Есть
заварка,

конфеты, баранки.

К телевизору выйдем: макияж и прически. Наденем все
лучшее —

туфли и платья.

Будет Ларка глазами стрелять, есть ли кто-то вокруг, кто
быть может

допущен к объятьям.

Вот бы съездить... Да где оно все? Далеко колесо укатилось.

Ольгиванна, вы где? Эй, Лариска, ты как?!

Сделай милость,

тот, кто памятью ведает: пусть бы я все позабыла,

но не то, что придумано мной — лишь оно мне и нужно, и
мило.

Александр Бабушкин

«Слова, словам, словами, о словах...»

Стихи

***

Новогоднее 2013

придаточно это
при дате
змеиный тринадцатый
нате
вам
и разбирайтесь
когда отопьётся
петлёю свернётся на шее
кого поцелует взасос
а кого под откос
и при чем здесь был гад?
ни при чем
и судьба
ей ведь всё нипочём
Китайский у вас календарь
в православной стране
или майский
а ночь кувырком
под бенгальский огонь
и в языческий псих
окунается глобус
по космосу пьяно несет
переполненный этот автобус
кому из кокоса ликёр
а кому оливье под забор
и за шиворот водку
кто тащит старуху в сберкассах
кто в койку молодку
коробка стучит передач
и хоть смейся
хоть плачь
и Таня свой мяч не найдет
и у мишки оторвана лапа
и памяти крошки

опять собирает растяпа
сливая из рюмок остатки
под утро в одну
не надо ко дну
я и так ото дна не отлипну
я лучше к окну
как ребёнок
губами и носом прилипну
и буду смотреть
как на землю спускается снег
мой век позади
и вперед устремляется век
только плохо мне видится
что впереди

***

Замучаю.
От случая и к случаю
прокручива
ю
мысль приставучую.
Накручиваю.
Мозги вкручиваю.
Ввинчиваю
мысль эту
прилипчивую мну
как сигарету.
Ответов
жду.
Ответов.
Нет и нет ответов.
Света нет.
Рассвет бессонницей.
И в обмороки сна-усталости
от жалости к себе.
Как жало
в мозг
вопрос.
Опять вопрос.
Вопросом на вопрос
навалится,
и высосет и выпьет
все по капле,
вытянет
и выжмет.
Вьет
жгутами все жилы.
Жили.

Жил.
Живу.
Живу ли?
Я ноги протяну.
Не дотяну.
Втянули.
Вот и меня втянули
в трясину этих слов.
Тону.
А был ли он здоров?
И этот престарелый мальчик
сошел с ума
от сумасшедших снов.
Ослище по тропинкам горным тянет
баулы сдохших книг-мозгов
разбитых о граниты.
Мы квиты.
Слышишь, Бог!
Молитвы.
Мы на крестах твоих основ
распять.
Запятыми повторения отсечены.
Но повторения
учения не стали матерями.
И мы убьемся сами.
Без помощи чужой.
Самоубьемся
словами
умоемся,
как кровью захлебнемся
так не найдя ключа.
Ничья...
Душа ничья.
Еще одна.
Ничья.

***

Слегка туповато.
Чуть-чуть грубовато.
Вот курева пачка.
Вот спички.
Вот хата.
Вот кофенаркотик.
Кино штабелями.
Вот книги.
Вот фиги.
И ты вверх ногами.
И вынесен мозг.

Вон – разбросан по полу.
И кто-то куда-то
Строчит протоколы.
Мол, так-то такой-то
Весь самоубит –
Расшибся башкою
О книжный гранит.
Слегка туповато.
Чуть-чуть грубовато.
На белом листе
Не хватает солдата.
Колышутся ели.
Трепещут осины.
Хватает еще
На Земле древесины.
И падают листья,
Как сбитые флаги.
Хватает еще
На планете бумаги.
Да что там, бумаги...
Всё брошено в сеть,
Чтоб новым солдатам
И там умереть.

***

Черточкой меж датами
Ветер пролетит.
Мы не виноватые,
Что оно бежит.
Мы не виноватые.
Тикают часы.
Бедные, богатые...
Все и на весы.
И куда наклонится
Та, где нижний гвоздь?
Или успокоишься,
Или не сбылось.
Или оправдание,
Или гаснет свет.
Черточка меж датами.
Вот и весь ответ.
От земли до небес
В вертикаль
Как в иголки ушкó
Вставь
Эту жадную
Горизонталь,
Разлилась, зажралась.

Убавь.
Не выходит поклон,
В наклон
Тянет жадность живых
Мест.
Повелось так веков
Испокон.
Он поклонный могильный
Крест.

***

из песни слов...
из жизни дней...
из рюмки капель...
все последние
и ничего на утро
как всегда
столетний токсикоз
от слов-теней
и капельницей памяти
и против часовой
гонять по венам
годы прошлых дней
судьбы своей
и жить такую жизнь
вперед-назад
вперед-назад
весь график жизни смят
и сломан к черту
черту бы подвести
и черным и по белому
свести баланс счетов
которым счета нет
но кто-то ведь
их все предъявит мне
и выставит последний
под расчет

***

слова
словам
словами
о словах
и в головах.
и музыкой нездешней
и мыслью
куполов о куполах

и куполами
в темноте кромешной
антеннами
ловящими сигнал
бог дал
послал
услышал?
не услышал?
так это ты строкою наповал?
или тебе словами мозги вышиб?

***

истина открывшегося мнения
со-мнение
и благая весть
со-весть

***

Писать,
Описать,
Записать,
Дописать эту жизнь –
Как вываривать соль
Из рассола непролитых слез.
Но слезами залить все что можно.
И соль эту
С хлебом
На небо
Вперед
За стаканом.
Погано.
И все испоганил.
И в жизни поганой
Поганкою рос.
Словами в себя же пророс.
И прирос,
Приварился к бумаге, к столу.
И с горою окурков
Придурком живу.
Полудурком.
И мозг свой всё жру,
Не нажрусь,
Не убьюсь.
Я этой рефлексией льюсь на бумагу
Без смысла и цели.
Слова надоели.
Изъели.
Изгрызаны ногти.

И сожрана кожа на пальцах.
Уродец.
На прожитых днях
Балансирует канатоходец изгой.
Я сожран собой.
Я изъеден как молью собой.
Забери меня, Боже!
Мой кривенький путь
Чёрте где чёрте как ведь проложен.
И я заплутал.
И я сгинул на этом пути.
Скорей забери.
Мне себя уже не донести.
До Тебя уже не донести.
Ты прости.

***

Что-то пишется с трудом.
Пополам стихи с грехом.
Пополам с золой и пеплом.
Пополам с тоской и ветром.
Пополам с таким кошмаром.
Прожил даром.

***

Если бросить курить.
Если бросить всех женщин
С кем не венчан,
Но был.
И кого из сознания
Я не выброшу.
Нет.
Да и сами они не уйдут.
Потому что все видят
И знают,
Что бросить ни их, ни себя не могу.
Если бросить курить,
То о чем мне останется думать?

***

Написать о том, что было?
Описать, как сердце выло?
Написать, как стыли жилы?
Описать, как все мы жили?
И кому писать все это?
Вон по телику куплеты...
Вокруг света.
Конец света.

И на Быкова билеты.
И зачем всё с нами было?
Всё говно вдруг разом всплыло.
А в итоге –
Шишел-Мышел –
Сэсэсэр на волю вышел.
Выхлоп – семь десятков лет.
И прорвало туалет.

***

хочу пишу
не хочу
пишу
не хочу
ну
не пишется
совсем не пишется
только слышится
как тикает в висках
это
не то
это
не то
всё
не то
что
то?
то что можно?
сложно
выразить словами
чувство омерзения
от слова можно
нужно послать всё
и ничего не писать
это честнее
чем думать о том
что написать
всё уже написано
и не успевают читать
написанного всеми
которое совсем не нужно читать
потому что нужно
читать
то
что написано тогда
когда не писали все

***

Сяду
Напишу большую повесть
«Совість»
Всё не напишу
Никак
Не сяду
Всё...

***

в точку
всею линией
жизни
строчкой
в точку уходя
и длясь
во времени
имея
лишь умение
слова перебирать
и складывать
как-нибудь
укладывать
себя
на буквы
вытягиваться
в полный рост
на белые одежды савана листа
и им укрыться
навсегда
и успокоиться
точка

***

Правила
Неправильно
Исправил
Знаю
Что не знаю
Ничего
Из правил тех
Что правильны
И правит что?

***

Ты уже все равно не вернешься.
Как когда-то лихой не проснешься.
А проснешься, так будто очнешься

После тысячи пропитых лет.
Все равно ты уже не вернешься.
Что ж ты с памятью бьешься и бьешься?
Что ты ищешь?
Ты в ней захлебнешься...
След?
Если здесь и сейчас тебя нет.

***

На белый лист налью печали,
И укачаю на качелях.
Так памятью уносит в дали,
Где всё могли, всего хотели.
И исписались листьев пачки,
И проскакали судеб строчки,
Долги, тревоги и записки,
Кавычки, запятые, точки...
И мемуарово тоскливо
Глазею в законность. Слякоть.
Не хочется писать сопливо.
А хочется курить и плакать.

***

И всё больше оглядываюсь.
Всё больше назад.
И все больше узлов
На память.
И всё больше рассказываюсь.
И вперёд – наугад.
И всё больше – уже.
Не исправить.
И всё кутаюсь, кутаюсь -
А трясёт от потерь.
И кричи не кричи –
Нет уж.
И тяну на себя
На того, что теперь
Опостылевших слов
Ветошь.

***

Маленький червячок.
Бедненький дурачок.
Пучусь на это небо –
Мне бы...

***

Напиши это всё,

напиши и заткнись,
опиши
в этих проклятых буквенных знаках
все, что было и сплыло
под именем жисть,
и подохни последней бездомной собакой.
И летай драным ангелом,
бейся в окно,
корчи рожи,
царапайся в темные стекла.
Ты со всеми ветрами теперь заодно,
и со всеми дождями, чтоб почва промокла.
А когда изойдешься от слез и соплей,
когда все корабли разобьются о волны,
позови Его,
просто скажи: «Пожалей»,
Он придет и нальет,
как бывало,
по полной.
И последнего пьяницы вопли и крик:
«ой мороз...», «ты мне друг?»
и другие баяны
это всё твои весточки:
«помнишь, старик?»...
Это мучают души твои тараканы...

***

На белую бумагу
Посуду и отвагу,
Получки и привычки,
Друзей, картины, спички,
Бутылки и коробки.
И, все, что было – в скобки.
И белая бумага
Сольет отвагу с брагой,
Пережует привычки,
Друзьям оставит спички,
Вон из бутылок пробки –
Все вынесет за скобки...

***

По глоточку. Хоть строчку. До точки.
Криком долгим летящим в ночи...
Прилетят и сидят одиночками.
Остальные?
Кричи, не кричи...
Вдруг закружатся, слепаются, сложаются.
Круг замкнется.

Мелькнувши едва,
Эта мысль наконец-то уложится
В непонятные раньше слова.

Александр Городницкий

Ода Кипплингу

В емные успехи сводил я к нулю,
Не слушая мудрых советов.
Я Кипплинга с детства любил и люблю,
Из всех выделяя поэтов.
Ему возводил я в душе пьедестал,
Деля с ним и радость, и горе.
Ему благодарен за то, что не стал
Бухгалтером в душной конторе.
Прошел в океане я тысячи миль,
Богатства не нажил, и все же,
Спасибо за жизнь мою, лорд Бикенсфилд,
На лордов других непохожий!
За сине-зеленый пронзительный цвет
Ледовых полей Антарктиды,
За то, что не жаль мне истраченных лет,
И нету на сердце обиды.
За холод ночевок на скальном плече,
И гром волнового раската,
За рыб неизвестных, плясавших в луче
За толстым стеклом батискафа.
За то, что когда мне от боли невмочь,
Представить могу на секунду
Огни судовые, летящие в ночь
По темному узкому Зунду.
А если о чем-нибудь я и скорблю,
На пыльном домашнем диване,
То только о том, что не встану к рулю
В Индийском ночном океане.
19.08.2003

Содом

Печали итожа, на свой обезумевший дом
Смотрю я с тоской, избежать не надеясь насилья,
Как ангелы Божьи, что шли уничтожить Содом,
Одевшись в людское и сдав на хранение крылья.

Качается ветка, беспечная дремлет страна,
Летит кинолента, меняя черты их обличий.
Так перед разведкой сдают старшине ордена,
Свои партбилеты и прочие знаки различий.
И молвил Господь: «Отведу я от града беду,
Собравшись сегодня его истребить без остатка,
Когда хоть полсотни я в нем невиновных найду.
Ну, пусть не полсотни, - хотя бы четыре десятка».
Увы, и десятка безгрешных не сыщется там.
В бездонном болоте им в соль суждено обратиться.
Земля разойдется, взорвется горючий метан,
И сгинет в полете объятая пламенем птица.
Буди же семью, современный испуганный Лот,
Беги поскорей, оставляя свой град за спиною.
Метан пузырьками встанет из сибирских болот,
Чтоб вспыхнуть пожаром над горестной этой страной.
13.04.2013

Палестина

Войны, нападения, пиратство,
Небосвод в хамсиновой пыли.
Много раз их уводили в рабство,
Оторвав от собственной земли.
Вавилонской плененье или
Иго фараоново опять.
Почему всегда их уводили,
От земли стараясь оторвать?
И она за ними шла незримо,
Чтоб не тосковали с нею врозь,
Их зовя обратно. Только Риму
Уничтожить землю удалось.
Чтобы, об Отечестве радея,
Здесь евреи не селились впредь,
Чтобы даже имя «Иудея»
Навсегда из памяти стереть.
Чтобы своего забыла сына,
К дому возвращаться не веля,
Ставшая чужою Палестина,
Горькая еврейская земля.
Злое солнце обжигало спины,
Племена менялись здесь и власть.
Ты скажи мне, ветка Палестины,
На какой земле ты родилась?
Бьет в предел, что для живущих тесен,
Средиземноморская волна.
Не пора ли городам и весям
Возвратить родные имена?
24.04.2013

***

Я снова вернулся в отеческий край,
Где сохнет посаженный Господом рай
В песках аравийской пустыни.
Где, глядя на с неба опущенный трап,
Упорно с евреем воюет араб,
Уставший от жизни постылой.
Сюда от погромов и северных зим
Бежали сефарды и ашкеназим
В свое добровольное гетто.
Сошлись воедино здесь древний народ,
Который не стрижен и седобород,
И юный народ интернета.
Столетия бегущая издалека,
Любые притоки вбирает река,
Дорогой становятся тропы.
Здесь надо к Сукоту готовить шалаш,
И мирно соседствует черный фалаш
С блондином, посланцем Европы.
Пастух из Марокко и русский доцент,
С годами утратят заметный акцент,
Освоив язык этот птичий.
Под белый с полосками синими флаг
Собрал их надолго безжалостный враг.
Меж ними не видя различий.
Забудет о предках приехавших сын,
Которых душил азиатских хамсин,
Песчинки швыряя в лицо им.
Неслышно пройдут за веками века,
И все перемелется, – будет мука,
Которая станет мацою.

26.04.2013

Миф о Сталине

Там, где вороны кружат злыми стаями,
Все растет, как на дрожжах, миф о Сталине.
Голосуют за него без сомнения
Не выдавшие его поколения.
Только мнения, увы, не озвучены
Двух десятков миллионов замученных,
Чьи останки невозвратно утеряны
Под гулаговскими злыми метелями.
Умножает свой улов миф о Сталине:
«Там бандитов и воров к стенке ставили.
Дирижабли поутру плыли по небу,
Разгромили немчуру и Японию.
И снижали, что ни год, цены, вроде бы,
И вела весь мир вперед наша Родина».

В стороне, где беспредел и коррупция,
Загрустила о вожде революция.
Там, где нынче от свободы устали мы,
Все растет, как на дрожжах, миф о Сталине.
Не рассеять там туман культа личности
Где кровавый царь Иван Грозным кличется.
Что шуметь об этом зря, дома, в прессе ли,-
Снова будут лагеря и репрессии,
Века злого избежать сможем вряд ли мы,
Если снова наступаем на грабли мы.
03.2013

***

С желтого песчаного откоса,
Где прошла звериная тропа,
Половодье выносило кости,
Кисти рук, ключицы, черепа.
На свободу их из заключения
Выносила мутная вода.
Мы стояли ниже по теченью
На реке Сухарихе тогда.
Запах тленья, приторный и сладкий,
Вниз распространялся по реке.
Поутру проснешься - у палатки
Скалит череп зубы на песке.
В лагерях на этих быстрых реках,
Где срока не меньше десяти,
По весне расстреливали зеков,
Чтобы летом новых завезти.
Мы со спиртом поднимали кружки,
Поминая этих доходяг.
С той поры мне объяснять не нужно,
Что такое сталинский ГУЛАГ.

Ближний Восток

Над хлевом щербатым погасла в ночи звезда.
Мечты о былом постоянно выходят боком.
Зачем нас когда-то привел Моисей сюда,
На этот разлом между Западом и Востоком?
Хребты неподвижны – скитаний его итог,
Две пальмы под ветром качаются одиноко.
Хотя здесь и Ближний, но все-таки здесь Восток,
Где следует жить, соблюдая закон Востока.

Завесою мутной дышать не дает хамсин.
Горячие ветры срезают траву, как бритва.
Здесь каждое утро читает молитву сын, -
Тебе, что ни день, все понятней его молитва.

Истошно над крышей кричит муэдзин в свой срок,
И слышен ночами коней бедуинских цокот.
Хотя здесь и Ближний, но все-таки здесь Восток,
И здесь непреложен суровый закон Востока.

Лежат под песками забытые города.
Зеленый росток пробивается вверх упрямо.
Была здесь веками ценнее, чем кровь, вода,
А жизнь человека не стоила и дирхама.
Пустынею выжжен, обуглится тот росток,
И реки иссякнут поблизости от истока.
Хотя он и Ближний, но все-таки он Восток,
И здесь непреложен суровый закон Востока.

И Остом, и Вестом затронутые места
Живут сокровенно, - не зная пути простого.
Не сдвинут их с места ни проповеди Христа,
Ни Запад растленный, ни новый поход крестовый.
Здесь суть пятикнижий читается между строк,
Суды неизменны, где око идет за око.
Хотя здесь и Ближний, но все-таки здесь Восток,
И все здесь живет, соблюдая закон Востока.

Понять здесь нельзя, если в дружбе клянется друг,
Когда он внезапно тебе нанесет удар свой.
Здесь честному слову не верят давно вокруг,
Где хитрость в почете, предательство и коварство.
«Не верь чужеземцу», - годами учил пророк,
Блажен, кто сумеет исполнить завет пророка.
Хотя здесь и Ближний, но все-таки здесь Восток,
Где следует жить, соблюдая закон Востока.

Ни слов, ни усилий напрасно своих не трать,
Чтоб быть европейцем в обычаях и одежде,-
Европа пришла и обратно уйдет опять,
А здесь все останется так же, как было прежде:
Народ неизменно безграмотен и жесток,
Палящее солнце безжизненно и жестоко.
Хотя здесь и Ближний, но все-таки здесь Восток,
И выжить нельзя здесь, не зная закон Востока.

14.07.2012

Формула скорби

*Константину Пахорукову,
краеведу Царского Села*

В лицейских садах знаменитых
С солнечными опушками,
Крикливые чайки реют,

И воды спокойные блещут.
Здесь немцами были убиты
Евреи города Пушкина:
Восемь сотен евреев,-
Детей, стариков и женщин.

Грустит ли о них держава,
О подданных безотказных?
Сумею забыть едва ли
О горестном их конце я.
Известно, что их держали
В ночь накануне казни
Запертыми в подвалах
Пушкинского лицея.

Сумрак клубился мгlistый,
Напомнив им о рассвете.
День наступал суровый,
Их завершая сроки.
Им снился ли смех лицеистов
В часы последние эти
И Пушкина молодого
Жизнелюбивые строки?

Далекие скорбные были,
Давно надоевшая тема.
Во вѣдливой глине синей
Растворены их кости.
На месте, где их убили,
Теперь поставлена стела,
Первый во всей России
Памятник Холокосту.

Вблизи от дворца Растрелли,
Сквозь них прорастают корни,
В болотистой вязкой почве,
Где – неизвестно толком.
Пылится на месте расстрела
Гранитная формула скорби,
Как знак электронной почты,
Переданной потомкам.
03.02.2013

***

Игорю Губерману

Один меня со временем
Все мучает вопрос:
Что было бы с евреями,

Когда б не Холокост?
Когда бы не заранее,
А лишь вступая в ночь,
Пришли они к сознанию,
Что некому помочь.
И в нынешней поре они
Везде, как в горле кость.
Что было бы с евреями,
Когда б не Холокост?
Перед стеною плача мы
Поймем: не их вина,
Что за страну их плачена
Высокая цена.
Что полагаться нужно им
И в будущих веках,
Лишь только на оружие,
Которое в руках.
Повязан с ними генами,
Грущу об этом я,
Припомнив им враждебные
Пределы и края,
Где флаги бело-синие,
Сдобря бранью речь,
Враги их жгут в бессилии,
А их не могут сжечь.
30.04.2013

Рада Полищук

На краю света и тени

Аня рассказала Игоше про опухоль. Ему первому, сама еще не осознав, что приговор вынесен и между нею и окружающим миром воздвигнута непреодолимая преграда, ее словно прихлопнули сверху прозрачным колпаком. Туда еще проникают и свет, и цвет, и запахи, и звуки, но заточение уже произошло.

Она прижималась губами к Игошину уху и шептала, как ей страшно, как она не готова, жить хочет и любить его, всегда-всегда, и мечтать о несбыточном, мечтать о том, как они, обнявшись тесно-тесно, так, что трудно дышать, идут по мелководью морского прибоя, прохладные волны омывают их ступни, солнце медленно закатывается за горизонт, розовые сумерки занавешивают небо, море, их тела, слившиеся в одно в упоительной отрешенности от всего сущего, в забвенье, в самозабвении, в экстазе и всепоглощающей нежности...

Его волосы щекотали ноздри, и Аня вдруг расчихалась на полуслове, не могла остановиться, и слезы текли ручьем, и в носу набухла слизистая, она шмыгала носом, терла ладонями глаза и чихала безостановочно. Игоша отодвинул ее от себя, присел на противоположный край тахты, закурил и вдруг совершенно не в лад с происходящим расхохотался, глядя на нее, как ей показалось, с мимолетной невольной брезгливостью, как глядят на жалкую пьянчужку в вагоне метро – рядом не сядешь, противно, но и вышвырнуть жалко: пригрелся, прилег, чихает, пусть живет, бедолага. Отцепенец. Прокаженный. Недочеловек.

Ей не показалось.

Аня этот его взгляд зафиксировала, как сфотографировала – и чих мгновенно прошел, вся слизистая пересохла, не только носоглотка, – будто в пустыню попала, где стоит хамсин или дует знойный сирокко.

Нет, ей не показалось. И слова, которые он стал говорить после, не имели уже никакого значения – бесприцельно посланная пуля попала прямо в сердце. Да он и не говорил ничего особенного, пустые слова, как воздушные шары: вылетело – лопнуло. Сплошь – проколы.

Аня вскочила, больно ударила левой коленкой об угол комода. Сколько просила – отодвинь, пожалуйста, от тахты эту бандуру, у меня синяк на коленке не заживает, гематома выросла, саркома может развиваться. Припугнуть хотела, чтобы вдохновить на подвиг. Идиотка! Такие слова вслух не произносят, потому что в результате – у нее такие

опухоль, комод по-прежнему стоит вплотную к тахте, а на коленке опять ссадина, новая, на старом месте.

Аня уперлась руками и грудью в комод, ногами – в тахту: эй, дубинушка, ухнем! Ни с места. Вспомнила, что совершенно голая, представила, как выглядит со стороны, скосила глаза на бабушкино трюмо, очень удачный ракурс – о! Рухнула на корточки, уткнулась лицом в колени. Кошмар! Или, как любила говаривать бывшая закадычная подруга Инча – кошмариозо.

Причем, все, все – кошмариозо.

Какое-то решение сверкнуло в мозгу, встала, накинула на плечи халат, искоса посмотрела на Игошу, застыл как изваяние: спина, затылок, волосы, уши, кончик носа – Роденовская скульптура откуда ни возьмись. Даже сигаретный дым завис – не клубится, не колышется, будто тоже из мрамора высечен. Аня с ужасом подумала, что уж если комод сдвинуть ей не под силу, то с мраморным изваянием тем паче не справиться. Ей сделалось страшно, она второпях оделась и выскочила на улицу, позабыв, что это ее квартира и уйти должен был Игоша. Но возвращаться и переигрывать все, не было сил.

Аня брела, куда глаза глядят, а они были почти закрыты, потому что лепил мокрый снег. Под ногами жидкая хлябь почти по колено, продрогла до костей, зашла в какой-то подъезд, из двери которого торчали ошметки кодового замка, будто рану разворовили, а зашить забыли.

На ступеньках сидели два мужика вполне приличного вида: один – в дубленке и пыжиковой шапке, другой в куртке-пуховике цвета хаки и кепке с отворотом, прикрывающим уши. Увидев женщину, сдернули головные уборы, заулыбались, будто ее только и ждали. Аня присмотрелась – трезвые, правда на коленях у того, кто в куртке, кейс раскрытый, видна бутылка водки, рюмки одноразовые пластиковые, ветчина в нарезке на бумажной салфетке. Аккуратно, почти уютно, почти как дома на кухне.

Но почему не дома?

Расселись в чужом подъезде, прямо на пороге, войдешь – споткнешься. Хлопнула входная дверь, колли рыжий с подпалинами на боках с достоинством прошел мимо, не обратил внимание. Следом – хозяин, огромный детина в плащ-палатке с откинутым капюшоном. Хмыкнул и, не останавливаясь, спросил добродушно, почти ласково: «Ну, нашли место, мужики? больше негде, блин?» Остановив взгляд на Ане, добавил назидательно: «Даму в ресторан водить нужно, чего ей в чужом подъезде чухаться?» Сел в лифт и уехал.

А мужики, смешавшись, стали наперебой предлагать Ане присоединиться к ним. Что-то пытались объяснить, шутили неловко, поднялись, раскланились. Цирк да и только. Но Аня присела на ступеньку рядом с дубленкой и протянула руку за рюмкой: «Разливайте!» Опынела она быстро, после второй рюмки все плыло перед глазами, и в мозгах случился какой-то переполох: что? где? почему? с кем? Потом в мозгах вообще стало тихо, ее обволокло

спокойствие, беспричинное и оттого, быть может, почти абсолютное, могильное. Удачный каламбур для тех, кто посвящен в ее обстоятельства.

Она вдруг ни с того ни с сего запела: «Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново...» По щекам потекли слезы. Мужики смотрели на нее с участием, будто что-то понимали, а тот, который в кепке, погрозил пальцем и сказал: «У тебя что-то случилось». Другой тут же подхватил: «Мы поможем, скажи, что надо», порылся в карманах и протянул ей визитку – серебром по голубому было что-то написано вязью. Тот, что в кепке, тоже сунул ей визитку, тоже красивая – черная с золотом. Солидные люди.

Милые вы мои, всхлипнула беззвучно Аня по-бабьи жалостливо, почти с любовью к этим случайным встречным – сами пьют на ступеньках чужого подъезда не от радости, чай. А ее пожалели, помощь предлагают. И она верит: если б морду кому-то набить за нее – набили бы, не стали бы разбираться в обстоятельствах, слепо ее правоту приняли бы. Денег наверняка одолжи бы, видно, что не бедствуют оба. Что-то у них стряслось, конечно, но деньги бы ей дали.

А ведь ей и правда понадобится кругленькая сумма перед операцией: на кровь, хирургу, анестезиологу – отдельно, так все говорят, медсестрам и санитаркам в реанимации – само собой, чтоб не угробили со зла. А то будешь лежать голая – никто не подойдет справиться, жива ли, мода сейчас такая пошла – мужчины, женщины, все вперемешку, как случится, и все голые, будто уже в морге и стыда не имут, отлетел вместе с душой.

– Милые, сердечные, – запричитала Аня в голос, утирая ладонями слезы, как деревенская баба. – Спасибо, дорогие мои, только мне уже никто не поможет. Умру я скоро.

Перевела медленный взгляд с одного на другого, словно все-таки ждала чего-то в невнятной последней надежде. Авось?

– Что мне делать? – спросила.

– Жить! – один взвизгнул, другой всхлипнул, хором.

И замерли, даже дышать перестали, Аня поднялась, пошатываясь, чуть не упала, оба подскочили, подхватили ее за руки с обеих сторон, не отпускают, ошеломленные, слова не могут вымолвить. Довели ее до двери чужого парадного, и она медленно, с достоинством, не оглядываясь назад, вышла, будто в царство теней шагнула.

Опухоль, о которой Аня еще не знала, впервые шевельнулась в голове на даче у бабушки. Вдруг потемнело в глазах, ноги отяжелели, и Аню неожиданно вырвало на старый бабушкин гобелен конца позапрошлого века – семейная реликвия, имитирующая итальянские шпалеры с изображением батальных сцен. Прислонившись лбом к шпалере, упершись затуманенным взглядом в чей-то висок, пронзенный копьём, она то ли увидела, то ли вспомнила тугие капли крови, падающие на пожухшую траву, истоптанную множеством копыт, измятую застывшими в неестественных позах телами убитых. Шпалера стала последним убежищем, вцепившись в нее взглядом, как утопающий в обломок шлюпки, она балансировала на краю светотени, манящей, пугающей, но неизбежной.

Что это? – с нарастающим ужасом подумала Аня и приготовилась прыгнуть, оттолкнувшись от стены, от лошадиного крупа, от чьего-то оттопыренного уха и разверстого в диком вопле рта.

Что это?

Голова раскалывалась на части, и вместе с ней лопнуло терпение. Послышались чей-то визг, крики, скрип дверных петель, глухие удары, звон набата, тревожный напев медных труб и призывный зов топора. В левом виске запульсировало, захлопало, висок отяжелел, голова склонилась к плечу, а левый глаз заволокло мутной пленкой. Нет мочи терпеть, она этого не выдержит.

Потом на нее обрушилась тишина, Аня провалилась в нее и боялась открыть глаза, чтобы не спугнуть миротворящую безмятежность, которая пришла, неизвестно откуда, а это означало лишь, что исчезнуть может так же внезапно.

Жить! Жить! – повелели случайные собутыльники в чужом парадном.

И Аня решила безотлагательно приступить к исполнению этого наказа.

Вернулась домой. Вошла в прихожую, прислонилась спиной к двери и, не зажигая свет, прислушалась. Что-то насторожило ее. Какой-то звук доносился из спальни. Аня съезжилась от страха. Совсем иначе представляла она себе начальный этап продолжения жизни.

Думала зажечь все лампы и свечи, чтобы ни одного темного закутка не осталось, распахнуть окна настежь, запустить метель в квартиру, чтобы выдуло, выветрило всю нечисть, что притаилась в закоулках и щелях и вяжет, плетет паутины узлы, и затягивает ее в свои сети, и хочет задушить. Как паук муху.

Но Аня не сдастся. У нее теперь совсем другая установка – жить!

Поэтому сразу после выветривания нечистой силы учинит генеральную уборку, какая вовек не снилась, или еще лучше – капитальный ремонт. Это, правда, потребует немалых финансовых вложений, а она вся в долгах: обследования, лекарства, предстоящая операция и всякие другие надобности, которые пока еще никто не отменил.

Но – по мере поступления.

Сейчас только посмотрит, кто там сопит в ее спальне. Тихонько, на цыпочках, в темноте, чтоб не спугнуть, и оглушит бабушкиной палкой с металлическим набалдашником. В целях самообороны – это ведь ее квартира.

Дверь спальни открыта и явственно слышно – на тахте кто-то сопит. Подняла палку над головой, еще шаг и – искры из глаз. Ааааа!!!! Ударила разбитую коленку. Здесь, в этом месте ничего не стояло – обо что ударилась? Свет полоснул по глазам, различила темный силуэт, шорох, снова замахнулась палкой и вдруг:

Анюша, господи, ну где ты пропадала? Я уже не знал, что думать. По больницам и моргам звонил. Сегодня собирался в милицию подать заявление.

- С какой это стати?
- Заявить о пропаже.
- У тебя что-то пропало?
- Тебе бы только шутить, Анюша.
- Да, я шут, я паяц, – пропела. – Так что же?

Игоша встал, зажег свет, и Аня обнаружила, что он передвинул-таки комод к противоположной стенке. Наконец сподобился, а она сподобилась снова врезаться левой коленкой – на сей раз в правый угол комода. Ну что его теперь обратно двигать или выбросить вовсе? Бабушкин комод – реликвия, в нижнем ящике раньше мамыны панно лежали, ее грамоты и всякие «документы», которые мама берегла не известно для чего – к примеру бирочку с надписью синим шариком «девочка живая доношенная». Кому это нужно? Никому. Но комод Аня ни за что не выбросит. Пока она жива, он будет с ней, она перевезла его в свою квартиру, разговаривает с ним. Как с живой душой, иногда гладит, прижимается щекой и вдыхает аромат бабушкиного дома, яблоневого сада, исчезнувшего детства, ловит обрывки тонких нитей и пытается соединить, чтобы восстановить утраченную картину. Не выходит. Реставрации не подлежит. Как мамыны панно, которые просто истлели. Время сделало свое дело.

А Игоша – свое: передвинул бабушкин комод в результате систематических Аниных домогательств. И зря, наверное, раз она все равно коленку травмировала. Местонахождение комода оказалось проблемой многозначной – Аня попробует ее решить на досуге. Сама, без посторонних свидетелей. Она вообще не понимает, что Игоша делает в ее квартире и по какому такому исключительному праву спит в ее постели. Да еще в ее отсутствие.

У нее сейчас совсем другие планы, и Игоша – она только что в этом убедилась окончательно – совершенно не вписывается в контекст ее возрождения. Не вписывается. А значит, не стоит того, чтобы растрчивать на него драгоценное время без всякой пользы для себя и удовольствия.

Аня долгим взглядом посмотрела на Игошу, точно на экране компьютера увидела все его внутренности, вены, сосуды, кости скелета, позвоночник, мышцы – все было окрашено в зелено-розовые тона, выглядело безвкусно, не эстетично, особенно жалко смотрелся главный мужской орган – безвольно обвислый, мелко, конвульсивно подрагивающий, как собачий хвост.

Ничтожное зрелище, вынуждена была признать Аня. Уязвленное самолюбие вскинулось, было, душа содрогнулась от предвкушения много раз пережитых страданий. Ну, уж нет.

Решительно и быстро – вперед, сквозь обалдевшего Игошу, как иллюзионист сквозь стену. Окна нараспашку – и вот уже в квартире пуржит и выюжит, по паркету метет поземка, градусник на кухне показывает ноль, а за окном – минус двадцать пять. У Ани лицо пылает – то ли от стужи, то ли от возбуждения. Снежинки зависли в воздухе, как яблоневые лепестки в бабушкином саду.

Ощущение праздника зародилось в ней, будто ребенка зачала, – еще нет никаких симптомов-предвестников, нет и быть не может, только тоненько поет глубоко-глубоко внутри чей-то ангельский голос. Аня съежилась в комок от страха, она знает, какой дьявольской кодой может закончиться эта ангельская песня, знает, не забыла. И никогда не забудет. Она, конечно, еще ни разу не умирала, но может поклясться самым святым – *это* страшнее смерти. Боль непереносимая, внутри, снаружи – все звенит от боли, словно без наркоза, по живому, ввинчивается скребок в насильственно раскрытое лоно, где один на один с неминуемой гибелью бьется и трепещет зачатая ею живая клетка, ее дитя нерожденное. Одинокое, незащищенное.

Господи, она забыла простую незатейливую мелодию праздника будней. Ее опять совсем не туда занесло. Они велели ей жить! Я люблю тебя, жизнь!..

Конечно, любит, еще как любит.

– Анюша, что ты делаешь? Ты с ума сошла?

– Нисколько.

– Тогда что?

– Генеральная уборка. Или нет, капитальный ремонт, евроремонт. Знаешь, когда стенки ломают, навесные потолки делают, джакузи ставят посреди кухни, а кухню перемещают в туалет, а в туалет... – ну, не важно... Слышал про такое?

Шторы сняла, ковер свернула, теперь – старые журналы выбросит, давно собиралась, с восьмидесятых годов пыль собирают. Настал час расставания.

– Ты бредишь, Анюша.

– Нисколько, мне не нужно столько стен, лишние сломаю. Кстати, и ты в связи с этим свободен.

– Не понял.

– Иди домой, подумай на досуге.

Быстро – на стремянку и выбросить все с антресолей.

Все выбросить – легко сказать. А любимую куклу Наташку – целлулоидного пупса-голыша рахитичного телосложения, цвета кофе с молоком от макушки до пят, будто отпрыск негроидной расы, но с голубыми глазами. Сколько незабываемых ночей провели они в обнимку с Наташкой. Аня доверяла ей все свои страшные тайны, лила на нее потоки горячих слез, делилась самыми постыдными секретами.

Наташку – в сторону, она остается, ручки-ножки-головку стянет резинкой на скрепке внутри пупка, спинку склеит, а что кончик носа отломан – что ж, с человеком еще не такое случается. Оставляет большую переносную керосиновую лампу, странно, что ее не отправили к бабушке. Наверняка с ней связана какая-то тайна.

Может, потерять абажур и сказать что-то вроде: крible, крable... кнур!

Кажется, получилось...

Аня сидит на скамейке в парке Дубки, с деревьев каплют крупные холодные капли, как слезы, слезы тоже крупные, только

соленые и теплые. Виконт сегодня объявил, что уходит, сложил свой рюкзак, бросил на ходу, уже закрывая дверь: не горюй, детка...

И был таков.

А она хотела сказать ему, что у них будет ребенок. Еще и раньше хотела обрадовать, после той волшебной ночи в бабушкином саду, когда с черного неба медленно падали на них белые лепестки вперемешку со звездами. Одну звезду они поймали, соприкоснувшись кончиками языков, и она растворилась в упойтельном поцелуе, проплыла невидимыми кровотоками, пульсируя в унисон с неровно бьющимися сердцами, и осталась с ними навсегда.

Так думала Аня. Но не успела сказать Виконту. И он ушел, не дождавись. Она винила себя за робость, нерасторопность, бесхитрость. За все винила себя. И больше не хотела жить. Виконт – ее первая и единственная на всю жизнь любовь. Она полюбила его за все сразу – за голубые глаза, круглые, выпученные, наивные, за длинную тонкую, беззащитную как у ребенка шею, за крепкие руки и пухлые нежные губы, за бархатный голос и трудное детство, за блестящее будущее, которое прочили ему в мединституте, и цыганка нагадала. За мать-алкоголичку, которую он нежно любил. Ей нравилось в нем все, даже его обгрызанные ногти.

Аня хорошо помнит их первую встречу с его мамашей, здесь же в Дубках, около пруда. Они с Виконтом сидели на скамейке в густой тени могучих дубов в полной отрешенности от внешнего мира, он щекотал теплым дыханием ее ухо, Аня прикрыла глаза, сердце взлетало вверх-вниз, как на качелях, замирая на миг на самой вершине блаженства, и ухало вниз – страшно, сладко, томительно, и снова – вверх... вниз...

И вдруг – визгливый женский голос, дико фальшивая, оглушительно громко запел где-то совсем рядом, так поют в пьяном угаре – от всей души: «Любви все возрасты покорны...» Пение сопровождалось бурным собачьим многоголосьем. Аня открыла глаза и увидела тетку, явно с приветом. Шорты из лоскутков немислимых тканей, не совместимых ни по цвету, ни по фактуре, вызывающе яркие, безвкусные, клоунские, такая же пелерина на плечах, а на голове – давно уже отживший свой век «вшивый домик» - начес Бабетты. Тетка кокетливо подпрыгивала то на одной ноге, то на другой, как маленькая девочка, нервозно оглядывалась по сторонам, будто ждала бурного одобрения. А вокруг подпрыгивали и повизгивали пять бродячих собак всех мастей и размеров.

«Снимается кино» – подумала Аня. Но вокруг по-прежнему ни души, только она и Виконт под сенью дубов. Виконт резко отодвинулся от нее к противоположному краю скамейки. Аня неожиданно взлетела вверх и почти сразу же грохнулась на газон, точнее – на край бордюра. «Оой!» – завопила она от боли и снизу вверх уставилась на Виконта. Лицо его было расцвечено бордовыми пятнами, будто пчелы покусали. Он стоял неподвижно как истукан, у Ани сильно болела лодыжка, она отвернулась от Виконта и сама попыталась подняться.

– Не смотри в ту сторону, – процедил он сквозь зубы. – Это моя мать.

Аня едва успела встать на четвереньки и снова опустилась на газон. Мать?! То есть будущая бабушка их ребенка? Ничего себе! Странно – почему-то она тогда сразу же подумала о ребенке. А тетка в клоунских шортах, без пяти минут свекровь и бабушка, снова подпрыгнула и ни с того ни с сего неловко растянулась на гравийной дорожке, на ровном месте, как падают дети, с разлета – лицом вниз, руки и ноги в стороны. И заревела как ребенок, оглушительно громко, захлебываясь от обиды.

Виконт сорвался с места: «Мама, мамочка!» Поднял, как маленькую, отряхнул колени, руки, вытер ладонями мокрое от слез лицо, перепачканное мелким гравием, поправил сбившуюся на бок прическу, сползшую на одно плечо пелерину и, крепко держа за руку, подвел к скамейке, возле которой все еще кувыркалась Аня. «Мне даже не подумал помочь», – обиженно бормотала она, все еще стоя на четвереньках.

Глупее не придумаешь.

Знакомьтесь, – не своим голосом резко сказал Виконт, словно вызов кому-то бросал. – Знакомьтесь. Моя мама. Моя девушка. Аня. – И после недолгой паузы выпалил: – Я на ней женюсь.

Скоропалительное заявление, сам, наверное, не понял, как с языка сорвалось. Никогда об этом не думал, с Аней ни словом не обмолвился, и уж подавно мать ни о чем не имела понятия. Тем не менее – слово не воробей. Вылетело. Оторопело переглядывались в полном молчании. Виконт, наконец, протянул Ане руку, помог встать на ноги. Теперь он держал одной рукой маму, другой – Аню, возвышаясь над ними как каланча.

Кто-то должен был вывести их из оцепенения, и это сделала тетка в шортах, мама Виконта, будущая бабушка их ребенка. Она взяла Аню за руку, ладошка была мягкая, узкая, детская, посмотрела на нее круглыми выпученными наивными голубыми глазами Виконта.

– Здорово как, – сказала и сжала крепче Анину руку. – Нинель, – представилась как подружка.

Аня ответила ей таким же дружеским пожатием, и на душе абсолютно беспричинно сделалось легко и светло, и лодыжка больше не болела, и на Виконта перестала обижаться.

Как давно это было!

Теперь она коченеет одна в парке Дубки на той же скамейке у полузамерзшего пруда, смахивает с лица слезы и капли дождя, и не знает, как жить дальше. Да и не хочет. Без Виконта – не хочет. Значит, выход один – утопиться в пруду, не зря же ноги ее сюда привели. Но топиться страшно – холодно, темно, она не умеет плавать, что, впрочем, в данном конкретном случае как раз хорошее подспорье. Но все равно – страшно. И она вдруг ни с того ни с сего решает пойти к Нинели, мамашке Виконта, несостоявшейся свекрови и бабушке.

И вот уже не идет – бежит, подгоняемая невнятной надеждой: Нинель все уладит, возьмет ее за руку своей нежной мягкой ладошкой, пробежит по лицу кончиками пальцев, разглядывая на ошупь.

– Я руками все вижу, деточка, – скажет доверительно, как в первый раз, когда открыла Ане свою тайну. – Это у меня давно, с детства. Дедушка был слепой, я за его пальцами следила, понять хотела, как он все узнает, никогда ничего не путает, даже цвет безошибочно определяет. Смотрела, смотрела и вдруг сама увидела. И узнавала не только то, что ощупывала, но и то, что в прошлом случилось или в будущем может произойти. В первый раз увидела, как следователь на Лубянке выжег дедушке глаза кислотой и топтал ногами, прыгал по всему телу, озверев от того, что дедушка не признает своей вины перед социалистической родиной и сообщников не выдает. Дед никогда не рассказывал этого, а когда я, вся в слезах и конвульсиях, описала ему все, что явилось воочию, даже запах мочи, спекшейся крови, блевотины, пота, даже истерический фальцет следователя и дикую брань, и большую бордовую бородавку у него на переносице с пучком черных волос посередине – дедушка застонал, словно снова испытал ту давнюю нечеловеческую боль, прижал меня к себе обеими руками и запричитал: «Бедная, бедная моя внучечка, с этим жить нельзя, моя память к тебе перешла, ты пропадешь, пропадешь...» – Нинель высморкалась, неловко как-то пожала плечами: – И вот видишь, детонька, он не ошибся: пропала – спилась, совсем опустилась, стыдно глядеть. И страшно. А без этого еще страшнее: все вижу, что было, что будет, никакие карты не нужны, никакие руны гадальные. Как будто бесконечный сериал смотрю, и все про всех знаю, куда ни поверну голову – сериал продолжается. А я его смотреть не хочу!

Нинель, пока говорила, все время отхлебывала из высокого стакана для коктейля какую-то смесь почти черного цвета, отхлебывала, как чай, и доливала – то вино из бутылки, то джин-тоник или пиво из банки, весь стол был заставлен полупустой тарой, и она брала, не глядя, что под руку попадало, наливала стакан до краев, отхлебывала, и ее прелестное личико искажала гримаса непередаваемого отвращения.

– Бррр, невкусное пойло. Ужас.

Как ребенок, которого заставляют пить горькую микстуру. Послушный ребенок, потому что, чуть оправившись от очередной порции, сделав несколько судорожных глубоких вдохов, она зажмуривалась и пила снова.

Аня помнит свое тогдашнее смущение, смешанное с жалостью, брезгливостью и непреодолимым любопытством. Вместо того чтобы уйти, она забралась с ногами на диван рядом с Нинелью, придвинулась поближе, взяла за руку и затаилась, готовая слушать ее как Шахерезаду – тысячу и одну ночь.

И в тот раз, когда примчалась вся мокрая от дождя и слез, и захлебываясь от горя, рассказала, что чуть не утопилась, потому что Виконт ушел от нее, а у нее будет ребенок, а она без Виконта жить не хочет, тоже залезла на диван, натянула на голову плед, уткнулась лицом в колени Нинели и замерла в каком-то мистическом ожидании – конца или начала, сама не знала чего.

Но в тот раз долгого разговора не получилось – Нинель была уже в кондиции, начала икать, ее вырвало, зуб на зуб не попадал, но все же она слила дрожащей рукой в свой бессменный стакан все, что

оставалось во всех сосудах, выпила залпом и уснула мгновенно, успев выдохнуть:

– Не оставляй меня, девочка, мне страшно...

И Аня провела эту ночь рядом с ней, не спала, прислушивалась к ее дыханию, почему-то боялась, что Нинель не проснется, и она не узнает что-то важное, без чего жить дальше будет невозможно.

Наутро Нинель выглядела бодрой, веселой, цвет лица как у младенца нескольких месяцев отроду – кровь с молоком, глаза ясные, небесной синевы, как у Виконта, больше, пожалуй, ничего общего между ними не было.

– Забудь все, что я тебе вчера наговорила, детонька. Все забудь, – с напором сказала она. – Маниакальный бред. Глюки.

И заглянула Ане в глаза, тревожно, вопрошающе, словно уберечь от чего-то хотела.

– Я тебе про Вика что-то говорила?

– Про Виконта? Нет. А что?

– Да ничего, детонька, просто спросила.

– Нет, не просто, не просто, я же чувствую, ты мне должна сказать что-то важное. Я всю ночь не спала, боялась, что ты умрешь и унесешь это с собой.

Аня не заметила, что перешла с Нинелью на «ты», что трясет ее за плечи и подпрыгивает от нетерпения.

– Ну, говори же, говори, я не уйду, пока ты мне все не расскажешь. Не уйду.

И демонстративно залезла с ногами на диван. Нинель засмеялась, как-то не очень натурально, откинула со лба непослушные светлые кудряшки, и в этой позе вдруг застыла, только веки нервно подрагивали.

В дверь настойчиво звонили.

– Не открывай! – Нинель приложила палец к губам, тихо, на цыпочках подошла к дивану, присела рядом и зажала Ане рот своей мягкой ладошкой.

– Тсс! – просвистела едва слышно и застыла как изваяние.

Аня вдруг жутко испугалась. Даже вчера вечером в этом театре абсурда, где маска Нинели была шокирующей, зловещей и трогательно невинной одновременно, а ее опьянение грозило катастрофой, ей не было так страшно. Даже ночью, когда казалось, что Нинель уже не дышит, и лицо умиротворенное, просветленное свидетельствовало о том же, и носик чуть заострился и вытянулся кверху, и руки, скрещенные на груди, были недвижимы – Аня не испытала такого ужаса как сейчас.

Нинель не отнимала руки от ее рта, Аня начала задыхаться, мычать, пытаясь, как-то привлечь к себе внимание Нинели, но та, отвернув к двери свою изящную головку в кудряшках, замерла, и только часто-часто подрагивали ресницы.

– Мы не должны подавать признаков жизни, иначе они нас убьют. Ты не бойся девочка, я с тобой, я знаю, что надо делать. Мы сейчас вылезем в окно, пройдем по карнизу до пожарной лестницы и спрячемся на чердаке, там нас никто не отыщет.

Она, наконец, отняла ладонь от Аниного рта, приказала: молчи! И начала укладывать в целлофановый пакет хлеб, сыр, пустую бутылку из-под пива, сигареты...

Звонок уже не звонил, в дверь не стучали, но Ане показалось, что она слышит металлический скрежет – кто-то пытается взломать замки. «Скорее! Скорее! – истово молилась она про себя, сама зажав себе рот обеими руками, потому что Нинель уже забралась на подоконник и пыталась открыть верхнюю ручку рамы, но ту заклинило.

– Негодный мальчишка, сколько раз просила его починить окно, только обещает, – она обернулась к Ане, укоризненно покачивая головой, губы нежно улыбались. – Плохой будет у тебя помощник, девочка моя.

Она была совершенно вменяема. Господи, какое счастье – успела подумать Аня, а Нинель вдруг вскрикнула, прикрыла глаза и стала ощущать руками воздух перед собой, бормоча при этом что-то несвязное: – Нет, не помощник, погорячилась... совсем наоборот... не будет...

– Не будет! – закричала. – Не будет! Бедная моя девочка!

Она всхлипнула, открыла глаза, полные слез, посмотрела на Аню с корушительным состраданием и прошептала:

– Он не будет твоим, девочка, - повторила медленно, медленно, растягивая слоги и упершись взглядом в стену. – Долго-долго не будет...

У Ани сердце оборвалось – она сразу поверила в этот бред, безоговорочно. В прихожей что-то с грохотом упало, дверь в комнату распахнулась с такой силой, что на пол попадали книги с полок, разбилась хрустальная ваза, и распахнулось окно, которое Нинель не могла открыть. Она покачнулась, побалансировала на подоконнике, переступая как балерина с мысочка на мысочек и вдруг исчезла. Только откуда-то издали доносилось тоненькое: ой-ой- ёёёй!

Этот писк заглушил отчаянный вопль Виконта: мамочка! Он опрометью бросился вниз по лестнице, а Аня почему-то осталась в комнате, еще плотнее забившись в угол дивана с ногами, будто пригвоздили. Створка окна хлопала от резких порывов ветра, по подоконнику хлестал дождь, по лицу текли слезы...

И вот она сидит у постели обезноженной, но трезвой и счастливой Нинели и хочет заразиться ее оптимизмом и верой в счастливый завтрашний день. Но у нее не получается. Неужели, думает Аня, неужели для этого нужно дойти до самого края, выброситься из окна, выжить, оказаться навсегда прикованной к постели – неужели только так?

Нинель гладит ее руку своей мягкой нежной ладошкой, светло улыбается.

– Не горюй, девочка моя, все еще впереди.

– Но он ушел от меня, и тоже сказал – не горюй, детка, совсем как ты, только пошло, как-то мимоходом. А я люблю его, я без него жить не хочу. И у меня будет ребенок.

– Что ты сказала?

– Ребенок, от падающей звезды...

– Ты не родишь его, он просто всегда будет с тобой. Это не ребенок, это зародыш твоего счастья.

– Нет, Нинель, я так не хочу. Верни мне Виконта, ты должна мне помочь, ты можешь.

– Я больше не могу, после падения все ушло. И это такое счастье. Зато пришел Николай, моя первая любовь.

Последние слова ввергли Аню в глубокое оцепенение.

– Виконт моя первая любовь, – несколько раз повторила она, как под гипнозом. – Значит, он ко мне вернется. Нинель, Нинель, посмотри скорее – он вернется ко мне? Ну, посмотри же!

– Девочка моя, я больше так не могу, теперь я вижу только то, что вижу. – Она широко улыбнулась и повела глазами вокруг: – Тебя вижу, люстру, окно, ветку сирени, высокую трубу с дымом, стул, на котором сидел мой дедушка, стенку резную с царапинами от ножа – это Виконт хотел ее украсить своим рисунком, я сердилась, а дедушка говорил: пусть мальчик учится делать что-то своими руками. Я помню это, просто помню, как все нормальные люди.

– А как же теперь я? Что со мной будет? – в отчаянии закричала Аня.

В комнату стремительно вошел, почти вбежал Николай, первая любовь Нинели, невысокого роста, худенький, лысый, невидный мужчина, как сказала бы бабушка, которая очень ценила в мужчинах стать и доброту. Сначала все же доброту, а уже на втором месте – стать. Бабушка утверждала, что истинный мужчина тот, кто носит женщину на руках, причем не только в переносном, но и в прямом смысле.

Кто вселил в нее эту фантазию, Аня не знала. Но не собственный житейский опыт привел бабушку к такому неколебимому убеждению, потому что никто и никогда не носил ее на руках, даже собственная мать, умершая родами. Некому было в младенчестве качать на руках бабушку, да и после тоже – ни первый ее муж, ни последовавший за ним к этому не причастны. Про маму – и говорить нечего, ей ласка только от бабушки досталась. Не носят мужчины на руках и Аню, один только раз Виконт через лужу перенес, и то на закорках, снял кроссовки, сунул ей – держи, закатал джинсы, вскинул ее на спину, подбросил как мешок с картошкой, и побежал по луже, а кроссовки били его по подбородку, Ане больше некуда было их деть. Нет, не так носят женщину на руках, не так.

– Обними, милая, меня за шею и не бойся, я тебя крепко держу, любовь моя, – мягкий голос, обволакивающий теплом.

Николай бережно поднял Нинель и, слегка покачивая, стал носить по комнате, держась за него, одной рукой она что-то потрогала, поправила цветы в вазе, достала с полки какую-то книгу. Они подошли к окну, она погладила его по лысой макушке, прижалась щекой к щеке, и прошептала:

– Сиренью пахнет.

– Скоро будем выходить на улицу. На следующей неделе привезут коляску. А хочешь, будем так гулять.

– Спасибо тебе, Николенька.

Они растворились друг в друге, от них исходило такое мощное свечение, что Аня крепко зажмурила глаза, подумала, что она здесь абсолютно лишняя и тихонько вышла из квартиры, ослепленная, оглушенная, совершенно раздавленная.

Позже, думая об этом, Аня, не кривя душой, признавалась, что люто завидовала им, так, люто, что вдруг почувствовала, как ненавидит Виконта, видеть его не желает, не то что вернуть. Плевать она на него хотела. Любовь вдруг растаяла.

Так ей показалось тогда.

Крибле, крабле...

Куда-то ее все время заносит, может, опухоль так на мозги давит. Ни с того ни с сего Виконта и Нинель вспомнила так подробно, будто время потекло вспять и ее снова прибило к тому берегу. С какой стати? Все быльем поросло, давно некошеной травой забвения. Для того, наверное, подумала Аня, чтобы удостовериться, что Игоша может выметаться восвояси. Если ей удастся выполнить наказ – жить, она легко переживет эту потерю. Тогда в пруду не утопилась, сейчас в окно не выпрыгнет. Она конечно немного не в своей тарелке, но все же у себя дома. Хоть здесь и происходят какие-то странности.

В квартире метель. Звонит телефон. И в дверь звонят. И Игоша стоит истуканом посреди комнаты там, где она его оставила, не помнит когда. А в коридоре на полу валяются фрагменты любимой куклы Наташки – отдельно ручки, ножки, головка, туловище, будто какой-то маньяк расчленил бедняжку, чтобы причинить Ане боль. А у нее и так голова раскалывается на части, левый висок набряк свинцовой тяжестью, и перед глазами поплыла мутная мгла.

Аня терпеть не может запах нашатыря, а Игоша тычет ей в нос мокрый ватный тампон и трет виски. А в телефонной трубке звенит взволнованный голос закадычной подруги Инчи, которая провалилась куда-то сразу же после того, как Аня рассказала ей про опухоль. Ей и Игоше – первыми. Оба надолго провалились. Она решила – навсегда.

– Представляешь, – кричит Инча возбужденно. – Я когда узнала про твою мозговую опухоль, две пачки феназепамы и полный рот воды набрала, а проглотить не сумела, как прысну, новую акварель смыла – очень эффектно получилось, я уже целую серию такую сделала. А тогда таблетки выплюнула и пошла, учиться на медсестру. Анечка! – орет оглушительно. – Ты дверь, почему не открываешь? Тебе плохо? Открой, я помогу, у меня диплом с отличием.

Боже, так это она в дверь звонит с мобильником в руках. Нет, это уж чересчур! Они взяли ее в кольцо – Игоша с нашатырным спиртом, хоть и без специального медицинского диплома, и новоиспеченная медсестра Инча. Спасатели. Спасатели.

А Аня на них уже совсем не рассчитывала. Слишком долго их не было. Опоздали.

Нет, Аня уже не рассчитывала ни на Инчу, ни на Игошу. Все точки над «и» были поставлены. Знак препинания – вещь упрямая, хотя точку в конце предложения легко переделать в запятую, а еще лучше в

многоточие. Но она ведь поставила точку над «і». И ничего исправлять не собирается.

Во всяком случае, не сейчас.

Она и так пребывает в полном смятении мыслей и чувств. И порой не может отличить реальность сегодняшнего дня от миражей прошедшего времени.

В одну и ту же воду дважды войти нельзя, гласит народная мудрость. Еще как можно! Память угодливо выстроит все декорации и оживит персонажи, даже второстепенные, даже массовку, и в таком ракурсе преподнесет, что еще острее и ярче, чем наяву получить может. Особенно, если вспоминать не хочешь.

Аня теперь не знает, есть ли у нее будущее, дальше операции не загадывает. Хотя именно туда, дальше, и тянет заглянуть – что таится за этой завесой, если не жизнь земная со всеми ее нескончаемыми хлопотами и заботами примерно обозримыми, с некоторыми зигзагообразными отклонениями от магистральной линии судьбы, то, что *там*? Рай, похожий на яблоневый сад бабушки? Или что-то совсем иное? Не хуже, не лучше – *иное*. Или – ничего, просто – ни-че-го?

Страшно до озноба.

В последнее время Аня часто просыпается среди ночи и кажется ей, что в кромешной тьме смутно различает какой-то лаз, таинственный выход или тайный вход. Хочет заглянуть туда, но почему-то цепенеет от невозможности шевельнуться, даже дыхание останавливается. Лежит, опрокинутая навзничь какой-то нездешней силой, прислушивается к чему-то и постепенно начинает различать лица, голоса. Яснее всего видит маму, правда, только одну картинку, одну и ту же. Все время одну и ту же.

Мама сидит на кухне, свет не зажигает. Руки на коленях стиснула, пальцы хрустят. Сидит, раскачивается из стороны в сторону, и будто что-то напевает, звук протяжный, как стон. Плачет? Поднялась, вымыла чашку с блюдцем, чайную ложку, заварной чайник. Вытерла тряпкой стол и посмотрела по сторонам – большая просторная кухня, новый гарнитур, пленка под дерево, стены и пол выложены плиткой цвета шоколада. Шторы, карниз, резные полочки, крючки – она всегда мечтала о такой кухне. Красиво очень! Уютно, тепло. Но ей зябко, и слезы текут по щекам, и каплют на пол. Мама плачет о несбывшемся, о том, чего не было и уже не будет. Аня слышит ее мысли, каждое слово и под каждым готова подписаться кровью. Одна кровь, одна судьба, и полгода назад она стала ровесницей мамы. А потом узнала про опухоль.

Лица, лица... Голоса... И слезы...

Аня пытается успокоить маму, ладонями вытирает слезы то с ее лица, то со своего, и ни на шаг не отходит от мамы. И спать вместе легли в маминую комнату с окнами, распахнутыми в бабушкин яблоневый сад...

Что это было? Когда?..

Ане мучительно захотелось курить. Сигарет в доме не было, она выбросила, когда врач сказал – категорически нельзя, и пепельницы зачем-то выбросила, и зажигалки. Поплелась на кухню, выдвинула все

ящики – не завалилась ли где сигарета. Пусто. Плитка холодная, пятки замерзли, и снизу по ногам пополз колючий озноб, по спине, по лопаткам, к затылку, волосы зашевелились. Да, правда, какие волосы – она вчера постриглась почти наголо, чтобы посмотреть, как будет выглядеть до и после операции. *До* – еще обозримо, а вот *после*...

Правда, свою порцию удовольствия за тысячу сто семьдесят восемь рублей в салоне на Остоженке она получила – молодой, даже можно сказать совсем юный стилист, закончив работу, оглядел ее голову с неподдельным удовольствием и сказал с гордостью, которая непонятно, к кому имела отношение:

– Здорово! У нас идеальная форма головы. Это ваш стиль, так и ходите всегда.

И как-то очень по-хозяйски погладил ее голову, словно она и в самом деле была немножечко его. И еще раз, совсем вскользь – прощальное прикосновение мастера.

По спине побежал холодок, накатила не злость даже, а бешенство. Аня дернулась, ударила его по руке и довольно грубо сказала:

– Всегда – понятие растяжимое. Не вам судить. И не лезьте с советами, когда вас не спрашивают.

Юный стилист продолжал невозмутимо улыбаться, будто не слышал ее. Профи!

Аня вернулась в постель, накрылась с головой жидким больничным одеялом и решила выкурить виртуальную сигарету. Закрыла глаза, глубоко затаилась, медленно выпустила дым. Немного расслабилась. Представила, что лежит дома, в своей кровати, никуда не спешит, ни о чем не думает, ничего не боится.

Если бы не этот раздражающий кашель, она бы словила кайф по-настоящему. Кашель был долгий, натужный, вязкий.

Соседка по палате Шура, молодая, полная, с мягкими улыбочивыми ямочками на щеках и подбородке вчера узнала, что операцию ей делать не будут – метастазы пошли в легкое. Пока очереди в больницу ждала, пока обследования проходила, пока кровь доставала, кашель усилился, Шура стала задыхаться, сделали дополнительный рентген и вынесли жестокий и непрекрасимый вердикт – неоперабельна. А ее уже и побрили наголо, и она расхаживала по отделению в маленькой вязаной из ириса ажурной шапочке, и все говорили – красавица. И вправду красавица, и умница и доброты необычной. Шапочки всем женщинам связала, рисунок и цвет разный, эти шапочки талисман для всех, добрый знак, Шурино напутствие. И встречала каждого у двери в реанимацию, сколько бы часов ни длилась операция – Шура свой пост не покидала. «Ты меня ждать будешь?» - Шура улыбалась и кивала головой: «Да, конечно, да». Все выжили, кого Шура ждала. А сколько она кровь достала, вне очереди, вместо себя. Сама каждое утро одевалась потеплее – дубленку, шапку, шарф собственноручной вязки, варежки, носки и отправлялась к дверям Института переливания крови «ловить клиентов», близких по крови – по всем показателям.

Сначала Мирре Яковлевне отдала, слепой, одинокой капризной старухе, которой все было не так – то душно, то холодно, то несъедобно, с этим трудно было спорить, то всех сестер садистками заклеимила и требовала к себе главврача, чтобы предъявить ему претензии. Всех достала. А Шура первую порцию крови ей отдала: жалко, сказала, старенькая, некому о ней позаботиться. Мирра Яковлевна, ко всем всегда имевшая претензии, руку ей поцеловала, шептала, глотая слезы: детонька, спасительница, благослови тебя Бог, в которого я не верю. И три дня до операции никого не ругала, с аппетитом поедала все, что давали, кокетливо поправляла подаренную Шурой шапочку. И после операции лицом просветлела, и улыбка не сходила с губ, и отправилась на казенной машине обратно в загородный дом для старых большевиков доживать свой долгий век.

Шуриными молитвами. Она за всех молилась, одинаково легко и душевно. И крестом осеняла, провожая в операционную.

– Миряка еврейка? – переспросила и удивленно подняла брови, когда кто-то остановил ее руку. – Ну и что? Бог един, милостив и милосерден ко всем.

Ей не возражали, разве с Ангелом спорят. А Ангел, меж тем, влюбился по-настоящему. Максим Геннадьевич, Максим, Максик, большой, атлетического сложения мужчина, с коротким ежиком, широким открытым лицом и ямочкой на подбородке, совсем как у Шуры, прораб, мостостроитель, упал прямо на работе с двухметровой высоты. Помнит только, что вдруг, словно ватой обложили – исчезли все звуки, тело обмякло, обволокло со всех сторон белым туманом. «Как на облаке», – успел подумать и рухнул вниз, никто не смог удержать. Множественные осколочные переломы, травма позвоночника и опухоль в левом полушарии, которая и явилась причиной падения. Максик тоже ждал операции, мужественно терпел боль в спине от укола до укола, много читал и рисовал черным углем в альбоме портреты врачей, сестер, нянечек, весь контингент отделения перерисовал и приходящую натуру, всех кто попадался на глаза. А уголь и альбом Шура купила, и возила Макса на коляске по коридорам, и палатам, и устраивала в холле у телевизора, где все ходячие *до* и *после* собирались, чтобы всех видел и мог рисовать.

– Мы потом выставку сделаем. Я пойду на радио и расскажу о тебе. В музеи твои рисунки отнесу, в наш Дом культуры в Балашихе, в кинотеатры, там тоже выставки в фойе делают. Это станет смыслом моей жизни.

Макс слушал снисходительно, но рисовал все яростней, угли исписывал быстро, и Шура покупала новые. И хоть Макс не говорил ничего, кроме сдержанного – спасибо, всем было ясно, что Шура подарила ему надежду.

Аня по себе знала, что все разговоры о том, что будет *потом*, как маячок в крошечной тьме – знак продолжения.

И Шурина любовь к Максy, ее сияющие навстречу ему глаза, пылающие щеки, и неистовая страсть Макса к рисованию – узелки на одном канате, протянутом через черный провал небытия от входа к

выходу. Пройти весь этот путь, держась за канат, чтобы не заблудиться во тьме, предстоит каждому из них.

Здесь как в лепрозории, думала Аня, у всех одна беда. Даже кровь одной группы может быть одна на всех – твоя, моя, наша. Общая кровь. Это роднит.

Вот посетители – пришельцы из мира иного. Там мокрый февральский снег не радует, луч солнца, мигнувший из-за туч, остается незамеченным, раздражение сквозит во всем – работа, заботы, пробки кругом, времени не хватает ни на что, а тут еще больница, помимо тревоги, дополнительные материальные траты и передачи, и напряженное выхаживание после операции. И над всем этим, как приспущенный флаг, трепещет вопрос – а дальше что?

– А дальше что? – спросила у хирурга жена Макса, зло как-то спросила, с претензией. – Если он выживет, но не сможет ходить, что мне делать, прикажете? Бросать работу и носить горшки, стирать пеленки? У меня двое детей, мальчик и девочка, – зачем-то уточнила она, и, тряхнув головой, как будто решалась сказать что-то очень важное, понизила голос: – Умрёт, отгорюем и дальше жить будем. А так...

Шура нечаянно услышала этот разговор и не выдержала, вмешалась. Пока молодой хирург смущенно подыскивал нужные слова, она подскочила, почти вплотную к его жене, раскачивающейся с каблук на мысок изящных красных сапожек, снизу вверх посмотрела в лицо, красивое, холёное, напряженное:

– Не смейте его хоронить, он не умрет! Он станет знаменитым художником. Я буду помогать ему, во всем, – Шура сбилась, сделалось неловко за свою горячность, и она только промямлила: – Я и горшки могу...

Жена взглянула на нее оторопело.

– Доктор, у вас тут и психи лежат? Кошмар, какой! Оградите меня. – И опасливо отодвинулась от Шуры, будто она прокаженная.

– Шурочка, идите в свою палату, – сказал хирург ласково и, сдерживая раздражение, повернулся к жене: – Она права, больному нужна поддержка, опора. А вы – пусть бы умер. Извините, мне некогда, больные ждут.

Жена приходила к Максy редко, а детей вообще никто ни разу не видел. Шурочка страдала и была готова ради него на все.

Аня поймала себя на том, что завидует ей, как когда-то, в давние времена завидовала Нинели и Николаю. Глядя тогда на них, она даже Виконта разлюбила, вдруг увидела его в каком-то неправильном ракурсе – все неприглядное выпятилось и разбухло до уродства, а красота в тень ушла.

Она его часто вспоминает в последнее время. Он стал являться все чаще и чаще в потоке лиц, которые мельтешат вокруг нее, толпятся, иногда отпихивают друг друга, будто ждут чего-то. Смерти ее, может? Хотя кому от этого польза будет? Наследников у нее нет и наследовать нечего. Как говорила мамина подруга Зоя: «Каждый сэкономленный нами при жизни рубль сделает наши поминки еще веселей». Сейчас в

цене доллары и евро. А у нее ни рублей, ни какой другой валюты нет. И повеселиться на поминках особенно некому будет.

Виконт не в счет, и в толпе она его не видит, где-то сбоку, в узком прогале появляется ненадолго, будто у него отдельный вход и миссия другая. Будто он здесь – главный. Иногда ей кажется, что только он может навести порядок в этой кутерьме. Она уже стала привыкать к нему, и узнает, хотя узнать трудно – волосы с интенсивной проседью, усы и борода, упругая, колючая. Аня уже несколько раз ощутила на щеке и губах это незнакомое прикосновение, навстречу которому рванулась откуда-то из потаенных глубин отяжелевшая пустота.

Лица, лица... Глюки, глюки...

У Ани голова идет кругом, хочется тишины или красивой музыки, хорала или, может быть, реквиема, более подходящего к случаю. Чего-то возвышенного хочется, нездешнего. А когда появляется Виконт, легко проходит сквозь толпу, будто призрак бесплотный или бесплотна толпа, рожденная Аниным бредом, когда она видит его или кажется ей, что видит, нахлыывает такое острое желание, простое, плотское, что температура подскакивает до сорока, в глазах темнеет, в голове звенят тысячи колокольцев. Шура бежит за медсестрой и, засыпая от укола, Аня ловит языком падающую звезду, как однажды с Виконтом в бабушкином саду.

Просыпается она, как всегда, от Шурино кашля. Все сильнее, все мучительнее, губы посинели, и руки в синяках – Шура теперь почти весь день лежит под капельницами, а Макса готовят к операции.

У Шуры лихорадочно блестят глаза, она не просто нервничает, она страдает. Не за себя – за него.

– Он выживет, будет ходить и вернется домой, к своим детям, - повторяет она, как заклинание. – Жена у него красавица, ну, ты видела – что я рядом с ней? Да вообще причем я? Он на меня и не смотрит, встретит на улице – не узнает, это точно. Да и где он меня встретит, я уже не выйду на улицу. Если только меня заморозят лет на пятьдесят, а потом разбудят, потому что медицина научится лечить метастазы, будет их щелкать как железы. Представляешь, Ань, как железы.

Шура издала странные булькающие звуки, будто захлебнулась. Аня испуганно подскочила, но Шура остановила ее.

– Лежи, лежи, – сказала. – Я еще не умираю. Я тебе сообщу, чтобы вышла, твое присутствие не потребуется. Или меня увезут в отдельный кабинет. Помнишь: «...вразвалочку, покинув раздевалочку, спешу себе в отдельный кабинет...»

– А кто же меня после операции встречать будет, интересно? – стараясь, изобразить укоризну, спрашивает Аня и неслышно глотает слезы.

– Вот-вот, мне нужно продержаться. Тебя и Макса встретить. А там уже... Главное, Виктор Евгеньевич скоро выйдет, и вас будет оперировать он. Он – Бог, это все говорят. Меня первый раз тоже он оперировал, еще совсем молодой был, смотри – я почти одиннадцать лет прожила. – Она вздохнула с присвистом, протяжно, будто воздушный шар спустился, замолчала надолго. – Может, он еще меня соперирует,

как думаешь, Ань, он такой отчаянный, рисковый, а я соглашусь. Всем смертям не бывать. Правда, Ань?

– Конечно, конечно, Шурочка.

Она вдруг увидала в дверях палаты Виконта. Постоял немного в задумчивости, долго смотрел на Аню, как будто пытался вспомнить что-то, потом перевел взгляд на Шуру и покачал головой. Аня видела его так же ясно как Шуру, это не может быть бредом.

– Шура, ты знаешь врача, который сейчас заглянул к нам в палату?

Шура встревожено посмотрела на нее.

– Опять твоя криптомнезия, Анечка? К нам никто не заходил. Да ты не бойся, это проходит, держись – не держись, а нервы-то напряжены.

Аня закрыла глаза. Ей было страшно. Скорей уже пришел бы этот Бог по имени Виктор Евгеньевич, кстати, полный тезка Виконта. Она в Бога не верит, но сейчас готова поверить – ей нужен Спаситель, она хочет жить.

И Шура тоже хочет жить. И исповедаться хочет, очистить душу.

– Грехи давят, Анечка. Даже к батюшке не пошла, испугалась. Вдруг Он не простит меня.

– Шурочка, да ты святая. Тебя все Ангелом называют. Даже Миряка, даже Михаил Ионович, а он главврач, ему не положено.

Аня устала, ей не вытянуть себя и Шуру с Максом. Груз непомерный. Ей тоже нужно облегчить душу, выговориться, вывернуться наизнанку и из всех темных закоулков повытряхивать все, что скопилось за жизнь...

«Помоги, батюшка, страшно помирать, грешна, батюшка, помоги...» Священник, высокий, красивый, в гражданской одежде идет по паперти легко, упруго. По сторонам не смотрит, а пьянчужка–нищенка руки в мольбе тянет. Такое воспоминание ничем не вытравить. У него рубашка оранжевая, как яичный желток, из которого мама гоголь-моголь делала, чтобы простуду вылечить, а у нищенки глаза блекло–серые, и ресниц совсем нет, и лицо цвета грязного истоптанного асфальта, и морщины как пыльные трещины, линялый синий платочек в горошек сполз на одно ухо, и волос на голове нет, пушок вьется, как у новорожденного.

Страшное видение запечатлелось навсегда и какой-то сакральный смысл донесло до сегодняшнего дня. Аня хотела догнать священника, но он шел очень быстро, она отстала, присела на парапет, окружающий церковь. Старушка пристроилась рядом, повздыхала, повсхлипывала, поправила сползший платочек и все время подозрительно и умоляюще одновременно поглядывала на Аню.

– Помоги, Христа ради, дочечка.

Аня, не глядя, вытащила из кошелька несколько бумажек и сунула в костлявую руку, пальцы цепко сжались и куда-то в складки одежды быстро спрятали нерядовую подачку.

– Добрая ты, хочешь, погадаю по руке. Боишься? А я и так все вижу.

Аня отодвинулась, чувствуя, как нарастает пульсирующая боль в левом виске.

Надо уходить, но она совсем обессилела.

– Слева болит? – сочувственно прошептала нищенка. – И у меня слева. Мочи нет терпеть, вот, и пью почему зря, врачахи говорят – погубишь себя. А пить не стану – выживу, спрашиваю. Нет, говорит, вряд ли.

Она зашамкала беззубым ртом, будто жевала что-то, замолчала, и Аня прикрыла глаза, чтобы не дожидаться густой пелены, наползающей со всех сторон.

– Ага, с закрытыми глазами не так страшно, я тоже так прячусь, как в детстве в прятки.

Смех был неожиданно молодой и звонкий. Сколько ей лет, интересно, подумала Аня.

– Пятьдесят два стукнуло позавчера, а ты подумала, небось, древняя старушенция. Теперь все так думают. А еще недавно за Любкиной юбкой все хахали увивались, не отбиться было. Я и не отбивалась, любовь дело хорошее, божеское, как ни крути, от нее дети рождаются.

Посмотрела искоса на Аню, вздохнула протяжно, как всхлинула:

– И у меня нет. Извела всех. Негде было мне их держать.

И я извела, ужаснулась Аня, а у меня и квартира есть, и бабушкин дом и сад. Снова холодок ужаса от пяток медленно пополз вверх, и левый висок отяжелел от невыносимой боли.

– Глотни чуть-чуть, помогает поначалу, потом уже нет – хоть залейся. Глотни.

Она протягивала замызганную пластиковую бутылку с мутной жидкостью.

Как Нинель, подумала Аня, – адский коктейль.

– Ага, сливаю из всякой тары, что где осталось, такая бурда, но пробирает, вишь, наклюкалась с утра.

Аня поднялась и, пошатываясь, будто тоже наклюкалась, побрела прочь.

– А батюшка долго не проживет. Да и ладно. Бог милостив, я все Ему сама расскажу без утайки, простит меня, потому что поймет. А не простит – поделом, значит. А батюшку накажет, к себе призовет и накажет, объяснит, что человеком брезговать нельзя, всяк есть тварь живая, божия.

Аня прибавила шаг – прочь, прочь от шамкающего рта и предсмертного пророчества.

Чушь, чушь, чушь! Аня снова нырнула под одеяло, чтобы в темноте и тишине успокоиться, главное, чтобы никто не трогал ее, она хочет остаться сама с собою. И избавиться от этих ложных воспоминаний, так похожих на явь.

Прочитала же вчера в словаре: **парамнезия** – различные нарушения памяти, не **амнезия**, не потеря памяти, а гораздо интереснее, разнообразнее. Например, – нарушение памяти, при котором ее пробелы

заполняются фантастическими выдумками. Или: **криптомнезия**, когда исчезает различие между действительно происходящими событиями или событиями, увиденными во сне. И то и другое очень интересно. Скорей бы уже пришел этот бог по имени Виктор Евгеньевич, Аня мечтает задать ему вопрос: что у нее – **конфабуляция** или **криптомнезия**. Он будет сражен наповал.

Бога тоже можно удивить.

Конечно, она его не для того ждет, чтобы удивлять своей эрудицией, почерпнутой из словаря, она мечтает, чтобы вся эта история с опухолью поскорее закончилась, потому что жаждет начала, операция – как старт, как новое рождение и неважно, где будет продолжение: **здесь** или **там**. Главное – все с чистого листа. И все как надо, как должно быть.

И еще Ане не терпится увидеть, так ли он похож на Виконта, каким рисует его ее конфабуляция.

Все никак не успокоилась, неугомонная, – то ли с укором, то ли с состраданием подумала о себе Аня. Вон та пьянчушка-нищенка уже перешагнула порог, приготовилась к другой жизни, может, и наклюкалась в последний раз – посошок на дорожку. С миром, с миром!..

А Аня все еще ждет чего-то, земного, витального, а не летального. И главное, чего она хочет, уж глупее в ее положении не придумаешь, – родить ребенка, зачать его не от падающей звезды, а от любимого мужчины, которого у нее нет, но должен быть, обострившееся в последнее время чутье подсказывает – он где-то рядом, буквально на пороге. Она и близость с ним уже переживает так остро, что несколько раз то ли во сне, то ли в яви испытала острые физиологические ощущения, каких у нее прежде не было. А однажды ночью резко проснулась, будто кто-то разбудил, прислушалась – полная тишина, ни шороха, ни звука, И вдруг услышала, как кто-то зовет ее изнутри, не голосом, а нежным прикосновением, теплые волны тихо плескались, убаюкивая все страхи, гася тревогу, медленно зарождалась щекочущая радость. Аня улыбалась, беспричинно, неуместно, и даже тихонько засмеялась легко и непринужденно, как давно уже не смеялась.

Вошла хмурая спросонья медсестра с ночной инъекцией, зажгла свет.

– Чему радуемся? – спросила неодобрительно.

Аня не ответила, она боялась расплескать зародившуюся в ней жизнь.

– А Шурочка-то наша умерла, – уже прикрывая дверь, сказала медсестра.

Жизнь и смерть всегда неразлучны, как извечные противоборцы. И смерть побеждает в ста случаях из ста, последнее слово всегда за ней. Точку в конце повествования всегда ставит она.

Утренний обход задержался. Конференция затянулась – разбирают летальные исходы. Больные, которые знали Шурочку, плачут, особенно безутешны те, кому предстоит операция. Её смерть для них – дурное предзнаменование: кто будет ждать их у дверей реанимации? А Макс спокоен, или, скорей, отрешен. Аня зашла к нему, чтобы погоревать вместе, но он говорил о своем, энергично водя карандашом по

листу бумаги, и она не поняла, знает ли он о Шуре. Собралась уходить, он остановил ее:

– Возьми это себе, я в любом случае не смогу – ни домой, ни **туда**. – Ямочки на щеках и подбородке, светлые ясные глаза, в глубине зрачков боль и страдание.

Аня лежала одна в палате, накрывшись с головой одеялом – спряталась от всех, как в детстве. И затаенно ждала...

Дверь в палату распахнулась. Аня выглянула из-под одеяла и ахнула так громко и выразительно, что вошедшие переглянулись, и Анин лечащий врач что-то быстро зашептал на ухо незнакомцу в голубой хирургической робе.

Аня испугалась не на шутку: седина, усы, борода – из ее конфабуляции. Точь-в-точь долгожданный Виктор Евгеньевич, Бог? Или Виконт?

Он хотел быть хирургом, и именно нейрохирургом: рассказывал приводящую её в ужас историю про мертвую голову, которую купили вскладчину в морге за три тысячи рублей для хирургической практики на настоящем макете. Аня затыкала уши, она никогда не смотрит триллеры, она с почти мистическим ужасом смотрела на руки Виконта, с обгрызенными ногтями и не могла представить, что этими руками он будет трепанировать чью-то голову, рассекать сосуды и ткани мозга, а потом ласкать ее, как ни в чем не бывало. Его руки пугали ее и отталкивали.

А сейчас она ждет прикосновения тонких пальцев, почти без ногтей, с мягкими чуткими подушечками, как самой интимной ласки, по остроте переживания она близка к наивысшей точке, к полному очищению, на грани яви и бреда, почти на исходе, когда в последних конвульсиях зарождается новая жизнь. Он приложил ухо к ее виску, как будто прислушивается к чему-то, упругая, колючая борода едва касается ее щеки, губ, незнакомый густой больничный запах, смешанный с запахом дешевых сигарет, сквозь который пробивается мучительно знакомый другой – барбарис, любимое лакомство Виконта. Его дыхание щекочет ухо, Аня прикрыла глаза, сердце бухнуло вниз, взлетело вверх...

– Пульс неритмичный, давление скачет. Даем наркоз?

Подождите, подождите, она должна это узнать перед... началом...

– Виконт, это ты?

– Подождите минутку. Сейчас мы ее успокоим.

Тонкая шея с выпирающим кадыком, сглотнул судорожно. Аня хотела обнять его на прощание, но руки привязаны.

– Засыпай. После операции я буду ждать тебя, – шепнул ей Бог в самое ухо.

Бог шепнул ей в самое ухо: «Я буду ждать тебя после операции».

Это была первая мысль, которая вернулась к ней. Аня еще парила где-то в свободном пространстве за пределами своего тела, легкость – необычная, покой и радостное предощущение события. А вот и тело нашлось, медленно втекает в него, тесновато, и руки не

помещаются, и все жмет, будто не в свой размер пытается втиснуться. Что-то не так. Короткий испуг, глубокий выдох. Есть! Поместилась. И уже пальцами может пошевелить и чувствует чье-то мягкое прикосновение к запястью.

Открыла глаза, все плывет и качается, яркий свет откуда-то сбоку.

– С возвращением.

– Виконт! – крикнула что было силы, но голоса своего не услышала.

– Помолчите пока, мы еще не вынули интубационную трубку. Потерпите.

Да она теперь готова терпеть хоть всю жизнь. Всю жизнь! Вся жизнь у нее теперь впереди. Да здравствуют событыльники из чужого парадного! Надо будет позвонить им, визитки у нее есть. Встретятся и выпьют за жизнь, можно на том же самом месте.

Но почему Виконт опять перешел с ней на «вы»? До операции говорил: ты.

– Ты теперь всегда будешь рядом, Виконт? Это судьба подарила мне мозговую опухоль, иначе бы я тебя никогда не встретила!.. Ты так решительно тогда ушел от меня. Почему? Почему, Виконт? И Нинель пощупала руками наше будущее и сказала – никогда... А вот ошибочка вышла, Нинель ошиблась. К ней первая любовь вернулась, и ко мне – вернулась... Да, Виконт? Ты все молчишь и молчишь...

– Она бредит, Виктор Евгеньевич? – спросил молодой ассистент и подвинул ее как чурку, чтобы пристроить рядом какой-то прибор.

– Так бывает после длительного наркоза. Не обращайтесь внимания.

Как это не обращайтесь внимания? Ну, ассистент, ладно, пусть, он мне ни для чего не нужен. Но Виконт? Неужто, плод моей конфабуляции?

Вот вспомнила красивое слово – значит *возвращается*.

И чем-то это возвращение похоже на уход.

Лица, лица...

Главное лицо – Виконт. Виктор Евгеньевич, Бог. Спаситель.

Виконт ли это – Аня мучительно ищет неопровержимое доказательство. Вещдок. Короткие ногти, шея, кадык – это не дактилоскопический отпечаток пальца. Косвенные признаки, вполне возможно совпадение. И голос с хрипотцой и мокротным кашлем заядлого курильщика, а Виконт не курил и раздражался, буквально выходил из себя, если Аня при нем закуривала.

– Как ты не понимаешь, курящая женщина – это чудовишно, это, это хуже, чем женщина – пьяница.

Аня однажды не выдержала и брякнула:

– Ты так говоришь, потому что твоя мать алкоголичка, да при том курящая.

– Не трогай мою маму, что ты знаешь о ней? Она – святая.

Святая, это конечно чересчур. Но Ане вдруг однажды показалось, что его маму-алкоголичку, прекрасную, нежную, невинную

как дитя Нинель она любит больше, чем Виконта, свою первую и единственную на всю жизнь любовь. Аня полюбила Нинель с первого взгляда, как Виконта, давным-давно в парке Дубки.

Это была запутанная история. Аня до сих пор всех концов связать не может. И Нинель давно уже не видела, и жива ли, не знает. И Виконта спросить не может, потому что не знает доподлинно: он и Виктор Евгеньевич, новоявленный Бог, – одно ли это лицо? Еще пока не доказано. А третье лицо, которое в той истории участвовало, зовут Николай, Анин мифический герой, ее идеал, долгое время она хотела, чтобы Виконт стал таким, вернулся к ней в обличье Николая. Пусть невысокий, лысый, тщедушный, пройдешь мимо, не обратишь внимания, даже если лицом к лицу простоишь полжизни – не запомнишь. Зато какую любвищу пронес на плечах, не обиделся, не озлобился, отвергнутый в ранней юности своей королевой, златокудрой Нинелью, пришел, когда она больше всего в нем нуждалась и готов на руках носить до самого конца.

Аня все же навещала Нинель некоторое время, после того, первого побега. Николая никогда не было дома, а у Нинели его стараниями так все было обустроено, что только руку протяни – достанешь все, что нужно. Глаза Нинели, все ее лицо светились счастьем.

– Так бывает только в кино, девочка, и то нечасто, трагедия – более расхожий товар и более востребованный, люди не любят кино про тихое семейное счастье, им подавай драму. Коварство и любовь. Так устроен человек, и так было во все времена, чужому несчастью – сочувствует, чужому счастью – завидует.

– Ну, почему же, я вот радуюсь за тебя, – возражала Аня и упрямо твердила: – И у нас с Виконтом так будет, он вернется и будет носить меня на руках, как твой Николай.

Она даже помнит, свой счастливый смех, будто ее мечта уже сбылась.

Всего лишь раз столкнулась она с Николаем. В коридоре, уже на пороге. Он преградил ей выход, встал, расставив широко ноги, раскинув руки от стенки до стенки, похотливо оглядел ее всю с ног до головы и процедил неслышно:

– Если сейчас заорешь или потом расскажешь Нинели, убью. Давай быстро и чтоб – ни звука.

И расстегнул молнию на брюках.

Аню спасло то, что она как благородная барышня позапрошлых веков лишилась чувств, хорошо, что не рассудка. А когда пришла в себя, Николай бережно и нежно нес ее на руках, рядом шел Виконт, кадык нервно дергался, скулы напряглись. Он подозрительно поглядывал на обоих. Аня уложили на диван, Николай положил подушки под голову, принес холодный клюквенный морс, вытирал салфеткой подбородок. Нинель держала ее за руку и повторяла без конца:

– Что случилось девочка? Что произошло, Николенька?

– Обморок случился, врача надо бы. Хорошо я во время вошел, а то паче чаяния голову могла расшибить о наши сундуки.

– Наши сундуки, – вдруг жестко сказал Виконт с ударением на «наши», пристально посмотрел на Николая и отчеканил: – У тебя ширинка расстегнута.

Больше Аня к Нинели не приходила, ничего о них не знает, Виконта с тех пор не видела. И практически не вспоминала о нем, как-то все сошлось пренеприятнейшим образом. Расстегнутая ширинка на брюках Николая развела их окончательно. Такую роковую роль сыграл он в этой истории, где ему не было отведено никакого места.

В Аниной жизни не раз случалось, что на авансцену выходил не то что второстепенный персонаж, но вообще никто, в первоначальном сценарии вовсе не предусмотренный. Высочка. Самозванец.

Долго после этой истории Аня пребывала в состоянии затяжной депрессии – сорок два года, одинока как перст, ноябрь, дожди, сизый полумрак непроснувшегося дня, разбросанные повсюду книги, где все ложь, выдумка, псевдожизнь, криво-зеркальное отражение авторского альтерэго, в доме беспорядок, переползающий в хаос, – повсюду слой пыли, горы немой посуды, окурки в пепельницах, чашках, вазах и просто горкой на паркетном полу, со следами прожогов, едкий, сизый дым стелется под потолком, как смог над городом, перепутаны дни и ночи...

Все доведено до крайней степени непригодности к дальнейшему существованию. Сама Аня, немывтая, с помятым лицом, спутанными волосами, лежит на тахте не помнит, какие сутки или месяцы кряду, руки, ноги онемели, уже атрофия не за горами.

«Все бы начать заново, с первой волшебной минуты, – шепчет она машинально строчки собственного сочинения. – Только все в лету кануло: праздники, песни, салюты...»

А вот и не кануло. Сейчас она устроит себе праздник. С песнями и салютом. Депрессия, качаясь на самом краю пропасти, грозит обрушиться в полную себе противоположность – бессмысленную и беспочвенную эйфорию.

«Одна снежинка еще не снег, еще не снег, одна дождинка – еще не дождь...» Это уже не ее сочинение, но обычно с этой песенки, начинается ее сольный концерт наедине с собою. Аня поет самозабвенно, перевирая мелодию, но зато все слова помнит, и лихой кайф ловит от громкого пения, хотя в нормальном состоянии любит тихую, задушевную музыку.

В нормальном, скорее – в обыденном, потому что беспочвенная эйфория, которая уже нагрянула, случается нечасто и долго не длится. Сама себя сжигает и гаснет как фитилёк в порожней керосиновой лампе. Тогда Аня проваливается во тьму, как в подземелье – приглушенные звуки, редкие сполохи света, будто еще не родилась, будто еще предстоит борьба за жизнь – не на жизнь, а на смерть.

И вот в квартире чисто как в операционной, глаза слепит, и Аня места себе не находит, мечется из угла в угол, не знает, куда себя приткнуть, чтобы не нарушить стилистическую целостность картины – ни встать, ни сесть, ни прилечь. Один выход напрашивается – веревку к люстре привязать и голову в петлю просунуть.

Ну, что ж, в петлю, так в петлю. Одобрительно кивнула, искоса взглянув в зеркало, – весьма пристойный вид, ни перед кем не стыдно будет. Бабушка всегда говорила: после смерти особенно важно выглядеть опрятно, сохранить последнее достоинство и тут много от тебя самой зависит, а не от казенных рук санитаров. Какой-то сакральный смысл таился в ее словах, Аня пока еще не докопалась до сути, но хорошо помнит, что бабушка в гробу была величава, чуточку надменна и не вызывающе красива.

А она сидит посреди комнаты на надраенном до блеска паркете, вяжет морской узел на бельевой веревке по всем правилам, как научил для чего-то Виконт, и вовсе не хочет умирать. Сумрачный ноябрьский день без всякого перехода проваливается в долгую непроглядную, беззвездную ночь. Аня поднимается с пола, на цыпочках, словно боится потревожить кого-то, чтобы не поднимать шум, подходит к входной двери и всматривается в стереооко, долго смотрит, до слез. Люминесцентная лампа на площадке, как всегда, судорожно мигает. Но – ничего и никого, померещилось.

Снова садится на пол и проверяет на прочность морской узел, вывязанный на бельевой веревке. Нет, конечно, она не повесилась тогда, даже попытку не сделала. Но открылись две глубокие «целующиеся» язвы желудка – в этом диагнозе Аня усмотрела чей-то злой промысел, и унижение пережила ядовитое, почти смертоносное, кто-то продолжал изощренно издеваться над ней. Она снова впала в депрессию и «целующиеся» язвы сопровождали ее сумрачное состояние больше года.

Потом ушли язвы, депрессия, растворился в мерцающем свете, вечно мигающей лампы, как сон, как утренний туман.

Так проходит все в этой жизни, включая и самую жизнь, которая к ней только что вернулась, которую вернул ей Бог по имени Виктор Евгеньевич. Виконт? Он спас ее, это точно, потому что последнее воспоминание, как бы ни было отвратительно и неуместно – все же не фантазия, не конфабуляция, а соцреализм в чистом виде.

– Виконт! Ты здесь?

– Как вы себя чувствуете?

– Почему ты говоришь мне «вы»?

«В самом деле – почему?» – подумал Виктор Евгеньевич. – Чего я боюсь?» Потер лоб, чтобы отогнать сон, глаза слипались, нестерпимо хотелось курить, а может быть, даже выпить, что позволял себе крайне редко, что называется – по большим праздникам. А поскольку таковых в его жизни не было, то он и не пил, практически, так, в отделении с медперсоналом, по служебной линии – в честь календарных праздников, дней рождений, юбилеев, поминок. Поводы находились без труда, расслабиться после трудной работы хотелось всем. И Виктору Евгеньевичу тоже, беда в том, что ему это никогда не удавалось. Он сам себя ощущал роботом, без сбоев выполняющим заданную программу, алгоритм которой ему неизвестен.

Встал, умылся, побрился, выпил две чашки крепкого кофе эспрессо без закуски, как говорил его ассистент, молодой талантливый хирург Кузьма, двухметровый красавец, к которому были равнодушны

в отделении все поголовно женщины, включая восьмидесятилетнюю Софью Ефимовну Резник, профессора нейроофтальмолога, почасового консультанта два раза в неделю по два часа, и нянечку Пелагею, сурового и неподкупного стража порядка, чей портрет сорокалетней давности никогда не снимали с доски лучших сотрудников 1-й нейрохирургии.

Итак, выпил две чашки кофе, сбежал по лестнице с одиннадцатого этажа (видимо, по программе ему не разрешалось пользоваться лифтом), открыл гараж, завел старенькую ладу вырулил со двора, осторожно объезжая ямы и колдобины, сугробы и наледь – в зависимости от времени года, и неторопливо, вместе с потоком, напевая всегда одно и тоже: «одна снежинка еще не снег, еще не снег...» (мелодия, вероятно, тоже заложена в программе), двигался в пробке метр за метром к больнице, к станку, по выражению любимца публики Кузьмы.

Сам Виктор Евгеньевич никогда так цинично не говорил о своем деле, то есть он даже пошутить так не смог бы. В его программе юмор не заложен. Он без работы жить не мог – это правда, без пафоса и высокопарных разговоров о спасенных жизнях, без малейшего намека на героическую профессию и нищенское жалование – это все из репертуара премьера Кузьмы. И деньги за операцию от больных или их родственников тоже не входили в программу, которую отрабатывал Виктор Евгеньевич. Ему просто повезло – таков алгоритм. Он знал, что Кузьма берет, но как зав отделением категорически заявил:

– Узнаю, что берешь до операции и прейскурант завел – выгоню.

Кузьма воздел руки к небесам, кончиками пальцев коснулся облаков, глаза – горе:

– Клянусь! – рявкнул и чуть потише: – Не беспокойтесь, Виконт Евгеньевич, не подведу.

С какой стати Виконт, откуда он это взял? Перехватив его недоуменный взгляд Кузьма признался простодушно:

– Имя у вас такое, наверняка кликуха была Виконт, а звали бы Евграфом – кликуха – Граф. Так что – извините, не в графьях, но все равно ж – в дворянах. Это я простолюдин, и кроме как Кузей, еще называли Козявкой, обидно было до жути, не то, что вам – Виконт.

Балабол, а руки золотые, умные, хирург от Бога и не просто хирург, а нейрохирург.

Итак, метр за метром – и он в больничном дворе, припарковался с закрытыми глазами на привычном месте между мусорными баками и давно уже не действующим фонтаном на задней старой территории бывшего странноприимного дома, вверх по лестнице на шестой этаж (без лифта), влез в голубую робу, надел шапочку – готов, в своей стихии. Дальше – куда кривая вывезет, тут алгоритм давал ему много степеней свободы и никаких подсказок, известна только главная цель, результат – больной должен жить.

– Виконт!

Так звала его мама для строгости, ничего более грозного она придумать не могла. А так все – Вика, да Вика, как девчонку. Витек, Витюша, Витяй – звали его во дворе и в школе, нормально, как всех.

Вообще ему дали неправильное имя, он никогда не чувствовал себя победителем, даже когда одерживал серьезную победу за операционным столом. Но он не воспринимал это как поле боя, после тяжелой удачной операции, чувствовал привычную усталость, может быть удовлетворение, но, пожалуй, сильнее всего – успокоение.

Она тоже звала его Виконтом, независимо от мамы, сама придумала – красиво, сказала, и можно преклонить колени, и присела в реверансе, почтительно склонив головку. Тут же прыснула, протянула ему обе руки и приказала: а ты целуй мне руки, Вика. То же ласковое – Вика. Такое странное совпадение.

С ней вообще все было странно, с этой девочкой, наивной, как дитя, бесшабашно отчаянной, независимой, сдержанной, погибельно страстной, маленькой искоркой, мгновенно вспыхивающей в огромный костер. И каждый раз готовый спалить себя до конца. Он тоже горел в этом огне, и ему было страшно. Для него это было слишком сильное переживание.

Таков его алгоритм.

– Виконт! Я снова живу? Поговори со мной. Пожалуйста.

Он почти двое суток, всё свободное от работы время просидел рядом с ней в реанимации. Кузьма и реанимационные сестры поначалу недоумевали: да все же в порядке, Виктор Евгеньевич, идите, у вас завтра сложная операция, мы сами справимся. Но он продолжал сидеть, держал ее за руку, и они оставили его в покое, догадались, наверное, – что-то тут не чисто, хотя за Виктором Евгеньевичем ничего *такого* не числилось, с больными – только профессиональные отношения, так же, как с персоналом – только служебные.

Он накрыл ее простыней, *прикрыл*, рядом лежал только что прооперированный Кузьмой мужчина, атлетического сложения, мостостроитель, он быстро очнулся от наркоза, и Виктору Евгеньевичу было неприятно, что она лежит голая рядом с голым мужчиной. Его это задевало, хотя обычно, заходя в реанимацию к своим больным, не обращал на это внимания, такой заведен порядок, так легче работать. Но то свои больные, а это – его первая любовь, первая женщина, с которой познал все самые тайные тайны, других открытий сделать не довелось. Все прочее было анатомическим театром, где жизнь отсутствует изначально, по определению, ко всему прикреплены бирки, все размечено, расчленено на составляющие, известно, что куда вставлять, какие производить действия и какие признаки означают конец манипуляции. Какие уж тут тайны – урок мастерства, и как обычно на уроке: сегодня получил четверку, завтра пятерку, а послезавтра – неуд, а все вроде бы делал одинаково.

С ней никогда не бывало одинаково, она переменчива, как ребенок: радость, удивление, грусть, потоки слез от счастья, молчаливая углубленность в себя, затаенность, прикушенные от обиды губы, тонкие руки, обвивающие его шею, тонкие щиколотки у него на плечах, и щекочет кончиками пальцев уши, затылок, а вот свернулась кольцом у него на коленях и шепчет, не поднимая головы: «Ты будешь любить меня вечно, иначе я умру, ты ведь не хочешь, чтобы я умерла?»

– Виконт!

Она не умрет, он конечно, не бог, но этого не допустит. Операция прошла удачно, это не рак, он точно знает, без гистологии, он и раньше никогда не ошибался, а в ее случае – подавно. Теперь главное – восстановиться после длительного наркоза, несколько месяцев умеренного во всем режима – и живи на полную катушку.

Впрочем, один раз интуиция подвела его. Он так же сидел в реанимации возле мамы, держал ее за руку и повторял про себя: мама не умрет, не умрет, не умрет. Не он оперировал ее, она проходила по другому профилю, и хирург прямо и откровенно, как коллега коллеге сказал: она не протянет больше месяца, и чем раньше – тем лучше для нее. Виктор Евгеньевич резко прервал его: «Откуда вы можете знать, что для нее лучше». Тут же взял себя в руки, извинился, хирург понимающе хлопнул его по плечу. Он держал мамину руку, пока его не обожгло холодом, будто льдинка застыла на ладони. Он закрыл ей глаза, поцеловал холодный лоб, губам сделалось зябко, и сердце съежилась от страха. У него больше нет мамы, его прекрасной, сумасбродной, непослушной Нинели. У него никого больше нет.

У мамы перед смертью путалось сознание, она то узнавала его, то принимала за кого-то другого, называла Вероникой, грозила пальцем и строго говорила: мама все равно тебя найдет, как бы ты от нее не пряталась. Я иду искать. Нет, не в прятки мама играла с маленькой девочкой – Вероникой, а готовилась к встрече, которую ждала всю жизнь:

Дитя мое не рожденное,
Плод рокового пророчества
Любовью моей осененное
Вдали от глаза стороннего
Врачует мое одиночество.

Мамины детские каракули. «Мой почерк не повзрослел, как и я» – она любила подтрунивать над собой при всех, а плакала только тайком. Виктор Евгеньевич обнаружил следы от слез на размытых строчках в школьных тетрадках, аккуратно сложенных стопкой и перевязанных резинкой. Про стихи он тоже узнал после маминой смерти. На каждой тетрадке было написано: НИНЕЛЬ. УЧЕНИЦА. Сама себя определила.

И Анечка говорила о себе: я вечная отличница второго года обучения. Ему тогда это казалось детскостью, инфантильностью и раздражало. Иногда казалось, что она, как и мама, играет с собой в куклы, то есть – сама себе кукла: сама себя укачивает, сама себя наказывает, сама себя жалеет. Только потом понял: не из упрямства, а от одиночества. Он практически всю жизнь был рядом с мамой, но не избавил ее от одиночества. Перед самой смертью мама вдруг пришла в сознание, глаза чистые, не замутненные уже отступившей болью, голос звонкий.

– Мне страшно, сыночка. Я *этого* боюсь, не знаю, что там. Как себя вести? Скажи.

Этот детский вопрос застал его врасплох. Он поцеловал ее холодеющие руки и сказал пустые слова, которых стыдится до сих пор, и сердце жмет непоправимой, запущенной виной:

– Не бойся, мамочка, родная, я с тобой.

– Нет, мой мальчик, я уже одна.

И мама, дорогая несравненная Нинель, ушла от него никем не защищенная, обреченно волоча за собой штопанное-перештопанное покрывало своего сиротства.

А от Анечки он сам ушел, сбежал постыдно и пошло. Не горюя, детка, сказал на прощание, уже закрывая дверь. Он боялся посмотреть на нее, увидеть ее сделавшиеся от боли прозрачными глаза, в которых колкими льдинками застыли слезы, ее прикушенные в отчаянии губы, но все же видел, как она закрыла руками уши и низко-низко наклонила голову, уткнула между коленками – спряталась. Бедная девочка. А он сидел возле ее двери на лестничной площадке, ожесточенно изгрыз до крови ногти – не мог уйти, и вернуться не смог. Заколдобило.

Дальше не помнит, что было, не помнит, как ушел, куда ушел, как жил без нее, зачем жил. Зияющий провал до того злополучного дня, когда решил окончательно, что жить без нее бессмысленно – она его рассвет, закат, его вчера, сегодня, завтра и послезавтра, которое наступит, когда земное время кончится. Все она, Анечка.

Он летел к Нинели, чтобы поделиться радостью, которая еще не настала, а наткнулся на совершенно сюрреалистическую картину: Николай вместо Нинели, нес на руках Анечку, руки ее безвольно болтались, и запрокинутая назад голова покачивалась как маятник из стороны в сторону, нет-нет, тик-так. Мама беспомощно суежилась в своем кресле, глаза ее перебегали с одного на другого, а голова, как у Анечки мерно покачивалась вправо-влево, вправо-влево: нет-нет, тик-так. Она ничего не понимала. А Виктора Евгеньевича как обухом по голове стукнули, не мог отвести глаз от расстегнутой ширинки Николая, который вытирал салфеткой клюквенный морс, стекающий по подбородку Анечки, а она отталкивала его руку и смотрела на него с испепеляющей ненавистью. Виктор Евгеньевич все понял.

Если бы не мама, он убил бы Николая тут же, на месте, жестоко, садистически, чтобы тот молил его не о пощаде, а о скорой смерти. Он как вивисектор разделал бы тушу негодяя, вынул все внутренние органы и скормил собакам, прежде всего то, что болталось между ног в расстегнутой ширинке. У Виктора Евгеньевича руки вспотели и кровь прихлынула к лицу, он, хирург, хотел убить человека, при помощи скальпеля. Если бы не мама! Ради нее он сделал вид, что ни о чем не догадался, ушел, оставив беспомощную Анечку в руках лицемерного негодяя. Он предал ее второй раз и не рассчитывал на прощение. Это был конец.

У мамы тоже стал бывать как можно реже, всегда ссылаясь на занятость – операции, диссертации, преподавательская работа на кафедре, поликлинический прием, словом, – дел неуворот, суток не достает, каждый раз одалживает время у нового дня, жизни не хватит расплатиться. Все так. Но мама тревожно заглядывала ему в глаза,

словно ждала чего-то, словно что-то знала и только искала подтверждения. Несколько раз он готов был все рассказать ей, они никогда не скрывали друг от друга даже самую тяжелую правду. Он помнит, как, однажды придя из института поздно вечером, увидел Нинель, она сидела на лавочке возле подъезда, бледная, с темными кругами под глазами, трезвая, сцепив на коленях подрагивающие пальцы, одета чисто, опрятно, как все – темный низ, светлый верх, смеясь, когда-то рассказывала она о приказе школьной директрисы. Она поднялась навстречу, отдернула юбку, спрятала руки за спину и сказала:

– Сыночка, ты прав, я больна. Алкоголизм ведь лечится?

Они боролись вместе с ее недугом, правда, безуспешно, пить она бросила только после падения из окна, сразу и навсегда. Но они пытались вместе. Вместе – был их девиз, его, конечно, дразнили маменькиным сынком. Он любил ходить с Нинелью в театр – она смеялась и плакала, как ребенок, и хлопала в ладоши после спектакля, пока билетерша не просила их покинуть опустевший зал, Нинель оглядывалась, смущенная: «как, уже все?» И еще несколько раз, оглядываясь на опущенный занавес, осипшим голосом кричала: браво! На стадионе она так азартно болела, что на нее засматривались все мужчины, а как она залихватски свистела, засунув в рот колючку два пальца, большой и безымянный, – он так свистеть, не умел, и ничья мама не умела.

Нинель была необыкновенная мама. Они вместе учили английский и французский языки, английский – он учил в школе, а француженку она нашла в соседнем подъезде. Бывшая до войны гувернанткой в «хороших» домах, Фрида Роальдовна, согласилась давать им уроки французского в обмен на мамину помощь по хозяйству. «Бартер» – говорила она на французский манер и с достоинством улыбалась великосветской улыбкой. Позже они с Нинель увлеклись французским шансоном, пели дуэтом любимые песенки из репертуара Шарля Азнавура, Ива Монтана, Эдит Пиаф, и пытались вместе читать в подлиннике Шекспира и Диккенса. Вместе.

Он никогда не забудет, как, размышляя о будущем, унесся далеко в мечтах своих и вдруг заявил: «Женюсь на Анечке и буду жить на Гаити». И только что веселая Нинель, следовавшая за ним по пятам, спросила упавшим голосом:

– А я? Где буду я?

Он понял, о чем она спрашивает, смутился, будто у него в кармане уже лежал билет на Гаити, обнял ее и сказал:

– Ты всегда будешь со мной.

– Нет, Вика, сыночка, так не бывает. Рано или поздно ты будешь жить без меня. А мне и там не будет покоя.

Несколько раз он готов был все рассказать ей про Николая, но не посмел разрушить ее недолгое хрупкое счастье. Иногда он думал, что она тогда обо всем догадалась и не призналась ему, потому что как всегда хотела уберечь его от неприглядной изнанки жизни. Иначе, почему она ни разу после того случая не спросила его про Анечку?

Так они впервые обманули друг друга. Во спасение.

– Виконт! Расскажи мне про Нинель.

Она читает его мысли, как и раньше. Тогда это его тоже пугало, будто имел против нее недобрый умысел и боялся быть разоблаченным. Впрочем, умысла не было, а страх, тем не менее, имел вполне конкретную причину – он боялся, что не сможет любить их обеих, то есть не сможет совместить эти две любви. Анечка поглощала его целиком, он тонул в ней, уходил с головой в такие глубины, куда не проникало ничего извне.

– Виконт, Вика, сыночка!

Эхо! Бедная нимфа, высохшая от муки неразделенной любви. От Нинели тоже остался один только голос, потому что он предал её. И он мчался к Нинели, оставляя Анечку в смятении, отчаянии, обиде.

– Виконт, Вика, любимый!

Эхо! Бедная нимфа Анечка. Он предал и её.

Они окликали его, он метался между ними, понимая, что погубит обеих. Конец его метаниям, неожиданно положил Николай, Виктор Евгеньевич отдалился от Нинели и больше не встречался с Анечкой.

Он так давно не видел её, что не мог вспомнить её лицо, может, потому и не узнал сразу, лишь почувствовал, как жалось сердце тоской и предчувствием одновременно. Замешкался на пороге палаты, прикрыл на мгновение глаза, и она сразу явилась ему, как это часто бывало – изнутри, лучом света, сполохом костра, взвившемся в ночи, звездой, упавшей с неба, которую они поймали, соприкоснувшись кончиками языков, в бабушкином яблоневом саду.

– Виконт! У нас с тобой есть ребенок от падающей звезды. Помнишь? Я думала, что рожу его, а Нинель сказала – это зародыш моего счастья, что он всегда будет со мной. И правда, перед операцией, когда тебя еще не было, кто-то пришел ко мне, позвал изнутри, и все страхи ушли, и стало легко и весело. Я даже смеялась. Знаешь, я почему-то думаю, что это девочка Вероника, о которой рассказывала Нинель, её маленький ангел. Это про неё, наверное:

Дитя мое не рожденное,

Плод рокового пророчества...

Не помню, то ли я написала о ней эти строчки, то ли где-то читала. Ты не знаешь?

Медсестры подвезли каталку, подошел Кузьма:

– Помощь нужна, Виктор Евгеньевич?

– Ты что в санитары разжалован?

– Да нет, просто хотел помочь, – смутился Кузьма.

– Я сам, Кузя, иди, – ему стало неловко за свою бестактность. – Идите все, я сам справлюсь.

Виктор Евгеньевич взял ее руки, Анечка обняла его за шею.

– Виконт, ты теперь всегда будешь носить меня на руках, мы так долго ждали этого – и я, и мама, и бабушка, в нашем роду никто не носил женщин на руках, только ты один раз на закорках через лужу, но это, конечно, не в счёт.

Она сияла. И вдруг мрачная тень наплыла на лицо. Он понял, о чем она думает, и прижал её к себе покрепче, к тому месту, где рвалось наружу растревоженное сердце.

– Но ведь Нинель была счастлива с ним, правда?

«Эта женщина – не судьба моя, – подумал Виконт. – Она – моя сущность».

Мина Полянская

Пентесилея и её сын.

Две новеллы

Альпийский сон

Сын твой болен опасной болезнью;

Посмотри на белую его шею:

Видишь ты кровавую ранку?

Это зуб вурдалака, поверь мне.

А. Пушкин. Песни западных славян

*Ему казалось, что, если бы он держал покрепче сверток,
он верно, остался бы у него в руке и после пробуждения.*

Н. Гоголь. Портрет

олнце внезапно исчезло. Длинная тень, бежавшая рядом с поездом, пропала, и небо опустилось так низко, что казалось, и оно исполнилось тайны, и заморосил грустный дождь. И приснился мне сон. Я - в большой гостиной своей квартиры, и у меня как будто бы есть сын. Кудрявый, кареглазый мальчик играет с родителями моего погибшего мужа. Они покинули родовое гнездо, что на берегу Миссисипи, прилетели в Европу в надежде найти тело сына и похоронить его.

Я говорю: «Ну, мне пора». Все трое радостно улыбаются и прощально машут мне рукой. Сажусь в «Ориент-Экспресс», рейсом Кале-Истамбул, сознавая, что перешагиваю опасную грань, отделяющую реальность от литературной фантазии. Некая идея зовёт меня к истокам «местного колорита», как выразился ироничный Мериме, к местам, которые, «как подкова магнита притягивают к себе суеверия».

Я отправляюсь в Румынию в надежде отыскать убийцу мужа - лорда Ротвена, литературного предшественника Дракулы. Ротвен - творение устного рассказа Байрона, записанного его врачом Полидори и им же опубликованного. Но случилось невероятное: оба создателя «Вампира» отказались от авторства. Таким образом, произошло роковое недоразумение, нарушившее плановость хода мировых событий, и сиротство персонажа - аномалия и реального, и внереального ряда. Никому не нужный Вампир (и кто! - сам Байрон от него отказался) – непредсказуемо опасный скиталец, ибо у него нет творца. В Священных канонических текстах о подобных Персонах ничего не сказано, также в апокрифах и прочих текстах нет о них упоминаний. Стало быть, ничто непредсказуемо, и всё возможно. Ротвен кинулся на моего мужа без

всякого повода - требовалось утолить злобу. И он набросился на несчастного. *И тот упал, как падает мертвец.*

Итак, я - в вагоне романтического поезда, выплывшего из карнавальных двадцатых годов танго и фокстрота, «Улисса» и леди Чаттерлей. Звонок возвестил ужин - выхожу из купе, облицованного красным деревом, и направляюсь в широкооконный вагон-ресторан с вентилятором-пропеллером на потолке и сажусь к свободному столу в середине зала. За столиком справа у стены с радостью узнаю Джойса. Бутылка сухого хереса (вместо любимого сухого швейцарского) уже на столе. Джойс в строгом костюме и галстуке в клеточку *через толстые стёкла очков изучает меню, держа его на уровне глаз.* Стало быть, поблизости должен быть Хемингуэй, угостивший в Париже Джойса таким хересом.

А вот и он, старый мой знакомец! Возник за столом позади меня, молодой, красивый, с небольшими аккуратными чёрными усиками, в однобортном сером пиджаке из мягкой ткани. Ест любимое дешевое блюдо своей парижской молодости - картофельный салат, запивая пивом и поглядывая то и дело на Джойса. Ему не терпится подсесть к мэтру – это очевидно - и затеять дискуссию о новых литературных веяниях, а заодно и о послевоенном потерянном поколении - *согласно меткому выражению госпожи Стайн.* Писательница также должна находиться где-то поблизости. Так и есть: Гертруда Стайн, символ эпохи, собственной персоной, грузная, неподвижная, как статуя, объявилась вдруг за столом напротив меня, так что глазам больно стало. Но ей не до меня – она демонстративно отвернулась от Джойса, да так, чтобы ему было заметно, что она отвернулась, потому что не любит она его.

А к моему столу подсел элегантный господин маленького роста с пышными, закрученными вверх усами и яйцеобразным лысым черепом - мсье Пуаро.

- О, какая встреча, мадам!
- Вы меня знаете, мсье Пуаро?!
- О, мне ли вас не знать, мадам!
- Здесь намечается убийство? – Озираюсь по сторонам.
- Не обязательно там, где я – убийство.
- А там, где я?
- Убийцы здесь нет, мадам!
- А где же убийца?
- Не могу сказать!
- Но вы *знаете* убийцу, мсье Пуаро? Знаете!

Пуаро смущён моим напором, однако на вопрос не отвечает. Вместо ответа он произносит речь:

- Мэри! Вы - героическая женщина и благородны в своих порывах так же, как и стокеровская Мина Харкер! *Мужской ум, но характер женский.* Ради спасения души любимого человека вы готовы пожертвовать собою! В наше смутное время кокаиновых блаженств – это ли не чудо?

- Гениальный мсье Пуаро, откройтесь мне! Останусь ли я жива после посещения...

- О, мадам, – с поспешностью прервал он меня, - вы коснулись запретной темы! Ваш случай - за гранью подвластного рассудку мира, а я всего лишь профессиональный детектив.

- Но...

- Увы, мадам, я не делаю предсказаний.

И Пуаро исчез. И остальные персонажи вдруг пропали. Ни души! Мелькают огни станций, и неподвижные фигуры людей на них, и телеграфные столбы; убегают призрачные домишки, леса, горы.

А вот - еще что-то затевается. Слегка прихрамывая, ко мне приближался молодой человек старинной красоты с картины кисти Гейнсборо: крутолобый, с серыми, близко посаженными грустными глазами.

В чёрной мантии и романтической чайльдгарольдовской шляпе, из-под которой выбивались мятежные кудри, принц-поэт стоял уже подле моего стола! Церемонно поклонился, сняв шляпу, всматриваясь своими безмерно-печальными глазами в моё лицо. Он смотрел на меня так сочувственно и внимательно, что глаза его потемнели и сделались синими, как осенний туман. Он проговорил:

- Добрый день, миссис! Наслышан, что вы писательница и поэтому, - что неизбежно! - стали жертвой литературных фантазий.

- Простите, сэр...

- О, вы не исключение!

- Но, простите...

- Сожалею, что стал причиной семейной вашей трагедии, но я этого не хотел, право же не хотел! Я желаю вам и вашим близким спасения в этом мире и в мире ином! – и Байрон исчез. Разумеется, исчез.

—

Смена декорации. Путешествую в такси по стране мрачной красоты.

Прибыли в Быстрицу - забытый городок с типичными для Австро-Венгрии и Трансильвании тайнами. Я уверена: горы содействуют страшным мифам. Немецкое слово «кошмар» содержит - по странному совпадению - даже и в своем корне название гор. Alp(Alb) – это ещё эльф. Traum – сон. Alp(b)traum (кошмар) вполне может означать: альпийский сон, и полагаю, эльфы устраивают таинственные собрания именно на альпийских лугах.

Быстрица - городок с замурованной, как в янтаре, жизнью. Плывут навстречу сонные, пыльные улицы. Густое, липкое, ползущее в пространстве бессобытийное время.

Называю таксисту гостиницу: «Золотая корона», а он не ошеломлён «книжным» названием и невозмутимо доставляет меня к старинному особняку. Стало быть, существует гостиница, в которой остановился Джонатан Харкер перед встречей с Дракулой! Вношу рюкзак в комнату, устланную тканым зелёно-красного орнамента ковром, с большой железной кроватью и отправляюсь в ресторанчик с террасой, освещённой заходящим солнцем. Подали мамалыгу, особый вид «бабки»

из кукурузной муки. Она - горячая, дымящаяся, и хозяйка разрезает её белой ниткой. К мамалыге подана брынза – солёный овечий сыр – и растопленное масло.

Я – в комнате. Заходящее солнце коснулось ковра на полу, сияние его постепенно меркнет. За окном - старинная узкая улочка с одноэтажными особняками с черепичными крышами и дымовыми трубами, с низкими каменными оградами, из-за которых еще видны вишнёвые и черешневые деревья. Через дорогу справа за чугунной оградой высится белоколонный особняк.

Из-за калитки появился господин в шляпе, похоже, владелец особняка, и присоединился к трём ожидающим его прохожим. Они приближаются. Неестественно бледные лица. Глаза всех четверых со свинцовым пронизывающим взглядом устремлены на моё окно. Я отпрянула от окна. Вампиры, это вампиры. Разгуливают днем по улице. Ах, нет! Солнце уже зашло, оно их теперь не испепелит. Быстрица - город вампиров? Или же я умудрилась в течение одного только вечера заразиться локальными трансцендентными страхами и также уверовала в то, что большой «кусок» земли вокруг Румынии заражён вампиризмом? Подкрадываюсь к окну. Тишина, только крошечные летучие мыши летают над крышами и верхушками деревьев. Ложусь в нелепую на пружинах скрипучую кровать, укутавшись в одеяло. За окном – время сакральное, там - вечность, а у меня в комнате антикварно тикают стенные часы, и стрелки неумолимо продвигаются к полночи. В полночь приходят духи, и меня пробирает дрожь. Скорей бы взошло солнце, которого страшатся вампиры.

Утром сижу на террасе ресторанчика и придирчиво всматриваюсь в лица и глаза хозяев. Лица вполне живые. Вспоминаю, что на завтрак *на этой террасе* Джонотана Харкера перед отъездом в замок Дракулы потчевали кусочками посыпанного красным перцем мяса на шампурах, и спешу заказать яичницу.

Перед дорогой оглядываюсь. Вместо кадок с олеандрами и апельсинами, с любовью описанных Стокером, вижу фруктовые деревья. Картина воистину впечатляет живописностью и торжественностью: между двух густо обсыпанных красными вишнями деревьев на фоне дома, увитого серебристо-зеленым виноградником, стоят хозяева с трагическими лицами и непрерывно крестятся православным крестом. Они знают, куда я направляюсь и также, как в свое время Харкера, отговаривали от безумной поездки.

На такси отправляюсь к ущелью Борго в сторону Буковины. Вдали – зелёные Карпаты. Справа - тёмно- зелёные цепи гор до линии вечных снегов, затем надвигается сплошная цепь гор, белых, как мел. И ещё горы, и уже непонятно, горы это или мираж. Картины непрерывно сменяются: зубчатые скалы, блеск водопадов, белоснежные шапки вершин, цыгане с кибитками, гуцулки с корзинами на головах в белых, вышитых блузах и в красно-зелёно-синих полосатых юбках-ковриках. Краски всех цветов радуги даны с профессиональной резкостью.

И вот уже с обеих сторон наезжают горы, покрытые плотно стоящими соснами, ухватившими друг друга мохнатыми ветками - лапами, охраняя тайны этих мест.

- Здесь – все наше, а не ваше! – кричат они мне. – Наше, а не ваше!

И горы – они тоже сомкнулись, нависли даже - въезжаем в потемки ущелья Борго. Слава Богу, оно оказалось коротким. Но, увы, некогда и вздохнуть: вслед за этим кошмаром мне предстаёт картина немногим лучше: унылая песчаная дорога, обставленная угольно-чёрными утёсами. Слышно завывание волков, как и предупреждал Стокер. Чёрные скалы, завывание волков – это они предвестники приближения зловещего замка.

Вот он - замок! На горном обрыве всё ещё дряхлеют, столетия дряхлеют (сколько можно дряхлеть-угрожать!) крепостные стены замка Дракулы. А под обрывом внизу, под разрушенным мостом река сияет на солнце, извивается змейкой, как будто бы игриво и невинно. Я знаю эту реку, она - одно из воспоминаний моей души. Это Прут – холодная, коварная, горная река, поглотившая много жертв. Торопливо поднимаюсь по крутой тропе к замку, вхожу через деревянную арку ворот в огромный пустынный двор, лечу к массивной железной двери. Она на удивление послушно, хотя и медленно, со скрежетом, отворается - влетаю в мрачный зал, освещённый висящей на стене керосиновой лампой с трепетными тенями. Вниз, вниз по винтовой лестнице, я - в пещере.

—

О, я сразу увидела моего любимого мужа. И я угадала: Ротвен нашел пристанище у Дракулы, захватив свою жертву, моего мужа.

А он, мой муж - мгновенно отвернул от меня бледное измождённое своё лицо и, держась за влажные мрачные подвальные стены замка, прошёл мимо. Я крикнула: «Любимый!» Он вздрогнул, спина напряглась, но не оглянулся.

- Я не уйду без тебя.

Он, не обернувшись, тихо сказал:

- Родная, ты не можешь мне помочь, и ты знаешь, что я *болен опасной болезнью*. Вернись к сыну, не оставляй его сиротой.

- Я за тобой пришла!

- Родная, тебе надо как можно скорее выбраться отсюда, пока тебя не обнаружили. Иди за мной. Я помогу. Я помогу нам.

И он, по-прежнему старясь не глядеть в мою сторону (как это мучительно, о, если бы вы знали, как это мучительно, когда он не хочет смотреть в мою сторону), направился к двери, а я едва поспевала за ним.

Дверь, лестница, двор.

Июльское солнце в зените. Он - простёр руки к палящим лучам, чтобы уничтожиться. Уже превратился в огненный столб, испепелён. И нет его, остался пепел, рассыпался пепел. Я собрала аккуратно пепел, всё до единой пепелинки, положила в мешочек. «Ты не уничтожился окончательно. Похороню благородно, высеку твоё имя на граните, и буду молиться! Ибо если Всевышний может воскресить человека из останков, то, стало быть, может - а он всё может! - воскресить тебя из пепла».

Я - в Ориент-Экспрессе, сижу в купе, прижимая к себе мешочек.

Проснулась: я - в современном дневном салоне вагона; обыкновенные люди читают журналы, газеты, обычный неспальный вагон.

Поезд стоял у Базеля, альпийские луга неподалеку, отсюда и сон – альпийский, стало быть. Но что это? В руках у меня мешочек. Огляделась – ничего подозрительного, кроме реальности происходящего. Выглянула в окно – обыкновенная публика, никого, кто мог бы привлечь внимание необычностью. Или - нет... Показалось вдруг, что некто в просторном одеянии благородной внешности с особой печатью на лице и величием во всём облике смотрел на меня, сидящей у окна. В какой-то момент лик даже и определился... Он взглянул на меня со странным подобием улыбки, затем, отвернувшись, удалился, прихрамывая по обыкновению своему.

Пентеселия и её сын

*Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! –
Но меня не забыли вы.*

А. Ахматова.

Они познакомились на литературном вечере в литфондовской гостинице, расположенной в лесу. Женщина была подвижная, с красивым решительным лицом и маленькими руками, как у Пентеселии.

Он угадал в ней слабость и нечто девичье, полудетское. Глаза у неё были, как чёрные звёзды или забытые на чёрном бархате алмазы. На ней ещё было что-то тёмное. Он не наблюдал за нею, но всё это вспомнилось позже. О чём говорили вечером – никто из них не помнит.

Он встретил её на следующее утро, и они отправились в лес. Он уже знал, что любит её. Они спустились к реке, и он, отвернувшись от неё, как будто в смущении, сказал, стараясь смягчить высокопарность: «Ты похожа на мою маму и пахнешь ею». Она сказала: «Такого не бывает. Запах неповторим, как неповторимы отпечатки пальцев. Либо твои речи кощунство, либо ты пошутил». Но он, стараясь быть невысокопарным, сказал: «Ты не можешь не верить мне, потому что я говорю о маме, и с этим шутить невозможно, поскольку это и в самом деле кощунство». И он добавил таинственным шепотом: «Этот запах детства - неуловим, его чувствую только я». Она вдруг отчетливо увидела его, поседевшего мальчика-сироту, и страстно влюбилась здесь же, у реки, в него, в сироту с большими круглыми глазами, и в особенности в его слова о матери. Он тотчас разгадал, что сейчас может сбыться невероятное и стал целовать её глаза. Она отстранилась мягко и сказала: «Потом». И они пошли сквозь лес, держась за руки.

Любовь получилась «удвоенной» – он влюбился в женщину и как будто бы в свою мать.

Стало быть, любовь была запретной, кровосмесительной. Любовь была и трагедией ошибок, и драмой Судьбы. Пожалуй, в эпилоге оба должны были бы погибнуть, поскольку в драме Судьбы всё плывет в

туманах вековой предопределенности. *Скоро мне нужна будет лира, но Софокла уже, не Шекспира. На пороге стоит - Судьба.*

Итак, они шли по лесу, держась за руки. И ещё не поздно было остановиться. Или же можно было на будущее их ложе положить меч Брюнхильды. Но они уже стояли перед дверями безликой гостиницы и - уже торопливо поднимались по лестнице. Она вошла в комнату первая, и первая стала раздеваться. Сознание, что она единственная, поскольку похожа на мать, усиливало её страсть. Казалось, весь мир пронизан был страстью и трепетом её неповторимости. Она была озабочена правами собственной личности. Как Пентесилея, царица амазонок.

А меч, который и в самом деле грозно сверкал посреди кровати, они спрятали под большое овальное зеркало. Говорят, что Тристан и Изольда, усыпив бдительность *одного из своих многочисленных* авторов, вероятно, эльзасца Готфрида Страсбургского, любившего дремать над рукописью, спрятали меч за зеркалом.

Расплата вскоре настигла их, ибо инцестная любовь поклоняется злой силе.

Уже через месяц каждый из них погрузился в свой несветлый мир и, разговаривая, они перестали слышать друг друга. И речь их стала прерывистой - в ней появилась трещина. Они ещё продолжали любить друг друга, когда вдруг она заметила, что он в общении грубоват, как Ахилл в одной немецкой драме о Пентесилее; сквозь речи его и поступки стала проглядывать некая привычная схема мужчин, каких она уже и прежде встречала.

Она *угадала* его и стала бояться своей любви к нему. А он стремительно терял над собой первоначальный контроль, всё больше оступаясь, проговариваясь, заявляя о ней лихо, как о других женщинах, забыв, что она единственная, как мать. Между тем, звали её Пентесилея, и, стало быть, она была озабочена правами собственной личности. Однажды случилось страшное – ей помогли два зеркала, расположенные друг против друга, между которыми он стоял, - в них с обеих сторон она увидела бесконечное множество его отражений. «Боже мой, как его много, - подумала она, - как много одинаковых мужчин средних лет, ничем не отличающихся друг от друга, и совсем не похожих на сына».

И во всех зеркалах отразился человек, что не появился.

Она мучительно размышляла: «Всё к лучшему, всё разрешилось само собой, поскольку я очнулась вовремя, почти вовремя, и поняла, что он обманул меня; и я вспомнила - тоже почти вовремя - что у Пентесилеи не могло *так долго* быть сына - сыновей у амазонок, как всем известно, сразу же убивают». Произошла, таким образом, неразбериха. Парадокс.

Ибо не было истории запретной любви мальчика с большими круглыми глазами к матери - женщине. Не было любви. А что же было? Некто, похожий на мальчика, обладающий особым природным чутьём, «инстинктом зверя», увидел её, и в азарте привычной доброй охоты безошибочно «взял след» - ринулся за нею и догнал в лесу у самой реки. Неким инстинктом, «кончиком морды», он учуял, как взять её и что лучше всего ей сказать.

Вскоре распался их союз, разошлись пути. Насколько мне известно, трагедии не было, хотя иной раз меня одолевают сомнения, поскольку амазонки влюбляются редко, но страстно и серьёзно, и не следовало бы с ними шутить, играя в любовь, поскольку они могут стать опасными, как это и случилось с бедным Ахиллом, не пожелавшим уважать правила игры амазонки. В моей истории нет обещанного эпилога трагедии в драме судьбы, где всё плывет в туманах вековой предопределенности. И лира Софокла здесь не понадобится. И не споем мы песни ни о царе Эдипе, ни об Электре.

А вместо эпилога я сообщу вот что: мою приятельницу Пентеселею всё же преследовала впоследствии любовь, или, скажем так: тень любви. А однажды приснился ей даже некий конкретный мальчик в синей матроске, прижавшийся к маме, зарывшийся в её платье от ветра. Это мама была очень красивая женщина с глазами, как чёрные звезды, или, если прибегнуть к помощи трагически погибшего поэта из серебряного века, с поющими глазами, сияющими, подобно алмазам, забытым на чёрном бархате.

И было странно, что во сне Пентеселея знала, что образ женщины с поющими глазами остался в щемящей памяти мальчика.

Елена Матусевич

Счастье. Два рассказа

**Пожарная безопасность
Берлин, 2013. Весна**

- опросы есть?

Пожилой уса́тый пожа́рник спросил, как положено, согласно протоколу. Спросил и похолодел: над унылыми головами взвились, как штандарты боевых знамен, бледные офисные кисти. Эдак можно и поесть не успеть...

- Извините, я насчет тряпочки, застенчиво начала полная дама.

- Пардон?

- Ну, как же, Вы изволили говорить, что при пожаре надо намочить на голове тряпочку и ползти.

- Сначала намочить, потом на голову, - поправили даму сослуживцы.

- Это детали, - обиделась дама.

- В деталях вся суть, - поправили сослуживцы.

- Не сбивайте ее. Тут главное – ползти, - вступился начальник.

- Да, ползти – это хорошо, - согласился пожарник.

- Хорошо? – взвился парень слева. А если пол горит?

- Тогда, конечно, нельзя, – сказал пожарник.

- Так ползти или не ползти? Вы сами не знаете, что советуете, - сказал парень.

- Я знаю, – обиделся пожарник.

- Знаете, но не говорите? - закричали сзади.

- Это как с 11 сентября, я читал в интернете... – начал высокий блондин.

- Извините, давайте не нарушать порядка. Вот, господин пожарник сказал ползти, - прервал начальник.

- Ползти, – подтвердил пожарник.

- Вот и я к тому, что как ползти с тряпкой на голове? Ничего же не будет видно.

- И туалет у нас в конце коридора, - сказала девушка в очках.

- При чем здесь туалет? - спросил другой парень.

- Как при чем? В туалете вода, а если коридор горит... - обиделась девушка в очках.

- Тогда в коридор не надо, сказал пожарник.

- А тряпочка? Где тогда ее мочить? – заволновалась дама.
- Свою надо иметь, – зашипел на даму первый парень.
- Мокрую? – не поверила дама.
- А что? Положить ее в баночку с водой на столе... - протянул господин постарше.
- А если человек вышел? - спросила девушка без очков.
- Куда вышел? - спросила секретарша.
- Выходить не положено, - сказал начальник.
- В туалет. Может человек в этой стране выйти в туалет? - возмутился молодой лысый в очках.
- Ну, Вы-то туда только и бегаете по сто раз на дню, - заметила секретарша.
- А Вы, что, считаете? – огрызнулся молодой лысый в очках.
- Считаю, - ответила секретарша.
- В туалет можно! - закричали все.
- В туалет можно, - подтвердил начальник.
- Вот, человек вышел в туалет, а тут пожар! – продолжила девушка без очков.
- И коридор горит, - сказал второй парень.
- Как тогда достать тряпочку со стола? - сказала дама.
- Так в туалете же есть вода, - сказал пожарник.
- Но нет тряпочки! - подняла палец дама.
- Тогда повесить! - закричал молодой лысый в очках.
- В каком смысле? - насторожился пожарник.
- На себе носить! – сказал тот, что постарше.
- Мокрую? - опять не поверила дама.
- Не понял? – прошептал пожарник.
- Что тут непонятного? - озлился молодой лысый в очках. Фирма обязуется обеспечить весь персонал нательными контейнерами для хранения противопожарных тряпок. Запишите в протокол рекомендацию господина пожарника.
- Я этого не рекомендовал. - Да уж, от Вас дожدهшься... - вздохнула дама.
- Я, кстати, читал в интернете... - сказал высокий блондин.
- Вы, главное, пожалуйста, не волнуйтесь, примирительно завел пожарник, пожары в Берлине бывают, в принципе, нечасто.
- Что значит нечасто? - закричали слева.
- Что значит в принципе? - закричали справа.
- На моем опыте... - начал, было, пожарник.
- Это не ответ!
- Он уходит от ответа!
- Он скрывает.
- От нас скрывают!
- Я так и знал, сказал первый парень.
- Ему дали соответствующие инструкции, - сказал второй парень.
- Я читал в интернете... - сказал высокий блондин.
- Нет, что Вы, - испугался пожарник.
- Статистику! - потребовали из задних рядов.

- Точных цифр у меня нет...

- Может, у вас и воды нет?

Наступила тяжелая пауза. Пожарник поймал себя на том, что ищет глазами запасный выход. Офис шел в наступление.

- Сколько времени едет пожарная команда?

- 5-8 минут.

- Так быстро? - сказал начальник.

- Так долго? - сказал молодой лысый в очках.

- Безобразия! - сказала дама.

- А сколько надо, чтобы сгореть? - впился в пожарника первый парень.

- Как? - не понял пожарник.

- Дотла! - взвыл парень.

- Это зависит...

- От чего зависит?

- От массы тела?

- Все зависит...

- У вас все зависит!

С пожарника лил пот. На него было страшно смотреть. В зловещей тишине были слышны только шуршание пакета с его непечатыми бутербродами, урчание голодных офисных желудков, и еще один, слегка посвистывающий, нежный звук, доносящийся из глубины конторы. Там, в углу, положив на компьютерный стол курчавую голову, безмятежно посапывал единственный иностранец. Он еще плохо знал язык, а после плотного обеда его совсем разморило.

Служащие обступили спящего. Пожарник исчез.

- Он же все пропустил! - сказала девушка без очков.

- Я сделал конспект, - сказал лысый в очках.

- А все-таки, как же я увижу, куда ползти, когда горит коридор, нет тряпочки, а я в туалете? - спросила дама.

Счастье

У нас под домом, в паршивом квартирном комплексе, засел кот. Как он туда попал, неизвестно, но ни менеджеру, ни хозяевам достать или выманить его оттуда не удавалось. Звериную зондеркоманду вызывали раза четыре. Те приезжали, совали крюки, соблазняли мясом, ничего. Вопит, но не вылезает. Застрял, что ли? Под вопли кота прошла неделя. Выпал и не растаял снег. «Замерзнет», сказал менеджер. Непременно замерзнет, сказали все. А мне сон приснился. Что пришла весна, я гуляю в лесочке около нашего паршивого комплекса и натыкаюсь на полосатую тряпочку. Натыкаюсь, наклоняюсь и обнаруживаю, что тряпочка эта – останки кота, вынесенные веселыми весенними ручейками из-под дома. Сон такой.

И вот теперь я встаю, надеваю на ночнушку куртку, на босые ноги валенки, и иду в темноту и собачий холод. Не видно ни хрена, скользко страшно, и непонятно, где засел этот придурок. Зову американского кота, за неимением лучшего, кися, кися. Тишина. Кися молчит. Может, замерз уже? Кися, кися. Нет, слышу, совсем охрипшие

звук из-под дома со стороны леса. Иду, дура, идиотка, больше всех надо, пару раз проваливаюсь в еще рыхлый, осенний снег, мрак полный, фонарик маленький, в паршивом комплексе спят все, кроме меня и кота. От злости на себя выступают слезы, но я ложусь на живот и ползу под дом, насколько позволяет моя конституция. Конституция позволяет застрять на уровне крыльца. Голова и плечи под домом, ноги наружу, живот в ледяной луже, валенки загребли снег: кися, кися. Кися хрипит, а на свет фонарика из темноты выплывают два безумных глаза. Вот он, зараза. Главное, не спугнуть. Замираю. В валенках мягко тает снег. Балда, вкрадчиво говорю я коту, ты знаешь, что с тобой будет? Подробно, снова и снова, как очень маленьким и очень старым, описываю коту его весеннее будущее, объясняю, что не уйду, ни за что не уйду, пока он не вылезет. Главное, как с угасающим больным в скорой помощи, говорить, говорить, не упуская, не отпуская пациента ни на секунду. И я говорю, говорю, рука с фонариком немеет, дрожит, кренится, ночнушка прилипает, примерзает ко льду на дне лужи, ноги свело, а кот без движения таращится на меня из темноты.

И тут он подвинулся мне навстречу. Тихонечко, чуть-чуть, совсем капельку, но потом еще, и еще. Промаяхнуться теперь нельзя, иначе спугнешь, и все пропало. А у меня моторика мимо, с детства, я же ни поймать, ни бросить, про попасть я уж не говорю. Эту мысль я не успеваю додумать, потому что, как бы отделившись от безмоторного тела под крыльцом, моя рука коброй выбрасывается вперед и молниеносно хватается котовую лапу в самый подходящий, в идеальный, в умопомрачительно точный момент. Схватив, вцепившись намертво, насмерть, выволакиваю наружу действительно оказавшегося полосатым исполинского кота. Ничего подобного даже в Америке видеть не приходилось: до недельного похудения под домом он весил, наверное, килограмм пятнадцать. Котище сразу обмяк, сдался и провис у меня в руках. Мокрая, околешая, вываленная в том, что скопилось под крыльцом паршивого квартирного комплекса, но победно держа кота перед собой, я направилась в квартиру менеджера. У самой менеджерской двери кот вдруг резко вытянулся и перевернулся у меня в руках. Я испугалась, но он не вырвался, а, наоборот, судорожно прижался всем телом к моей мокрой холодной куртке. Я инстинктивно подхватила его, и он, обхватив мою шею огромными лапами, уткнул свою лобастую тигриную морду мне в лицо. Дрожа и тихо всхлиывая, он тыкал и тыкал своим горячечным сухим носом мне в щеки, глаза и подбородок, возил царапучим языком по носу, лбу и волосам ... Мы стояли с ним так, кажется, довольно долго, и мне показалось, что менеджер сам открыл нам дверь. Кота забрали. Хозяйка горячо благодарили менеджера. А я узнала, что такое счастье.

Семен Ласкин

Мотя из семьи Дырочкиных

Главы из книги

Публикация Александра Ласкина

Мотя почти сорок лет спустя

Вместо предисловия

давно в московском издательстве «ЭНАС» вышла повесть «Мотя из семьи Дырочкиных», написанная петербургским прозаиком, драматургом и сценаристом Семеном Борисовичем Ласкиным (1930-2005). По поводу этой книги у меня есть не соображения, а воспоминания. Ведь я не только сын автора, но и прототип одного из главных героев.

Так вот на правах сына и прототипа я могу кое-что засвидетельствовать.

Во-первых, повесть написана человеком, который во время работы совсем не думал о том, что можно, а что нельзя. Как оказалось,

нельзя. Когда отец показал свое сочинение в детском издательстве, то стало ясно, что нельзя категорически.

Надо сразу сказать, что «Мотя из семьи Дырочкиных» создавалась в семидесятые годы. Как известно, время было строгое. Книжки разрешалось читать не любые. Да и говорить позволялось не обо всем. Если это правило касалось людей, то оно распространялось и на «братьев наших меньших». В том числе, на скайтерьера Мотю, от чьего имени написана повесть. Уж к лукавству и самоограничению эта собака не склонна. Если ей что-то нравилось или не нравилось, то она этого не скрывала.

Разумеется, Мотя не первой среди животных делится своими мыслями. Так сказать, подает голос. Вспомните хотя бы Каштанку. Впрочем, знаменитая дворняжка всегда помнила о своем скромном положении в мире живых существ.

Трудно представить Каштанку, занятую литературным творчеством. В этом ее главное отличие от Моти, которая буквально на первых страницах заявляет: «История! Записки о семье Дырочкиных!.. Никто, клянусь, никто кроме меня, такое выдюжить не способен».

В издательстве отцу предложили повесть переписать. Взять непосильные для животного размышления – и вложить их в голову более подготовленного к ним мальчика-первоклассника. Мол, зачем это детям? А уж тетям-редакторам просто ни к чему! Если в жизни мало игры, то пусть и в книжках ее будет в отмеренном количестве.

Еще редакторам не понравилось, что глава семейства Дырочкиных, драматург Борис Борисыч, – вроде как отрицательный персонаж. Кстати, Моте тоже так кажется. Если кто-то в этом семействе представляется ей самым неблагоприятным, то именно он.

Думается, она права. Существует ли что-то столь же диковинное, чем писатель, пишущий о разведчиках и оберштурмбанфюрерах, ничего в этом не понимая?

Что сделал отец? Расстроился? Наверное, расстроился. Впрочем, автору советского периода к редакторским замечаниям не привыкать. К тому же, он решил не столько переделать повесть, сколько написать ее заново.

Место Моти занял первоклассник Саня Дырочкин, а писатель Борис Борисыч, посвятивший себя делу едва ли не бессмысленному, обрел в высшей степени полезную профессию летчика.

Более того, вместо одной повести, отец написал две. Сначала «Саню Дырочкина – человека семейного», а потом вторую часть – «Саня Дырочкин – человек общественный». Первая книга вышла в 1978-м, вторая – в 1988-м году.

Книги эти очень хорошие. Некоторые учебники для младших классов включили их в список литературы для внеклассного чтения. «Саня Дырочкин – человек семейный» даже имел европейскую судьбу: в 1983 году повесть вышла отдельным изданием в Братиславе.

Все же чего-то очень важного, что было в первом варианте, в этих книгах нет. Может, вот этого упорного мотиного стремления что-то понять, а затем объяснить себе и другим.

К тому же из этих книг почти исчезла биографическая мотивировка. Безусловное для людей близких автору ощущение связи с той жизнью, которой когда-то жила наша семья.

Речь не о портретном сходстве. Если моя мать чем-то напоминает Ольгу Алексеевну, а я – Саню, то автор повести, как уже понятно, на Бориса Борисыча совсем непохож.

Так что же запечатлела повесть? Если не самих обитателей нашего дома, то что?

Прежде всего, она отразила наши с отцом увлечения. В конце семидесятых мы с ним выпускали журнал «Новый миф». Да, да, настоящий журнал. Со своей редколлегией, состоящей из знакомых животных, и даже собственным цензором. Кстати, орган Союза Собачьих писателей.

Конечно, у нас было алиби. Ведь редактором «Нового мифа» числилась Мотя, а мы ей только помогали по мере сил. Перепечатывали, делали иллюстрации, сшивали странички нитками.

Словом, вся техническая часть лежала на нас, а позиция журнала, как и полагается, определялась редактором. Хотя он, редактор, обожал хозяев, но имел и собственную точку зрения.

Легко представить, что за точка зрения была у Моти. Это при е-то росте чуть больше двадцати сантиметров и длинном-длинном туловище. То, на что человек не обратит внимание, собака заметит непременно.

Словом, жили весело. Подтрунивали над другими и, конечно, над собой. Ощущали себя свободными издателями, которые тем и отличаются от издателей несвободных, что могут пошутить и побалагурить.

Из наших увлечений и родилась повесть «Мотя из семьи Дырочкиных». Хотя ни о каком журнале она не рассказывает, но передает атмосферу беспечального творчества, которая сопутствовала появлению на свет «Нового мифа».

Так что тети из детского издательства все поняли верно. Они почувствовали, что сочинял это человек раскрепостившийся. Решивший, что между творчеством для себя, писанием текстов для самодельного журнала, и сочинением для других, нет особой разницы.

Нужны примеры? Пожалуйста! Открываю один из номеров журнала за 1969 год и читаю:

«Наш постоянный автор Саня Ласкин, - сообщается в разделе «Наши рекорды», - никогда не занимался спортом. Он подумал: «А хорошо ли это? Не пора ли установить рекорд?» «Пора», - сказал он себе, но было уже поздно. Он заболел ревматизмом. Теперь, выписавшись из больницы, автор «Нового мифа» решил установить рекорд в кровати. Он сделал самое большое число дыхательных упражнений. Его вдох и выдох - самый длинный в мире и равняется прыжку в высоту, установленному Брумелем до того, как он сломал ногу... Из любимых упражнений Сани одно мы приводим. Нужно лечь на спину, закрыть глаза и не открывать их часов двенадцать. Саня легко это делает ночью. Вечером, около десяти часов, он закрывает глаза, а открывает их в то же время уже утром. Вот до

чего можно развить мышцы бровей и век, если по-настоящему любить спорт».

А вот из раздела «Хроника»: «10 мая состоялись соревнования по плаванию между Гупиями и Меченосцами из аквариума семьи Зельдович. (Д.Р. Зельдович, замечательный врач, товарищ отца – А.Л.) Первыми к финишу пришел Меченосец по кличке Хромой... Хромой был первый возведен на сковородку и полыхал от счастья синим огнем. В минуты поджаривания мы обратились к меченосцу с вопросами:

- Как вы оцениваете свою жизнь?

- Я славно пожил, я видел воду...

- В каком виде вы предпочли бы оказаться на столе?

- В фаршированном! Ха-ха-ха! Умираю от смеха, когда думаю, как они меня будут фаршировать.

- Не хотите ли вы что-либо передать нашим читателям?»

Дальше располагался пустой квадрат, со всех сторон очерченный по линейке, а затем следовал такой текст: «Слова Меченосца Хромого написаны водяными чернилами и нам остается только догадываться о смысле его героического обращения... Интервью вел Эльтон Крученых, эрдель-терьер».

Это, так сказать, небольшой формат. А был еще крупный. Роман в письмах «Двадцать писем к другу, или Раковый корпус», пьеса «Бумеранг», печатание которой прекратилось «по техническим причинам», так как «авторы-друзья из-за неподеленного гонорара съели друг друга».

Кстати, упомянутый «роман в письмах» был еще одним вариантом мотиной истории. Как вы уже знаете, кое-что из ее писем отец включил в свою повесть.

Тут следует признаться, что в детстве я часто хворал и несколько раз лежал в больнице. Ясно, что собаку в палату не пустят, а потому отец каждый раз приносил мне послания от Моти. Так началась наша переписка: собака рассказывала, что случилось в мое отсутствие, а я описывал непростую больничную жизнь.

Думаю, вы обратите внимание, что герои повести постоянно разговаривают с Мотей. Спрашивают совета, ищут согласия, надеются на ее одобрение... Пусть собака преувеличивает, - это все же ее повесть! – но не так уж и сильно. В дружной семье буквально все – участники. Ведь если вы тепло относитесь к кому-то, то тоже получите в ответ.

Слово «ответ» может иметь расширительный смысл. Имеют к нему отношение и треугольники мотиных писем, напечатанных на пишущей машинке. Да и мотино молчание дорогого стоит. По крайней мере, для персонажей книги оно вполне красноречиво.

...После завершения «Моти из семьи Дырочкиных» прошло около сорока лет. Нынешние школьники уже не знают, что такое очереди за дефицитными товарами. И по поводу Дома творчества им надо объяснить: мол, это такое место, куда писатели приезжали не столько отдыхать, сколько работать... Что говорить! За эти годы изменилось само название страны.

Наш дом тоже не избежал потрясений. Уже давно нет на свете всегда остроумного и находчивого его хозяина. Впрочем, есть память очень многих людей. А еще написанные им книги. В том числе и та, о которой рассказано в этих коротких заметках.

Когда помнишь, то что-то обязательно произойдет... К примеру, эта повесть много лет пролежала в архиве, и мне уже казалось, что это навсегда. Так вот не навсегда! Нашлись люди, которые не только с удовольствием прочли мотину историю, но захотели, чтобы ее прочли другие.

Пройдет совсем немного, и читателям будет сложно представить: как он жил без этой книги? Без не очень собранного Сани, самоотверженной Ольги Алексеевны и несколько занудного Бориса Борисыча? А, главное, без Моти? Вот кто действительно молодец. Личность! Пусть эта личность предстает в собачьей шкуре, но это ничуть не умаляет ее обаяния и истинно человеческого достоинства.

Александр Ласкин

***

Семен Ласкин

Мотя из семьи Дырочкиных

Главы из книги

Короткое вступление

Хочу предупредить, что это будет грустная история. Веселые я не люблю.

Да и сами-то посудите, чего хорошего в веселой истории? Послушал, посмеялся, забыл. А вот грустная...

Бывает, слушаешь настоящую грустную историю и тело твое становится как бы невесомым, расслабленным. Голова покоем на лапах, глаза полузакрыты, а уши... Впрочем, в такие минуты разве уследишь - стоят ли уши?

Итак, попробую начать.

Правда, попробуйте-ка начать, когда столько еще нужно рассказать перед началом.

Кто есть кто?

Я, к примеру, собака, скайтерьер. Клянусь, что многие еще не знают нашей породы. Скайтерьеры редки. Их куда меньше, чем бульдогов, овчарок или болонок.

И все же, если вы на прогулке случайно встретите невысокую (до двадцати пяти сантиметров) собаку с большой квадратной, очень умной головой, собаку, вытянутую от кончика хвоста до кончика носа более чем на метр, с длинной, до полу, почти голубой шерстью, то вы сразу узнаете скайтерьера.

Без лишней скромности должна заявить, что произвожу огромное впечатление с первого взгляда. Люди останавливаются, как вкопанные, почти столбенеют, начинают бормотать слова восхищения. Таких большинство. К сожалению, человечество не однородно. Есть и такие, кто способен ранить меня словом. Каких только оскорблений я не

слышала за свою короткую жизнь. И пылесос! И полотер! И сороконожка! И смесь швабры с крокодилом! Один нашел, что я похожа на морского окуня, и это только потому, что у меня большая голова. Кстати, у него тоже голова не маленькая, однако я совсем не считаю, что он похож на лошадь.

Теперь о некоторых неточных данных в собачьих справочниках.

Кое-где обо мне написано, что я злобная, охотничья собака, промышляющая ловлей лис и выдр. Чушь! За свою жизнь я еще никого не поймала и даже не знаю, кого нужно было ловить. Вот мячик я ловить люблю, и шайбу у мальчишек ловить люблю, и самих мальчишек ловить люблю, если они меня об этом просят.

Не было еще во дворе такого мальчишки, у которого я бы не отбирала шайбы. Это, конечно, если не считать среди них моего Санечки, у которого я шайбы отобрать никак не могла, и только потому, что мой Санечка этой самой шайбы еще в руках не держал и даже не нюхал.

Дело в том, что мой Санечка предпочитает умственные занятия, книжки или газеты самые разные, потому что он у нас и есть умственный человек.

Кстати, книжки Саня читает любые, с картинками и совсем без картинок, что только в руки ему попадется, а вот газеты он берет с выбором. К примеру «Медицинскую газету», которую выписывает Ольга Алексеевна, Саня читает не всю, а только выбирает в ней самое интересное, скажем, о долголетии.

Вначале меня эта Саничкина книжность очень уж раздражала, и я при случае обязательно то одну его книжечку, то другую бывало пожую, но теперь на это дело хвостом махнула. Пускай его! Лишь бы гулять со мной не забывал выходить. (Но об этом позже.)

Скажу сразу, что особых событий в моем рассказе не будет, потому что я решила писать голую правду. Жизнь, как известно, не приключение. Жизнь есть жизнь.

Вот уже около года я живу в семье Дырочкиных и себя от них не отделяю. Их радости - мои радости, их беды - увы! - мои беды.

Живем мы в трехкомнатной квартире и коридоре.

Санечка имеет личный письменный стол и кровать. У Ольги Алексеевны (о ней позже) тоже есть стол, но он на кухне. Борис Борисыч (о нем тоже позже) как умственный человек, располагает целым кабинетом, там он спит и там же работает.

Коридор мой. Около двери стоит моя кровать, место прохладное, вполне приличное. Конечно, идеальным его не назовешь, но есть одно преимущество: из коридора мне видно всех Дырочкиных, поэтому и напрягаться не нужно, чтобы быть в курсе событий.

У всех нас имеются определенные обязанности.

Санечка, к примеру, обязан сразу же после школы погулять со мной.

Я обязана дожидаться Санечку, сколько бы он ни задерживался.

У Ольги Алексеевны так много обязанностей, что я прошу для них отдельную главу.

Борис Борисыч загружен по дому меньше всех (если не считать мусора, который он сам взялся выносить), но у него обязанности перед сотнями тысяч телезрителей (об этом еще будет сказано).

Одним словом, когда все помнят о своих обязанностях, то покой в семье полный.

Да! Кроме обязанностей, у каждого из нас есть хобби.

Объясню. Хобби - это страсть, увлечение, собирательство.

Ольга Алексеевна, к примеру, время от времени покупает медицинские книги и даже читает их. Так она отдыхает.

Борис Борисыч любит выстричь рецензию из газетки про своих знакомых писателей. Прочтет, повздыхает в отдельных случаях, скажет: «Хорошо отстегали беднягу, жаль парня», а потом аккуратно вырежет квадратик и спрячет.

Санечкино хобби мне тоже известно. Он стихи пишет. Правда, последние мне не попадались, стал скрывать. А вот раньше я их находила - бросал по всей комнате.

Для себя хобби я долго придумать не могла. Как-то решила собирать кости, но Ольга Алексеевна сразу же выволокла их из-под кровати и вышвырнула в ведро.

Тогда я размыслила иначе. Раз в нашем доме большинство пишет, то отчего же и мне не примкнуть к большинству. Конечно, я бы могла стишок написать, такое со мной уже случалось, но это дело не оригинальное, скажут: слизала с Санечки.

И тут мне в голову ударила гениальная мысль: летопись! Я даже залаяла от восторга и стала свой хвост ловить. Именно, летопись! История! Записки о семье Дырочкиных!

Никто, клянусь, никто кроме меня, такое выдюжить не способен.

Глава первая. Имя

Итак, пора представиться. Мое имя - Жмотика.

Странно?

Пожалуй.

Какое-то время я и сама так считала, но теперь мне это необычное слово нравится.

Имя мое имеет свою короткую историю, попробую рассказать.

Дело в том, что каждое новое поколение щенков моих родителей называли на какую-то новую букву. Самых старших на «А». Это были здравствующие теперь Агрегат, Атос, Атеросклероз и другие красавцы. Потом пошли на «Б»: Буцефал, Бабетта... На «В»: Верона, Валокардина, Ватрушка... Были и на «Г», и на «Д», и на «Е».

Я родилась на трудную и редкую букву – «Ж».

Говорят, когда меня принесли домой, то несколько дней все ходили чрезвычайно озабоченными. И не только родные, но и все друзья Бориса Борисыча и Ольги Алексеевны.

- Жоржета! - говорили они друг другу и смотрели в глаза, ожидая участия и поддержки.

- Нет, - возражали другие. - Это слишком торжественно и тяжело.

- Женева, Женева, Жерминаль, - подряд выкрикивали другие.
Но Ольга Алексеевна сомневалась.

Потом приходили Санечкины друзья. Оказывается, и они решили кое-что предложить.

- Ее можно назвать Ждунька, - говорили они. - А коротко - Дунька.

- Нет, - отчего-то не соглашалась Ольга Алексеевна.

- Тогда, Жручка? А коротко - Ручка.

- Нет, - упорствовала Ольга Алексеевна.

- Может, Жулька? А коротко - Жулик?

- Что вы, - вздыхала Ольга Алексеевна.

- Нужно, чтобы решила сама собака, - однажды заявили гости.

- Как же?

- А так.

И они написали все имена на бумажках, бумажки скатали в трубочки, трубочки кинули в шапку, там перемешали и высыпали на пол.

Потом Санечка достал меня из-под батареи и шепнул:

- Ищи, псинка!

И я стала искать. Говорят, я долго обнюхивала бумаги, но они не пахли. Это меня разозлило. И схватила зубами сразу три штуки.

- Жмота! - первый закричал Саня. - Жмота!

- Я возражаю, - сказал Борис Борисыч. - Разве это достойное имя для такой собаки.

- Собака может стать Жмотикой, - вмешался Валерий Карамзин, друг Бориса Борисыча, - а коротко ее зовите Тика.

И он тут же зацокал и затикал языком.

- Нет, - сказал Саня. - Тика нам не подходит. Это птичье имя. Я предлагаю звать ее Мотей.

- Только не Мотей! - закричал еще один друг Бориса Борисыча Эммануил Митрофанович Зетов и весь залился краской. - Заклинаю вас!

- Но почему же?

- Мотя, - сказал он, глядя себе под ноги. - Мотя - это мое имя, а Эммануил - псевдоним.

- Мы подумаем, - сдержанно сказал Борис Борисыч, но я поняла, что все решено.

...Итак, в середине марта того еще года имя Жмотика было занесено в мой паспорт.

Мои родители Алташ и Винцетта, - многократные медалисты, чемпионы страны по красоте среди собак нашей породы. Мой дедушка будто бы чемпион мира, но я этого не проверяла. Поговаривают, что весной и меня представят к награде. Впрочем, время покажет.

Первые месяцы я считала, что Мотя имя редкое, исключительное, но теперь я поняла, как ошибалась. Стоит погромче крикнуть «Мотя!», и почти все оборачиваются.

Я уже знаю:

- Марка Ивановича (он же Мотя).

- Матрену Васильевну (она же Мотя).

- Матвея Григорьевич (он же Мотя).

- Эммануила Митрофановича (см. выше).

- Андрея Вениаминовича (он же Мотя, но в домашней обстановке).

Так что когда Ольга Алексеевна начинала звать «Мотя! Мотя!» все сразу поднимали головы. Теперь я этому не удивляюсь. Привыкла.

Глава вторая. Борис Борисыч

Борис Борисыч - писатель. Большой писатель. Он на целую голову больше Санечки и на полголовы - Ольги Алексеевны. Он такой большой писатель, что я даже не пытаюсь грызть его туфли. Во-первых, туфли Бориса Борисыча большие и тяжелые, и я уже знаю, что легче сгрызть два туфля Санечки. Во-вторых, Борис Борисыч - нервный. Почему он такой нервный сказать трудно, но сам Борис Борисыч убежден, что нервные - все писатели, такая нервная у них работа.

- Вот у врача, - говорит Борис Борисыч про Ольгу Алексеевну - работа спокойная. Сам здоров, а другие болеют. И у шофера такси, - говорит он про соседа, - работа спокойная. Кати куда скажут, волноваться пассажир должен. И у продавца (это про другую соседку, в квартире напротив), - продавай себе и продавай. А вот у нас...

Попробуйте-ка полайте, когда Борис Борисыч садится за стол. Нет, не работать садится, а так просто. Сидит себе человек и сидит, а он оказывается сосредотачивается, собирает все свои мысли. Тут за стеной кот Мурзик, как назло, начинает точить о пол когти. Он всегда, бандист, скребется в тот момент, когда Борис Борисыч мысленно пьесу писать начинает. Я, конечно, терплю минуту-другую. Но ведь я как-никак собака, я этого безобразия оставить не могу. И так этот Мурзик распустился, что сил моих нет.

- Ррр... - говорю ему мирно, - Прекратите, Мерзик, ваши провокации.

А он как назло еще хуже царапается.

- Ав, - говорю приглушенно. И пугаюсь. Кресло Бориса Борисыча, как заводное, со скрежетом отлетает назад. Борис Борисыч вскакивает и начинает метаться.

- О, жуткое животное! - кричит он и так хлопает то одной, то другой дверью, что в квартире все трясется, - Кому нужна такая собака? Есть ли от нее польза человечеству? Нет, - отвечает он. - На что она способна? Ни на что! - отвечает он. - Кого она защитила от врагов? Никого! - отвечает он.

Я замираю, хотя это очень трудно, потому что Мурзик мерзостно хохочет за стенкой. Меня буквально переворачивает от его хохота.

- Боря, - спокойно говорит Ольга Алексеевна. - Что случилось?

- Она лает, - со слезами в голосе жалуется Борис Борисыч. - У меня нет места в своей квартире. Мне нечем дышать! (Будто воздух я его съела!) Я могу работать только в Доме творчества.

- Ну так поезжай, если здесь худо.

- И поеду.

- И поезжай.

Потом Борис Борисыч последний раз ударяет дверцей и исчезает в кабинете. В маленькую щелку валит табачный дым, но я молчу, как рыба. А вы знаете, что это такое? Приносят живого карпа или щуку из магазина и начинают чистить. Их чистят, а они только хвостом пошевеливают. И ни стона. Я тоже самое. Меня ругают, а я молчу. Думаю. Этого мне запретить никто не может.

О чем же я думаю в те минуты? О разном. Об Ольге Алексеевне. Ее дело не очень сложное: пришла с работы, сварила обед, подала на стол, постирала кое-чего, подмела полы, иногда – вымыла, и спи. Или Санечка. Тому только уроки сделай да со мной погуляй.

А вот Борис Борисыч... Полдня на дверях его кабинета висит знак - череп и указательный палец, - а внизу подпись: «Тихо! Идет работа!» Знаки у нас вывешиваются разного цвета. Синий - это еще ничего, можно иногда по коридору пройти, крадучись, правда. А вот если красный! Тут уж пожалуйста соблюдайте все правила, и чтобы никуда.

Должна сказать, что работает Борис Борисыч много. Сна у него нет. Бывает ходит ночи напролет по кабинету, не ложится, думает. Но чтобы я где-то его фамилию встречала, сказать не могу. По радио, правда, как-то о нем говорили, но так, что он потом неделю вздыхал и даже мокрым полотенцем обмотал голову. Вот денежные переводы у нас бывали. Договор, называется.

- Заключение, - говорит, - Мотья со мной договор на новую пьесу. Я, - говорит, - Мотья, в этот раз их потрясу – такая мысль во мне сидит... Психологический, Мотья, детектив. Мы, Мотья, еще докажем человечеству, кто есть Борис Борисыч Дырочкин.

Я ему верю. Я не сомневаюсь, что мой большой писатель Дырочкин напишет такую великую пьесу. Я подаю голос, и в этот раз Борис Борисыч меня понимает. Он говорит:

- Спасибо тебе, Мотья, за доверие.

Бывают в нашей семье минуты, когда Борис Борисыч решает прочитать написанное. Соберет всех. Я, конечно, Санечка, Ольга Алексеевна. И начнет. Тут уж не зевни, хотя удержаться непросто. И глаза не закрой - иначе, если не укусит, то рассвирепееет.

Сядет Борис Борисыч к письменному столу, разложит листочки, откашляется в кулак, вздохнет обреченно, мол, послушайте, дорогие мои, что тут я написал, хотя ничего вы в этом, конечно, не понимаете, и запоеет, затянет каждое слово.

Приведу отрывок:

Оберштурмбанфюрер (с неискренней улыбкой): Ах, штурмбанфюрер, вы мудрый, прекрасный человек. Но подумайте сами, если мы не поймает партизан, то тогда они, чего доброго, поймут нас.

Штурмбанфюрер (приглядываясь): А не кажется ли вам, мой дорогой, что в гестапо кто-то работает на них?

Оберштурмбанфюрер: С чего вы решили?

Штурмбанфюрер (убежденно): Мой принцип - никому не доверять. Даже себе (хохочет). Даже вам... (смотрит внимательно).

Оберштурмбанфюрер: Очень мудро. Мы усилим наблюдение друг за другом.

- Ну? - спрашивает у всех Борис Борисыч. - Как? Санечка молчит, он боится высказываться первым, но Ольга Алексеевна как правило удержаться не может. Начинает придирается.

- Так, - говорит, - Боря, люди не поступают. Так не выражаются. Я, - говорит, - Боря, твоим героям не верю.

Должна вам заметить, что такие минуты всегда тревожные. Я замираю. Жду.

- Напиши лучше! - вскипает Борис Борисыч. - Если ты знаешь, как они говорят, что же ты не писательница? Что же ты людей лечишь?

Тут я вскакиваю, начинаю носиться от Бориса Борисыча к Ольге Алексеевне, мешаю ссоре. Только они в эти минуты меня замечать не хотят.

- Я писать не умею, - спокойно так объясняет Ольга Алексеевна. - Но я читатель.

- А если ты читатель, - кричит Борис Борисыч и сразу же начинает обматывать голову мокрым полотенцем. - То твое дело читать, а не высказываться. Не было еще такого, чтобы читатель критиковал своего писателя!

- А ты не читай.

- А для кого я пишу?

- Так что же ты хочешь? Чтобы я молчала?

И Борис Борисыч начинает злиться - и я его понимаю, я с ним согласна. Подумайте, у человека такая нервная работа, он, может, месяц ночами писал, а они послушают минутку и тут же: плохо! Да если даже и плохо, то неужели нужно так сразу в лицо и ляпать. Ну скажи ему - хорошо, а подумай - плохо. И все будут очень довольны. Говорят, настоящие критики так и делают. Видно, этим и отличается Ольга Алексеевна от настоящих.

Глава третья. Ольга Алексеевна

Ольга Алексеевна, как было уже сказано, - врач, притом врач она участковый.

Я это так понимаю: у каждого человека есть свой участок, место, где он чувствует себя хозяином, где без него другим никак не обойтись.

Конечно, исключения и в этом бывают. У меня, к примеру, тоже есть свой участок - газон нашего садика, но если я туда не приду, то никто не заплачет, а вот если Ольга Алексеевна не придет, то заплачут многие, и, главное, дети.

Правда, не прийти Ольга Алексеевна не может, потому что она на своем участке и живет, сама такую работу себе подыскала.

Наш дом номер шесть стоит в центре участка, а остальные дома, в которых без Ольги Алексеевны не могут, - рядом.

И вот как раз потому, что Борис Борисыч такой большой и знаменитый писатель, а Ольга Алексеевна - участковый врач, без которого столько человек не могут, ко мне хорошее, а, иногда, и заискивающее отношение.

Выходишь на минутку и чувствуешь: все тебя любят.

- Мотя вышла! - кричат.

- Здравствуйте Мотя Борисовна! Что новенького в нашей литературе?

- Плиз, Мот!

Это Мишка Фигин так шутит, он в английской школе едва с тройки на тройку переваливается (я о нем рассказывать не хочу).

- Гутен морген, Мотьхен.

А это Юра, наш сосед и Саничкин приятель, серьезный, книжный такой человек, потому что всегда с немецкими книжками ходит и даже немецкие газеты каждый день получает. Я на него не обижаюсь.

- Шалом алейхем, Мотл! - кричит знакомый с другой лестницы, инвалид войны.

- Пламенный привет нашей Ольге Алексеевне!

Костыли он складывает в свою маленькую машинку и уезжает на работу, предварительно помахав мне рукой.

Теперь давайте спросим себя: за что же так уважают моих хозяев? Ну, Бориса Борисыча, понятно, он – писатель. А Ольга Алексеевна - так ли она необходима?

Да, бесспорно! (Или без сомнения?)

Посидите вечером у нас дома. И не просто так посидите, а, скажем, у телевизора. Откиньтесь на спинку кресла, вытяните ноги, расслабьтесь, но, главное, забудьте на секунду, что вы, именно вы, - участковый врач.

А на экране в этот момент происходит что-то такое, в чем только люди способны разобраться. Кино про шпионов или хоккей с шайкой. В эти мгновения даже Борис Борисыч работать перестает, не то что Ольга Алексеевна. Нет тебе ни обеда на завтра, ни завтрака на послезавтра, ни ужина на сегодня. Даже Санечкиных уроков уже нет, все он сделал, чтобы вечером посидеть, поволноваться.

И вот сидит вся моя семья у телевизора, а по экрану шпионы мелькают и в этот момент не только у Санечки, но и у Бориса Борисыча и Ольги Алексеевны выражения лиц самые воинственные: я тебе дам!

С середины фильма Борис Борисыч особенно нервничает, даже другим мешать начинает. Дело в том, что и у него в пьесе отчего-то такой же герой есть и точно такие же слова говорит, точно так же действует. Это большое несчастье, потому что Борис Борисыч почти работу кончал, а тут, оказывается, ему начинать нужно, все заново придумывать. И он начинает бегать по комнате, и страдать, и даже затыкает уши, и даже очень злится на Ольгу Алексеевну, потому что она в этот раз кино не ругает, ей отчего-то кино нравится.

И вдруг:

- Дззэинь!

Звонок. Даю голос и бегу в коридор. Ольга Алексеевна вздыхает и тоже идет в коридор. Санечка ничего не слышит, он следит, как один шпион перешпионивает другого. А Борис Борисыч, наоборот, садится в кресло и теперь мрачно и неподвижно смотрит на экран.

- Здравствуйте, Ольга Алексеевна, - со стеснением говорит дедушка того Мишки Фигина, который учится в английской школе. - Простите, что так поздно, но наш Миша пришел из школы совершенно

больной, с температурой тридцать девять. Не могли бы вы поглядеть нашего Мишу хотя бы одним глазком...

- Конечно, - говорит Ольга Алексеевна. - Я погляжу Мишу и не одним глазом, а двумя, потому что я ничего вполтину не умею делать.

Она идет в комнату, берет трубку, какие-то бумаги и выходит в коридор.

- Идемте... - говорит она.

- Нет, - говорит Мишин дедушка. - Вы наденьте пальто, иначе заболите. Нам через дорогу.

- Ничего, я простуды не боюсь, - говорит Ольга Алексеевна. - Мальчики, - кричит она Санечке и Борису Борисычу. - Я скоро.

- Ты куда? - вскакивает Борис Борисыч.

- К больному, - спокойно говорит Ольга Алексеевна. - О, вы меня извините, - говорит дедушка Фигин, - я разрушил ваш покой. И ты, Мотя, меня извини, я не принес тебе конфеток. Ты же, Мотя, любишь конфетки?

- Нет, она не любит, - строго говорит Ольга Алексеевна и этим очень меня удивляет. По-моему уже весь дом знает, что я их люблю.

Дверь закрывается и я остаюсь со своими мужчинами. Хорошее дело, думаю я, когда в тебе все нуждаются, но иногда все-таки неплохо бы и досмотреть кино.

Часов в десять, когда Санечка укладывается спать, Ольга Алексеевна снова берется за хозяйство. Дел дома много. Если не нужно стирать, то нужно что-то пришить, если пришить ненужно, то обед недоварен. А вот если все готово, то есть еще Санечкины уроки.

И Ольга Алексеевна берет Санечкин портфель, вынимает все Санечкины тетрадки и начинает решать сама все Санечкины примеры, а потом сравнивает их с теми, что решал до нее сам Санечка.

И тут оказывается, что часть арифметики у него не сделана, часть задач пропущена, некоторые примеры подогнаны под ответ.

- Саня, Саня, - вздыхает Ольга Алексеевна, - Я серьезно обеспокоена, что из тебя вырастет?

Я удивлена. Гляжу на моего Санечку, но из него ничего не растет. Такой, как всегда, худенький, бледненький, большеглазенький.

- Если ты думаешь, - продолжает Ольга Алексеевна - что тебе в жизни потребуется только литература, то ты ошибаешься. Еще неизвестно, что тебе больше потребуется в жизни.

И она начинает ему рассказывать самые жуткие истории, как росла без родителей, как в двенадцать лет пережила блокаду, как во время бомбежек тушила зажигательные бомбы.

Истории Ольги Алексеевны очень нравятся Сане. Он задает вначале один вопрос, потом другой, затем третий. Вопросам нет конца и вдруг Ольга Алексеевна начинает хмурится, замолкает, и тогда Санечка сам предлагает ей отойти в сторону: он, видите ли, решил сделать самостоятельно все домашние задания.

Глава четвертая. Друзья

Есть ли у нас друзья? А как же! И много. Только у всех разные. У Санечки я уже назвала Мишку Фигина и Юрочку-книжника, думаю, для этого рассказа они нам не очень потребуются. У меня - собаки: Джамал, Умка, Эльтон, они тоже к нашей повести отношения иметь не будут. А вот о некоторых приятелях Ольги Алексеевны и Бориса Борисыча я рассказать должна.

Это, конечно, Валерий Карамзин, писатель, автор известных у нас дома детских книг, и Виталия Тредиаковская, критик. Люди это совершенно разные по характеру. Валерий, например, человек тихий, неуверенный в себе. Напишет книжку, принесет Борису Борисычу посоветоваться, и если тот ее поругает, то начинает вздыхать тяжело и даже плакать. А вот когда его хвалят, сразу преобразается. Сядет прямее, плечи расправит, ногу на ногу закинет и еще задымит сигареткой.

- Ты, - скажет Борису Борисычу, - говори подробнее, не стесняйся. Значит, я вырос?

- Ты очень вырос, - подтвердит Борис Борисыч.

- Спасибо, - скажет Карамзин, - за поддержку. Побегу домой, нужно мне подумать хорошенько над сказанным.

И он вскакивает совершенно ошарашенный и начинает трясти Борису Борисычу руку, точно боится, что Борис Борисыч может взять слова обратно, а потом пойдет к Ольге Алексеевне в другую комнату и ей тоже руку потрясет. Еще непременно забежит к Санечке, ему скажет хорошее слово. У дверей Карамзин и про меня вспомнит, у него в кармане всегда конфеты есть.

Совсем другой человек - Виталия Тредиаковская. Она всегда веселая, всегда в настроении, и я ее, пожалуй, больше всех люблю, хотя она ни разу ни одной конфеты мне не дала, да у нее их и не бывает.

Растет Виталия или нет, сказать трудно, но толстеет наверняка. Теперь, каким бы боком она не выбегала, - все кругло.

Распахнет дверь, вскрикнет, расцелует Санечку. «Ах, как ты похорошел!», - воскликнет она. Затем бросится к Ольге Алексеевне, шепнет: «Милая моя, Оля, какая радость тебя увидеть!» Пожмет руку Борису Борисычу, поглядит молча ему в глаза: «Ни о чем не спрашиваю, - мрачно скажет, - понимаю, хуже некуда», - и упадет в кресло.

И тут же тры-ты-ты-ты, выпалит все новости, за пять минут. А когда выпалит - прикажет:

- Ставьте, ребятки, все что есть на стол, неужели не видите, как я умираю от голода, как худею на ваших глазах.

И всем сразу станет весело, потому что у нас очень любят, когда хорошо едят.

Так и сегодня. Ольга Алексеевна бросилась к холодильнику, достала пирог из блинной муки (она всегда его делает для скорости), потом вынула одно, другое, третье, раскидала салфеточки.

Борис Борисыч тоже взбодрился, надел фартук, рюмки расставляет, пробку из винной бутылки вытягивает, сам чай заварил. Смотреть любо-дорого, такая семья.

- Ну, Ольга, ты и молодец! - похваливает Виталия. - И как только успеваешь всегда? Нет, Борис, - говорит. - Ты свою Ольку недооцениваешь. Она тетка мировая. У меня, к примеру, еще постель не застелена, хотя седьмой час вечера, а у вас такой порядок, да еще собака живет.

- Да, - поддерживает Борис Борисыч, - что моя Ольга любит - это порядок. И что не любит - так беспорядок. Она и ночью лучше спать не станет, пока квартиру не подметет.

А Ольга Алексеевна только улыбается, да чай пьет. И будто бы это не о ней разговор идет, а о ком-то другом, обо мне, скажем.

И вот среди такого веселого и благополучного вечера обязательно раздастся звонок в дверь. И не один раз, а сразу много, короткие и длинные.

Мое дело, конечно, первой на сигнал реагировать: бежать и лаять. И я выскакиваю из-под стола, несусь в коридор, и там жду, когда Ольга Алексеевна повернет задвижку. Как правило, приходят к нам расстроенные бабушки или дедушки, и я их не пугаю, не рычу, а виляю хвостом, вроде бы их успокаиваю, потому что понимаю: им и без меня тошно. Но тут дверь распахнулась с уверенностью и на пороге появилась тетка ростом с Бориса Борисыча. Горя на ее лице не было, а, наоборот, была улыбочка до ушей, будто она безумно была рада, что встретила Ольгу Алексеевну и будто она уже семь стран обошла и, наконец, ее нашла. И что еще непонятнее, в руках у тетки был коричневый горшок с землей, только из него не цветок рос, а небритый такой огурец.

- Собаку привяжите! - распорядилась тетка. - Смотрите, какая она мохнатая.

- Наша собака не кусается, - вежливо так объяснила Ольга Алексеевна.

- Это вы так думаете, - говорит басом тетка, - а что собака считает, никто сказать не может, нет таких данных науки.

Тут Санечка встал, поднял меня на руки и стал гладить, чтобы я не обижалась. Я же, честно сказать, ухом даже не повела, иногда приятно, если принимают тебя за зверя.

- Вот это другое дело, - говорит тетка и отодвигает плечом Ольгу Алексеевну, а сама направляется в комнату, где пьют чай Борис Борисыч и Виталия Тредиаковская.

И тут я ее вспомнила. Это же тетка из нашего домового начальства, она лифты включает и выключает, когда хочет. Может, к примеру, днем выключить, и тогда весь дом пешком ходит до девятого этажа, может вечером отключить, а может и вообще не дать ток, такая у нее большая власть над лифтами.

- Не хотите ли с нами чаю выпить, - любезно говорит Борис Борисыч.

- Чая?!? - удивляется тетка и долго на стол глядит, с тарелки на тарелку глаза переводит. - Да, нет, - говорит она, - Я еще не обедала.

- А мы уже пообедали, - улыбается Борис Борисыч.

- Жаль, - говорит тетка. - Но ничего не поделаешь, можете, говорит, мне налить рюмочку, одну, к сожалению, потому что я сейчас на рабочей нахожусь вахте, лифты пускаю.

- Пожалуйста, - говорит Борис Борисыч. - Чем мы можем служить?

- А у меня, - говорит тетка, - две просьбы к вашей жене, большая просьба и маленькая.

- И какие же у вас две просьбы?

- Маленькая просьба - не посмотрите ли вы мою тетю? Она сегодня из деревни приехала и на голову жалуется. У нее в деревне их фершал одиножды намерил давление крови на мозг, так мы захотели показать нашу любимую тетю врачу, а про вас в нашем дворе говорят, что врач вы хороший.

- Но я же детский врач, - извиняется Ольга Алексеевна, - Вы лучше завтра к взрослому врачу сведите свою тетю и посоветуйтесь.

- Может, вы идти не хотите, потому что у вас гости, - не слушая Ольгу Алексеевну, говорит лифтерша. - Так гости все же не больные, здоровый человек может и без врача обойтись, а тетя моя непременно вам бы хотела показаться. Да и чего до завтра нам ждать, когда у нее сегодня голова раскалывается. Вдруг к завтраму она у нее болеть перестанет, и никто не сможет узнать всей правды про мою тетю.

- Ну что ж, - говорит Ольга Алексеевна. - Я схожу, раз вы так настаиваете. Только у вас есть и большая просьба.

- Да, - говорит лифтерша, - Вот я хочу подарить вам кактус, этот цветок. Теперь все собирают кактусы, так как модно, и я хочу именно вам его подарить.

- Но я не собираю.

- Вот поэтому и прошу. Возьмите его и собирайте. Это очень красивый цветок, хотя и безобразный. А потом, говорят, ваш муж - писатель, а как же писатель без живого уголка, без природы?

- А нельзя ли не брать? - обращается Ольга Алексеевна.

- Нельзя, - убежденно говорит тетка. Во-первых, мне он совсем надоел дома, вытирать начнешь - руки исколешь, а, во-вторых, если вы не возьмете, то я его выкину на помойку, где он и погибнет во цвете лет.

- Слушайте, - перебивает всех Таля. - Давайте его мне, а то у меня дома пустынно, так хоть одно живое существо поселится.

- Очень одобряю, - говорит лифтерша и ставит кактус к Виталии по правую руку. - Тем более что это как раз и есть пустынный цветок, он вашего вида домашнего не испортит. Запаха от него нет, поливать можно редко, да еще любой жидкостью, хоть чернилами, лишь бы мокро.

Потом лифтерша снова поворачивается к Ольге Алексеевне и говорит.

- Ну что ж, не будем терять времени. Пойдемте к моей тете, тем более что меня лифты ждут, я их временно выключила, пока занята другим делом. Нельзя, сами понимаете, оставлять их без присмотра.

- Дорогая Таля, - говорит Ольга Алексеевна. - Вы, надеюсь, на меня не рассердитесь, я через полчаса приду.

- Идите, идите, - разрешает Виталия. - И выполняйте свой долг. Я даже завидую, что вы постоянно нужны людям.

- Совершенно верно, - соглашается лифтерша.

Она отступает в сторону, пропускает вперед Ольгу Алексеевну, потом пристально смотрит на меня и на Санечку и грозно так спрашивает:

- Скажи, мальчик, не ты в лифте лампочку выкрутил?

- Нет, - удивляется Санечка.

- Смотри, - говорит лифтерша и грозит пальцем. - Поймаю - откручу голову.

Глава пятая. Перчатки

О Санечкиных уроках я уже немного рассказывала и все же чуть-чуть дополню.

Дело в том, что иногда эти занятия у него так затягиваются, что уже сил моих нет терпеть, приходится напомнить, что я тоже существую и что по отношению ко мне у него есть долг и обязанности.

И вот, в момент такого моего возмущения, я выбираюсь из-под дивана и начинаю стучать лапами в дверь или даже скулю.

- Благодаря собаку, - скажет Ольга Алексеевна, - Не она бы, не видеть тебе улицы.

И уйдет.

В такие моменты Санечка одевается как пожарник, сама его не узнаю. Быстро, ловко, видно ему хочется скорее из дома уйти.

Не успею оглянуться, а мы уже в лифте.

- Ну, Мотька, - скажет со вздохом, - спасибо, выручила.

А гулять с ним - одно удовольствие. Он, как правило, на одном месте стоит, мерзнет, а я ношусь.

Вот и теперь! Выскочила из лифта - и в снег! Бегу, лаю - вызываю друзей.

А погода во дворе - блеск! В глазах рябит - так чисто. На пустыре ребята в хоккей гоняют. Я к ним.

Не сразу, конечно, но в игру приняли. Ну и погоняла же я их.

Клюшки у меня нет, но ноги слушаются. Хватила шайбу зубами - и дёру.

Они кричат:

- Окружай! Блокируй Мотьку! С флангов забегай!

А я напролом, молча.

У одного между ног прошмыгнула, другого обвела, рванула во весь опор через сугробы.

Всю игру один папаша испортил. Выскочил из парадной и как закричит:

- Пса, пса держите! С цепи сорвался! Он же детей перекусает!

У меня даже настроение испортилось. Есть же еще психи. Собаку увидят - и в панику. С чего это собака будет детей кусать, если ребенок ей друг.

Плюнула я на него шайбой, и к Санечке.

Впрочем, на Санечку в таких случаях надежд никаких. Он даже не слышал, как меня оскорбляли, как издевались над моими лучшими

чувствами. Встал, инвалид, на крыльце, привалился спиной к косяку, втянул шею в воротник, чтобы, не дай бог, не закоченеть совсем, и сам книжечку читает. Побледнел от ужаса - что-то там страшное написано, губами шевелит. Это, понимаете ли, культурный отдых.

Посидела я около него, поскулила на всякий случай, - он даже головы не поднял, - и побежала дальше.

Пока у меня занятия не было - я с прохожими здоровалась. Во дворе почти все знакомые. Вышел из какой-нибудь парадной человек, догонишь его, хвостом повертишь, поздороваешься. А он тебе улыбнется благодарно, каждому приятно такое внимание.

И вот поносила я несколько минут по двору и вдруг заметила ту лифтершу, которая вчера к нам приходила за Ольгой Алексеевной.

Вернее, вначале я ее ноги увидела. Я всегда вначале ноги замечаю, по ним характер человека отгадываю. И вот, смотрю, идут на меня сапоги, стучат по тротуару - раз-два, будто солдат какой.

Подняла голову и обрадовалась, бросилась к ней.

А тетка как-то странно и непонятно себя повела.

- Брысь, - кричит, - Мотя!

Будто котом меня считает, или это специальное оскорбление.

- Где, - кричит, - тут хозяева? Кто - орет - тут правила нарушил, собаку без намордника выпустил?

А сама одну ногу поднимает и, главное, в пасть мне перчатки сует.

Сначала я подумала: зачем мне перчатки? На лапы их не наденешь, хвост у меня не мерзнет. Поэтому я отскакивала, не брала. Отбегу, а она опять будто бы меня зовет, перчаткой машет. Ладно, думаю, перчатка не бог весть какая еда, не сосиска, но попробовать, раз дают - можно. Взяла осторожно ее зубами - и в сторону. (Это у меня такая привычка, не есть при всех).

Что тут началось! Крик, визг! Тетка прямо зашлась от восторга.

- Мотька, - кричит, а сама даже трясется, - мою перчатку ест! Глядите, товарищи, будьте при этом свидетелями!

Санечка, что и требовалось ожидать, ничегошеньки не понял. Бросился за мной, отнимать, но я его слегка зубами прихватила, чтобы он не в свое дело не лез, отбежала еще и жую спокойно.

Чего тут с теткой происходит только не начало! Не кричит, а хрипит и лает уже.

А перчатка намочла немного, потоньше, да поменьше сделалась - можно и проглотить. С первой попытки, конечно, у меня бы не вышло. Но я запихала ее в пасть поглубже, понеслась по двору. На секунду встала она у меня в горле - весь свет погас - и вдруг прошла. Я даже на задние лапы осела, так сразу легче сделалось.

А тетка Санечке другую перчатку сует, чтобы он теперь съел. Но Санечка не стал, где ему. И правильно, кстати, сделал: мне уже и от первой перчатки худо. Жжет. Режет в животе. Огнем палит.

Принялась я хватать снег - такая жажда! - а не помогает.

И тут подошел Саня, присел, потрепал меня по шерсти и отчего-то грустно так и убедительно сказал:

- Пропали мы, Мотька. Ну и влетит нам теперь за эту перчатку.

Вечером мы с Санечкой остались дома вдвоем. У Ольги Алексеевны оказался поздний прием больных, а у Бориса Борисыча тоже неотложное дело. Саня, когда Ольга Алексеевна уходила, молчал, хотя, я видела, он очень чем-то встревожен. Но вот, когда Борис Борисыч надел шапку и начал вертеться около зеркала, и то ее, шапку, на затылок сдвигать, то, наоборот, ко лбу двигать, тут Саня взмолился.

- Не уходи, - говорит, - папа, я, - говорит, - боюсь один оставаться дома. У меня какое-то есть предчувствие...

- Нет, мой мальчик, - отвечает ему Борис Борисыч, - ты явно чего-то не того, какие же могут быть у тебя предчувствия? У меня, - говорит, - мальчик, деловая встреча, - и опять двигает шапкой, но теперь набекрень.

После этого он направляется к двери и громко ее захлопывает.

Помню, я еще внезапно подумала: что это Санечка такой стал пугливый?

А Саня сел на корточки, притянул мою голову к себе и объяснил.

- Понимаешь, Мотька, боюсь, что лифтерша без них придет и станет драться. Если она из-за лампочки грозилась оторвать мне голову, то из-за перчатки...

И он пошел в свою комнату, писать последние письма маме и папе, а мне, как он вспомнил о перчатке, сделалось еще невыносимее внутри.

Я залезла под кровать и решила писать стихи, это у меня чисто нервное. Со мной это бывает, как известно из предыдущих глав.

Лифтерше Стих

Зачем шерстяную перчатку мне дали?
Зачем?
Уж лучше б глаза мои вас не видали,
совсем.
Теперь я страдаю, ах, как я страдаю!
Увы!
Я вся изнутри, как огонь полыхаю,
А вы?

Конец такой (еще не отшлифовано):

Я вся шерстяная внутри и снаружи,
Трам-трам.
Могло бы быть и хуже, да некуда хуже.
Бам-бам!

Конечно, это только набросок, и я бы его доделала, но тут в дверь позвонили.

Санечка сразу же вскочил, бледный, испуганный, бросился ко мне.

- Молчи, Мотья! Это она, лифтерша! Мы не должны себя выдавать!

А звонки стали чаще. И то длинных несколько, то масса коротких, всю душу искололи.

- Молчи, Мотья, молчи! - умоляет Санечка. - Нет нас дома.

И он начинает носить из всех комнат стулья, класть их друг на друга, делать баррикаду.

И он уже все двенадцать стульев взгромоздил у дверей, а сверху покидал диванные подушки, а потом подтащил тумбочку и ею все это сооружение придавил.

Пока он работал, лифтерша приутихла, ушла вроде бы. Но только мы с Саней пот со лба стерли, как раздались новые страшные удары по двери, и что-то затрещало, и я поняла - это она топором замок перерубает.

Поглядел на меня Саня грустными глазами, попрощался со мной мысленно и понесся в спальню, баррикадировать еще одну дверь. Не знаю, откуда у него силы взялись. Смотрю, кровать волочит.

И тут, наконец, в замке треснуло, дверь распахнулась, и такой начался грохот и стоны, что я вынуждена была спрятаться в кухне.

- Ааа! - слышу, - Бам-ба-ра-бам! Трах-та-ра-рах! Кррр!

Это, оказывается, вся баррикада обвалилась на лестницу, и кого-то видно пришибло.

И вдруг вижу на кухне самого Бориса Борисыча. Без пиджака, рукава рубашки закатаны, ноги расставлены, в руках - топор, а в глазах - слезы.

- О, где мой сын? - спрашивает он сам себя. - Где мальчик мой любимый?

И ждет.

- Молчание! - бормочет он. - Ни всхлипа, ни дыханья... Мне этого не пережить!

- Стоять на месте! - звучит из спальни голос Санечки. - Я вам не доверяю! Матвей, мой пес, бандита взять!

(Я, наконец, поняла, это из пьесы Бориса Борисыча. Он нам ее недавно читал. И Саня выкрикнул, что пострашнее).

- О, сын! Ты жив?! Какое это счастье для сердца старого отца!

Протягивает руки, бросается к дверям.

(И это из пьесы. Конец второго акта. Борис Борисыч очень хорошо произнес).

- Жив, - сдавленно подтверждает Санечка и выглядывает из дверей. - Папа? - говорит он. - Значит, это ты ломал двери?

- О да, мой сын! Ты истерзал мне сердце, я вынужден к тебе был прорубаться топором! Но отчего, скажи мне, отчего, ты совершил такой поступок?

- Но я думал - это лифтерша...

И тогда Борис Борисыч печально поглядел на соседей, которые уже заполнили весь коридор, а некоторые расселись на стульях вдоль стены, и убедительно всех попросил:

- О, граждане! Прошу вас, удалитесь!

Позвольте разобраться самому.
Ребенок мой, мой мальчик-несмышленыш,
Надумал себе жуткую картину,
Каких-то начитавшись диких книг!

Владимир Порудоминский

"Мы теряем лета наши, как звук..."

Отрывок

асов я теперь не ношу. И не только потому, что браслет стал широк и сваливается с руки. В моем распорядке дня осталось немного дел, которые побуждали бы меня тревожно сверяться с часами. Большую часть того, что я делаю, я могу делать быстрее или медленнее, сделать раньше или позже. Прежде была необходимость, а с нею и потребность рассчитывать свои планы по времени, - теперь это раздражает меня и даже угнетает.

Банальность, но — неоспоримая: время с годами летит все быстрее. Всякий намеченный наперед срок устрашающе близок, изначально ничтожно мал — и как абсолютное число, и по отношению к прожитой, оставшейся позади жизни, и учитывая эту скорость приближения к нему. И вместе так же устрашающе далек, ибо надо прожить его.

Я завел для себя шутку: вечером расстелил постель, утром застелил, - и, пожалуйста, снова пятница. А некогда всякое утро открывало долгий, громоздящийся замыслами, надеждами и возможностями день, где-то в конце которого лепился такой далекий поутру, почти миражный, дразнивший удачами вечер.

Среди объяснений этого все более заметно ускоряющегося с годами движения времени есть и такое, мне понятное: ощущение нарастающей скорости возникает как результат отношения реально протекшего отрезка времени к возрасту. Для восьмилетнего мальчика год вдесятеро дольше, чем для восьмидесятилетнего старика.

У Розанова я прочитал: взрослый человек как-то больше года, но для ребенка год — век: ждешь и не дождешься Рождества, и точно никогда не придет (Розанов написал это совсем молодым: только-только пятьдесят стукнуло).

Время, заполняемое постоянными обретениями молодости и, в особенности, детства, обширнее и весит больше, нежели обесцененное нажитым к старости опытом.

Лев Николаевич Толстой писал, что в первые пять лет жизни приобретал так много и так быстро, что за всю остальную жизнь не приобрел и 1/100 того: „От пятилетнего ребенка до меня только один шаг.

А от новорожденного до пятилетнего – страшное расстояние. От зародыша до новорожденного – пучина. А от несуществования до новорожденного отделяет уже не пучина, а непостижимость“.

Когда-то я подсчитал, что оказался старше всех героев „Войны и мира“ за исключением Кутузова. Теперь годы промелькнули – уже и Кутузов далеко позади...

Кутузов появляется на страницах книги шестидесяти лет. Первые движения, которыми он обозначен: идет вяло, медленно, тяжело ступает. Жирная грудь, пухлая со складками шея, малая, без охоты, подвижность, седина, скучающее выражение, апатия, лишь в редкие решительные минуты его оставляющая, главное же – эта всё познавшая старость и совершенная опытность жизни с их как бы изначальным пониманием того, что было, есть и будет, побуждавшие его без участливого интереса, даже с презрением относиться к уму, чувству, знанию окружающих (читаем у Толстого).

В годы, которые для его Кутузова возраст всё познавшей старости, сам Лев Николаевич, наверно, более чем прежде распахнут навстречу всему, что творится в мире, с особенной устремленностью ищет, уясняет истину, старается всем открыть ее, он убежден, что „пришел огонь свести на землю“, пишет книги, пашет поле, колет дрова, косит, совершает пешие походы из Москвы в Ясную Поляну. В шестьдесят он становится отцом. И в семьдесят способен стать... (Кутузов, возможно, тоже был отцом в шестьдесят, в шестьдесят пять; до семидесяти не дожил. Известно, что старый фельдмаршал отличался женолюбием и проводил часы отдыха с молодыми наложницами...)

Интересно, каким бы стал Кутузов в „Войне и мире“, если бы Толстой писал книгу в семьдесят лет, а не в неполных сорок.

Абсолютные цифры пугают, конечно: семьдесят, восемьдесят, ну, девяносто, а дальше – что?.. Но услужливый ум ловко перекраивает представления о возрасте (Корней Иванович Чуковский сказал на чьем-то юбилее: семьдесят лет – прекрасный возраст, но понимаешь это в восемьдесят), утешает сравнениями (Н. в восемьдесят пять еще такое выделяет). Нам, наконец, дарованы добрые минуты – забывать. Бертольд Брехт в стихотворении „Похвала забывчивости“ пишет: „Слабость памяти дарует людям силу“.

Наступление (становление) старости осознается с цифрами, но цифры всё же показатель возраста, а не старости. Суть старости – иное *наступление* (боевые действия: ты в окружении, кольцо сжимается). Старость – это наступление ограничений. Ограничивается время, тебе всякий раз отпускаемое, пространство, которое ты еще способен одолеть, ограничиваются твои желания, возможности, общения, планы, даже разнообразие и количество еды в твоей тарелке... Наступление продолжается, ты теряешь позицию за позицией, но, пока „жить упорная способность“ (по слову поэта) тобой не утрачена, ты, даже уступая раздражению, не посмеешь сказать всерьез о наступлении вражеском: старость, сказал кто-то (может быть, тоже поэт) – единственный способ жить долго.

В конечном счете, жизнь в старости, как и творчество, - *энергия заблуждения...*

До поры я восхищался: с каким удивительным проникновением написал Чехов в „Скучной истории“ - самому тридцати не было! - своего старика-профессора. Теперь я с недоверием читаю про вставные зубы, лысую голову, трясущиеся руки и ноги, впалую грудь, шею, похожую на ручку контрабаса, неизлечимый тик *шестидесятидвухлетнего* старика, который к тому же повторяет, что скоро умрет. Описание кажется мне штучным, преувеличенным. Чехов то ли испугался представшей в воображении старости с ее ограничениями, то ли с присущей ему беспощадностью посмеялся над ней. Через десять лет после „Скучной истории“, уже тяжело больной и сознававший это, он, пусть шутя, прикидывал прожить до восьмидесяти (впрочем, в психической жизни случайного не бывает, утверждал не желавший сдаваться старости Зигмунд Фрейд).

За эти десять лет отношения Чехова со старостью совершенно переменились, прежде всего переменилось ощущение и осознание отпущенных сроков, - тем более что доктор Чехов, как и писатель, был беспощаден в оценках.

Когда тяжелое кровохарканье уложило Чехова в Остроумовскую клинику, Толстой пришел навестить его. Подробно об этом посещении Чехов не рассказывал. Однажды заметил – опять же, шутя: Толстой, наслышавшись о его опасном состоянии, ожидал найти его чуть ли не умирающим, когда же этого не оказалось, даже выразил на своем лице некоторое разочарование. Чехов проницателен: известно, что Толстой с интересом навещал умирающих, пристально в них вглядывался (всё старался отгадать томившую его загадку). Говорили о бессмертии. Толстой – так его понял Чехов – утверждал, будто человек, умирая, оказывается в некоем общем *начале*, сущность и цели которого неизвестны. Чехову это начало представилось в виде бесформенной студенистой массы, с которой сольется его индивидуальность, его *Я* – он не понимал такого бессмертия и не хотел его. Они говорили долго (потом у Чехова опять сильно пошла кровь горлом), но к согласию не пришли. Думая об этой встрече, представляю себе изнемогшего, харкающего кровью Чехова и появившегося перед ним крепкого, без малого семидесятилетнего старика, который в эти дни, по свидетельству близких, был как-то особенно здоров и бодр, и сам писал, что больше радуется, чем унывает (еще и конец марта, ранняя весна, любимое Толстым время года, его освежающее).

Не уверен, что желал бы, чтобы мое *Я*, именно то самое, с которым прожил свои земные пределы, которое, добавлю, во многом и образовалось в этих пределах, оставалось вечно нетронутым, неизменным, да и не верю, что такое возможно. Будь так, наш переход в вечность, если она и в самом деле существует, стал бы не более как перелетом на другую, точно такую же, как та, что отведена нам для обитания, планету, где всем нам предстоит существовать не в новой совокупности, а в виде простой суммы прежних индивидуальностей. Посвоему заманчиво, но неинтересно!..

Лев Николаевич, впрочем, тоже вряд ли уготовлял себе место в единообразном студенистом растворе. Судя по некоторым его высказываниям он, похоже, не исключал повторяемости своего появления в нашем земном мире. О бессмертии души он говорил, что не может себе представить бесконечности только в одну сторону. Он предположил также, что человек неосознанно хранит память о себе прошлым и с каждым новым воплощением корректирует себя – становится совершеннее.

Когда бы ни проснулся, я сразу же замечательно точно, почти до минуты угадываю, который час. Привычка к ночи.

Древние евреи делили двенадцать ночных часов (от шести вечера до шести утра) на три стражи по четыре часа в каждой. Потом был принят римский счет – четыре стражи по три часа. Начало третьей стражи по древнееврейскому делению совпадает с ее окончанием по делению римскому (с двух до трех); к этой поре страхи, генетически погребенные в глубинах человеческой души как след растерянности, угнетающей наших древних предков с наступлением темноты, сменяются пробуждением покоя, ныне уже незамечаемым ощущением безопасности после перенесенной тревоги, тем настроением утра, которое вечера мудренее (знаю по себе, хотя сам человек вечерний, ночной, „сова“, по принятому теперь делению людей на „сов“ и „жаворонков“, – тучи на душе снова начинают сгущаться не в третью стражу, в более поздние часы). В третью стражу время для человека, спящего глубоким, здоровым сном, проносится легко и неприметно. „...Перед очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, как стража в ночи...“ – говорит Псалмопевец.

В нашем доме долго была в употреблении простая фарфоровая прямоугольная чайница с навинчивающейся медной крышечкой (и сейчас, сломанная и некрасиво мною склеенная, лишь бы не развалилась, таится где-нибудь в кладовке). Если ее перевернуть, на дне – старинным шрифтом – дата: 1824. Чайница могла быть у Пушкина в Михайловском. Я любил представлять себе, как Пушкин отвинчивает крышку, длинными пальцами захватывает щепотку душистого китайского чая, бросает в чайник или кружку. Время от этого сжималось. Старшая дочь Пушкина менее десяти лет не дожила до моего рождения. Я встречал людей, которые ее застали. Я был в добрых отношениях с семейством, в котором сошлись потомки Пушкина и Гоголя (племянник Гоголя был женат на внучке Пушкина).

„...Мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет...“ (Псалом 89)

Средний возраст русского писателя XVIII-XIX веков – времени русской классики – 57 лет. Высчитано весьма старательно. Вопреки расхожим представлениям о трагической судьбе служителей муз и, соответственно, о свыше им отпущенной недолговечности, лишь малая часть из них (6%) оставила мир в молодости, до тридцати лет. Возраст „большой крепости“ – восемьдесят – пережило почти вдвое больше.

Двадцати двух лет расстался с жизнью Дмитрий Веневитинов. Ему оказалась не по силам „тяжесть атмосферы“ (как выразился – не о

Веневитинове, конечно, - мудрый Гете, сам выдюживший под этой тяжестью до девятого десятка и на семьдесят пятом году жизни вознамерившийся жениться на девятнадцатилетней девушке). Молодой русский поэт умер от меланхолии, от страсти безотрадной и от того, что, выходя с бала, простудился. Его обогнала лишь феноменальная Елизавета Кульман, опочившая и вовсе лишь семнадцати годов от роду. Девушка знала одиннадцать языков, на восьми говорила и чуть ли не со стольких же переводила стихами и прозой. В одной из эпитафий на ее надгробии (а их было сделано одиннадцать по числу знаемых ею языков) высказано предположение, что Бог послал ее на землю не для того, чтобы оставить здесь, а чтобы только показать миру. Умерла она тоже от простуды – ее брат праздновал свадьбу, когда началось знаменитое петербургское наводнение, описанное в „Медном Всаднике“.

Число „37“ в табели писательского века не смотрится роковым: это Пушкин, да сто лет спустя Маяковский сделали его таким, - имеются числа, которые повторяются чаще...

Острослов Сергей Довлатов, услышав, как сетуют эмигрантские мамы, что их обамериканившиеся дети не станут читать Достоевского, отозвался весело: „Пушкин тоже Достоевского не читал – и ничего“. Проживи Пушкин средний писательский век, он успел бы прочитать „Бедных людей“ и „Двойника“, „Белые ночи“ и „Неточку Незванову“, сотрудничал бы – или отказался сотрудничать – в некогда им основанном, но перешедшем в руки Некрасова „Современнике“, не камер-юнкером, конечно, камергером, возможно, сенатором, следовал бы за гробом Николая Первого, дождался бы возвращения из Сибири друга бесценного Ивана Пушина.

Среди добрых приятелей Пушкина находим Федора Глинку, писавшего огромные поэмы, в том числе и мистические, но оставшегося в памяти народной песнями „Вот мчится тройка почтовая“ и „Не слышно шума городского“. Федор Глинка испытал гонения, был в ссылке, даже в крепости сидел, что не помешало ему стать одним из главных долгожителей русской литературы. Федору Глинке отпущено было 94 года: родился тринадцатью годами раньше Пушкина, умер сорока тремя годами позже. Его девяносто четыре как бы сумма среднего возраста русского писателя и лет, прожитых Пушкиным. Если бы Пушкину достался век его старшего приятеля (а ведь могло случиться – друг Вяземский дотянул до восьмидесяти шести), он – только представить себе! - ушел бы из жизни в 1893 году: пережил бы едва не всю отечественную классику, ныне ведущую от него родословную, - и Достоевского, и Некрасова, и Тургенева, прочитал бы „Войну и мир“, „Анну Каренину“ и многие иные сочинения своего четвероюродного племянника Льва Толстого, да что там – он и с Чеховым имел бы случай познакомиться. Сам же Чехов, ежели бы одолел средний писательский возраст как раз сумел бы хватить 1917 года; вздумай же он подражать все тому же Федору Глинке, скромно доживал бы в Париже, возможно, - не по умыслу, а по решению жюри, - отнял бы у Бунина нобелевскую награду, а то, глядишь, задержался бы в Москве, помалкивал бы и подремывал на заседаниях секции прозы в Союзе писателей, как

помалкивали и подремывали его задержавшиеся современники Телешев или Вересаев...

Владимир Гандельсман, Валерий Черешня

Стихотворения Симора Гласса

своей повести «Симор: Введение» Джером Сэлинджер пытается воссоздать образ брата повествователя, несомненного гения, не нашедшего (и не искавшего) форм воплощения, в которых мы привыкли гениальность опознавать. Речь идёт об одном из тех странников, которые проходят по жизни, стараясь не осквернить её призраками успеха и первенства, оставив как можно меньше следов. Получилась повесть о неизбежности провала такой попытки, невозможности ухватить то, что не хотел «ухватывать» герой повествования, отсюда — множество оговорок и отступлений в тексте, отсюда — осторожное слово «введение» в названии. Среди прочего, упоминаются стихи Симора, описывается их восторженное восприятие автором, сюжет нескольких пересказывается прозой. Понятно, что пересказ стихов может кое-что добавить к образу героя, но о самих стихах не даёт никакого представления. Впрочем, упоминается одна важная особенность: все стихи Симора формально состояли из шести строк, а его увлечение японской поэзией позволило автору придумать термин «двойное хокку», никогда не существовавшее в природе. Тут же Сэлинджер оговаривается, что стихи Симора, в конечном счёте, похожи только на него самого.

В 2010 году Сэлинджер умер, и его наследие попало в цепкие руки правообладателей. Обнаружились и стихи Симора, но поскольку сразу стало ясно, что они непосредственного отношения к произведениям

Сэлинджера не имеют, публикаторам удалось без особого труда их получить.

При переводе (а лучше сказать, переложении) этих стихов, каждый из нас руководствовался своими соображениями и своим пониманием замысла автора. Любой перевод – это интерпретация, определённый взгляд на подлинник; наше решение работать вдвоём связано с надеждой, что два взгляда создадут у читателя более глубокий и объёмный образ автора. Об одном мы договорились сразу – сохранить шестистрочную структуру оригинала. Для себя мы эту форму назвали «стопками»: во-первых, в честь самого Симора, чья фамилия Glass на русский язык переводится именно так, во-вторых, поскольку стопа является первичной мерой стиха, она может служить синонимом поэзии как ритмического искусства. И, наконец, нам кажется, что Симор бросал в «топку» своих шестистиший самое существенное в своей жизни («с» ведь всего лишь предлог причастности и легко может менять владельца, что и случилось со стихами Симора – они стали нашим достоянием).

Ниже публикуются избранные «стопки». Полностью «стопки» выходят в нью-йоркском издательстве «Ailuros Publishing».

Перевод Владимира Гандельсмана:

Детство

Варенье варится в саду.
Ещё я вижу череду
высоких сосен.
Гамак. На золотистый сон
узор горячий нанесён
наствольных оспин.

Несчастный случай

Чудесный миг до мысли, как предместье,
которым едешь, –
ещё не весть, ещё предвестье
(кого там встретишь?),
в пустой автобус с законным садом
заходит человек, садится рядом.

Кристаллизация

Чтоб в слова облечь
голую жизнь,
стисни зубы, речь,
а вернее – стиснь.
Так волны бросок
вшёптывает соль в песок.

Улётное видео

Рыбу из ведёрка в море
выпускает, рыба притворилась мёртвой –

не плывёт, не хочет.
Девочка её подталкивает и хохочет.
Рыба поплыла.
Налетела чайка – унесла.

Колыбельная

тело к ночи просто тряпочка
постирай и отожди
где-то гамма до ре ми
гаснет отдыхает лампочка
левая прильнула тапочка
к правой тихо не шуми

Весна

Открыл окно и в отдаленье
увидел мир сплошной листвы,
лепечущее зелененье,
где птицы водятся лесны.
Уставы неба шли из вышины,
и всякой жажде было утоленье.

Зёрна времени

с катка шаровары в сосульках
поют карнавальную ночь
есть кровь чтобы в гулких
стучать закоулках
есть ёлка для счастья в висюльках
и мак чтобы в ступе толочь

Секунда

Из школы высыпали дети,
я вспомнил корь,
болезни солнечные сети,
всю эту ласковость, все эти
недомоганья на рассвете,
жизнеспасительную хворь.

У пруда

Птица не окрыляется –
просто летит,
жаба не кривляется –
просто сидит,
месяц не округляется –
свесил усы и висит.

Ребёнок на даче

Ждал родителей. Шли,
шли и шли поезда.
Ночь стояла сухая.

Только слёзы текли.
А теперь не текут никогда.
Никогда не стихая.

Перевод Валерия Черешни:

Младенчество

Помню листьев изумлённый ропот,
мечущийся свет
и дождя по крыше полновесный топот,
в окнах слёзный след...
Опыт перешёл ли в шёпот?
Нет.

Утро

Мысли ослепительная змейка
на заре блеснула.
На газоне вспыхнувшая лейка
хвост раздула.
На веранде брошены три стула –
спит семейка.

Чудо

Улица, катящаяся к солнцу,
на исходе дня.
Мы пинаем мяч, и вдруг в полёте
он пропал.
На закате мяч, попавший в солнце...
Я притих, я больше не играл.

Тождество

Забраться в жизнь чужую,
вдруг там твоя?
Старик идёт помыть посуду,
включает воду.
Ты – вот он.
Она – повсюду.

Любовь

Вечер синий, у порога – сани,
лужица натёкшая белеет,
у предметов исчезают грани
и последний свет тихонько мреет...
Джери спит, и жар его румянит.
Я люблю настолько, что немею.

Гершвин

Окраина. Закат. Задворки
обжитых мест.
Бродяга собирает корки

и ест,
насытивая тему «Порги
и Бесс».

Недоумение

Куда они все делись?
Развелись, разделись,
раз-во-пло-ти-лись?
Я помню их живыми.
Что это значит – «были»?
Не понимаю.

Жалоба Пигмалиона

Любовь любимее любимой:
пришла тобой, а метит мимо,
одушевляет сволочь-ночь;
ей всё преобразить под силу,
под силу муку сделать милой, –
тебя одушевить невмочь.

Так всегда

Видишь, вдали
идёт, не касаясь земли,
хрупкая и воздушная,
воображенью послушная...
Только она подойдёт, –
всё пропадёт.

Зима

Так и задумана зима, –
съезжать на саночках с ума
с холмов, укрытых белым пухом:
несётся белая стена
на седока. И тишина
вбирается огромным слухом.

Геннадий Брук

Воздух поэзии

Когда на что решусь, уж я не отступаю

А.С. Пушкин

Если я чего решил – я выпью обязательно...

В. Высоцкий

очинял ли Адам стихи? Для Евы? От радости жизни в первозданном саду? Или во славу Создателя? Какими могли быть его стихи?

Ведь первый человек – венец творения, совершенство. Он был создан непосредственно руками Божьими, по Его образу и подобию. Естество Адама не было испорчено мутациями, завистью и злобой, гримасами цивилизации, на которые мы сваливаем все наши беды, от болезней до войн. Какие это были бы стихи!

И всё же, я убеждён, что стихов, по крайней мере, хороших, Адам сочинить не мог! Не мог потому, что для поэзии нужна ещё рукотворная субстанция, созданная гением человека: поэтическая атмосфера, «воздух поэзии».

Поколения наших предков ловили ночные тени и неясные шорохи и своим воображением из туманных картинок нафантазировали, населили мир чудовищами, эльфами, гномами, нимфами, лешими и кикиморами, для описания которых нужен был особый язык. Так потомками Адама и Евы, от первых романтиков-троглодитов, до наших дней, была соткана удивительная субстанция: поэтическая атмосфера. Она пополнялась умом и фантазией праведников, грешников и странных химер, в которых сочетались и гений и злодейство.

Эти первичные образы оформились в виде сказок и мифов, стали темами античных авторов, отражены в библейских сюжетах и через века и страны вошли в творчество современных поэтов.

Достаточно вспомнить бесчисленных «Кассандр» – от Эсхила, Еврипида, Ликофрона, и до Высоцкого (1967). Обратим внимание, что при всём своеобразии сюжетных ходов Высоцкого, им сохранены важнейшие фактические данные:

*А вот конец – хоть не трагичный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, –
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.*

История сохранила имя этого «грека»: Аякс, сын Оилея.

Высоцкий, Баллада о любви, 1975

Когда вода всемирного потопы
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На берег тихо выбралась любовь
И растворилась в воздухе до срока,
<...>
...Я дышу – и значит, я люблю!
Я люблю – и, значит, я живу!

В «Балладе о любви» Высоцкого мы слышим и упоминание библейского всемирного потопы, и греческого мифа о рождении Афродиты, и перефразирование декартовского “*Cogito, ergo sum*” – мыслью, следовательно, существую («Начала философии» (1644). Ну и, конечно, в стихах Высоцкого можно увидеть параллели и с творениями многих современных зарубежных и русских поэтов.

Песенно-поэтическое творчество Высоцкого начиналось с исполнения «дворовых песен» и собственных стилизаций на блатные темы. Из признанных авторитетов, только Андрей Донатович Синявский смог оценить их в полной мере и, более того, он считал их наиболее интересными в творчестве поэта (см. М. Цыбульский «Владимир Высоцкий и Андрей Синявский». Планета Владимир Высоцкий, М., 2008.). Остальные «корифеи» безразлично отворачивались от «подзаборной романтики», которая в дальнейшем повредила признанию Высоцкого «настоящим» поэтом. Определение «блатняк» прилипло не только к его ранним произведениям, но наложило отпечаток на оценку всего творчества, стало причиной немислимой популярности и уважения у одних и поводом для неприятия другими. Увы, «корифеи» забыли, что этому жанру отдали дань самые великие и признанные авторы.

«Вечная тема»

Уголовная тематика характерна для народного творчества. Вспомним хотя бы шотландского Робин Гуда, а в русском фольклоре – Кудеяра-атамана, песни о Стеньке Разине и т.п.

Забавное воспоминание: в детстве, в годы нашего послевоенного проживания в маленьком городке Пархим в Германии, по месту дислокации дивизии, в которой закончил войну мой отец, я вместе с соседскими немецкими ребятами отправился в лес за черникой. Мы вышли на лесную поляну, и спутники рассказали мне, что сотни лет назад здесь жил местный лесной разбойник и даже показали камень, который служил ему подушкой. Я тоже примерился к ней, но «подушка» оказалась мне крайне неудобной. Почти не сомневаюсь, что свой разбойник был в каждой европейской провинции.

Отдали дань разбойничьей теме и Байрон («Корсар», т.е. вариант разбойника – морского), и Шиллер («Разбойники»), и многие поэты, пересказавшие эти сюжеты.

Пушкин, тоже не брезговал уголовно-разбойничьими темами, конечно с поправкой на время. Неоконченная поэма «Братья-разбойники», прозаическая повесть «Дубровский» – русский вариант «Разбойников» Шиллера, три песни о Стеньке Разине. В «Капитанской дочке» Пушкин цитирует народную песню (подозреваю, приложив к ней и свою руку): «...Я за то тебя, детинушка пожалую/ Среди поля хоромами высокими./ Что двумя ли то столбами с перекладиной». Как логическое завершение той песни воспринимается «Разбойничья» Высоцкого: «...Сколь верёвочка не вейся, / А совьёшься ты в петлю» (1975).

Пушкин: «Булат зазвенел, прервать поцелуя злодей не успел...» – убийство на почве ревности. Ср. с Высоцким: «...востру бритву наострою и обрею тебя наголо совсем», «Ее, конечно, я простил, / Того ж, кто раньше с нею был, / Того, кто раньше с нею был, Я повстречаю!»

Займствованные классических уголовных сюжетов мы видим и у других великих. В «Маскараде» Лермонтов повторил сюжет шекспировского «Отелло», заменив «нецивилизованное» удушение более соответствующим духу времени и обстановке отравлением.

Пополнение «воздуха поэзии» сюжетами происходит, наверное, раз в тысячелетие, а индивидуальность художников проявляется в деталях. Высоцкий в вопросах ревности-измены гуманнее предшественников: «...что ты стала мне слишком часто изменять. / Если это Колька или даже Славка – / Супротив товарищей не стану возражать...», «Её, конечно, я простил...» И даже в трагической песне «Полчаса до атаки», получив от изменившей невесты письмо: «...ждать не буду...» (перекликается с симоновским: «Чтоб писем он от вас не ждал / И вас не утруждал бы снова...»), герой задумал не месть, а самоубийство: «Он шагнул из траншеи... он осколков беречься не стал...»

В песнях, стилизованных под блатные, Высоцкий везде оставался поэтом, так что несколько стандартных блатных выражений (см. выделенное прописным шрифтом), органично встраивались в авторское повествование и возникало высокопоэтическое произведение:

*У меня гитара есть – расступитесь, стены!
ВЕК СВОБОДЫ НЕ ВИДАТЬ из-за злой фортуны!
ПЕРЕРЕЖЬТЕ ГОРЛО МНЕ, ПЕРЕРЕЖЬТЕ ВЕНЫ,
Только не порвите серебряные струны!*

Переходя к «персоналиям» – сравнению стихов Высоцкого со стихами конкретных поэтов, напомним о работе Л. Наделя «Французские бесы – большие балбесы» (переключка В.С. Высоцкого с Г.Р. Державиным, http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1708), и Т. Сургановой «Мы с тобой одной крови: Редьярд Киплинг в творчестве Владимира Высоцкого» (ВВ-70, с. 205), но не буду цитировать здесь примеры или дискутировать с авторами по спорным вопросам, заинтересованных отсылаю к первоисточникам.

Замечу только, что анализируя «Балладу о брошенном корабле, 1971», Сурганова не обратила внимания на использование Высоцким мифологического описания танталовых мук: «Я пью пену – волна не доходит до рта...». Киплинг в стихотворении-предшественнике «Брошенная» описывая страдания оставленного корабля: «Измученная, словно губы, жаждущие воды...» указывает на жажду, но явной параллели с муками Тантала, которые звучат у Высоцкого, у Киплинга нет, во всяком случае в том варианте перевода, который анализирует Сурганова.

В разделе об «уголовной тематике» уже были рассмотрены некоторые произведения Пушкина. Продолжим.

А.С. Пушкина. «Наше всё» создал стихи, ставшие маяком для многих поколений российских поэтов. Но Пушкин вырос не в «пустоте», а поднялся, «опираясь на плечи гигантов», как сказал Ньютон, описывая другую сферу игры идей – науку. Вспомним также: «...но Идущий за мной сильнее меня...» (Евангелие от Матфея). Так и творчество Пушкина, помимо самодостаточной красоты, стало фундаментом, на котором строилась поэзия его современников и последователей. А те, в свою очередь, обогащали поэтическую атмосферу образами и рифмами, и новые поэты, «...думая, что дышат просто так <...> невольно попадали в такт, такому же неровному дыханью...»

Сравним, как виделись два великих поэта некоторым современникам в бытовой обстановке, естественно, учитывая, что это субъективные отзывы.

«...когда ему [Пушкину] было неинтересно, разговор его был вял, скучен и просто несносен» – (Л.С. Пушкин, брат поэта, цит. по <http://www.kinologovo.com/t1747-topic>).

Иван Дыховичный о Высоцком: «Как поэт он был сокровищницей юмора, а как человек – совершенно неостроумен (к счастью, не любил анекдотов). Когда пел, он превращался в столб энергии, и мурашки бежали по коже, какие бывают только от очень большого искусства... В остальное время он был человеком обычным, временами даже не умным... У него был высший ум – талант, самый редкий случай. В жизни талант часто только мешает» (Из интервью. Дмитрий Быков, цит. по <http://www.vashdosug.ru/cinema/article/5882/>)

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон // В заботах суетного света он малодушно погружён...», – сказал Пушкин («Поэт», 1827), и эти строчки можно считать исповедью на тему «поэт в быту». Не слышится ли отклик на процитированные слова Пушкина о суетных заботах и священной жертве в строках стихотворения Высоцкого «Мой Гамлет» (1972): «Груз тяжких дум наверх меня тянул, / А крылья плоти вниз влекли...»

Марина Влади пишет в своей книге «Владимир, или Прерванный Полет»: «Единственный поэт, портрет которого стоит у тебя на столе, – это Пушкин. Единственные книги, которые ты хранишь и время от времени перечитываешь, – это книги Пушкина. Единственный человек, которого ты цитируешь наизусть, – это Пушкин. Единственная посмертная маска, которую ты держишь у себя на столе, – это маска Пушкина. Единственный... <...> Если воспользоваться словами Булгакова, ты носишь его в себе. Он – твой кумир, в нем соединились все духовные и поэтические качества, которыми ты хотел бы обладать».

Я весьма скептически отношусь к фактологической стороне романа Марины Влади, но в данной цитате, думаю, надо только убрать слово «единственный», в остальном отношении Высоцкого к Пушкину описано ею близко к истине. Вспомним ещё, что Высоцкий играл дона

Гуана в «Маленьких трагедиях» Пушкина (это была последняя киносъемка Высоцкого). И сколько правды и восхищения в известной шутке Высоцкого:

Меня сегодня Муза посетила –
Посетила, так немного посидела и ушла!

.....
Но от неё остались две строки.
Вот две строки – я гений, прочь сомненья,
Даёшь восторги, лавры и цветы!
Вот две строки:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты»!

Неудивительно, что мы найдём много схожих тем и образов в творчестве этих величайших поэтов России. Прежде всего, отметим сходство в отношении Пушкина к лицейским друзьям: «*Святому братству верен я!*» («Кюхельбекеру, 1817), – и романтизированное описание братства «На Большом Каретном» у Высоцкого.

Теперь сопоставим некоторые конкретные стихи.

Вспомним «Памятник» – традиционную поэтическую тему, проходящую в творчестве Горация, Ломоносова, Державина, Пушкина, Высоцкого. При этом образ ожившего памятника Высоцкого перекликается и с пушкинскими Командором, и Медным Всадником, сошедшими с пьедестала.

Сравнивая «Памятники» Пушкина и Высоцкого, мы видим не только общую основу, но и особенности их подхода к посмертной судьбе. Если Пушкин подчёркивает тему вечности своей поэзии, то Высоцкого больше волнует проблема искажения образа «неудобного» поэта, лакировки и искусственной адаптации его творчества к вкусам «расторопных членов семьи», конечно, «семьи» не в буквальном смысле слова. Ср. тж. ниже: О. Тарутин.

А вот как описывается «жизненный путь» в стихах обоих художников.

А. Пушкин, «Телега жизни», 1823: «С утра садимся мы в телегу;
// Мы рады голову сломать // И, презирая лень и негу, / Кричим:
ПОШЕЛ...!»

Высоцкий, «Кони привередливые», 1972: «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю / Я коней своих НАГАЙКОЮ СТЕГАЮ, – ПОГОНЯЮ, – //Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю, // Чую с гибельным восторгом - пропадаю, пропадаю!» [Здесь и дальше выделение прописным шрифтом особо близких образов, идей, строк и т.д. – автором статьи, Г. Б.] Тот же азарт, та же напористая страсть, только из стихов Высоцкого исчезло дворянское барство: не кучер, а сам герой погоняет, да и конечная точка маршрута определена совершенно определённо: «...к богу»!

Пушкин: «Но в полдень нет уж той отваги; // Порастрясло нас;
нам страшной, // И косогоры и овраги; / Кричим: ПОЛЕГЧЕ, дуралей!»

Высоцкий:

«Чуть ПОМЕДЛЕННЕЕ, кони, чуть ПОМЕДЛЕННЕЕ! – молит герой Высоцкого, ведь «И дожить не успел, мне допеть не успеть» – но натура сильнее разума, и плетъ из рук он не выпускает.

Пушкин: «Катит по-прежнему телега; // Под вечер мы привыкли к ней / И, дремля, ЕДЕМ ДО НОЧЛЕГА – // А время гонит лошадей».

И опять, в противовес барину Пушкина, герой Высоцкого, так и не смирившись, проходит путь до конца: «МЫ УСПЕЛИ – в гости к богу не бывает опозданий <...> Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?! Я коней напою, Я куплет допою, – // Хоть мгновенье еще постою на краю!..»

Один из мотивов «Коней»: «Вдоль обрыва, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ КРАЮ...» перекликается со строчками Пушкина из трагедии «Пир во время чумы», в свою очередь навеянной трагедией «The City of The Plague» (John Wilson): «Есть упоение в бою и БЕЗДНЫ МРАЧНОЙ НА КРАЮ». А если продолжить цитату: «И в разъяренном океане, Средь грозных волн и бурной тьмы...» – то мы увидим в ней многие черты, свойственные поэзии Высоцкого: и «шторма», и та же неукротимость великого барда.

«Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие» (1967) Высоцкого представляется современным перепевом «Гавриилады» Пушкина (1821).

В таких известных произведениях как «Песнь о вещем Олеге» и «Антисказки», сюжеты которых прямо взяты у Пушкина, у Высоцкого обычно «с другого бока тема»¹, как он пояснял на концертах, то ли из озорства, то ли из чувства реальности, переделывая сюжет по-своему.

А завершающие строчки из «Вещего Олега» Высоцкого: «...Олег бы послушал – ещё б один щит // Прибил на ворота Цареграда» перекликаются с классическим «Так проходит земная слава» (sic transit gloria mundi – немецкого философа-мистика Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу» (I, 3, 6), цит. по http://ru.wikipedia.org/wiki/Sic_transit_gloria_mundi) Т.е. походы Олега, бои и проч. в итоге сводятся к тому, что на воротах Цареграда лишь остаются всё новые щиты.

Немало и др. тематических совпадений в стихах обоих поэтов, например: «Бесы» Пушкина («Мчатся бесы рой за роем...») и «Слева бесы, справа бесы» Высоцкого.

Ещё в 1992 Елена Мясникова обратила внимание на переклички Высоцкого и Пушкина. «Бесы» (1830): «В поле БЕС НАС ВОДИТ видно, // Да КРУЖИТ по сторонам» и «Открытые двери Больниц, жандармерий...» (1978): «Французские бесы – большие балбесы, // Но

---

¹ Напр.: «Эту песню написал уже раньше Пушкин, вот, но я тему с другого бока разработал. Она посвящена ясновидцам и прорицателям, эта песня. Послушайте. Начало такое же» (Всесоюзный научно-исследовательский кинофотоинститут Государственного комитета СССР по кинематографии при Совете Министров СССР (НИКФИ) г. Москва, Ленинградский проспект, д. 47. Конец января (?) 1968 г.).

тоже умеют КРУЖИТЬ <...> Меня сегодня БЕС ВОДИЛ по городу Парижу...»

Сравним стихи Пушкина, «Демон» (1823): «Тогда какой - то злобный гений // Стал тайно навещать меня» и Высоцкого, «Невидимка» (1967): «Я чувствую, что на меня глядит соглядатай, // Но только не простой, а невидимка».

Своеобразие мышления Высоцкого придавало знакомым образам новые черты: смешной, хоть и страшноватый Соловей-разбойник, несчастные лесные жители, несчастный Кашей бессмертный, чей дворец – «Здание ужасное, издаля напоминавшее ООН» («Сказка о несчастных лесных жителях», 1967) – охраняло чудище «с семью главами, / О пятнадцати глазах» – дракон, как видно. Не намёк ли на постоянные несбалансированные резолюции этой организации прилагательное «ужасное», выбранное для характеристики дворца? Ведь Высоцкий живо интересовался событиями в мире.

Не все знают, что на лужайке перед зданием ООН покоится и модель сказочного Дракона, тело которого, в соответствии с нынешними реалиями, составлено из корпусов баллистических ракет, к счастью, снятых с боевых дежурств по программе разоружения? Высоцкий был в Нью-Йорке и, возможно, видел этого дракона воочию. Не тогда ли родился образ кашеева замка?

В соответствии с новыми реалиями, Кашей у Высоцкого был убит не мечом героя, а на новый лад – ужасными канцеляризмами:

Но Иван себя не помнит:
«Ах ты, гнусный фабрикант!
Вон настроил сколько комнат!
Девку спрятал, интриган!

Я закончу дело, взявши обязательство!...»
И от этих-то неслыханных речей
Умер сам Кашей, без всякого вмешательства, –
Он неграмотный, отсталый был Кашей...

Канцеляризмы тоже требуют особой атмосферы – «канцелярской», выстроенной стараниями поколений бюрократов и проникшей в русскую литературу как пародийный приём, начиная, пожалуй, с Н. Гоголя (Ефимов А.И. История русского литературного языка – <http://www.kubmat.ru/bookinfo-efimov-ai/efimov-ai-istoriya-russkogo-literaturnogo-yazyka-razdel-2.html>), а затем в литературу советскую: вспомним А. Платонова – «Котлован», фельетоны М. Зощенко и др. А произведения малоталантливых литераторов, не владеющих богатством живого языка, пестрят нелепыми канцеляризмами и по сей день, и, конечно, до заката «канцелярской эры» не дожить нынешним поколениям.

Мария Суханова, ссылаясь на проф. И. Иткина, напомнила на одном из форумов (<http://ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/HTML/001747-2.html>) о совпадении сказочных сюжетов «Про вепря» у Н. Языкова (1835) и Высоцкого.

Отмечу, что Высоцкий не упоминает Языкова как автора прототипа «вепря огромного», но ведь в сюжетах сказок ни Пушкин, ни Языков не первичны. Пушкин, вроде, в детстве Арины Родионовны наслушался, да и братьев Грим почитывал, а ужастик про быка восходит к греческому Минотавру. Во вступлении Языкова содержится неявный намёк на пушкинские сказки: «Нынче мода/ На этот род поэзии у нас, / И грех ли взять у своего народа...», но отчётливее просматривается связь не столько со «своим народом», сколько с греческой мифологией, особенно в способе победы – очень одиссеевском – «Ухитрился/Пастух, и начал спелы грозди рвать...» [с лозы, оплетавшей дерево, куда он взобрался. – Г. Б.], в общем, обкормил чудище виноградом – далеко не самым российским фруктом, подобно Одиссею, опоившему Циклопа виноградным соком. В русской сказке надо бы: «Мой меч, твоя голова с плеч», а герой Языкова зарубил вепря, дождавшись, когда сморит его сон. У Высоцкого, как всегда оригинальный поворот темы: «а принцессу мне и даром не надо <...> чуду-юду победил и убёг», тогда как у Языкова конец банальный: герой получил долю в царстве, и стали «жить-поживать».

Далеко не исчерпав темы о параллелях в творчестве Пушкина и Высоцкого, завершив раздел самым, пожалуй, неожиданным созвучием, приведённым в эпиграфе статьи. Ироническое, ставшее поговоркой, высококое: «УЖ ЕСЛИ Я ЧЕГО РЕШУ, то выпью ОБЯЗАТЕЛЬНО», я вспомнил, перечитывая первое опубликованное стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» (Кюхельбеккеру, 1814):

«КОГДА НА ЧТО РЕШУСЬ, УЖ Я НЕ ОТСТУПАЮ,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, - а я таки поэт.

В стихах Высоцкого можно встретить и прямое цитирование великих служителей муз, и созвучие в идеях, и отдельные фразы, перекликающиеся с творчеством других поэтов: «видно, нужные книги <...> в детстве читал». К сожалению, «нельзя объять необъятного», придётся остановиться лишь на том, что вызвало у меня удивление или доставило мне наибольшую радость узнавания.

Начну с парадокса. Оказывается, «воздух поэзии» наполняли содержанием и выдающиеся прозаики, притом даже не только из каких-нибудь романтических творений. Возможно, Высоцкий почерпнул вдохновение из вполне бытовой фразы (или «пересёкся» с ней) в записных книжках Чехова (том 17): «И я думал, что ЕСЛИ БЫ МЫ ТЕПЕРЬ ВДРУГ ПОЛУЧИЛИ СВОБОДУ, о которой так много говорим, когда грызем друг друга, то на первых порах МЫ НЕ ЗНАЛИ БЫ, ЧТО С НЕЮ ДЕЛАТЬ».

Высоцкий на эту тему высказался афористично: «Мне сейчас ДАЛИ СВОБОДУ, ЧТО Я С НЕЙ ДЕЛАТЬ БУДУ?» Соответствующие примеры переключек с прозой Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского см. ниже.

Начало заката Российской империи, трагедия Первой мировой войны, предреволюционная обстановка и революция охарактеризовались рождением новой плеяды великих поэтов.

«Ветер, ветер – // На всем божьем свете!» – так написал об этом времени один из крупнейших русских поэтов А. Блок в поэме «Двенадцать». Конечно, его творчество не могло не найти отражения в поэзии Высоцкого. Самый известный пример – из блоковского посвящения Зинаиде Гippiус и прямая цитата Высоцкого в стихотворении «Я никогда не верил в миражи...»

А. Блок
З. Н. Гippiус, 1914

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего
–
МЫ – ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ –
Забыть не в силах ничего.

В. Высоцкий

Я никогда не верил в миражи, 1979

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз,
Мы тоже ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ,
Безвременье вливало водку в нас.

Отражение следующих строк этого стихотворения Блока, также можно увидеть у Высоцкого в «Пожарах», 1977.

ИСПЕПЕЛЯЮЩИЕ ГОДЫ! || ПОЖАРЫ НАД СТРАНОЙ...

Безумья ль в вас, надежды ль весть?

От дней войны, от дней свободы –

КРОВАВЫЙ ОТСВЕТ В ЛИЦАХ ЕСТЬ. || ИХ ОТБЛЕСКИ

ПЛЯСАЛИ...

Стоит обратить внимание на настроение стихов: тревожно-минорное у Блока, соответствующее его личному восприятию революционных событий, и, характерное для революционных лет, приподнятое, с надеждой на «светлое будущее человечества» у Высоцкого, что достигается подбором деталей с преимущественно положительной окраской: Время подскакало, и Фортуна УЛЫБАЛАСЬ; САБЛИ - СКРЕСТИЛИСЬ С СОЛНЕЧНЫМ ЛУЧОМ; СЕДОК - ПОЭТ, А КОНЬ – ПЕГАС; УДАЧА ВПЕРЕДИ И ИСЦЕЛЕНИЕ БОЛЬНЫМ; доверчивую смерть - ВКРУГ ПАЛЫЦА ОБЕРНУЛИ -// ЗАМЕШКАЛАСЬ ОНА, ЗАБЫВ МАХНУТЬ КОСОЙ,- // УЖЕ НЕ ДОГОНЯЛИ НАС И ОТСТАВАЛИ ПУЛИ... и т.д. Бурные восторги для Высоцкого нехарактерны, но для «революционной поэзии» того времени, которое

отражено в «Пожарах..» были типичны, что замечательно передано автором через пять десятилетий – в 1977 году.

Блок
И пусть над нашим смертным ложем
ВЗОВЬЕТСЯ С КРИКОМ ВОРОНЬЕ, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

Вороньё и Ворон упоминаются и в песнях Высоцкого, Но зловещая птица – очень распространённый персонаж в фольклоре: он и обязательный спутник злых колдуний, и мрачный герой поэзии, припомним хотя бы песню «Чёрный ворон, что ты выёшься над моею головой...», и т.д. Поэтому вряд ли стоит ссылаться на Блока как на предшественника Высоцкого в обращении к этому образу, скорее, оба поэта использовали традицию, а вот Ворон Эдгара По прямо цитируется в песне «Ошибка вышла» (1975):

И ворон крикнул: «Nevermore!» –
Проворен он и прыток, –
Напоминает: прямо в морг
Выходит зал для пыток.

«Вороньё нам не выклюет глаз из глазниц...» видим у Высоцкого в «Белом безмолвии» и в одной из баллад к фильмам «Стрелы Робин Гуда» (1975) - «Баллада о доблестном рыцаре "Айвенго"» (1982):

«И всегда позади вороньё и гробы» – идея строчки перекликается с картиной Верещагина «Апофеоз войны»: гора черепов и вороньё над ними.

Вернёмся к поэме «Двенадцать».

Блок

Под снежком — ледок
ГОЛОЛЕД...
Скользко, тяжело,

ВСЯКИЙ ХОДОК
СКОЛЬЗИТ — АХ, БЕДНЯЖКА!

Высоцкий

ГОЛОЛЕД НА ЗЕМЛЕ
ЛЮДИ, ПАДАЯ, БЬЮТСЯ ОБ ЛЕД,

И, подобно тому, как у Блока: «Ветер НА ВСЁМ БОЖЬЕМ СВЕТЕ», – у Высоцкого та же мировая бескрайность: «...гололед,/ Целый год напролет, целый год,/ Будто нет ни весны, ни лета. / Чем-то скользким одета ПЛАНЕТА...»

Блок всё же остался элитарным поэтом, а царствовали на поэтическом Олимпе России первой четверти XX века два гиганта: С. Есенин и В. Маяковский. Их поэзия, конечно, нашла отражение в творчестве В. Высоцкого.

Высоцкий был знаком с поэзией Есенина не просто как читатель. Всем известна одна из его сильнейших ролей – Хлопуша в «Пугачёве». Кроме того он пробовался на роль Пугачёва в одноимённом фильме, так что «контакт» с Есениным был плотным.

Как отражение есенинского «Чёрного человека» родилось стихотворение Высоцкого «Мой чёрный человек...» – своеобразный отклик на поэму Есенина. Но по содержанию к ней ближе «Меня опять ударило в озноб...», только рассказ у Высоцкого идёт не от лица Чёрного Человека, а от первого лица. Сравним некоторые строчки.

Есенин (1925):

Чёрный человек
НА КРОВАТЬ КО МНЕ САДИТСЯ,
Чёрный человек
Спать не даёт мне всю ночь.
Чёрный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах,
ЧИТАЕТ МНЕ ЖИЗНЬ
КАКОГО-ТО ПРОХВОСТА И ЗАБУЛДЫГИ,
Нагоняя на душу тоску и страх.
ЧТО МНЕ ДО ЖИЗНИ
СКАНДАЛЬНОГО ПОЭТА.
ПОЖАЛУЙСТА, ДРУГИМ
ЧИТАЙ И РАССКАЗЫВАЙ.

Высоцкий (1979-80):

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень, –
ВО МНЕ ЖИВЁТ МОХНАТЫЙ ЗЛОБНЫЙ ЖЛОБ
С мозолистыми, цепкими руками.

Я ЧУВСТВУЮ – СИДИТ, ПОДЛЕЦ, И ВЫПИТОМУ СЧЁТ
ВЕДЁТ В СВОЮ НЕВИДИМУЮ КНИЖКУ.

Высоцкого с поэзией Есенина сближает и тема волка (см. ниже).

Теперь обратимся к творчеству Маяковского. Высоцкий прекрасно знал его поэзию и был одним из «Маяковских» в спектакле ТНТ.

Поэма «Облако в штанах», написана Маяковским в 1913-14 году и сначала называлась «Тринадцатый апостол».

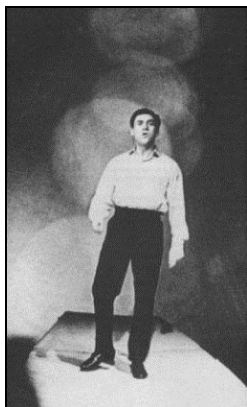
Вашу мысль,
Мечтающую на РАЗМЯГЧЕННОМ МОЗГУ,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить

ОБ ОКРОВАВЛЕННЫЙ СЕРДЦА ЛОСКУТ:

досыта издеваюсь, нахальный и едкий.

Высоцкий «Пожары» (1977):

И ветер дул – и расправлял нам кудри,
И РАСПЛЕТАЛ ИЗВИЛИНЫ В МОЗГУ.

Высоцкий-Маяковский

Образ «расправляемых извилин» близок к «размягчённому мозгу», а один из самых «высоцких» образов в «Куполах»: «ДО КРОВИ ЛОСКУТ истончал» перекликается со строчкой Маяковского: «...ОКРОВАВЛЕННЫЙ СЕРДЦА ЛОСКУТ»

У обоих поэтов мы сталкиваемся с парадоксальным представлением о покое. Маяковский: «А САМОЕ СТРАШНОЕ // ВИДЕЛИ - // ЛИЦО МОЕ, // КОГДА // Я // АБСОЛЮТНО СПОКОЕН?» И у Высоцкого встречаем «покой», как признак страдания: «ТЕПЕРЬ Я НЕ ИЗБАВЛЮСЬ ОТ ПОКОЯ...»

Здесь можно указать на удивительное совпадение «покоя» по Маяковскому-Высоцкому с описанием травматического шока тяжелораненых, данное великим хирургом Н. И. Пироговым: «...лежит такой ооченелый на перевязочном пункте неподвижно; он не кричит, не

вопит, не жалуется, не принимает ни в чем участия и ничего не требует <...> взгляд неподвижен и обращен вдаль...» («Начала общей военно-полевой хирургии», 1865-66, цит. по <http://sohmet.ru/books/item/f00/s00/z00000003/st007.shtml>).

В настоящее время, с лёгкой руки безграмотных газетчиков, шоком стали называть иную физиологическую реакцию, истерическую, а не ту, что принята хирургами России. Но во времена Маяковского и даже Высоцкого пироговское определение было весьма актуально.

Стихи Высоцкого «Два судна» и Маяковского «Минонос и миноносица» («ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ») – одинаково построены на очеловечивании кораблей. Приём очеловечивания машин, по замечанию Л. Траспова, идет от Кипплинга: «Корабль, который стал кораблем»), обычен для стихов Высоцкого, но не характерен для Маяковского, хоть его «Товарищ Нетте» – человек и пароход...»

На этом заканчиваем разговор о Маяковском, тем более что параллели в образах и творческих приёмах Маяковского и Высоцкого исследовались неоднократно, например, в работе Н.К. Неждановой «Владимир Маяковский и Владимир Высоцкий: Параллели художественных миров».

Невозможно удержаться от цитирования и сопоставления некоторых строчек Высоцкого со стихами поэтов «Серебряного века».

Мандельштам, 1933

Мы живем, под собою не чуя страны,

НАШИ РЕЧИ ЗА ДЕСЯТЬ ШАГОВ НЕ СЛЫШНЫ

Высоцкий: «Испокону МЫ в зле ДА ШЕПОТЕ / Под иконами в черной копоти».

Близость образов становится заметнее, если припомнить, что Мандельштам писал эти стихи в год страшного голодомора, унесшего миллионы жизней, а способность крестьян сопротивляться властям уже была полностью подавлена. Ср. у Высоцкого: *«траву кушаем, век на цавеле, скисли душами...»*

Упоминает Высоцкий и мандельштамовскую Лорелею из стихотворения «Декабрист» (1917 - исходный образ Лорелеи взят у Гейне: Gedicht 'Loreley'. Heinrich Heine): *«...и сладко повторять: РОССИЯ, ЛЕТА, ЛОРЕЛЕЯ»*.

Высоцкий (1969):

Поэт – а слово долго не стареет –

Сказал: «РОССИЯ, ЛЕТА, ЛОРЕЛЕЯ», –

Россия - ты, и Лета, где мечты.

Но Лорелея – нет! Ты – это ты!

В стихотворении «Заповедник» («Бегают в поле стаи зверей...») Высоцким использован довольно редкий приём, нехарактерный для русской поэзии: перечисление, нанизывание определений. Ранее (Геннадий Брук, Виталий Хазанский. Высоцкий и еврейский мир. «Еврейская старина», Ганновер, 2009, с. 422 – 425), тж.: <http://berkovich-zametki.com/2009/Starina/Nomer1/Bruk1.php>), мы обращали внимание на

то, что этот стиль обычен для еврейских молитв, с которыми Высоцкий мог ознакомиться, например, при общении с дедом, Владимиром (Вольфом-Велвелом) Семёновичем. Дед поэта, человек образованный и эрудированный, получил в детстве традиционное воспитание, а любознательность В.С. Высоцкого-младшего общеизвестна и ничто интересное не проходило мимо его сознания. Общался поэт и с другими лицами, знакомыми с еврейской традицией, так что недостатка возможностей для повышения кругозора не было.

В дискуссии, развернувшейся на форуме Высоцкого (<http://ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/HTML/001854-4.html>) по инициативе Якова Петрушенко (Сан-Франциско, США), выдающегося знатока неподцензурной, условно говоря, «ресторанной» поэзии, у нас возник вопрос о песне «Все Кругом», исполнявшейся Владимиром Шандриковым:

Все страшное и грубое,
И липкое, и грязное,
Жестокое, тупое,
Неизменно-безобразное...

Построение стихов поразительно напоминает «Заповедник». Дата исполнения Шандриковым – 1983 год, т.е. она не могла стать прообразом стихотворения для Высоцкого. Но другой участник форума, под ником песcaуфан, сослался на стихотворение З. Гиппиус «Всё кругом» (1904), послужившее источником песни Шандрикова:

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,...

– и так 14 строк, более пятидесяти прилагательных. Т.о. можно думать, что прообраз «Заповедника» (или удивительное совпадение с его построением?) найден.

Что же касается нашей первоначальной гипотезы о прообразе приёма, то не думаю, что стихи Гиппиус опровергают нашу версию. Классическое (дореволюционное) образование обеспечивало хорошее знание не только переводов библейских и евангельских текстов, а, порой, и знакомство с оригиналами.

Между стихами Высоцкого и Гиппиус можно найти и другие «переключки».

Гиппиус "Любовь":

В моей душе нет места
для страдания...

И дальше:

В начале было Слово. Ждите Слова.
Откроется оно.

Высоцкий:

Мне каждый вечер зажигают свечи...
В душе моей – пустынная пустыня...
Теперь я не избавлюсь от покоя...

Высоцкий "Сначала было слово..."

Сначала было слово печали и тоски
Рождалась в муках творчества планета...

Здесь у Гиппиус и у Высоцкого – общий первоисточник, Евангелие от Иоанна, но разные продолжения. Гиппиус почти цитирует Иоанна, а Высоцкий описывает дни творения, нечто вроде разделения тверди и вод, так что в данном случае влияние Гиппиус сомнительно, разве что её строчки могли быть толчком, но не источником знания текста.

Заодно сравним строчки Гиппиус с текстом спектакля ТНТ «Добрый человек...», тоже иллюстрирующие идею единого воздуха поэзии:

Гиппиус

Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: ВСЁ БУДЕТ ИНАЧЕ

Брехт. Добрый человек

Плохой конец - заранее отброшен.
Он ДОЛЖЕН,
ДОЛЖЕН,
ДОЛЖЕН БЫТЬ
ХОРОШИМ!

Интересно, что в «Добром человеке...» от Брехта, а что от Слуцкого, который переводил стихи для спектакля?

Ещё пример переключек, представленный на том же форуме Ольгой Худяковой, участницей с ником «*bednajakassandra*» (написано 30-05-2012 00:57): «...не вспомню сейчас стихотворения "Слух" Случевского, но с ним явно переключается "Песенка о слухах", там и там есть образ "старух" разносящих слухи, у Высоцкого "беззубых", у Случевского "седых" <...> И уж Случевского он просто должен был читать, тем более что том из "библиотеки поэта" вышел как раз в середине 60-х годов...»

Привожу соответствующую часть стихов.

Константин Случевский (1837-1904).

СЛУХ

Идет, БРЕДЕТ НЕЛЕПЫЙ СЛУХ

С БЕЗЗУБЫХ ртов СЕДЫХ СТАРУХ,
ВЕЗДЕ ПРОЙДЕТ, все подглядит,
К чему коснется — зачернит...

Высоцкий.

СЛУХИ

Словно мухи, ТУТ И ТАМ,
ХОДЯТ СЛУХИ...
А БЕЗЗУБЫЕ СТАРУХИ
ИХ РАЗНОСЯТ ПО УМАМ,
Их разносят по умам.

Спасибо уважаемой коллеге! Мне эти «беззубые старухи» всегда слух резали: ведь и «старость – не порок», и не только «старухи» сплетнями увлекаются, да и Высоцкий всегда уважительно относился к старости, но тут ему готовый образ попался, грех не использовать, даже из подсознания могло всплыть. Правда, поэт смягчил образ: у Случевского они сами порождают грязные образы, а у Высоцкого «только» разносят. Если вспомнить некоторые эпизоды из жизни Высоцкого, то можно понять поэта, не «уважившего» сплетниц: «...соседством с Высоцким были очень недовольны соседи. Тесть [член политбюро Д. С. Полянский] однажды сказал Ивану [Дыховичному], что в высокие инстанции поступают сигналы трудящихся, будто в доме поселился подозрительный человек с какой-то проституткой, они разъезжают на машине с иностранными номерами, а самое главное – не здороваются с тетушками, сидящими у подъезда. Когда на следующее утро Высоцкий вышел на улицу, он подошел к "заявительницам", поклонился им в пояс, рухнул на колени и заорал: "Здравствуйте, тётки!"» (И. Дыховичный. Цит. по <http://www.shanson-plus.ru/forums/index.php?s=691f0149c8cbf795213c999ec8ee1157&showtopic=84030>).

Волки

К «знаковым» у Высоцкого, несомненно, можно отнести тему «Волки».

В российской литературе не было традиции использования образа волка как символа свободы. В русских сказках волка изображают чаще как зверя жестокого и глуповатого. Таким же предстаёт волк в баснях Крылова. Но иногда в сказках волк оказывается другом героя. Вспомним Пушкина: «В темнице там царевна тужит, а бурый волк ей верно служит», Жуковского «Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке», 1845. В этой сказке волк даже воспитывал ребятишек Ивана-царевича и писал воспоминания:

...а Серый Волк <...>
нянчился с его
Детьми <...> выучил читать, писать
И арифметике и им давал

Полезные для сердца наставленья...

Предшественником образа этого волка-воспитателя можно считать сказки и мифы разных народов, в т.ч. волчицу, вскормившую Ромула и Рэма. А у Высоцкого отзвуком идеи грамотного и заботливого волка Жуковского оказывается «Рекс, собака Полковника», где Рекс печётся о престарелом полковнике и даже выступает вместо него в ООН.

Но волк-грамотей Жуковского не предстаёт в значении символа свободы. В основе такого представления лежат, с одной стороны, фольклорный образ «благородного разбойника» (см. выше - об уголовной тематике), часто считающегося и образцом свободолюбия, а с другой стороны, образы волка, созданные в западной литературе.

Слушая песню Высоцкого о волке, мы совсем не думаем о том, что волк – жестокий хищник, а принимаем его сторону. Поэтому оставим крыловского «волка в овчарне» и русские народные сказки, где волк либо жесток и глуп, либо «верно служит», а вспомним других, сразу нескольких, иностранных предшественников образа.

Здесь можно начать с Эзопа (конец IV в до н. э.): «Волк, Пес и ошейник: «...Усмехнулся Волк и говорит: «А по мне уж лучше жить впроголодь, чем сидеть на цепи. Свободу я не променяю ни на никакие коврижки!»

Виннипегский волк, Э. Сетон-Томпсон (восьмидесятые годы XIX века)

«А посередине стоял большой угрюмый волк... Он стоял один-одинёшенек – решительный, спокойный, с ошетилившимся загривком и прочно расставленными ногами – и поглядывал то туда, то сюда, готовый к атаке по всем направлениям. Изгиб его губ напоминал презрительную усмешку...»

Сетон-Томпсон – не поэт, но образ гордого, несдающегося хищника, вызывает невольное сочувствие и вполне соответствует характеру волка, нарисованного Высоцким. Здесь же можно припомнить и волков Р. Киплинга: «– Волки – свободный народ, – сказал глава семьи. – Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота...» («Книга джунглей», 1893-94).

Г. Гессе, (1926-28) тоже использовал образ волка для подчёркивания независимости, но никак не хищности и не символа разбоя («Степной волк»).

Возвращаемся на российскую землю.

Волки «попадают» в стихи Есенина, великого русского поэта и революционера в тематике и языке стиха. Но если в цикле «Русь» (1914) волк – символ неустроенности, то в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний...», 1921, есенинский волк ближе по духу к Волку Высоцкого:

...Пусть для сердца тягучее колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуного недруга
Раздирают на части клыки...

Теперешнее прозвище бывалого моряка - «Морской волк», вероятно тоже восходит к песням и рассказам о пиратах, тех же разбойниках, но не «своих, не родных» - выше мы упоминали байроновского «Корсара». По мнению Л. Траспова, блестящего знатока морской литературы, составителя и издателя книги «Владимир Высоцкий. Стихи, проза и высказывание о море» (Николаев, «Наваль», 2008»), герой Д. Лондона Волк Ларсен («Морской волк», Jack London, «The Sea-Wolf»), тоже символизирует образ свободолюбия и независимости и перекидывает мостик от морских волков к обобщённому образу волка, подобного созданному Высоцким.

И плавал бриг, туда, куда хотел,
Сражался с кем судьба его сводила.

- чем не волк, рышущий по морским просторам в поисках добычи? Ср.тж.:

За нами гонится эскадра по пятам. Обложили меня,
На море штиль — и не избегнуть встречи! обложили,

.....
А нам сказал спокойно капитан:
"Ещё не вечер, ещё не вечер!"
Но остались ни с чем егеря!

Вспомним «Волчью облаву» (1930) Аркадия Штейнберга. Здесь отношение к волку соответствует тому бескомпромиссному времени. Сочувствия к волку нет, но некоторые моменты стихов Штейнберга и Высоцкого близки.

БЕЗЫМЯННОГО БОРА гудит материк; || И взлетели стрекозы с
ПРОТУХШЕЙ РЕКИ,
В вороненых стволах задыхается порох, || И потеха пошла – в две руки, в
две руки!
И НАЦЕЛЕННОЙ МУШКОЙ Я ВИЖУ троих || ТОТ, КОТОРОМУ Я
ПРЕДНАЗНАЧЕН
Исполинских волков. Настоящих. Матерых... || ВСТРЕПЕНУЛСЯ И
ПОДНЯЛ РУЖЬЁ

.....
Мы РАССТРЕЛИВАЛИ неподвижную стаю... || Только БИЛИ НАС влёт
из железных стрекоз

.....
И сугробы, где НА СНЕГОВОЙ полусфере, || И на татурованном
КРОВЬЮ СНЕГУ
Словно шубы, лежали УБИТЫЕ ЗВЕРИ. || Тает роспись: МЫ

БОЛЬШЕ НЕ ВОЛКИ

Волк несколько раз упоминается у Мандельштама, 1908-1935, но мимоходом, чаще в не положительной коннотации. Но уже у М. Цветаевой (1920) «отношение к волкам» начало меняться на сочувственное:

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
.....
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!..

Как мы видим, Цветаева предпочитает видеть волка независимым, но эту независимость предоставляет ему сама.

Тенденция к сопереживанию просматривается и у некоторых других поэтов «серебряного века».

Пастернак, «Нобелевская премия» (1959):
Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.
Ахматова, «Вам жить, а мне не очень», 1959:
Волк любит жить на воле,
Но с волком скор расчет:
На льду, в лесу и в поле
Бьют волка круглый год.

Заметим, что у Пастернака и Ахматовой волк – далеко не победитель, но и у Высоцкого, во второй песне о волках, в «Охоте с вертолёт» (1978) зверь тоже не избежал общей судьбы преследуемых:

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуял волчьи ямы подушками лап;
Тот, кого даже пуля догнать не могла б, –
Тот же в страхе взопреп и прилег – и ослаб.

Отражает ли вторая песня изменение характера поэта, усталость, признание факта, что стену лбом не прошибёшь? Этот вопрос требует специального исследования, но в поздних стихах Высоцкого чаще стали появляться философские и исповедальные, а не героические мотивы.

Читая «Волков» В. Солоухина (1964), мы ощущаем сочувствие зверю в описании вражды волков с людьми и собаками, и упоминание флажков, ограничивающих свободу, и, конечно, двустволки – неременный атрибут охоты.

Мы — волки,

И нас
По сравненью с собаками
Мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые все туже.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

В 2013 году в Интернете была выложена курсовая работа дочери поэта Игоря Жданова, Екатерины Ждановой. В своей курсовой она попыталась доказать, что в основу «Охоты на волков» Высоцкого, положено произведение её отца. По словам Екатерины, ее отец и Высоцкий были знакомы, но не дружили.

<http://pro-goroda.ru/sobytiya/vysockiy-spisal-svoyu-samuyu-znamenituyu-pesnyu-ohota-volkov-u-drugogo-poeta-10071>

«Игорь Жданов переживал и заявлял неоднократно, что Высоцкий украл у него "Волка". Ведь Высоцкий написал свою «Охоту на волков» на три года позже, в 1968 году. Речь о прямом плагиате не идет, но он разработал ждановскую тему, об этом красноречиво говорят параллельные места:

У Жданова:

"Обошли, обложив флажками"
"Люди били наверняка"
"И собаки, визжа от страха..."
"Издыхала в траве волчица"
"Скоро кончится круговерть"

У Высоцкого:

"Обложили меня, обложили"
"Бьют уверенно, наверняка"
"...и лают псы до рвоты"
"Мы, волчата, сосали волчицу..."
"Вот кончается время мое"

Обратим внимание, что третья и четвёртая пары строк, вопреки мнению Ждановой, никак не перекликаются, если не считать совпадения в «действующих лицах», что естественно, поскольку стихи, как ранее цитированного Солоухина, так и Жданова и Высоцкого посвящены одной теме. Продолжим цитирование:

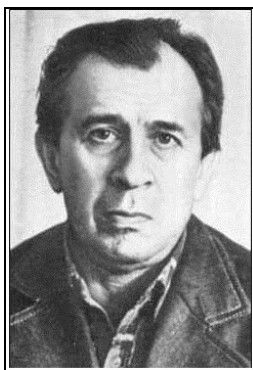
«Он [Высоцкий – Г.Б.] вторичен, и проигрывает Жданову в композиции, точности, рифмовке, в звукописи» и т.д., таким образом, работа Ждановой посвящена, в основном, малопочтенной попытке доказывания, что Жданов – хороший поэт, а Высоцкий – плохой. Оставляем это на её совести.

После «Охоты на волков», появился ряд стихотворений и песен сходного содержания. Остановимся на стихах Анатолия Жигулина (1981).

ОБЛОЖИЛИ, как волка, флажками,
И загнали в холодный овраг.

.....
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен и вечен –
Все равно я пойду НАПРОЛОМ.

Творчество Жигулина, в контексте данной статьи интересно тем, что его одновременно можно считать и предшественником Высоцкого в другой теме: «ПОБЕГ». Рассмотрим подробнее фрагмент из стихотворения Жигулина «Сны» и сравним с песней Высоцкого «Был побег на рывок» (1977), посвящённой Туманову.

Анатолий Владимирович Жигулин

Т.к. все лагеря устроены по общему принципу, то не удивительны совпадения по антуражу: вышки, собаки, стрелки – они во всех лагерях и стихах о них. Но параллели в других деталях скорее не от общей обстановки.

А. Жигулин, «СНЫ» (1962-1963)

Мне шорохи мерещатся из тьмы.
Вокруг СУГРОБЫ СИНИЕ искрятся.
Весь лагерь спит,
Уставший от забот,
В скупом тепле
Глухих барачных секций.
НО ВОТ УДАРИЛ С ВЫШКИ пулемет.
Прожектор больно полоснул по сердцу
Вот я ПО ПОЛЮ СНЕЖНОМУ БЕГУ.
Я задыхаюсь.
Я ПРОМОК ОТ ПОТА
Я продираюсь с треском сквозь тайгу,
Проваливаюсь в жадное болото.

ОВЧАРКИ ЛАЮТ ГДЕ-ТО В ДВУХ ШАГАХ.
Я ИХ КЛЫКИ ОСКАЛЕННЫЕ ВИЖУ.
Я до ареста так любил собак
И как ТЕПЕРЬ СОБАК Я НЕНАВИЖУ!..
Я ПО РУЧЬЮ ИДУ,
Я различаю КРАСНЫЕ погоны. — здесь тоже
просматривается ассоциация с красными флажками Волка
Высоцкого
Вот закружились СНЕЖНЫЕ ХОЛМЫ...
И НЕ МОГУ ПОДНЯТЬСЯ.
...Семь лет назад я вышел из тюрьмы.
А мне побег,
ВСЁ ПОБЕГИ СНЯТСЯ.

В. Высоцкий, Был побег.(1977)

А в промежутках — ТИШИНА
И СНЕГИ,..
Но свыше - с вышек - все предreshено
На виду у конвоя
<...>
Мы на мушках корячились,..
Да по пояс В СНЕГУ.
А я бежал и думал: добегу ли?
<...> телогрейка
Аж ПРОСОХЛА на мне:
А за нами двумя -
БЕСНОВАТЫЕ ПСЫ.
Псы покروпили землю языками -
И разбрелись, слизав его мозги -
<...>
Эх бы нам - ВДОЛЬ РЕКИ, -
Да по пояс В СНЕГУ
Как за грудки, ДЕРЖАЛСЯ Я
ЗА КАМНИ
...И СНОВА ВИЖУ Я СЕБЯ В ПОБЕГЕ

Описанный обоими поэтами психологический феномен: неудавшееся преступление (а побег — преступление, согласно УК) в воображении или во сне повторяется множество раз. Пожалуй впервые об этом написал Ч. Диккенс (роман «Наш общий друг», кн. 4) - «...непрестанно повторяет мысленно своё злодеяние и раз от разу титится совершить его все лучше и лучше <...> оно совершается тысячу раз вместо одного: ...Да только вижу, будто удалось...]. То же см.: Н.Н. Страхов. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. http://dugward.ru/library/dostoevskiy/strahov_prest.html) Разумеется, мы не касаемся здесь моральной стороны ситуации, когда человек лишён свободы без вины или на основе драконовского законодательства.

Поскольку выше мы упомянули Достоевского, уместно сравнить ещё несколько высказываний.

Достоевский. «Поверишь ли, есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было ПОД ГРУБОЙ КОРОЙ ОТЫСКАТЬ ЗОЛОТО» (Письма, т.1.с.138, цит. по Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений, т.3, Гос. Изд. Художественной литературы, М., 1950,с.718)

Высоцкий: «Знаешь, Вадим [В. И. Туманов – Г. Б.], у этих людей ЛИЦА РОГОЖНЫЕ, А ДУШИ - ШЕЛКОВЫЕ...» (цит. по. Туманов. Всё потерять и вновь начать с мечты... ОАО «Типография «Новости», М., 2004, с. 253)

И снова Высоцкий:

Не бойсь: если тонешь, дружище,
ЗНАЧИТ ЕСТЬ И В ТЕБЕ ЗОЛЮТНИК!"

Старательская (Письмо друга. И. Кохановскому, 1969).

В трёх этих фразах, и Достоевским и Высоцким высказывается одна и та же мысль, ставшая в итоге поэтической строкой.

Возвращаясь к Жигулину, напомним, что как представитель старшего поколения, он описал побег раньше Высоцкого, но «повторил» сюжет и характер «Волка», отдав должное великому, младшему по году рождения, собрату, которого пережил. (Вспомним, что А. В. ЖИГУЛИН (1930-2000) в 1949, в год окончания школы и поступления в Воронежский лесотехнич. ин-т. был осуждён как один из руководителей воронежской нелегальной антисталинской организации – Компартии молодежи. Вернулся в 1954.

В упомянутых комментариях к бруклинскому концерту Высоцкого 17 января 1979 г. указано на очень интересную параллель: ««Пришла страна Лимония/Сплошная Чемодания» [Владимир Высоцкий: «Баллада о детстве», 1975]. Выражение «страна Лимония» появилось в 1920-е гг. и потом бытовало довольно долго. Оно употреблялось в значении «страна богатых, беззаботных», «богатая страна». Описание такой сказочной страны всеобщего благоденствия, довольства и достатка содержится, например, в стихотворении А.В. Жигулина «Страна Лимония» (1960):

Страна Лимония — планета,
Где молоко, как воду, пьют,
Где ни тоски, ни грусти нету,
Где вечно пляшут и поют

Высоцкий и другие советские поэты

В теме «Волки» были упомянуты переклички с творчеством нескольких советских поэтов, но реальный круг авторов и тем, так или иначе связанных с творчеством Высоцкого, конечно, много шире.

К моему удивлению, можно увидеть параллели между стихами-переводами С. Маршака (из Г.Х. Андерсена) «Сказка про спички» и песней Высоцкого «Она на двор, он со двора...»

Маршак:

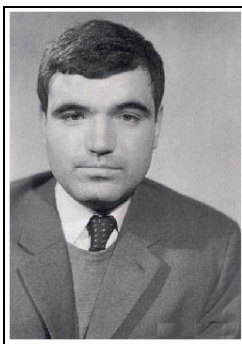
Сказать по совести, в стране
Не вижу я порядка!
КОГДА БЫ ВЛАСТЬ ДОСТАЛАСЬ МНЕ,
ТО ВСЕ ПОШЛО БЫ ГЛАДКО.

Высоцкий:

И ЕСЛИ Б НАША ВЛАСТЬ БЫЛА
Для нас для всех понятная,
ТО СЧАСТИЕ Б ОНА НАШЛА,
А нынче – жизнь проклятая!..

Со стыдом признаюсь, что не знаком с оригиналом сказки Ганса Кристиана Андерсена и для меня остаётся загадкой, кому принадлежат выделенные слова, с кем «перекликнулся» Высоцкий, с переводом Маршака или с самим Андерсеном. Надо думать, что всё же чтение переводов более доступно, чем сказок датчанина Андерсена в оригинале.

М. Суханова в 2011 г. подметила и сходство «полуфраз» у Высоцкого («Мой Гамлет»): «наград, добычи, славы, привилегий» и Шпаликова («Перedelкино»): «достатка, славы, привилегий». А по мнению Л. Наделя, первоисточником мог быть не «Гамлет» в оригинале, а 25-й сонет Шекспира в переводе С. Маршака: *«Кто под звездой счастливою рождён, / Гордится СЛАВОЙ, ТИТУЛОМ И ВЛАСТЬЮ...»*

Шпаликов Геннадий Фёдорович

В работе «"ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ": Владимир Высоцкий и Геннадий Шпаликов» (2008) Л. Надель разбирает близость обоих по духу и интертексты в их произведениях. Коснёмся этой темы, стараясь не дублировать автора.

Высоцкий (1969):

Пословица звучит витиевато:
Не восхищайся прошлогодним небом, -

НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ – ГДЕ БЫЛ РАЙ КОГДА-ТО,
И брось дуришь – иди туда, где не был!

Геннадий Шпаликов (к/ф «Подранки», 1976):

По несчастью или к счастью,
истина проста, –
НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ
В ПРЕЖНИЕ МЕСТА.
Даже если пепелище
выглядит вполне,
не найти того, что ищем
ни тебе ни мне...

Я никогда не ездил на слоне... – (Шпаликов, «Ах, утону я в Западной Двине...» (1961) и ...сидя на слоне, // Ездил я по Индии – сказочной стране... – (Высоцкий, 1972)

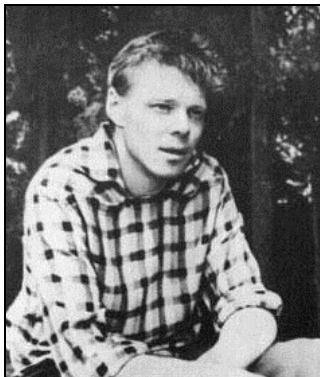
Слон, хоть и прописан в русской поэзии ещё И. А. Крыловым («Слон и Моська», ~1808), но остаётся в ней зверем довольно экзотичным. Посему, появление нестандартного персонажа у Высоцкого представляется неслучайным. Насколько известно, песню Шпаликова «Ах, утону я в Западной Двине» Высоцкий пел в 1963 г. у Алексея Владимировича Высоцкого. Т.о. слон не только появился у Шпаликова раньше, но нет сомнения, что Высоцкий знал это стихотворение до того, как сам «прокатился» на слоне (в 1972) и даже раньше, чем слон «выступил» в его «Параде-алле (1967). В строках Высоцкого по мотивам Шпаликова можно увидеть феномен, отражённый в стихах Р. Рождественского «За себя, и за того парня» (1971). У меня ощущение, что трагические ноты во многих стихах рано ушедшего Шпаликова: «Я к вам травую прорасту...», – очень сильно и больно отозвались в сердце Высоцкого. Вот он, зацепившись за строчку со слоном, да ещё предшествующее «я никогда...» (т.е. опять «не до», не дожил, не смог, не исполнилось) и съездил за Шпаликова «на слоне ...по Индии, сказочной стране», смягчив или спрятав боль за шутливой формой. Потому-то шуточная песня «Про белого слона» получилась грустноватой.

Сразу двойную переключку стихов Высоцкого мы видим с «Эпитафией» О.Тарутина (не позже 1973).

Я УМРУ, КАК ВСЕ ИНЫЕ,
.....
если вдруг живые люди
оробеют у холма.
Если парочка влюбленных
на кладбище по весне
сбавит говор на два тона
из почтения ко мне...
...всей душой взреву: «Да что вы!
БЫЛ ПОКОЙНИК НЕ ТАКОЙ!»

Ср. Высоцкий, «Райские яблоки» (1977): «Я когда-то умру, МЫ КОГДА-ТО ВСЕГДА УМИРАЕМ», и «Памятник» (1973): «...вчистую стесали азиатские скулы мои... Неужели ТАКОЙ Я ВАМ НУЖЕН ПОСЛЕ СМЕРТИ?»

Несомненно, один из самых трагичных мотивов у Высоцкого – трагедия несостоявшегося, незавершенного. Мы уже говорили о строчках: «И дожить не успел, / Мне допеть не успеть...» Тема преждевременно оборвавшейся, «незавершённой» жизни не нова, и вряд ли здесь можно найти «первого», остановимся на нескольких из ближайших по времени.

Олег Тарутин

В песне «Он не вышел ни званием...» (1972) герою не удалось пройти последнюю четверть пути «...по канату, натянутому как нерв». А наибольшее развитие тема получила в песне «Не до...» (1973):

Дудин Михаил Александрович

Смешно! Не правда ли, смешно!
А он шутил – недошутил,
недораспробовал вино
и даже недопригубил...

Сравним с песней «Соловьи» Михаила Дудина (1942, Ленинградский фронт). Не могу не привести хотя бы нескольких строф из этого пронзительного стихотворения:

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
.....
Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи.
И сразу канул в омут тишины
Триста пятидесятый день войны.
ОН НЕ ДОЖИЛ, НЕ ДОЛЮБИЛ, НЕ ДОПИЛ,
НЕ ДОУЧИЛСЯ, КНИГ НЕ ДОЧИТАЛ.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал...
Ленинградский фронт, 1942 г.

Из многих песен и стихов, написанных под влиянием творчества Высоцкого, приведу для примера отзвук из «дальнего зарубежья», с другой войны: песню, в которой звучит тема «не до» и слышны переклички с другими песнями Высоцкого: «О погибшем друге» (Мы летали под богом ... он поднялся чуть выше, и сел там... «Черные бушлаты»: Восхода не видел...

А. Хейфец, «Неотправленное письмо (Памяти десантника Петра Охотского, погибшего 13 августа 2006 года в Южном Ливане)»,

Этой вспышки внезапный свет,
От которой в глазах темно,
Говорит, что СЕГОДНЯ РАССВЕТ
МНЕ УВИДЕТЬ НЕ СУЖДЕНО

Сколько нужных и важных дел
Вспомнилось посреди огня,
Я так многого не успел
Вы их сделайте за меня

Догуляй за меня друг,
Побывай за меня в Париже,
Я и сам бы поехал, да вдруг,
ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО НЕБО БЛИЖЕ.

В этом мире, как свет костра
Вспыхнет мой ненаписанный стих,
Домечтай за меня сестра
И будь счастлива за двоих...

.....

Очень длинное вышло письмо,
Жаль, отправить его не успел.

Об истоках образа «Канатоходца». Можно упомянуть множество произведений с той же темой. Остановимся на одном примере.

Владислав Ходасевич, «Акробат» (1913), и сопоставим некоторые строчки с «Натянутым канатом» Высоцкого (1972):

Ходасевич

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.
А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, ОХНУВ, ЗАКРЕСТИТСЯ ЛЖИВЫЙ
НАРОД,
Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не ТАКИМ ЛИ ЖИВЕШЬ
РЕМЕСЛОМ?

Высоцкий

По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв.

Но в опилки <...> Он пролил досаду и кровь
ЗАКРИЧАЛ
ДРЕССИРОВЩИК, И ЗВЕРИ...
И сегодня другой
БЕЗ СТРАХОВКИ ИДЕТ.

Завершая раздел вспомним шутовское посвящение «Г. Яловичу и М. Добровольской», 1964, где Высоцкий в форме типичной для капустников, не связанной никакими условностями «большой поэзии», ухитрился использовать цитаты из произведений Пушкина: «Я помню чудное мгновенье!..»; Лермонтова: «Тучки небесные, вечные странники,..»; Симонова: «Кружится испанская пластинка,..»; Северянина: прямая цитата - «Ананасы в шампанском...» и «адаптация»: И.С. – «Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!», В.В. – «Я — в костюмчике чешском, настроенье испанском...»; перефразирование Маяковского: «Я б волком не грыз» и «Вам до ста расти, / Как я уж писал, / без старости».

ВЫСОЦКИЙ И ГАЛИЧ

В завершение статьи рассмотрим параллели между творчеством Высоцкого и Галича. Этой теме посвящены работы ряда авторов, в которых, нередко, рассматривают ещё и творчество Б. Окуджавы: Д. Быков (Быков Дмитрий Львович Булат Окуджава – С. 274 , цит.по электронной версии:

<http://book-online.com.ua/read.php?book=6163&page=274>).

Я. Корман (Корман Я.И. Высоцкий и Галич. М.; Ижевск: НИЦ «Регуляция

и хаотическая динамика», 2007, А. Кулагин (А. В. КУЛАГИН ГАЛИЧ И ВЫСОЦКИЙ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ. К постановке проблемы, цит. по <http://rudocs.exdat.com/docs/index-344353.html>)

Д. Курилов (КУРИЛОВ Дмитрий Николаевич. АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ КАК ЖАНР РУССКОЙ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ им. ГОРЬКОГО, Кафедра русской литературы XX века, Москва 1999) и др.).

Далеко не всё в них кажется бесспорным, но здесь коснёмся только того, что представляется наиболее интересным в связи с обсуждаемой темой, но недостаточно освещённым в предшествующих публикациях, и постараемся избежать уводящих в сторону дискуссий.

Почему именно Галича и Высоцкого сравнивают чаще других? Конечно, потому, что они, вместе с Б. Окуджавой, несопоставимо возвышаются над остальными поющими поэтами, но Окуджава – в первую очередь лирик, тогда как между Галичем и Высоцким гораздо больше общих точек соприкосновения. У обоих очень ярко выражена гражданская тема и множество отдельных словесных сближений, что особенно заметно при чтении стихов в печатном варианте.

Е. Евтушенко («Александр Галич» – «Неделя» №18, 1986 г. – С. 16, цит. по <http://www.bard.ru/galich/galich21.html>): «Все гражданское звучание песен Галича стоило бы гораздо меньше, если бы слова его песен не были бы написаны так крепко и подчас так элегантно по форме». Театральный опыт Галича помог ему создать серию сатирических персонажей, от имени которых были написаны песни. В этом сатирическом цикле Галич был прямым учителем В. Высоцкого».

«В. Большедворский. В 60-х собратья по песенному цеху понимали значимость творчества Высоцкого?

http://www.bard.ru/cgi-bin/frameset.cgi?kind=tracks&name=Большедворский_В.%20Туриянский_В.&id=1112.12

[частичная расшифровка фонограммы – Г.Б.]

Владимир Туриянский. Я думаю, может быть понимали, спинным мозгом, что ли, но на самом деле, не очень. Потому что вообще среди бардов и тогда, и сейчас, существовало тайное соперничество такое, каждый считал себя каким-то, скажем... скомандуй им рассчитаться на первый-второй, они все «Первый!», скажут. Конечно, они не понимали, что такое за явление Высоцкий, потому что Высоцкий – это действительно, явление незаурядное, его понимали и жители глухой провинции и до суперинтеллигентов Петербурга и Москвы. Он вот отвечал этим требованиям «народного поэта». Но, хотя вот говорят, например, что Пушкин – народный поэт, Пушкин – не народный поэт, он поэт, настоящий, гениальный, но не «народный». Вот Есенин, да, тот – народный. Вот так же и Высоцкий...»

И. Бродский: «Я говорю именно о том, что он [Высоцкий – прим. Г.Б.] делал с языком, о его рифмах... Дело в том, что он пользовался совершенно феноменальными составными рифмами...» («Иосиф Бродский о Владимире Высоцком» –

<http://www.youtube.com/watch?v=rVj1YVKmPtQ&noredirect=1>). Тж.: В. Перевозчиков, интервью газете «Известия», 21.05.2010, «Бродский и Высоцкий», <http://izvestia.ru/news/361920>)

Для иллюстрации рассмотрим несколько примеров таких рифм. Высоцкий: «календаРЕ ИЛИ – не РЕЯЛИ» (рифма совершенная при учёте того, что в действительности второе слово пары «реЯли» произносится как «реили»), «по сту пью – поступью» («Две судьбы», 1975-77). И отметим, что составные рифмы встречаются и у Галича: «В Останкино, где Титан-кино» (городской романс «Тонечка», 1962). Эту находку Галича цитировал и сам Высоцкий (И. Шевцов. О В. Высоцком вспоминает Игорь Константинович ШЕВЦОВ // ВЫСОЦКИЙ: Время, наследие, судьба. Цит. по <http://otblesk.com/vysotsky/shevc4-.htm#ixzz24qN5p5qa>)

Немного о творческом пути поэтов

Галич на 20 лет старше Высоцкого, но в авторскую песню они пришли практически одновременно, в конце пятидесятых: Галич – из благополучной жизни преуспевающего драматурга, сценариста, поэта, а начинающий актёр Высоцкий – из узкой компании Б. Каретного переулкa. Соответственно, Галич уже владел основными поэтическими навыками, Высоцкий поднимался к высотам поэзии, начиная, преимущественно, со стилизаций под блатные песни. И оба приобрели всенародную и мировую известность именно на этой стезе. Близки были и оценки их творчества современниками.

Ю.Нагибин: “Вчера сообщили: в результате несчастного случая скончался Александр Галич. Что там ни говори, но Саша спел свою песню. ...сыграть ему пришлось почти что короля Лира — предательство близких, гонения, изгнание... Он оказался на высоте и в этой роли. И получил славу, успех, деньги, репутацию печальника за страждущий народ, смелого борца, да и весь мир в придачу... Он выпелся в мировые менестрели... смелость была и упорство было — характер!... Он молодец, вышел на большую сцену и сыграл, не оробел” (Юрий Нагибин. ДНЕВНИК. – М.: «Книжный сад» 1996, с. 348, 27 декабря 1977 г., цит. в сокр. по <http://www.litmir.net/br/?b=110485&p=99>)

Для объективности отметим, что сам Нагибин гораздо выше чем Галича ставил Окуджаву. Но это уже другая история.

Ю. Верзилов, посвящение Высоцкому, начало сентября 1980 г.

«Мы стоим под чужим окном,
Жадно слушаем, рты разинув,
Как охрипшая совесть России,
Не сдаваясь, кричит о своем»

Интересно, что сейчас, более чем через три десятка лет после смерти поэтов, можно отметить, что оценка творчества Галича остаётся стабильно-высокой, с оттенком некоторой элитарности его творчества и преобладанием политической составляющей (с последним позволю себе не согласиться – Г.Б.), а оценка поэзии Высоцкого, которого

первоначально критика недооценивала, неуклонно повышается и теперь многие ставят его, по крайней мере, в один ряд с Пушкиным.

Считается, что оба поэта испытали влияние Б.Окуджавы. Высоцкий не раз говорил: «Вдруг я услышал, как поет Булат Окуджава. Мне показалось, что воздействие от стихов моих усилится, если я буду исполнять их под гитару» (См. Владимир Высоцкий. Монологи со сцены. // Харьков «Фолио», Москва «АСТ». 2000, с.138).

За Галича, о влиянии на него Окуджавы, сказал, например, Д. Быков: «...первые песни он начал сочинять задолго до прославившей его «Леночки», возникшей под прямым влиянием Окуджавы, но не относился к ним серьезно; это, кстати, роднит их всех – "сочиняли, но серьезно не относились"; Окуджава первым доказал, что это может быть искусством» (Дмитрий Быков. Булат Окуджава. – Цит. по <http://lib.rus.ec/b/147790/read>).

Но, пожалуй, здесь не стоит преувеличивать влияние великого Булата.

Напомним, что ещё до обращения к жанру авторской песни, Галич пел в дружеских компаниях русские романсы, Вертинского и др. Совершенно естественно, что когда он перешёл к исполнению своих песен, способ подачи остался прежним, так что считать Окуджаву наставником и учителем Галича, конечно, не следует.

Высоцкий, начиная с исполнения под гитару дворовых песен, продолжил в том же духе и при исполнении своих, постоянно совершенствуясь в поэтическом плане. Следовательно, ссылка на Окуджаву понадобилась Высоцкому, скорее, для опоры на уже признанный авторитет, но не отражает влияния старшего товарища на его обращение к песенному жанру.

При сравнительном анализе творчества обоих поэтов, создаётся впечатление, что в жанре авторской песни Галич и Высоцкий шли, если не одной дорогой, то очень близкими путями.

Иногда говорят об узости тематики Галича, не учитывая простого факта: в период эмиграции и работы на «Свободе», при максимальной политической заточенности своих песен, Галич, естественно, выше ценил поэзию высокой идейной остроты. А в начале «второго рождения», содержание его песен было очень разнообразным. Исключая темы о море и горах, в остальном тематика песен Галича и Высоцкого перекрывается, практически, полностью. Разнообразие песен Высоцкого представляется большим отчасти потому, что Высоцкий написал примерно в четыре раза больше чем Галич. Но попробуем рассмотреть жанры. Приведём некоторые примеры.

Из «бытовухи»: «Красный треугольник» (Про товарищ Парамонову) Галича и «Диалог у телевизора» Высоцкого. «Антиалкогольные»: «Чувствуем с напарником, ну и ну ... тут нам ИСТОПНИК и открыл глаза...» (Галич, 1961) – эту его песню неоднократно исполнял и Высоцкий). Обратим внимание на учителей песенных героев: у Галича – истопник, а у Высоцкого в «Антисемитах» (1964) – «...друг и учитель, алкаш в «Бакалее...»

Даже «производственное направление» просматривается у обоих: Галич – «Про Клима Петровича» и Высоцкий – «Инструкция перед поездкой...»

Иногда просто поражаешься, сопоставляя строки: «Когда собьет меня машина...» (Галич, 1968) и «При современном машинном обилие / Трудно по жизни пройти до конца» (Высоцкий, 1970). Нелегко отделаться от впечатления, что это последовательные строчки одного стихотворения, если отвлечься от полного содержания песен с политическим подтекстом у Галича и с преобладанием чёрного юмора у Высоцкого.

Сравним песни «Ошибка» Галича и «Высота» Высоцкого. Фактически, обе песни об одном и том же: о неоправданных человеческих потерях во время войны, но высказана проблема по-разному, в полном соответствии с привычными представлениями об особенностях поэзии каждого.

Галич прямо указывает на преступление верхов: «Где полегла в сорок третьем пехота / Без толку, зазря...»

У Высоцкого эта же мысль о «зряших» потерях всплывает в сознании слушателя только при внимательном прослушивании песни, но может и вовсе остаться незамеченной.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту –
Семь раз мы ее оставляли...
И снова в атаку не хочется всем...

.....
А МОЖЕТ ЕЕ СТОРОНОЙ ОБОЙТИ, –
И ЧТО МЫ К НЕЙ ПРИЦЕПИЛИСЬ?!

– это прямо противоположно окуджавовскому: «*Мы за ценой не постоим*». Но, в отличие от Галича, всё же как бы добровольное следование бесчеловечным правилам: «В восьмой раз возьмём мы её насовсем, своё возьмём», - звучит почти так, что «мы сами виноваты», т.е.: вот не оставляли бы мы, так и не пришлось бы брать восьмой раз и нести новые потери: «...семь раз мы её оставляли». За явным «покаянием» можно не увидеть того, что если бы не оставили Высоту, после плохо подготовленного сверху наступления на неё, так и полегли там бы под огнём контратакующего врага. При этом высказанное, было, сомнение: а надо ли вообще брать «ту высоту», отходит на задний план.

А при сопоставлении песен «Облака» и «Банька по белому», трагических, с указанием на уголовное прошлое героев, Высоцкий кажется даже более конкретным и политически непримиримым, чем Галич, потому что прямо указывает на Сталина и «поваленную» веру.

Ещё острее политический накал в нижеприводимых стихах обоих поэтов, что считается вполне обычным для Галича, и тем более удивительным для Высоцкого, который, как принято считать, избегал декларативности.

Галич, 1963:

Вижу: бронзовый генералиссимус || А УРОД сидит на УРОДЕ,
Шутовскую ведет процессию! || И уродом другим погоняет,
Он выходит на место лобное – || И это всё при народе,
Гений всех времен и народов! – || Который присутствует вроде,
И, как в старое время доброе, || И вроде бы всё одобряет.
Принимает парад УРОДОВ!

Галич, 1967:

...Будьте ж счастливы, голосуйте,
Маршируйте к плечу плечом,
Те, кто выбраны, те и судьи,
Посторонним вход воспрещен!

Высоцкий, 1966:

Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав, –
Помереть от скуки! Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте:
Я не разделяю ваш Устав!

Думаю, никто не возразит, что в этих стихах Галич и Высоцкий стоят на равной политической высоте, т.е. в плане «антисоветчины», и Высоцкий временами не уступал старшему барду.

Продолжим тематические сопоставления. Забавно решается в творчестве обоих поэтов вопрос о пресловутых «пережитках капитализма» в сознании советских людей, достаточно шутливо у обоих, хоть обобщения просматриваются у Галича отчётливее.

Галич, «Баллада о прибавочной стоимости» (1964-66):

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал,
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом»².

.....
Революция в Фингалии! Первый декрет народной власти -
о национализации

.....
Негодяи, бандиты, нахалы вы!
Это все, я кричу, штучки Карловы!
...Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

---

² Известный нейрохирург Э. Кандель, которому посвящено стихотворение Высоцкого «Он был хирургом, даже нейро...», вспоминал, как гордился Галич подобрав рифму к «анти-дюрингу».

Высоцкий, «Песня автозавистника» (1971):

Произошел необъяснимый катаклизм:
Я шел домой по тихой улице своей –
Глядь, мне навстречу нагло прет капитализм,
Звериный лик свой скрыв под маской «Жигулей»!

Но когда борец с капитализмом становится «собственником» его мировоззрение меняется:

Нет, чтой-то екнуло - ведь части-то свои! -
Недосыпал, недоедал, пил только чай...

Т.е., как и у героя Галича, настоящий-то «катаклизм» произошёл у того, который «гиб и мёрз», как только он сел за руль своих «Жигулей».

Оба поэта, с разницей во времени в один год и с разной эмоциональной реакцией, Галич - драматической, Высоцкий - шутливо, коснулись отношений с музой.

Галич. Разговор с музой, 1968:

Если враль записной тебе скажет о том,
Что, мол, знаете, друг-то ваш был, мол, да вышедши, –
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом!
Я там жду тебя, слышишь? Я жду тебя, слышишь ты?!..

Высоцкий. Песенка плагиатора, 1969:

Я счас взорвусь, как триста тонн тротила, –
Во мне заряд нетворческого зла.
Меня сегодня Муза посетила,
Посетила, так, немного посидела и ушла.

Удивляют и некоторые совпадения в названиях стихов, даже когда по содержанию они весьма различаются. Галич (1962): «Городской романс (Тонечка)» – Высоцкий (1964): «Городской романс (Я однажды гулял по столице...)». Высоцкий (1965): «Песня про конькобежца на короткие ДИСТАНЦИИ, которого заставили бежать НА ДЛИННУЮ, а он не хотел» –

Галич (1966-69): «Размышление бегуна на ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ».

Кстати, о «перекличках» у других поэтов. В эпиграф «Бегуна» Галич поставил цитату из поэмы «Двенадцать» А. Блока, и в нескольких образах и фразах можно увидеть намёк на текст блоковской поэмы. У Блока повторяется: «Пёс голодный», Галич: «И пёс с тобой! И пес со всеми...» ср. Блок: «Революционный держите шаг, / Неугомонный не дремлет враг», ср. Галич: «Шаги, шаги»; Блок: «Ветер, ветер, на всём белом свете», Галич: «метет метель, /Темень, стужа адская». «Пёс» – не самый обычный образ в поэзии, так что и здесь совпадение не кажется случайным. Но если уж взгляд Галича зацепился за образы поэмы Блока,

то и появление «шагов» и «метели», можно думать, идёт оттуда же. Ведь это не отдельное совпадение в слове, а «букет образов».

В данном случае, через поэзию Галича, мы напоминаем, что феномен тематических совпадений и перекличек, то явных, то не очень ясных, но всё же просматривающихся в мотивах и духе стихов – явление в поэзии универсальное, а не отличительная особенность нескольких поэтов. При этом, чем значительнее поэт, тем шире диапазон реминисценций в его стихах. Понятно, что поэты не «списывают» друг у друга (кроме случаев прямого или неявного цитирования или, как у шарлатанов, при бесчестном плагиате), но, возможно, иногда на подсознательном уровне, вдохновляются «воздушными течениями», составом поэтической атмосферы, дыханием вечности.

А. Галич, «отец-одиночка» с дочерью Алёной

Вот у Галича отголоски «Путаницы» Корнея Чуковского (1926):

«И в предчувствии конца,
Закудала козявка,
Волк заблеял, как овца...»

(Размышления о бегунах на длинные дистанции, 1966-1969)
Отметим, кстати, что Чуковский и Галич были близко знакомы, так что совпадение образов, тем более, закономерно. Галич бывал и пел у Чуковских на даче. Чуковский, лишённый музыкального слуха, восхищался стихами Галича, читая их с листа в сборнике, специально напечатанном и переплетённом для него автором. Чуковский: «...какие чудесные стихи! С каким изящным мастерством строит поэт свои баллады - так, что и мастерства никакого не видать. Сильные, фольклорные, классические по своей строгой конструкции стихи. Как прекрасно знает поэт своих героев - людей из низовых слоев - и с какой естественностью перевоплощается в них! Напрасно его творчество связывают с какими-то

новейшими течениями западной поэзии - его истоки отечественные, русские, некрасовские <...> Они, нынешние "поющие поэты", не ориентировали свои создания на Некрасова сознательно, - тем убедительней объективная их связь с великой литературной традицией, которая была впитана ими в детстве и сейчас живёт в них как некая внутренняя музыка... [очень ярко изложенное описание того, что мной названно «воздухом поэзии» - Г.Б.].» (Галич: Новые статьи и материалы / Сост. А.Е. Крылов. - М.: ЮПАПС, 2003.цит. по <http://www.chukfamily.ru/Lidia/Proza/galich.htm>). Не правда ли, что оценка Чуковским стихов Галича очень близка к оценке стихов Высоцкого Бродским и опровергает распространённое мнение о преимущественно политическом направлении поэзии Галича.

Добавим из того же источника рассказ о выступлении Галича в доме Чуковского: «...в воспоминаниях М. Петровского. «Исполнялись песни, решительно не похожие на привычную песенную традицию, Это было не сразу понятное, но ясно осязаемое новое единство поэтического слова и музыки. Представить себе это слово вне гитарного перебора и модуляций артистического голоса поэта казалось невозможным, да и не хотелось.» В свете сказанного, крайне спорными представляются и какие-либо замечания о «музыкальной слабости» песен Галича.

Продолжим о «параллелях».

Спившийся кумир (Бог у Высоцкого и Галича, поэт – кумир девчонки у Шпаликова):

Галич, «Цыганская», ~1965:

Повстречала девчонка бога,
Бог пил мёртвую в монопольке,
Ну, а много ль от бога прока
В чертовне и в чаду попойки?
Высоцкий, Рай чертей, 1970:
На паперти у церкви нищий пьёт,
"Я Бог,- кричит,- даешь на пропитанье!"

Шпаликов, 1974:

Жила с сумасшедшим поэтом,
Отпитым давно и отпетым.
И то никого не касалось,
Что девочке горем казалось.

На этом мы оставляем экскурсы в сторону других поэтов и возвращаемся к переключкам непосредственно А. Галича и В. Высоцкого.

Учитывая почти полное отсутствие в выступлениях этих поэтов упоминаний друг о друге, я очень удивился созвучием строчек Высоцкого: «КТО НЕ ВЕРИЛ В ДУРНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА» и Галича: «КАК МОГУ Я НЕ ВЕРИТЬ В ДУРНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА», и далее:

Высоцкий, 1972

Наше горло отпустит МОЛЧАНИЕ,
Наша слабость растает как тень, –
И наградой за ночи отчаянья
Будет ВЕЧНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ.

.....
КТО НЕ ВЕРИЛ В ДУРНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА,
В снег не лёг ни на миг отдохнуть –
Тем наградю за ОДИНОЧЕСТВО
Должен встретиться кто-нибудь!

Галич, 1972:

КАК МОГУ Я НЕ ВЕРИТЬ В ДУРНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА:
Не ушел от кнута, хоть и сбросил поводья.
И СРЕДЬ БЕЛОГО ДНЯ НЕМОТА ОДИНОЧЕСТВА
Обступила меня, как вода в половодье...»

Эти текстовые параллели обсуждал и Кулагин, указывая, что Галич не мог слышать песню Высоцкого в 1972 г. В таком случае. единственно возможное объяснение тесной близости текстов – существование неофициальных контактов, в т.ч. и через третьих лиц, так что песни (и, наверное, не только эта) становились известными второму барду ещё до широкого исполнения автором на публике. В этой же песне мы видим у Галича «кнут» и «поводья», характерные для нескольких песен Высоцкого («Кони привередливые», «Погоня», «Иноходец»).

И опять удивительное сближение.

Галич (1966-69):

Высоцкий (1968):

**Я седой НЕ ПО ГОДАМ, || Ты думаешь, что мне НЕ ПО ГОДАМ,
И с ногою высохшей, || Я очень редко раскрываю душу, –
ТЫ СЛЫХАЛ ПРО МАГАДАН?! || Я РАССКАЖУ ТЕБЕ ПРО
МАГАДАН
НЕ СЛЫХАЛ?! ТАК ВЫСЛУШАЙ, ||– СЛУШАЙ!**

Магадан не раз упоминался обоими поэтами, при этом подробности в стихах одного из них нередко подкрепляли рассказ второго.

Галич, (1964-66)

Высоцкий, (1965)

«Магадан. Песня о синей птице»

«Мой друг уехал в Магадан»)

От Караганды по Нарым –

Вся земля, КАК ОДИН НАРЫВ! || Ведь там – СПЛОШНЫЕ ЛАГЕРЯ...

Воркута, Инта, Магадан!

Кто вам жребий тот нагадал?!

То вас шмон трясет, а то цинга!

И чуть не треть эка из ЦК.

Высоцкий, «Все ушли на фронт» (1963)

А когда пошли миром грозы – || А у ЛАГЕРНЫХ ВОРОТ...
Мужики на фронт, бабы – в слезы!
В желтом мареве горизонт,
А нас ИЗ ЛАГЕРЯ, ДА НА ФРОНТ! || Надпись: «ВСЕ УШЛИ
НА ФРОНТ».

Вернёмся к строчке Галича «И чуть не треть зэка из ЦК». Если вспомнить «немеркнущий» тезис советских времён о руководящей роли партии и «родного ЦК», то ещё одну магаданскую строчку Высоцкого: «Учителей сожрало море лжи - // и выплюнуло возле Магадана...» можно представить как бы дополняющей Галича. Даже если Высоцкий имел в виду не партверхушку, в любом случае видна острейшая идеологическая заточенность стихотворения «Я никогда не верил в миражи» (1979-80), усиленная ещё и цитированием строки Блока: «...дети страшных лет России».

Тем поразительнее эти почти явные «диалоги», что в жизни поэты встречались редко, хотя, по свидетельству С. Чеснокова, в 60-х они даже несколько раз выступали вместе в сборных концертах, а с «Банькой» Высоцкий приходил к Галичу домой («примерно осенью 1968 г.» –, реплика, цит. по альманаху «Мир Высоцкого», вып. 2, Москва, 1998, с. 431).

Очень популярным, хотя нелюбимым, героем второго плана в литературе прошлых веков был ПАЛАЧ. В XX веке этот образ сохранился в советских публикациях почти исключительно в политической прессе, обличающей «чуждые» режимы. В страшном «Реквиеме» Ахматовой – палач вполне традиционный и обезличенный. В песне «Старательский вальсок» Галича – палач ещё такой же обезличенный, но автор предупреждает, что любой из нас легко может оказаться палачом, так как:

Мы-то знаем – доходней молчание,
Потому что молчание – золото!

.....
Вот как просто попасть – в ПАЛАЧИ:
Промолчи, промолчи, промолчи!

1963

Нетрадиционным, а поэтому и замечательным поэтическим явлением надо считать изображение палача «изнутри», как это сделали Галич и Высоцкий.

Галич, «Плясовая» (1969):

Чтоб не бредить палачам по ночам,
Ходят в гости палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

.....
Палачам бывает тоже страшно,
Пожалейте, люди, палачей!

Сравним со зловеще-простодушным «Палачом» Высоцкого (1978):

К палачеству призванья не питаю,
Но вы войдите в положение мое –
Я здесь на службе состою, я здесь пытаю.

.....
Правда, сам загрустил –
Помнят тех, кто казнен,
А не тех, кто казнил.

.....
И губил свой талант, [*значит врал, что «пристрастья не питает»* – Г.Д.]
А на этом посту
Повернулось на лад.

.....
А он примерится, когда ты подойдёшь,
Возьмет и плюнет — и испорчена рубаха".
Накричали речей
Мы за клан палачей.
Мы за всех палачей
Пили чай,...»

Мы видим не только совпадение в «героях». Высоцкий и Галич приоткрывают психологию омерзительных «запленных дел мастеров» и проявляют элементы черного юмора при рассказе о страшной действительности. Оба поэта, не исчерпав тему в одном произведении, обращаются к ней неоднократно: Галич упоминает палача в «Заклинании» (1964-66) и в «Русских плачах» (1974), Высоцкий – в «Масках» (1974) и в прозе, в «Романе о девочках», хоть и не применяет это слово. При этом палач опять показан «изнутри», в обычной, не слишком удачной, но достаточно гадкой жизни, а хвастливая «исповедь» прорывается случайно, как проявление комплекса неполноценности: «Ордена не у одного меня. Чего про него говорить. <...> Я, дорогой Саша, такими делами ворочал <...>

– Я сам Тухачевского держал!
– Как держал? – опешил Саша и перестал бренчать.
– Так и держал, Саш, как держут – за руки, чтоб не падал...»
Продолжаем примеры «перекличек» на тему сталинизма.

Галич: «Но особо встал вопрос / Про "Отца и Геня"... "Оказался наш Отец / Не отцом, а сукою...», Высоцкий: «Оказалось, я зря им клеймён».

Галич:

Огляделся я вокруг –
Дай-ка, мол, помешкаю!
У статуя губы вдруг
Тронулись усмешкою...

.....

И внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:
«Был я Вождь вам и Отец,
Сколько мук намелено!
Что ж ты делаешь, подлец?!
Брось кайло немедленно!»

В заговорившей статуе можно узнать и ожившего пушкинского Командора, и оживший «Памятник» Высоцкого, а «Сколько мук намелено» перекликается с «Банькой по-белому»: «Сколько веры и лесу повалено».

Галич: «Неустройством земным томим, /ВИЖУ - ЧТО-ТО НЕЛАДНО В МИРЕ... ..Он врёт! Он не знает – как надо!», Высоцкий: «ВСЁ НЕ ТАК КАК НАДО!»

Близки идеи поэтов в строчках:

Галич, «Заклинание Добра и Зла» (1974) Высоцкий, «Правда и Ложь» (1977):

«Острова» (1966)

И Добро прокричало, гремя сапогами, || Чистая правда, конечно же, восторжествует,

Что во всем виновато беспечное Зло!.. || Если проделает то же, что грязная ложь.

Говорят, что где-то есть острова,

Где НЕПРАВДА НЕ БЫВАЕТ ПРАВА.

На «Правду и ложь», как на пример влияния Галича, указывал Д. Курилов замечанием: «Странно, что песня эта посвящена Окуджаве. Было бы уместнее посвятить её Галичу...» (Курилов Д. Н. Христианские мотивы в авторской песне // Мир Высоцкого. – Вып. II. – С. 409).

Оба поэта подарили нам стихи «О переселении душ», но совсем разные по манере исполнения.

Галич, «Переселение душ», 1967:

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красивостей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Высоцкий, «О переселении душ» (1969). Приведу только две строфы, не вошедшие в канонический вариант, совсем не жизнерадостные, в отличие от остальных, в общем-то, шутливых строк, что и по настроению несколько сближает цитируемые стихи.

...Такие ситуации простор воображенью.
Был гордым и почтенным, а родился дураком.
А если мало радует такое положение,
Скажи еще спасибо, что не сделался скотом.

Уж лучше сразу в дело, чем
Копить свои обиды.

Ведь если будешь мелочен,
Докатишься до гниды...

Оба поэта познакомили нас и со своими представлениями о «чертях», хоть и не похожих. Галич в песне «Ещё раз о чёрте» (1969) говорит о нравственных проблемах личности:

...И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
Аллилуйя, аллилуйя!
Аллилуйя – потом!

.....
Тут чёрт потрогал мизинцем бровь..
И придвинул ко мне флакон,
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила!» – ответил он...

Ср. трансформацию «чернила-кровь» у Высоцкого в «Истории болезни» (1975-76): «И кровью харкало перо в невинную бумагу».

У Высоцкого «чертей» больше и ситуации разнообразнее. В песне «Про чёрта» (1965) он – собутыльник, почти «свой в доску», а «Переворот в мозгах из края в край...» (1970) – острейшая политическая сатира, опровергающая общепринятое мнение, что Высоцкий был менее острый критик государственной системы, чем Галич. Здесь отчётливо видно, как черти повзрослели вместе с автором:

В аду решили черти строить рай,
Как общество грядущих поколений...

.....
Давно уже в раю не рай, а ад.
Но рай чертей в аду давно построен».

Многие весело смеялись, слушая «юморную» песню, и делали вид, что не замечают её политической составляющей, хоть жили в раю победившего социализма, где постоянно критиковался «капиталистический ад». Слегка перефразируя известную поговорку, скажем: «Никто так не глух, как тот, кто не хочет слышать».

«Две просьбы» (1980) – здесь снова появляется чёрт, как воплощение ночных кошмаров: «Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я / Гоню их прочь, стенай и браня».

«Крысы» и «хоботы» встречаем у Высоцкого и в «Романе о девочках», в описании полусна-полубреда Максима Григорьевича Полуэктова, и навеяны образы, по-видимому, картинами М. Шемякина, которому и посвящены эти стихи, а строки «Немного попрошу взамен бессмертия – /...Не плачьте вслед, во имя Милосердия!» – это уже не юмор автора стихов о «чёрте-собутыльнике», а слова человека умудрённого жизнью и, пожалуй, утомлённого ею.

Случайно, или под влиянием общей поэтической атмосферы, некоторые фразы из стихов Галича оказались созвучными некоторым стихам Высоцкого в совершенно другом контексте.

Галич: *«Но поскольку молчание – золото / То и мы, безусловно, старатели»*. У Высоцкого тема золота и старательства поднималась в нескольких стихах, например: *«Если тонешь, дружище, / Значит есть и в тебе золотник»*.

«Купола» прозвучали и у Галича: *«Ах, Россия, Рассея – Чем набат не веселье?!»*, и у Высоцкого: *«Медный колокол, медный колокол – / То ль возрадовался, то ли осерчал...»*

И Галич, и Высоцкий отдали должное песням о «психах».

Галич, «Право на отдых» (1964). Пожалуй, самая популярная строчка этой песни: *«Шизофреники – / вяжут веники...»*, созвучна известной поговорке: *«Фирма веники не вяжет...»*, но остановимся сейчас на других, характеризующих «полную свободу»:

...Ах, у психов жизнь –
Так бы жил любой:
Хочешь – спать ложись,
Хочешь – песни пой!

На эти строчки хорошо «отзывается» строфа из песни Высоцкого «Никакой ошибки» (1975):

Все зависит в этом доме оном
От тебя от самого:
Хочешь – можешь стать Буденным,
Хочешь – лошадью его...

Среди авторов-предшественников, пропагандировавших «сумасшедшую вольность», стоит вспомнить Ярослава Гашека с его Швейком: *«Там такая свобода, которая и социалистам не снилась. Там можно выдавать себя и за бога, и за божью мать <...> был господин, выдававший себя за шестнадцатый том Научного энциклопедического словаря»*.

Надо отметить, что у Высоцкого жизнь «психов» представлена красочнее чем у Галича: *«Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное - невероятное» из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи»* (Бермудский треугольник), 1977: где ограничению свободы в сумасшедшем доме: *«...удивительное рядом, но оно – запрещено»*, можно противопоставить строчкам о «нормальной» советской действительности в другом стихотворении Высоцкого - *«ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ»*: *«Невероятно, - в Ейске - Уже по-европейски: Свобода слова, - если это мат.»* 1979.

О влиянии Галича на Высоцкого упоминает Д. Карапетян (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий Между словом и славой Воспоминания. – Москва: «Захаров», 2002, - С. 266): *«В конце шестидесятых он [Высоцкий – прим. Г.Б.] не скрывал влияния старшего барда на своё творчество»*.

Тогда он признавался: «Да, он помог мне всю поэтическую форму поставить»....

«Когда Володя писал:
А счётчик щёлк да щёлк, но всё равно,
В конце пути придётся рассчитаться...

Галич уже был автором «Весёлого разговора»³.
А касса щёлкает, касса щёлкает,
Не копеечкам – жизни счёт!
И трясёт она белой чёлкою,
А касса щёлк, щёлк, щёлк...»

Теперь сравним совершенно разные по теме стихи и удивимся сходству в деталях.

Высоцкий, О вещем Олеге. «Как вдруг подбегает к нему человек - / И ну шепелявить чего-то...» - ср.: Галич. Легенда о Рождестве: «Но тут вбежали в ясли два подпаса / И крикнули, что вышла неувязка...»; «Что римляне не понимают шуток...» - ср. Высоцкий: «Шутить не можете с князьями!»;

Галич: «Поддавшие на радостях волхвы», ср. Высоцкий: «Седые волхвы, к тому же разя перегаром»;

Галич: «А три волхва томились в карантине, / Их в карантине быстро укротили: / Лупили и под вздох и по челу», ср. Высоцкий: «И долго дружина топтала волхвов / своими гнедыми конями...»;

Галич.: «Пошли волхвы молотъ что ни попало...», ср. Высоцкий: «И говорят, ни с того, ни с сего...»;

Галич.: «Припоминали даты, имена...», ср. Высоцкий: «Когда я об стену разбил лицо и члены / И все, что только было можно, произнес...» - последнее уже из вышеупомянутого «Палача».

Создаётся впечатление, что, не демонстрируя своих отношений, оба поэта внимательно следили за тем, что создавал другой, а когда находка соперника задевала, откликнулся по-своему.

Ср. А. В. Кулагин, Галич и Высоцкий: поэтический диалог, 2001: «...мы убеждаемся, что действительно поэзия Галича значила для Высоцкого заметно больше, чем поэзия Высоцкого – для Галича. При равном критическом отношении поэтов друг к другу такой «перевес» нуждается в комментарии. Нам думается, решающую роль здесь сыграл сам тип таланта Высоцкого — художника «энциклопедического» склада, с доверием обращённого ко всем граням многообразного бытия. К нему вполне применимы пушкинские строки: «Таков прямой поэт. Он сетует душой // На пышных играх Мельпомены, // И улыбается забаве

---

³ «о красках» см. Е. Уметбаева. Цветовая картина мира в поэтическом языке А.А. Галича: лингвистический аспект: на материале поэзии 1960-70-х гг. Автореферат кандидат филологических наук, 2001 (цит. по <http://www.dissercat.com/content/tsvetovaya-kartina-mira-v-poeticheskom-yazyke-aa-galicha-lingvisticheskii-aspekt-na-material>).

площадной // И вольности лубочной сцены» («Гнедичу», 1832). Каким бы ни было его субъективное отношение к поэзии и личности Галича, он не мог пройти мимо опыта крупнейшего барда — опыта, во многом ему всё-таки близкого. Отсюда заимствования и переклички — порой, возможно, и невольные, но от этого не менее показательные.» (цит. по <http://rudocs.exdat.com/docs/index-344353.html>).

Не вдаваясь, как было обещано выше, в дискуссии о «критичности», об «асимметрии» и других нюансах статьи А. Кулагина об отношении двух поэтов и нашим несогласием с некоторыми положениями материала, обратим внимание на констатации Кулагиним взаимовлияния их творчества, что было и нашей целью в данной части статьи.

В завершение этого раздела предоставляем слово П. Леонидову:

«...настоящий ГАЛИЧ <...> У НЕГО КРАСОК БЫЛО МЕНЬШЕ, ЧЕМ У ВЫСОЦКОГО, ПАЛИТРА БЫЛА СКРОМНЕЙ, СКУЧНЕЙ, НО ОТСУТСТВИЕ КРАСОК СОЗДАВАЛО ПОТРЯСАЮЩЕ УНЫЛЫЙ, СЕРЫЙ-СЕРЫЙ ТОН, ФОН. Его песни по-ленинградски дожидили, бесконечно, беспробудно, безнадежно <...> был он зорек, когда пел впервые новую песню. Глядел во всю, выверял, проверял, взвешивал, отмеривал, отмечал впечатления.

Высоцкий практически ничего не переделывал. Володя – стихия, ураган, а ураган не может вернуться назад и подправить разрушенное.

Саша почитал Слово, Володя сам был Словом, сказанным Россией...» (Павел Леонидов. Операция «Возвращение» / Нью-Йорк, 1981, с. 123).

Заметим, что точность его высказывания весьма сомнительна, ведь известно, что Высоцкий много и упорно работал над уже созданной песней, свидетельством чему служат многочисленные варианты стихов и исполнений. Но очевидец имеет больше прав на выражение своего ощущения, чем любой интерпретатор.

***

Ни в какой публикации невозможно охватить всю сложнейшую тему о взаимовлиянии поэтов всех времён и народов, влиянии, иногда прямом, иногда же, передающемся через тот «воздух поэзии», о котором мы говорили в начале статьи.

При наличии обширной литературы посвящённой сходным вопросам, невозможно избежать и некоторых совпадений в приводимых примерах и высказанных идеях, так что и здесь «переклички» неизбежны. Но, т.к. ряд положений, в т.ч. высказанных в ранее опубликованных работах, могут представляться спорными, данную статью следует считать вариантом «независимого расследования».

Тель-Авив, 2012 -13 гг.

Соломон Воложин

Песни Высоцкого с эстетической точки зрения

*Я предпочитаю сжечь институт собственности
на медленном огне, чем придать ему новую силу,
устроив варфоломеевскую ночь для собственников.*

Прудон

«То обстоятельство, что Коммуне удалось в общем наладить снабжение Парижа продовольственными продуктами по дешевым ценам, было одним из крупных достижений ее социально-экономической политики» – признают советские историки. Они только не проследили связь этого достижения с «ошибкой» отказа от национализации банка...

Коммуна представляла собой чисто прудонистский эксперимент... погибла не в результате социального кризиса.

Шубин

Действуя по принципу горизонтальной самоорганизации люди сами, без чьей бы то ни было указки смогут организовать жизнь так, как они того действительно захотят, и учитывая мнение по возможности каждого отдельного человека, а не узкой группы лиц, как это происходит в государстве... а все решения должны приниматься общими собраниями.

Бакунин. Анархия и порядок

од эстетикой здесь понимается 2-й вариант определения в «Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой»: «Система взглядов на искусство или на какой-л. его вид, которой придерживается кто-л.». Система, в частности, заключается в следующем. Под художественностью понимается ценностная не случайная и не жизненная, а структурная (сделанная по «воле» нецитуруемого идеала автора) противоречивость текстовых элементов (это понимание выведено как следствие из «Психологии искусства» Выготского). Образность (чем-то выражено что-то), являясь эстетическим понятием, художественностью в предлагаемой здесь системе не считается.

Не согласным с такими определениями и системой читать нижеследующее будет не интересно.

Другое.

Различение наличия в песне ценностной противоречивости или ценностной однородности есть эстетическое различие и само по себе предполагает, что сперва потребуются разобраться в самих ценностях. А это уже идейно-политическое. Ибо песни Высоцкого не без основания

служили в СССР, да и теперь служат, барабанщиком в шеренге наступающих на идейно-политическом фронте. И у кого аллергия к идеям и политике, тому данная книга противопоказана.

Третье.

Для неаллергичных...

Раз находятся противоречия, одно из речений может быть вам по шерсти. Так если вы из большинства, то вы сразу слепнете и глухнете по отношению к противоположному речению. Мой текст, указывающий и на это противоположное, для вас словно тычок указки в кабинете окулиста в промежутке между буквами на тестовом плакате для проверки вашего зрения. (Так уж устроено большинство!) А если вам удалось противоположное всё же воспринять (оно-то буквами и интонацией объективно присутствует в песне), то предстоит же ещё воспринять результат столкновения противочувствий, что возникают от текстовых противоречий. А результат же тоже может оказаться вам по-другому против шерсти. И теперь-то он не объективный, а существует только в душе воспринимающего песню. Вы же опять можете ослепнуть. Потому и говорят, что произведение, собственно, и существует только в душе воспринимающего. Из факта, что вы песню прослушали, ещё не следует, что произведение свершилось. Но пусть свершилось с моей помощью. Так если с одной песней – против шерсти, с другой – опять, и так далее... Вся моя книга вместе с Высоцким станет вас гладить против шерсти. – Слабодушному она не по силам.

Четвёртое.

Крепким душою.

Тут об очень тонких материях написано. У меня же вряд ли хватило способностей адекватно их словами вам передать. Но я знаю, что возможно общение и с косноязычным. Надо хотеть его понимать – и поймёте. К чему я вас и призываю.

Впрочем, предостерегу ещё об одном.

Эту книгу на самом деле надо читать параллельно с книгой Раззакова «Владимир Высоцкий: козырь в тайной войне» (2009). Да. Представьте. Читать от одной очередной обсуждаемой Раззаковым песни Высоцкого к моему объяснению её же. Потом опять к его обсуждению следующей и затем – к её же толкованию мною. И так далее. Я даже раззаковского именованья песен не меняю, чтоб было легче находить. А им некомментируемые пропускаю и я, как, впрочем, и им комментируемые, но Высоцким не спетые. (Цитаты, что у меня без ссылок – это из него цитаты.) Одну мою книгу читать скучно в отличие от чтения одной раззаковской. Хоть он, из одного и того же исходя (из полуеврейской крови и еврейского и проеврейского, мол, окружения Высоцкого), к одному и тому же (к либерализму) подводит толкование каждой песни, хоть он и вставляет длинные политинформации то и дело, но зато он нанизывает это всё на подробнейшую биографию, а та у Высоцкого яркая и всё вытаскивает. Я тоже почти к одному и тому же (к монтизму) подвожу толкование почти каждой песни и тоже не избегаю политинформаций, но для меня, отрицательно относящегося к биографизму (к объяснению произведений биографией), - для меня почти

не существует биографии Высоцкого. Для меня существует только его идеал (порождающий вышеупомянутую художественность). А тот почти не менялся в течение всей его жизни. И – сюжет в моей книге пропадает. Я б никогда не стал проходить по песням вдоль биографии, хоть это и полезно для исследователя: вдруг Высоцкий выливал куда-то когда-то. Но антисемитизм и толкования Раззакова меня так возмутили, что мне захотелось отмыться от раззаковщины каждую запачканную им песню.

Попутно вырисовалась фабула моей книги. Она такова: количественное подтверждение моего давнего интуитивного мнения, что Высоцкий скорее имел претензии к народу, чем к власти. Кто кого любит, тот того и лупит.

Итак.

Первое стихотворение, «Моя клятва», Высоцкий написал на смерть Сталина, 8 марта 1953 года. Не выдержал.

Я, помню, тоже тогда не выдержал: заплакал. Хоть уже сколько-то лет – восьмиклассник всё же (точно как и Высоцкий) – не плакал. Но тут можно было. Многие плакали. Из проявлений души в действиях у меня было только одно: я дал рекомендацию в комсомол однокласснику, Альке Галицкому, взяв с него слово, что больше он двоечником не будет. У него ж это был порыв – что-то сделать в противовес этой страшной для нас смерти. Я лично просто не представлял, как мы все будем жить без отца народов во вражеском окружении капиталистических государств. Нужна консолидация народа, – смутно думал я. Алька был народ (я-то был отличник, то есть не народ, следовательно, он – народ). Значит, решил я, нужно мне его не отвергнуть, а отличником быть – перестать. Рекомендаций надо было три. Он боялся, что ему столько не достать – из-за двоек. Ведь уже тогда начиналась у нас двойная жизнь: одна – официальная, на комсомольских собраниях, другая – вне их. Вне – Алька был очень уважаем в классе: силён, ловок, спортивен. Но... А во мне (я рисовал) он, учившийся игре на фортепиано (именно фортепиано стояло у них в их огромной генеральской квартире), чувствовал в чём-то родственную душу и, мне кажется теперь, душу зарождающегося честного человека, который не будет приспособленцем по жизни. Во всяком случае, я что-то такое почуял по тону, когда он меня попросил. Мне казалось, что мы можем стать братьями в каком-то высшем, духовно-политическом смысле. Комсомол – это было тогда святое, и я никому ни до, ни после этого не давал рекомендацию. И про «до» он знал. И именно потому – сейчас мне мерещится – ко мне и подошёл.

Сокровенное шевельнулось... То, что остаться призвано на всю жизнь.

И он мне поклялся.

И Высоцкий поклялся. Самому себе. Я не знаю, каким образом сохранилось его первое стихотворение, и при каких обстоятельствах стало опубликованным. А там есть такое четверостишие:

В эти скорбно-тяжёлые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не шадить молодых своих сил

Для великой Отчизны моей

Судя по тому, как он надрывал свою глотку, крича свои песни позже, так и кажется, что для Отчизны он это делал. Как и клялся с самого начала.

Тогда это было совершенно осознанное переживание. В лирике и полагается такое изливать. Для усиления чувств. Вполне себе произведение прикладного искусства. Как плакальщицы действуют. И ему тогда стало легче.

Выражать подсознательное он стал позже. И, если правду пишет Новиков, в полемическом раже графоманством Высоцкий обозвал своё первое стихотворение. А как только созрел до различения тончайшего искусства и тонкого, это сказалось в выборе, в какой театр ему идти по окончании школы-студии МХАТ в 1960-м. Он выбрал Театр им. А. Пушкина, куда как раз тогда пришёл режиссёром Борис Равенских.

В 56-м у того была удача – *«спектакль «Власть тьмы» по Л. Толстому на сцене Малого театра, который стал заметным явлением в советской театральной жизни. В нем явственно звучала мысль об опасности потребительской идеологии, которая главенствовала на Западе и могла в будущем захватить также и советский социум. Как писала театровед Т. Забозлаева: «Равенских связал категорию социального зла в спектакле не с нищетой и бесправием личности <...> а с напором потребительских инстинктов в человеке, с его жаждой урвать от жизни больше, нежели положено тебе твоим трудом и талантом».*

Впрочем, этот режиссёр сбился с тона, и с театром у Высоцкого не сложилось, и он был как бы вытолкнут в полубезработицу и в барды.

А в стране шла борьба за полное искоренение преступности. Настоящая. Без дураков. Хрущёв разговаривал с бывшим вором, помог тому устроиться в жизни. Оттепель...

И Высоцкий то ли откликнулся, то ли это случайно совпало – блатной темой. Но не подпевая власти, а гораздо глубже: развивая борьбу с потребительством.

Откуда оно? – От дефицита духовности в вещизме.

И вот ушли романтики из подворотен ворами

Я не могу терпеть слово «романтизм», когда оно имеет не индивидуалистские корни. Я даже выдумал в противовес слово «монтизм». От слова «Лермонтов». С Лермонтовым тоже беда: многие считают его демонистом. А демонизм – это ж усиленный романтизм. Но поверьте, ошибаются и с Лермонтовым, и с неизобретением слова для «изма» с коллективистским изводом. Было когда-то понятие – гражданский романтизм. О декабристской и около него поэзии. Но с реставрацией капитализма это понятие стараются не вспоминать. А понятно ж, что гражданственность и индивидуализм – как бы полярные вещи. И два слова как-то хуже, чем одно. Так что дальше, если придётся, я буду употреблять монтизм. И пусть неудовлетворённые поисковиком ищут более подробно о нём.

И вот я теперь руководствуюсь монтизмом, рассматривая блатные песни Высоцкого.

ТАТУИРОВКА.

*Знаю я, друзей своих чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее от того,
Что моя, верней - твоя татуировка
Много лучше и красивше, чем его*

«Именно эту песню называл первой сам Высоцкий» (Википедия).

Почему она гражданственна? Антиобщественные ж эски преимущественно делают татуировки... Эти двое вместе ушли, в армию, наверно, раз их обоих провожала Валя на вокзале. Вместе из армии демобилизовались, и вместе на гражданке пошли в воров и сидят теперь вместе в тюрьме. И какая тут может быть гражданственность?

А такая, что поразительно рыцарственная у них любовь. Это в наше-то – тогда – прозаическое время!.. Но оно тем и прозаическое, что вещистское! Какими идеалистами надо быть, чтоб и через столько лет...

*Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили, так это позади.
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди*

Такая низость – эск, а такая высота чувств. Платоническая. Она ближе к моральному кодексу строителей коммунизма, понимаемому как ослепительный идеал, по сравнению с формально провозглашённым для нас не нами самими.

Такое уже начинает отдавать не только сокровенным, а и подсознательным. Которое стыдно извлечь из глубины души и оформить «в лоб» словесно.

А вот – оформлено. И – пронзает.

Потому что ПРОТИВОРЕЧИЕ.

Высоцкий стал художником.

Нет, он не понял, что перец – в противоречии. Это и вредно, подозреваю, понимать. Я когда-то аж боялся публиковать свои статьи, так как они обнажали то, что у художников получается стихийно.

Итак, Высоцкий не понимал. Как факт: он сочинил песню о четырёх солдатах, сумевших в океане на барже выжить после 49 суток голодания. Но в песне не было никакого противоречия. Ну само собой разумеется, что советские солдаты – самые лучшие солдаты. Естественно, что они выдержали такой голод, какой, кажется, никто никогда не выдерживал.

И вот, что написал об этом опусе Высоцкий тут же под только что им записанными строчками песни:

«Таким же образом могут быть написаны поэмы о покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты».

И сверху приписал заголовок:

«Пособие для начинающих и законченных халтурщиков

СОРОК ДЕВЯТЬ

Поэма-песня в сорока девяти днях (сокращенное издание)»
(Новиков).

Потрясающе! Родился поэт стиля типа Позднего Возрождения – типа трагического героизма... Позднее Возрождение – эпоха разочарования в современном ей извращении Возрождения, эпоха попытки всё-таки вернуть всё к старому, к Гармонии. А для времени Высоцкого, времени левого шестидесятничества, это было начало эпохи разочарования в извращённом социализме, краткое время отчаянной попытки социализм вылечить.

Социализм должен был быть прудоновско-бакунинским, с самораспоряжением (бакунинское словечко), самостоятельным, как рожившееся тогда среди стихийных шестидесятников движение самостоятельной песни (КСП – Клубы Самостоятельной Песни), а не марксовым, государственным социализмом. Но политэкономии Высоцкий не знал. И это обеспечило подсознательность его идеала, что, в свою очередь, обеспечило ему (да и всему движению) художественность.

Если, конечно, согласиться, что художественность – это противоречивость (ничем другим подсознательное не выразишь). Ну и если, – резать правду-матку – так резать! – отлучить от художественности всё остальное образное искусство: заражающее чувством, внушающее чувство, иллюстрирующее заранее известное чувство или усиливающее его или изживающее, освобождающее от него, всегда осознаваемого. Ну и признать ещё надо, что все люди, – каждый – своим подсознанием, – «понимают» противоречиями выраженное подсознание художника адекватно. И тот подсознательный катарсис, что случается в каждом от столкновения противочувствий, рождённых противоречиями, в сознании каждого же отражается как совершенно ясное переживание – нравится. На этом осознанность кончается. За что нравится – не ясно, как в любви, но – нравится и всё. И это объясняет невиданную популярность Высоцкого в народе. Высоцкий народ в своих песнях изничтожал за вещизм, в исполнении до хрипоты доходил, чуть не до разрыва сердца себя доводил из-за непробиваемости народа (кровотечение из горла не раз было), а народ в ответ его любил. Но многие: и народ, и угнетающая его власть, – самообманно использовали Высоцкого, как клапан для выпуска пара. Есть, есть и такая, к сознанию (не к подсознанию) обращённая, функция у искусства вообще: и у искусства лобового, так сказать, прикладного, и у противоречивого, будем называть его тончайшим. Однако, почему я написал: «самообманно»? Потому что только у тончайшего искусства (и больше ни у чего на свете) есть испытательная функция (испытание происходит противочувствиями, что из-за противоречий). Это – функция испытания сокровенного (по большей части подсознательного). Потребность в испытании заложена в любом человеке. Потому у угнетающей народ советской верхушки, призванной-то народ к коммунизму с его РАЗУМНЫМИ потребностями вести, а не засекреченными привилегиями пользоваться в насаждённой в стране потребительской гонке, – потому у верхушки была такая неистребимая

потребность слушать песни Высоцкого, эту потребительскую гонку бичующего. Если б суметь этот бичующий подсознательный катарсис поднять в сознание не просто в качестве нравления, а содержательно, власть сумела бы заткнуть глотку Высоцкому, как подрывающему основы политаризма (как Семёнов это теперь называет, с прибавлением слова “промышленный”, в пику аграрному политаризму, случившемуся ещё в Древнем Египте; другие называют тот строй государственным капитализмом). Но власть понимать суть песен не умела, а понимала только побочное, компенсаторное – выпуск пара. И это ей было на пользу. И за то Высоцкий – именно оппозиционный – ей был как свой. И потому, кроме членства в Союзе писателей и допуска в радиоэфир и типографии, ему было молчаливо разрешено делать всё, что угодно, и пользоваться, чем угодно. *«Высоцкий разгуливал по миру без всякого надзора. Возьмем 1975 год: он был во Франции, Англии, Италии, Марокко, Мадейре, Перу, Мексике, Болгарии, Венгрии, снова во Франции. 1977 год: трижды во Франции, Венгрии, снова в Мексике и Перу, в США, Канаде, на острове Косумель. В 1978 году к четырем поездкам во Францию добавьте Таити, США, ФРГ. В 1979-м – трижды Франция, дважды Канада, дважды США плюс Италия, Таити, ФРГ».*

Вот, как много всего объясняется, если принять моё определение художественности и особенностей её восприятия. Да что моё? Кто я такой? Достаточно было критикам принять к руководству «Психологию искусства» (1965) Выготского. И всё. Но этого не произошло. Закономерно. В стране, оплетённой догматизмом и ложью из-за фундаментальной подмены понятия: у нас-де социализм.

Ну а народ, принимавший участие во всеобщей лжи, и трусивший – если хотелось – сказать правду в официальной обстановке (ещё ущемит начальство в каком-нибудь твоём потребительском поползновении: отодвинет через профсоюз – тоталитаризм же – очередь твою то ли на дефицитную мебель какую-нибудь, то ли, не дай бог, аж на квартиру), - такой народ, услышав, скажем, песню про какую-то туфту, спетую (всё-таки спетую при большом стечении народа) Высоцким в кем-то организованном концерте, - такой народ как бы после исповеди себя чувствовал.

РЕЦИДИВИСТ.

Иному наплевать, что автор посмеялся ж и над его, иного, собственной ежедневной готовностью поддержать неправду ради не упомянутого в песне потребительства. Его сознанию достаточно, что из 9 куплетов в восьми и одной строчке девятого («**побитым**») поётся о несправедливости власти. И он, иной, вместо обычной фиги в кармане может руками поаплодировать, наконец, тому, кто осмелился вместо него сказать правду.

Нет, это не сатира у Высоцкого. Была б сатира, он бы не спел песню как шуточную. То есть он в доску свой для именно такого народа. Почему Высоцкий так? – Потому что он хотел, чтоб народ исправился. Его песня, по сути (иначе не было б этой шуточности и последнего куплета), - его песня не против власти, а против народа. Но так против, что с надеждой, что он, народ, самоисправим.

Вот эт-того как раз и не нужно было правым диссидентам: «Нет! Высоцкий – за народ, и против власти!» Правым диссидентам нужно было восприятие поверхности песни, а не её глубины. Её антивластности, а не антинародности. Им, на худой конец, годилась и компенсаторная функция, только не испытательная (испытание-то проводилось с целью совершенствования – к настоящему социализму, а не ложному, марксовому).

Так Высоцкий стал орудием у правых, прокапиталистически настроенных (против всякого социализма: и любого ложного, и настоящего). А заодно он же стал жупелом у левых-державников, которых либерализующаяся власть тоже не устраивала из-за тяги державников к возврату сталинизма, к закреплению тоталитарного лжесоциализма. Причём, если правые видели Высоцкого просто своим, то сталинисты – не просто чужим: а то мол-правым диссидентом, антиправительственным, то всё же за какой-то там социализм борющимся, то есть в какой-то мере проправительственным, следовательно, антисталинист он.

Ну и для театральной власти Высоцкий был не ко двору со своей блатной темой. По его «Татуировке» хотели было поставить спектакль, но струсили: сочтут пропагандой блатной романтики.

Все эти шаманские танцы с художественностью-противоречивостью и подсознательным, противопоставленным сознательному, довольно скоро могут подтвердиться объективным биохимическим исследованием мозга. Уже сейчас на неких сканах активности мозга «видны» конкретные слова, и можно «прочсть», что испытуемый подумал. – Это – видны акты сознания. Они обязательно имеют в мозгу какое-то пространственное отношение к центрам речи, поскольку само происхождение homo sapiens – это и есть происхождение речи. И наоборот, подсознательное, не связанное со словами, может иметь в мозгу принципиально другую локализацию. Так сочувствие и противочувствие, будучи сознательными, могут на скане оказаться не там, где результат их взаимодействия – подсознательный катарсис. Тогда скан переживания мозгом художественного произведения будет принципиально отличаться от скана переживания мозгом произведения нехудожественного, пусть и образного, а именно: иллюстративного, или внушающего, или заражающего, усиливающего заранее известное чувство.

Вот беда станет для халтуры типа Pussy Riot... Покажут видеозапись их выступления свежему человеку из оранжевых, и окажется, что на скане его переживающего мозга отсутствует возбуждение участка, характерного для подсознательного катарсиса. Что тогда скажет Гельман и другие, уверявшие, что это выступление – художественно?

Или проделают то же самое с либералом и неизвестной тому песней Высоцкого, произведением тончайшего искусства... И опять окажется, что катарсис не зафиксирован... А? Чуткий человек – либерал, или только и способен, что «в лоб» выраженное воспринимать?

Но вернёмся к биографии.

Когда, с середины 60-х, при Брежневе, власть стала повышенное внимание уделять патриотизму и теме Великой Отечественной войны,

Высоцкий опять, казалось бы, откликнулся. Песнями военной тематики. И опять – сложно.

Гражданское ж общество лишь на словах тоталитарная власть поощряла, а фактически гнобила. Так Высоцкий ставил нам, народу, в пример нашу же, народа, недавнюю гражданскую активность во время войны, на фоне чего теперь, после войны, мы выглядели просто ничтожествами. Опять песни были антинародными. Опять они были, по сути, не военные, как не были, по сути, блатными якобы блатные.

Впрочем, «военные» были потом. А пока был наезд провластных на Окуджаву, и Высоцкий затаился, взял *«себе псевдоним Сергей Кулешов»*. И написал «в лоб» почти антивластную, наконец (потому «наконец», что многие ж думают, что Высоцкий против власти пел), песню «Весна еще в начале».

Это лишь внешне блатная песня. Не за политику взяли человека. Но Весна... С большой буквы... Это ж образ хрущёвской оттепели, которая что-то кончается, вот, неким образом. Впрочем, и не буквально лобовая она, песня. Образная. Но... Что-то не то вдохновение у Высоцкого тут. Не «в лоб», так почти «в лоб». Ибо что такое образ? – Если «в лоб» – сказание, то образно – иносказание (как бы второсказание). Тогда как тончайшему искусству нужно невыразимое вдохновение (как бы третьесказание): изъяснение противоречиями, выражающими это невыразимое вдохновение и озаряющее нас третьим (помимо двух противочувствий) – катарсисом. – Плохо что-то вдохновило его антивластное и пораженческое. Его стихия была борьба не с властью, а с народом, и вера в пробуждение его не смотря ни на что.

И спасал голос. Он сам по себе мог, при желании Высоцкого, выразить противоположное словам. В песне «Весна еще в начале» он этого не сделал. В ней голос жалостный. Исполнитель – в образе несчастного. И куда тут усилению чувства образом до возвышения чувств, катарсиса...

А в **«Серебряных струнах»** голос мужества. Не смирившегося, пока живой. И – слова одни, а впечатление – противоположное. Тончайшему искусству, звучанию серебряных струн, нет преград! – думаешь, это не читая, а слушая.

А если даже и вчитаться...

Тут нужно отвлечение.

Махно так опозорил бандитизмом анархию, а нравственные достижения арагонцев в Испании 36-го так в СССР замолчали (тем более что потерпела поражение революция в Испании), плюс ещё в XIX веке Маркс так эффективно взял верх над Прудоном и Бакуниным в коммунистическом движении, что анархия как-то уплыла из объектов внимания. А ведь она кое в чём (в отказе от централизованного государства) ближе к коммунизму, чем государственный социализм. И если в гражданскую войну и в ожидании нападения на СССР после той, гражданской, ещё как-то понятна тенденция анархию не вспоминать, то после победы 1945-го, казалось бы, можно было б и вспомнить. Ан нет. Нет того. Только возмужавшие в войну тимуровцы да послевоенная

молодёжь, коммунары, что-то смутно почувствовали. Коммуны большого скачка в Китае не в счёт. Скачок тот тоже опозорился.

С другой стороны, капитализм на Западе, взяв курс на так называемое социальное государство, материально процветал – общество потребления.

Теперь обратите внимание, фабула песни (хоть и с преувеличенными криками на публику) – есть просьбы: **«не порвите», «Кто бы заступился», «Что же это, братцы?»**. К некоторым образом своим обращается лирический герой.

Это как те, кого тянет к комфорту, поначалу вовсе и не думали о капитализме, - по крайней мере некоторые, - взяв в идеал себе «социализм с человеческим лицом». (Это словосочетание не зря пишут в кавычках – очень быстро, чехам, стало ясно или так их научили те, кому так надо было, что среднему классу для комфорта нужен капитализм, а не социализм с человеческим лицом.) Но поначалу это было самообманно (или обманно) социалистическое движение. К своим обращались, предлагая лечение социализма. Анархия ж в памяти не всплывала, тем более что не с комфортом она ассоциировалась, а с само-(самоуправление ж!) ограничением.

И для идеала ж всегда находят самые лучшие слова... **«Серебряные струны»...**

Так что толковать песню Высоцкого как либеральную – легко, особенно – либералам. Что они и делали. С удовольствием. Ибо оттепельную власть же в СССР было никак не повернуть к либеральным реформам. Зло брало либералов. А Высоцкий хрипит и словами крепкими бросается всерьёз, хоть и на публику кричит его герой. Если публикой считать международное общественное мнение, политкорректное, то Высоцкий выглядел, при желании так его понимать, как в доску свой. Да ещё свободу два раза помянул.

И естественно ж было лечение социализма видеть в либерализме, раз сам Хрущёв поставил на материальное: догоним, мол, и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения.

И только вчитавшись в какие-то противоположные материальному довольству крики лирического «я»: **«Перережьте горло мне, перережьте вены», «Я зароюсь в землю», «Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду»,** - чувствуешь, что человек-то скорее аскетом стал в ажиотации, и не ради материального в ажиотацию впал.

Это вам всё-таки не Галич, в том же, 1962-м, году в ажиотации впавший аж в метафизику сверхбудущего из отчаяния от неповорачиваемости власти к либерализму («Если зовет своих мертвых Россия, / То значит беда. / Вот мы и встали в крестах и нашивках»).

А что такое ажиотация у Высоцкого, когда «не ради материального» (в жизни он тогда или не зарабатывал регулярно, или зарабатывал очень мало)? – Нематериальное скорее есть бакунинское самоуправление, чем «социализм с человеческим лицом».

- Притянуто за уши?

- Так выглядит со стороны. Во-первых, от смутности идеала самого Высоцкого, во-вторых, из-за крайней необычности такого идеала в обществе, где напрочь забыли про плюсы анархии.

Истошные, показушные крики персонажа – это уверенность до кого-то так докричаться, раз своя власть ведёт себя, как не своя.

До кого докричаться?

«Век свободы не видеть» есть жаргонное, уголовное выражение...

Низам кричит лирическое «я». До народа хочет докричаться. Ведь какой народ – такая и власть. Если народ проснётся – всё станется.

Это опять не блатная и не антивластная песня, а антинародная, раз народ пока не проснулся, а голос Высоцкого – не поражения воспевать создан.

Серебряные струны тончайшего искусства оказываются не порванными вопреки словам текста. Так всегда с тончайшим искусством: если что написано словами, то в выраженном словами катарсисе (художественном смысле) – наоборот.

Дойти до такого труднее, чем, услышав в песне слово «свобода», сказать, что эта песня – против тоталитаризма.

Это как и с «социализмом с человеческим лицом»: свернуть к нему легче в мешанской стране, чем к бакунинскому социализму.

А Высоцкий шёл путём наибольшего сопротивления. И только так и ходит всегда тончайшее искусство.

Но из-за нецитируемости художественного смысла остаётся всегда тревога: правильно ли его открыл... И, чтоб удостовериться, хочется разбирать ещё и ещё песни, похожие на только что разобранную... А так же нельзя. Засосёт.

- Нечитируемость – заумь, - скажут иные.

- Нет, - ответу. – Самый перец. Это как десантник ладонью перешибает кирпич. Он целит ниже кирпича. И то же с творцом.

- А может, Высоцкий для того драматизировал, кричал и хрипел, чтоб эффект был? Эффектёр? Артист же.

- Вот то-то и оно, что гораздо больше, чем артист. Артист – что? – Краска в руках режиссёра и сценариста. А Высоцкий драмы-песни сам сочинял. Артист выражает не себя. А автор и исполнитель собственной песни – себя. Невыразимое в себе. Это чудо, если вдуматься? Суметь выразить невыразимое... Выше этого, наверно, нет наслаждения. Вот что такое сказочно уцелевшие порванные серебряные струны.

- А такая исключительность не отделяла Высоцкого как человека от других людей?

- Отделяла. То и дело слышишь, что чем дальше во времени, тем более одиноким он себя чувствовал в глубине души. Сослуживцы-де в Театре на Таганке, где он, наконец, осел, ему завидовали... интриговали, не раз прокалывал кто-то шины... Да и этот бакунинский социализм, феномен редкий, при всей его невятности у Высоцкого самому себе, этот идеал подспудно делал его чужим в мешанской стране. Зато тем более страстно он верил в лучшее во всех и хотел всех-всех-всех, разбудить.

И был не прав.

Есть какая-то закономерность в мире – есть тяга доводить всё до крайности. Понесло всех лгать в той империи Лжи – и – неостановимо.

Кажется, что продемонстрирую, как это здорово – признаться публично в самом стыдном в себе, и оно от одного этого улетучится. Заражу всех откровенностью – и конец Лжи... *«...сместить соотношение в художественных моделях в пользу зла в надежде на активизацию каких-то внутренних резервов сопротивления злу» (Суриков).*

НАВОДЧИЦА.

Образно, иносказанием (второсказанием), то есть почти «в лоб», толкует нам Высоцкий, что нужно дать самому себе волю... Самому! Лишь чуть менее «в лоб» это, чем «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и не герой...». И потому легко сознанию это воспринимать. И нам нравится понимать эту песню как о разгильдяйстве.

«А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про „Наводчицу“. Посвятил Яловичу. Ребятам нравится, а мне не очень...».

Вот что значит художнику отступить от художественности.

Но вот он, наконец, набрёл на своих – на новый, Любимова, Театр на Таганке. Пусть и разрешённый властью в качестве клапана для выпуска пара. Выхлопотанный Андроповым.

У меня даже мелькнула мысль – в связи с бакунинским социализмом в пику марксовому – не в том ли разгадка загадочного Андропова, что он, будучи колоссом самоподготовки, про прудоновско-бакунинский помнил. Ведь лишь прудоновско-бакунинский обладал терпимостью. Терпимость не только в принципе необходима при ядерном противостоянии в холодной войне. Терпимость и в принципе способна капитализм в социализме мирно растворить, раз неограниченный прогресс и перепроизводство способны просто всё человечество уничтожить, и, следовательно, нужно искать замену обоим существовавшим тогда общественным строям: и капитализму с его социальным государством, и государственному социализму (обоим, ориентированным на неограниченный прогресс). Андропов как новый левый без кавычек (кавычки тогда применялись к «новым левым», жаждавшим предельного опыта, к этим исчадиям престижного потребления)... Андропов, слишком рано умерший, чтоб успеть проявиться... Спасти-таки ход истории к коммунизму. Чем и занимался песнями Высоцкий. К коммунизму с его разумными потребностями (а не с комфортом, как в «социализме с человеческим лицом»).

Последователю Мейерхольда Любимову Высоцкий, актёр активный, с песнями собственного творения, был для вставок-зонгов как нельзя более кстати. Ведь *«Мейерхольд ставит мысль на первое место в творческом процессе актёра <...> Возьмём «Отелло». Отелло душит Дездемону, и мастерство актёра заключается в том, что актёр, доходя до последнего предела, до последнего подъёма, должен всё время быть руководителем, должен владеть собой, чтобы на самом деле не задушить свою партнёршу <...> Постоянное раздваивание представляет большие трудности»* (<http://vikent.ru/enc/4875/>). А это-то и нужно актёру-художнику в отличие от актёра-краски в руках режиссёра.

И тут бакунинское самораспоряжение! Фантастика!

«Володя пришел на «Тананку» к себе домой. Все, что он делал, — весь свой драматургический материал, который он к этому моменту наработал, — все шло туда, к себе домой. И то, что они встретились, что их <...> свела судьба: Любимова <...> и Володю... — это могло случиться только по велению Бога»» (Абрамова).

Тут стоит сделать ещё одно длинное отвлечение.

Не прав был Шафаревич, вызывавший против хрущёвского лозунга: «Догоним и перегоним Америку по потреблению...»:

«Россию столкнули на чужой путь, а русский народ — в некотором смысле „идеологический“, мы можем жить, понимая, что жизнь наша идет к какой-то цели. А вот перегнать кого-то — таким смысл жизни быть, конечно, не может. Когда Россия была поставлена в положение „догоняющего“, она тем самым признала отказ от поиска своего пути. И тем самым признала себя „отстающей“, а западные страны „передовыми“ — автоматически из этого следует. Это была духовная капитуляция перед Западом, перед всей западной цивилизацией...».

Не прав Шафаревич. Ошибку, может, сделали ещё в 1918-м, во времена возникновения первых коммун. Если б сделали акцент на духовный приоритет, может, и не так бы пошла вся история XX века. Правда, для этого нужен, может, был не тот градус конфронтации, который вытекал из марковского социализма.

А так... Слишком долго воспитывались люди в другом режиме. Как бы не случайно рано умер Андропов, и тем более не случайно не нашлось ему замены.

Марков же социализм с самого начала не потянул в области материальной, и пришлось лгать — потворствовать мещанству. И марков социализм стал исторически обречённым. Что и должен был выявить так называемый социалистический реализм (да он и выявил; достаточно проследить, например, эволюцию творчества Бабеля).

Если отбросить зряшную политическую приставку, тот реализм чем отличается от просто реализма? Просто-реалист вдохновлён социальным открытием явления, которое уже существует в обществе, но ещё обществом не осознано. А другой (не хочу повторять никчемное тут слово «социалистический») реализм вдохновлён социальным явлением, которое только зреет в обществе, только в будущем проявится и только в будущем его откроет просто-реалист. Художественность-противоречивость-выражение-подсознательного в таком реализме возможна (например, ужасные у Бабеля же евреи или конармейцы; и ужасность та — как залог того, что скоро-скоро её не станет; да к тому в действительности и пошло поначалу). Чем неосознаннее социальное открытие (парадоксально звучит: открытие, а... не осознано), тем вероятнее художественность. И наоборот.

Так если в действительности дела идут не туда, куда хочется, а это «куда хочется» плохо осознаваемо, но хочется, и из-за него грудь разорвёт, если не выскажешься, то это совсем не реализмом (социальным открытием) будет! Не сбудется ж в действительности. (Что и случилось в СССР с прудоно-бакунинским социализмом левых шестидесятников.)

Этот стиль есть в некотором смысле волюнтаризм. Авангардизмом можно б назвать, если б он преодолевал условность и выходил непосредственно в жизнь, то есть становился околотеатром (как драки в кафе при чтении своих стихов ранним Маяковским, или потасовка с совершившими панк-молебен). Так что авангардизмом не назовём, но появление имени Мейерхольда очень симптоматично.

Можно заодно и развеять заблуждение насчёт оппонента Мейерхольда – Станиславского. Зря Станиславского связывают с реализмом. «Четвёртая стена» (не обращать внимание на зрителя) системы Станиславского – выражение возвышения аристократа над массой. Это выражение нищезанятия (возникшего в конце XIX века и сильно развившегося в XX-м из-за выхода масс, серости, на историческую арену). Не то выражение нищезанятия, какое вызывает у зрителя через противочувствия катарсис (сложное по структуре организация выражения). «Четвёртая стена» - это «в лоб»... подсознанию (!) внушение (простое по структуре организации выражения, как было в стиле романтизма: аура неглавных значений слов «в лоб» внушала подсознанию сверхценность внутренней жизни). Это «в лоб» потому не вредит художественности-смысловой-противоречивости, что обращается именно к подсознанию, а не к сознанию (лишь специалисты могут его засечь). Для Станиславского было неважно, какого стиля пьесу играть. Важно было лишь обеспечить потрясающую, из ряда вон, исключительную, жизнеподобность. Что и обеспечивалось как можно полным вживанием артиста в свою роль. (Иной режиссёр потом хвастает, например, что Смоктуновский порезался - бутафор не выполнил приказа, чтоб нож был тупым. А иная артистка, например, Гурченко, хвастает, что неделю отходила от съёмок эпизодов кино «Двадцать дней без войны».) В такой ситуации артист не несёт идею целого. Он – половина, которая с другой половиной призвана вызвать два противоположных сочувствия, противочувствия. И только те вместе, как кресало из огня, призваны высечь у нас третье – искру катарсиса. Поначалу Станиславский и авторов пьес соответствующих подбирал – нищезанятую искру выбивавших. А с победой революции пришлось и абы чем довольствоваться.

Что изменилось в отношении песен с приходом Высоцкого на Таганку? – По большому счёту – ничего (что и естественно для большого художника, на которого не влияют обстоятельства). Но внешне кое-что изменилось – он стал писать так называемые военные песни. Их я подверг синтезирующему анализу достаточно много, чтоб не повторяться сейчас. Все они в уже известном нам типе идейного русла, русла трагического героизма.

Ещё Высоцкий стал писать так называемые политические песни. (Впрочем, кто поручится за даты? В Википедии датировка политических песен, упомянутых чуть ниже, - 1963-й год, а не 1964-й. С другой стороны, какая разница, если на Высоцкого обстоятельства не влияли. Не должен был влиять и актёрский успех в Театре на Таганке. Это я пишу на случай, если таки в 64-м он их написал.)

ОТБЕРИТЕ ОРДЕН У НАСЕРА.

Голая публицистика. Плоская.

Ну, грязное дело – политика... Ну кто над этим смеётся?.. Над Хрущёвым все тогда уже смеялись.

Пал Высоцкий, пал. Тем более пал, что и песня появилась, когда сам Хрущёв уже пал.

Или это даже позитивную ноту вносит. Насмешка Высоцкого звучит как насмешка и над собой, прихлебателем-де...

Хм.

Или вот.

ПИСЬМО РАБОЧИХ ТАМБОВСКОГО ЗАВОДА КИТАЙСКИМ РУКОВОДИТЕЛЯМ

Ну смех над народом нашим, которым манипулируют, и он даже и не замечает, участвует...

Тоже некий смех и над самим собой... Тот же ж народ.

Что-то некондиционное получилось. Как нынешний поток смехачей. Достали. Из их рядов порядочные люди аж уходят.

Пусть лично для Высоцкого, - которому уже брезжила новая левизна, без экспроприации экспроприаторов, немислимой в условиях наличия атомного оружия, - пусть лично ему врагом становился левак Мао, но. Не высмеивать же врагов «в лоб». Пусть и смеясь попутно над собою, это делающим.

Ну а можно ли отнести к политическим песню, против антисемитизма направленную? – Может, и можно.

АНТИСЕМИТЫ.

Редкая сатира у Высоцкого. Это род искусства, который, вслед за Гегелем *«как явление искусства эта [послегегелевская] теория вообще недооценивает и принижает и склонна сводить к дидактике»* (Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 341).

Скажете, противоречия ж – Альберт Эйнштейн со товарищи и... убийцы и воры всего урожая (после чего СССР стал закупать пшеницу на Западе).

Противоречия, да. Но не равные друг другу. Только от столкновения равных возможен катарсис. А от неравных разница призвана усиливать соответствующее чувство. К тому ж и заранее известное. Где уж тут подсознание.

Одно слово – сатира.

Как можно объяснить у гениального, можно сказать, Высоцкого отступления от художественности? Может, перерывы и гению нужны?

Наверно. Но более привлекают такие слова Плеханова:

«У всех просветителей твердая вера в силу разума сопровождается столь же сильной верой в силу невежества. У всех их настроение постоянно меняется, смотря по тому, какая именно вера временно берет у них перевес» (Плеханов. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С.584).

Идей классиков второго социализма, Прудона, Бакунина, идеи «единства в разнообразии» (то есть отсталость включая), их принципа ненавязывания силой даже отсталому, - этих идей Высоцкий всё-таки не

знал. Вот и приходил в отчаяние от своих провалов веры в народ. И соблазнительно распределить по темам тогдашние провалы и взлёты. Политические песни – провалы, военные – взлёты.

Или это и позже прослеживается?

Н.С. ХРУЩЁВУ.

По крайней мере, чем дальше, тем чётче видно, что успехи в Театре на Таганке не влияли на его мироощущение. Что он такое, личный успех, когда кругом всё плохо и не поддаётся исправлению песнями!

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Текстуально всё – о себе, дорогом. Но этот голос...Этот мужественный голос... И этот образ подводной лодки...

Это – война! Идеологическая война его одного со всем необозримым народом, неподдающимся улучшению... Как незримы противники, эти надводные корабли, глубинными бомбами заставившие подводный корабль прекратить атаки и замолчать буквально.

Это когда? - Когда *«с Высоцким заключается договор на написание песен для спектакля «Павшие и живые»»*. Когда *«в ленинградском Институте высокомолекулярных соединений (в кафе «Молекула») состоялись два его концерта. Два первых концерта перед широкой аудиторией! Эти выступления длились по два часа, в каждом было исполнено по 18 песен»*.

Я вспоминаю рассказ своего двоюродного брата, учившегося тогда в Рижском университете, как они, осознавшие советскую несвободу молодые студенты, пили глотки свободы, стоя на подоконнике в переполненном зале на концерте Высоцкого, и задыхались от прилива антисоветских эмоций.

И я представляю, как должен был чувствовать себя Высоцкий, если знал, что его понимают с точностью до наоборот.

Ну что делать?! Замолчать?! Ни-че-го ж не получается!..

И у меня горькая судьба. Слишком для большинства сложно то, что я предлагаю раз за разом в качестве осознания своего озарения о художественном смысле произведения. И у меня не получается убедить. А самое досадное, что я ж и на мнение автора не могу сослаться, ибо считаю, что он дело говорит только текстом произведения, только в процессе творчества, а не после него. Потому что в процессе творчества «говорит» его подсознание. И оно зачастую так и остаётся неизвестными сознанию автора.

Хохот? Я знаю лучше автора!?

Увы, это так.

И слава богу. Ибо, что было б, узнай автор, после того, как он одну песню написал, каков её художественный смысл? – Он бы не смог сочинить следующую в таком же роде. Ему б было противно делать иллюстрацию уже знакомого.

Как факт, посмотрите, что он написал о своих песнях для фильма Виктора Турова «Я родом из детства». Ну самопиар, как теперь говорят. И не притворился, чего доброго.

И так и не понял, что из-за гадкой послевоенной действительности отстранённые, холодные его песни сочетаются с

горячим видеорядом 45-го года по принципу противоположности, и именно потому *«не выпадают из кино»* (Там же). Насколько возвышенно то единство, с которым идут в кадре на персональные могилы воинов женщины 9 мая 1945 года, настолько нивелирующее то единство, превратившееся в моду ходить на безымянные могилы много лет после войны (а именно то и выражает песня «Братские могилы»). А Высоцкий несоответствия и не понимает.

А будь не так... Он написал бы 600 песен?

Или «В холода, в холода»...

Высоцкий пишет: *«В главной сцене с Ниной Ургант мы заводим патефон - и звучит песня, написанная мной. Она похожа на довоенные песни - я сделал стилизацию на «Синенький скромный платочек...». Мы хотели, чтобы было ощущение, что это давно-давно записанная пластинка. Я даже музыку написал вальсовую, а вальсы были модны в 30-х годах»* (Там же).

В холода, в холода.

А ведь всё наоборот. К Люсе ж, домой, буквально за несколько дней до конца войны, на сутки, приезжал муж с фронта. И вот так же, как теперь, через пару месяцев, вернувшийся с войны сосед, Володя, пилит дрова, - муж их тогда рубил. До возвращения Люси с работы. Она аж за сердце схватила, теперь, подходя к дому. Думала – муж, ошиблась похоронка, которую она успела получить на него в самый день Победы. И вот сосед этот – загляденье мужчина, хоть и с ужасным шрамом на лице – проявляет к ней мужское внимание, зная, что у той уж пару месяцев, как нет больше мужа. И как ей быть? «Идеалы или интересы?» - так можно было б переименовать кино... И вот сосед приглашает её, как и муж пару месяцев назад пригласил танцевать под патефон, под «Синенький скромный платочек»... - Приглашает под «В холода»... Так неуютно! И насколько уютен «Платочек», настолько неуютны «В холода, в холода»...

Была война, и не надо было выбирать. Все судьбы были в единую слиты. И это была судьба под названием «Идеалы». Надо было ждать домой своих мужей, не смотря ни на что. А теперь? Если они не вернулись?.. Разве не бывало, что похоронки ошибались?

И вот угнанная в пятнадцатилетнем возрасте в Германию сестра товарища Женьки (Люсиного сына), красавица (уж точно в публичный дом там попала) осуждает мать, всё-таки, мол, своими глазами не видевшую смерть мужа, - осуждает мать, привечающую другого...

А самой ей каково было – вернуться такой красавицей в свой город, где её знают и понимают, что ей пришлось претерпеть в Германии...

И брат этой красавицы – тоже. Он уходит из дому, бросает школу, удирает в Минск из-за матери.

А той девушке на танцах, которую Женька подвёл к слепому лейтенанту, не выписанному ещё из госпиталя... Ей каково? Она ж в него, красавца, влюбилась с первого взгляда... Видно по её лицу. А он же слепой...

Это само по себе трудное время – время выбора. Неприятно. И это выражает песня «В холода, в холода».

Но лучше эта неприятность, если выбирают в итоге Идеалы, а не Интересы, как тогда, сразу после Победы большинство выбирало... Чем теперешнее, послевоенное спокойствие уже выбравших... Интересы, а не Идеалы.

Выводимо ли это просто из текста песни, взятой сама по себе? – Выводимо, если считать, что текстом является и дата его сочинения.

Здесь это 1965-й год. 20 лет после войны. Мир. Спокойствие. Когда в песне такое Сомнение.

- А противоречия: «холода»... «зовут», «От»... «насиженных», «родных тополей», «Может – здесь»... «может – там» и мн. др.?

- Их столкновение даёт: «с нами беда» спокойствия после неправильного выбора.

- А как же тогда с нецитуруемостью художественного смысла?

- А просто надо разрешить локальные в-лоб-выражения как не уничтожающие художественность, как нечто не вполне доходящее до собственного сознания автора.

Впрочем, не исключая, что художественности насовсем они вещь не лишают, но в самооценке автор всё-таки удачей вещь тоже не считает.

В общем, подвожу предварительный итог: пока подсознание этого творца я хорошо (по-видимому, верно интерпретируя) ориентировал как антинародное в некотором смысле, а не антивластное (в некотором же смысле).

Но вот песня, высмеивающая КГБ – «Про личность в штатском».

Так это тот же случай, что и с политическими песнями, что выше. – Эстетическое падение. Значит, «*временно берет... перевес*» разочарование в способности народа проснуться к настоящему социализму. Я б и запой так подвёрстывал, если б был биографист.

Вот только что делать с шуточными неполитическими песнями? Скажем, «Песня о сумасшедшем доме». Там же тоже никакого подтекста. Тоже прикладное – рассмешить – искусство. Эстрадное. Ну? Как быть с этой обязательной связкой, дескать, гений – тончайшее искусство?

А очень просто: сам он по гамбургскому счёту лобовые песни ни в грош не ставит:

«Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев, на телевидение, как барда, менестреля. Не поехал. Что я им спою? Разве только про подводную лодку. Новое пока не сочиняется...» (Из письма Кохановскому).

Смотрите, что вписано в хронологический перечень песен между «Подводной лодкой» и «Песней о сумасшедшем доме» (обе 1965 года): «Мой друг уехал в Магадан», «Про личность в штатском», «Песня про студентов-археологов», «В холода», «Песня про моего соседа-завистника», «Песня про чёрта».

То есть ехать в Куйбышев без каких-то месячного срока давности шедевров он себе позволить не может.

- Самоцензура?

- Да. Но эстетическая.

Впрочем, случилась и политическая (выступать в институтах перестали давать). В связи с политическим процессом Синявского, у которого нашли звукозаписи выступлений Высоцкого. *«Отметим, что это «поприжали» продлится недолго — ровно то время, пока власть была озабочена XXIII съездом КПСС, который состоялся в конце февраля — начале марта 66-го. На это время в стране всегда вводилась жесткая цензура».*

Но вот он, наконец, выступил вместе с бардами. Со своими, по большому счёту. (Если большим счётом назвать общий идеал настоящего социализма, самоуправленческого, самостоятельного.) И... не почувял этого большого счёта. А отнёсся чисто эстетически:

«Я никогда не принимал участия в движении так называемых бардов и менестрелей и не понимаю, что это вообще за „движение“, да и какие это барды и менестрели?!

Это просто люди, которые плохо ли, хорошо ли пишут стихи и плохо ли, хорошо ли исполняют их, в основном под гитару, потому что это очень доступный инструмент.

Сейчас такое количество этих бардов и менестрелей, что я к ним не хочу никакого отношения иметь. У меня есть несколько любимых мною людей, которые занимаются авторской песней (среди них значились: Булат Окуджава, Юрий Визбор, Михаил Анчаров, Юлий Ким, тот же Юрий Кукин. — Ф. Р.), но некоторые люди с гитарами принесли очень много вреда авторской песне. Их очень много, в каждом учреждении существуют люди, которые играют на гитарах и сочиняют песни. Я прекрасно понимаю тягу людей к тому, чтобы самим писать песни и петь это под гитару, но, к сожалению, очень многие люди хотят выходить с этим на широкую публику, чем и вредят».

Ну что тут скажешь... Гений. Не пушкинский Моцарт, что привёл к себе домой жалкого уличного скрипача, чтоб слушать. Высоцкий, впрочем, это во второй половине 70-х сказал. А я раз предположил, что все остальные барды быстро скисли идейно. И марку именно трагического героизма держать остался он один... (Впрочем, ошибался: Анчаров тоже до смерти не скис. Визбор — тоже.)

Каюсь: есть у меня слабость (если это слабость) — красной нитью всюду проследживать идеал.

Благо, появившиеся новые по тематике песни (спортивные, фантастические, сказочные) неизменно давали такую возможность — проследживать идеал.

ПЕСНЯ О СЕНТИМЕНТАЛЬНОМ БОКСЁРЕ.

Не стану анализировать и синтезировать. Мою философию жизни выразил Высоцкий. Я раз в Одессе, в перестройку, пошёл на руховский митинг. Поскольку уверен был, что дольше полуминуты мне говорить не дадут, приготовил такую речь: «Я против строя, что как спортивное соревнование: одному-двум-трём — всё, остальным — ничего!»

Или всё же надо?.. Ведь вполне могут счесть: «Ага! Как своё — так нравится. И плавать, что нет никакой непонятности-художественности. Сам мало чего от жизни хочет, вот и рад, что нарисован чёрной краской преуспевающий».

И правда, чем не сатирическое утрирование: «**мне челюсть кроша**», - обычные интриги и толстошкурость начальничков, без которых невозможна карьера по административной линии...

Раз я, совсем молодой, сделал большой карьерный прыжок, вошёл в республиканскую номенклатуру, поддался уговорам главного инженера и был назначен начальником ОТК крупного – по меркам маленькой республики – завода. Но, оказалось, надо покрывать приписки, пропуская скрытый брак как годную продукцию. Подсудное дело. Я успел раз даже получить за него крупную премию. Иначе – тебя начальники цехов просто «съедали». Один выпад меня восхитил. На совещании у директора я привёл расчёт необходимого количества контролёров по выявлению этого скрытого брака. Штат следовало увеличить. Но мне бросили упрёк: «Ты лучше пойдёшь сейчас с ними с крыши своего имярека, пусть работает, а не загорает». И мой расчёт не был принят во внимание. Я вернулся с совещания и рассказал оказавшемуся почему-то не на крыше имяреку всё, прибавив: «Как же ты меня подвёл!» А он мне: «Было это, было. Только два года назад, до вашего тут появления. Я больше никогда так не делал». Но было поздно. Я пропустил апперкот. И представил, как теперь смеётся тот начальник. Что мне предстояло? С волками жить – по-волчьи выть... – Это было не по мне. Я подал заявление о переводе на прежнее место. Меня уважили. А я зарёкся от административной карьеры. Царило Зло. Мне не хотелось быть в этом царстве в верхах. Но я был исключением из правила.

У Высоцкого же Зло сламывалось. Как не порадоваться?

Но. Слом-то – сказочным образом! Утрированным!

Утрирование Возмездия до равенства утрированному Злу сталкивает равных и рождает катарсис: где ж такой герой в Жизни!?. Нет же его! – Горе, горе!.. Где эволюция, наконец, в стране якобы воинствующего коллективизма, где эволюция общественного мнения против разбушевавшегося воинствующего индивидуализма?

И первоначальный смех от неожиданного финала переходит в глубокую невесёлую задумчивость. Это – не шуточная песня!

В этой песне уже видно открытие Высоцкого и левых шестидесятников, - открытие новой левизны: надо вспомнить о пребывавшей в тени второй части формулы коммунизма: каждому – по РАЗУМНЫМ потребностям. Движение за спасение планеты от неограниченного прогресса, от глобальной экологической катастрофы из-за перепроизводства ещё не начиналось, а барды уже запели, смутно этими идеями вдохновляясь. – Даёшь Подсознательное!

И Подсознательное – не фига в кармане. Фига, наоборот, есть заранее известная идея. То есть – признак нехудожественности.

Я долго-долго думал, что идеал – явление инерционное (и правда: редко кто из творцов в течение жизни менял идеал больше одного раза; Пушкин – раз шесть! – исключение). А недавно меня вдруг пронзило: а как же с однажды выраженным (пусть и противоречиями, неявно) идеалом? Разве, будучи выражен всё-таки, он не становится для самого художника осознаваемым? Не странно ли, если не становится? Но вот сейчас, пока пишу эту вещь, как-то воочию ощущаешь всё-таки

инерционность идеала у некоторых – из-за неясности его выражения, в частности.

Вот неясность – в интонации: **«пе-е-ервыми»**.

А ЛЮДИ ВСЁ РОПТАЛИ И РОПТАЛИ.

Казалось бы, лобовая халтура о несправедливости любой власти в пользу самой себя. Слова – бунт, вроде: **«кричали», «справедливости»**. Но **«кричали»**-то как-то занудно не раз повторено это слово. А главное «но» – голос! Голос же против бунта. Униженная жалоба. – И – песня из антивластной становится анти-падло-народной.

Грустно. – Отчего? – Оттого, что для народа важно ПОЛУЧИТЬ, покушать скорей. Текст с голосом сталкиваются, и рождается тяжесть из-за приземлённости народа.

Не знаю. Может и навык сработал у Высоцкого: привычно собралось противоречие... Не мог же Высоцкий знать технологию художественности – противоречивость. Он же книгу Выготского не читал в суете городов...

Жуть: есть одно слово в одном письме его:

«Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но можно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается, набираю пары...».

Какие пары? Противоречий?!

Они там действительно появились. Всесильные **«боги»** и **«что же делать, спускались на землю»**, а результат есть: *«бессилие микроколлектива что-либо изменить в большом масштабе» (самоцитата)*. Досаждающие однообразные приказы и пустые увещания командира: **«Отставить разговоры! Они помогут нам!»** и вдруг - его отстранённое: **«Их надо сбросить с перевала»**, а результат: это уже мой собственный себе приказ: **«Их надо сбросить с перевала»**; личная ответственность за страну, тогда, в пику послевоенной личной безответственности за неё, теперь, когда снят фильм. И т.д.

Не хочется думать, что работал холодный технолог.

Хотя... Остальные две песни из фильма «Вертикаль» почти лобовые – про прелесть исключительности. Образ того, как достичь самоуправления по всей стране: опираться на друзей. Близкодействие, так сказать. Начинай с около себя *«федерацию федераций» (Прудон)*. Так – победим!

И я что-то не слышал, чтоб Высоцкий унижал эти две сверхпопулярные песни.

Унижал, правда, Алексей Герман, человек достаточно тонкий эстетически, и – все четыре:

««Я думаю, что, может быть, были ночи, когда он думал: „Все! Не могу! Хватит. Напишу то, что нужно“, — и иногда писал то, что нужно, — я перелистал „Нерв“ (сборник стихов Высоцкого, выпущенный сразу после его смерти. — Ф. Р.) Эти самые песни к плохим картинам Говорухина, конечно, он старался написать то, что требовалось. Конечно, старался быть популярным, войти в «истэблшмент». Но получилось хуже, чем другое — «не заказное»...».

Ну что? Не согласиться с Германом на все четыре? Это-де Герман по инерции из-за несложно устроенного фильма, сделанного почти «в лоб», образного кинопоучения: «так – победим». Что: только на две песни с Германом согласиться? И, на эти две опираясь, признать, что, наверно, всё же не обязательно привязывать эстетические снижения Высоцкого к – как Плеханов сказал про просветителей – падениям веры (в нас, слабых современниках Высоцкого)? Вот-де обратное: макет победы, а – *«хуже, чем другое»*.

Хотя, опять же... Это ж – не макет победы (две те песни), а бегство от действительности: в горы (если относиться к горам как к святому). Значит, есть, от чего бежать. С равнины обычного (мещанства), которого не избежать! – и надо это тоже принять. И оттого, может, такая большая доза неистовости там звучит. Вспомните: **«Парня в горы...», «Лучше гор...»**. И не прав Герман. Ошибся. Бывает. Особенно, если учесть, что у несгибаемого Германа уже («Нерв» вышел в 1981 году) идеал улетел в сверхбудущее, а у Высоцкого (в 1966-м) идеал ещё был в настоящем, казался вот-вот осуществимым: надо только ему, Высоцкому, ещё поднапрячься, ещё и ещё чуть-чуть, и он нас, эту глыбу, сдвинет, наконец, с конформизма и потребительства. Это ж так по-человечески понятно: не понимать человеку с одним идеалом (Герману) человека с другим идеалом (Высоцкого).

А там, в этих двух песнях, может, есть пары, оценивать которые надо одинаково: горы (куда бегут) и равнина (которой не избежать, и принимаешь это). И что тут за выход из пары? – И не назовёшь. Подскажешь Высоцкому, так сказать: «Прудон», – он в морду тебе даст (так мне сказал как бы от имени Высоцкого Борис Бурда через много лет после смерти Высоцкого, почитав мои опусы о нём; Прудона в них ещё не было, но была гражданская активность; и это был, правда, уже преуспевающий шоу-мен Бурда, а не бард, но всё равно).

А может, просто в том письме жене было не *«Ары»*, а *«пары»*.

В любом случае, как только Высоцкий касался политического устройства способом не «почти в лоб», а просто «в лоб», так не скажешь, чтоб та песня оказывалась популярной:

МАРШ КОСМИЧЕСКИХ НЕГОДЯЕВ.

То-то есть смеяться отчего -
На Земле бояться нечего!
На Земле нет больше тюрем и дворцов!

ВОЗЛЕ ГОРОДА ПЕКИНА.

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, -
Но что-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вей-бины...
Да если даже и популярная...

В ДАЛЁКОМ СОЗВЕЗДИИ ТАУ КИТА.

На Тау Кита
Чего-то не так,
Там таукитайская братия
Свихнулась, по нашим понятиям
Она за почкование популярна.

Отчего Высоцкий не откликнулся сочувственно на китайскую попытку остановить ползучее обуржуазивание начальства? – Оттого что он, повторяю, был настроен антинародно, а не антивластно. Немарковский социализм должен расти снизу, а не сверху. Он это чувствовал инстинктом, без чтения всяких Прудонов и Бакуниных. Китайцы же – с послушным менталитетом, и потому, и хунвейбинами будучи, исполняли указание сверху.

Точно потому же (за «снизу, а не сверху») Высоцкий народ любит с недостатками его («*«Письмо в деревню» и «Ответ на письмо»*»). Недостатки не мешают безгосударственному социализму. Параллель с теорией:

«Прудон не боится многообразия, предлагая лишь обеспечить каждому его фрагменту (предприятию, территории, субкультуре) одинаковую устойчивость к ударам внешнего мира (нации, государства, рынка)» (Шубин).

Высоцкий, судя по этим шуточным песням, свой народ настолько сильно любит... Думается, что от такой-то любви как раз и рождается тяга именно к самоуправленческому социализму, а не к государственному. Причём именно через противоречие-то (смешно ж) и видно, насколько сильно он любит. Это как упомянутая твоя досада на командирское натаскивание на патриотизм: **«Отставить разговоры! Они помогут нам!»** А ей в пик – сама собой в тебе рождается ответственность. Или сплошные бытовые неудобства от соседа по землянке в песне «Он не вернулся из боя» (1969), а... дружба. – Всё – через наоборот. Только в военных песнях есть и второе «через наоборот» – ненависть к теперешнему народу, не такому народу, как тогда. И та ненависть ещё и с третьим «через наоборот». Потому-де и ненависть, что подсознание говорит, что не пропало же в народе то прекрасное, что было в нём, а значит, есть всегда: и сейчас есть. А когда про современность поётся о смешных бытовых (ненавистных для Высоцкого) заботах народа – Высоцкий только что не дрожит от лицемерия многократно перевешивающей этот быт душевной высоты (так любовно он видит мельчайшие психологические извивы):

Водки я пока не пью, ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я,
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая!

Перевешивание – как в сатире. Только там – в отрицательную эмоцию, а тут – в положительную. И всё – осознанное.

То есть – малохудожественная вещь, как и сатира. (При том понимании художественности, которое изложено выше.) Мало-, но всё-таки художественная вещь: есть это «через наоборот».

Зато, если нет мельчайших психологических извивов в песне про современность («Пародия на плохой детектив»)...

...Враг не ведал, дурачина:
Тот, кому всё поручил он,
Был чекист — майор разведки и прекрасный семьянин.

Зато, если «через наоборот» не структурное («люблю тебя, глупая!»), а логическое (контрразведчику надо притворяться)... - То вещь прекращается просто в любовую.

Опять: как только непосредственно политики дело касается, так Высоцкий эстетически падает до нуля. Его б политика вдохновляла в одном случае – если б её делал народ от своего имени и по своей инициативе.

Нет. Наверно, ещё и чтоб не ради собственной корысти.

Вот (правда, тут не политика):

ПРОФЕССИОНАЛЫ.

Казалось бы, те же будкеевы – эти наши. Чего радоваться? Попрание других – их удовольствие. Сверхчеловеки жестокие, как и канадцы.

А не в том дело. Дело в том, что – не за деньги (почему профессионалами канадцев зовут), а за специфический игровой профессионализм играют наши. Вон: развили стиль игры – играют **«на скоростях»**.

В словах: **«пусть канадским зовут хоккей»**, - есть доля негативизма. В чём она? Канадский нагружен жестокостью, этим необходимым принципом конкуренции, Бога капитализма. Больше жестокости, больше травм, причиняемых и получаемых, - больше гонорар, больше Денег, другого Бога капитализма. Есть ли что уважаемое Денег? – Есть! – утверждает хитро организованная песня одного из открывателей новой левизны, мирной, несиловой.

Сама победа наших, в том числе и силой (**«И их оружием»**), фразеологизмом **«За нами слово!»** (Слово! Не дело!) развоплощает всю неорганичную, привнесённую капиталистическим строем, жестокость игры, в мечту об игре более красивой. (Ведь от большей части песни веет негативизмом, а – победа наших.) По ассоциации это навевает мечту о строе, лучшем, чем капитализм (а капитализм же лучшим стал казаться иным в СССР от недостатков лжесоциализма и желания догнать и перегнать не на своём поприще – духа, а на поприще чужом – тела; вон, и в хоккей стали играть – в канадский). Тем труднее повернуть поезд, пошедший не по тому пути. Чем труднее задача, тем напряжённее ритм песни. Он столь напряжён не из-за хоккейных перипетий (чемпионат уже кончился, отсмотрен по телевизору; о борьбе же за изменение правил игры в песне ничего нет, и это вообще в будущем). А в настоящем – уже идёт и продолжается идейная борьба в СССР. Вот о ней эта песня. Борьба

идёт и между телезрителями после просмотра матча: хорошо ли, что канадцам много платят, и плохо ли, что нашим – мало... Или прямо наоборот хорошо и плохо... И герой-Высоцкий своих позиций не сдаст.

Что чему в песне структурно (не логически) противопоставляется? – Рубленный ритм, скандирующее (по слогам) произношение слов наделяются и негативизмом к канадскому хоккею, и приятием борьбы с ним. Что даёт столкновение негативизма с приятием? – То, что написано выше.

Тяжело мне. Ведь сам Выготский только один раз позволил себе определённо выразиться о результате столкновения противочувствий, что происходят от противоречий текста (в широком понимании слова «текст»). Это были слова: «порыв и полет ввысь» от столкновения в готическом храме «максимума массивности» с элементами, дающими «торжествующую вертикаль».

Но ещё тяжелее мне от своего максимализма: мол, художественность – это сложноустроенность (третьесказание, если считать составной частью внетекстовый катарсис); мол, художественность – это противоречивость (если считать в составе произведения только то, что в тексте); мол, образность (иносказание) из художественности выпадает вообще.

Ну кто с этим согласится? Разве что когда-нибудь в будущем. Так стоит ли мне на это сегодня класть все свои силы?

Мысль, что стоит, – вполне прудоновская.

«Прудон понимал: «Анархия же, в чистом ее виде, – это идеал, который никогда не будет осуществлен во всей полноте».

Так зачем выдвигать столь удаленные цели? Маркс тоже предлагает максималистские решения, но рассчитывает, что они будут реализованы уже на современной ему технологической и культурной базе. Однако он тоже не исключает, что коммунистический идеал будет достигнут после прохождения переходной стадии социализма. Но она по Марксу – уже начало коммунизма, который после достижения социализма становится необратимым. Прудон выдвигает идеал как направление движения, не смешивая его с началом пути. Это — принципиально разные подходы. Если разрыв с капитализмом уже объявляется [марксизмом] несовершенной формой социального идеала, теория теряет свой творческий потенциал. На место стремления к преобразованию общества в качественно новое состояние приходит защита достигнутого «несовершенного коммунизма» [так называемого при Брежневе реального социализма] — в сущности иной формы старого общества [архистарого. Семёнов называет его политаризмом, в аграрном виде возникшим ещё в Древнем Египте].

Прудон выдвигает критерий действительно социальной революции: «Главная, решающая, идея этой Революции, чтобы в результате не стало БОЛЬШЕ ВЛАСТИ ни в церкви, ни в государстве, ни в земле, ни в деньгах <...> Опыт перерождения революционных процессов подтвердил принципиальность критерия Прудона: если революция укрепляет авторитарную систему, она приобретает черты реакции» (Шубин).

Вполне в духе Шубина малахольно печалится и Высоцкий, когда он обращает, наконец, своё внимание на власть, на смену хрущёвской оттепели брежневским – чем? – гололёдом. «Гололёд».

Ну? Трогает?

Может, и тронуло б, услышь это тогда, когда сам переживал брежневщину, особенно в её надоевшей фазе. Но разве это тончайшее искусство, которое живёт века? – Нет. – А почему? – Потому что тут всего лишь образность, которая призвана усиливать чувство. Чувства нет – нечего усиливать. И... Пшик.

Как только Высоцкий выступает против власти, так у него не получается произведение тончайшего искусства.

Он же прудонист, только не знающий, что он прудонист. А вы ж чуть выше прочли. По Прудону надо с самого начала что? – Чуть МЕНЬШЕ ВЛАСТИ за счёт отнятия у власти крошки её путём самоуправления в какой-то мелочи. Из-за мелочи власть и не воспротивится. А начало – ЕСТЬ. Дальше – ещё чуть! И опять с тем же эффектом. И дальше так, и дальше... Получается ж немедленное достижение идеала в какой-то мере. Оптимизм! Не исторический, как у большевиков, а детский. Это ж кажется таким достижимым! Народ должен бы понять. Не понимает – усилить убеждение его. Опять не понимает – ещё усилить. Помните, как у Высоцкого надувались жилы на шее? Как он хрипел? – Оттого! От непробиваемости народа. А не от нехорошести власти.

А как про власть, про тоталитаризм, про несвободу – так это становился не Высоцкий.

Что мы и слышим в «Гололёде».

- Хорошо. А «Спасите наши души»? Тут не гололёдовское бессильное хныканье падающих, тут не жалоба слабых на плохие внешние обстоятельства, тут не какая-то космическая безнадёга...

- Вот именно! Тут такой громкий крик, что кажется, что он обращён к тому, кто не может не откликнуться.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!

Каков, собственно, сюжет?

Локаторы... Видно, гидролокаторы для обнаружения подводных лодок. Они вполне уже были во Второй мировой войне.

То есть нашу подводную лодку как-то повредили немцы. Кончался воздух, а всплывать нельзя. Выхода не было, и кончилось тем, что, как на таран наземных целей шли подбитые лётчики, так («**Заместо торпеды**») на таран вражеской верфи, всплыв, пошла подлодка. Ни о каких сигналах SOS не могло быть и речи. Известен единственный позорный случай во Второй мировой войне про сигнал SOS, поданный с подорвавшейся на mine английской подводной лодки. И совсем абсурд с тараном верфи. Всё, видно, надо понимать как бред в состоянии аффекта от борьбы.

И что если – внутренней борьбы. С самим собою. Пусть и с собою, как представителем какого-то разряда людей. Народа, скажем. Или что если это монолог, монокрик! – терзания народом самого себя

Это тем более вероятно, что сигнал «спасите наши души» напрямую кричит о душах.

Когда слышишь такое надрывное пение, не до вникания в содержание крика. Хватит одного слова «душа» и смутной догадки, что что-то ей грозит. Высоцкий почуял верно. Слушатели ему простят любые слова в песне при таком накале исполнения. Ему раз поручили сыграть небольшую роль, слов которой он не знал (внезапно вышел из строя один артист, и некуда было деваться). И Высоцкий вышел на сцену и впал в раж. Однажды он даже такую песню сделал – «Парус». Так и тут. При каждом слушании этой, «Спасите...», песни. Кто бы ни слушал. И только необходимость разобраться в собственном переживании заставляет меня введаться в то, что со мною происходит, когда я её слушаю.

И я думаю, что так кричать о спасении, в полной уверенности, что спасение придёт, можно только самому себе.

Что-то я, - нет! народ! – ТАКОЕ делаем... Надо иначе!

А психологи ж различают до семи «я» в каждой личности: «я»-реальное, «я»-идеальное, «я»-фантастическое (если б всё было возможно)... и т.д. То есть в каждом есть кому с кем поговорить при случае. И с «нами» – то же. «Нам»-реальным – с «нами»-идеальными...

И если мы погрязли в конформизме, то нам и только нам самим под силу вытащить себя из этого болота. Трудность – страшная. Но больше вытащить некому! И если дошло, что дальше терпеть некуда, то и кричать надо на себя изо всей силы.

Антинародная песня. И притом и пронародная. Потому что, если б народ был безнадёжен, то и кричать было б нечего.

Это поверхностное отношение: раз из 74 строк 63 – живописание «истерик» против капитана, то песня – о бунте экипажа против притеснения личностей капитаном, и это, мол, есть образ неизвестного Высоцкому, но предугаданного «выступления пражских студентов в ноябре 1967 года, требовавших осуществления реформ системы образования» и предугаданной критики «политического курса страны на собраниях чехословацких писателей» (<http://www.histussr.ru/hussrs-126-5.html>), а также образ, вероятно, известной Высоцкому «демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года» и «Митинга гласности» 5.12.1965» (<http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/delo-22-01/>).

И можно было б принять такую версию, но.

Согласитесь, что вообще аура военных песен Высоцкого – героическая. И здесь то и дело, во второй половине песни, скорее героически, а не истерически звучит даже и это «Спасите наши души!». – Да, воевать страшно. Да, подводникам – особенно страшно. Но герой не тот, кто не боится, а тот, кто страх преодолевает. И было б извращением сказать, что тут перед нами антивоенная, антикомандирская песня. (Я уж не говорю об этом сумасшедшем таране верфи, с которым все на подлодке – приказ же! – согласились.) А если принять, что тут изображено естественное колебание между страхом и его преодолением, то тут перекикивание себя с собой.

Вот это и есть то противоречие (двух равных), что и делает возможным сказать, что тут тончайшее искусство.

Что даёт тут столкновение равных? – Трудно сказать. Формулирование словами в таких условиях – всегда несколько авантюрное предприятие.

Может, подскажет невольный выход в «почти в лоб»? Эта некая метафизичность прощания с жизнью: **«Конец всем печалям, / Концам и началам»**? – Что это? Выход в некое «над Добром и Злом»? В ницшеанство? В Вечность, где нет жизни и смерти и самого времени?.. Или при возврате всё же **«к причалам» «Мы рвёмся» «Заместо торпед»** всё опять возвращается из метафизических бездн на землю, в трагический героизм?

Ведь дальше истерические слова звучат героически. Пока не превращаются в безразличное истаивание звука.

Плохо, чёрт возьми! – вот, наверно, каков осознаваемый результат всех столкновений с этим выходом на истаивание.

Если это истаивание есть неявный «в-лоб-результат», то поднять его в явное – вот что будет. Надо было не доводить до конфронтации.

Как это было возможно касательно общественного строя? – Позволю себе наглость сказать вместо Высоцкого. В 1917 году, когда страна рассыпалась на массу полунезависимых советских областей... Или в 1967-м... вспомнить про Прудона, и, войдя в Чехословакию в 1968-м, предложить вспомнить его тем из чехов, кто был за дружбу с СССР, обеспечив им лишь упомянутую *«устойчивость к ударам внешнего мира»*.

Вообще, тяжело отстаивать преимущественную антинародность самых страстных песен Высоцкого, в пик мнения о преимущественной их антитоталитарности или, что почти то же самое, об их либеральной, прокапиталистической ориентации. Тоталитаризм же предполагает соответствующий народ. Кто из этих двух кого породил? Я говорю, что государственность (обратная его сторона – патернализм, порождающий хозяйственную неделовитость – Высоцкому вполне могла быть по нраву) – в менталитете русского народа. Но. Всё ж меняется. И вот пробивается индивидуалистское делячество. Тоталитаризм ему – вред. Зато очень противно оно любому социалисту. Любому. Так поскольку Высоцкий какой-то социалист, пусть и не сознающий своего прудонизма, то как он относится к индивидуалистскому делячеству? – Плохо. Ибо для него финал истории – коммунизм, с распределением каждому по РАЗУМНЫМ (сообразным с окружением и окружающими) потребностям (Высоцкий – новый, после марксизма, левый; а новое ж – это хорошо забытое старое: прудонизм). И из двух сторон коммунизма: политической (без государства) и экономической (без неограниченного материального прогресса, т.е. без индивидуалистского делячества), – ему нравятся обе. А что прудонизм к государству, к тоталитаризму не терпим, а к индивидуалистскому делячеству терпим... Так Высоцкий себя ж всё-таки не осознаёт прудонизмом. Да и прудонизм... Он же индивидуализм терпит в размерах, не портящих коммуны, он способен к договору. А сложно устроенное тончайшее искусство тоталитаризм на своей территории может и допустить – не понятное ж оно. Художественная же натура Высоцкого с индивидуалистским делячеством совсем не в ладах. Так что из двух врагов друг другу: тоталитаризма и индивидуалистского

делячества, - большой враг Высоцкому всё-таки второе. Враг (тоталитаризм) моего врага (того делячества) мне друг. И был бы Высоцкий вполне за тоталитаризм, если б не скрытый в нём от него самого прудонизм. Вот и получается, что не исключена и антитоталитарная нота в его песнях. – «Вариации на цыганские темы» или МОЯ ЦЫГАНСКАЯ.

Почему лирическому герою «нет веселья»? – Как установлено выше, до сих пор (а сюжет данной книги хронологико-биографический) главным объектом веры или разочарования Высоцкого был народ. Значит и в этой песне причина генеральной невесёлости лирического героя такая же, как всегда, а не халтура «шутов» на фальшивом веселье. В самом деле, лишь в конце («плаха с топорами») появляется репрессивное государство. И кого оно гнобит?

«Примерно в 1967 году коммунарская наглость достигла наивысшего предела, когда перед Всесоюзным Коммунарским Слетом на мятном, небрежно выданном из тетради листке в ЦК ВЛКСМ было послано приглашение к участию в слете с правом совещательного голоса. Именно после этого случая обалдевшим от такой наглости комсомольским функционерам было указано [КГБ-шниками?] на то, что у них под носом разворачивается самоуправляющееся движение, и не пора ли взять его под свой контроль. Началось давление на коммунаров сверху, куча проверок, и под влиянием бюрократического напора коммунарское движение рассыпалось <...> В описываемый период происходит также расцвет и упадок интербригад, которые, правда, в определенный момент тоже начинают подвергаться давлению сверху <...> вследствие изменения политической ситуации в стране окрашенность КСП тоже изменилась. Часть КСП-шников просто примкнула к диссидентству [правому?], основу которого, кстати, тоже составляла молодежь. Основная же часть [левая?] предпочитала от советской действительности просто уходить в леса. Все меньше было героического пафоса, и, как писал В. Л. Туриянский:

*От глупости и раболепства,
И указующих перстов
Приходится спасаться бегством
На север или на восток.*

Надо сказать, что в этот период наблюдалась очень тесная взаимосвязь между КСП-шным и туристическим направлениями» (<http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/23/1>).

Я нарочно выискал эту диковинку. А то известно только, как правых диссидентов советская власть давила, а про само существование диссидентов левых вообще мало кто знал.

Не то, чтоб можно было доказать, что Высоцкий знал. Но чуткость его была феноменальная...

Но и то, что это песня для усиления тоскливого настроения – тоже очевидно. – Это не тончайшее, как принято здесь оценивать, искусство.

Впрочем, не только здесь принято. Слова зачастую мало значат для впечатления от песни. Вот поэтов-песенников и считали в СССР

поэтами второго сорта и не принимали их в Союз писателей. Какой-то резон был не принимать и Высоцкого – мы уже видим, как много у него того, что здесь принято не называть тончайшим искусством. Другое дело, что и дюжины тончайших вещей, при такой народной любви, хватало, чтоб в Союз принять. Так зато ж и тоталитаризм в стране. То и дело антитоталитарное проникало ж, видим вот, в иную песню. Вполне осознаваемое. Так чего ж Высоцкий обижался? – Оттого, что считал-то себя с какой-то мерой осознаваемости лекарем социализма. Больной же обычно благодарен лекарю. А тут...

Но не из-за себя так глубоко печалился Высоцкий и не из-за интеллигенции, - на кухнях говорившей о запретном, а не вслух на собраниях, - рвал он себе глотку. Он её рвал, чтоб встряхнуть народ. Уж если уже у Оуэна удавались поначалу эксперименты с коммуной, то среди строя, называвшего себя социализмом, болтавшего что-то о гражданской ответственности, можно ж было начать пробовать то же, что Оуэн. (Это я от себя написал, не от имени разгаданного, мол, мною Высоцкого. Но. Оно ж естественным является – стремление к самоорганизации в какой-то группе. Даже в неживой природе это наблюдается на связанных друг с другом ограниченных участках, например, образование воронки в ванне с водой при открытом сливном отверстии.) А раз так, как не яриться на своё окружение?

Под моим, зам. главного конструктора, руководством пребывало до дюжины конструкторов. Я из кожи лез, работал быстро от отвращения к рутине (чтоб быстрее миновать средний и финальный этапы работы), но в том числе – и чтоб заразить примером сачков-подчинённых. А тем хоть бы хны. Женщины читали из-под стола журналы, сбежали в магазин, в соседние комнаты – болтать, вышивали, мужчины часы проводили в курилке, задерживались после перерыва на игре в настольный теннис. Я рвал и метал. Но ничего не мог поделать. Потому что их нельзя было уволить. Они, когда дело доходило до аврала, спасали срок. Их на тот случай нужно было иметь много. И они не подводили. Это были приемлемые отношения для застоя (брежневского застоя). Я тогда не знал, что застой – это спасение человечества от глобальной экологической катастрофы от неограниченного прогресса и перепроизводства с перепотреблением. Все ж забыли, что коммунизм – потребление по РАЗУМНЫМ потребностям и не должен быть работизмом. Все ж думали, что коммунизм и прогресс соответствуют друг другу. И что побеждает тот строй, у кого выше производительность труда. И я с грустью говорил моим нерадивым подчинённым (не на кухне среди своих): «Вы ж живёте в раю. И он из-за вас кончится. Страна ж не выдержит». Спокойно говорил. Но тем сильнее меня задевал надрывающийся в «**Кассандре**» Высоцкий. И я не замечал разницы между собой и Высоцким: что у Кассандры Высоцкого (и автор с персонажем солидарен) претензия к троянцам, её предсказаниям не внимавшим, тогда как я надеялся, что наверху что-то всё же изменят.

Нет. Не только надеялся. Я затеял перевоспитание сослуживцев особой стенгазетой. То есть не то, чтоб откликнулся как-то на крики

Высоцкого, но «пел» тихонько про то же, про что и он. Я ж был, как и Высоцкий, стихийный левый шестидесятник.

(Нам, человечеству, наверно, надо здорово испугаться глобальной катастрофы. Тогда мы вздрогнем... Но это – мысли спустя десятки лет после того времени.)

А тогда я всё же не верил всерьёз в крах да ещё с реставрацией капитализма.

И Высоцкий не верил.

Если правда, что он *«написал две песни: «О вещей Кассандре» и «О вещем Олеге» (замечим, обе — в одну ночь!)»*, – то это могло б быть косвенным доказательством того, что не верил. Потому что Кассандра *«сумасшедшая, да. Но разве это сумасшествие - болеть за общий интерес? Определенно: сумасшествие - среди болеющих за свой, частный интерес» (самоцитата)*. А **«Песня о вещем Олеге»** – шуточная.

Надо ли ломиться в открытые ворота и доказывать, что она шуточная? – Нет.

Но у Пушкина это было преддверие открытию реализма. И надо сказать, что темы пушкинского преддверия реализма (1) с вышучиванием (2) даёт (1+2=3) возвращение в 1967-м эха волонтаризма гражданского романтизма (монтизма), которого Пушкин в 1822 году стал чураться под влиянием поражений безнародных революций в Италии, Испании и османской Молдавии, совсем рядом с ним, Пушкиным, пребывавшим в южной ссылке.

Ну а раз так сложно Высоцким воспевается монтизм, то?.. – Правильно: и эта песня, как и «Кассандра», есть образчик тончайшего искусства.

Естественно было оба произведения в одну ночь сочинить.

А ну, сколько у нас набралось тончайших, как я их тут квалифицирую, произведений искусства среди пока рассмотренных песен Высоцкого? Посчитаем. – 14. И среди них ни одной – против власти. Все – к народу претензии.

Рассказать, что ли?..

Я возненавидел Высоцкого, когда познакомился со своей будущей женой. Он всё ездил в Одессу, и с ним там, я боялся, контактировали местные КСП-шники, среди которых была и она. И я, живя за тысячу километров от Одессы, считал, что он, этот демон-искуситель женщин, мимо неё не пройдёт. А устоять же перед ним невозможно...

Из-за такого былого заочно-личного отношения к нему я решил, что надо, проезжая через Москву, сходить на его могилу. Пришёл. А там фотографируются какие-то (я физиономист) делеги-азербайджанцы. – Мне стало противно. Стараясь на них не смотреть, я быстро положил свои цветы и убрался, кляня себя за порыв посетить.

Бедный Высоцкий! Он в монтизм (а не романтизм) и в этих делягах верил?.. Понимаете, сколько страсти нужно было, чтоб разбудить и в таких – такое? Это не то, что петь для своих против угнетателей этих своих. И даже не то, что обращаться пением к врагам, взывая к так называемым общечеловеческим ценностям.

нового исследователю не принесёт. Но пока моя интуиция насчёт преобладания претензий к народу у Высоцкого в произведениях, относимых к так называемому тончайшему искусству, подтвердилась. И можно дальше побежать галопом по европам. Для чего введём обозначения: претензии к народу – 1, претензии к власти – 2, любовь к народу – 3, провластное – 4, разочарование вообще во всём – 5, произведение тончайшего искусства – название жирным шрифтом, произведение тонкого искусства (образное, но без противоречий) – название простым шрифтом, околоникусство – косым шрифтом.

ЛУКОМОРЬЕ - 1

СКАЗКА ПРО РУССКОГО ДУХА - 3

Так сказать, полюбите нас чёрненькими, а беленькими всякий полюбит.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР - 3

Это как потерпевший поражение шахматист не признаёт, что он слабей противника. Всё – через наоборот! **«Неравный бой – корабль кренится наш»** - бежать с него... взятием на abordаж корабля противника! И... гибель своего корабля – не гибель. Народ-океан **«взвалив на плечи»** что делает с кораблём? – Гибель героя даёт жизнь его идеям в зрителе трагедии. Скоро, очень скоро народ переродится! Самоуправление ж – это естественно, как стихия-океан? Что захочет – то и делает. Вплоть до противоестественного!

ОХОТА НА ВОЛКОВ - 1

Это любимая, по словам самого Высоцкого, песня. И мне хотелось бы, чтоб она после синтезирующего анализа оказалась тончайшей, а не тонкой (по моему, принятому здесь, разграничению). Не от меня зависит, какой получится результат, хоть он и продукт моей души.

Так пропустим песню через себя, сравнивая с Высоцким. Это можно. Тут – **«Не на равных играют»**. Всё-таки именно играют, а не *«о жизни и смерти - и без всякой страховки»*, - как заметил Высоцкий, сравнивая с Дином Ридом.

На Высоцкого обрушилась центральная пресса с разгромной критикой блатных песен, в частности, и – обидно ошибочной. Тем более обидно, что формально ж власть за гражданскую активность и против вещизма, за что и страдал Высоцкий в тех своих лишь внешне блатных песнях, которые можно квалифицировать как произведения тончайшего искусства (в здешнем перечне это **«Рецидивист, «Серебряные струны»**). **«Не смей выступать за самостоятельную активность народа!»** - этим, в сущности, было нападение. Высоцкий прикинулся покорным барашком и пожаловался в ЦК за фактические ошибки редакций (не его песни ему приписали и т.п.), попросив права выступить в защиту себя в центральной же печати. ЦК отправил его письмо в редакции, те признали ошибки. В ЦК вызвали Высоцкого и, продемонстрировав ответы, самому отвечать не разрешили. И всё. Остался он фактически победителем, хоть и публично претерпевшим.

Теперь я. В отместку за слова, что комсорг не ориентирует комсомольскую организацию на главное – на коммунистическое воспитание, группа избрала комсоргом меня. И я решил: первое – мы не

будем врать больше, не будем вести себя по-разному на собрании и вне его. Первый случай представился не скоро. Нужно было время, чтоб терпение к нашим безобразиям лопнуло. Мы стали самой худшей на курсе группой по поведению на спецкафедре. На часах самоподготовки, когда нас предоставляли самим себе. И вот, наконец, мне было предложено собрать комсомольское собрание и чтоб оно осудило собственное поведение. Я держал перед собранием покаянную речь, типа – майор Леонов (это он отвечал за поведение нашей группы на самоподготовке) таки дурак, но мы тоже хороши... И... как-то до него эти слова дошли. То ли подслушал он?.. И майор Леонов пожаловался в комитет комсомола. И мне там припомнили, что я ушёл вместе с группой с комсомольского собрания всего курса, когда собрание не приняло во внимание наше ходатайство за любимца нашей группы, Вахтанга Кекелию, чтоб собрание не голосовало за другое ходатайство – о его отчислении из института за пропуски лекций. (Его таки не отчислили. Не такой был наш институт, чтоб выгонять студента третьего курса только за плохую посещаемость лекций. Наша группа тем и руководствовалась. Без притворства. Решение курсового собрания оказалось способом его просто припугнуть. А послушное большинство на курсе подняло руки, как хотел комитет. Мы и возмутились. Потому что вне этого собрания все были не за отчисление Кекелии). И – мне вкатили выговор за демагогию с записью в учётную карточку. Понимая, что я прав со своим стремлением к самоуправлению и честности. Но вкатили – в результате. В процессе же рассматривался вопрос об исключении меня из комсомола и о ходатайстве об исключении из института. И предложили написать отчёт о моей работе за год (близилось окончание третьего курса). Я сумел его написать так, - упирая на то, как мало я сумел достигнуть на ниве коммунистического воспитания, - что ходатайствовать об исключении меня из института не стали, а доли лишь выговор.

Но я не стал спасать саму идею Самоуправления как альтернативу Системе тоталитаризма. А Высоцкий стал – песней «Охота на волков». Это как ахейцы, чуть было не сметённые с лица земли вторгшимися дорийцами, спасли – в первую очередь душу свою. Сочинив героический эпос о своей победе над троянцами. То же, спустя два с половиной тысячелетия, сделали русские, чуть не исчезнув под татаро-монголами, - сочинив былины, где побеждают всяких половцев и Соловьёв-разбойников. Высоцкий стал спасать идею альтернативы тоталитаризму (вовсе не осознавая, что это – идея Самоуправления). – Как? – Столкнув претензию к тоталитаризму (то есть к своему в какой-то мере: **«Не на равных играют»**) с игнорированием его (**«Я из повиновения вышел»**). Есть нечто иное, чем тоталитаризм! Не думал, что именно.

Осознал бы – чего доброго, не получился бы шедевр.

А так – разъярился на собственную слабину и... выдал такую силу.

Смешно (или совсем нет – вон, что вышло через 20 лет), но подумали, что это иное – представительная демократия. Тогда как в

подсознании его была ан (без) архия (началие). Ибо он же на себя – такого же, как и народ – разъярился этой песней, а не на власть.

Старая и вечно новая истина: раз в тексте одно, значит, нецитируемый художественный смысл – другое.

БАНЫКА ПО-БЕЛОМУ - 1

«Жи́раф» - 1

Жи́раф – образ самораспоряжения (бакунинское словечко). Шутка по поводу самораспоряжения – из-за отсутствия у народа в реальности поползновения к самоуправлению. Структурных противоречий нет, есть жизненное – брак, не одобряемый семьёй.

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ - 1

ПИРАТСКАЯ - 1

Образ взыгравшей было достижительности вырождков народа, смиренной совестью. И вот торжествует недостижимость... Которой, увь, нет в яви. Отчего такая ненависть в голосе. Итог – новая левизна, без насилия (хоть материал – обратный: пираты).

Высоцкий давал «левые концерты» и изрядно зарабатывал. Это было подсудным делом. Но вот, как он это объяснил следователю (который понял и дело не открыл):

«Сумму никогда не оговариваю: заплатят — не откажусь, нет — что ж, не это главное, не один раз выступал просто так, не за деньги, а ради общения со зрителями. Мне нужна аудитория, сколько можно петь на магнитофон для друзей?»

Если зрительской аудитории не будет, для меня это творческий конец...

... для меня важно другое — возможность творческого общения с людьми. Легально я такой возможности не имею. Хотел бы работать, концерты официально не разрешают».

Это лишнее доказательство того, что идеал Высоцкого, пусть он его и не осознавал вполне, включал самопроявление масс.

Любое. В том числе и отсутствие этого «само». Что заводило его на злость на народ и рождало произведения тончайшего искусства. А упоминавшиеся коммунары, естественно, по простоте душевной, не могли принять злость в свой адрес (что ещё одним боком доказывает, что идеал Высоцкого был сродни коммунарскому):

«18 января в краснодарской газете «Комсомолец Кубани» была напечатана статья музыкального руководителя всероссийского пионерского лагеря «Орленок» В. Малова, где он рассуждает об авторской песне и весьма нелестно отзывается о песнях Высоцкого. Цитирую: «...Вот и не люблю я песен Высоцкого. Недобрые они. Нехорошо он думает в этих песнях...»».

И всё-таки эта «Пиратская» что-то не то...

Вот, наконец, я признаю, что на Высоцкого влияют внешние обстоятельства – он болен. «Наследственность плохая». Точнее – ВРАД как у Моцарта и Баха. Это – внешнее: наследственность...

«Впрочем, он тогда [в 1969-м] в какой-то мере увлечется Нестором Махно».

БЫЛО ТАК – Я ЛЮБИЛ И СТРАДАЛ - 2

Любовь и её конец – образ очарования и разочарования лжесоциализмом. Противоречие – не структурное, а жизненное: было – стало.

ПЕСЕНКА О СЛУХАХ - 1

«В лоб» публицистика о том, как плохи слухи.

СТО САРАЦИНОВ Я УБИЛ ВО СЛАВУ ЕЙ - 2

Образная публицистика: «фэ» власти.

Я НЕ ЛЮБЛЮ - 1

Её переименовать можно: «Что я хочу». – Что? – Чтоб народ стал таким, как я. Надрыв Высоцкого от недостижимости этого, недостижимости, которую он не хочет признать, и всё. Ибо сейчас же, ценой немедленной потери голоса, ценой смерти прямо от перенапряжения тут же - изменит то, что есть.

Объективно – он, Высоцкий, есть некий извод Христа. Спаси всех ценой своей смерти. Но этот трагический героизм в то же время и такая сила, которая субъективно ни о чём, кроме победы, не думает и ненавидит думающих про смерть и жертву, как о слабых. Потому у него и два взаимоисключающих варианта одной строки: **«И мне не жаль распятого Христа»** и **«Вот только жаль распятого Христа»**.

НОЛЬ СЕМЬ - 4

Эмоция – механизм дальнего предвидения. А чувство исчезает, как только на него обращаешь внимание. Но если его живо-писать... Как новое и неизвестное в своём ежесекундном проявлении его вовне... Исчезает несвежесть иллюстрации известного. Иллюстрация известного становится вровень с выражением бессознательного. Да тут есть, собственно, и противоречие: дальнейшее (непознаваемое) пред- и... видение (познаваемое). Трудно, но всё же достижимое счастье. Благословенна трудность. Благословен тоталитаризм, победа над которым даёт тем большее счастье освобождения.

– А как возможна победа над тоталитаризмом? – Если мирно, то тем выше счастье свободы. И брежневщина, вроде, подаёт надежды! Она и за, и против сталинистов, она и за, и против либералов...

Если б к тому времени человечество уже было б испугано всеобщей смертью от неограниченного прогресса, брежневский хозяйственный застой, политически бывший и нашим, и вашим, распространился б на весь свет, попутно становясь прудонизмом.

- Догматизм, казалось бы, заикленность, жалкое упрощенство и всякие другие бяки – видеть в песне о любви политику.

- Наоборот. Всё очень сложно. Всё связано. И любовью столько, сколько идеалов. И они соответствуют друг другу, если человек цельный.

Вот и тут: Высоцкий, которому равно лирическое «я»... - Это ж всё сокрушающий оптимист. Его идеал – почти немедленно достижимый. Как у ребёнка. Он же верит в свою победительность несмотря ни на что. И такова у него и любовь. Это не, скажем, любовь-магия, перед которой ты – раб...

Когда не было интернета, мне было легче жить. Я знал себе, что пишу, и меня практически никто не читает. И я успокоил себя мыслью,

что пишу для будущих людей. Те и почитают, и поумнеют к тому времени, когда раскопают мои писания.

А теперь иначе. Я вижу, что не только читают, но и не понимают прочитанное. Умеют в упор не видеть те слова в тексте разбираемого произведения, на которые указываю я в своём тексте... Я написал было целую книгу о том, что на свете существует не одна любовь, а много разных любовей. Множественное число – любви – применил и очень волновался, не неологизм ли я придумал. Успокоился, обнаружив, что не я первый... И вот теперь, из-за интернета, я знаю, что человек, читавший ту книгу, сумел не принять, вот тут, связи любви Высоцкого к Марине Влади, выразившуюся в песне «Ноль семь», с его подсознательным идеалом прудонизма, который из-за того, что тот естественно присущ людям, кажется настолько же легко пробуждаемым, насколько его фактически Высоцкому не удаётся пробудить в народе, но... ПОКА, и он уверен в победе, как и уверен в способности побудить телефонистку Тому всё же дозвониться по номеру Марины Влади.

ПЕСНЯ ПРО ПРЫГУНА В ВЫСОТУ - 5.

Образы негибкости и Системы, и случайного человека – с насмешкою над обоими. А в результате, отсмеявшись – грусть, ибо во всём разочаровался.

Здесь, наверно, надо сделать ещё одно отступление.

Если на творца с идеалом типа трагического героизма всё же так сильно действуют внешние обстоятельства, что измениться должен, наконец, и идеал, то вариантов измениться у идеала типа трагического героизма два. Один – если художник по своей натуре всё же способен к какой-то гибкости, другой – если не способен. Большинство бывает способно. Это – признак мудрости. Окуджава, например. Окуджава с левого диссидентства перешёл в правое: не мытьём так катанием всё уладится. Это – переход в идеал гармонического типа. Свершение его мыслится в историческом будущем. А у Высоцкого, негибкого, случился другой вариант. Его идеал, почти не изменившись содержательно, меняет время ожидаемого свершения: с очень и очень близкого будущего в неопределённо далёкое будущее, в сверх-, так сказать, будущее. И это уже идеал экстремистского типа. Для него у меня выше не было заготовлено условного обозначения. Введём его сейчас – 6.

Переход – не однократен. Неизбежны многократные возвраты и уходы. И мыслимы моменты краткосрочного разочарования вообще во всём. Что мы и заметили в предыдущей песне.

ПЕРЕВОРОТ В МОЗГАХ ИЗ КРАЯ В КРАЙ - 5.

Ничего не понятно.

Это о наших мыслях, устремлениях? – Пусть да. Мысли о будущем существуют уже сейчас. Переворот в них – тоже сейчас. Всю драму можно трактовать как происходящую в режиме реального времени. Коммунизм – Рай бывших устремлений (Ад, соответственно, - сталинский социализм). И вот – переворот. Хрущёва-Вельзевула-Дьявола. Устремление сделать из Ада Рай. Потребительский и государственный. С точки зрения Рая-коммунизма (с разумными потребностями и безгосударственного) – это неверно (о чём и сигнализирует Высоцкий-

Чертюк, тайный агент будущего коммунизма в нынешней действительности). Впрочем, **«Что точно – он, Чертюк, не знает точно»**. – Прояснят ли события? – Следим. **«Рыдали черти и кричали: «Да! / Мы рай в родной построим Преисподней!»**

- В действительности никакого рыдания не было. Над хрущёвским коммунизмом к 1980 году все смеялись, а не рыдали.

- Но у Высоцкого – шуточная песня.

- Ну и что? Пусть он – интонацией, неприличной скороговоркой – выражает себе насмешку, но пусть выражает её над тем, что было-таки, а не над тем, чего не было.

- А если он ещё и над собой-Чертюком смеётся **«не знает точно»?**.. Тогда, может, можно всё путать?..

- Не годится.

- Ну, может, тогда это – допустим, мол, что мы б поверили. Или, - о! - ещё лучше, пусть искренность чертей будет притворная, как мы себя на собраниях притворно и вели... Тогда понятно, почему задрожали и грешники-сталинисты, и ангелы-левые диссиденты (коммунары, интербригадовцы, КСП-шники).

- А кто такой тогда Он, **«который видит все и знает»?**

- Ленин. Главный будущего Рая-коммунизма.

- Но с какой стати Он считает, что **«ангелы – ублюдки как один»?** И – расстрельщик! По пути в коммунизм опять надо многих расстрелять? Уж от чего-чего, а от этого, вроде все отказались...

- О! Стоп! Сталинисты ж не отказались!

- Так тогда Он, может, Сталин?

- Тогда вообще всё надо передумывать с самого начала.

Так. Передумываем.

Переворот – Вельзевул-Брежнева. Не коммунизм к 1980 году, а просто: **«Даешь производительность труда!»** И **«пять грешников»** - правые диссиденты, которых посадили. Типа Синявский и т.п. (кто там ещё?) Он – Сталин. Брежнев-Вельзевул-Дьявол для Него-Сталина – **«провокактор и кретин»** (слабо-де реабилитирует Его, Сталина). Сам Он-Сталин – подозрительный тип, потому для него **«ангелы – ублюдки как один»**. Они – по-прежнему левые диссиденты (коммунары, интербригадовцы, КСП-шники), раз они – за самоуправление. Чертюк-Высоцкий – их поля ягода. Потому для Него-Сталина **«Чертюк давно перевербован»** и есть вообще правый, мол, диссидент, раз он против государственности. Потому для Него-Сталина **«Не Рай кругом, а подлинный бедлам»**. Потому он хочет спуститься на землю, к сталинистам: **«там хоть уважают»**. Там, на земле, есть, правда, и не только сталинисты, а и либералы. Ну и пусть, мол: **«Пущай меня вторично распинают!..»** (Первый раз, в смысле, Хрущёв распял.) И Он спустился: **«На паперти у церкви нищий пьет. / «Я Бог, – кричит, – даешь на пропитанье!»»** Народ жалеет нищих на паперти и подкармливает.

- Но что такое тогда Ад? Ведь **«рай чертей в Аду зато построен!»**

- А это и есть брежневский застой-Ад.

- Хм. Всё сошлось.

И всё это – шуточная песня. Шуточность сталкивается с этим «всё сошлось», и... катарсис: разочарование просто во всё-всём-всём.

Но. Всё как-то уместимо. И то ли от этого, то ли от того, что итоговое разочарование низкоэнергетично – что-то не трогает. (Так бывает, что самые ценные специалистами произведения – не трогают; их и читать бывает скучно, а порой, если длинное, – и невозможно.)

Здесь от подсознания барда обращено произведение к подсознанию слушателей, и – «в лоб»: общей непонятностью сложной образности и невыразительностью мелодии. (Как когда-то в романтизме непонятность стихов, – из-за нарушения синтаксиса и опоры не на первые, а на вторые-третьи значения слов, – «в лоб» подсознанию читателя стихов выражали сверхценность внутреннего мира в пику внешнему.)

ВЕСЁЛАЯ ПОКОЙНИЦКАЯ - 1

ЗАПОМНЮ, ОСТАВЛЮ В ДУШЕ ЭТОТ ВЕЧЕР - 1

Образ надежды, что народ поймёт творца, но тот не понял, и творец спёлся. Это – иллюстрация образами и невесёлым тоном пения – жизненной неудачи.

НЕ ПИСАТЬ МНЕ ПОВЕСТЕЙ, РОМАНОВ - 6.

Песня солидарности с отчаянными парнями, попробовавшими справиться с нехорошим в жизни крайними мерами, что плохо кончилось. Безумству храбрых пел осанну Горький на взлёте ожиданий, и пусть у Горького кончалось трагически – зато историческое будущее было за другими, такими же храбрыми. Это было перед революцией, призванной победить. Чувствовалось за спиной предреволюционное движение масс. А тут – безнадежно. И лишь голос Высоцкого, голос негибаемого борца, и тон неприятия всего этого безобразия приводят к выходу, совсем какому-то из ряда вон выходящему, – к сверхбудущему, что ли. Высоцкому лично требуется переходить со стихов, получается, на повести.

Но нет этой страсти... Как-то слабо.

НЕТ МЕНЯ – Я ПОКИНУЛ РАСЕЮ - 1

Из праведного, ненавидящего гнева из-за полного непонимания некой массой художественного смысла его песен («**Не надейтесь – я не уеду!**») и из обратного по отношению к понимающим («**Не волнуйтесь – я не уехал**») рождается катарсис: не крах его миссии в народе, а вера во всё-таки победу на этой ниве.

АНКЕТА от 28 июня 1970.

Этот очередной согласно хронологии появления документ, казалось бы, никак не может выражать подсознательное. Зато то, как его Высоцкий заполнял, близко к подсознательному подводит. Если другие артисты Театра на Таганке отнеслись к анкете, как к месту, где можно блеснуть остроумием или весёлостью, то он подошёл по-серьёзному, потратил очень много часов на обдумывание, с риском пропускал выходы на массовки и произнёс составителю анкеты: «*Ну и задачку ты мне задал. Легче два спектакля отыграть*».

Ещё одна кажимость документа – полусная удалённость ответов Высоцкого от подсознательного прудонизма. На вопрос о любимом композиторе, музыкальном произведении, песне он ответил: «*Шопен*,

«12-й-этюд», песня: «Вставай, страна огромная». А на вопрос о самой замечательной исторической личности – «Ленин, Гарибальди». – Всё с насилием связано: 12-й этюд – это так называемый революционный этюд, Ленин и Гарибальди – революционеры, а песня – тоже не о мире. Тогда как открытием Прудона является, наоборот, ненасильственная революция: *«Я желаю мирной революции, я желаю, чтобы в осуществлении моих желаний приняли участие те самые учреждения, которые подлежат отмене, и те правовые начала, которые предстоит дополнить».*

Так связь сознаваемых пристрастий Высоцкого с неосознаваемым прудонизмом видна из такой мысли:

«Революция соединила еще не забытую до конца низовую организацию традиционного общества и радикальное стремление к преобразованиям, характерное для модерна» (Шубин).

Вождённая Высоцким активность масс! Элемент традиционализма!

И – постоянство самого святого, выразившееся в серьёзности подхода.

Значит, нужные книги ты в детстве читал...

Даже нет противоречия с процитированным в самом начале книги, которую вы, вот, читаете, – нет противоречия с четверостишием из самого первого его стихотворения, на смерть Сталина.

Находились люди, писавшие, что Высоцкий хотел так подольститься к власти: всё равно-де копия анкеты попадёт в КГБ. А я думаю, что причина его серьёзности та же, что и предельная самоотдача при любом исполнении песен. Ведь как он ответил на вопрос анкеты, хочешь ли ты быть великим? – *«Хочу и буду».* – Он с Вечностью разговаривал и своим любым исполнением, и ответами на анкету. А с Вечностью надо быть честным.

Новиков в своей книге проигнорировал факт чрезвычайно долгого раздумывания над анкетой и счёл ответы Высоцкого розыгрышем. Но розыгрыш посредством песни «Вставай, страна огромная»... Так можно ли верить словам Новикова, что не была шуткой *«вся история двадцатого века в лицах»*, когда в конце 70-х Высоцкий с Тумановым, сидя перед телевизором с врущим там что-то политическим обозревателем, записали Ленина в *«перечень ста самых ненавистных людей»*, в первую четвёрку: *«Гитлер, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун»?*

Уж скорей можно поверить рассказу (составителя анкеты, наверно) про слова Высоцкого в 1978 году, перечитавшего свои ответы: *«Ну, надо же, и добавлять нечего».*

ПРО ДВУХ ГРОМИЛОВ – БРАТЬЕВ ПРОВА И НИКОЛАЯ - 6(?), 5(?).

Может ли быть, что в светлое пятно сознания Высоцкого, посетившего *«бывшую Махновию»*, наконец, прочно попал анархизм? И что это отразилось в данной песне: она стала иллюстрацией этого идеала? В самом деле, иллюстрации ж не зажигают (что мы и наблюдаем за собой, её слушая). И потому надо её отнести, – по той классификации, которая проводится в этой книге, – к околорискованности... Несмотря на то, что песня

имеет все признаки представителя тончайшего искусства: противоречия «текста» и результат их столкновения.

Не буду голословным.

Пусть перед нами образ «драки» потенциальных реформаторов социализма и потенциальных консерваторов, «сталинистов», «громил», «охотнорядцев», - образ «драки», усмирённой брежневщиной (из «Нового мира» убрали Твардовского, из «Молодой гвардии» - Никонова). И пусть это – одно из пары противоречий в «тексте». И, опять же, пусть вторым из пары противоречий в «тексте» является безлюбивая насмешка над всем этим исполнителя-автора (таков уж тон, ритмотемп и невероятница финальная: достаточно было блаженному усмирителю сказать: «Братя, / Как же вам не стыдно!», - как братьев «как бы подкосило», а их противники вдруг мирно попросили братьев: «Больше бед не сотворять»). Даже довольно злая тут насмешка: усмиритель только слово молвил, а усмиряемые – барашки покладистые. Только что шуточностью злость покрыта.

И вот пусть столкновение противоречий «текстовой» пары предполагает из-за надуманного идиотизма ситуации, что автор – над и схваткой, и примирением, ибо не из-за того сыр-бор должен бы быть. Ведь все они – за государство. А надо-то за что? – За безначалие.

Так поскольку это безначалие постигнуто умом, а не является катарсисом, переживанием подсознательным, постольку и не волнует песня.

И если даже не доходит до умопостижения (по технике постижения) и анархии (по содержанию)...

Если это «НАД схваткой и примирением» есть простое разочарование во всём, - разочарование, так и не догадавшееся, что во «всё» не входит же «анархия»...

То и тогда ж не должно возникнуть (и не возникает – факт) волнение.

Потому что во-всём-разочарование – это малоэнергичное переживание.

Но вероятнее всё же последний вариант. Умопостижение – это не для Высоцкого. Безначалие так и осталось у него в качестве подсознательного идеала. Что и обеспечило ему дальнейшее бытие художника.

ТЕПЕРЬ Я БУДУ СОХНУТЬ ОТ ТОСКИ -2

Шутливой интонацией о происходящем, – а там есть и тост за Сталина, и другая неприглядность, – достигается итог: снисходительность... К краснбайству и всякой показухе пустой. Ну чем не милый вариант людей – грузины... Народ...

Но... Как-то не волнует. – Иллюстрация давно известного в идейной жизни – народолюбия.

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ - 1

Чего я не понимаю – это послушности актёра Высоцкого по два раза в день выходить на сцену, день за днём, день за днём... – Это ж рутина!

Или я просто не знаю театра... Не знаю, что такое исполнение от такого-то числа, месяца и года... Отличающееся от исполнения в другой день. Я ж не только не ходил в театр на одну и ту же вещь подряд несколько раз, но и вообще редко когда ходил в театр.

«Ты ничего не сделал нового в роли, ты не придумал никакой новой краски», - пенял Высоцкий Золотухину за нетворческое продолжение некой роли в некоем фильме-продолжении. И не просто пенял, а предлагал, с каким именно новым нюансом надо было играть. – Что если он, Высоцкий, сам КАЖДУЮ свою, - даже и театральную, не только кинороль, - каждую свою роль в очередном дне-исполнении чуть обновлял? – Жутко представить такую сверхтонкость!

Я тут стараюсь отличать среди его песен произведения тончайшего искусства от тонкого... С ролями же – пахнет похлеще: аж сверхтонким!?. Может, и с исполнением им своих песен – то же?..

(Бр. Это уже мне не по силам.)

Но если такая сверхтонкость мыслима для гения, то она не мыслима для целого коллектива артистов театра. Там рутина должна давать себя знать. Заодно там повышаться должна и просто экономическая доля. Надо зарабатывать. Нельзя срывать спектакль из-за пьяного срыва Высоцкого. Нельзя поручать ему репетировать роль Гамлета. И кому-то надо предать друга – Золотухину – и согласиться репетировать вместо Высоцкого. И вообще есть ПОЛЬЗА в увольнении его из театра.

И это подло с какой-то высочайшей точки зрения. При всей ужасности состояния запойного Высоцкого.

И вот его лирический герой, корабль, севший на мель и отставший от бросившего его флота, несмотря ни на что находит в себе силы поправиться... Но это ещё не всё. Его, догнавшего флот, не принимают обратно. Но он, ещё больше несмотря ни на что, верит в театральный народ и закликает его, закликает не материальными, а идеальными ценностями:

Всё же мы - корабли, -
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной -
И колумбовой, и магелланной!

Они непреклонны. Они низки. Но!

Каким бодрым тоном заканчивается песня... Каким энергичным гитарным – три звука – проигрышем после всех слов. Вера в свою победу... А такой кошмар во всей песне. Да и в конце-то – это ж только слова просящего. Итог оттого – ультраоптимистическая вера, дескать, пусть и погубят, зато тут же и спохватятся. И творческий идеал бессмертен!

МОИ ПОХОРОНЫ - 1.

Образ непонимания Высоцкого не только народом, а и близкими людьми. Противоречия этому «фэ» (то есть веры всё же в окружение) – нету.

Я ВСЕ ВОПРОСЫ ОСВЕЩУ СПОЛНА – 2.

Не буду открывать художественный или иной смысл этой песни. Сами, пожалуйста.

Очень прав в ней Высоцкий: «во мне Эзоп не воскресал». Можно только восхищаться, насколько точно каким-то образом (стихийно) знает всё Высоцкий, уверен, не читавший Выготского:

«История и психология учат нас тому, что следует строго различать басню поэтическую и прозаическую <...> У древних басня принадлежала к области философии <...> К прозаическим басням следует отнести басни Эзопа <...> на басню не распространяются психологические законы искусства» (http://vygotsky.narod.ru/vygotsky_psy_iskustav_5.htm). «...дети, читая эту басню, никак не могли согласиться с ее моралью: Уж сколько раз твердили миру, / Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок, / И в сердце льстец всегда отыщет уголок. И в самом деле, эта мораль, которая идет от Эзопа <...> в сущности говоря, совершенно не совпадает с тем басенным рассказом, которому она предпослана у Крылова. Мы с удивлением узнаем, что существуют сведения, по которым Крылов уподоблял сам себя этой лисице в своих отношениях к графу Хвостову, стихи которого он долго и терпеливо выслушивал, похваливал, а затем выпрашивал у довольного графа деньги взаймы <...> искусство льстеца представлено в ней так игриво и остроумно; издевательство над вороной до такой степени откровенно и язвительно; ворона, наоборот, изображена такой глупой, что у читателя создается впечатление, совершенно обратное тому, которое подготовила мораль» (http://vygotsky.narod.ru/vygotsky_psy_iskustav_6.htm).

У Эзопа противоречий нет, а у Крылова – есть.

Правда, и прочти кто Выготского, тот будет прав, укорив меня, что словами-то Выготский не написал же, зачем Крылов сотворял противоречия. Выготский сам, как я уже упоминал, лишь раз словами написал про это «зачем». Вот и Высоцкий в своей песне ушёл от ответа на прямой вопрос: «А что имели вы в виду / В такой-то песне и в такой-то строчке?». – Оба – и Выготский, и Высоцкий – слишком уважали художественность, чтоб вторгнуться в неё так грубо, чтоб объяснять то, что должно родиться само в подсознании читателя или слушателя. – А я... Ну что делать? Я не смог смириться с тем, что большинство умрёт, но до этого «зачем» в песнях Высоцкого так и не дойдёт. Не дойдёт, правда, и вычитав это «зачем» у меня. Ибо, повторю, произведение ж существует только в душе воспринявшего его. А в душе ж совершается не только умопостижение, а и подсознательный катарсис. Причём умопостижение катарсиса случается – если случается – после катарсиса, а не наоборот. Но, - хочется думать, - вдруг кто-то, меня начитавшись, сможет-таки обеспечить осуществление (в только что указанном смысле - осуществление) какой-нибудь не обсуждённой тут песни (не всех же

коснулась моя вредоносная рука!). Я, извиняюсь, как и Высоцкий, верю в людей. (Если б Высоцкий в них не верил, не пел бы он так грустно и тихо эту песню про вопросы к нему. Ну в самом деле, даже и касаясь людей из КГБ. Они ж – сохраняют какое государство? Несовершенное относительно коммунизма, в котором государство отмерло. Так если, по Прудону, нужно *«обеспечить... территории... устойчивость к ударам внешнего мира»*, то и пусть бы КГБ имела курс становиться чем-то вроде раковины улитки, чтоб лишь снаружи – твёрдо, а внутри чтоб было мягко. Это ж стихийно так ясно. И так стихийно же обидно, если курс другой... И зажимают кого? – самого ориентированного на коммунизм – его, Высоцкого! Неужели ж это нельзя понять КГБ-шникам?!)

ГОРИЗОНТ – 1.

Не про врагов песня, а про то, как их использовать. Демонстрируя, что их можно побеждать. Герой всё же погиб – отказали тормоза. Но он погиб не от рук врагов. Он погиб от неверия народа, что можно делать по-своему. Вот и пришлось доказывать обратное. **«Кто вынудил меня на жесткое пари»?** – Совсем не властвующие (да, они **«Нечистоплотны»**). Но! Даже такие не довели б лирического «я» до такой ярости, как зрители всего этого. Те горе-доброжелатели, что **«просили... Узнай... можно ли раздвинуть горизонты»**. Это к ним ненависть, кто за чужой счёт хочет попасть в рай-коммунизм. Они – за коммунизм. Но как?! И – это песня не антивластная, а антинародная.

Не удаётся мне избежать процесса доказывания... Не получается галоп по европам...

А всё почему? – Потому что я ж то и дело встречаюсь с песнями, в связи с которыми я впервые обращаюсь к самому себе с вопросом, что именно, словами, есть то, что так меня потрясло вот. Ответить же на такой вопрос нельзя другим способом, как предварительно найти ответ на подвопрос: что чему тут противоречит, – помня, что «зачем противоречит» не написано ж словами песни или интонациями, – что чему противоречит, раз я бываю от этой песни так всегда неизменно и невыразимо потрясён. И думать письменно мне легче, чем иначе. – Вот и...

ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА – 1.

Если согласиться, что преимущественные претензии Высоцкого – к неслушающемуся его и даже хуже: к непонимающему его народу, – то легко понять, что и эта песня – против народа, образом которого является... микрофон. Спасением певцу при этом является крайней степени страсть. Против власти (особенно – против такой мягкой, как брежневщина) не может быть страсти крайней степени. И только жёстковейший народ, никак, никак, ну никак и никак не пробиваемый, может вызвать ТАКУЮ – безмерную – страсть. И вот она-то и способна заставить глубокого человека молчать, вызвав в нём, в глубоком, невыразимый катарсис. Осознавать ТАКУЮ страсть – словами просто протеста против тоталитаризма... это унизить переживание Высоцкого.

Не зря *«в самой божественной среде, которая именно во времена брежневского «застоя» начала стремительно обуржуазиваться... не понимали, почему он так «рвет глотку»*. Собственно, ради чего, если сам,

как тогда говорили, полностью «упакован»? Жена у него — иностранка, деньги с концертов «капают» приличные, в кино снимают. Да, настоящему «зеленый свет» власти перед ним не зажигали, но это естественно, учитывая, какую стезю избрал для себя Высоцкий — социальное бунтарство».

Богема, элита-ультраиндивидуалисты, приверженцы так называемого престижного потребления, не понимала и не поймёт. Но зато простой народ, думалось Высоцкому, - смею я думать, - поймёт. Вот он, прокоммунист, глотку и рвал. Коммунистическая перспектива таяла с каждым днём у него на глазах, и спасти её мог только народ, не настолько, как богема, погрузившийся в индивидуализм. Традиционализм же не поддаётся поветрию (а он скорее воздержан, чем разнуздан)! И наоборот, привычная ошибка в понимании художественного смысла песен Высоцкого либералами делала ж его самого врагом коммунизма, а не защитником. От этого ещё больше кричать хотелось, только уже невозможно больше. И вспоминаются его слова *«о жизни и смерти - и без всякой страховки»*. О жизни и смерти коммунистической перспективы он пел.

Но это – если согласиться, что преимущественным источником его вдохновения были претензии народу. А если – к себе?

Думаю, что мои интерпретации произведений тончайшего искусства можно назвать сотворчеством. С другими произведениями происходит лишь сопереживание.

Так если существуют муки творчества, то существуют и муки сотворчества (муки сопереживания не существуют: сопереживание тебя или охватывает или нет, и всё; его нельзя вызвать, если ты не актёр; мы помним, что чувство исчезает от одного обращения внимания на него; ему просто отдаются – без мук).

А мука есть состояние негативное. Свидетельствую: эстетическое наслаждение очень сложно и до счастья озарения (а оно наступает только в фазе последствий произведения тончайшего искусства) бывает очень нехорошо на душе; в фазе же действия произведения тончайшего искусства – тебя что-то распирает, не ахти какое позитивное, лишь в сознании отдаваясь, тем не менее, нравлением (есть такое слово, есть, я проверил).

Так что процесс интерпретирования – мучителен. После каждого акта интерпретации лично я становлюсь как выкрученная тряпка. Счастье озарения слишком кратко. Я пишу эту книгу, если и не кровью, то, красно говоря, душой.

И что, если Высоцкий спел о том же? То есть муки перед микрофоном, мол, образ мук творчества. Мука выражает муку – и нет противоречий и катарсиса. А есть заражение. И чтоб легче заразить – предельные голосовые нагрузки... А? И никакой политики, идеологии... А? И вся эстетика, что положена в основание этой книги (первым абзацем этой книги) есть неправда или просто частность...

Выготский писал, что Лев Толстой так считал в своих публицистических искусствоведческих произведениях.

Ха. Вот только в «Крейцеровой сонате» Толстой замечательно опроверг сам себя, теоретика прикладного искусства (тонкого, в классификации этой книги, не тончайшего). – Резон, которым Толстого Выготский и положил на лопатки. Вот только не стал издавать свою книгу. Что-то нехорошее, наверно, в ней заметил...

Впрочем... Вдруг – просто неполноту. В самом деле. Название – «Психология искусства», а разобрано только восприятие произведения, и совсем ничего – о сотворении.

ПЕСНЯ ПРО ХОЛЕРУ – 1, 2.

Песня скрыто-сатирическая. Народ так способен самомобилизоваться, и единство с властью возможно для народной нужды. Но – материальной нужды.

Холера, свидетельствую, была всё же преувеличенным страхом при тогдашней медицине.

Нет, грех, вообще-то, смеяться над реакцией на столь смертельную болезнь. Но только не в искусстве. Там всё годится – для противоречия. КАК воюем против эпидемии, насмерть поражающей тело, и КАК – против кое-чего, насмерть поражающего душу. А кто, – это «несдержанные люди», – и ополчится на противоположное, так сказать, так его общественное мнение подвергнет остракизму (как изоляции подвергается заболевший холерой).

Но... сатира есть сатира. Грань между тончайшим и тонким искусством. Нет тут ничего подсознательного.

МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ – 3.

Это ж скрытое объяснение в любви автора к народному типу, что себе на уме. Тип: **«Но если я кого ругал - карайте строго! / Но это вряд ли, - скажи, Серега!»**. Или: **«Орал не с горя - от отупенья»**. В смысле: и спяну знает человек, как себя позиционировать: власть не ругал, горя от власти не претерпеваю... То есть, человек имеет власть полнейшим врагом себе (и коммунизму, вставляю я свои пять копеек), – имеет врагом себе так же основательно, как и повествователь. Вот только автор по фамилии Высоцкий не осознаёт всю меру того, насколько они разошлись – народ и власть. И потому – милая шуточность. Она и на власть распространяется. Пьянчуга с нею не зря обращается как со своею в доску. Есть-есть и такая нота. Это не фига в кармане человека ненавидящего или насмешничающего. В конце концов, название «социализм» было ж не злостным обманом народа и милиции, а самообманом всех, и достаточно высоко стоявших – тоже.

ГАМЛЕТ.

Это не песня, но я не могу (ибо это слишком принципиально) не возразить вот этому:

«Высоцкому в этой роли не нужно было ничего особенно играть, поскольку судьба Гамлета была и его собственной судьбой. Так же, как и принц датский, он был одинок в этой жизни и буквально раздираем внутренними сомнениями. «Я один, все тонет в фарисействе»».

Высоцкий со своим неосознаваемым прудонизмом был-таки один. Но именно вследствие естественности прудонизма для людей он, в песнях, к этому времени ещё надеялся их пробудить несмотря ни на что

Тут же уточню, что упомянутый ранее монтизм включает оба идеала, и тот, который вот-вот достигим, и тот же, но достижимый лишь в сверхбудущем.

ЧЕСТЬ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ – 5.

Всё – ерунда и достойно осмеяния.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ – 5.

Вот и смерть. Поэта. Не человека. Поэт умирает от отсутствия идеала. Нечего ж воспевать. «...чуть помедленнее / Вы тугую не слушайте плеть». И гонит... и не гонит...

А зачем поэту жить без идеала?.. И человек же он. Жить хочется...

Извините меня, читатель, если вы всё и без меня понимали, а я влез.

Вообще я начинаю удивляться. «12 стульев», «Один из нас», «Ну, погоди!», «Вид на жительство», «Земля Санникова» - это фильмы, куда Высоцкого не пустили «верхи». При той ценности, какую Высоцкий представлял вообще (и он же это осознавал), и при той несправедливости власти к нему в кино, – я удивляюсь, как Высоцкий не стал выражать с присущей ему страстью ненависть к этой власти?

Только написал, как наткнулся на объясняющие слова Высоцкого:

«...нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я — одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, а всем будет плевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую обязательно искажу, а то и уничтожу своей неумолимой скандальной популярностью».

Но ведь и песни ж в кино не пускали...

Впрочем, никто ж не мог ему запретить их сочинять!..

Это, извиняюсь, как мне, из-за доноса на меня в КГБ, девять лет не поднимали зарплату, тогда как всем её поднимали несколько раз. – Я озлился на весь свет? – Нет. У меня были мои занятия искусствоведением после работы.

А у Высоцкого было песенное творчество.

ОПЛАВЛЯЮТСЯ СВЕЧИ – 5.

Образы безразличия.

Чего это он скис? Оттого что его вдруг приняли в Союз кинематографистов? Не вдруг, впрочем, а по случаю короткой волны разрядки в отношениях США и СССР, потребовавшей послабления хоть к некоторым правым диссидентам, кем ошибочно понимался в верхах и Высоцкий.

ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ – 1.

ТОВАРИЩИ УЧЁНЫЕ – 3.

Вроде, добродушная сатира на народ и власть, достойные друг друга в своей темноте.

Почему добродушная? – А чёрт его знает? Может, из-за глубинной какой-то симпатии к темноте. Недостижимостью ж веет. А та – симпатична. Аж в ранг подсознательного переходит.

Признаться?

Очень ловко это я придумал – помечать подсознательное и осознанное жирным и простым шрифтом.

Я ж колеблюсь, когда имею дело с произведением тончайшего искусства. Как амёба. То выпустит ложноножку в одном направлении... Нет, там плохо... Убирает ложноножку и выпускает другую, в другом направлении... Нет, там тоже плохо... – Куда ж теперь? – В третье направление, третью ложноножку... Нет, вроде, в первом направлении было лучше всего.

И каждое шевеление мысли я стенографирую и – меняю жирность шрифта названия.

Ложные ходы мысли, если я их не оставляю в тексте (для назидания), надо стирать. А смена жирности и этого не требует. Раз – и готово. Легко. Особенно в сравнении с мукой решения, хорошо получается или плохо.

Кстати, мыслима ли недостижимость в качестве полуосознаваемого идеала? – Вполне. Достижимость, по-моему, связана с приятием дурной, потенциальной бесконечности: всегда можно сделать ещё один шаг.

А вот тех дней слова Высоцкого:

«...я не могу, я не хочу играть... Я больной человек. После „Гамлета“ и „Галилея“ я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат... После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок... Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил... Я бегаю, как загнанный заяц, по этому занавесу. На что мне это нужно?.. Хочется на год бросить это лицедейство... это не профессия... Хочется сесть за стол и спокойно пописать, чтобы оставить после себя что-то...»

Именно достижимость последних слов навела меня на мысль, что это ж косвенное доказательство плохого отношения к достижимости обычной, какая у всех бывает. Спетое с юмором: **«Небось, картошку все мы уважаем, - / Когда с солью ей намять»**, – это ж «фэ» обычной достижимости, каковой в народе в целом нет. От трудов праведных не наживёшь палат каменных.

НАТЯНУТЫЙ КАНАТ – 1.

А тут – противоположное отношение к потенциальной бесконечности! Как же так? – А так. Тут не обычная достижимость. Тут канатоходец – образ нетривиальной деятельности. Не такой, как артиста Высоцкого в театре, который посещает меньшинство народа, да ещё и бог знает какое, либеральное, чего доброго. И он впустую перед ними там тратится. И совсем другое дело – петь народу, на множестве концертов. Петь народу, потенциальному спасителю почти уже загубленной коммунистической перспективы всего человечества. Петь народу непробиваемому, да. Но зато, может, преемник найдётся от такого беззаветного пения. И тот продолжит дело Высоцкого, если самому Высоцкому суждено надорваться в этом труднейшем деле воспитания непутёвого народа.

А предположить, что с такой же страстью можно петь и против власти, за возврат к капитализму?.. За обычную достижительность?.. За картошку с солью?..

Очень лаконично и здорово мне ответила одна давняя знакомая, когда я – наивный человек – в перестройку, в 87-м году, пожаловался ей, что, похоже, что дело идёт к реставрации капитализма. Она мне проникновенно ответила: «Наедемся, наконец!» А жила она в хоромаш, можно сказать, и муж её был зам. начальника отдела очень крупного НИИ. Он, правда, только-только умер, но сбережения, уверен, были, и деньги ещё не успели обесцениться.

Нет, когда об этом же публицистику свою пел Галич, - это звучало пронзительно. Но когда Высоцкий... **«Не за славу, не за плату»**... Идеалист он...

ЖЕРТВА ТЕЛЕВИДЕНИЯ – 1.

Сожаляющая сатира на поддавшийся оболваниванию народ.

МИШКА ШИФМАН – 1.

ПЕСНЯ АВТОЗАВИСТНИКА – 6.

Сервантес Дон Кихота тоже сделал сумасшедшим борцом за Справедливость, ибо наступила на дворе ненавистная эра Несправедливости. А по Высоцкому наступила ненавистная эпоха Потребления. С легкой машиной в качестве знака эпохи.

То жизнь – что Высоцкий сам заимел автомобиль. То – жизнь. А произведение тончайшего искусства – не жизнь, а испытание сокровенного мироотношения. Не совпадающие явления: жизнь и такое испытание. Автомобиль – не средство передвижения, а признак роскоши. И очень плохо, что власть предложила такой курс, но ещё хуже, что народ этим курсом оболванен.

Всё в таком искусстве – через наоборот! И потому и нравится.

А сам Высоцкий, чего доброго, свою больную – за обладание машиной – совесть, ту её составляющую, которая подсознательная, успокаивал.

ПОШЛА ПОРА ВСТУПЛЕНИЙ И ПРЕЛЮДИЙ – 2.

ЧУЖАЯ КОЛЕЯ – 2

ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА – 1.

То же, что и с «Мишкой Шифманом».

Вообще я не понимаю, как можно с такой интенсивностью работать и не умереть от усталости: два спектакля в день в Москве, до четырёх концертов в день на выезде, киносъёмки – каждая по паре дней – на всех концах страны. Горлом кровь шла то и дело... Предложил бы кто, чтоб его вписали в книгу рекордов Гиннеса.

Я ИЗ ДЕЛА УШЁЛ – 1.

«Ты строишь безумные планы. Ты мечтаешь о свободных от цензуры концертах и пластинках, о путешествиях на край земли...» (Марина Влади).

Это не противоречие: безумные планы и грусть песни. Потому что

Пророков нет в отечестве своем, -
Но и в других отечествах - не густо

Это иллюстрация мысли о непробиваемости народов.

Сорок лет прошло, - от себя добавлю, - а человечество так и не испугалось материального прогресса. Уже аномалии климатических проявлений (из-за перегрева планеты) стали видны каждому. Но...

Не в том дело, что Высоцкий понимал себя пророком необходимости возврата к традиционализму с его гармонией человека и природы. Нет. Он был просто против общества потребления, которое коммунистическую перспективу человечеству закрывало.

Не может быть, чтоб он мог об этом напрямую ясно рассуждать, но что-то такое в голове было.

- Тогда не является иллюстрацией эта песня. Как может быть иллюстрация неясного?

- Такая и может...

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК – 2.

«В своем письме на имя министра культуры СССР Демичева, датированном летом 1973 года <...> певец писал: «Мне претит роль „мученика“, эдакого „гонимого поэта“, которую мне навязывают...»».

ПРО КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ – 2.

Усмешка. Над кем? Над властью, пользующейся песенной властью Высоцкого над народом, и над самим собою, воспользовавшимся-де случаем.

Почему ж насмешка? – Потому что не та ж его власть над народом, какую он хотел бы (прокоммунистическую), и не то, что хотел бы, вышло б от пользования случаем. Не то – при обоих вариантах окончания песни: и в варианте «с волками жил - и по-волчьи взвыл» (сам стал за политаризм), и в варианте «Росомах и лис, медведей, волков / Превратил в козлов отпущения» (реставрация капитализма).

Словесная аллегория победы певца над начальством с интонационным противоречием ей.

Иллюстрация сложных размышлений о своей судьбе. Подсознательного нет и тени.

Я выше смел сравниваться с Высоцким, а я был полярен ему. Я был мелкий совковый инженер, тиражировщик технической отсталости, представитель беднейшего слоя населения СССР. Это поддерживало мой, безотцовщины, с детства воспитанный аскетизм, и ему не препятствовала жена. Я с презрением относился к желавшим посетить Западную Европу и к рассказам тех, кто посетил её. Я мыслил: зачем мне трёхнедельный круиз вокруг Европы, когда мне нужен, скажем, один-единственный Рим и много-много свободного времени до круиза, чтоб я успел как можно больше прочесть о, скажем, «Страшном суде» Микеланджело, который – единственный – я и позволю себе посмотреть в Западной Европе.

И можно очень подозревать, что я натянул себя-аскета на Высоцкого. А я не стану трусливо замалчивать первое впечатление впечатлительного Высоцкого от Запада:

«...полки ломаются от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов. Ты бледнеешь как полотно и вдруг сгибаешься пополам, и тебя начинает рвать. Когда мы наконец возвращаемся в гостиницу, ты чуть не плачешь: — Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а

мы победили, и у нас ничего нет! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!» (Марина Влади).

Я даже не стану придираться, что это – описание его жены. Я просто настаиваю, что самую свою суть художник выражает в своих произведениях тончайшего, как я здесь классифицирую, искусства. И позволю себе лишь предупредить читателя, что я сошлюсь на данное отступление, если приведётся вывести в какой-нибудь встречающейся впереди – не может быть, чтоб не встретилась – песне Высоцкого его новую левизну, о которой уже я упоминал выше.

ШТОРМИТ ВЕСЬ ВЕЧЕР – 1.

Казалось бы, перед нами образ личной трагедии Высоцкого. Он опальный. Ему не дают официально выступать. Потому что официально – это с прошедшим цензурой репертуаром. И, выступая иначе, он занимается частным предпринимательством, подсудным в СССР, где только госкапитализм (так не называемый) разрешён. Власть настолько глупа, что не видит прокоммунистической направленности его произведений тончайшего, так я их здесь называю, искусства. Или же власть настолько умна, что это видит и, будучи практически антикоммунистической, гнобит Высоцкого за, мол, антикоммунизм, во имя политаризма под лживым именем социализм. И Высоцкий ей нужен полуразрешённым и понимаемым именно антикоммунистически, чтоб выискивать на Западе выгоды своему политаризму.

Образ личной трагедии, казалось бы. Неуспеха личности.

Но.

Из-за своей ли судьбы Высоцкий так надсадно поёт? Из-за легальности ль заработка так убивается?

Может, из-за непробиваемости якобы прокоммунистической власти, не понимающей, что и он – прокоммунист?

Нет. Смотрите, какие слова для власти: **«ветер... в гребни бьет», «ноги подсечет»**. На власть никакой надежды. Это враг, враг и враг. Госкапитализм двойной враг и за то, что он государственный, и за то, что он капитализм.

Так откуда ж трагизм? – От неизбежного поражения?

Герой что: дурак? Выступает против абсолютно превосходящей силы...

Нет. Смотрите, какие слова у Высоцкого для героя: **«хрип, и смертный стон, / И ярость, что не уцелели, - / Еще бы - взять такой разгон, / Набраться сил, пробить заслон - / И голову сломать у цели!...»**.

Победа казалась возможной.

Как? С этой непробиваемой властью – возможна победа? – Ерунда. Не на власть был расчёт. На народ. На тех, кто смотрел, да, **«издалека»**, но что, если б заразился.

Вот в чём таки трагизм.

Вся инициатива героя была ради пробуждения масс восстать против госкапитализма. Расчёт был очень простой: просто объяснить

самообманность этого социализма. Революция в мозгах. Мирная революция. Из-за простоты – кажущаяся возможность победить.

А ожидаемые соратники... оказались наблюдателями.

Казалось бы, ситуация была благоприятна: сама власть самообманывалась и считала этот социализм переходной стадией, подлежащей изживанию, и только по инерции и недоразумению заиклилась на сохранении этой стадии. А самое время уже было переориентировываться. – Нет. Ни власть, ни – что самое досадное – народ не удалось подвинуть на неравнодушие.

А ведь народа – много. То-то мог бы... – Нет. Все равнодушны.

И вот образ переворачивается. Волн – много. Множество – терпит поражение. Потерпела поражение не личность, а народ.

Я даже подумал, что термин «трагический героизм» нужно менять. Он ориентирует на трагедию личности...

И всё-всё – наоборот. Трагедия народа была тихая, а в песне – такой шторм...

Не о трусости или рабстве народа речь – о равнодушии и пассивности. Это – песня левого диссидента. Тогда как самоуправление требует активности... (Высоцкий так неистово гонял по концертам, может, потому, что хотел побольше народа охватить, а не чтоб больше заработать.)

СМОТРИНЫ – 5.

Народ доволен. Всем, что есть и какое есть. И ничего менять ему не нужно. И жалок тот, кому всё плохо.

Плохо.

И – не понятно, что такое хорошо. И нет в песне никакого подсознательного.

Нет. Это всё временные отклонения у Высоцкого от изначального трагического героизма. Этот последний всё подпитывался какой-то неиссякающей надеждой, что если продолжать долбить своё – продолбишь. Надо только это своё делать со всею тщательностью.

Смейтесь, но и тут – полное сходство у меня с ним. Так плотно, как я насыщал своё рабочее время, не делал никто вокруг. Плевать мне было, что демонстративно не поднимают зарплату, что обходят в очереди на квартиру. Главное – чтоб я с чистой совестью пришёл домой и занялся любимым – искусствоведением, где главное – правда о художественном смысле, достижимая трудно, но немедленно. И это – счастье. И не надо его искать за границей. И я, как и Высоцкий, ссорюсь с уезжающими из страны навсегда.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ – 1.

Иллюстрация нежизни ни на что не влияющего человека.

О МАНЕКЕНАХ – 1.

То же.

ПЕСНЯ БИЛЛА СИГЕРА – 1.

Тоже иллюстрация варианта фабулы фильма «Бегство мистера Мак-Кинли».

В окончательном варианте фильма Мак-Кинли, навидавшийся ужасов на войне во Вьетнаме, боится заводить детей, чтоб те тоже не

подверглись в этом жестоком мире таким мучениям, каким подвергли американцы детей вьетнамских. Для этого он не женится на женщине, которая ему нравится. Но та берёт инициативу в свои руки и остаётся у него ночевать. А наутро он просыпается другим человеком и даёт в морду лавочнику с первого этажа, который систематически бьёт ребёнка, работающего у него в лавке. Но происходит это в результате очистительного сна. В нём он испытал соблазн удрать из этого страшного мира на 200 лет в будущее. Это в том сне было непросто. Нужно было достать 20.000 долларов на билет. А столько денег заработать ему не светило. И он решил, как Раскольников, убить богатую старуху и обворовать её. Та его намерения разгадала и зло посмеялась над ним. От этого и вообще от самого своего замысла он хотел утопиться. Но его остановил нищий, попросив сперва отдать ему одежду и обувь. Мак-Кинли отдал и... нашёл прилипший к подошве туфель нищего выигравший лотерейный билет на 25.000 долларов. Так он купил вождельный билет. Спрятался от современных ужасов. Прошло 200 лет. Он вышел, а планета – после атомной войны. От этого ужаса он проснулся. И всё пережитое во сне сделало его ответственным, а не маленьким человеком, от которого, мол, ничего не зависит.

Самый корень смутного идеала Высоцкого о всесиили Самоуправления.

В каком-то варианте фильма, наверно, имелось в виду, что хиппейского типа певец Билл Сигер, мечтающий бежать от действительности, встречает вернувшегося после 200 лет отсутствия поумневшего Мак-Кинли. И...

МИСТЕРИЯ ХИППИ – 1.

В чём-то то же.

Одно но... Конечно, здесь «я»-повествователь (от имени «мы»-хиппи)... И этот «я» занимается самохвалством, какие-де они левые. И только одним словом («содом») прорывается негативное отношение самого Высоцкого к хиппи. – Не знать, так и не усечёшь.

БАЛЛАДА ОБ ОРУЖИИ – 1.

А вот тут уже проскальзывает отвращение Высоцкого к этим хиппи, к этим искателям предельного опыта в обществе потребления, которые и оружие в личном порядке потребляет. Попроще потребления им мало.

Но... Через ум это всё. Иллюстрация.

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА – 2.

Образ политического зажимания рта певцу. Противоречий нет.

ПЕСНЯ СОЛОДОВА – 2.

То же.

«Вообще интересная вещь получается. Несмотря на то, что власть (с помощью тех, кто «крышевал» Высоцкого) заметно ослабила давление на него, его злость по отношению к ней не утихает, а наоборот, только усиливается».

Приняли в Союз писателей, в два фильма взяли на главные роли, выпустили несколько грампластинок...

Творец с идеалом трагического героизма не приспособлен к ослаблению давления на себя – вот и лишился дара творить художественное. То есть моё утверждение, что на него, создателя произведений тончайшего искусства, обстоятельства не действуют, неким образом подтверждается – он их просто не создаёт в сносных условиях жизни.

Это вообще, кажется, одно из достоинств тоталитаризма, абсолютной монархии и т.п. Классицизм первой волны расцвёл при Людовике XIV, великая русская литература XIX века – при пересидевшемся крепостничестве, а Булгаков, Бабель, Платонов, Шолохов...

ЧТО ЗА ДОМ ПРИТИХ – 5.

Вот где яркие противоречия! С одной стороны – справедливое возмущение гостя хозяином, с другой (интонация!!) – справедливый упрек хозяина где-то зажавшемуся гостю. Гость за инициативу и винит опустившихся. А хозяин за терпение: это способ выжить в Истории. Модернист и традиционалист. И кто прав? – Оба. – И какой вывод? – Нет вывода.

Ужас.

Отсутствие идеала с разным эмоциональным оттенком бывает. Вот здесь – с ужасом.

«...суицидальные мысли периодически посещали нашего героя... с сентября 74-го по февраль 75-го (то есть полгода) он вообще больше ничего не напишет, о чем честно признается в частном разговоре Валерию Золотухину».

Но «он дает множество концертов».

О НЕНАВИСТИ – 2.

Какое отношение имеет к современности Робин Гуд, для фильма о котором написана эта песня? К советской современности? Когда номенклатура по секрету получала свои привилегии... Мог ли быть материальным источник такой ненависти у самого Высоцкого? Или это просто песня протеста против власти, как на заказ плачут плакальщицы? – Похоже.

Или это считать аналогом всесторонней ненависти Галича к советской власти? У того – просто публицистика, у этого – полуприкрыта образами?

Если и да, - чего ни ждать от заколебавшегося, - то ничего подсознательного здесь не ощущается.

О ДВУХ ПОГИБШИХ ЛЕБЕДЯХ – 2.

То же, собственно. Как неуклюжа эта всесторонне гадкая власть. Касательно Робин Гуда – ошибочно убили вместо него невесту с женихом.

КУПОЛА – 1.

Вот я и наткнулся... Помните, я обещал сослаться на отступление о новой левизне Высоцкого. – Теперь признавайте, что я оказался прав.

СЛУЧАЙ НА ТАМОЖНЕ – 2.

Ну милый пьянчужка... Ну власть за него... Ну плоховато, что они спелись: темень и соответствующая ей власть... Ну достойны насмешки... С какой позиции?

А чего катить бочку на недопущение вывоза произведений старинного искусства? Ведь если песня – насмешка, то и над этим она, получается, – насмешка. Но с какой стати?

Неужели Высоцкому действительно безразлично, что тут нагромоздить, лишь бы вставить – и в самом деле серьёзно исполняемый – один куплет, фигу в кармане:

И на поездки в далеко -

Навек, бесповоротно -

Угодники идут легко,

Пророки - неохотно

Сам он кто? Пророк? А угодник кто? Синявский? Кому или чему он угодник? Западу?

Даже если и разобрать – это всё равно иллюстрация чего-то мысленного.

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ - ?

Теперь говорят о едином учебнике истории... – Я б предложил будущим его авторам послушать эту песню. Поймут, как делать такой учебник.

Противоречий тут полно, и это не только жизненные противоречия, а и организованные автором для выражения своего подсознательного, которое можно выразить одним, любимым словом Высоцкого: «Разберёмся!» – Это спокойная вера в народ и это – исторический оптимизм. Нечто из ряда вон выходящее для Высоцкого. И я не берусь это объяснять.

Не знаю почему (а может, как раз из-за этой необъяснимости) мне представилось, что, как из какой-то другой жизни глядя, описал он прошлую жизнь – философски.

Про миролюбивость прудонизма я уж молчу. Пусть скажет о нём его в себе не ведающий Высоцкий:

«Д. Раттер: «Вы называете себя протестующим поэтом, но не поэтом-революционером. В чем разница между этими понятиями?»

В. Высоцкий: «Видите ли, в чем дело... Я никогда не рассматривал свои песни как песни протеста или песни революции. Но если Вы спрашиваете, какая разница... Может быть, это разные типы песен — песни, написанные в разные времена. В революционные времена люди пишут революционные песни. В обычное, в нормальное время люди пишут песни протеста, они существуют повсюду в мире. Люди просто хотят, чтобы жизнь стала лучше, чем сейчас, чтобы завтра стало лучше, чем сегодня»...».

Не в связи, но... Вот уж заподозрён был у него инфаркт, и «врачи настоятельно порекомендовали артисту сбавить обороты своей деятельности. Иначе, сказали, труба».

Боже! Сколько раз он побывал в больнице! Я за всю свою чуть не в два раза более длинную жизнь был не больше десятка. А Высоцкий – чуть не через каждые полгода.

«Единственное, что я могу понять: когда ты не можешь заснуть ночью, все время молоточки в мозгу, а ты просто хочешь на какое-то время отключиться, стать нормальным человеком. Черты, образы, рифмы, отстаньте! Они же преследовали Володю. А выпил, и вроде отстали. Володя прекрасно понимал, что на все уже нет сил. Жизнь предлагала: «Твори, живи!», — а жить нечем. Наверное, нет ничего страшнее такой ситуации...»

ГЕРБАРИЙ – 2.

Вот, наконец, явно антивластная песня. Но – это ж образная иллюстрация заранее знакомого.

Сковыривается Высоцкий.

«Ты прямо переходишь к морфию, чтобы не поддаться искушению выпить. В течение некоторого времени тебе кажется, что ты нашел магическое решение» (Марина Влади).

ПРО ГЛУПЦОВ (нет исполнения всей песни – судить нельзя).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Смехач. То же, что и «Песня о сумасшедшем доме».

А вот горькая пилюля мне:

«...мы выбираем сольный концерт — это то, что ты предпочитаешь, и последние записи, сделанные в США для Си-би-эс, доказывают, что это и для публики лучшее решение...»

Написанный тобой текст настолько не нуждается в комментариях, что передача проходит без интервью. Ты поешь, как всегда, не щадя сил. И телефонная станция телевидения буквально разрывается от звонков восхищенных зрителей. За час ты завоевал публику всего Мехико...» (Марина Влади).

Ну в США полно русскоговорящих эмигрантов. А в Мехико... Публика ВСЕГО Мехико... То есть слова не понимали. То есть работала одна энергетика. То есть техника заражения, а не катарсиса. Чистая эстрада, лёгкая музыка другими словами.

Так что если и дома большинство так реагировало?..

Или нет всё же. Я вспоминаю, в перестройку, где-то в начале её, под флагом начавшейся гласности в городе выбрали далеко от центра расположенный кинотеатр и пустили там фильм о Высоцком. Все ринулись. Ещё, помню, вначале пустили – под статью – киножурнал про то, как не могут годами пробить некие изобретатели внедрение какого-то бетона повышенной прочности. Возвращаясь, я не мог говорить от пережитого. Но не я один! Самая тёмная женщина из нашего конструкторского сектора, Анеле Мицкюте, встретила меня на улице после сеанса, и она тоже не могла говорить.

То ли дело Бродский... *«произнес что-то доброжелательное о рифмах, о языке... Сказал, что только что прослушанное гораздо сильнее, чем стихи Евтушенко и Вознесенского. Это Высоцкого не слишком обрадовало» (Марина Влади).* Его б обрадовало больше, наверно, не случилось бы то, как мы с Анелей не могли говорить от пережитого.

И всё-таки... Была ж ещё нарочно «слегка расстроенная гитара». Нарочно!

Кто упрекнёт меня за название этой книги, тот несколько прав.

И вот тут-то, кстати...

ПОГОНЯ – 2.

Ну что: разве название соответствует художественному смыслу?

Здесь – лишь вроде бы про погоню, и испуг. А на самом деле ж человек нарывался и нарвался. Герой, лишь утрируя, себя клянёт: **«Вот же пьяный дурак, вот же налил глаза!»** На самом деле ему море по колено.

Общепризнанно, что воля от свободы отличается тем, что воля шире. Свобода – переживание гармонии себя с миром. Романтизм. Имея в виду осознанное переживание. А в себе, во внутреннем мире, есть же не только осознанное, но и подсознательное. И в нём гнездится подсознательная часть совести. Которая – общественна. От этого не отвертеться. Так воля на эту часть больше свободы. Гармония всего «я» – и подсознательного – с миром. Это и воспевают, по крайней мере, в мире этой песни Высоцкого, цыгане. И потому тут **«Очи черные!»**. Вот они-то и завели лирическое «я» в опасное положение. Мало того! Они-то и вывели! Смотрите: **«Шевелю кнутом - / Бью крученые / И ору притом: / «Очи черные!...»**. – Всё учтено могучим ураганом!

Нет, внешне, вроде, случайно, или по неосторожности, или с пьяных глаз. А на самом деле – потому что... воля. Подсознательная её часть. Там подсознательный идеал кроется. А он-то, просясь наружу, и порождает именно художественное произведение. То, что в данной книге именуется произведением тончайшего искусства. Порождает со всеми достоинствами рифм и языка, что вычленил Бродский, и на чём не сосредотачивался Высоцкий специально, как, наверно, Бродский. Даёшь Подсознательное!

Нецитируемый художественный смысл песни состоит в том, что придерживайся, бард, этого неосознаваемого идеала – и будешь спасён от власти.

Кони, собственно, тоже ж образ воли. Вот кони и вынесли...

Конечно, надо, чтоб идеал был не абы какой (хоть и неосознаваемый), а чем-то соответствующий возможности спастись. Эти волки ж – всё-таки советская власть, которая, как-никак, а целью своей самообманно имела коммунизм, без-властие. Именно то, что и было неосознаваемым идеалом Высоцкого, конями. – Вот они и вынесли, вот на них и полагался лирический герой песни где-то с самого начала.

Как факт, и Высоцкого ж не только гнобила советская власть, а и позволяла ему ого что. Всё-таки левое диссидентство – не правое. Всё-таки у левого цель была – коммунизм, а у правого – капитализм. А я ж предположил где-то в самом начале, что подсознание всех людей произведение тончайшего искусства «понимает» верно...

Могу и себя, тоже стихийного левого диссидента, привести в пример. КГБ не только инспирировало выживание меня из НИИ многолетним замораживанием зарплаты, но и позволило квартиру получить от предприятия. И не потому, что левая рука не знала, что делает правая. А потому что я был какой-то свой враг строя.

Подсознание – великая сила.

ОХОТА С ВЕРТОЛЁТОВ – 6.

Эта песня сочинена сразу после провала Театра на Таганке на гастролях в Париже. *«очень мало зрителей — всего-то 200–300 человек при вместимости под тысячу»*. И даже «Гамлет»...

То есть что: не рождали, выходит, постановки того подсознательного, что волей-неволей покоряет квалифицированных зрителей (какими были парижане)? И, выходит, **«мы больше не волки»**?

Для Высоцкого-то, - понимаемого либералами своим, либералом, - постановки Театра на Таганке (либералами тоже по-своему, по-либеральному, понимаемые) не были либеральными! Они ж были для Высоцкого итогово прокоммунистическими. (Он, может, и там тоже только что не разрывался для того именно, чтоб, наконец, поняли и его, и постановки верно...)

Ну, пусть специфические, либеральные, зрители приходили в театр в Москве и видели то, что хотели, а не то, что режиссёр хотел. Но в Париже... Или из-за своего бывшего белогвардейства и эмигранты, и правые диссиденты односторонни?! Видят только прокоммунистическое...

Почему Любимов, главный режиссёр, перестал появляться на представлениях? Оттого что не волком-антисоветчиком соштрится? Или оттого, что оказался не прокоммунистическим волком, раз не способен вгрызться в души врагов, и **«мы больше не волки»**?

Почему Шемякину посвящена песня? Потому что того ужастики тоже не склонна недостойная публика адекватно понимать? (Вы гляньте - http://drugoyupiter.ru/place/petr_shemyakina.htm - какой памятник Петру Первому он сотворил, пусть и после смерти Высоцкого; Высоцкому, наверно же, привелось посмотреть похожие работы Шемякина.)

Это – песня-поражение? Раз всё один припев: **«мы больше не волки»**?

Или таким голосом и интонацией не поют поражение? Такой голос и интонация – это победа, несмотря ни на что.

А каков итог словами?

**...Я живу, но теперь окружают меня
Звери, волчьих не знавшие кличей, -
Это псы, отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.**

**Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу -
Обнажаю гнилые осколки.**

Это ж не жизнь.
Но.

**Но - на татуированном кровью снегу
Тает роспись: мы больше не волки!**

Тает, понимаете?! Это впервые появившееся слово. Раньше все волчьи огрызания обрывались противительным союзом **«но»**. И всякое

шапкозакидательство волков уничтожалось их росписью: **«мы больше не волки»**. А теперь эта роспись **«Таёт»**.

Чудо?!

Да, в том числе и к чуду прибегают несломленные, перенося осуществление своего идеала в сверхбудущее.

- А не является это цитируемостью идеала?

- Нет. Я ж говорил. Когда он эпизодичен – он не уничтожает художественность целого. Противоречие голоса и поражения более важны.

Похоже, перед нами утверждается следующая (после трагического героизма), вторая, уж совсем экстремистская фаза художественной эволюции Высоцкого. В ней коммунистическая перспектива отодвигается в сверхбудущее со всей присущей этому метафизикой и чудесами. И... отвратительностью настоящего.

А пока – чудо, что Высоцкий выжил, сорвавшись от этой передраги. *«...его рвало в раковину сгустками крови»*. И похуже... Заграница ему *«теперь превратилась в аналог советской действительности»*. Ну нет места на планете, где его понимали б. *«И повсюду ты чувствуешь себя изгнанником»* (Марина Влади).

Ужас.

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ – 5.

Ужас.

Я ведь понимаю, что мои (а может и любые) толкования – страшная грубятина для людей с тонкой душой.

Так про эту песню я больше ни слова не напишу.

«В последние два года Володя говорил о смерти постоянно. Он не хотел жить в эти последние два года. Я не знаю, какой он был в России, но во Франции Володя был очень плохой. Я просто уговаривал его не умирать...» (Шемякин).

МОСКВА – ОДЕССА – 1, 2.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ – 2

Ласковая сатира.

Почему ласковая? – Да потому что приятная черта менталитета – междусобойчик. Вы мне – скидку на авиабилеты, я вам – песню про вас. Близкодействие.

ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ – 2.

Песня – как тот будущий Пётр Шемякина. Горькая истина. Публицистика, что ли...

ЛУЧШЕ Я ЗАГУЛЯЮ, ЗАПЬЮ, ЗАТОРЧУ – 1, 2.

Заражение настроением.

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ -1.

Подначивает себя в образе пьянчужки тёмного, согласного выполнять роль агента влияния из тёмного патриотизма. Брак с дочкой Онассиса уж точно был КГБ-шный.

ПЕСНЯ ГОГЕРА-МОГЕРА – 2.

Политическое зубоскальство. И разбираться не хочется, какое именно. Ну сочинять стихи мог только Андропов. Ну, раз насмехается над

этим от имени темени, значит, именно Андропова и хочется. Так это ж надо знать, что Андропов сочиняет стихи...

Фу. Не та это непонятность.
ГРУСТЬ МОЯ, ТОСКА МОЯ
«В лоб» жалоба.
И вот – умер.

Пронзительная мысль: он смертью своей, да и каждым концертом, практически доказывал, что коммунизм достигим. Все ж слушатели превращались в ипостась коммуны (часто – с выпивкой и закуской). Для того ему и нужны были эти концерты, чуть не до дня смерти даваемые, что они питали его идеал, столь недостижимый, если вне концертов его оглянуться, и столь достижимый, если на концертах. Ипостась коммуны. Подсознательной. И потому – любили. Потому что коммунизм находится в каждом в качестве тайного идеала на самом дне души.

Это и из теории Поршнева о происхождении человечества следует. Первое ж, что люди осознали – это своё «мы», отличающее их от «они», почти таких же, но умевших внушать «нам» убивать своих детей «им» на седиение во имя сохранения общего стада, когда стаду плохо.

Я плохо отношусь к понятию «общечеловеческие ценности». Оно теперь – пропагандистский обман американского глобализма, работающий на организацию человечества так, чтоб золотой миллиард был на верху потребительского общества. Человечество, начавшись с двух тысяч особей, распалось и распространилось по всей планете так давно, а нынешние человеческие общности оказались стартовавшими с таких разных условий, что от общечеловеческих ценностей мало что осталось. Но первопонятие «мы» где-то в глубине сохранилось.

И Высоцкий его активировал. А дело в том, что коммунизм – наше будущее.

Сам-то Поршнев написал, казалось бы, не совсем так:

«Суть мирового развития, по Гегелю, — прогресс в сознании свободы <...> Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности». «Идиллические», иронизировал Маркс, сельские общины «ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы».

На противоположном, полюсе прогресса, при коммунизме, — торжество разума и свободы.

Как и у Гегеля, между этими крайними состояниями совершается переход в собственную противоположность, т.е. от абсолютной несвободы к абсолютной свободе через три прогрессивные эпохи, но эпохи в первую очередь не самосознания, а экономического формирования общества, т.е. через развитие форм собственности».

Абсолютной свободы при том строе, который есть наше будущее после капитализма, не будет потому, что удовлетворение в нём мыслится не любых потребностей, а РАЗУМНЫХ. То есть сохранится

самоуправление и подчинение ему. Вот попозже, когда материальная сторона обеспечения жизни станет такой же автоматической, как дыхание, - тогда-то и будет поршневский коммунизм.

А до него будет бакунинско-прудоновский. Он подсознательно у всех в идеале. Из-за него все повально любили Высоцкого.

Мне было трудно писать эту книгу. Хотя бы потому, что выбор песен и их очерёдность были не мои. Зато тем убедительнее подтверждение моей интуиции, что Высоцкий всю жизнь вдохновлялся не протестом против тоталитаризма.

Большое количество охваченных песен и намерение буквально каждой песне дать адекватное эстетическое толкование эстетику же и ограничило политической её стороной.

Но тут тонкость.

Дело в том, что шестидесятничество (этот поиск выхода заблудившемуся социализму) побудило русскую поэзию вернуться к началу века (тоже бывшему в поиске выхода из эксплуататорской эры) и перенести, как и тогда, *«в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле»* (Тынянов).

Поэтичность (присущая и тонкому, и тончайшему, как я тут разграничиваю, искусству) обеспечивается простым повтором, считая звонкие и глухие одинаковым звуком, – повтором согласных и их сочетаний на коротком отрезке текста: «НаС на поСадКУ СКучно СТюардесса приглаШАет, / ДоСТупная, как веСь гражданСКИЙ флот». Иное дело, когда нацеливают на смысл. Тогда на коротком отрезке текста повторяются уже слова близкие по звучанию, но разные по смыслу: «стюардесса как принцесса», «туда, куда», «Открыт закрытый», «как «ТУ», та». Это подсознание нацеливает на приближение к сознанию. Политические (и противоположные друг другу) ценности делают это ещё больше. Кто не перестроился или мало перестроился, тот по-прежнему ждёт простых повторов согласных. Такие-то люди и не считали Высоцкого поэтом, имея к тому – вот – основание. Мало-де обращений от подсознания автора к подсознанию читателя (повторов согласных), плюс огромная роль интонации произнесения автором-певцом, чего нет в стихах, обращённых больше к читателю, чем к слушателю.

Разное время требует разных гениев. Оттого поэты поэтов не принимают.

Но народ – не поэты. А в народе Высоцкий трогал самые тайные струны души.

Март – апрель 2013 г.

Натаня. Израиль.

Впервые опубликовано по адресу
<http://www.bard.ru/book/26.htm>

Ян Майзельс

О чем пел Высоцкий?

«Высоцкий – наше всё»

*«Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков,
штрафников, преступников, людей порочных
и неполноценных.*

*Это распоясавшиеся хулиганы,
похваляющиеся своей безнаказанностью»*

«О чем поет Высоцкий»

«Советская Россия», 1968 г.

*«Саван сдернули – Как я обужен,
наше смерти! –
неужели такой я вам нужен
после смерти?!*

.....

...прохрипел я похоже: «Живой!»

Владимир Высоцкий «Памятник»

XXI веке, когда о Высоцком сложилась уже целая наука «Высоцковедение», такого рода взгляды, как у «Сов.России, казалось бы, ничего, кроме улыбки, не могут вызвать. Да так оно и есть, однако же на поистине безбрежном фоне этой науки появляются статьи, тем или иным путем, зачастую уже не на столь дебильном уровне - хотя подчас и откровенно провокационные – «высвечивают» не только разные грани, но и все творчество великого барда, поэта, актера, «шансонье всея Руси» (по выражению Вознесенского) и – однозначно: ЯВЛЕНИЯ Владимира Высоцкого. Диапазон таких статей чрезвычайно широк: от элементарной недооценки барда до прямых обвинений в агентурном «промывании мозгов». Несомненно, круг слушателей Высоцкого фактически превосходил – можно смело признать, ничуть не унижая ничьих достоинств – численность почитателей других великих бардов, прежде всего – Галича и Окуджавы. Утонченная задушевность Окуджавы, так же как, напротив, бескомпромиссная жесткость Галича, набирали своих слушателей из кругов, в том или ином направлении соответственно «продвинутых». Высоцкий же был не то, чтобы буквально «для всех» (что невозможно даже теоретически), но определенно ВСЕнароден, что подспудно таило в себе и потенциальную возможность определенной «манипуляции сознанием».

Остановлюсь прежде всего на недооценке, парадоксальной причиной каковой явилась необычная популярность и всенародность. Парадокс здесь в явно упрощенном подходе к этой самой «всенародности», сводимой некоторыми критиками чуть ли не к примитиву. Легче всего к такому «примитиву» можно отнести ранние, «дворовые» песни Высоцкого.

Александр Шойхет в образцовой по-своему статье «Не сотвори себе кумира» спрашивает у предводителя юных «нациков»: «Вы любите слушать Высоцкого?.. – А как же! Ведь он же наш!.. Высоцкий **наш**, русский национальный поэт. Он был настоящий мужик». (Да, но это факт не случайный среди «национально ориентированной» публики даже более «высокого ранга». Так, один известный художник прямо заявлял: «Мы вам, евреям, нашего, РУССКОГО Высоцкого не отдадим». Смешно?..)

Напомню тем, кто немного подзабыл ситуацию 60-х гг. и лейтмотив статьи «О чем пел Высоцкий», что там разумеется НЕСОВЕТСКИЙ Высоцкий, а, в подтексте, и НЕРУССКИЙ (хотя тогда о его «нерусскости» знали немногие, но кто надо знал; например, Федор Раззаков свою недавно вышедшую книгу «ДРУГОЙ ВЫСОЦКИЙ» посвятил «разоблачению» аллюзий и других многослойных намеков барда: «Фактически в каждой песне Высоцкого (будь то военная, спортивная, сказочная или лирическая) есть второе дно – подтекст. Где-то он выступает выпукло, а где-то замечен менее»). Парадокс именно в том, что статья в «Сов.России» была направлена против «нерусского» духом Высоцкого, а у Шойхета Высоцкий – чуть ли не русский националист. Но если перенаправить эти стрелы с негатива на позитив, то Высоцкого – по «Сов.России» - слушала «антирусская» половина страны, а – по Шойхету – другая, «русская» половина, - в сумме же составляя **ВСЬ НАРОД**. Таким образом остается непоколебимой сама по себе масштабность **ЯВЛЕНИЯ** Высоцкого, как бы ни старались преуменьшить, исказить его сущность противники Высоцкого с противоположных сторон.

Казалось бы сейчас просто смешно говорить с серьезным видом о «блатном мелкотемье» ранних песен Высоцкого, поскольку существовали уже и «Антисемиты», и «Штрафные батальоны», и «Братские могилы», и «Песня о звездах, и «Все ушли на фронт» («Ну, а мы – всё оправдали мы, - наградили нас потом: кто живые, тех – медалями, а кто мертвые – крестом. И другие заключенные пусть читают у ворот нашу память застекленную – надпись «Все ушли на фронт»)... Ничего себе «мелкотемье»! И даже в привычно блатной, казалось бы, теме песни «Бодайбо» присутствуют поэтические образы-находки, неподдельные уголовнику-самоучке: «Здесь леса кругом гнутся по ветру, синева кругом – как не выть! Позади – семь тысяч километров, впереди – семь лет синевы».

Высоцкий у Шойхета даже в своих военных песнях работает на миф, воспевая – в отличие от Галича – романтическую героиню войны, – и здесь Шойхет приводит в контрпример действительно замечательную, трагическую песню «Мы похоронены где-то под Нарвой». Но, да простят меня поклонники Галича, если я задам «бестактный» вопрос: - Ну, и сколько таких, военных песен у этого, поистине замечательного барда?

Галич был славен совсем другими песнями, его жесткая, даже жестокая поэтика была почти сплошь антисоветской (это касается и галичевской сатиры типа «Клима Петровича», и галичевской трагедийности: «Облака», «Караганда», «Кадиш», «Старательский вальсок»,...).

Сатира Высоцкого была совсем другой, не злой, более «мягкой» («Товарищи ученые», «На Шереметьево», «Письмо в деревню» «Честь шахматной короны: «Мы сыграли с Талем десять партий – в преферанс, в очко и на бильярде, – и Таль сказал: «Такой не подведет!»), благодаря чему песни Высоцкого приобретали всенародный – от уголовников до академиков и диссидентов до «агентов» – размах и что дало возможность Раззакову «критиковать» Высоцкого совсем с другой стороны, для меня лично неожиданной и совершенно неприемлемой. Если у Шойхета Высоцкий «недотягивает» до Галича, то у Раззакова он однозначно «перетягивает», непроизвольно выступая манипулятором сознанием масс (даже и «произвольно», – но об этом дальше). Галич, однозначно, «разрушитель» - по крайней мере, среди всех галичевских песен нет песен «за Расею». Правда, здесь я немного ошибаюсь, есть все же такие примеры: «Когда я вернусь», «Русские плачи»: «Ах, Расея, Россия – все пророки босые» - но это типичные, одиночные примеры исключений, подтверждающих правило. Песня «Русские плачи» перекликается в моём восприятии с подобными «плачами», причем, множественными, а не одиночными – у Высоцкого: «Как по Волге плавали», «Купола» или же искусно сделанная под цыганочку «Нет, ребята, всё не так»,... Но у Высоцкого при этом: «Словно пробудились молодцы былинные и – числом несметные – встали из земли» и «Купола в России кроют чистым золотом – чтобы чаще господь замечал». Чувствуете разницу? Но Шойхет, как ни странно, этого «не чувствует». Оба великих барда (Галич и Окуджава) четко обозначали отведенную их талантом и совестью «нишу» - и находили «свою» аудиторию. «Народная» аудитория Высоцкого была много шире «диссидентской», «кухонной» аудитории Галича или лирично-ностальгической – у Окуджавы (грех не вспомнить тут и Городницкого с Кукиным, да тема «не позволяет»). И у Галича, и у Высоцкого есть, например, песни про сумасшедший дом, но даже так, на вскидку, многие ли теперь помнят едкую галичевскую песню про «Белые столбы», - но даже ничего, казалось бы, не говорящие, слова «Дорогая передача...» чуть ли не рефлекторно вызывают: «во субботу, чуть не плача, вся Канатчикова дача...». И я не раз теперь, уже в наше постсоветское время читал и слышал: «настоящих буйных мало – вот и нету вожakov» или «Удивительное рядом – но оно запрещено» (вообще, уникальная цитируемость Высоцкого – литераторами, философами, политиками – тема большого серьезного разговора).

А вот уже, действительно, сплошное «анти»: «Удивительное рядом, но оно запрещено», «Больно бьют по нашим душам «голоса» за тыщу миль, - зря Америку не глушим, зря не давим Израиль. Всей своей враждебной сутью подрывают и вредят – кормят, поят нас бермутью про таинственный квадрат!». Да такое и Галич, кажется, не мог себе позволить! Но у Высоцкого всё это выглядит как бы легкой шуткой: что взять с безумца?

В совсем «простой» спортивной песенке «Про прыгуна в высоту»: «У них, у всех толковая – левая, а у меня толковая – пра-ва-я». Или в «безобиднейшей» «Гимнастике»: «Бег на месте обще-прими-ря-ющий» - идеальная классификация всей эпохи застоя.

А вот еще пример из тех же песен. У Галича: «А у психов жисть – так бы жил любой: хочешь – спать ложись, хочешь – песню пой. Предоставлено им вроде литера: кому – Сталина, а кому – от Гитлера». Насчет какого-то «литера» не всем даже и понятно. Но вот о той же «свободе» выбора у Высоцкого: «В положении моём лишь чудак права качает: доктор, если осерчает, то упрячет в «желтый дом». Всё зависит в доме оном от тебя от самого: хочешь – можешь стать Буденным, хочешь – лошадью его». Доступная, простая (ОБЩЕдоступная, ПРОСТОнародная) речь. Но дальше – больше – и, как приговор: «Мой диагноз – паранойя: это значит – пара лет!». Дошутился, значит... И, к слову, о статье философа Сергея Роганова «Любимый шут эпохи застоя» - очень сомнительное, право же, определение Высоцкого, но есть в нем и некая правда: при дворах «позволялось шутам всё то, что простому смертному невозможно было даже помыслить. Позволялось именно потому, что шут <...> раскрывал публично то, что таилось в сердцах всех за официальным фасадом СССР. Пел «Охоту на волков» в партийных кабинетах по вызову? Пел, пел. Это ему советские боссы исповедовались. Его защищали тайно. Ему позволяли и давали (От себя отмечу, что здесь простая разгадка «подозрений» Раззакова – Я.М.). Это его слушали миллионы советских граждан, стояли в многочасовых очередях на Таганку, это ему до сих пор чуть ли не молятся фанаты и просто поклонники манеры его исполнения. «Баловень неслыханной прижизненной славы», - воскликнул после его смерти Ю.Ким».

Приведу и еще одно интересное соображение Роганова: «И вместе с тем он всегда принимался как свой, абсолютно свой, русский в советской стране. И отношение к его творческому шутовству особое. Россия недолгоблизает критиканов и протестантов. Были диссиденты – инородные тела советского общества. Был Александр Солженицын, так и не понявший страны, в которой он вырос и жил до эмиграции. Уходили и отходили склочный А.Галич, сахарный романтик Ю.Визбор, заунывный Б.Окуджава, но сам Высоцкий стал воплощением и символом неизбежно русского в нашей жизни. Тех самых глубинных русских корней и традиций, благодаря которым эта «русскость» опознается во всём мире».

Но позвольте: у шута, при всей его дозволенной смелости всегда есть нечто балаганное, напрямую присутствующее, пожалуй, в одной только скоморошьей песне Высоцкого «На ярмарке». И уж никак, ни с какой натяжкой к «скоморошьим» нельзя отнести ту же «Охоту на волков», а также «Он вчера не вернулся из боя», «Мы вращаем Землю», «Кони привередливые» и еще несколько десятков других, нешутейных песенных шедевров. И если, например, Высоцкий остроумно юморит в песне «Про опального стрелка» (которому «принцессу и даром не надо», а надо за его подвиг беспримерный лишь «выкатить портвейну бадью» - чисто русский, залихватский, бескорыстный размах и удал) или в таких дворово-блатных песнях, как «Рецидивист», «Наводчица» или

«Татуировка»,... – то никакого «балагана» нет уже и в помине в таких песнях того же «блатного» периода, как «Счетчик», «Большой Каретный», «Про стукача», «Алеха», «Попутчик», «Парус»,...(и, кстати, здесь легко проследить, как Высоцкий с каждой песней всё дальше отходит от той темы, которую особо ретивые критики ставят ему в вину, – гений отправляется в свободное плавание!).

Высоцкий был (и есть!) несравненно выше любого однозначного определения – но и в любом определении можно найти ему свое место. Юморист, сказочник, романтик, блатарь, трагик, мистик... патриот, «советчик», антисоветчик... Можно с достаточной долей уверенности сказать, что он (как, впрочем, и всякая незаурядная личность) был одновременно и тем, и другим, и третьим, и..., но кое-кто в своих изложениях стремится именно к однозначности: так проще... и эффективнее, – последнее относится, прежде всего, ко всякого рода «критикам», будто когтями вцепившимся каждый в свою версию. Но это, с одной стороны, даже неплохо, так как они иной раз докапываются до самых экстравагантных представлений («Владимир Высоцкий – бог советского народа» - пишет Дмитрий Косырев).

С другой стороны, с болью замечаешь, что наметилась ужасно несправедливая (идейно) и неверная (фактически) тенденция, по сути своей возвращающая к статье почти сорокалетней давности в «Сов.России». Но если тогда, по мысли её авторов, Высоцкий был «всего лишь» антисоветчиком и только по умолчанию, в эпоху интернационализма разумелось: «и антирусский», то в эпоху разгула должжданной гласности, в век Интернета, когда с особой, почти садистской радостью, знаменитостям «шьются» подчас самые омерзительные поступки и ярлыки, можно навесить Высоцкому ярлык не только антисоветчика, но и русофоба (в опубликованной в 1992 году альманахом «Панорама» статье «Знаменосец» я рассказал о том, что на похоронах Высоцкого на мой вопрос одному комсомольскому работнику: - Что там у вас говорят о смерти Высоцкого? – он ответил: - Говорят, что одним евреем меньше стало). Это всё уже от исходной установки зависит, а установка эта самая простая: папа – еврей, этого достаточно. Тогда: «А какой же Высоцкий русский? Он – еврей. Поэтому его евреи и на щит поднимают!» - это уже не из какой-то статьи, а всего лишь из комментария к таковой - и привожу эту архиглупость как пример бытующего уже в нынешние времена незнания Высоцкого – и соответствующего выставления «оценок». Глобальное перетряхивание системы ценностей в России усилило требование национальной – прежде всего, русской – самоидентификации, к которой фактически свелось понятие патриотизма, скомпрометированное перестроечной публикой с ее лозунгом «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». Так что патриотизм «по праву» сместился к национализму, и нездоровый интерес к национальности Высоцкого вернулся на круги своя. Отдаленность во времени, точнее, незнание реального времени Высоцкого не позволяет потенциальному слушателю осознать знаковость его как ЯВЛЕНИЯ. Современному пользователю интернета, тем более с его айподами и айфонами, невозможно даже представить вдохновенного слушателя

полузапрещенной хрипящей истины, несущейся изо всех окон. Вольное чередование песен различной тематики: драматических и трагических («SOS», «Я несла свою беду», «Райские яблоки», «Натянутый канат»), сатирических и юмористических («Про козла отпущения», «Мишка Шифман», «Про Кука», «Песня попугая»), военных и спортивных («Гимнастика», «Хоккеисты», «Черные бушлаты», «Аисты», «Сыновья уходят в бой»), морских и лирических («Баллада о брошенном корабле», «Человек за бортом», «Штормит весь вечер», «Белый вальс»), и др., и др.,... не давало возможности приесться, надоест... В любой компании, подчас самой разнообразной даже по своей ментальности, интеллектуальной или «правовой» подготовленности крутились бобины или кассеты, часто придавая неотъемлемый фон самому разговору. Бесконечная многоплановость Высоцкого выделяла его среди других бардов, тяготеющих преимущественно к той или иной направленности, во многом определяемой их собственным жизненным опытом. Не то у Высоцкого, жизненный опыт которого, при всем его относительном многообразии в подавляющем большинстве случаев не совпадал с таковым у героев его песен: уголовников, штрафников, моряков, летчиков..., не говоря уже о «о братьях наших меньших» и, тем более – о предметах неодушевленных (самолетах, кораблях, микрофонах,...).

Высоцкий стал Высоцким (то есть выделился из одаренной блестящими поэтическими талантами бардовской среды) уже своими ранними «блатными» («дворовым») песнями – и узнаваем он был не только хриловатым своим голосом. Вряд ли и ранние его слушатели оценили именно поэтический его дар, но и «блатные» его песни были сущностно отличимыми от привычного блатного «стандарта», - и прежде всех ощутили это его хулителю, наподобие «критиков» из «Сов. России». Они ощутили это как некую угрозу себе даже самым несвойственным блатному стандарту интеллектуализмом, его умением, по выражению Анатолия Карпова, «достигать в своих песнях священной глубины мысли». И уже в ранних песнях Высоцкого присутствовала эта «священная глубина», которая настораживала, как минимум, своей непохожестью, потенциальной неуправляемостью. «Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого, - писала «Советская Россия. – Но вдумайтесь в текст и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью». С позиций этого разряда критиков Высоцкий своими песнями сеет зло («ласки он не несет, но зло сеет, ублажая низменные вкусы слушателей», – пишут авторы статьи) - но и теперь, спустя почти полвека накатывает новая волна непонимания. Если даже раскрученные марши «несогласных» сводятся к банальным плевкам в пустоту, представить, осознать такую всеохватченность хриплым голосом кумира, невозможно даже в принципе. Магнитофонная революция 50-60 гг., вроде бы домашняя, но требующая выхода наружу, эмоционально противоположна интернетовской, камерной, легко обходящейся без живого общения, привносящей крайность другого рода. Интернетовское «скачивание» не то, чтобы сменило системы ценностей, а фактически даже убило их, заставляя усомниться в самом нашем представлении о прогрессе, когда для прямого убийства миллиона человек достаточно не

какой-то суперсилы и сверхжестокости, а всего лишь ничтожного нажатия пальцем на компьютерной клавиатуре. Виртуальная размытость пространственных и духовных границ отнюдь не препятствует идейному и политическому противостоянию. Поводы для этого всегда найдутся. Если, например, Шойхету представляется недостаточным «антисоветизм» Высоцкого, то Федор Раззаков в содружестве с бывшим офицером КГБ (!) Михаилом Крыжановским «углубляет» свою версию о Высоцком, как о вольном или невольном манипуляторе сознанием, версий о нем, как о «суперагенте» с агентурным именем Виктор: «Выдавая себя за оппозиционного барда, он работал на благо КГБ и системы, до самой своей смерти оставаясь в глазах миллионов «жертвой режима». Тут впору бы вспомнить песню «Пародию на плохой детектив» («Враг не ведал, дурачина: тот, кому всё поручил он, был – чекист, майор разведки и прекрасный семьянин») и от души посмеяться, когда бы не было всё так грустно. Работа «на благо КГБ» как-то не вяжется с разрушительной миссией оппозиционного барда, но всё становится на место (по Раззакову), если учесть истинные цели андроповского КГБ, будто бы направляющего страну в сторону либеральной контрреволюции, и позже сделавшей ставку на Горбачева. Либерализм же Андропова, имеет тонкие (но глубокие!) корни в его «подозрительной» национальной принадлежности. А у Высоцкого папа... И тут «порочный» круг замыкается (по логике Раззакова и Крыжановского).

Сам же Высоцкий, безоговорочно воспринимаемый советским народом прежде всего как русский человек (артист, поэт, бард), никогда не был чужд «еврейской теме». Знаменитая «Антисемиты» была среди его ранних песен (1964 г), и уже одно только это говорит о весьма сомнительной однозначности определения: «Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных»: своего антигероя поэт выявляет вполне прозрачно. Тем не менее не только «наивняки» из «Сов.России» склонны были отождествлять автора с героями подобных песен (и это была как раз «визитная карточка необычного его таланта, «игра», в 64-м году еще не совсем «разоблаченная»),... но в 68-м?! У Высоцкого еврейская тема выглядит ОБЩЕНациональной, наболевшей, острой, но не личной – и это не маскировка, а ярко выраженная, глубинная принадлежность его к русской культуре в самом ее широком понимании. Высоцкий – совершенно русский художник – так же как, например, Пастернак или Левитан.

С позиции Александра Шойхета – это недостаток (то есть – это не Галич), но масса намеков, иносказаний, аллюзий, щедро раскинутых по различным текстам, подчас совершенно неожиданно, но всегда к месту, возможно, не уступает непосредственной «антисоветчине» Галича («Ну, а так как я бичую, беспартийный, нееврей – я на лестницах ночью, где тепло от батарей», «ведь там на четверть бывший наш народ», «И гены гетто живут во мне, как черви в трупе»...). В ряде книг, статей, цитат и заметок, затрагивающих «еврейскую тему» Высоцкого, неоднократно фигурируют, например, такие, ставшие уже общими по цитируемости места, в нескольких строках выражающих целостную историческую

концепцию: «И било солнце в три луча, сквозь дыры крыш просеяно, на Евдоким Кирилыча и Гисю Моисеевну. Она ему: «Как сыновья?» - «Да без вести пропавшие». — Эх, Гиська! Мы — одна семья: вы тоже пострадавшие. Вы тоже пострадавшие, а, значит, обрусевшие: мои — без вести павшие, твои — безвинно севшие». Интересно, что в статье Виктора Попова «...ЗА ГРАФУ — ЗА ПЯТУЮ» допущена почти незаметная, но абсолютно принципиальная неточность. Приводя в пример «ядовито-сатирическую» песню «Мишка Шифман башковит...», героя которой «за графу не пустили пятаю», автор статьи на свой риторический вопрос сам же отвечает: «Куда не пустили? Конечно, за границу». Но ведь весь абсурдизм этой песенной ситуации в том, что строжайшая комиссия не просто за границу, а именно в ИЗРАИЛЬ свободно пропускает Мишкиного друга Колю, в родне у которого «антисемит на антисемите», и не пропускает ЕВРЕЯ Мишку Шифмана, у которого «евреи сплошь в каждом поколении» («Мишке там сказали «Нет», ну а мне «Пожалуйста»), именно за то, что он — еврей, и именно — в ИЗРАИЛЬ. В этой анекдотической нелепости, в этом абсурде — суть песни.

Высоцкий обычно чурался вольных толкований тех или иных образов своих песен — это относится и к «Песенке про козла отпущения», но в фольклорной или, даже библейской маске центрального объекта песни-басни «В заповеднике (вот в каком — забыл)...» нетрудно обнаруживается (хотя и неохотно опознается конфликтующими сторонами) известный тип: «Хоть с волками жил — не по-волчьи выл — блял песенки всё козлиные. И пощипывал он травку и нагуливал бока...». И дальше еще определённое: «берегли Козла как наследника, - вышло даже в лесу запрещение с территории заповедника отпускать Козла отпущения». Но это положение «несчастливого» Козла отпущения со времен Владимира Семеновича изменилось радикально, хотя великий бард пророчески наметил вектор этого изменения: «правит бал Козел не по-прежнему: он с волками жил — и по-волчьи взвыл, - и рычит теперь по-медвежьему».

Возвращаясь к двум совершенно различным оценкам ЯВЛЕНИЯ ВЫСОЦКОГО, следует еще раз отметить настойчивое стремление к примитивизации этого ЯВЛЕНИЯ Александром Шойхетом — и к запредельному толкованию его Федором Раззаковым, — и у каждого с наперед заданной установкой. Высоцкий — средний поэт и средний актер у Шойхета — и он же манипулятор сознанием громадного государства у Раззакова, — что буквально полярным разбросом этих представлений некоторым образом напоминает уникальный диапазон иных сравнений у самого Высоцкого: «А вот теперь я к встрече не готов: боюсь тебя, боюсь ночей интимных, как жители японских городов бояться повторенья Хиросимы». А ведь это «всего лишь» из одной из «блатных» песен начинающего барда — пока Владимир Высоцкий еще «не вращает Землю», пока он еще не стремится в «гости к Богу»!!!

«Он умер от передозировки разными истинами часто несовместимыми, ибо не играл, а жил в роли, а между ним и поэзией не было необходимой для выживания дистанции», — очень точно фиксирует Валерия Новодворская. И это опять-таки контрастирует с бытующим (как

у того же Шойхета) представлением о Высоцком, как о среднем актере, поскольку, мол, он всегда играл самого себя. Но предельного, не сценического воплощения он достигал в своих гениальных песнях, выявляя глубинную, стержневую суть своей личности. И мало кто из великих умел понять (тем более – признать) то отступление от правды, которое диктуется не кем-то, а самой многомерностью нашего земного бытия («В чём угодно меня обвините – только против себя не пойдешь: по профессии я усилитель, – я страдал, но усиливал ложь», – признается Поэт от имени микрофона. Ничтожно выглядят на фоне этих самопризнаний и обвинения в мифологизации войны: «ложь» мифа необходима как сама жизнь, истины абстрактной просто не существует, как не существует и истины формальной, выраженной в датах и цифрах. Миф, а не «история с географией» лежит в основе самоопределения любого народа. Миф служит реперной точкой при написании любого исторического учебника, потому что прежде чем учебник будет написан, он уже должен сформироваться в мозгу его автора.

Благороднейший пример такого мифа: Пушкин – наше всё. И вот теперь, спустя 33 (умный – поймет!) года со дня смерти Владимира Высоцкого следует сказать, что миф Высоцкого состоялся. В статье «Амок» российский критик Виктор Топоров пишет: «Высоцкий предложил отечественному мужчине главное – лестную самоидентификацию. Лестную – и универсальную. Сам он ей соответствовал, большинство других – нет, но это уже не имело значения. Высоцкий – еще при жизни – стал идиолом. Стал идеалом, а, главное, интегралом <...> советски-антисоветского человека в его единственно имеющей значение ипостаси. Мужчина, а не облако в штанах – не им сказано, но им сыграно, им спето, им прожито».

Очень верное определение.

Евсей Цейтлин

Загадка Владимира Порудоминского

Из цикла «Откуда и куда»

первые дни марта 1998-го я получил из Германии плотную стопку машинописных страниц. Это были воспоминания писателя Владимира Ильича Порудоминского. По странному, а, может быть, символичному совпадению повествование называлось: «В начале марта». Читателю, пожалуй, многое станет яснее, если я упомяну и подзаголовок: «Семейные мелочи 1953 года».

Весна в Чикаго – едва ли не единственное время, когда легко и спокойно дышится. Но, знакомясь с записками Порудоминского, я задыхался: текст был пронизан страхом – неотвратимым и едким, как дым крематория. Владимир Порудоминский рассказывал о собственных хождениях по мукам, в которое для него превратилось устройство на работу в самый разгар «дела врачей». Молодой еврейский парень, вернувшийся из армии, а до того окончивший редакторский факультет, ощущает плотную, хоть и незримую, стену, выросшую между ним и миром. Ну а откуда эти два слова в подзаголовке – «семейные мелочи»? «Конечно, *мелочи!* – настаивал автор. – ...Совесть не позволяет поименовать их иначе в пространстве и времени, где, по давнему слову, взглянув окрест себя, видишь страдания человеческие, горе и гибель».

Я думал тогда и о редком таланте мемуариста: его необычайно пластичный стиль схватывал и объединял в одну картину пронзительные портреты, случайные словечки, неслучайные умолчания эпохи, когда многое точно прочитывалось между строчками партийной газеты. Однако я не догадывался: эти воспоминания положили начало замечательной, поистине своеобразной прозе Порудоминского.

Иногда спорят: что же дает литератору эмиграция? Голоса спорящих, как правило, пессимистичны. А я часто вспоминаю при этом старого писателя Владимира Ильича Порудоминского: именно в эмиграции он обрел подлинное бесстрашие поисков.

Отвечая на одну из анкет, Порудоминский как-то написал: «Признаюсь, когда я уезжал из России, я был убежден, что моя активная

жизнь, тем более профессиональная работа, завершена, и предполагал совсем иной сценарий своего дальнейшего существования. Но здесь я почувствовал раскрепощение, освобождение от многого, что меня угнетало, мешало в каждый данный момент жизни наиболее полно выявлять себя».

Кого-то это признание могло удивить – могло даже показаться: автор отодвигает от себя свои старые работы. Между тем в книгах Порудоминского никогда не было и налета конъюнктуры. Книги эти, выходявшие в популярных сериях «Жизнь замечательных людей», «Жизнь в искусстве», «Писатели о писателях», открыли тысячам, если не миллионам, читателей биографии, судьбы, художественные миры: Владимира Даля и Всеволода Гаршина, Николая Ге и Михаила Врубеля, Карла Брюллова и Николая Ярошенко, Ивана Крамского и Александра Полежаева, Ивана Пущина и Александра Афанасьева, Николая Пирогова и Ивана Голикова...

И все же Владимир Порудоминский был абсолютно прав, рассказывая о своем «раскрепощении» в эмиграции.

Говоря о работе писателя, часто вспоминают приветствие, которым обменивались в начале двадцатых годов прошлого века в Петрограде члены литературной группы «Серапионовы братья»: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно...» Полезно однако задуматься – в чем трудность? Разумеется, не просто изо дня в день водить перышком по бумаге или часами сидеть у компьютера, ища точный образ. Но гораздо тяжелее отыскать – в самом себе! – новые творческие возможности, решительно уйти от себя прежнего. С каждой новой вещью «начинать все сначала», словно и не было десятилетий литературного труда.

Я не раз размышлял о том, почему проза Порудоминского, которую он стал писать в эмиграции, до сих пор по-настоящему не оценена, а его художественные открытия не осмыслены критикой. Причин тому две. Почти все, что публикуется писателями-эмигрантами, традиционно проходит мимо столичных рецензентов: в их представлении эмиграция – это далекая, скучноватая провинция. К тому же в самих произведениях Владимира Ильича есть свойство, делающее их как бы не слишком приметными.

В предисловии к книге Порудоминского «Пробуждение во сне» прекрасный поэт и критик Татьяна Бек так описывала свои попытки найти ключ к «загадке» этой прозы, жанр которой подчас трудно определить: «Литература повышенного правдоподобия? Автобиографическая эссеистика? Словесный рисунок с натуры? Так или иначе – перед нами лирическая проза, где повествователь (он же – главный герой) чрезвычайно близок к автору, но не тождествен с ним, ибо не эгоцентричен. Он сгущает в себе время, пространство, историю...»

Не знаю, формулировал ли когда-либо Порудоминский главную тему своих исканий. Но для меня очевидно: его прежде увлекает художественное исследование памяти. Один из его персонажей, в голосе которого легко узнаю интонации самого Владимира Ильича, размышляет: «Иногда я думаю, что это не мы по собственной охоте... вспоминаем

прошлое, а оно требовательно напоминает нам о себе. Ведь оно только и живо, пока живем мы... Нас становится все меньше, и оно сужается, уходит, перестает существовать вместе с нами». Это одно из многочисленных определений памяти в прозе Владимира Порудоминского. Так – легко, вроде бы, между прочим – рождаются сюжеты его повестей и новелл «Похороны бабушки зимой 1953 года», «Пробуждение во сне», «Короткая остановка на пути в Париж», «Позднее время», «Трапезы теней», «Частные уроки».

Меня завораживает в этих вещах *течение* жизни. Иногда кажется: *течение* это бурно, непредсказуемо. Но потом, приглядевшись, замечаешь в происходящем четкий, хоть и не сразу различимый, *жизненный план*. Я почувствовал это в одной из первых повестей Порудоминского «Неоконченная соната». Героиня повести, пианистка, бессильно пытается ответить на вопрос: почему и для чего она выжила в Холокосте? Пытается уловить какой-то высший смысл в том, что произошло с ней (в гетто девочку-вундеркинда неожиданно спасла музыка). Смысл? Да ведь он прост: искать ответ. И по-своему выражать эти поиски в музыке. «За двадцать лет скитаний она поняла, сперва чувством, а после и умом, что, только постоянно передвигаясь по белу свету, она всюду своя...» Останавливаясь, героиня «тотчас начинает чувствовать себя пчелой, которую видела однажды в энтомологическом заповеднике: пчела жила в улье, но была отделена от роя стеклянной стенкой». Героиня приняла странную неизбежность такого *ритма* своей жизни. Не поняла только: это и есть *ответ*.

Холокост подчеркивает, обостряет тему памяти.

Течение жизни, вдруг обнажающее истину, захватывает нас и в маленьком шедевре Порудоминского «Розенблат и Зингер». Мемуарный зачин опять максимально приближает к читателю происходящее. И вот они перед нами – двое погонщиков ослов в Ташкенте. Усмешка судьбы? Когда-то богатые торговцы бельем в Берлине и Вене, они теперь не имеют даже постели – спят на полу, в конуре под лестницей, в «каком-то логове из соломы и тряпья». Зато они, убежавшие от нацизма, владеют наконец-то истиной и даже пытаются передать ее еврейскому подростку из Москвы – тот, по счастью, бойко говорит по-немецки. Мальчик тоскует: в эвакуации он впервые столкнулся с антисемитизмом, а ведь «еще недавно я часто слышал от близких, что у нас, в Советском Союзе, мы позабыли, что мы евреи...»

Истине несколько тысяч лет, однако люди упорно отталкивают ее от себя. «...Розенблат смотрел на меня с сожалением; его веки были докрасна выжжены чужим азиатским солнцем. – Мальчик, – повторил он, – забыть есть взаимное дело. Мы тоже забыли когда-то, что мы евреи. По воскресениям Розенблат надевал черный фрак, цилиндр на голову, садился в коляску и ехал в кирху. Немцы улыбались мне и говорили: "Гутен таг". И я улыбался немцам, приподнимал цилиндр и говорил: "Гутен таг". Но на другой день после прихода Гитлера оказалось: немцы не забывали, что я еврей. Они уже не говорили мне: "Гутен таг". Нелзя забывать, мальчик, что ты еврей, раньше, чем это забудут другие».

Почему еврейская тема неожиданно стала насущной для писателя («еврейские» вещи Порудоминского составили его сборник «Уходящая натура»)? Автор ответил на этот вопрос в одной из статей: «Мартин Бубер называл евреев “общиной, основанной на памяти”».

...В часы бессонницы я не раз в эти годы напоминал себе: в Кельне уже утро; спрашивал мысленно: что делает сейчас мой старший друг? Что у него нового? И, конечно, думал о «загадке Порудоминского»: разумеется, она не в сложных координатах его новой прозы, а в блистательной и всегда таинственной победе творческого духа над временем, которое жестоко, как ненужный листок календаря, обрывает наши дни, труды и намерения.

Когда-то Порудоминский написал вместе с историком и писателем Натаном Эйдельманом работу о болдинской осени Пушкина. Не сомневаюсь: эмиграция стала его собственной болдинской осенью. Я не пытаюсь сейчас даже перечислить сделанное им за эти годы.

Восемь лет Владимир Порудоминский обрабатывал и готовил к печати уникальный дневник, который вел в Виленском гетто его дядя Григорий Шур. Книгу перевели на многие языки, она имела шумный успех.

А Владимир Ильич писал позже: «Близкое знакомство с материалами Катастрофы – одно из сильнейших переживаний моей жизни». Добавлю: это и важнейший источник его тихой, но зачастую потрясающей читателя еврейской прозы.

Меня ничуть не удивило то, что наряду со вселенской еврейской болью Порудоминского притягивала в те же годы и немецкая боль. Над книгой «Планк, сын Планка. Фрагменты ненаписанной биографии» Владимир Ильич начал работать, точно услышав чей-то негромкий голос. Оказалось, что в доме, где поселилась его семья, хранятся материалы о жизни Эрвина Планка. Сюжет этой трагической судьбы подобрал многое: Эрвин был сыном знаменитого физика Макса Планка, умным политиком, последним управляющим делами правительства Германии (до прихода к власти Гитлера), участником немецкого Сопротивления, наконец, был казнен после покушения на фюрера в июле 1944-го.

Именно в эмиграции Порудоминский подвел итог своим долготным исследованиям о Толстом. Я держу сейчас в руках три книги Владимира Ильича, посвященные великому старцу из Ясной Поляны. Помню, меня поразила работа Порудоминского «Цвета Толстого» – свод необычайно интересных наблюдений о том, как в зависимости от эмоционального состояния героев меняются краски писателя. А книгу «Если буду жив или Лев Толстой в пространстве медицины» я уже давно вновь и вновь перечитываю – погружаюсь в космос Толстого: там повсему сосуществуют и спорят «диалектика души» и «диалектика тела».

...Все мы – в том числе и писатели – приходим в этот мир со своей особой миссией, которую должны осознать и исполнить. Эта мысль, повторяясь, тревожно звучит в книгах Порудоминского о строителях и хранителях русской культуры. Но о собственной миссии он, всегда избегая пафоса, говорить не любит.

Я позвонил ему через несколько дней после того, как ушла из жизни Надежда Васильевна – жена, друг, бесконечно дорогой ему человек. Даже через океан я почувствовал, как ему тяжело сейчас. Но Владимир Ильич произнес, думая о своем: «Надя уже свободна, уже выполнила свой урок».

Так сказать мог только человек, глубоко верующий в Создателя и в Его высший замысел.

Михаил Сидоров

Нехорошая пятимерная квартира

лагодаря одному правдивому рассказчику доподлинно известно, как проходит ежегодно весенний бал полнолуния. И этого яркого, красочного и детального повествования нам вполне достаточно: вряд ли у кого-либо из читателей и читательниц «Мастера и Маргариты» возникнет желание принять когда-нибудь непосредственное участие в этом грандиозном мероприятии. Между прочим, нынешней весной оно снова состоялось в очередной раз, уже в наступившем тысячелетии. А сколько новых гостей пополнило ряды приглашенных на бал ста королей за те десятилетия, что минули со дня визита Воланда и его свиты в Москву! И каких гостей – перед их деяниями неблагоприятные поступки Фриды и госпожи Тофаны кажутся детскими шалостями! И опять какой-нибудь гаер, вроде Фагота-Коровьева, чтобы успокоить очередную Маргариту, развлекал ее веселой болтовней.

Не исключено, что при этом речь снова зашла об удивительных свойствах пространства и о возможности его раздвижения до черт знает каких пределов – надо же как-то объяснить королеве, откуда взялось помещение для столь масштабного шоу. Теперь, с учетом новейших достижений теоретической физики, даже и без конкретных примеров из криминальной практики, также шагнувшей далеко вперед, «ихний помощник» мог бы поразить воображение «черной королевы» рассказом о 26-мерном пространстве (теория бозонных струн) или, как минимум, о 10-мерной модели физического вакуума. Ведь все теории, как было когда-то сказано организатором бала, стоят одна другой; дело лишь во времени, в эпохе. Кстати, почему в романе Булгакова говорилось именно о пятимерном пространстве?

Оказывается, вопрос о числе измерений нашего пространства занимает человеческий ум с незапамятных времен. Так, в Книге Творения (Сефер Йецира), написанной, согласно преданию, еще патриархом Авраамом, за тысячу лет до Синайского откровения, говорится о том, что мы живем в ... пятимерном мире: три измерения – пространственные, четвертое – временное и пятое – духовное, отмеряющее «расстояние» между добром и злом. Впечатляет, не правда ли?

На каноническое значение числа 5 в булгаковской мениппее еще в семидесятые годы прошлого века указывал Борис Гаспаров (дом номер

302-бис: $3+0+2=5$; квартира номер 50 – аналогично; Пилат – пятый прокуратор Иудеи и т.д.). Правда, в его работе, опубликованной в «*Slavica Hierosolimitana*» (vol. III, 1978), пятимерное пространство не упоминалось в криптографическом контексте. Думается, не лишена основания и естественнонаучная версия предпочтения, отданного Булгаковым пятому измерению.

В 20-30-е годы в Советской России и СССР было издано немало работ по специальной и общей теории относительности: статьи и книги А.Эйнштейна, Г.Минковского, А.Эддингтона, научно-популярные брошюры отечественных авторов. В 1923 году издательство «Academia» выпустило книгу А.Фридмана «Мир как пространство и время». Напомним, что именно замечательный российский математик Александр Александрович Фридман (1888-1925) опубликовал в 1922 году статью, содержащую динамическое решение эйнштейновских уравнений поля, которое легло в основу космологической модели расширяющейся Вселенной, теории Большого Взрыва и пр.

Михаил Булгаков, как человек образованный, несомненно, находился в курсе успехов современной ему науки. Недаром же в его фантастической комедии «Иван Васильевич» (1935) изобретатель Тимофеев в разговоре с глуповатым, но чрезвычайно бдительным управдомом Буншей-Корецким сетует: «... Как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...»

Возможно, писатель был наслышан и о том, что в 1921 году математик и лингвист Теодор Калуца выдвинул идею пятимерного пространства-времени, отличавшуюся, по мнению «отца» релятивистки, «удивительной формальной простотой». Его единая полевая теория гравитации и электричества позволяла объединить тяготение и электромагнетизм: в пятимерном пространстве уравнения тяготения Эйнштейна для четырех координат совпадают с обычными уравнениями тяготения, а пятая координата приводит к уравнениям Дж. К.Максвелла. Движения в пятом измерении, как предполагал шведский физик О.Клейн, нет потому, что оно замкнуто само на себя, или компактифицировано (наподобие цилиндрической поверхности). К похожим результатам пришел и советский физик-теоретик Юрий Борисович Румер (1901-1985), друг Л.Д. Ландау. Находясь на стажировке в Геттингенском университете в 1927-1932 годах, он был ассистентом Макса Борна. В своих работах по «пятиоптике» (см., например, статью в «Еврейской Старине», №5/2003) Ю.Б. Румер также включил электромагнитное поле в схему общей теории относительности и расширил размерность пространства-времени до пяти.

Переходя в пятимерное пространство, визитеры из свиты Воланда могли видеть трехмерную картину нашего мира во времени – четвертом измерении – как в ту, так и в другую сторону, то есть в прошлое и будущее, подобно тому, как мы смотрим фильм на двумерном экране (нечто похожее в «Театральном романе» увидел и Максудов, когда из журнальной страницы выросла вдруг живая трехмерная картинка). Значит, не зря и английский философ Данн утверждал, что будущее уже

существует, и одно из доказательств этого – пророческие сны (см. статью Х.Л. Борхеса «Время и Дж.У.Данн»). Отсюда – и «завтрак у Канта», и неприятно поразивший Берлиоза (и сбывшийся) «прогноз» Воланда, и точное предсказание Коровьевым судьбы «бедного человека» – буфетчика Варьете Сокова.

Итак, мы вправе допустить, что М.Булгаков имел представление о некоторых выводах из общей теории относительности, и выбор им пятимерного пространства в качестве убежища для Воланда и его компании – не случаен. В упоминавшемся выше исследовании Б.Гаспарова сказано вскользь и о сюжетных неувязках второй части романа. Рассмотрим подробнее одну из них, наиболее очевидную для «проницательного читателя», в главе 30-й и эпилоге.

После бала у сатаны Маргарита наконец-то встречается с Мастером – Воланд переместил его из клиники в «нехорошую квартиру». Когда же создатель романа о Понтии Пилате робко заметил, что его «в больнице хватятся», в руках у Коровьева оказалась история болезни Мастера, которая тут же была сожжена в камине. В какой-то момент ночной беседы «Аннушка» как бы вновь «пролила масло», и перед Воландом раскрылась многозначная картина дальнейших событий; он увидел все, что может произойти в будущем, и выбрал вариант. Поэтому на Маргаритино «Прощайте!» он сдержанно ответил: «До свидания», а несколько позже поручил Азazelло все устроить.

Отравив Маргариту и Мастера, рыжий бес отправился в особняк, где проживала героиня романа, чтобы «проверить, все ли исполнено, как нужно». Оказалось, что да (а могло ли быть иначе?): «Азazelло видел, как мрачная, ожидающая мужа женщина вышла из своей спальни, внезапно поблелела, схватилась за сердце и, крикнув беспомощно:

– Наташа! Кто-нибудь... ко мне! – упала на пол в гостиной, не дойдя до кабинета.

– Все в порядке, – сказал Азazelло. Через мгновение он был возле поверженных любовников».

Итак, тело Маргариты осталось в особняке, где она жила с нелюбимым мужем; душа же ее находилась теперь вместе с душой Мастера в подвальной комнате после «реанимации», проведенной вернувшимся из особняка Азazelло. До отравления же Маргарита была с Мастером и телом, и душой, так как в начале тридцатой главы говорилось, что о возвращении в особняк, за вещами, «нечего было и толковать». Вернуться все же пришлось, но не за вещами, а к вещам.

Далее. Мастера похитили из «дома скорби», как уже отмечалось, в ночь бала у сатаны. Но после смерти, пролетая вместе с Азazelло и Маргаритой над Москвой, Мастер решил попрощаться с Иваном, еще находившимся в клинике Стравинского.

Протившись с душами своего учителя и его любимой, Иванушка имел разговор с доброй Прасковьей Федоровной, и та, после короткого запираательства, призналась поэту: «Скончался сосед ваш сейчас». На это Иван сказал спокойно: «Я так и знал. Я уверяю вас, Прасковья Федоровна, что сейчас в городе еще скончался один человек...

– это женщина». Этой женщиной, разумеется, была Маргарита, умершая в особняке (или – в подвальной комнате?).

Известна так называемая прямоугольная матрица Исидора-Михаэли, якобы доказывающая бессмертие человеческой души исходя из законов сохранения. Выглядит она так:

0 1 1

0 1 0

Верхняя строка матрицы определяет наличие или отсутствие сознания (или души человека), нижняя – тела: 0 – нет, 1 – есть. Столбцы здесь – дискретные состояния, «вехи»: до рождения индивидуума, от рождения до смерти, после смерти. Число нулей и единиц – одинаково (по три), отсюда и соответствующий вывод.

Допустим, что после смерти человека как биологической особи, для его бессмертной души времени не существует. Иными словами, нет разницы между «теперь», «раньше» или «позже». Но кого же тогда, в любом случае, похитили ночью, до разговора Ивана с добродушной фельдшерницей, – «живьем»! – из номера 118-го клиники и доставили в квартиру номер 50?

Наконец, в эпилоге, где подводится итог следствия по делу «преступной шайки», сообщается об исчезновении из Москвы Маргариты Николаевны и ее домработницы Наташи. Кто же тогда умер в особняке? Зачем суетился Азazelло, «клонировав» Маргариту и имитируя ее естественную смерть вне подвальной комнаты? Кто похитил ее тело? Выходит, рыжий бес сработал не совсем чисто, что на него не похоже. Для следствия также, говорится в эпилоге, осталось совершенно неясным «побуждение, заставившее шайку похитить душевнобольного, именуемого себя мастером, из психиатрической клиники». Так похитили Мастера, или он все-таки скончался?

По опубликованному тексту романа, цепь событий выглядит следующим образом:

1) в ночь весеннего бала полнолуния Мастера похищают из клиники;

2) следующий за этой ночью день он вместе с Маргаритой проводит в подвальной комнате;

3) Азazelло по поручению Воланда убивает в подвале Маргариту и Мастера и инсценирует смерть первой в особняке;

4) через несколько часов после «похищения» Мастер умирает в клинике, о чем Прасковья Федоровна сообщает Иванушке. Примерно в это же время в Москве умирает «еще один человек» – возлюбленная Мастера, об этом уже сам Иван говорит фельдшернице;

5) следствие констатирует похищение «номера сто восемнадцатого из первого корпуса», а также Маргариты с Наташей, не говоря ни слова об их смерти.

Противоречия в содержании главы тридцатой и эпилога, индетерминистские несоответствия – налицо. Самая простая и наиболее вероятная их причина – отсутствие окончательной правки текста автором. Ну не мог художник, который так тонко и искусно сплел замысловатую мистическую сеть символов, ассоциаций, аллюзий, метонимий и т.п.,

проглядеть эти явные нестыковки! Может быть, они – след какой-то сюжетной линии, задуманной Булгаковым; однако в той трагичной для писателя ситуации («Пора! Пора!»), когда в вынужденной спешке компоновался бессмертный роман, она не была реализована из-за нехватки времени, да так и осталась в тексте в виде закрученной неувязки. Кто знает, кто знает...

Но как не хочется, чтобы в «герменевтике» такого произведения, как «Мастер и Маргарита», даже в незначительных деталях имелся элемент тривиальности! А что если все эти разночтения, эти нарушения причинно-следственных связей как раз и объясняются выходом персонажей романа в пятимерное пространство-время, исполнением желания задержать, продлить праздничную полночь? Не из-за этой ли задержки, не из-за этих ли многочисленных «нуль-транспортировок» людей и предметов поле событий деформировалось и все так перепуталось?

Конечно, особый статус Воланда и его присных позволял им беспрепятственно перемещаться в пространстве и во времени, совершая свои козни: там зарезали Иуду из Кириафа, здесь застрелили барона Майгеля... Но уже Иван Бездомный, слушавший рассказ «профессора-консультанта», а потом с невероятной скоростью, но безуспешно гонявшийся за ним по Москве, на себе испытал опасность игр с обитателями «пятого измерения». Что же говорить о последствиях хотя и почти бесконфликтного, но весьма тесного контакта с нечистой силой для Маргариты и Мастера!

В итоге в романе – быть может, даже помимо воли самого автора – словно бы осуществилась реализация виртуальных событий: описано и «происходит» как то, что «было на самом деле», так и то, что могло бы случиться. Или: для простого, «земного наблюдателя» картина событий одна, а для действующих через «пятое измерение» лиц – иная.

В «мирах братьев Стругацких» знаменитый писатель Д. Строгов произнес фразу, предвосхищенную замечательными фантастами: «Понять – значит упростить». Много загадок оставил нам великий мастер Михаил Булгаков. Стоит ли сегодня упрощать творение правдивого рассказчика, разрушая тем самым таинственную и притягательную красоту непонимания?

Ирина Маулер, Михаил Юдсон

Дороги Городницкого

Александр Городницкий – поэт, бард, доктор геолого-минералогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института океанологии РАН. Александр Моисеевич исходил, объездил, исплавал весь мир, много раз опускался на дно морей-окианов и поднимался за облака. Но среди множества его воздушных путей и морских дорог есть, пожалуй, важнейшая для нас – поэтическая стезя, волшебнo-эфирный тракт. Городницкий – бард из той звездной плеяды Держателей Неба (не массолитные атланты, а таланты!), чье творчество помогало и помогает нам обитать на земле. Нынче мэтру – восемьдесят. Поздравляем и поговорим.

- Как и когда вы написали свою первую песню и стихотворение?

- Все началось с того, что мы с другом в 7 классе пошли записываться в художественную студию при Дворце пионеров в Ленинграде (впоследствии он, кстати, стал профессиональным художником) – а студия в этот день не работала. Но зато была открыта другая, литературная, в которой статный, красивый человек в офицерской гимнастерке читал стихи. Мне так там понравилось, что я спросил, что надо сделать, чтобы поступить туда. В ответ услышал, что надо написать два стихотворения и один рассказ, что я и сделал за пару дней. Между прочим, одно стихотворение было про геологов, оно сохранилось до сих пор.

- Чем занимались ваши родители и каким видели ваше будущее?

- Моя мать – учительница, отец – инженер. Мое будущее они связывали с технической специальностью – считали, что еврейский мальчик не может заниматься искусством, так как не должен зависеть от жизненных обстоятельств (и тем более – необходимости продаваться). Поэтому я закончил горный институт и работал много лет в геологических экспедициях. Никогда не хотел учиться ни в Литературном институте, ни на факультете журналистики.

- Вы стали доктором геолого-минералогических наук, объездили весь земной шар. Где вы чувствуете себя особенно хорошо?

- Есть места, где я чувствую себя дома, а есть такие, где ощущаю дискомфорт. Дома – это в Ленинграде, а комфортно – ну, может быть, в Новой Зеландии. Комфортно – это для меня там, где нет чувства опасности. Вот в Израиле, как ни странно, я никакой опасности не

чувствую. Наоборот, здесь я ощущаю себя защищенным. Точно так же здесь себя чувствуют мой сын, трое внуков и семь правнуков. А в Петербурге, дома, не надо думать, как ты дышишь – дышишь, и все. Главное – на русском языке.

И в самолет войдя «Аэрофлота»,
Услышав непривычные пока,
Опознанные с полуоборота
Созвучия родного языка,
Вздыхаешь облегченно от сознания,
Что ими мир наполнен, наконец.
Так переводит радостно дыханье
На берег воротившийся пловец.
Ах, Родина, которой нет прощенья
За черноту ее неправых дел.
Все будет после – горечь возвращения,
И тягостный российский беспредел.
Но, школьную припоминая фразу:
«Не может быть, чтобы такой язык...»
Ты все грехи ей отпускаешь сразу
За этот не продляющийся миг.

- Какие качества в друзьях вы цените, а какие – не терпите и не прощаете?

- Ценю преданность, не прощаю предательства. Но есть еще одна важная категория людей – собеседник. Она очень редко встречается, и я очень ценю тех, с кем можно просто поговорить.

- Как по-вашему, существуют ли идеальные женщины? И какой должна быть женщина, чтобы увлечь мужчину?

- Нет, идеальных я не встречал, да и не должны они быть идеальными. По-моему, в женщине главное – сексапильность. Еще Лермонтов говорил, что не любит женщин с характером, да и Пушкин был того же мнения, а я присоединяюсь к великим.

- Ваш любимый литературный жанр?

- Люблю поэзию, прозу. Но с тех пор как в качестве члена жюри Букеровской премии я должен был за полгода прочесть тридцать восемь романов, – читаю мало. Однако много времени я отдаю литературному общению.

- Кем вы себя считаете – поэтом или бардом?

- Я не называю себя громким именем поэт – это решает время, но одно сказать могу – к литературе я ближе, чем к науке.

- Где вам легче пишется – дома, в дороге, на отдыхе?

- Этот стол с резной оторочкой

В стародавнем я завел году.
Я за ним не написал ни строчки, -
Все писалось больше на ходу.
В самолете, поезде, палатке,
На судах военных и иных,

Я стихи записывал в тетрадке,
Не заботясь более о них.
Я кропал стихи в маршрутах тяжких,
Под сосной отыскивая кров.
Сохранились пятна в пикетажке
От туда попавших комаров.
И в шторма, над палубою скользкой,
Где вода соленая текла,
Не страдал ни разу я нисколько
Оттого, что не было стола.
А теперь, с улыбкою печальной,
Ничего не пишущий давно,
Я взираю, как столоначальник,
На его зеленое сукно.
Спальник на скале под бездной млечной,
Рванные палатки на снегу.
Я на них бы этот стол, конечно,
Поменял, да только не могу.
Помню, - через чашу и болото
Двигались мы к цели напролом.
Вы не верьте праздничному фото,
Где сижу за письменным столом

- У меня нет специального времени для поэзии – я все время в поездках. Пишу в процессе. Очень люблю сочинять стихи на ходу, во время пеших прогулок.

- Что для вас еврейство – гордость или груз, избранность или изгойство?

- Я никогда не скрывал, что я еврей, когда это считалось позором, и никогда не кичился этим, когда еврейство стало считаться достоинством. Сегодня в России на смену государственному антисемитизму пришел антисемитизм народный. Еще год назад было опасно вечером ездить в метро, и связано это было с неонацистским терроризмом в Петербурге, о котором вы наверняка слышали. 4 ноября, так называемый День примирения – это на самом деле «день нацистов». В этот день они толпами маршируют по городу, устраивают митинги. Накануне я участвовал в антифашистской демонстрации нас было всего 400-500 человек, и мы чувствовали себя не очень уютно, стоя напротив большой злобствующей толпы.

- Как рождаются ваши песни?

- Главное – это зацепиться за первые строчки, с них-то и начинается, завязывается песня. А вместе с ними появляется и музыка. Никогда у меня не бывает так, чтобы я стал писать стихи на заданную музыку. Для меня это синтез – слова и мелодии. Давид Самойлов считал, что настоящая поэзия не нуждается в музыкальных подпорках. Я же думаю, что это не взаимоисключающие вещи. Вообще, авторская песня – это московское явление. Ведь ленинградская и московская поэтические школы – очень разные. В Москве всегда была «эстрада» – Антокольский,

Окуджава, Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко, Рождественский... В Петербурге поэзия скорей – без театрального эффекта, идущая в глубину, поэзия, которая существует, а не кажется...

- Кого вы выделяете из сегодняшних поэтов?

- Мне ближе других Александр Кушнер и Евгений Рейн, Бахыт Кенжеев, Сергей Гандлевский, Юрий Михайлик...

- Вы много гастролите – кто ваш сегодняшний зритель и отличается ли он от вчерашнего?

- Мой зритель постарел, но на выступлениях стала появляться молодежь. На концерте в Кремлевском дворце съездов, а его вместимость около шести тысяч человек, чуть ли не половину составляло новое поколение.

- Значит, многим до сих пор необходима авторская песня?

- Отношение к авторской песне я хочу проиллюстрировать таким случаем. Я человек филармонический – люблю симфоническую музыку и очень обрадовался, когда меня пригласили выступить в Петербургской филармонии. Правда, чувствовал я себя там неловко, о чем и сказал строгой филармонической даме. И она мне ответила: «А вы не смущайтесь, сейчас сюда и хуже вас приглашают». На российском же телевидении авторскую песню сегодня считают «неформатом» и презрительно называют – духовняк.

- Написали ли вы свою главную песню, или еще нет?

- Я не знаю, какая песня называется главной. Некоторые песни, словно визитные карточки – их зал поет вместе со мной: «Атланты», «Жена французского посла», «Перекаты», «Предательство»... Есть и новые песни, такие, как «Рахель», «Севастополь останется русским» – песни вызывающие слезы, а иногда и неоднозначную реакцию...

- Что вас волнует, о чем вы хотите писать?

- О том, что размываются понятия порядочности, выбора места в жизни, морали.

- Что бы вы хотели пожелать людям, которые читают?

- Я хочу пожелать, чтобы их вкус вырабатывался, воспитывался на талантливых вещах – как в прозе, так и в поэзии, потому что сегодня не всегда легко разобраться, что истинно хорошо, а что плохо. Хочу процитировать моего безвременно ушедшего учителя, замечательного поэта и переводчика, воспитавшего целую плеяду русских литераторов, от Александра Кушнера до Андрея Битова, – Глеба Сергеевича Семенова. На одном из первых занятий литературного объединения ленинградского Дворца пионеров в 1948 году он сказал: «Ребята, я не могу вас научить писать хорошие стихи. Это может только Господь Бог. Но если я смогу научить вас отличать плохие стихи от хороших, то буду считать, что не зря потратил время». Того же я хочу пожелать и всем читателям.

Михаил Моргулис

Вечная великая песня – Париж

е беритесь переделывать старую сказку в реальную жизнь! Испортите сказку, загрязните. Не прижиться ей в этой суете. И не пытайтесь вернуться в старые сказки. Истопчете при входе самое главное, да и будете нелепо выглядеть. Этим сказкам мы давно уже посторонние, и вход нам туда запрещён.

Не смотрите фильмы, над которыми когда-то плакали. Останетесь равнодушными. Не смотрите комедии, на которых умирали от смеха. Будете зевать. Не ищите встреч с женщинами, из-за которых не спали ночами. Будете смеяться над собой. Не ищите всего того, над чем охали. Теперь оханья не будет. Не возвращайтесь к старому. Все уже другое. Старого уже просто нет. Жизнь перевернула прошлые страницы и оставила нам лишь те, которые предстоит прожить. Те, что предназначал для нас Бог.

Не пытайтесь реанимировать мечты.

Мы с вами знаем, что не бывает счастливой жизни – есть только счастливые дни. Просите Бога о таких днях. Вчерашний день ушёл, завтра может не прийти, у нас с вами есть только сегодня. Просите о щепотке счастья на сегодня. За всё благодарите – так советует Библия.

Если вы сможете благодарить не только за улыбки, но и за слёзы – я горжусь вами.

Я был убежден в силу предыдущих рассуждений моих, что в Париж, где был счастлив много лет назад, мне нельзя возвращаться. Но вернулся туда, по Александру Дюма, «20 лет спустя». И, оказалось, что в прошлое иногда можно вернуться, если ты этого невероятно хочешь и просишь Бога помочь тебе. Иногда, вопреки самой железной логике, получается.

Кажется, и у меня, что-то получилось.

О Париже уже давно не рассказывают. О Париже уже только повторяют. Цитируют писателей, художников, режиссёров и даже певцов, если они умные. Называют сотни имен тех, кто писал о Париже. Генералов французской литературной гвардии – Бальзака, Золя, Гюго, Сартра, Камю. Иностранцев – Хемингуэя, Эренбурга, Вульфа, Фитцджеральда, Дали, Бунина. Целая планета повторений, бесконечный список величайших людей.

Писали о Париже хорошо все. Кажется, кроме немцев, которые о Париже непредвзято писать были не в состоянии. Даже Ремарк, в

«Триумфальной арке», не смог передать очарование Парижа, но, может быть, потому, что он описывал оккупированный гитлеровцами Париж.

Французы о немцах писали также немало, и чаще, только плохо. Но одному немцу французы благодарны постоянно – генералу гитлеровской армии фон Хольтицу, коменданту Парижа во времена оккупации. Город был заминирован, заряды установлены в самых знаменитых исторических местах. Когда американская армия подходила к Парижу, Гитлер отдал приказ: «Париж взорвать!» Но генерал фон Хольтиц приказа не выполнил, и Париж был спасён. Так рассказывают французы, а они первоисточник правды и легенд, и не стоит спорить, когда рассказывают красиво. В любом случае, снова подтвердилось, что Париж – город вечный, несмотря на жесточайшую конкуренцию со стороны Рима.

Я летел в это самое заметное, восторгаемое и проклинаемое место в мире, место политической и человеческой проституции, место чванливого снобизма и агрессивного гомосексуализма, место Лувра и Эйфелевой башни, место, где мэр Парижа на параде геев надевает шарик на срамное место и голышом прогуливается по городу. Ну, где вы найдёте подобное! Представьте себе в таком виде Блумберга или Лужкова, и вам всё станет ясно. Наконец, до меня дошло, почему о Париже все и всё знают? Потому что Париж ничего о себе не скрывает. Ничего! Ему уже давно всё равно, что говорят о нём, он занят только собой, впрочем, как и большинство французов. Но почему же там особый воздух и особое состояние? Там запах греха и запах чести. Там страна безбожников и там Бог. Они и закрытые, и надменные, и националисты, и они обворожительны, очаровательны и беспечно прекрасны. Их картавый язык гипнотизирует. В их сарацинских глазах томление и жажда жизни.

Я летел в Париж и вздыхал, не веря, что сказка вернётся. Но произошло чудо, и полёт в старое, ушедшее счастье – повторился. И я сказал в молитве: «Воистину, Ты Бог любви, раз возвращаешь нас в счастье!»

Это был уже другой Париж, но ни одна из написанных строчек о нём не стала лишней. Он не стареет, он только меняется – при Жанне д'Арк, Наполеоне, Де Голле, при ком угодно. Поэтому его называют вечным городом.

Я смотрел на весёлые и грустные лица парижан. На них читались не скрываемые мысли. Слова произносились открыто и откровенно, и я стал забывать, что сказал еще в России: «Не верьте откровенным людям – они самые опасные, ибо стараются внушить вам доверие».

А когда зазвучала в душе бессмертная песня Ива Монтана «Ночью один, улицей тёмной, я по Парижу брожу и брожу...», я вовсе отказался от осторожной своей сентенции, и сдался в сладкий парижский плен. И снова вспомнил Фредерика Шопена, сказавшего сто пятьдесят лет назад: «Париж – это всё, что ты захочешь!»

Конечно, как и во всей Европе, на физиономии Парижа появились новые черты, здесь они алжирские и сенегальские. Но почти все чёрнокожие новые парижане говорят по-французски без акцента. И

свои исламские призывы они выкрикивают на отличном французском. Прибавилось и число знатоков английского. Его стали изучать в школах. Двадцать пять лет назад на парижских улицах от вас отворачивались после вашего «Хэллоу!». В лучшем случае, в ответ бормотали такое, что не разобрал бы институт Берлица. То было другое время.

Помню, в ту пору, во время писательской конференции журнала «Континент», мы зашли с поэтом Львом Халифом в магазин одежды. Халиф перед этим, на правительственном банкете, опрокинул на себя тарелку с соусом и поэтому решил купить новый пиджак. Хозяин магазина не знал английского, как не знал его и Халиф. Поэт долго и тихо говорил с ним по-русски, который хозяин разумел точно так же, как и английский. Не знаю, что хозяин понял из монолога поэта, но через полчаса, покрывшийся испариной, он отдал Халифу собственный пиджак. Но то было время романтики, когда каждого русского считали узником Гулага. Сейчас за такие вещи вызывают полицию.

По-прежнему, в Париже везде слышно «мерси боку!», открыты миллионы ресторанчиков. Есть и русские. Напротив православного собора Александра Невского приткнулся ресторанчик «Петроградъ», на фасаде которого чернявый казачок пьёт известную чарочку. Пришёл почтальон, долго стучал в дверь. Я показываю: «Да нет там никого...» Он руками машет, нет, знаю, что есть. И, представьте себе, в конце концов открывается дверь, и появляется мужик с недовольной физиономией. Впечатление, будто действие происходит сто лет назад. В руках мужика гармошка, прилипшая к губе сигарка, глаза бычьи. А напротив прекрасный собор. И пахнуло таким родным, незабываемым, что даже страшно стало. Так всегда. С одной стороны небеса в куполах собора, с другой – «Петроградъ» с бычьими глазами. Как уживается в человеке, так уживается в стране.

А, вообще, как известно, Россия присутствует в Париже весьма заметно. Из пяти с небольшим тысяч парижских улиц, с русскими названиями – около пятидесяти. Чайковского, Толстого, Сталинградской битвы, Шагала, Москвы, Петра Первого, кстати, первого из русских царей, побывавшего во Франции. А самой русской улицей считается не самая большая, а самая известная – Франко-русская авеню.

Бывшие лачужные кварталы, Пасси, где когда-то ютились русские, убежавшие от большевистского переворота, превратились в один из самых богатых районов. Новое русское поколение, вернее поколение новых русских, почти не знает ни старого, послереволюционного времени в России, ни совсем недавних событий. Не знают о журнале «Континент», Владимире Максимове, Александре Галиче, Викторе Некрасове.

Народ живёт в Париже так, будто смерти не существует. «Удовольствие от жизни» – это давно стало идолом Парижа. В открытых кафе спокойные люди греют на солнышке лица, жмурятся по-кошачьи. Лесбиянки на углах целуются взасос. Вечные парижские голуби, разумеется, снуют под ногами.

Выяснилась новая подробность, связанная с собором Нотр-Дам, собором Парижской Богоматери. Никакой Квазимодо, воспетый некогда Виктором Гюго в его знаменитом романе, звонарём в соборе никогда не

служил и, кажется, вообще, никогда не существовал. И не было никакой жгучей цыганки Эсмеральды. Ну и что с того. «...Над вымыслом слезами обольюсь...». Народ туристский и французский, хочет, чтобы то, что Гюго выдумал, подтвердилось. И верят, и печалятся, и плачут об этой необычайной любви. Посетители в Соборе выстраиваются в огромную очередь. На выходе продают втридорога стеклянные крестики и разные подделки.

У каждого колокола в Нотр-Дам своё, почему-то женское имя. Самый тяжёлый из них, колокол Эммануэль весит 13 тонн и звучит только по большим праздникам своим низким фа-ди-ез.

На Триумфальной арке написано, что битву при Бородине выиграли французы, после чего захватили Москву. Русские в ответ злорадно рассказывают, что слово «шаромыжник» дали французам русские бабы, когда те в злосчастном для них 1812 году, замёрзшие и голодные, заходили в хаты и, прося поесть, говорили: «Шер ами...», что значит «Дорогой друг...» А, мол, русские бабы, что коней на ходу останавливали, замахивались ухватами и кричали: «Пошёл отсюда, шаромыжник!»

Другую легенду, что, мол, слово «быстро» пошло от того, что русские казаки кричали французским официантам: «Быстро! Быстро!», подтверждают, кроме самих русских, только хозяева ресторанчиков на Монмартре и Монпарнасе. Здесь на многих забегаловках так и написано, что именно у них впервые прозвучали казачьи слова: «Быстро! Быстро!» Хотя и это, конечно же, вымысел, но в ответ на ваш скепсис, посоветуют зайти в ресторанчик матушки Катрин, где именно всё началось. Там вам покажут бумаги, подтверждающие эту легенду, с печатями. Я вспоминал Прагу, где вас посчитают сумасшедшим, если вы усомнитесь в существовании бравого солдата Швейка. А в ответ на заявление, что он, мол, вымышленный литературный герой, вам покажут место, где он сидел и пил пиво. И расскажут, какое пиво он предпочитал. Нации гордятся своими легендами и хотят, чтобы все верили этим легендам как чистой правде.

В парках зеленели берёзы, пахла акация. Многие были в кашне и беретах, многие целовались. Многие ели жареные каштаны.

Я сидел на скамье у Сены, напротив музея Д'Орсэ. Совершенно незнакомый француз, увидев в моих руках Библию, подсел ко мне, и, смешивая английские и французские слова, рассказал, что от него ушла жена. Он показал на Библию и попросил помолиться, я вглядывался в его запавшие карие глаза, молился о нём, о людях, страдающих от неумения любить ближнего, о многих скорбящих от неразделённой любви.

Хемингуэй назвал книгу о Париже «Праздник, который всегда с тобой». А потом пришло другое время, и он застрелился. Праздники не длятся долго, если в них не участвует Бог. Да, Париж – это праздник, но на этом празднике опасно засиживаться. Здесь, как говорит Библия, много званных, но мало избранных.

Друзья пригласили нас в «Свиную ножку», ресторан, описанный Эмилем Золя в «Чреве Парижа». Ресторан на том же месте. Только фирменных тушёных ножек там уже в помине нет. Молодые официанты

даже не знают, какой великий француз описал их ресторан. Может, это нормально, может, наступило иное время, когда уже не до прошлого. И всё же – кто стреляет в своё прошлое, убивает своё будущее. Такое часто сбывается, и будущее умирает.

Кто-то из советских писателей когда-то съехидничал, мол, в Сене вода уже давно стала мутной из-за их капитализма. А я подтверждаю, в октябре, во время прогулки на теплоходе, вода в Сене была изумительного тёмно-зелёного цвета, а иногда, освещаясь, становилась почти изумрудной. Сена, извивающаяся меж берегов, была нежной и одурманивающей как русалка. Она плескалась обворожительно ласково. С моста имени русского царя Александра Третьего люди махали нам руками. Мы проплывали мимо этого волшебного города, мимо Лувра, Бастилии, Площади Согласия, моста Мирабо, сада Тюильри, и, конечно, мимо статуи солдата-зуава, по которой измеряют уровень паводка. Ноги в воде – ничего, поднялась вода до пояса – плохо, но терпимо, а вот, когда доходит до бороды – бей тревогу. Мы плыли на теплоходике «Изабелла», под бессмертную мелодию «Прогулок по Парижу» американца Гершвина.

Ну, что, Париж? Его не перескажешь, как нельзя пересказать гениальную музыку. Музыка надо услышать – в Париже надо побывать. Хоть раз.

Возможно, Бог дал нам эту короткую жизнь и вырвал из собственного рабства и для того, чтобы мы побывали в Париже. Есть расхожая фраза, с задыхающимся смыслом: «Увидеть Париж, а уж потом умереть...»

Париж – это витые лестницы и витые носы. Это одухотворенные лица женщин и жадущие лица мужчин. Китайцы называют Париж – Большой цветок.

Несколько великих мест, с которыми мы соприкоснулись в Париже. Эйфелева башня. Её воздвигли к Всемирной выставке 1889 года. И потом должны были снести. Парижане называли её «Большая уродливая баба». Над плохим вкусом архитектора Эйфеля издевались в газетах и на балах. Говорят, что умнейший Мопассан едко ругал Башню, но каждый день взбирался на самый её верх. На вопросы, как такое объяснить, он отвечал: «Это единственное место в Париже, откуда её не видно!». Но, скорее всего, лукавил писатель. Умные ошибаются не реже дураков. Думаю, влекла его к себе эта ажурная баба, какой-то тайной новизной жизни. Спасло башню то, что её стали использовать для нужд радио, а потом и телевидения. Эйфелева башня перестала быть монстром и стала неотъемлемым символом города. Пожалуй, она придает Парижу, я бы сказал, уникальное состояние странности, устремлённой к небу.

Что такое Париж?! Это и клошар с седой гривой волос, сказавший мне: «Уверен, что наших безбожников похвалят на небе за то, что они старались в архитектуре и искусстве отразить Бога...»

Что такое Париж? Это деловой, озабоченный француз, при виде женщины преображающийся, глаза начинают гореть, ноздри, как кузнечные меха, раздуваются. Он ощетиливается иглами любовной игры, он старается уколоть сердце дамы красивой фразой, приглушенным голосом, якобы нечаянным взглядом. Женщина также, в силу

французской традиции, мгновенно преобразается, демонстрирует максимум очарования, с громкого тараторивания переходит на тихое воркование, и вот они вдвоём воркуют, воркуют, воркуют...

Что такое Париж?! Вечером вы распахиваете окно, и напротив вас улыбается в заходящем солнце красная черепичная крыша. В одном из окон дома бледно-зеленые занавеси, за ними кто-то играет на рояле. И в такой сиреневый вечер с зелёными занавесями и звуками Шопена, наверное, не так уж трудно прощаться с жизнью.

Прогулки по Булонскому лесу. Огромные дубы и склонившиеся над озером березы рассказывают о тайнах трёх мушкетёров, конных выездах королей и герцогинь, о звонком привлекающем смехе маркизы Помпадур. По траве бегают маленькие чёрные кролики с мохнатыми мордочками. А один, огромный, белый, с большими стоящими ушами, разлёгся, издали напоминает белого козлёнка. На тропинках рассыпаны большие жёлуди, изредка вам встречаются земляные бугорки, здесь прячутся изысканные трюфели. Над водой стоит беседка, где любил сидеть Наполеон Третий. О чём он думал? Никто не знает. О чём думаем сейчас мы, никто не знает. Один Бог присутствует в тишине. На душе спокойно и грустно.

Их было много, наших открытий. Это были именно наши открытия. Хотя все о них знают, слышали и даже видели.

Лувр – дворец королей Франции, всемирно известный музей. Ему 700 лет. Это культурное зеркало планеты. Лувр пытается отобразить человечество и цивилизацию. И христианство.

Художники здесь присутствуют как великие мастера и наивные дети, а часто, с вполне языческим воображением. Мастерство велико, а понимание христианства и Христа, узкое, почти языческое. Конечно же, Христос показан совсем не таким, каким он был, как и люди, окружающие Его. Женщины Израиля изображены упитанными фламандками или католическими монахинями. Представляя библейские события, художники могли написать лица и фигуры своих покровителей, меценатов. К примеру, изображён Христос на кресте, а рядом с Ним два католических монаха, жившие спустя полторы тысячи лет. На многих полотнах слишком много золота, оно закрыло, пропитанное кровью, простое дерево креста. Нет первоначального Христа, нет бедных людей, окружавших Его. Пропала сама суть христианства. Мир изменили не короли и золото, а Бог, воплощенный в простоте, бедности. И крест – это не место умиления и простодушных слёз, а место кровавого очищения Богом человеческих грехов. Картины, картины, картины...

Но возле некоторых задерживаешься, они вас просто сами задерживают. Вот израненный святой Франциск Ассизский. Кровавые раны на его теле в тех же местах, что и у Христа. Они покрыли тело святого, настолько сильно было его проникновение в состояние Христа, настолько глубоким оказалось погружение в Его страдания и боль. Это явление называется стигматизацией.

Стою напротив картины Лоренцо Коста «Святая Вероника», которую он написал в 1508 году. Вероникой звали женщину, подавшую свой плат Иисусу, когда он шел на Голгофу. Спаситель смог вытереть пот

и кровь с лица. И позже на ткани платка проявилось нерукотворное, «истинное», изображение лица Иисуса. Я вспомнил, что многие считают искусство явлением, отражающим жизнь; если конкретней, то отражением человеческой трагедии или одиночества. И часто, во всех этих проявлениях, искусство, так или иначе, пыталось отобразить Христа, ибо любая человеческая трагедия была ему присуща и знакома, ибо всё – жизнь, одиночество, страдание – это был и Он.

Здесь, в Лувре, есть зал американских художников. И находится там одна необычная картина. На ней воображением художника собраны вместе многие известные американцы. В углу, с женой и дочерью, Фенимор Купер. Знаете, кто художник? Изобретатель знаменитой азбуки телеграфа – Самуэль Морзе. Оказывается, еще до своего выдающегося изобретения он закончил художественную школу Йельского университета и стал высокопрофессиональным живописцем.

И, наконец, знаменитая «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, она же «Джоконда». Как и все, мы подолгу вглядывались в неё. Настоящая картина кажется более блеклой, чем её цветные снимки. Многие знают, что, завораживает не только загадочная улыбка Джоконды, но и её взгляд, направленный исключительно на вас, под каким бы углом к картине вы ни находились. Есть много предположений, кто изображён на ней. Но большинство сходится на том, что это Лиза Жерардини, по мужу – дель Джокондо. По мнению экспертов, глаза Моны Лизы написаны гениальным Леонардо так, словно она и спрашивает у зрителя о его мыслях, и одновременно знает эти потаенные мысли. В этой самой знаменитой улыбке люди видят иронию, насмешку, радость, очарование, даже одиночество и грусть. Никто толком не знает, почему картина обладает таким воздействием. Ясно, что она навсегда завоевала любовь всего мира.

Сотни полотен. Вдруг чувствуешь, что и здесь незримо происходит некоторая переоценка. Вот Гойя. Вдруг стали выглядеть наивными «Расстрел революционера», «Маха одетая» и «Маха обнажённая». Но понимаешь, его картины остались такими же прекрасными, просто я живу сегодня, а гений жил давно.

Париж отражает жизнь и смерть, но он постоянно, своей вечностью и смехом, хочет доказать всем, что жизнь побеждает смерть, даже когда умирают люди. К чему это я? А к тому, что обрыдлое слово «революция» в любом человеке вызывает определенную ассоциацию – гильотины, виселицы, расстрелы, пытки. И Французская революция, гордо назвавшая себя великой, в полной мере подтвердила это. Спустя десятки лет российская революция, взявшая себе это же убогое название «Великая», убьет гораздо больше людей и зальет великой кровью всё, что называлось Россией.

Но сейчас о французах. Они ещё раз подтвердили, что любой, самый мирный народ, может стать безжалостным убийцей, если им управляют фанатики. Французы доказали своей революционной судьбой, что смерть других – тебе свободу не приносит. Вначале убиваешь ты во имя революции, потом убивают тебя во имя той же революции. Как водится, революция пожирала своих детей. Здесь, в стране песен и любви,

создали гильотину (профессор анатомии Жозеф Гильотен таким образом обессмертил свое имя), которая обезглавила многих прекрасных людей – поэтов, мыслителей. Уже в 1870 году, Иван Сергеевич Тургенев, ставший свидетелем гильотинирования, с ужасом описал это страшное зрелище. Гильотину во Франции отменили только в 1981 году, с отменой смертной казни вообще.

Нельзя не вспомнить об отеле «Ритц», на знаменитой Вандомской площади, где жили Шопен, Чехов, Герцен, Лев Толстой. Отель назван в честь его создателя, Сезара Ритца. При строительстве всё здесь было продумано до тонкостей. Даже освещение было таким, чтобы придать лицам свежий румянец. Здесь останавливались многие известные люди, вплоть до принцессы Дианы. Но во мне «Ритц» вызывает другие ассоциации. В нём жили великие американские писатели Скотт Фитцджеральд и Эрнест Хемингуэй, которые когда-то, своими книгами перевернули сознание советской молодёжи, открыли ей мир свободы и прекрасной литературы и научили верить, что в любой ситуации остаётся неумирающая надежда. А с надеждой можно жить и верить.

Латинский квартал. Так это место назвали в средние века, когда студенческая латынь была слышна здесь чаще других языков. И навсегда этот район стал прибежищем молодёжи и художественной богемы. Здесь я узнал, что знаменитый Сорбонский университет закончил не только Гёте, но Чжоу Эньлай. А во дворе Сорбонской церкви похоронен кардинал Ришелье, мрачный герой романа Дюма, в жизни не только великий интриган, но великий человек, основавший Национальную библиотеку и Академию наук. Когда он умер, то плакали и враги. А сам Дюма вспомнил слова кардинала: «Я сделал из умирающей Франции торжествующую Францию». По узким улицам Латинского квартала ходили многие великие этого мира.

Мы сидели в кафе, где бывали Бодлер, Вагнер, Сытин, Нуреев. А похожий на сову, старый патриот Франции, заверял меня, что на этом месте бывал сам капитан мушкетёров Шарль де Батц Кастельмор д'Артаньян, ставший потом прообразом всемирно известного литературного героя.

Мы проезжали знаменитую Бастилию, родоначальницу великой смуты в Европе, место пения «Марсельезы», место потоков крови и обезглавленных тел. Не менее мрачная тюрьма Шатле, где сидел великий поэт Франсуа Вийон. Здесь он написал знаменитую и страшную песню «Баллада о повешенных». Я вспомнил его гениальное стихотворение: «От жажды умираю над ручьём...». Здесь, в Париже, смерть, стоны, смех и радость идут вместе, рука об руку. Все об этом знают, но никто об этом не говорит.

Вот Мулен Руж (Красная мельница), здание с вращающимися мельничными крыльями, здесь великий калека Тулуз-Лотрек создавал вечные картины, здесь в 1893 году родился канкан, в этом месте, освященном великой смелостью искусства, выступали многие: Эдит Пиаф, Морис Шевалье, Фрэнк Синатра, Шарль Азнавур, Ив Монтан, Питер Устинов...

В Париже есть Стена любовных признаний. По всей стене на 31 языке мира написано «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» Написано даже шрифтом Брайля, для слепых. Представляете, сколько здесь было признаний!

Тут бывали и Шопен с Жорж Санд, Марлен Дитрих с режиссером Штернбергом, сотни, тысячи людей. Верите или нет, но в этом месте великий художник Амедео Модильяни и великая поэтесса Анна Ахматова, сидя на скамейке, читали друг другу стихи.

Монпарнас. Хотя его называли парижской школой художников, это всемирная колыбель живописи. Здесь бывали все те, кого потом узнал мир. Их невозможно перечислить. В этих местах и сегодня витает великий духа искусства, бродят тени людей, получивших дар божественного прикосновения.

И заканчиваю словами о печальном и прекрасном памятнике Парижа – русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. По преданию, в V веке на этом месте забил источник святой воды. Одна из великих заслуг «России в изгнании» в том, что она не дала кануть в вечность своим людям. Что сохранён этот источник памяти, мысли, литературы, искусства, духовности, светлых порывов. Это не просто кладбище – это явление. В нём благодать Божья, явленная для всех здесь лежащих. А лежат тут рядом князья и торговцы, генералы и солдаты, белогвардейцы и эсеры, громкие и кроткие, священники и атеисты, богатые и бедные. Всех примирила смерть, всех сделала застывшими в вечности. Кладбище стало цветущим городом ушедших. Здесь вспомнились слова: «Мы не в заслании, мы в послании...».

Здесь ощущаешь всю громадность талантности. Вот, некоторые имена, просто по памяти. Писатели – Иван Бунин, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Иван Шмелёв, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Надежда Тэффи, Борис Поплавский, Виктор Некрасов, Владимир Максимов, художники – Добужинский, Коровин, танцовщики – Сергей Лифарь, Рудольф Нуреев, Кшесинская, философы – Сергей Булгаков, Василий Зеньковский, Николай Лосский, режиссёры – Николай Евреинов, Андрей Тарковский. Здесь же могила человека удивительной судьбы – Зиновия Пешкова. Брат Якова Свердлова, ставший приёмным сыном Горького, взявший настоящую фамилию Горького – Пешков. Во Франции воевал с нацистами, лишился руки, стал бригадным генералом, потом послом. Эти имена – лишь крошечная часть всех, более 10 тысяч, лежащих в русском Пантеоне Франции.

Подхожу к могиле Ивана Алексеевича Бунина. Наверное, лучший стилист из всех отечественных писателей. Первый из русских писателей, получивший в 1933 году Нобелевскую премию. Вспоминаю, как Андрей Седых, владелец и редактор «Нового русского слова», рассказывал мне, как он по-французски писал для Бунина Нобелевскую речь, которая, как потом выяснилось, получилась, мягко говоря, слишком обычной. В отличие от великих произведений Бунина.

И вот, подхожу к могиле моего друга, незабываемого и прекрасно чистого – Виктора Платоновича Некрасова. Лауреат Сталинской премии, один из первых советских писателей, высланных за границу при Брежневе. Ему я посвятил книгу «Сны моей жизни», там, в

посвящении, такие слова «... Виктору Платоновичу Некрасову, Вике, Папе, кого на земле уже нет, но с кем я продолжаю дружить». Вообще, я всегда призываю не смешивать произведения писателя с его жизнью. Это абсолютно разные вещи. В книгах писатели живут совсем другой жизнью. Но в случае с Виктором Платоновичем, эти две несовместимые вещи соединились и в жизни, и в книгах, он был чист, честен, абсолютно порядочен, верен друзьям. Он останавливался у нас в Нью-Йорке, однажды, мы целое лето провели с ним в Вермонте. Боже мой, сколько было тогда сказано! Теперь он здесь. Я ему говорю, «Вика, я тебя описал в другой книге, «Тоска по раю», в книге ты говоришь мне, что там, где ты находишься – не плачут. А я и здесь не плачу. Но вокруг меня, Вика, многие плачут, и я не могу их утешить. И, хотя это не о тебе, но всё равно, немного о тебе, поэтому вспомнились строчки Роберта Рождественского:

«Малая церковка, свечи оплывшие. Камень дождями изрыт добела. Здесь похоронены бывшие. Бывшие. Кладбище Сент-Женевьев де Буа. Здесь похоронены сны и молитвы. Слёзы и доблесть. «Прощай» и «Ура!». Штабс-капитаны и гардемарины. Солдаты, полковники и юнкера. Белая гвардия, белая стая. Белое воинство. Белая кость... Влажные плиты травой порастают. Русские буквы. Французский погост...»

После печали, после жужжащих шумел и благодатной тишины кладбища, мы возвращаемся в бурлящий поток жизни, в этот гигантский страстный театр жизни, под названием Париж. Сцена этого огромного театра – парижские улицы, где действие спектакля-жизни никогда не прекращается.

То, что я вспомнил, только крошечные этюды. Но рассказать о каждой тайне этого города, которую ты подсмотрел – невозможно. Во всём надо уметь останавливаться, пожалуй, кроме любви.

Всё совмещает этот город. Он и проявляет величие в людях, и делает их свободными.

Париж можно сравнить с огромным сердцем. Оно бьётся в ускоренном ритме, оно боится не успеть, опоздать, оно как будто чувствует, что всё в этой жизни заканчивается, умирают и вечные города. Но пока, по воле Божьей, это сердце бьётся, старается познать короткое земное счастье.

А на площади Рене Кассен, опираясь щекой на раскрытую ладонь, лежит огромная голова человека, высеченная из блока, весом в 72 тонны. Скульптура называется «Слух». Человек, будто прислушивается к биению сердца этого неповторимого города.

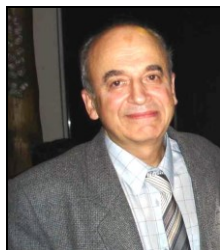
Я прощаюсь с тобой – Великая вечная песня. Сейчас, на время, потом навсегда. Но пока земные шаги ещё продолжают, буду слушать твои слова и мелодии, оставшиеся и звучащие в моем, пусть несравнимо меньшем, сердце. Я уезжаю в другую страну, с самым пронзительным синим небом на земле, в Испанию. И там я тебя вспомню, Париж...

Об авторах

Евгений Беркович — главный редактор журналов «Заметки по еврейской истории» и «Семь искусств», издатель альманаха «Еврейская Старина».

Семён Кутателадзе — математик, доктор физико-математических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН.

Татьяна Кузовлева — поэт, главный редактор литературного журнала "Кольцо А", секретарь Союза писателей Москвы.

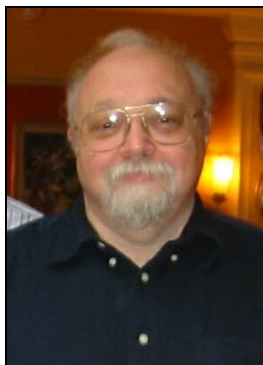
Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Генрих (Хаим) Соколик (1929-1982) – физик, философ

Люсьен Фикс – переводчик, журналист, радиокomentатор.
Автор книги «В эфире "Голос Америки"»

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Елена Аксельрод – поэт.

Людмила Штерн – литератор, научный сотрудник университета Брандайс.

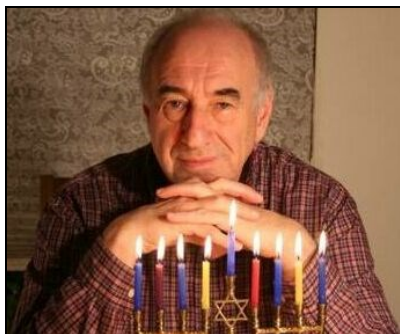
Садя Фридман (1897-1993) – экономист, переводчик.

Виктор Каган – доктор медицинских наук. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга.

Андрей Алексеев – социолог, кандидат философских наук, автор книги о «драматической социологии».

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Жанна Свет – литератор

Александр Бабушкин – поэт, писатель.

Александр Городницкий – профессор геофизики, один из зачинателей советской авторской песни.

Рада Полищук – писатель, член Русского ПЕН-центра, Союза Российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза журналистов России, издатель и главный редактор российско-израильского русскоязычного альманаха еврейской культуры «ДИАЛОГ»

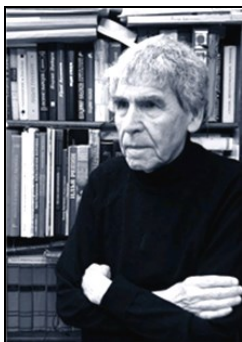
Мина Полянская – член немецкого Пушкинского общества и немецкого отделения международного ПЕН клуба.

Елена Матусевич-Мазур – писатель, художник, филолог.

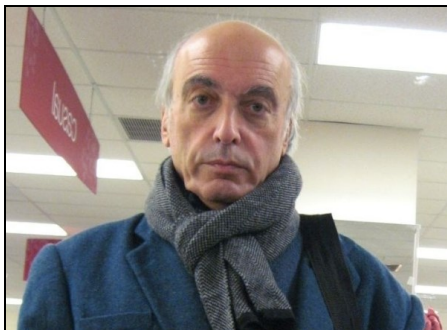
Семен Ласкин (1930-2005) – петербургский писатель, прозаик, драматург, сценарист, искусствовед, историк литературы.

Владимир Порудоминский – писатель, автор научно-популярных и биографических книг. Член СП СССР (1969)

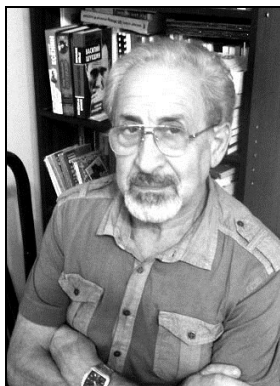
Владимир Гандельсман – поэт и переводчик

Валерий Черешня – литератор.

Соломон Воложин – литературовед.

Ян Майзельс – автор книг стихов и прозы

Евсей Цейтлин – культуролог, литературовед, критик, прозаик. Автор множества книг. Редактор газеты «Шалом»

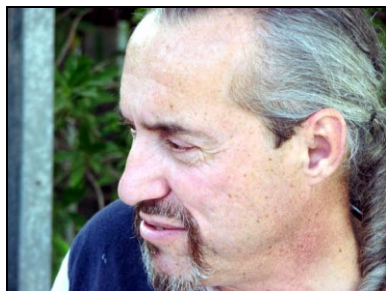

Михаил Сидоров – историк и журналист.

Ирина Маулер – член Союза художников Израиля, член Союза писателей Москвы и Израиля.

Михаил Юдсон – писатель, литературный критик.

Михаил Моргулис – литератор и журналист

Журнал «Семь искусств», июль 2013
Главный редактор Евгений Беркович

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой
540 стр. 28,8 а. л.

ISBN 978-1-291-51079-9

«Семь искусств»
Ганновер 2013

